ПИСЬМА К ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГАМ*

(1848 — 1850)

ПРИЛОЖЕНИЕ: «ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕРВЕГАМ» (ОБЗОР)

ПЕЧАТАЮТСЯ ПО ФОТОКОПИЯМ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫМ «ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДСТВУ» БРИТАНСКИМ МУЗЕЕМ (ЛОНДОН)

Публикация и комментарии Л. Р. Ланского
Предисловие Я. Е. Эльсберга

Настоящая публикация, вводя в научный оборот герценовские письма к Гервегу, относящиеся к 1848—1850 гг., освещает назревание семейной драмы, которая столь тяжко была пережита Герценами и свела Наталью Александровну в могилу. До настоящего времени почти единственным достоверным источником для понимания этого драматического эпизода биографии Герцена служил его собственный рассказ в пятой части «Былого и дум». Теперь рассказ этот во многом дополняется публикуемыми письмами.

В «Былом и думах» Герцен описал свои отношения с Гервегом с той позиции, на которой он стоял в результате окончательного разрыва с ним. Настоящие же письма рисуют нам путь, которым Герцен к этому разрыву шел, постепенно коренным образом меняя свой взгляд на человека, превратившегося для него из самого близкого друга в страстно ненавидимого врага.

Было бы, однако, неверно полагать, что письма к Гервегу имеют лишь узко биографическое значение, освещают только интимную сторону жизни Герцена.

Прежде всего, «частное» в переживаниях и поступках Герцена всегда, если употребить его собственные выражения, было связано с «общим». Со страниц публикуемых писем *личность* Герцена встает во всей ее цельности, особенно рельефно, быть может, потому, что мы видим русского мыслителя и революционера в момент мучительного морального испытания, трудно отделимого от испытания идейного, через которое ему пришлось пройти в эти же годы, после поражения революции 1848 г. К тому же характерные черты Герцена уясняются здесь тем лучше, что мы имеем возможность сопоставить их с личностью его адресата.

Публикуемые письма содержат ценнейшие факты для творческой истории таких замечательных герценовских произведений, как «С того берега», «Письма из Франции и Италии» и «О развитии революционных идей в России», а также раскрывают ранее неизвестные нам творческие планы Искандера.

Наконец, в письмах этих немало любопытных оценок политических деятелей и событий, много подробностей, помогающих лучше представить себе круг идейных и политических интересов Герцена тех лет.

---

* На русский язык письма переведены Е. В. Рунич и Н. Д. Эфрос под ред. С. И. Рошаль. Перевод писем Н. А. Герцен, входящих в состав приложения, выполнен Л. Р. Ланским под ред. М. Г. Ашукиной.

Герцен и Гервег познакомились еще в 1847 г. в Париже, но сблизились лишь во второй половине 1848 г. после неудачи возглавленной поэтом экспедиции немецкого эмигрантского отряда, перешедшего французско-германскую границу для помощи баденским повстанцам.

И в политическом и в военном отношении эта «баденская экспедиция» была авантюрой, против самого замысла которой решительно выступал Маркс (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 5, стр. 478). Однако хотя Гервегу и пришлось спастись бегством (за голову его было обещано вознаграждение), тем не менее не было оснований предъявлять ему те обвинения в личной трусости, которые в то время были широко распространены и вызвали множество насмешек и карикатур (См. Victor Fleury. Le poète Georges Herwegh, Paris, 1911, 145 и след.).

В момент сближения с семьей Герцена Гервег был человеком, глубоко ущемленным в своем самолюбии и надеждах. После того шумного литературного триумфа, который выпал на долю «Стихов живого человека» в начале сороковых годов, и после того как Гервег вкусил политический успех как революционный деятель, он должен был особенно болезненно переживать горечь неудачи.

И письма самого Гервега и воспоминания современников единодушно свидетельствуют о том, что в эти годы он чуждался общества немецких революционеров и демократов, предпочитая не лишенное высокомерия одиночество. Естественно, что при таких обстоятельствах сближение с Герценами было для Гервега особенно желанным и привлекательным: у них он находил успокоение, врачевавшее его душевные раны, богатство духовных интересов, наконец, понимание, полное глубокого такта и бережного отношения. Все это было особенно дорого Гервегу еще и потому, что в своей семье он не мог найти сколько-нибудь полного удовлетворения. Его жена Эмма любила его страстной и неизменной любовью, но достаточно познакомиться с их перепиской тех лет, когда они еще были женихом и невестой (см. «Georg Herwegh's Briefwechsel mit seiner Braut», Stuttgart, 1906), чтоб убедиться, что в том трудном положении, в котором в 1848 г. оказался Гервег, она не могла быть ему подлинной опорой. Восторженная девушка видела в нем тот идеал, о котором она мечтала с отроческих лет, и делилась с ним всеми своими помыслами и чувствами, в письмах же Гервега явно звучит покровительственный тон, да и содержание их определяется главным образом более или менее банальными уверениями в любви и бытовыми подробностями. Но тогда, в начале сороковых годов, Гервег находился в зените своей славы и самоуверенности. Теперь же ему была нужна сильная поддержка, которую Эмма не в состоянии была оказать.

Герцен писал в «Былом и думах»: «Г⟨ервег⟩ ⟨...⟩ искал у нас гармоничного покоя. Он видел в нас какую-то идеальную семью, в которой он все любил, всему поклонялся, детям столько же, сколько нам. Он мечтал о том, как бы уехать с нами куда-нибудь вдаль — и оттуда спокойно досматривать пятое действие темной европейской трагедии.

И при всем этом, кроме одинакового или очень близкого пониманья общих дел, в нас мало было сходного.

Г⟨ервег⟩ как-то сводил все на свете на себя, он отдавался своекорыстно, искал внимания, робко-самолюбиво был неуверен в себе и в то же время был уверен в своем превосходстве. Все это вместе заставляло его кокетничать, капризничать, быть иногда преднамеренно печальным, внимательным или невнимательным. Ему был постоянно нужен проводник, наперсник, друг и раб вместе...» (изд. АН, т. X, стр. 250—251).

Сам Герцен вовсе не подходил для роли такого друга. Гервег попытался найти его в Наталье Александровне, которая не могла не импонировать ему обаянием, силой характера, цельностью, тактом и глубоким умом. Их сближению в высшей степени благоприятствовало душевное состояние, в котором тогда находилась Наталья Александровна. Так же как и сам Герцен, она мучительно переживала торжество реакции, наступившей после июньского поражения парижского пролетариата, крах прежних надежд и ожиданий. Но Герцен находил выход и удовлетворение в творчестве; создание книги «С того берега», по его собственным словам, «освобождало» его от тех го-

рестных ощущений, которые он в ней запечатлел. У Натальи Александровны такого выхода не было. К тому же Герцен, по его позднейшему признанию, мало уделял тогда внимания ее «больной душе».

Все это побуждало Наталью Александровну искать выхода, «освобождения» и «гармонии» в личной жизни. Конечно, надежды эти были иллюзорны.

Как показывает публикуемый в настоящем томе обзор писем Н. А. Герцен к Гервегу, в своих отношениях с ним она нашла не «гармонию», а погубившее ее раздвоение между всепоглощающей страстью, в которой она пыталась забыться, и никогда не покидавшей ее любовью к семье, к мужу.

Однако было бы совершенно неверно видеть в случившемся лишь субъективную ошибку Натальи Александровны.

Как особенно ясно показывает письмо Герцена к Гервегу от 17 января 1850 г., автор «С того берега» и сам — как он, впрочем, прямо в том и сознался в «Omnia mea mecum porto» — призывал, в момент, когда гибли прежние надежды и упования, «сплотиться», «спасать себя, спасать отдельных людей», т. е. попытаться найти гармонию в тесном дружеском кругу.

Но мощный, в высшей степени чуткий к жизни критический ум Герцена ненадолго поддавался такого рода иллюзиям: они почти неизменно гибли под собственным пером писателя.

Герцену порой казалось, что достигнутая им высота идейных интересов гарантирует от личных ошибок и падений. Ему представлялось тогда, что он и Наталья Александровна в качестве избранных личностей живут «на особых правах» (XIX, 143*), как он выразился спустя много лет, не без горечи и иронии вглядываясь в прошлое.

Зато жена Герцена разделила ту женскую участь, которую Герцен в «Раздумье по поводу затронутых вопросов», исходя именно из их общего горького опыта, охарактеризовал смелыми и жгучими словами: женщина «больше сосредоточена на одном половом отношении, больше *загнана в любовь*... Она больше сведена с ума и меньше нас доведена до него» (изд. АН, т. X, стр. 209).

В то время, когда кругом бушевала реакция, Наталью Александровну увлекла задача помочь такому незаурядному человеку, как Гервег, искавшему у нее сочувствия.

В «Былом и думах» Герцен вспоминал: «„У тебя есть отшибленный уголок,— говорила мне Natalie,— и к твоему характеру это очень идет; ты не понимаешь тоску по нежному вниманию матери, друга, сестры, которая так мучит Г⟨ервега⟩. Я его понимаю, потому что сама это чувствую... Он большой ребенок — а ты совершеннолетний, его можно безделицей разогорчить и сделать счастливым. Он умрет от холодного слова, его надобно щадить... зато какой бесконечной благодарностью он благодарит за малейшее внимание, за теплоту, за участие...“» (изд. АН, т. X, стр. 253). А эта благодарность Гервега и это «нежное внимание матери, друга, сестры» перешли в «кружение сердца», ставшее для Натальи Александровны роковым.

Письма Н. А. Герцен к Гервегу показывают, какой силы, какого накала вскоре достигла ее страсть. Она, естественно, искала оправдания своему увлечению, в чем ее поддерживал Гервег. В январе 1850 г. он, протестуя против назревавшего разрыва, писал Герцену, что верит еще в возможность такой красоты и гармонии в отношениях их обеих семей, которая «могла бы послужить образцовым примером для людей» (XIV, 42).

Именно эти заявления Гервега Герцен в письме от 17 января 1850 г. расценивал как «идеалистические, романтические теории». Герцен был прав, указывая, что за эти «теории» отвечала и Наталья Александровна. Но нельзя забывать о том, что — Герцен позднее ясно понял эту коренную разницу — Наталья Александровна за

---

* В настоящем томе, как и в трех предыдущих томах «Литературного наследства», посвященных Герцену, приводимые в ссылках тома и страницы без указания источника обозначают «Полное собрание сочинений и писем А. И. Герцена» под редакцией М. К. Лемке, тт. I — XXII, П.— М., 1919--1925. — *Ред.*

свою страсть расплачивалась кровью и жизнью, не переставая притом бороться за свое человеческое достоинство и любовь к мужу. Что же касается Гервега, то эта страсть, по преимуществу, тешила его самолюбие, в свои отношения с Натальей Александровной он отнюдь не вкладывал всего себя.

Перейдем теперь к основному содержанию публикуемых писем, к тому, как в них отразились отношения Герцена и Гервега.

Эти материалы показывают, что Гервег в конце сороковых годов был для Герцена человеком, которого он считал настолько близким, что позволял себе даже вмешательство в его семейную жизнь, упрекая его, например, за недостаточное внимание к Эмме.

Следует, впрочем, отметить, что письма, относящиеся к середине 1849 г., свидетельствуют, по-видимому, о первых признаках пробуждения ревности; не решаясь, вероятно, сознаться даже самому себе в этом чувстве, Герцен, задетый излишним вниманием Гервега к Наталье Александровне и его явным пренебрежением к Эмме, дал прорваться недовольству, вызванному этим последним обстоятельством.

В письмах Герцена семейная драма, чем дальше, тем более назревавшая, ощущается как их подразумеваемый фон, оттеняющий вместе с тем моральную и идейную силу и выдержку автора.

Но не такие мотивы и настроения являются доминирующими в публикуемых письмах. Герцен раскрывает перед Гервегом все богатство своих духовных, идейных и особенно творческих интересов, все, что его волнует и беспокоит. Ведь и упреки, адресованные Гервегу, вытекали из тех высоких идейных и моральных требований, которые Герцен предъявлял к самому себе.

Вместе с тем публикуемые письма показывают с несомненностью, что, видя в конце сороковых годов в Гервеге духовно близкого себе человека, а позднее ненавидя и презирая его, Герцен и в том и другом случае не имел вполне правильного представления о его идейном облике, о той роли, которую тот играл в общественно-политической борьбе эпохи, о некоторых существенных чертах его личности. Герцен в своей оценке Гервега руководился только субъективными критериями, определявшимися тем, как складывались их личные взаимоотношения.

Герцен судил сначала о Гервеге по самому себе и действительно имел к тому некоторые основания. Как показывают опубликованные М. К. Лемке письма Гервега, последний называл Александра своим идейным «близнецом», «единственным другом», и Герцен принимал эти определения. На самом же деле Гервег был человеком, в жизни которого творчество, теоретические интересы, с одной стороны, и личная жизнь, с другой, занимали совсем иное место, нежели у Герцена.

Гервег, как поэт, был прежде всего агитатором, чья поэзия способна была возбуждать революционные стремления, а порой и воспевать растущую силу пролетариата. С другой стороны, он умел едко насмехаться над духовными и светскими властителями немецких государств, над прусскими юнкерами и пушечными фабрикантами. Но творчество занимало в жизни Гервега несравненно меньшее место, чем у Герцена.

Всегда писавший очень мало и не раз слышавший по этому поводу упреки со стороны друзей (от Герцена до Лассаля), Гервег создал за 1849—1851 гг. всего лишь несколько стихотворений. В то время как Герцен именно в творчестве искал избавления от мучивших его разочарований, Гервег пытался спастись в волнениях и радостях личных переживаний. К тому же он не был мыслителем, он не умел выстрадать философские идеи так, чтобы они вошли в его плоть и кровь. Недаром он с некоторой опаской и оттенком иронии относился к тому «демону анализа», присутствие которого он чувствовал у Герцена. Зато Гервег был склонен к тому, чтобы себя, свои действия и чувства украшать высокопарными фразами.

Герцен же, начиная еще с сороковых годов, умел все свои силы отдавать любимому делу. Он весь уходил в него. Даже личная жизнь неразрывно сплеталась у Герцена с идейными творческими интересами; так, любовь к Наталье Александровне вдохновила самые поэтические страницы «Былого и дум».

И такой трудный в общественном и личном отношении период, каким для Герцена стали годы, следовавшие за поражением революции, был для него временем большого напряжения творческих сил.

С осени 1849 г. по 1851 г. Герцен, помимо нескольких очерков, впоследствии дополнивших собою новое издание «С того берега», выступает как автор таких статей, как «Россия», «Письмо к Маццини», «Русский народ и социализм», и классической работы «О развитии революционных идей в России». В этот же период он работает над двумя беллетристическими произведениями — «Долг прежде всего» и «Поврежденный». Уж одно это перечисление говорит о размахе и многосторонности литературного труда Герцена тех лет. А в публикуемых ныне письмах содержатся сведения и о таких замыслах и начатых работах, которым не суждено было осуществиться и о которых мы раньше не знали. Так, во время пребывания в Париже в 1850 г. Герцен предполагал уделить немало сил публицистике и теоретическим работам, рассчитанным на французского читателя. В письме от 4 марта 1850 г. он сообщает Гервегу о непреодолимом желании рассказать ему о множестве вещей: «У меня тьма планов, среди них — написать для французов ряд статей о немецкой филос⟨офии⟩, написать против нелепости Эм. Жирардена...» и 9 марта: «Я задумал также маленькую поэтическую шутку под названием „Эмиль Жирарден и Иммануил Кант", чтобы сказать ему, что он не только плохой республиканец, но и плохой диалектик». К сожалению, мы не знаем ничего больше ни об этих философских статьях Герцена, ни о его статье, носившей, очевидно, памфлетный характер и изобличавшей беспринципного главаря бульварной печати Парижа.

Между тем, эта напряженная работа протекала в очень трудных условиях. Герцен не нашел еще прочной оседлости, своего «рабочего места», полностью удовлетворяющей его деятельности, т. е. такой деятельности, которая давала бы радостную возможность чувствовать и осязать ее плоды. К тому же отвлекали его и мучительные личные переживания.

В то время как Гервег в эти годы с известным пренебрежением говорит о немецких делах, горделиво принимает позы не оцененного современниками героя и пребывает в полной политической пассивности, Герцен целиком живет судьбами России и неустанно ищет путей активной деятельности на благо родины.

Все это накладывало своеобразный отпечаток на отношения, сложившиеся между Герценом и Гервегом.

Гергардт Цигенгейст (ГДР), внимательно исследуя недавно в своем выступлении на берлинской конференции славистов взаимоотношения Герцена и Гервега, пытался доказать, что в 1847—1850 гг. между ними существовало «творческое сотрудничество» («Vorträge auf der Berliner Slawistentagung». Berlin, 1956). Едва ли с этим можно согласиться. Гервег несомненно был тогда для Герцена той чуткой и внимательной «аудиторией», которую живой и общительный Герцен, пропагандист по натуре, всегда высоко ценил.

Но нет оснований утверждать, что собственный вклад Гервега в это духовное общение был подлинно значителен.

С другой стороны, во многом несправедлива та оценка, которую Герцен дал Гервегу в «Былом и думах».

Виновника своих личных несчастий Герцен склонен был рассматривать как изменника в общем идейном деле. Разрыв дружеских отношений, по убеждению Герцена, отбрасывал Гервега в идейно враждебный лагерь. На деле это было не так. Герцен был вправе клеймить Гервега, обманувшего его доверие и предавшего дружбу. Но своим политическим убеждениям последний не изменил.

Гервег до конца своей жизни (он умер в 1875 г.) оставался верен идеям революционной демократии, ее республиканским идеалам.

Между тем эти черты вовсе не находят отражения в той характеристике Гервега, которая содержится в «Былом и думах», хотя политическая и идейная стойкость выгодно отличала последнего от многих немецких мелкобуржуазных демократов и эмигрантов той поры, позднее занявших видное положение в правительственных партиях и банкирских домах Германии. Так, например, в публикуемых письмах упоминается

Л. Бамбергер, с которым Герцен часто встречался в Женеве. В свое время активный участник революционного движения, Бамбергер уже в июне 1848 г., как рассказал о том сам в своих воспоминаниях, смертельно испугался восстания пролетариата, увидев в нем преддверие социалистической революции. Впоследствии он играл крупную роль в международных банковских кругах.

Моральное превосходство Герцена не дает нам права односторонне освещать личность Гервега и особенно его общественно-политическую роль. Такая неправильная тенденция проявлялась, в частности, в прежних работах пишущего эти строки.

Публикуемые материалы показывают, как постепенно у Герцена выкристаллизовывался замысел создания книги о русском революционном движении и передовой мысли, которая дала бы иностранному читателю правильное представление о прогрессивных силах русского общества, недооцененных многими западноевропейскими публицистами.

В письме от 7 июля 1850 г. Герцен упоминает о написанной им «небольшой заметке о развитии либерализма и оппозиции в русской литературе» — таково, очевидно, было скромное начало той работы, из которой должна была вырасти книга «О развитии революционных идей в России».

Чрезвычайно интересно в этом отношении письмо от 10 июля 1850 г. Высказывая здесь свое мнение о книге Фальмерейера, посвященной путешествию по Востоку, Герцен полемизирует с автором по вопросу о русском национальном характере, о значении деятельности Петра I. Ряд мыслей, высказанных в этом письме, получил впоследствии более подробное освещение в книге «О развитии революционных идей в России», а несколько строк, относящихся к характеристике Петра I, почти буквально были впоследствии перенесены в эту работу (изд. АН, т. VII, стр. 173).

Невозможно даже бегло перечислить те многочисленные, в значительной своей части как бы мимоходом высказанные замечания о явлениях и событиях западноевропейской общественно-политической жизни, которые содержатся в публикуемых ниже письмах. Но письма эти позволяют сделать один крайне существенный вывод.

Более рельефно, чем какие-либо другие материалы, письма к Гервегу показывают несправедливость утверждения, что скептицизм Герцена после поражения революции 1848 г. не знал просветов и проблесков надежд,— хотя несомненно, что именно пессимизм накладывал решающий отпечаток на воззрения автора «С того берега». Герцен неизменно оставался внимательным и чутким наблюдателем действительности. Ненависть и презрение к торжествовавшей свои кровавые победы реакции не туманили ему глаза,— он настойчиво искал признаков зарождения элементов будущего.

Ведь даже и в «Письмах из Франции и Италии» и в «С того берега», пусть приглушенно и лишь изредка прорываясь сквозь завесу мрачных и скорбных раздумий, слышались порой иные звуки и мысли, пробивался луч надежды, возникали образы, зовущие вперед и внушающие бодрость и оптимизм.

Так, например, в главе «Донозо Кортес» автор «С того берега», трезво признавая, что реакция способна сбить с пути целое поколение и «задержать ход человечества на минуту» (изд. АН, т. VI, стр. 138), вместе с тем заявляет, что силы регресса не в состоянии предотвратить наступление революции и социализма, подобно тому, как в свое время гонения не смогли воспрепятствовать торжеству христианства, ибо «время евангелия наступало!» (т а м ж е, стр. 142).

Однако в таких оценках и прогнозах не чувствовалось уверенности и стойкости. Мысль Герцена вновь колеблется и отступает. Вместе с тем кажется, что иногда Герцен даже остерегается подать надежду, сказать слово ободрения, которое могло быть — особенно людьми слабыми, непоследовательными, ищущими легких путей спасения — истолковано как отказ от суровой и беспощадной оценки настоящего.

Публикуемые материалы подтверждают это впечатление. В частности, письма, относящиеся к началу апреля 1850 г., на очень характерном и существенном примере

дают представление о тех извилистых и сложных путях, какими развивалась мысль автора «С того берега».

В письме от 31 марта 1850 г. Герцен сообщает Гервегу о своем намерении написать маленькое добавление к диалогам (т. е. статьям-диалогам, вошедшим в немецкое издание «С того берега»), «но совсем в другом роде. Primo название будет „Пролог"».

Он набрасывает эскизно, рассчитывая на понимание с полуслова, некоторые мысли, афоризмы, утверждения, формулы, которые должны были стать костяком будущего «Пролога». Здесь, между прочим, говорится: «Довольно отчаиваться, все кончено, тяжелые времена прошли. Он мертв, этот старый мир, ну, а мы не трупные черви. Так прочь отсюда, чёрт побери!».

«Надо,— заявляет далее Герцен,— пророчить наступление дня, следующего за похоронами, надо заняться наследством и наследниками».

Набросок этот, бесспорно, не чужд оптимистической тенденции, и под этим углом зрения многозначительно и самое его заглавие. И тем более любопытно, что, отправляясь от него, Герцен несколькими днями позднее создал статью «Omnia mea mecum porto». Совпадение некоторых тезисов и формулировок тут и там — разительное.

Так, например, в статье говорится: «Много найдется мастеров бальзамировать покойника; еще больше червей, которые поживут на счет гнили. Оставим им труп...» (изд. АН, т. VI, стр. 118). Но в целом эта глава «С того берега» звучит вовсе не как пролог, оптимистически приоткрывающий врата будущего. Судьбы мира расцениваются здесь крайне пессимистически.

Почему же мысль Герцена изменила свое первоначальное направление?

Насколько мы можем судить по письму к Гервегу от 5 апреля 1850 г., узнав о замысле «Пролога», Гервег упрекнул автора в излишнем оптимизме. Хотя Герцен в ответ и заявил: «Ты ломишься в открытую дверь ⟨...⟩ Я не убаюкиваю себя никакой надеждой»,— тем не менее, он не вполне согласился со своим корреспондентом. Герцен отметил, что распад старого мира идет все возрастающими темпами — «затяжная лихорадка превратилась в скоротечную чахотку». Но он не ограничился этим. Герцен восхищается, каким самообладанием и тактом истекшие два года наделили массы.

Однако тут же Герцен легко уступил Гервегу, он признал, что массы «не знают, чего хотят», что в общественной жизни и борьбе господствует хаос. И выводом звучит утверждение, которое легло в основу герценовской статьи: «Именно в такие эпохи личность чувствует себя свободнее, чем когда-либо».

Герцен внимательно наблюдал жизнь. Он улавливал и такие черты ее, которые опровергали его пессимизм и скептицизм. И тем не менее скепсис еще побеждал. Герцен не видел общественных сил, на которые мог бы опереться его оптимизм. Но это не ограничивало его веры в будущую революционную Россию, его решимости за нее бороться.

Болезненно ощущал Герцен свой отрыв от русских друзей, подвергавшихся серьезной опасности и прямым преследованиям. Со страстным волнением и возмущением описывает Герцен в письме от 17 марта 1850 г. полученные от Грановского известия о разгуле реакции в России; он мучительно переживает испытания, выпавшие на долю Огарева, Н. А. и А. А. Тучковых, опасаясь, что на них обрушатся тяжкие репрессии.

Все события культурной жизни России возбуждали с его стороны величайшее внимание и напряженный интерес. Такова, например, реакция на появление комедии «Свои люди — сочтемся» А. Н. Островского — комедию эту Герцен, со слов Грановского, характеризует в вышеупомянутом письме как «крик гнева и ненависти против русских нравов».

Взволнованные и страстные, насыщенные мыслями, вызванными общественной борьбой и событиями личной жизни, письма Герцена к Гервегу принадлежат к самым содержательным страницам замечательного эпистолярного наследия великого русского писателя.

ОТ РЕДАКЦИИ

Письма Герцена к Г. и Э. Гервегам публикуются по фотокопиям с автографов, хранящихся в Отделе рукописей Британского музея (Лондон). Автографы эти, находившиеся в руках младшего сына Гервегов — Марселя, были в 1932 г. переданы им английскому литературоведу Э. Карру, писавшему в это время книгу «The romantic exiles», частично посвященную истории взаимоотношений Герцена и его жены с Гервегами. В 1933 г. Карр, по предложению М. Гервега, передал эти письма, вместе с другими документами, в Британский музей, предварительно скопировав тридцать из них, которые опубликовал впоследствии на языке оригинала в «Oxford Slavonic Papers» (vol. III, 1952, pp. 80—124).

Отметим, что на пользование переданными в архив материалами М. Гервегом был наложен запрет до 2 мая 1952 г.— столетия со дня смерти Натальи Александровны Герцен.

В 1955 г. редакция «Литературного наследства» обратилась к внуку Герцена, Эдуарду Моно-Герцену с просьбой разрешить публикацию этой коллекции писем (по правилам Британского музея, право публикации могло быть дано только с согласия прямых потомков писавшего). Г-н Моно-Герцен с большой теплотой отозвался на эту просьбу и в своем ответном письме от 22 сентября 1955 г., адресованном редакции «Литературного наследства», предоставил нашему изданию исключительное право публикации всех материалов герценовской коллекции Британского музея. Соответствующее распоряжение о микрофильмировании и высылке «Литературному наследству» всех этих материалов было им направлено в тот же день главному хранителю Британского музея. Микрофильм с текстами писем Герцена и его жены к Гервегам был прислан редакции летом 1956 г.

Полная публикация писем Герцена осуществляется в настоящем томе впервые. Несколько небольших отрывков из писем Герцена к Гервегу были напечатаны в «Литературном наследстве», т. 7-8, 1933, с особого разрешения Марселя Гервега.

Публикуемые письма написаны на французском и немецком языках. Французские письма в количественном отношении значительно преобладают над немецкими. Оба эти языка часто перемежаются в тексте. Наряду с этим, письма изобилуют цитатами, выражениями, отдельными словами на латинском, древнегреческом, русском, итальянском, английском и других языках. Типичны для писем Герцена также многочисленные каламбуры, игра слов.

При переводе чередование французского и немецкого языков внутри писем не оговаривается. Стремясь передать, по возможности, отмеченные выше особенности герценовской эпистолярной манеры, мы сохраняем, однако, на языке оригинала вкрапленные во французский текст немецкие выражения, слова, цитаты, как и французские — в немецком тексте. Перевод их дается под строкой. Равным образом даются в подстрочном переводе и все латинские, греческие и другие иноязычные вставки, встречающиеся в письмах. Названия газет и журналов, а также адреса не переводятся.

Что касается игры слов и каламбуров, в ряде случаев крайне сложных, то они, как правило, не поддаются переводу. Наличие их оговаривается, а смысл раскрывается в подстрочных примечаниях.

Встречающиеся во французских и немецких письмах Герцена неправильные синтаксические конструкции, а также русизмы, как правило, сохраняются в настоящей публикации; исправлению подверглись только явные описки и ошибки.

А. И. ГЕРЦЕН
Дагерротип 1847 г.
Исторический музей, Москва

1

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Лето 1848 г.⟩[1]

Cher Herwegh! Eh bien, nous nous sommes décidés (et décidons) d'aller à S.-Cloud[2]. Venez chez nous *à 2 h⟨eures⟩ précises.*— Vous n'avez pas besoin d'équipage, nous avons places et calèches. Tous sera pris — on vous attendra à 2 h⟨eures⟩.

Il y aura une surprise agréable — préparez vos nerfs.

Anenkopf[3] viendra probablement chez vous.

Monsieur Herwegh
Rue Neuve St. Augustin
Hôtel d'Orient.

Перевод:

⟨Париж. Лето 1848 г.⟩

Дорогой Гервег! Итак, мы решились (и решаем) ехать в С.-Клу[2]. Приходите к нам *ровно в 2 ⟨часа⟩*. Экипаж вам не понадобится — у нас есть и места, и коляски. Все будет взято — ждем вас в 2 ч⟨аса⟩.

Вас ожидает приятный сюрприз — приготовьте свои нервы.

Аненкопф[3], вероятно, зайдет к вам.

Господину Гервегу
Rue Neuve St. Augustin
Hôtel d'Orient

[1] Письмо датируется приблизительно — по одновременному пребыванию в Париже Герцена, П. В. Анненкова и Гервега.

[2] *Сен-Клу* — городок невдалеке от Парижа, славящийся своим парком.

[3] Павел Васильевич *Анненков* (Герцен шутливо переделывает его фамилию на немецкий манер) оставил в своих мемуарах описание парижской жизни Герцена в 1847—1848 гг. (см. П. В. Анненков. Литературные воспоминания. «Замечательное десятилетие». Л., 1928, стр. 489—532).

2

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 23 ноября 1848 г.⟩

Citoyen, voulez-vous aujourd'hui à 8 h⟨eures⟩ voir une réunion électorale à la Salle de la Fraternité? [1] Sasonoff (*Ivan Ivrinoff aliorum* [2]) le propose. Nous vous attendons jusqu'à 7 h⟨eures⟩ et $\frac{3}{4}$.

Nous pourrons après voter des remerciements au département de Bourgogne en criant:

Vive la Montagne de Chambertin!
Vive la Romanée Sociale!
Vive le Clos démocratique de Vougeot! [3]

On attend une réponse cathégorique.

Le 23 novembre.

Перевод:

⟨Париж. 23 ноября 1848 г.⟩

Гражданин, не хотите ли сегодня в 8 ч⟨асов⟩ посетить выборное собрание в Зале Братства? [1] Сие предлагает Сазонов (*Иван Пьянчугин* aliorum* [2]). Ждем вас до 7 $\frac{3}{4}$.

---

* тож (лат.).

А затем мы сможем проголосовать за вынесение благодарности бургундскому департаменту, прокричав:

Да здравствует Гора Шамбертен!
Да здравствует социальная Романея!
Да здравствует демократическое Кло де Вужо! [3]

Ждем решительного ответа.

23 ноября

[1] В это время во Франции проходила кампания по выборам президента республики, назначенным на 10 декабря 1848 г. В «Зале Братства» (Salle de Fraternité), расположенном на ул. Мартэль, помещался Клуб работников Севера (Club des travailleurs du Nord).

[2] Герцен намекает на пристрастие Сазонова к спиртным напиткам.

[3] Перечисляя названия французских вин («бургундское», «шамбертен», «романея», «кло де вужо»), Герцен шутливо придает им вид ходячих революционных лозунгов. *Гора* (la Montagne)—левая мелкобуржуазная фракция во французском Национальном собрании 1848 г.

3

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Париж. 30 ноября 1848 г.›

Le seul dieu qui reste — c'est la fatalité. Je suis d'avis qu'il faut le combattre — et je vous propose, cher Herwegh, un moyen.

Depuis quelque temps la fatalité m'empêche de vous voir; hier, par exemple, j'étais tout prêt pour aller vous voir et au lieu de cela je suis allé entendre un discours de Miroslawsky [1]... Pour déjouer cet enchantement, je vous engage fortement de venir aujourd'hui avec madame Herwegh dîner avec nous (mais à 6 heures, pas plus tard, après 5 et $\frac{1}{2}$ m-me Ogareff a une telle soif de manger, qu'elle commence à prendre du *porter* [2]).

NB. Lord Sasonoff [3], tué hier dans une rencontre fratricide par Delescluze [4], nous racontera les particularités de sa mort.

Ce 30 novembre.

Monsieur
Monsieur Herwegh
De la part d'A. Herzen.

Перевод:

‹Париж. 30 ноября 1848 г.›

Единственный бог, который остается,— это рок. Я того мнения, что с ним надо бороться, и предлагаю вам, дорогой Гервег, средство.

С некоторого времени рок мешает мне видеться с вами; вчера, например, я совсем было собрался пойти повидать вас, а вместо этого пошел слушать речь Мирославского [1]... Чтобы разрушить это наваждение, я настоятельно приглашаю вас прийти сегодня с г-жой Гервег с нами пообедать (но только в 6 часов, не позднее: с $5\frac{1}{2}$ г-жа Огарева так жаждет приняться за еду, что начинает пить портер [2]).

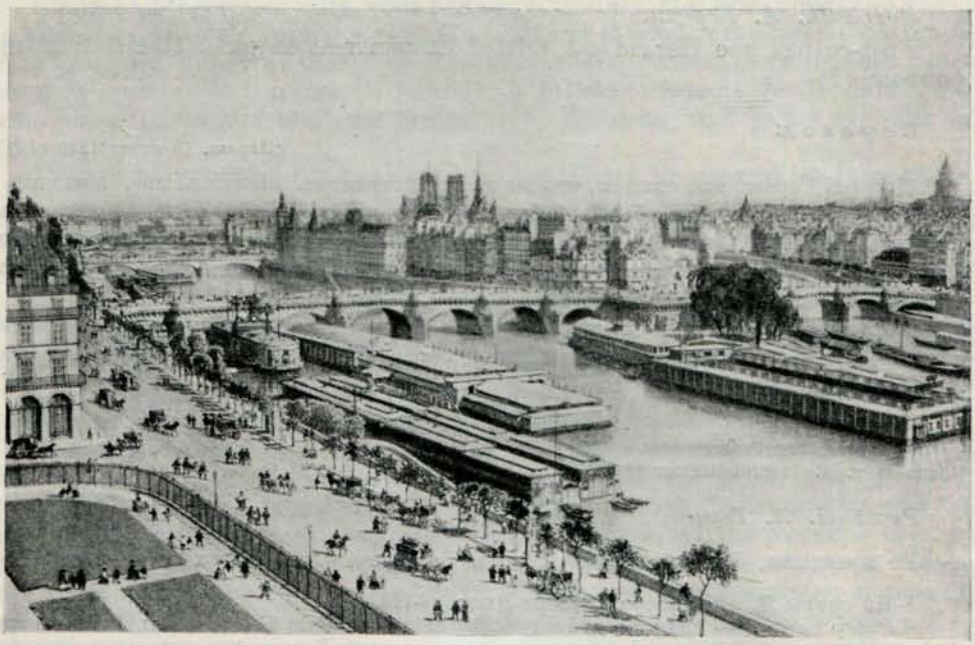
NB. Лорд Сазонов [3], сраженный вчера в братоубийственной схватке с Делеклюзом [4], расскажет нам подробности своей кончины.

30 ноября.

Господину Гервегу
От А. Герцена.

[1] 29 ноября 1848 г. в Париже, в Salle d'Antin, состоялось торжественное собрание, посвященное восемнадцатой годовщине польского восстания 1830 г. С речами выступили С. Ворцель, И. Г. Головин и Л. Мирославский. О *Л. Мирославском* (в транскрипции Герцена — Miroslawsky) — см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 432.

[2] Мария Львовна *Огарева* (ок. 1817—1853), первая жена Огарева, к этому времени совершенно опустилась и, как отмечала Н. А. Герцен в письме к Огареву, была постоянно пьяна (V, 255—256).

ПАРИЖ
Литография Ф. Бенуа, 1850-е гг
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

[3] О *И. И. Сазонове* и его участии в политической жизни Франции см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 315—333). См. также «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 178—252 и т. 62, 1955, стр. 522—545.

[4] Луи-Шарль *Делеклюз* (1809—1871) — французский революционный деятель и журналист, редактор газеты «Révolution Démocratique et Sociale». «Братоубийственная схватка» его с Сазоновым была, несомненно, вызвана избирательной борьбой в связи с президентскими выборами, которые должны были состояться 10 декабря 1848 г. Делеклюз в это время поддерживал кандидатуру мелкобуржуазного демократа Ледрю-Роллена, Сазонов же, по всей вероятности, агитировал за кандидата рабочего класса и социалистических групп — Ф.-В. Распаля.

4

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

〈Париж. 19 марта 1849 г. (?)〉

Cher Herwegh, je crois que vous m'en voulez. «Grâce, grâce pour moi» [1] (Robert non Macaire, Meyerbeer [2]). J'étais tellement ivre que ce n'est que lorsque je suis arrivé à la maison que j'ai compris toute la bêtise, lâcheté, assassinat et fratricidité de vous avoir planté dans un café. Je suis vraiment tout triste et tout malade de cela, je ne prendrai pas de bourgogne, «adieu, les *champs-bertins*» (*Jungfrau v〈on〉 Orleans*, Schiller) [3].

Ecoutez, Herwegh, vous me pardonnerez pour mon *rep*entir sincère et chrétien — et vous viendrez prendre votre *repas* chez nous, aujourd'hui, pour consoler votre ami, tout traître qu'il est.

Ce 19 mars *.

Monsieur Herwegh
Rue etc. (*subintelligitur*).

---

* Месяц читается предположительно.— *Ред.*

Рукой Н. А. Герцен:

N'est-ce pas que Herzen est triste? Et comment ne pas l'être!!! Suprême pouvoir ⟨?⟩

Перевод:

⟨Париж. 19 марта 1849 г. (?)⟩

Дорогой Гервег, мне сдается, что вы на меня сердитесь. «Пощады мне, пощады!» [1] (Робер — не Макэр, а Мейербер [2]). Я был так пьян, что только придя домой понял всю глупость, низость, убийственность и братоубийственность того, что бросил вас в кафе. Право же, я огорчен и очень расстроен этим и не буду больше пить бургундского. «Прощайте, *поля Бертена*»* («Jungfrau v⟨on⟩ Orleans», Schiller) ** [3].

Послушайте, Гервег, вы должны извинить меня ради моего искреннего христианского *раскаяния* и придти сегодня к нам *отобедать****, дабы утешить вашего друга, пусть он и предатель.

19 марта****

Господину Гервегу
Улица и т. д. (subintelligitur *****).

Рукой Н. А. Герцен:

Не правда ли, Герцен печален? И как не быть печальным!!! Верховная власть ⟨?⟩

[1] Из оперы Д. Мейербера «Роберт-Дьявол» (1831).

[2] *Робер Макэр* — главное действующее лицо комедии Б. Антье и Ф. Леметра «Robert Macaire» (1834), герой бесчисленных карикатур Домье, тип наглого и ловкого мошенника. Впоследствии Робером Макэром Герцен называл Гервега (см. VII, 90).

[3] *Прощайте, поля Бертена* — шуточная перифраза первого стиха монолога Иоанны д'Арк из трагедии Ф. Шиллера «Орлеанская дева»: «Lebt wohl, ihr, Berge, ihr, geliebten Triften» (в переводе В. А. Жуковского: «Простите вы, холмы, поля родные...»).

5

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. После 14 апреля 1849 г.⟩ [1]

Cher Herwegh, dites de grâce à Sasonoff que je ne viendrai pas à l'entrevue thorique [2]— j'ai à faire quelque chose, et ils ont choisi un diable de temps.

Proudhon devient décidément sinon prince Proudonoff, au moins *Herr Baron von Proudenhoff*, quelle manie de scolasticisme [3].

Je n'ai pas écrit d'article concernant l'*Abeille du Nord* [4], mais il me semble qu'il suffirait de dire que⟨c'est⟩l'organe semi-officiel du gouvernement r⟨usse⟩, le même qui comblait de compliments «le brave et l'honnête génér⟨al⟩ Cavaignac» [5], qui disait que c'est à lui que revient l'honneur d'avoir arrêté la révolution Européenne; cette même feuille porte aujourd'hui une amitié pour le prés⟨ident⟩ [6] — qui n'est pas plus tiède que l'amitié que porte le présid⟨ent⟩ pour le gén⟨éral⟩ Changarnier [7]. On parle des écrits du prés⟨ident⟩, on a traduit son histoire du canon [8], on parle de ses soirées à l'Elysée Nat⟨ionale⟩, on fait remarquer que ce ne sont que les aristocrates qui ont l'honneur d'y assister [9]. On est très sensible du procédé plein de délicatesse de la part du Ministère, qu'il n'a pas envoyé au corps diplomatique d'invitation à *l'odieuse* fête du 24 Février [10]. On raconte que le gén⟨éral⟩ Changarnier a pleuré ce jour, en disant que c'est l'anniversaire d'une bien fatale journée, où l'armée française s'est couverte de honte [11] etc.

* Каламбур: «*champs*»— по-французски поля, «*Chambertin*»— известная марка вина.

** «Орлеанская дева» Шиллера.

*** Каламбур: начало слова «repentir» — раскаяние звучит схоже со словом «repas» — обед.

**** Месяц читается предположительно.— *Ред.*

***** подразумевается (лат.).

Comme vous serez en ville, vous pouvez m'obliger, et si vous pouvez — vous le voulez,— voilà de quoi il s'agit. Ma femme et le mari de ma femme désirent aller aujourd'hui voir *Adrienne Lecouvreur* [12] — prenez deux bonnes places à la location (à 8 fr⟨ancs⟩, je crois, le billet) — je crois que les dames ne sont pas admises aux stalles d'orches⟨tre⟩. Au reste, moi je me rapporte à vous.

Si vous ne voudriez pas nous envoyer les billets, je pourrai les faire chercher, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, à 5 heures.

Votre tout. H.

Перевод:

⟨Париж. После 14 апреля 1849 г.⟩[1]

Дорогой Гервег, скажите, ради бога, Сазонову, что я не буду на торической встрече [2]. У меня есть кое-какие дела, а они выбрали чертовски неудобное время.

Прудон решительно становится если не князем Прудоновым, то, по меньшей мере, Herr Baron von Proudenhoff*. Что за увлечение схоластикой! [3]

Статью о «Северной пчеле» я не написал [4], но, мне кажется, достаточно будет сказать, что ⟨этот⟩ полуофициальный орган р⟨усского⟩ правительства, тот самый, который рассыпал комплименты «храброму и благородному генер⟨алу⟩ Кавеньяку» [5] и утверждал, что именно ему выпала честь приостановить европейскую революцию,— что этот самый листок преисполнился теперь дружеских чувств к президент⟨у⟩ [6], не теплее тех, какие президент⟩ питает к ген⟨ералу⟩ Шангарнье [7]. Они обсуждают сочинения през⟨идента⟩, перевели его историю пушки [8], описывают его званые вечера в Нац⟨иональном⟩ Елисейском дворце, отмечая, что только аристократы удостаиваются чести на них присутствовать [9]. Они глубоко растроганы деликатностью министерства, которое не послало дипломатическому корпусу приглашения на *омерзительное* празднество 24 февраля [10]. Они передают, что генерал Шангарнье плакал в тот день, говоря, что вот годовщина той роковой даты, когда французская армия покрыла себя позором и т. д. [11].

Так как вы будете в городе, вы можете оказать мне услугу, а если можете, то и захотите. Дело вот в чем. Моя жена и муж моей жены желают пойти сегодня посмотреть «Адриенну Лекуврер» [12]. Возьмите заранее в театральной кассе два хороших места (кажется, по 8 фр⟨анков⟩ за билет). Мне кажется, что дамы в первые ряды партера не допускаются. Впрочем, полагаюсь на вас.

Если вас затруднит передать нам билеты, я мог бы послать за ними, ex⟨empli⟩ gra⟨tia⟩, в 5 часов.

Весь ваш. Г.

[1] Дата устанавливается упоминанием о постановке «Адриенны Лекуврер», премьера которой состоялась 14 апреля 1849 г. (см. примечание 12).

[2] По-видимому, речь идет о предполагавшемся совместном посещении Теофиля *Торе* (Thorez, 1807—1869), издателя газеты «La Vraie République», в которой сотрудничал Сазонов (см. изд. АН, т. X, стр. 49—50).

[3] Резкое высказывание Герцена о Прудоне вызвано оппортунистическими статьями последнего, помещавшимися в это время в его газете «Le Peuple».— Об отношениях Герцена и Прудона см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 490—503.

[4] Для какого издания намерен был Герцен написать статью о «Северной пчеле»— неизвестно. В ряде фельетонов «Северной пчелы», особенно в «Письмах из Парижа», подписанных инициалами *В. К.*, всячески поносилась французская революция и давалась восторженная оценка ее палачам — Кавеньяку, Шангарнье и Луи Бонапарту.

[5] В № 21 «Северной пчелы» от 27 января 1849 г. была помещена большая хвалебная статья «Кавеньяк» (без подписи), в которой подчеркивалось, что он принадлежит к людям, «остановившим твердостью и решительностью характера поток безначалия, угрожавший в минувшем году потопить образованное общество». К газете был приложен портрет Кавеньяка.

[6] *Президент* французской республики — Луи Бонапарт, вскоре провозгласивший себя императором Наполеоном III.

[7] «Открытый роялист, известный интриган, человек предприимчивый, бездушный,

* г-ном бароном фон Пруденгофом (нем.).

честолюбивый и чрезвычайно завистливый», как писал о нем Герцен (VI, 92), генерал Николя *Шангарнье* (1793—1877) следующим образом характеризовался в одном из «Парижских писем»: «Генерал Шангарние, кроткий и учтивый в обращении, решителен и тверд, когда дело идет о защите общественного благоустройства ‹...› Он сказал, что ему так же легко теперь восстановить монархию, как купить фунт леденцу» («Сев. пчела», № 1 от 3 января 1849 г.). Между Шангарнье и Луи Бонапартом на почве соперничества установились откровенно недоброжелательные отношения.

[8] «История пушки в новых армиях. Из нового сочинения Лудовика-Наполеона Бонапарта» («Сев. пчела», № 60 от 17 марта 1849 г.).

[9] «В прошедшую среду, 14 марта,— писал В. К. в заметке «Бал у президента Французской республики»,— дан был во дворце Элизе бал, превосходивший великолепием и блеском все прежние. В нем было блистательное парижское общество всех партий и сословий» и т. п. («Сев. пчела», № 64 от 22 марта 1849 г.).

[10] Герцен имеет в виду следующие строки о годовщине революции 1848 г. из «Парижского письма» В. К.: «Постыдная и плачевная годовщина 24-го февраля ‹...› Правительство ‹...› поступило очень благоразумно, не пригласив особ дипломатического корпуса...» («Сев. пчела», № 59 от 16 марта 1849 г.).

[11] На вопрос одного офицера, почему он так скоро воротился с торжественной панихиды в церкви св. Магдалины, генерал Шангарнье, по словам «Северной пчелы», отвечал: «Я воротился, чтоб плакать о стыде, которым покрылась армия в этот день прошлого года...» (там же).

[12] «*Адриенна Лекуврер*» — драма Скриба и Легуве, впервые поставленная на сцене «Théâtre Français» 14 апреля 1849 г. с Рашелью в главной роли.

6

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.›

Votre victime déplorable vous salue.

Depuis que je suis levé, je n'ose toucher à rien, on peut penser que je suis excommunié ou lépreux — je crains de marcher, je suis presque épileptique, partout il me semble que vous m'avez préparé des guets-apens.

L'idée des 4 mendiants[1] est sublime, sublime, cela a surpassé mon imagination.

L'idée.... non la forme de Marianne, quoique ne surpassant pas l'imagination, est bonne sinon belle.

Et il n'est que 7 et $\frac{1}{2}$ — que dirai-je, malheureux, à 11 et 55 minutes du soir.

Ganz Ihr Opfer[2]

Перевод:

‹Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.›

Ваша злосчастная жертва приветствует вас.

С тех пор как я встал с постели, я не смею ни к чему прикоснуться; можно подумать, что меня отлучили от церкви или я прокаженный, я боюсь шагу ступить, я почти как эпилептик; мне кажется, что вы мне всюду расставили ловушки.

Идея 4-х нищих[1] восхитительна, восхитительна, это превзошло мое воображение.

Идея... но не форма Марианны, хотя и не превосходит мое воображение, хороша, если не прекрасна.

Еще только $7^1/_2$ — что я скажу, несчастный, в 11 часов 55 минут вечера?

Ganz Ihr Opfer*.[2]

[1] «*4 нищих*» («4 mendiants») — по-французски — десерт из винной ягоды, миндаля, орехов и изюма. Герцен употребляет здесь это название в переносном смысле.

[2] Письмо, вероятно, связано с посещением какого-то парижского увеселительного заведения.

7

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.›

Voulez-vous m'attendre, je viendrai vous chercher pour aller à la chasse des journaux et ‹du› bourgogne à 8 h‹eures›.

V‹otre› A.

* Всецело ваша жертва (нем.).

Перевод:

⟨Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.⟩

Подождите меня, пожалуйста; я зайду за вами в 8 ч⟨асов⟩, и мы отправимся охотиться за газетами и бургундским.

В⟨аш⟩ А.

8

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.⟩

J'ai encore aujourd'hui un petit mal de tête et je dois m'excuser pour la partie de plaisir; il m'est désirable de ne pas aller assister à la chasse au Vasbenter[1].— Ne m'en voulez pas. Pendant le jour je tâcherai de vous voir.

Monsieur Herwegh.

Перевод:

⟨Париж. Осень 1848 — весна 1849 г.⟩

У меня и сегодня еще немного болит голова и я должен отказаться от увеселительной прогулки; мне не хотелось бы принимать участие в охоте на Васбентера[1].— Не сердитесь на меня. Я постараюсь повидать вас в течение дня.

Господину Гервегу

[1] *Л. Васбентер* (Vasbenter) — один из редакторов «Voix du Peuple». Впоследствии он эмигрировал в Лондон, где давал уроки сыну Герцена, а затем переехал в Америку.

9

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Весна 1849 г.?⟩

Sasonoff vous a écrit, cher Herwegh, à 4 h⟨eures⟩, en vous invitant de venir au Café Anglais dîner avec m-r Fazy[1]—eh bien, venez au moins après le dîner. Nous vous attendons.

A. Herzen

Monsieur G. Herwegh
Rue du Cirque, 9.

Перевод:

⟨Париж. Весна 1849 г.?⟩

Сазонов послал вам в 4 ч⟨аса⟩ приглашение, дорогой Гервег, придти в Café Anglais пообедать вместе с г-ном Фази[1] — так вот, приходите хотя бы после обеда. Мы вас ждем.

А. Герцен

Господину Г. Гервегу
Улица Cirque, 9.

[1] Джемс *Фази* (1796—1878) — швейцарский политический деятель, в это время президент Женевского кантона, приятель Сазонова (см. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 140—145).

10

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Весна 1849 г.?⟩

Eh bien, cher Herwegh, la *villeggiatura* aura-t-elle lieu aujourd'hui? Je suis tout prêt, nous attendons vos ordres. Dites à quelle heure nous nous rencontrerons et où — chez vous, chez moi?..

Nous avons passé ces deux jours à Belle-Vue[1] et d'une manière magnifique.— Vous avez donc tout le droit de remettre jusqu'à demain ou après-demain notre voyage, en tout cas Herzen *proponit* et Herwegh *disponit*.

A. Herzen

Ma femme désirerait même prendre un peu de repos aujourd'hui. En cas que nous n'irions pas — je proposerai d'aller voir m-r Sasonoff (père) ce soir.

Monsieur Herwegh
De la part d'A. Herzen.

Перевод:

<Париж. Весна 1849 г.?>

Ну как, дорогой Гервег, состоится ли сегодня наша *villeggiatura**? Я вполне готов, мы ждем ваших распоряжений. Сообщите, в котором часу мы встретимся и где,— у вас, у меня?..

Мы провели эти два дня в Бельвю [1], и провели их чудесно. Поэтому вы вправе отложить нашу прогулку на завтра или на послезавтра; как бы там ни было, Герцен proponit**, а Гервег disponit***.

А. Герцен

Моей жене хотелось бы даже немного отдохнуть сегодня. В случае, если мы не поедем, я предложил бы навестить вечером г-на Сазонова (отца).

Господину Гервегу
от А. Герцена.

[1] *Бельвю* — деревня близ Версаля, славившаяся прекрасными видами.

11

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж. Весна 1849 г.?>

Es klingt wirklich wunderbar, wenn ich sage, daß ich krank bin, *cher* Herwegh, und ich bin auch nicht krank, aber nicht wohl, die ganze Nacht habe ich starke Kolik gehabt, jetzt geht es besser, ich wollte schon einen Arzt suchen lassen. Reichel [1] glaubt, daß ich schon von Cholera gestorben bin [2].— Ne m'en voulez pas, je suis certes plus puni que tout le monde, mais je pense qu'il faut rester encore à la maison.

Envoyez-moi la *Patrie*.

«Lire la *Patrie*,
Quel sort» [3].

Monsieur Herwegh.
De la part de Yellachits[4] *junior*.

Перевод:

<Париж. Весна 1849 г.?>

Не звучит ли это действительно странно, когда я говорю, что я болен, cher**** Гервег; да я и не болен, хотя и не здоров, всю ночь у меня были сильные колики, теперь мне лучше, а я уж собирался посылать за врачом. Рейхель [1]

---

* прогулка за город (итал.).
** предполагает (лат.).
*** располагает (лат.).
**** дорогой (франц.).

думает, что я уже умер от холеры [2].— Не сердитесь на меня, я, конечно, наказан больше всех, но думаю, что надобно еще посидеть дома.

Пришлите мне «La Patrie».

«Читать „La Patrie“ —
что за участь». [3]

Господину Гервегу
От Елачича junior'a*.[4]

[1] Адольф *Рейхель* (1817—1896) — немецкий композитор, близкий друг М. А. Бакунина; вскоре стал мужем М. К. Эрн.

[2] В это время в Париже свирепствовала эпидемия холеры.

[3] «*La Patrie*» («Родина») — ежедневная парижская контрреволюционная газета, издававшаяся банкиром Деламарром и поддерживавшая Луи-Наполеона. — Герцен пародирует здесь песенку «Умереть за родину — это самая прекрасная, самая завидная участь!» («Mourir pour la patrie, c'est le sort le plus beau, le plus digne d'envie!»), о которой см. примеч. 2 к письму № 64.

[4] Иосиф *Елачич* (1801—1859) — хорватский генерал на австрийской службе, участвовал в подавлении венского и венгерского восстаний.— В чем заключается смысл шутки Герцена, назвавшего себя «Елачичем младшим»,— неясно.

12

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 6 мая 1849 г.⟩

Sasonoff propose à nous deux de passer chez lui à 8 h⟨eures⟩ pour aller ensuite nous promener; si vous m'ordonnez, je viendrai vous chercher — en cas que vous ne préfériez pas chercher l'ombre dans notre jardin avant le départ.

La présence de l'honorable Sasonoff me montre de loin la possibilité d'un rafraîchissement vésuvien [1].

Votre serviteur démocratique et social

A. Hers ×

Le 6 mai.

Monsieur Herwegh
Rue du Cirque, 9.

Перевод:

⟨Париж. 6 мая 1849 г.⟩

Сазонов предлагает нам обоим заглянуть к нему в 8 ч⟨асов⟩, чтобы пойти потом вместе погулять; если прикажете, я зайду за вами—если только вы до прогулки не предпочтете посидеть в холодке в нашем саду.

Присутствие почтенного Сазонова сулит заранее возможность освежиться по-везувийски [1].

Ваш демократический и социальный слуга

А. Герс ×

6 мая.

Господину Гервегу
Улица Cirque, 9.

[1] Вероятно, намек на *везувиек* — женщин, бравировавших своим презрением к буржуазным «приличиям». В 1848 г. они открыли в Париже свой клуб. Сатирические журналы подвергали их беспощадному осмеянию как любительниц разгульной и бесшабашной жизни.

13

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 17 мая 1849 (?) г.⟩

Non, Herwegh, c'est impossible, les forces humaines sont calculées... et je n'en ai plus. Occupation, préoccupation, famille, fatigue, affaires, *far*

* младшего (лат.).

niente, tout enfin m'empêche d'aller (en voiture même) jusqu'à Notre-Dame — et quelle N⟨otre⟩-D⟨ame⟩ — de Lorette [1]. Oh, ayez l'amitié de m'excuser, soyez éloquent comme Jules Favre [2] et courageux comme Jules César, dites que je suis mort de choléra ou si vous voulez — que le choléra est mort de moi.

Votre tout dévoué.

Le 17 mai.

Et le mal aux dents est aussi une cause suffisante d'après Baumeister [3].

Monsieur
Monsieur Herwegh.

Перевод:

⟨Париж. 17 мая 1849 (?) г.⟩

Нет, Гервег, это невозможно, человеческие силы имеют предел... и у меня их больше не осталось. Хлопоты, заботы, семья, усталость, дела, far niente*, наконец, все вместе взятое не позволяет мне добраться (даже в экипаже) до собора Богоматери — и какой Богоматери! — Лоретской [1]. О, будьте другом, извинитесь за меня; будьте красноречивы, как Юлий Фавр [2], и мужественны, как Юлий Цезарь: скажите, что я умер от холеры, а если хотите — что холера умерла от меня.

Всецело вам преданный.

17 мая.

А зубная боль, по Баумейстеру [3], тоже уважительная причина.

Господину Гервегу

[1] Собором Лоретской богоматери Герцен, по-видимому, шутливо называет здесь (по имени известного парижского храма) какое-то увеселительное заведение, посещавшееся лоретками.

[2] *Юлий (Жюль) Фавр* (1809—1880) — французский адвокат и политический деятель; в 1848 г.— секретарь Ледрю-Роллена.

[3] Вероятно шутливый намек Иоганна-Вильгельма *Баумейстера* (1804—1846) — автора известных в свое время книг по ветеринарии.

14

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. Конец мая 1849 г.⟩

Votre nouvelle est très triste, si on le livrait à la Russie, il mourra dans les fers. — Et pourtant, oui, nous devons avoir nos martyrs sur ces champs de bataille.

A-t-il un passeport suisse? [1]

Перевод:

⟨Париж. Конец мая 1849 г.⟩

Ваша новость очень печальна, если его выдадут России, он умрет в кандалах.— И все же, пусть так, нам надобно иметь своих мучеников на полях этой битвы.

Есть ли у него швейцарский паспорт? [1]

[1] Речь идет об аресте М. А. Бакунина саксонским правительством, после разгрома дрезденского восстания 10 мая 1849 г.

15

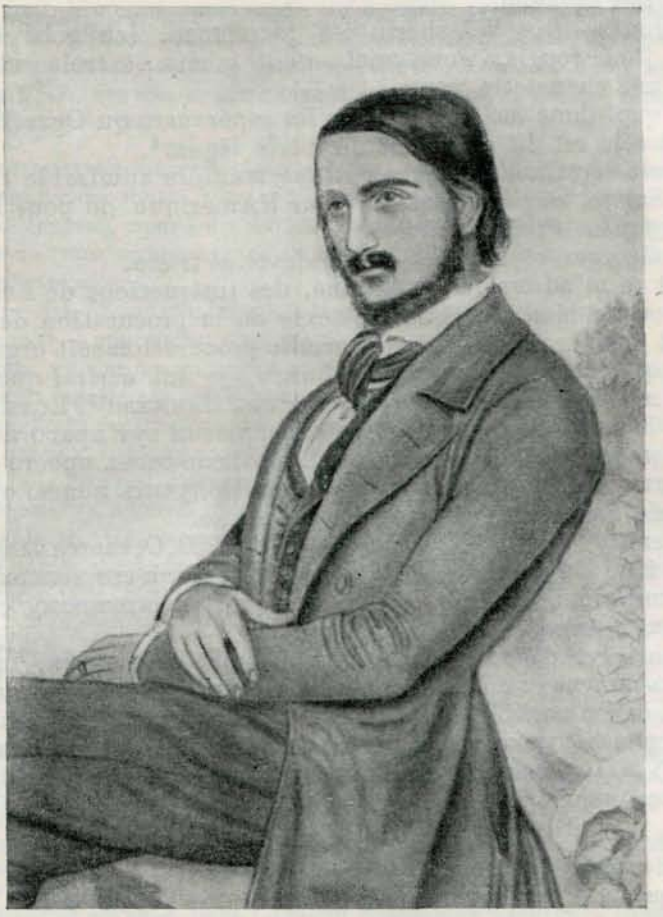
ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГАМ и Н. А. ГЕРЦЕН

Genf. Le 30 juin 1849

Genf ist zu groß, die Stadt müßte noch kleiner sein und gar nicht bewohnt (une honorable exception pour les maîtres d'hôtel, marchands de vin et ⟨de⟩ tabacs est sous-entendue) — dann könnte man schon lustig sein

* безделье (итал.).

Leben zubringen. Golov⟨in⟩ sagt mir alle Tage: «Wenig Leute» — und ich denke (*in petto*) und wenn noch einer *nicht* da wäre [1]; Golov⟨in⟩ ist besonders beleidigt, daß hier nicht alle Frauen, die man in der Gasse sieht — *omnibus* gehören, sondern *privatissimae* sind. Er will sich verheiraten, er findet, daß *es wohlfeiler* ist. Ich glaube, sollte die Italienerin [2] mit S⟨asonoff⟩ kommen,

ГЕОРГ ГЕРВЕГ
Гравюра с портрета маслом Конрада Гица, 1850-е гг.
Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

so würde es noch wohlfeiler zu teilen mit ihm, auf eine viel mehr delikate Weise als der weise Salomon ein Individ divisieren wollte [3].

Bemerken Sie, daß ich heute Deutsch mit französischen Buchstaben schreibe — künftig mit russischen.

Die erste Zeit war ich böse und beleidigt, dann nahm ich meine Hegire [4] mit Resignation, wie Mahomed. Ein Glück für uns ist F⟨azy⟩ — er ist außerordentlich gut gesinnt für alle, die hierher kommen [5]; wir trinken mit ihm manchmal eine oder zwei.... Flaschen, er trinkt gern, aber sagt jedesmal: «Sie trinken zu viel» und fügt dazu: «Je dois avoir la tête très libre demain matin».— «Eh bien, voilà mon malheur,— sage ich ihm darauf,— c'est que je n'ai nullement besoin d'avoir ni demain matin, ni demain soir ma tête libre».

Deux heures plus tard.

Je viens de recevoir la lettre *Tutschkoff-Ogareff* [6], un billet de ma femme et des variations sur des thèmes juridiques par Boucault [7]. J'enverrai probablement demain la procuration. Eh bien, Satin-Ménélas, menez-la donc à Paris ou à Genève votre Hélène [8]. Il a été toujours imitateur ardent d'Ogareff et comme imitateur il faisait presque la même chose — c'est-à-dire une chose tout à fait opposée.

Interruption! — Die Wäscherin ist gekommen. Ich gebe Wäsche ab! Pour vous j'en rougis. Pour moi j'en gémis... trois chaussettes... une paire + une chaussette veuve...

Mais sur quoi donc ma femme base les espérances qu'Ogareff viendra et bientôt, tout cela est dit d'une manière très légère [9].

On pourrait certainement passer d'une manière admirable l'hiver quelque part en Suisse, et partir ensuite pour l'Amérique ou pour la Russie — *nur nicht im faulen Fisch zu bleiben*[10].

Adieu — Georges et Emma.— Je redeviens triste.

A présent je m'adresse à ma femme, des instructions de haute finance.

1) Après avoir bien pensé sur le texte de la procuration demandée par m-r Boucault je ne crois pas qu'une pareille procuration soit urgente. Il faut absolument que tu voie m-r Schomburg[11], je lui écrirai quelques mots.

Видаешь ли ты Ивана Батист⟨овича⟩[12] или Камилля[13]? Если они вполне отвечают за Буко — дело другое, но он включил тут право перестроек и поправок, я никогда об этом не говорил. Его дело очень просто — получать деньги и платить их Ротшильду в мой счет. Получить копию с крепости и отдать ее тебе или, если ты уедешь, маменьке.

2) Тург⟨еневу⟩[14] я из 900 отдал 200 да ты 200. Остается 500; из них он должен мне 100. Ему следует 400, а не 700.— Если его холерина прошла, то он счастливейший из смертных, завидую безмятежному счастию его в треволнениях мира сего и кланяюсь.

3) Из денег оставшихся ты с мам⟨енькой⟩ разделись, как хочешь. Если Рейхель получит свой капитал, можно взять у него по 6 проц⟨ентов⟩,— да он же и должен еще 300 фр⟨анков⟩. Все же лучше, если бы от Григ⟨ория⟩ Ив⟨ановича⟩[15] пришли векселя еще при тебе. Константину[16] придется фр⟨анков⟩ 500 — награждение платьями и всякой всячиной, а не деньгами. Что хозяин дома[17]?

A Paris
Monsieur G. Herwegh
Rue du Cirque, 9.

Почтовые штемпели: Genève. 30 juin 49.25
Genève-Ferney 2 juil⟨let⟩ 49.

Перевод:

Женева. 30 июня 1849 г.

Женева слишком велика; город должен быть еще меньше и совершенно не населенным (une honorable exception pour les maîtres d'hôtel, marchands de vin et ⟨de⟩ tabacs est sous-entendue*) — вот тогда жизнь могла бы быть приятной. Голов⟨ин⟩ твердит мне всякий день: «Мало людей» — а я думаю (in petto**): «Хоть бы еще одного тут *не было*» [1]. Голов⟨ин⟩ особенно обижен тем, что здесь женщины, которых видишь на улице, не все принадлежат omnibus***, а являются privatissimae****. Он хочет жениться и находит, что так будет дешевле. Я же полагаю, что если бы вместе с С⟨азоновым⟩

* разумеется, за почетным исключением для хозяев гостиниц, торговцев винами и табаком (франц.).
** про себя (итал.).
*** всем (лат.).
**** строго частным владением (лат.).

приехала итальянка [2], то еще дешевле было бы произвести с ним дележ, причем более деликатным манером, чем хотел поделить индивида премудрый Соломон [3].

Заметьте, что я сегодня пишу по-немецки французскими буквами, а в дальнейшем буду писать русскими.

Первое время я был зол и обижен, потом я принял свою гиджру [4] с покорностью, подобно Магомету. Счастье еще, что у нас есть Ф⟨ази⟩ — он необыкновенно хорошо относится ко всем, кто сюда приезжает[5]; мы осушаем с ним иногда бутылку-другую... он пьет охотно, но каждый раз говорит: «Вы пьете слишком много» и добавляет: «Завтра поутру у меня должна быть совершенно свежая голова». А я ему на это отвечаю: «Ведь вся беда в том, что мне-то нет никакой нужды быть со свежей головой ни завтра утром, ни завтра вечером».

Двумя часами позже.

Только что получил *тучково-огаревское* письмо [6], записку от жены и вариации Буко [7] на юридические темы. Завтра, вероятно, пошлю доверенность.

Ну, Сатин-Менелай, привозите же вашу Елену в Париж или Женеву [8]. Он всегда был самым ревностным подражателем Огарева и, как таковой, делал почти то же самое, т. е. совсем обратное.

Прервали.— Die Wäscherin ist gekommen. Ich gebe Wäsche ab*. Я краснею за вас. За себя же стенаю — три носка: одна пара + один непарный.

Не понимаю, на чем основывает моя жена свои надежды, утверждая, что Огарев приедет и притом скоро; все это сказано очень несерьезно [9].

Разумеется, было бы прекрасно провести зиму в каком-нибудь уголке Швейцарии и отправиться затем в Америку или в Россию, «nur nicht im faulen Fisch zu bleiben»**[10].

Прощайте же, Георг и Эмма. Мне опять становится грустно.

Теперь обращаюсь к своей жене с важными финансовыми наставлениями.

1) Тщательно обдумав текст доверенности, требуемой господином Буко, я усомнился, чтобы такая доверенность понадобилась срочно. Непременно побывай у господина Шомбурга [11], а я напишу ему несколько слов ***.

В Париж.
Господину Г. Гервегу
Улица Cirque, 9.
Почтовые штемпели: Женева, 30 июня 49, 25
Женева-Ферней 2 июня 49.

[1] В «Записках» И. Г. Головина встречается упоминание о посещении им Герцена в женевском Hôtel des Bergues, где он и сам поселился. «Когда приехал Гервег,— отмечает Головин,— он ⟨т. е. Герцен⟩ предпочел его мне, и я поехал в Брюссель» («Записки Ивана Головина», Лейпциг, 1859, стр. 125).

[2] О «дебелой итальянке, с голосом, перед которым еще раз пали бы стены иерихонские», синьоре Р., на которой женился Сазонов, «чтоб отделаться» от нее,— Герцен упоминает в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 331—333).

[3] По библейской легенде, царь Соломон предложил разрубить пополам ребенка, на которого претендовали две матери.

[4] *Гиджра* (геджра, или эгира) — день бегства Магомета из Мекки (622 г.). Герцен намекает на свое бегство с чужим паспортом из Парижа в Женеву, куда он приехал 22 июня 1849 г.

[5] Отношение Фази к революционным эмигрантам вскоре резко изменилось. См. изд. АН, т. X, стр. 101—108.

[6] Речь идет о недатированном письме Натальи Алексеевны Тучковой с припиской Огарева, напечатанном М. О. Гершензоном в т. IV «Русских пропилей» (М., 1917, стр. 90—92). В нем сообщалось об отъезде Огарева с Тучковой в Крым и о замужестве Елены Алексеевны Тучковой, ставшей женой Н. М. Сатина.

[7] *Буко* —парижский нотариус, оформлявший купчую крепость при приобретении Герценом дома в Париже (см. о нем V, 271, 277—279 и ниже, в настоящей публикации).

[8] Герцен в шутку называет Сатина, женившегося на Елене Тучковой, именем спартанского царя Менелая, мужа Елены Прекрасной.

[9] В упомянутом выше письме Н. А. Тучкова писала Герценам: «О⟨гарев⟩ обещает скорое свиданье с вами, но, глядя по возможности, мне кажется, что он меня утешает».

---

* Пришла прачка. Я отдаю белье (нем.).

** только бы не оставаться среди гнилой рыбы (нем.).

*** Следующую далее русскую часть письма, обращенную к Н. А. Герцен, см выше, в основном тексте.— *Ред.*

[10] Намек на выражение из «Кротких ксений» Гёте. У Гёте: «Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch...» («Мир разлагается, как гнилая рыба»). Эту «Кроткую ксению» Герцен привел в качестве эпиграфа к «Omnia mea mecum porto» («С того берега»). Под «гнилой рыбой» он имел в виду «западный мир».

[11] *Шомбург* — служащий банкирского дома Ротшильда.

[12] *Иваном Батистовичем* Герцен шутливо называет здесь Жана-Батиста Боке, о котором см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 533.

[13] *Камилль*— брат Ж.-Б. Боке.

[14] И. С. Тургенев.

[15] Григорий Иванович Ключарев, московский поверенный Герцена, которому он, уезжая за границу, поручил ведение своих финансовых и хозяйственных дел. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 195—243 и т. 61 по указателю.

[16] *Константин* — Константино Грегорио, повар Герценов.

[17] Имеется в виду хозяин парижского дома, в котором жила в это время Н. А. Герцен.

16

Н. А. ГЕРЦЕН, ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

4 июля 1849. Женева

Письмо твое, разумеется, получено, а равно и Капорец [1] явился на сцену — он вырос [2] и сделался похож на закубанского козака. Какие 8000 фр⟨анков⟩ тебе отдал Ротшильд [3] — я не понимаю, мне следов⟨ало⟩ с него получить по франц⟨узским⟩ рентам всего 2500. (Кстати, ты можешь у него взять и по бельгийской инскрипции, которая у мам⟨еньки⟩). Это, стало, он отдал вперед; в таком случае никак не следовало отделять 5000 маменьке, особенно если она не намерена покупать дом или дачу в Париже. Мам⟨енька⟩ издерживает 1500 в месяц, 1000 была, стало, с 5000 хватило бы на четыре месяца. Мы издерживаем 2500 в месяц, и ты оставила только 3000 у себя. Мне кажется, лучше было бы списаться со мною. Перед отъездом попроси *непременно* Шомбурга, чтоб он мне прислал окончательный расчет всех дел моих у Ротш⟨ильда⟩, чтоб я мог знать en définitive*. Ты можешь съездить к нему с Рейхелем и попросить, чтоб письма, пока Рейхель не уехал с мам⟨енькой⟩, отдавали ему. После их отъезда, чтоб посылали сюда. Я очень боюсь, чтоб письмо Григория Иван⟨овича⟩ не затерялось с векселем. Когда Буко обещал деньги и когда копию с акта? [4] Говори всем, что я сам месяца через два буду в Париже. Не забудь, если франц⟨узские⟩ инскрипции останутся у Ротш⟨ильда⟩, взять записочку.

Здесь дачи чудесные. Не всё же мы будем ездить взад и вперед, вниз и вверх. Пока можно пожить и в hôtel. Ты напиши подробно день отъезда и в каком заведении едете, чтоб я мог приготовить все нужное. Или в «Hôtel des Bergues» или в «Ecu de Genève» [5].

Саша с Каппом гуляют за городом. Он третьего дня ходил да еще с Ф⟨ази⟩ на детский праздник. По окончании ученья, после экзаменов, город дает детям пир; мне это ужасно понравилось, солдаты делают им на караул, музыка играет, дети с знаменами отправляются на луг, где городовые власти им дают обед, и, заметьте, тут все дети, ходящие в школу,— когда они идут назад, их провожает музыка, и несколько домов были иллюминованы. Праздник этот сильно тронул меня, вот как воспитываются в свободных людей. Дети привыкают к царскому почету, к уважению человеческого достоинства [6]. Я забыл сказать, что их собирают для шествия у статуи Ж.-Жака [7]. Здесь скучно, и будет скучно во всей Швейцарии, но что здесь на деле все то, что во Франции на словах, в этом нет сомнения.

Ну что же вы поделываете в Ville d'Avray, которому мы придали историческое значение, навеки нерушимое [8]. Когда к нам собирается маменька? Я сегодня иду смотреть здешнее заведение глухонемых [9]. Поездки я все оставил до вас, в Лозанну и пр.

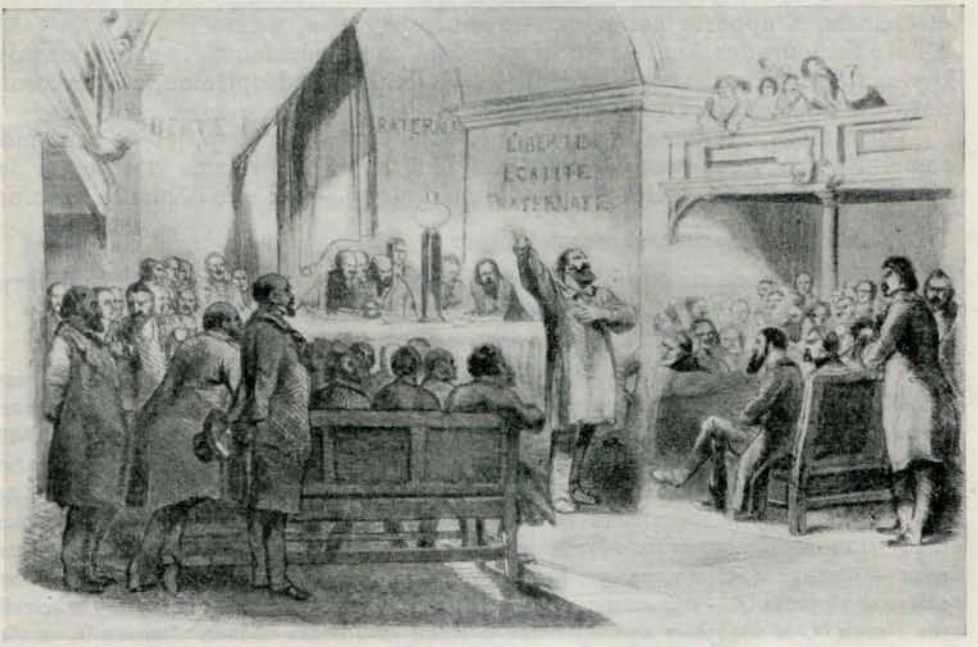
* определенно (франц.).

Привези соломенную шляпу, здесь она у места.

Целую Колю и Тату. Au reste, я думаю они меня-таки и припозабыли.

Езда в дилижансе безобразная, не дают минуты отдыху, советую запастись холодным мясом для Таты и водой с вином.

«Komme, Braut von Libanon!»[10]— cela s'adresse à vous, Herwegh. Wir werden auf Sie warten, nicht wie die X faulen Mädchen die des Nachts schliefen[11] (was ein Beweis war, daß die Dirnen ganz ordentlich waren, und nichts von einem Ruejoubertischen[12] Wachen wußten) als der Bräutigam kam (Evang. Matthei, Cap. XII, Ver. 8—10); sondern wie die anderen X Mädchen die da saßen (am Bureau des Messageries Nationales[13]) (Idem., Ver. 11). Aber wo nehmen wir die Zehn? Wenn es darauf geht, finden wir auch diese

ЗАСЕДАНИЕ ПАРИЖСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КЛУБА
«Illustrierte Zeitung» от 29 апреля 1848 г.

Zahl.— Felix und Tzort sind auch hier — und der Russe Theodor (meine Frau kennt ihn, besondere Kennzeichen — sind die gesalzenen Gurken, die er brachte[14]), Gol⟨ovin⟩ et la famille Petri[15], dont Kapp fait partie, il ne manque que le James[16] pour avoir les dix pucelles qui ne dorment pas,— nous avons encore comme suppléant un Russe sauvage[17], qui est beaucoup plus chien que Tzort.— Savez-vous ce que je pense, c'est que cette fois vous regarderez la Suisse d'un autre point de vue que vous ne l'avez fait. La vie est monotone ici, peu de ressources, beaucoup de germanisme, de pédanterie, de calvinisme... Mais... Est-ce que la vie mesquine, bourgeoise, pleine de prétentions et de vanité de Paris nous suffisait, et quelles étaient donc les grandes distractions qui couvraient le vide de cette existence factice — des relations personnelles, cela ne se rapporte pas à Paris, dîner chez les F⟨rères⟩ Pr⟨ovenceaux⟩[18], aller et venir par les boulevards et s'asseoir près de Tortoni[19], dans une foule de coquins, de crétins, d'hommes d'Etat dans le genre de Julevécourt[20] et de libéraux de la nuance Olinsky[21]? Oui, il faut rompre enfin ce charme, qui nous rendait esclaves de Paris, ce n'est pas la métropole de l'humanité d'aujourd'hui, il n'y a pas de métropole, le mouvement ne s'est

pas concentré, peut-être le centre de gravité est hors de l'Europe, au delà des mers. Nous souffrirons partout, c'est la malédiction du développement, mais j'aime mieux la vie tranquille et sereine d'un petit bourg, qu'une immense cité qui retombe dans le crétinisme, qui vend sa liberté, ses droits pour le droit de voler et de s'enrichir, qui ne comprend plus ce qu'elle a enseigné au monde il y a 50 ans [22].— Notre ami [23] commence à partager quelques idées qu'il repoussait de toutes ses forces lorsque nous avons dîné au Café Anglais; il est plus triste, très préoccupé, les temps sont difficiles à mesurer même pour Genève qui fait les montres pour toute la planète.

Au revoir donc. Ma femme m'écrit qu'elle me prépare du poivre rouge et de l'huile de menthe — elle pense donc qu'en Suisse c'est le désert de Sahara, où on ne trouve rien à manger que des voyageurs, et cela pour lions et chacals. N'apporte pas même de sauce anglaise, primo il y a à la table d'hôte toujours des Anglais qui demandent la permission et la sauce, ensuite il y en a ici. Mieux vaut de prendre la jumelle chez l'opticien (et que ferons nous du microscope Og⟨areff⟩ [24]?

Votre main, madame Herwegh; je vous aime beaucoup, et de tout mon cœur. Et que ferez-vous à Paris — il faut avoir l'héroïsme d'accepter les conditions de la vie, telles qu'elles sont dictées — par une démence absolue.

Приписка Наталье Александровне:

О какой печати ты спрашиваешь? Я раз запечатал в лавке; а обыкновенно печатаю гербом демократического англичанина Голов⟨ина⟩ [25].

Перевод*:

4 июля 1849. Женева

«Komme, Braut von Libanon» ** [10] — это относится к вам, Гервег. Мы будем ждать вас не так, как десять нерадивых дев, спавших ночью (евангелие от Матфея, гл. XII, ст. 8—10)[11], когда пришел жених (чем они доказывают, что были вполне порядочными девицами и не имели представления о бдениях Жуберовской улицы [12]), а как другие десять дев, которые бодрствовали (в bureau des Messageries Nationales *** [13]) (там же, ст. 11). Но где раздобудем мы этот десяток? Впрочем, если уж на то пошло, мы его наберем — Феликс и Чёрт тоже тут, потом русский человек Федор (моя жена его знает, особые его приметы — привезенные им соленые огурцы [14]), далее Гол⟨овин⟩ и семейство Петри [15], к которому принадлежит и Капп, недостает только Джемса [16], чтобы составился десяток бодрствующих девственниц, но у нас есть для замены еще один русский дикарь [17], куда злее Чёрта.— Знаете, я думаю, что на этот раз вы станете смотреть на Швейцарию с иной точки зрения, чем раньше. Жизнь здесь монотонна, ограничена, в ней много германизма, педантства, кальвинизма... Но... Неужели нас удовлетворяла пошлая, мещанская, полная суетности и тщеславия парижская жизнь, и в чем состояли главные развлечения, заполнявшие пустоту этого искусственного существования? Личные связи? Но Париж тут не при чем — обедать у «Про⟨вансальских⟩ бр⟨атьев⟩» [18], бродить по бульварам, сидеть у Тортони [19] в толпе плутов, кретинов, государственных деятелей типа Жюльвекура [20] и либералов оттенка Голынского [21]? Да надобно, наконец, разрушить это колдовство, превращавшее нас в рабов Парижа, это не столица современного человечества, столицы нет, движение не сконцентрировалось. Быть может, центр притяжения теперь вне Европы, за морями. Мы будем страдать повсюду; таково проклятие роста, но я предпочитаю спокойную, безмятежную жизнь маленького городка огромному городу, который снова впадает в кретинизм, продает свою свободу, свои права за право воровать и обогащаться и уже не понимает того, чему сам учил мир 50 лет назад[22]. — Наш друг [23] начинает разделять иные взгляды, которые старался изо всех сил опровергнуть, когда мы обедали

---

* Русскую часть письма, обращенную к Н. А. Герцен, см. выше, в основном тексте.— *Ред.*

** Гряди, невеста с Ливана (нем.).

*** государственной почтово-пассажирской конторе (франц.).

с ним в Café Anglais. Он настроен более грустно и весьма озабочен, времена теперь трудные даже на мерку Женевы, изготовляющей часы для всей планеты.

Итак, до свидания. Жена пишет мне, что запасается для меня красным перцем и мятным маслом; она, стало быть, полагает, что в Швейцарии—пустыня Сахара, где ничего не найдешь поесть, кроме путешественников, но это — для львов и шакалов. Не привози даже английского соуса — во-первых, за табльдотом всегда есть англичане, которые просят разрешения и соуса, а кроме того он здесь есть. Уж лучше взять бинокль у оптика (а как нам быть с ог⟨аревским⟩ микроскопом?) [24].

Вашу руку, г-жа Гервег, я вас очень, всем сердцем, люблю. А что вы станете делать в Париже? Надо обладать героизмом, чтобы согласиться жить в условиях, продиктованных абсолютным безумием *.

[1] *Капорец* — шутливое прозвище Фридриха Каппа (1824—1884), молодого немецкого литератора-эмигранта, воспитателя старшего сына Герцена. Капп оказал Герцену существенную помощь при переводе им на немецкий язык «С того берега» и «Писем из Франции и Италии».

[2] Шутка. Капп был чрезвычайно высокого роста.

[3] Подробную характеристику парижского банкира Джемса Ротшильда (1792—1868) см. в XXXIX главе «Былого и дум».

[4] Имеется в виду акт на покупку парижского дома.

[5] Герцены поселились в «Hôtel des Bergues».

[6] Этот праздник подробно описан в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 97).

[7] *Жан-Жак* — Руссо.

[8] *Вилль д'Авре* — деревня близ Сен-Клу, невдалеке от Парижа. В конце мая 1849 г. туда переехала мать Герцена; в начале июня 1849 г. там поселился и сам Герцен с женой и детьми.

[9] Герцен искал подходящее учебное заведение для своего глухонемого сына Коли.

[10] Строка из «Песни песней» царя Соломона, гл. 4, ст. 8.

[11] Притча о спящих девах, на которую шутливо (и неточно) ссылается Герцен, находится в гл. XXV евангелия («От Матфея», стихи 1—12).

[12] На улице Жубер, № 4 в Париже помещалось увеселительное заведение, упоминание о котором встречается в письме Н. А. Мельгунова к Герцену — см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 352.

[13] По-видимому, Герцен шутливо намекает здесь на то, что Гервег будет встречен в почтовой конторе своими швейцарскими друзьями.

[14] О ком говорит здесь Герцен — не установлено.

[15] О *Петри* — см. ниже, в примеч. 10 к письму № 66.

[16] Фази.

[17] Личность этого «русского дикаря» установить не удалось.

[18] «*Провансальские братья*» («Три провансальских брата»)— один из старейших и наиболее известных ресторанов в Париже.

[19] *Тортони* — известное парижское кафе.

[20] *Жюльвекур* — литератор, приятель Сазонова. Герцен характеризовал «тощего Жюльвекура» как одного из «скудных умом и телом лаццарони литературной Киайи, поденщиков журнальной барщины, ветошников фельетонов» (изд. АН, т. X, стр. 324).

[21] Журналист Александр Викентьевич *Голынский* (во французской транскрипции Holynski или Olinsky) — приятель Сазонова и член организованного им в 1848 г. клуба (см. изд. АН, т. X, стр. 329).

[22] Имеется в виду революция 1789—1794 гг.

[23] *Наш друг* — Фази.

[24] Герцен приобрел микроскоп по просьбе Огарева, увлекавшегося в это время практическим изучением естественных наук. В письме от 12 сентября 1849 г. Огарев, однако, попросил микроскоп ему не присылать («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 794).

[25] В 1846 г. Головин добился английского подданства «со всеми правами туземца, исключая права быть членом парламента и частного совета», как писал он сам («Записки», цит. изд., стр. 101).

17

ЭММЕ ГЕРВЕГ и Н. А. ГЕРЦЕН

⟨Женева. 7 июля 1849 г.⟩

Madame Emma, êtes-vous à Ville d'Avray? — Je le crois — et je viens vous consoler du départ de George (s'il est parti)[1], premièrement, et cela doit

* Следующую далее русскую приписку, обращенную к Н. А. Герцен, см. выше в основном тексте.— *Ред.*

beaucoup soulager votre peine, il s'ennuiera ici horriblement. *Je ne vois* rien de mauvais dans les *Genevois*, mais, par malheur, je vois aussi qu'il m'est impossible de ne pas voir (sans employer les moyens trop radicaux de Justinien envers Bélisaire[2]) notre Anglais G⟨olovine⟩ [3]. George sera donc forcé de le voir aussi. Ensuite, moi je suis devenu d'une stupidité inouïe, d'une sobriété qui dépasse tout ce qu'on raconte des stylites et autres fous en Dieu des déserts de la Thébaïde; je me couche à 10 h⟨eures⟩ $\frac{1}{2}$ et je *me lève* à *6* (*assis* sur mon lit). La cuisine de Genève me déprave, l'élément germanique avec ses ragoûts sauvages[4] — m'infiltre des idées de conservateurs et des vertus d'hommes qui ne sont pas capables d'avoir des vices. Donc vous voyez quel déplaisir aura George de cet agrément. En cas que George n'est pas parti — je commencerai à consoler ma femme et non pas la sienne.

Приписка Наталье Александровне:

Если ты не уехала — то поезжайте же, наконец, а то ждать скучно, я уж было так и расположился вас во вторник принять. Я совершенно отвык жить в таком isolement *, да и без бумаг не могу работать, да и не хочется. Может, и удастся поездить хорошо — поживем, а там... а там — что там, спроси у Морица [5], он еще так глуп, что, может быть, и отгадает, что будет вперед... В Америку [6]. Итак, я жду. Саша здоров, купается, шатается; если б Каппа отрезать на поларшина, он бы был хороший человек.

7. Суббота. Полдень.

Перевод:

⟨Женева. 7 июля 1849 г.⟩

Госпожа Эмма, в Виль д'Аврэ ли вы? Полагаю, что там, и хочу утешить вас по поводу отъезда Георга (если он уехал) [1]; прежде всего, и это должно очень облегчить ваше горе, он будет здесь ужасно скучать. *Я не вижу* ничего дурного в *женевцах* **, но к несчастью, я вижу также, что невозможно не видеть (не прибегая к чрезвычайным мерам, примененным Юстинианом к Велизарию [2]) нашего англичанина Г⟨оловина⟩ [3]; Георг, следовательно, будет также вынужден видеть его. Затем, сам я дошел до такой неслыханной глупости, до такой воздержанности, которая превосходит все, что рассказывают о столпниках и других во Христе юродствующих пустыни Фиваидской; я ложусь в 10$\frac{1}{2}$ ч⟨асов⟩ и *встаю* (*сидя* в постели) в *6* ***. Женевская кухня меня развращает, германский элемент с его дикими рагу [4] пропитывает меня идеями, присущими консерваторам, и добродетелями людей, неспособных иметь пороки. Итак, вы сами видите, сколько неприятностей получит Георг от этих удовольствий. В случае, если Георг не уехал, я примусь утешать не его жену, а свою ****.

7. Суббота. Полдень.

[1] Гервег вместе с Н. А. Герцен и Татой отправился из Парижа в Женеву в тот же день, 7 июля 1849 г. См. ниже обзор писем Н. А. Герцен к Гервегам.

[2] *Велизарий* — византийский полководец (494—565), которого, по преданию, лишил зрения император Юстиниан.

[3] О принятии Головиным английского подданства см. в примеч. 25 к письму № 16.

[4] «...германский ум при всей теоретической силе имеет какую-то практическую несостоятельность»,— писал Герцен в «Письмах из Avenue Marigny» и шутливо объяснял это недостатками немецкой кухни (изд. АН, т. V, стр. 17).

[5] *Мориц* — малолетний сын Адольфа Рейхеля от первого брака.

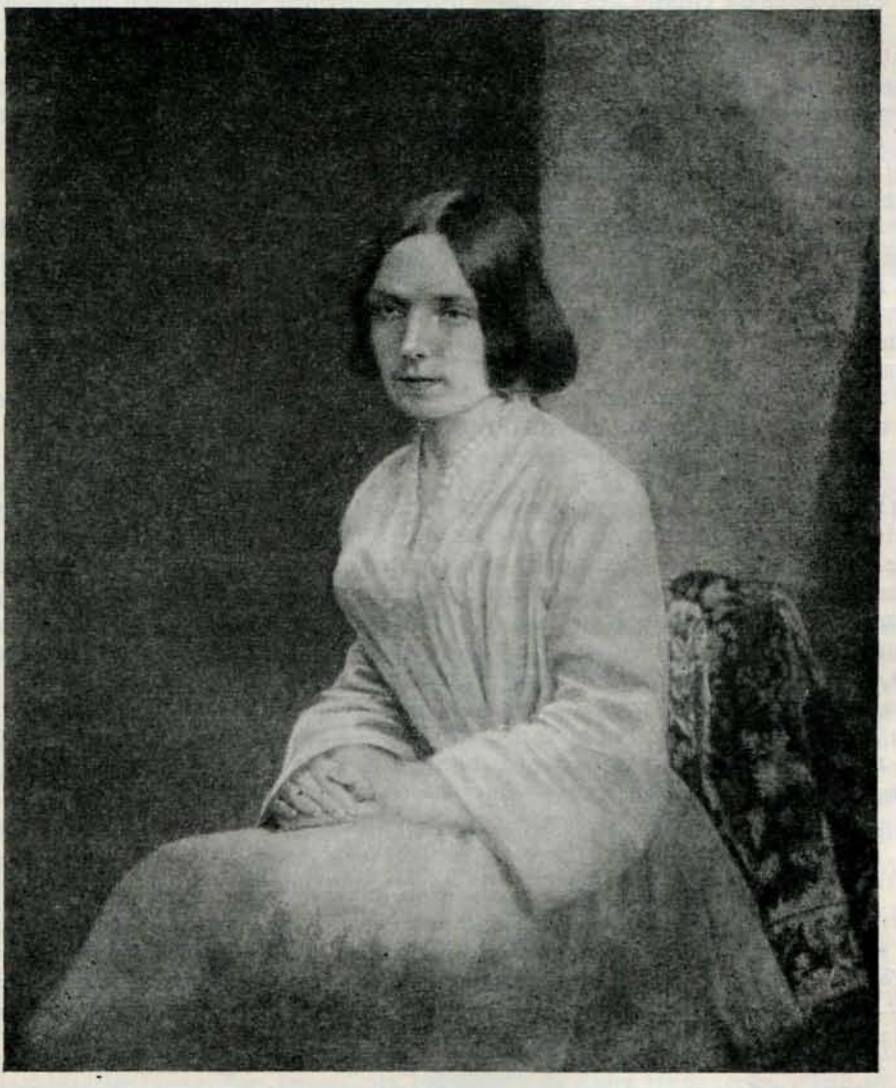
[6] Герцен в это время неоднократно высказывал желание покинуть Европу, где свирепствовала реакция, и переехать в Америку. Однако американский жизненный уклад был ему чужд и антипатичен, и на переселение он так и не решился.

* уединении (франц.).

** Каламбур: «je ne vois» (я не вижу) и «Genevois» (женевцы) звучит одинаково.

*** Каламбур: по-французски «à six» (в шесть) и «assis» (сидя) звучит одинаково.

**** Следующую далее русскую приписку, обращенную к Н. А. Герцен, см. выше в основном тексте.— *Ред.*

Н. А. ГЕРЦЕН
Дагерротип, 1851 г.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

18

ЭММЕ ГЕРВЕГ

‹Genève.› Le 13 juillet ‹1849›

Chez nous en Russie, les hommes qui restent une vingtaine d'années dans les provinces, commencent ordinairement les lettres de cette manière: «Voulant profiter de cette occasion (la poste!) je m'empresse de etc. etc.». Donc voulant profiter de la même manière d'une occasion *très sûre*, pour mettre à vos pieds les fleurs de mes sentiments, sympathies... — après avoir accompli ce devoir — j'oserai avouer que je profite de l'occasion pour ne rien vous écrire à vous, mais pour vous prier d'avoir la bontée de vous charger d'une commission pour M. Petri [1].

J'ai parlé de son affaire avec M. F‹azy›, il dit que la chose est faisable, mais qu'il faut pour cela ou le document qui a été ici, ou la présence de M. Petri. Dites-lui qu'il me précise ce qu'il veut, s'il ne veut pas venir en personne. Pour moi c'est tout bonnement un bonheur que je trouve l'occasion d'être utile en peu de chose à m-r Petri, qui m'a obligé d'une manière si amicale et noble.

Je profite de cette occasion très sûre pour faire un effort insurmontable et de vous faire tous les sentiments de considération, d'estime etc.

Рукой Н. А. Герцен:

Votre main, chère Emma, je vous écris et écrirai aussi souvent que possible pour vous donner des nouvelles de G‹eorges›.— Je ne l'ai jamais vu rire autant qu'hier: A‹lexandre› a fait notre *cicerone* pendant quatre heures; vous pouvez vous imaginer le point de vue duquel nous avons étudié Genève; nous courions après lui tout essouflés par les rues sales, étroites, où il nous montrait tout ce qu'il y avait de plus remarquable: un chat noir, par exemple, un chien qui se transforme en poisson; un âne qui *même* à Genève a les oreilles aussi longues que partout, etc. Le soir m-me Strouve est venue avec son mari[2],— elle a tout pour être belle et ne l'est pas, elle prend du lait et du miel pour toute sa nourriture, admire George S‹and› et aime Schiller, elle et son mari travaillent 6 jours et se reposent le septième * [3]

Перевод:

‹Женева.› 13 июля ‹1849 г.›

У нас в России люди, прожившие в провинции около двух десятков лет, начинают обычно свои письма таким образом: «Желая воспользоваться оказией (почтой!), спешу и т. д. и т. д.». Итак, я тоже желаю воспользоваться *совершенно надежной* оказией, чтобы сложить у ваших ног цветы моих чувств и моего расположения; исполнив этот долг, осмелюсь признаться, что я пользуюсь оказией, чтобы ничего не писать лично вам, а попросить вас взять на себя поручение к г-ну Петри [1].

Я говорил о его деле с г-ном Ф‹ази›; он сказал, что это дело выполнимо, но для этого нужен либо тот документ, который был здесь, либо присутствие г-на Петри. Передайте ему, чтобы он точно указал мне, что ему надобно, если он не хочет приехать сам. Я просто счастлив, что представился случай хоть в чем-нибудь быть полезным г-ну Петри, который так благородно и по-дружески оказал мне услугу.

Пользуюсь этой совершенно надежной оказией, чтобы, напрягши все силы, выразить вам свои чувства уважения, почтения и т. д.

Рукой Н. А. Герцен:

Вашу руку, дорогая Эмма, я пишу и буду писать вам по возможности чаще и сообщать, как поживает Г‹еорг›. Я еще ни разу не видела, чтоб он так смеялся, как вчера. А‹лександр› был нашим чичероне в течение четырех часов. Вы можете себе представить, с какой точки зрения мы изучали Женеву. Мы бегали за ним, совершенно запыхав-

* Конец письма отсутствует.— *Ред.*

шись, по грязным, узким улицам, где он показывал нам всякие достопримечательности: черную кошку, например; собаку, превращающуюся в рыбу; осла, у которого *даже* в Женеве уши не короче, чем повсюду, и т. д. Вечером приходила г-жа Струве с мужем [2]. У нее есть всё, чтобы быть красивой, но она некрасива. Питается она только молоком и медом, восхищается Жорж С⟨анд⟩ и любит Шиллера. Шесть дней они с мужем трудятся, а на седьмой отдыхают [3]*

[1] О *Петри* см. ниже в примеч. 10 к письму № 66.

[2] Ироническую характеристику Густава *Струве* (1805—1870), одного из руководителей Баденского восстания, эмигрировавшего в Швейцарию, а также его жены Амалии см. в гл. XXXVIII «Былого и дум».

[3] К этому письму приложена следующая записка Герцена на отдельном листке: «G. Herw⟨egh⟩. Je n'ai pu me décider d'envoyer cette lettre à part, je ne veux pas enrichir la poste; au reste, je prierai d'envoyer cette lettre par Adelhaid — elle aura tout l'air de venir par la poste» («Г. Герв⟨егу⟩. Я не решился послать это письмо отдельно, я не хочу обогащать почту; впрочем, я попрошу послать письмо через Адельгейду —а вид будет такой, словно оно пришло по почте»).

19

ЭММЕ ГЕРВЕГ

23 Juli 1849. Genève

Gestern zu Folge einer Intrige, die noch keinen Namen gefunden hat im Lexikon, hat man mir die Möglichkeit geraubt, Ihnen einige Worte zu sagen — Sie können sich denken, daß dieser Fallonische Plan von meiner Lucrez-Borgia-Frau und von ihrem César-Borgia-Mann entworfen und zur Wirklichkeit gerufen war.

Ich wollte nämlich Sie unterhalten von dem schönen Plan der liberalen Regierungen, die eine ganz neue Methode anwenden wollen, um aus dem Genfer See einen *Champ de la liberté* zu machen und ohne viel Eidgenössisches Geld zu verbrauchen. Man drängt von allen Seiten die Flüchtlinge hierher [1], und wenn sie einmal da sind — am Ufer, so schreit man «Zurück aus Zürich» und erlaubt nicht hier zu bleiben, die andern Mächte haben die *Faiblesse*, auch «Zurück» zu schreien, da bleibt also keine Wahl. Die Flüchtlinge müssen oder nach dem barbarischen Frankreich, oder in der See zu Grunde gehen. Freilich jeder ehrliche Mann wird den kürzesten und den am wenigsten trockenen Weg vorziehen. Man hat berechnet, daß es hinlänglich wird nur den Bodensee mit den Italienern und Franzosen hinzudrängen, um eine schöne Wiese zu machen. Dazu sagt man, daß das Gras vortrefflich wächst auf radikalem Humus.— Struve ißt keine *Légume* mehr, er findet daß einem sittlichen Mann unanständig ist, von den Pflanzen, die Phanerogame sind, zu essen—er erlaubt sich nur jetzt die *Fougères*. Es ist wirklich schade, daß Simeon der Stylit [2] etwas zu frühe lebte, der hätte mit St⟨ruve⟩ gekneipt. Seine Frau muß alle Tage sehr weit, so circa 3 geographische Grade gehen und dort eine Quelle aufsuchen, die immer gefroren ist, um allerlei unasketische Gedanken (was Gott behüte), *à la glace* frappieren, denn in dieser Temperatur hat der Böse keine Wirkung mehr.

Vor einer Woche brach hier eine epidemische Krankheit ⟨ein⟩, die zwar schädlicher als die Cholera, aber milder als die Pest (die orientalische) scheint — man nennt diese Krank⟨heit⟩ — Dictagras. Der Mann fängt ⟨an⟩, vor zwei Stunden eine große Schwere im Kopf zu fühlen (dann muß er gleich eine Flasche Burgun⟨der⟩ trinken)—wenn er aber nicht trinkt, so fängt er an zu diktieren und der Andre muß schreiben, und wird durch die Kontagion auch Diktoman... bei uns sind alle krank, meine Frau diktiert Her⟨wegh⟩ russisch — weil er kein Russisch versteht, ich — H⟨errn⟩ Kapp deutsch—weil ich kein Deutsch verstehe [3], Kapp rediktiert einem Russen [4] — weil er in Baden war (die Krankheit findet immer Ursache); am Ende Golovin diktiert meiner

* Конец письма отсутствует. — *Ред.*

Frau — weil er aus Unvorsichtigkeit seine Mutter verloren hat und jetzt sie *dans toutes les Russies* sucht.

Verzeien Sie, ich kann nicht mehr schreiben. Elisa [5] schlachtet die Tata ab — wenn das einmal vorbei ist, dann werde ich fortfahren. *Adieu.*

Перевод:

23 июля 1849 г. Женева

Вчера, в результате интриги, которая в лексиконе еще не нашла себе названия, я был лишен возможности сказать вам несколько слов — представьте себе, что этот фаллонический * план был задуман и осуществлен моей Лукрецией-Борджиа-супругой и вашим Цезарем-Борджиа-супругом.

А между тем я хотел рассказать вам о великолепном плане либеральных властей, которые хотят применить совершенно новый способ, чтобы превратить Женевское озеро в «Champ de la liberté» **, притом без больших затрат швейцарских денег. Сюда со всех сторон теснят беженцев [1], а когда они, наконец, оказываются тут, на берегу, то им кричат: «Назад из Цюриха» *** — и не разрешают здесь оставаться, другие власти тоже имеют склонность кричать «назад», и, таким образом, у них не остается никакого выбора. Беженцам нужно либо отправляться в варварскую Францию, либо на дно озера! Разумеется, каждый порядочный человек предпочтет наикратчайший и, следовательно, наименее сухой путь. Рассчитали, что достаточно будет спустить в Боденское озеро итальянцев и французов, и зазеленеет прекрасный луг. Кроме того, говорят, что трава прекрасно растет на перегное из радикалов. Струве больше не ест овощей, он находит, что нравственному человеку неприлично есть явнобрачные растения, он разрешает себе теперь только fougères ****. Право, жаль, что Симеон Столпник [2] жил немного рановато: они бы вместе выпивали со Струве. Его жена вынуждена ежедневно ходить очень далеко, примерно за 3 градуса широты, на поиски источника с вечно ледяной водой, чтобы à la glace***** замораживать всякие (боже упаси!) неаскетические мысли, ибо нечистый при подобной температуре теряет всю свою власть.

Неделю тому назад здесь разразилась эпидемия, которая, хотя и страшнее холеры, но как будто менее опасна, чем чума (азиатская), — эта бол⟨езнь⟩ называется «диктаграс». За два часа до начала заболевания у человека появляется ощущение сильной тяжести в голове (тогда он немедленно должен выпить бутылку бургунд⟨ского⟩), а если не выпьет, то принимается диктовать, а другой должен записывать и, сам заражаясь, также становится диктоманом... У нас все больны: моя жена диктует Гер⟨вегу⟩ по-русски, потому что он не знает русского языка; я — г-ну Каппу по-немецки, потому что не знаю немецкого языка [3]; Капп передиктовывает это одному русскому [4], потому что тот был в Бадене (для болезни всегда найдется причина); наконец, Головин диктует моей жене, потому что он имел неосторожность потерять свою мать, и теперь ищет ее dans toutes les Russies ******.

Извините, больше не могу писать. Элиза [5] расправляется с Татой; когда это кончится, продолжу. Прощайте.

[1] В 1849—1850 гг., под давлением реакционных европейских правительств, Швейцарская конфедерация стала принимать репрессивные меры против революционеров-эмигрантов, вынужденных после разгрома революций искать убежища в Швейцарии.

[2] *Симеон Столпник* — христианский аскет, подвергавший себя, по преданию, самым мучительным истязаниям.

[3] Герцен в это время диктовал Ф. Каппу по-немецки, с русского оригинала, «С того берега».

[4] О каком русском идет речь — не выяснено.

[5] *Элиза* — горничная Н. А. Герцен.

---

* от лат. fallo — обманывать.

** «Поле свободы» (франц.).

*** Каламбур: «Zürich» (Цюрих) и «zurück» (назад) по-немецки произносятся схоже.

**** Игра слов: по-французски «fougère» — папоротник (тайнобрачное растение) и винный бокал.

***** на льду (франц.).

****** по всей России (франц.).

«ОПЕРНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ЖЕНЕВЕ В СЕНТЯБРЕ 1849 г.»

Карикатура на Джемса Фази и преследование политических эмигрантов в Швейцарии

Подпись под рисунком: «Вильгельм Телль», действие второе». В роли Вильгельма Телля — Фази (средняя фигура), справа — Пьер Леру, слева — В. Консидеран. Суфлер — Прудон. На заднем плане немецкие, итальянские и французские эмигранты.

«L'Illustration» от 13 октября 1849 г.

20

ЭММЕ ГЕРВЕГ

20 août 1849. Genève

Avez-vous reçu une lettre audacieusement adressée à votre nom sans insertion pour vous? Figurez-vous, je vous ai écrit une épître en sollicitant d'envoyer tout de suite chercher le cher M. Chojecki [1], et de lui remettre mon *oltimatom* — comme disent les Français — eh bien, après avoir expédié ma lettre, je vois sur ma table... horreur... que l'épître est restée tranquillement. Au premier moment j'avais l'intention de punir Tata, de me divorcer avec ma femme, de tuer dans un duel votre mari, de quitter l'Hôtel des Bergues, Genève, la Suisse, l'Europe... et j'ai fini par quitter ces intentions; eh bien, pardonnez donc à un vieillard chétif qui a perdu la mémoire et les facultés intellectuelles par de longs malheurs, emprisonnement, exil, émigration, chambertin, absinthe, famille nombreuse, enfants, parents... vraiment, je m'étonne qu'on me permette encore de vivre librement et qu'on ne m'envoie pas à Charenton [2].

Et pourtant il n'y avait rien de très intéressant dans ma lettre, elle était grave, solennelle, comme cela arrive toujours lorsqu'un homme prend une grande résolution. – Vous devez savoir que je me suis décidé d'emprunter chez ma mère l'argent pour le cautionnement [3]. Ce qui m'a le plus engagé, c'est l'exemple de Lola Montès qui a aussi payé à Londres un cautionnement de 25 m⟨ille⟩ fr⟨ancs⟩ (et je suis sûr qu'elle le perdra avant moi) [4].

La journalistique envahit tout le monde, ici il y a quatre projets, tout le monde parle de spécimen, de Revue, de format, et tout le monde a la bonté de vouloir me faire participer aux pertes. Je suis touché de ces marques d'amitié [5].

Georges fait tous les jours des scènes pour le dîner; non seulement qu'il jette des regards furieux, mais des assiettes, il gronde Kapp pour la soupe,

ma femme pour le gigot, m-lle Ern [6] pour les légumes — cela augmente beaucoup au piquant — moi j'ai la responsabilité des vins. Plus que moi! plus que moi, votre

Pseudo Hafis[7]

Перевод:

20 августа 1849 г. Женева

Получили ли вы письмо, бесцеремонно адресованное вам, но без вложения единой строки для вас? Представьте себе, я написал вам эпистолу с просьбой тотчас же разыскать милого г-на Хоецкого [1] и передать ему мой *ультиматом*, как говорят французы, но, отослав письмо, я вдруг вижу — о ужас! — что эпистола к вам спокойно лежит у меня на столе. В первую минуту я имел намерение наказать Тату, развестись с женой, убить на дуэли вашего мужа, покинуть Hôtel des Bergues, Женеву, Швейцарию, Европу... и кончил тем, что оставил все эти намерения. Простите же немощному старцу, коего многие горести, заточение, изгнание, эмиграция, шамбертен, абсент, многочисленное семейство, дети, родня лишили памяти и мыслительных способностей... право, я удивляюсь, как до сих пор мне дозволяют оставаться на свободе и не отправляют в Шарантон [2].

И тем не менее, в моем письме не было ничего особенно интересного, оно было серьезно и торжественно, как это обычно бывает, когда человек принимает важное решение. Да будет вам известно, что я решил занять у моей матери деньги, необходимые для залога [3]. Меня побудил к этому больше всего пример Лолы Монтес, которая также внесла в Лондоне залог в 25 тыс⟨яч⟩ фр⟨анков⟩ (и я уверен, что она потеряет его раньше, чем я) [4].

Здесь все увлечены журналистикой, предлагаются четыре проекта, все говорят о пробных номерах, о журналах, форматах, и все любезно предоставляют мне право участвовать в убытках. Я тронут этими свидетельствами дружбы [5].

Георг всякий день устраивает сцены из-за обеда. Он бросает не только гневные взгляды, но и тарелки, бранит Каппа за суп, мою жену за жаркое, мадемуазель Эрн [6] за овощи — все это добавляет немало остроты к приправам, а я несу ответственность за вина. Больше чем я! больше чем я, ваш

Лжегафиз[7]

[1] О Шарле-Эдмоне (Карле-Эдмунде) *Хоецком* см. ниже в публикации письма к нему Герцена.

[2] *Шарантон* — лечебница для умалишенных невдалеке от Парижа.

[3] Речь идет о залоге в 24 000 франков, которые Герцен, по договоренности с Прудоном, должен был внести для обеспечения издания газеты «Voix du Peuple». См. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 490—500 и 522—545.

[4] *Лола Монтес* (1820—1861) — авантюристка, танцовщица, фаворитка баварского короля Людвига I, которая после отречения короля от престола (в 1848 г.), вышла замуж за богатого английского офицера и переехала в Лондон. Родные офицера возбудили против нее судебное дело за двоемужество, так как ее первый муж был еще в живых. Чтоб избежать тюремного заключения, Лола Монтес внесла за себя залог в 1000 фунтов стерлингов и скрылась в Испанию. На эту историю и намекает Герцен.

[5] Об этой повальной болезни издания эмигрантских газет в Женеве Герцен писал в «Былом и думах», отмечая, что «люди, ни на что не способные, все еще считали себя способными на издание журнала, сколачивали сто-двести франков и употребляли их на первый и последний лист» (изд. АН, т. X, стр. 63—64).

[6] Мария Каспаровна *Эрн*, впоследствии — Рейхель.

[7] Герцен в это время был сильно увлечен сборником стихотворений Гафиза, французский перевод которого вышел в Париже. «Достань себе всенепременно Гафиза, перевод Даумера, напеч⟨атанный⟩ в ⟨18⟩46 или 47,— писал он Огареву 17 октября 1848 г.— Вот тебе новый, огромный источник наслаждений. Что это за реальный, разгульный и глубокий поэт! Будешь благодарить» («Герцен. Новые материалы». М. 1927, стр. 67).

21

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Женева. Первая половина сентября 1849 г.⟩

Ich wußte sehr gut, daß wenn Sie etwas übersetzen wollten, so wäre es ins Englische vom Menschlichen übersetzt, aber wo haben Sie denn gesehen,

gehört, gelesen... daß man so hohe Feder (Engelsfeder) dazu gebraucht, um Barbarismen zu englisieren[1] — und Sie fragen, ob kein Genfer diesen Gedanken gehabt hat? Hab' ich denn Freunde unter den Genferbürgern?—Oder Feinde? Auch nicht,— Und glauben Sie, daß die Menschen, die mich nicht lieben und nicht hassen, solche Vorschläge machen.— Ich bitte, um prosaischer zu werden, schreiben Sie nur, wieviel haben Sie gezahlt für die Blätter, ich will wissen, ob man mich hier betrogen hat oder nicht. Sie sollten zahlen 4 sous per Dutzen⟨d⟩, hat man hier gesagt; wenn es mehr ist—so schicke ich durch die *Messagerie.*

Sagen Sie Chojecki, daß ich heute die Prokuration geschickt habe (es heißt — jetzt schicke) [2].— Pr⟨oudhon⟩ schreibt nichts. Ich glaube, daß er nicht ganz zufrieden mit meinem Brief war [3]; ich habe geschrieben wie an einen Menschen — und er ist der große Ökonom.— J'ai fait ce que j'ai promis — j'insisterai pour avoir — non l'amitié de Pr⟨oudhon⟩, mais l'exécution du concordat [4]. Qui est le Pape et qui Napoléon? — Moi je suis, s'il faut choisir, la Papesse Jeanne[5] et donc

votre amie
p⟨a p e s s e⟩ J ⟨e a n n e⟩

П е р е в о д:

⟨Женева. Первая половина сентября 1849 г.⟩

Я прекрасно знал, что уж если бы вы вздумали что-нибудь перевести, то это было бы переводом с человеческого языка на ангельский, но где же вы видели, слышали, читали... чтобы такое высокое перо (ангельское перо) употребляли для энглизирования * варваризмов [1], и вы еще спрашиваете, не пришла ли в голову кому-нибудь из женевцев такая мысль? И есть ли у меня друзья среди женевских граждан? Или враги? Ни тех, ни других. И вы думаете, что люди, которые не питают ко мне ни любви, ни ненависти, будут делать такие предложения.— Прошу вас, переходя к более прозаическому, напишите же, сколько вы заплатили за газеты, я хочу знать, обманули меня здесь или нет. Тут говорят, что вы должны были заплатить 4 су за дюжину, если вы заплатили больше, я пошлю через Messagerie **.

Скажите Хоецкому, что доверенность я послал сегодня (т. е. посылаю сейчас) [2]. — Пр⟨удон⟩ ничего не пишет. Мне кажется, что он остался не совсем доволен моим письмом [3]; я писал ему, как человеку, а он — великий эконом. Я сделал то, что обещал, и буду настаивать не столько на дружбе Пр⟨удона⟩, сколько на выполнении конкордата [4] — кто тут папа и кто Наполеон? Если уже выбирать, то я папесса Иоанна [5], а стало быть

ваша приятельница
п⟨а п е с с а⟩ И⟨о а н н а⟩

[1] Вероятно, Э. Гервег предложила Герцену перевести на английский язык «Письмо к Гервегу» (в немецком издании «С того берега» оно было напечатано за подписью *Варвар*) и осведомлялась, не высказал ли желание сделать это кто-нибудь из его женевских знакомых.

[2] Доверенность на получение денег в банкирской конторе Ротшильда для внесения залога за «Voix du Peuple» — см. примечания к следующим письмам.

[3] Письмо Герцена к Прудону от 27 августа 1849 г.— «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 492—495; ответ Прудона от 15 сентября 1849 г.— там же, стр. 497—500.

[4] Герцен шутливо сравнивает договор, заключенный между Наполеоном I и папой римским Пием VII в 1802 г., со своим договором с Прудоном. «...я требовал,— писал впоследствии в «Былом и думах» Герцен,— во-первых, права помещать статьи свои и не свои, во-вторых, права заведовать всею иностранною частию, рекомендовать редакторов для нее, корреспондентов и пр., требовать для последних плату за помещенные статьи» (изд. АН, т. X, стр. 191).

[5] В 855 г. в папы под именем Иоанна VIII, по утверждению некоторых исторических источников, была избрана переодетая женщина, получившая в народе прозвание *папесса Иоанна*. Достоверность этого факта более чем сомнительна.

* Игра слов: «Engel» по-немецки: «ангел»; «englisch» — «ангельский» и «английский».

** Почтовую экспедицию (франц.).

22

ЭММЕ ГЕРВЕГ

5 oct⟨obre 1849⟩. Genève

Je me proposais de vous raconter notre célèbre excursion à Chamouny sans avoir vu le Mont-Blanc — mais, entraîné comme toujours, je n'ai rien fait. Le côté intéressant du voyage était le choix d'un temps pluvieux, glacial, où la bise emporte les avalanches, et où on ne voit pas ses propres mains à force de brouillard.— Au reste, si nous n'avons rien vu, au moins nous avons été versés, et si nous avons au complet pieds, mains, nez et yeux— cela n'est pas notre faute.

Et ensuite c'est si bourgeois de voir le Mont-Blanc à Chamouny, ne pas l'y voir est plus distingué et coûte la même chose.

La misanthropie de Georges prend une nouvelle forme et de sentiment négatif passe à l'état positif. Vous pensez, peut-être, que la haine des hommes le porte à l'amour des femmes — du tout — au fond, qu'⟨est⟩ce que c'est qu'une femme — c'est un homme du genre féminin; non, il tombe dans la caprophilie et pendant tout le temps de notre voyage sur le mont... attendez un instant, j'irai demander à Sacha le nom du mont... je sais que ce n'est ni le mont Thabor, ni le mont Ararat où Noë arriva sans être noyé, avec un cabinet d'animaux rares — *donc* sur le mont *en vers* le poète, il se promena bras dessous bras dessus avec une jeune chèvre [1]. Il pense (et moi je ne m'étonne nullement de cela) que c'est bien dommage que cette chèvre n'ait pas reçu une éducation soignée et que feu le Père-bouc — n'aie pas été bouquiniste, autrement on pourrait la prier de se charger de la correspondance étrangère pour la *Voix du Peuple* (et des chèvres). Elle est diablement rauque cette voix [2]—mais dites donc au nom de tous les dieux, sans en excepter celui du diable—que font donc nos amis? Par rapport à l'étranger, c'est une mauvaise feuille parisienne. J'ai écrit à Ch⟨ojecky⟩ [3].— Ch⟨ojecky⟩ m'a écrit qu'il ne s'en occupe pas. J'ai écrit à Sas⟨onoff⟩ — il ne s'occupe pas à me répondre. A qui m'adresser, je suis au désespoir, je me jeterai dans le lac, je me brûlerai la cervelle, je ne prendrai pas de vin de bourgogne, je partirai pour la Martinique ou pour Lausanne, afin de ne pas rencontrer des hommes qui me sifflent, qui me disent ouvertement: «Mais votre *Voix du Peuple* a perdu sa voix avant de chanter — quel malheur!» — et moi de répondre alors: «Elle n'est pas encore entrée dans la véritable *voie*... — et ensuite c'est peut-être en *Savoie* qu'on fait imprimer cette feuille,—mais qu'il y a une autre à Paris,— seulement par précaution on ne la montre à personne; la réaction est forte, et la feuille faible...», etc., et je jure après que dans cette autre feuille on comprend la solidarité du principe monarchique en France et en Russie, qu'on parle de la Russie en homme et non en Français, qu'on n'attend pas de la Russie la féodalité... qui n'existe en Russie que comme un don de l'Europe... que là les nouvelles sont publiées le même jour que dans les *Débats* [4] — et non le lendemain.— Mais savez-vous, chère madame Emma, ce qui vient d'une manière très heureuse confirmer mes assertions, *c'est que personne*, du nombre de ceux qui ont été désignés par moi — n'a reçu ni le spécimen ni les premiers №№ [5]. Vraiment cela est touchant, cela m'aide à dire et à répéter: «Cette feuille, vous voyez vous-mêmes, n'est pas la véritable, la patentée, l'approuvée, la rédigée, la cosmopolitisée; mais en cas que le journal se portera un peu mieux, je crois qu'on enverra à tout le monde *et quibusdam aliis* même beaucoup d'exemplaires; autrement je ne conçois pas les moyens de propager la réputation.

Eh bien, avez-vous parcouru mes pauvres feuilles [6], ah, si elles étaient des chèvrefeuilles. Je crois que vous ne les lisez pas, autrement pourriez vous faire tant de compliments — je vous enverrai bientôt la lettre sur la Russie [7].

A propos, Haug [8] nous a envoyé un Italien turc qui, je crois, déposera bientôt lui-même les roses orientales de l'éloquence de Haug-Pascha à vos pieds [9].

Fazy und das sämtliche Ministerium dinieren heute bei einem Menschen, der vor Hunger stirbt sie zu sehen und der ist

A. Herzen

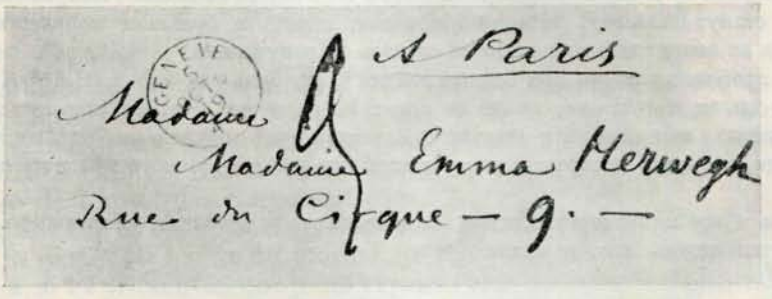
A Paris
Madame
Madame Emma Herwegh
Rue du Cirque, 9

Почтовый штемпель: — «Genève. 5 octo⟨bre⟩ 49.

Перевод:

5 окт⟨ября 1849 г.⟩ Женева

Я собирался рассказать вам, какую замечательную прогулку мы совершили в Шамуни не видав Монблана; но, по обыкновению чем-то увлекшись, не сделал этого. Самое интересное в поездке—выбор погоды—дождливой, леденящей, когда северный ветер сносит

КОНВЕРТ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ЭММЕ ГЕРВЕГ ОТ 5 ОКТЯБРЯ 1849 г.
Автограф
Британский музей, Лондон

лавины и когда из-за тумана не видно собственных рук. Впрочем, если мы ничего и не видели, то зато опрокинулись, и если у нас уцелели ноги, руки, носы и глаза, то тут уж вина не наша.

А потом, это такое мещанство — увидеть Монблан из Шамуни, куда изысканнее его оттуда не увидеть, а стóит это столько же.

Мизантропия Георга приобретает новую форму: из негативного чувства она превращается в позитивное. Вы, может быть, думаете, что ненависть к человеку * толкает его на любовь к женщине — ничуть; в сущности, что такое женщина — это человек женского рода; нет, он впадает в козелюбие и в продолжение всего нашего путешествия на гору... подождите минутку, пойду, спрошу у Саши название горы, знаю только, что это не гора Фавор и не гора Арарат, куда Ной, так и не потонув, прибыл со своей коллекцией редкостных зверей — итак, на горé Анвер** наш поэт прогуливался под ручку с молоденькой козочкой [1]. Как жаль, думает он (и я этому нисколько не удивляюсь), что эта козочка не получила хорошего воспитания, и ее покойный батюшка-козел не был букинистом ***, а то ее можно было бы попросить взять на себя иностранную корреспонденцию для «Голоса народа» (и коз). Кстати, он чертовски сиплый, этот голос [2]. Скажите же, во имя всех богов и самого дьявола, чтò они там делают — наши

---

* Игра слов: по-французски «homme» (человек) значит также «мужчина».

** Каламбур: en vers (в стихах) и Anvers (название горы) по-французски звучат одинаково.

*** Каламбур: по-французски «козел» — bouc, отсюда у Герцена— «букинист».

друзья? Если говорить об иностранной части, это — дрянной парижский листок. Я написал Х〈оецкому〉 [3], а Х〈оецкий〉 написал мне, что не занимается ею. Я написал Са〈онову〉, а тот не думает заняться ответом мне. К кому же обращаться? Я в отчаянии и, того гляди, брошусь в озеро, пущу себе пулю в лоб, не стану пить бургундского, уеду на Мартинику или в Лозанну, лишь бы не встречаться с людьми, которые смеются мне в глаза и открыто заявляют: «А ведь ваш „Голос народа" потерял голос, не успев и запеть,— вот несчастье!».— А я тогда говорю: «Он еще не вступил на свой путь истинный да и вполне возможно, что листок этот издают в Савойе*, а в Париже есть другой, но только тот из предосторожности никому не показывают; реакция сильна, листок же слаб...» и т. д. И я затем клятвенно заверяю, будто в этом другом листке понимают общность монархического принципа во Франции и в России, о России говорят как люди, а не как французы, не ждут от России феодального порядка, который и существует-то в России лишь в качестве дара Европы, и будто известия печатаются там в один день с «Dêbats»[4], а не на следующий. И знаете ли, дорогая г-жа Эмма, чем весьма удачно подтверждаются мои слова? — Да тем, *что никто* из намеченных мною лиц не получил ни пробного, ни первых номеров [5]. Это поистине трогательно и помогает мне твердить и повторять: «Вы же сами видите, это — не настоящий листок, имеющий патент и разрешение, редактированный и космополитизированный; а если газета несколько выправится, я думаю, ее станут высылать всем et quibusdam aliis** в большом количестве экземпляров; я не вижу иной возможности создать ей репутацию».

Ну, пробежали ли вы мои бедные листки [6], ах, будь они козьими! *** Я подозреваю, что вы их не читаете, иначе не стали бы расточать столько комплиментов — я скоро вышлю вам письмо о России [7]. Кстати, Гауг[8] прислал нам одного турецкого итальянца, который вскоре сложит у ваших ног розы восточного красноречия Гаугапаши [9].

Фази и все министерство вкупе обедают нынче у человека, умирающего с голода от желания видеть вас, и человек этот

А. Герцен

Париж

Госпоже Гервег
улица Cirque, 9

Почтовый штемпель: Женева, 5 окт〈ября〉 49.

[1] Другие подробности об этой экскурсии см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен.

[2] Герцен был чрезвычайно недоволен первыми номерами газеты «Voix du Peuple» («Голос народа») — см. об этом ниже, в письме Герцена к Ш.-Э. Хоецкому от 20 октября 1849 г.

[3] Это письмо Герцена к Ш.-Э. Хоецкому неизвестно.

[4] Имеется в виду ежедневная парижская газета «Journal des Débats», руководящий орган орлеанистов.

[5] См. примеч. 4 к предыдущему письму.

[6] По-видимому, речь идет о корректурных листах печатавшегося в это время в Цюрихе немецкого издания «С того берега».

[7] Статья Герцена, написанная в виде открытого письма к Г. Гервегу и вошедшая в немецкое издание «С того берега» (см. изд. АН, т. VI, стр. 150—223).

[8] Эрнст *Гауг* —политический эмигрант, принимавший участие в венской революции 1848 г. и в защите Римской республики. Оказал впоследствии деятельную помощь Герцену во время его семейной драмы (см. о нем в пятой части «Былого и дум»). Упоминание о Гауге встречается и в письме Н. А. Герцен к Эмме Гервег от 4 сентября 1849 г. из Женевы, в котором она передавала просьбу Гауга и Герцена — узнать, не получены ли в Париже письма на имя Гауга.

[9] Имя *турецкого итальянца*, присланного Гаугом, остается неизвестным.

---

* Каламбур: «sa voie» — свой путь, «Savoie» — Савойя; «voie» (путь) и «voix» (голос) звучат одинаково.

** И еще кое-кому (лат.).

*** Каламбур «chèvrefeuille» означает «жимолость», а буквально — «козий листок».

23

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Женева. 10 октября 1849 г.⟩[1]

Рукой Н. А. Герцен:

Chère Emma, je craindrais joindre mes prières à celles de Sacha et t'assurer que «tu seras très contente de nous revoir», mais je répèterai ce que j'avais déjà dit il y a longtemps, qu'il me semble qu'il n'y aura d'harmonie et de bonheur pour nous que quand nos familles seront réunies. Je me représente la vie si belle, je me représente une vie nouvelle avec vous dans un petit coin du monde... Je ne sais pas avec qui nous pourrions rester mieux, nous pourrions rester *encore* avec les *O⟨gareff⟩* seulement.— Chère Emma, sachant tous les embarras, tous les obstacles — je n'ose ni te conseiller, ni te prier... mais je pense que si tu le désirais autant que *nous*, tu serais venue.

Je crois que tu connais *Veytaud*, un petit village à l'autre bout du lac, là nous nous installons le 1r nov⟨embre⟩ et là nous t'attendrons... la situation est charmante. Puis... au bord de la mer... puis au bord de la terre... Donne nous vite la réponse que nous attendons avec impatience [2].

A toi de cœur N a t a l i e

Рукой Герцена:

Probablement, vous ne mettrez pas votre *veto* suspensif contre le Veytaud du Canton Vaud — et vous viendrez vous abriter derrière une montagne.— Sérieusement, nous vous attendons, prenez vos mesures pour terminer ces affaires.— Moi, j'irai à votre rencontre jusqu'à la frontière française (à 20 pas de l'hôtel des Bergues).

De grâce, dites à Chojecki que je crois pourtant qu'il ne doit pas abandonner la partie étrangère du journal, je comptais sur lui — enfin je le prie de dire à m-r P⟨roudhon⟩ que je ne réponds plus pour les correspondances — qui diable voudra correspondre pour une mauvaise feuille parisienne.— Eh bien donc, j'avais raison, il ne s'agissait que de prendre le cautionnement. Une leçon de plus [3].

Перевод:

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Женева. 10 октября 1849 г.⟩[1]

Дорогая Эмма, я побоялась присоединить свои просьбы к сашиным и уверить тебя, что «ты будешь очень рада нас опять увидеть», но я повторяю то, о чем уже давно говорила, — я думаю, что гармония и счастье наступят для нас лишь тогда, когда наши семейства соединятся. Жизнь рисуется мне такой прекрасной, новая жизнь с вами рисуется мне в каком-нибудь маленьком уголке земли... Я не знаю, с кем нам жилось бы лучше, мы могли бы жить вместе *еще* только с *O⟨гаревыми⟩*.— Дорогая Эмма, я знаю о всех затруднениях, о всех препятствиях, и не смею ни советовать, ни просить тебя... но если бы ты желала этого так же, как *мы*, я верю, ты бы приехала.

Я думаю, что ты знаешь маленькую деревню Вето на другом конце озера. Там мы поселимся 1 ноября и там будем ждать тебя... расположена она прелестно. А потом... на берегу моря... на краю земли... Пришли нам поскорее ответ, мы ждем его с нетерпением [2].

Всем сердцем твоя Н а т а л и

Рукой Герцена:

Может быть, вы не станете накладывать вето на Вето кантона Во и приедете укрыться за горами.— Серьезно, мы вас ждем, постарайтесь поскорее закончить дела.— А я пойду встречать вас до французской границы (20 шагов от hôtel de Bergues).

Пожалуйста, передайте Хоецкому, что, по-моему, он не должен бросать иностранную часть газеты — я на него рассчитывал; наконец, я прошу его передать господину

П⟨рудону⟩, что больше не отвечаю за корреспонденции — кому, чорт возьми, захочется писать корреспонденции для какой-то скверной парижской газетки.— Итак, я оказался прав, все дело было только в том, чтобы получить залог. Одним уроком больше [3].

[1] Датируется по посланному одновременно письму Саши Герцена, в котором он настойчиво просил Эмму скорее приехать в Женеву.

[2] Н. А. Герцен писала в это время в недатированном письме к Т. А. Астраковой: «На днях мы ездили отыскивать себе жилище на зиму, потеплее, чем Женева, — хотели было на юг Франции или в Италию, но там, говорят, холера. Есть местечко, называется Вето, деревушка, где три-четыре дома на другом конце озера; в этом местечке есть высо-о-окая гора, возле горы есть маленький домик, с садиком, с террасой, откуда вид удивительный. Там, я думаю, в этом домике поселимся мы на зиму, а впрочем, не знаю, так проекты наши часто меняются, и то не от каприза нашего, а не знаю от чьего! Я уж начинаю привыкать к мысли снова заводиться хозяйством; до сих пор мы жили в отелях, и ты не можешь представить, как заманчиво это свободное житье; с некоторых пор мне вовсе не хочется пустить где-нибудь корни, устроиться надолго, все что-то, где ни поживешь, опротивело, оттого что людей везде много противных, отовсюду так бы и бежал не знаю куда. В трудное время живем мы, нечего сказать! От одного берега отстали, к другому не пристали...» (фотокопия с автографа, хранящегося в Колумбийском университете, Нью-Йорк).

[3] См. примеч. 4 к письму № 21.

24

ЭММЕ ГЕРВЕГ

15 octobre 1849. Genève

Un monsieur m'a prié de faire parvenir cette lettre à son adresse — je vous l'adresse, madame Emma, en priant de la remettre à Edmond par ex⟨emple⟩. Profitant de cette occasion je veux implorer votre protection. ⟨1°⟩ Comme personne ne m'écrit, donnez-vous la peine de demander à m-r Edmond: est-ce que m-r Guillemin [1] a fait la proposition (d'une diminution de loyer etc.) au locataire de ma maison. 2° Pourquoi donc on ne m'envoie aucun document servant à certifier que le cautionnement m'appartient.— C'est une chose étrange, dès que l'argent est sorti des mains de Rotschild tout s'est évanoui — rédaction, ferveur de nous écrire, services obligeants, obligeances serviables.— Enfin vraiment, je voudrais même savoir quels sont donc les projets de Pr⟨oudhon⟩ pour la rédaction de la partie étrangère [2].

Tout le monde se porte bien. La poste va dans un instant. G⟨eorges⟩ vous prie de lui envoyer sa pelisse, dans un sac, et par un moyen économique. Ma femme vous embrasse.

Adieu.

Перевод:

15 октября 1849 г. Женева

Один человек просил меня переслать это письмо по назначению — я адресую его вам, госпожа Эмма, с просьбой передать хотя бы Эдмону. Пользуюсь случаем и молю о вашем содействии. ⟨1.⟩ Так как никто мне не пишет, возьмите на себя труд: спросить у г. Эдмона, говорил ли г. Гильмэн [1] (об уменьшении квартирной платы и т. д.) с наемщиком моего дома. 2. Узнать, почему же мне не присылают никакого документа, удостоверяющего, что залог принадлежит мне. Это странно, стоило Ротшильду выпустить деньги из рук, как все исчезло — и редакторство, и пылкое желание писать нам, и любезные услуги, и услужливые любезности.— В самом деле, я хотел бы наконец знать, каковы же планы Пр⟨удона⟩ в отношении редакции иностранного отдела [2].

Все здоровы. Почта сейчас отправляется. Г⟨еорг⟩ просит вас переслать ему шубу — в мешке, да так, чтоб это обошлось недорого. Жена целует вас.

Прощайте.

[1] *А. Гильмэн* — поверенный Прудона. Альфред Даримон писал впоследствии в своих мемуарах: «Добрая душа, ⟨предоставившая нам 24 000 франков⟩, нашлась благодаря Шарлю-Эдмону. Он свел Гильмэна с молодым русским — великим революционером и в то же время великим писателем. Герцен, которому удалось вырвать свое состояние из царских когтей, согласился открыть нам свой кошелек. Гильмэн, отправивший-

ся в Женеву договариваться с ним о займе 24 000 франков, рассказывает, что он никогда не встречал человека, который отдавал бы свои деньги с бо́льшим великодушием и изяществом. Можно было подумать, что услугу ему оказываем мы» (A. D a r i m o n. A travers unerévolution. Paris, 1884, p. 180). Поездка Гильмэна к Герцену в Женеву состоялась в середине августа 1849 г. («Correspondance de Proudhon», Paris, t. III. 1888, p. 30. См. также «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 269—270). По-видимому, именно во время этого свидания Герцен дал Гильмэну поручения финансового характера.

[2] Герцен, как известно, настаивал на том, чтоб иностранный отдел «Voix du Peuple» находился в его ведении.

ЭММА ГЕРВЕГ

Фотография с рисунка неизвестного художника, 1840-е гг.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

25

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 24 oct⟨obre⟩ 49. Genève

Vous êtes admirable de bonté, d'attention, d'exactitude; si j'avais la possibilité de parler à la fois toutes les langues connues par Mezzofanti [1] je ne pourrais pas venir à bout de vous remercier en parlant de suite deux ou trois mois. Me trouvant dans cet état, j'ai pensé, que la meilleure chose serait de remplacer les remerciements par de nouvelles commissions.

M-r Boucault n'est pas un bavard certes, il n'a pas même cru nécessaire de m'avertir qu'il a reçu les 1300 fr⟨ancs⟩, il m'a écrit que le locataire lui a payé *environ* 500 fr⟨ancs⟩ (et pourtant l'arithmétique c'est la science la moins vague, et certainement les 500 fr⟨ancs⟩ ont des environs immenses puisqu'il y aplacé les 800 fr⟨ancs⟩). Je serais enchanté de donner une procu-

ration à m-r Laugrand [2]—j'attends à present une lettre de m-r B⟨oucault⟩*, s'il ne m'envoie pas l'argent, je ferai un divorce avec lui.

Grâce vous soit rendue pour le récit des événements qui ont motivé la retraite de Sas⟨onoff⟩[3] — elle est ridicule, elle est indélicate, d'autant plus qu'il ne m'en a pas parlé. Mais ce qu'il y a de plus ridicule encore, c'est qu'on n'a pas admis son article dans le spécimen, après l'avoir très mal composé [4]. Savez-vous que le spécimen a tué ici la *Voix ⟨du⟩ P⟨euple⟩*, vous verrez un de ces jours Bamberger[5] — demandez-le. A propos, il faudrait faire sa connaissance avec Edmond, c'est un homme d'une grande érudition et qui aime le travail, il ne demande pas mieux que d'envoyer des articles.

Vous ne pouvez pas vous imaginer quel drôle d'effet ça produit hors de Paris, lorsqu'on lit dans un journal que, faute de place, on n'insère pas des lettres de Blind et de Teleki[6] — et quand on lit ensuite cette longue et monotone rumination des cancans ministériels et une anthologie choisie de tous les journaux parisiens. Ce n'est pas ainsi qu'on fait un organe européen. Il faut quelquefois sortir de cette atmosphère parisienne, pour voir comme personne ne s'intéresse à ces détails, qui paraissent graves seulement jusqu'au Bois de Boulogne.

Il faut enfin un journal où, le 1er Paris même parlerait du mouvement européen, où la France descendrait au rôle secondaire, qu'elle a si bien mérité,— même par cette obstination de vouloir encore absorber toute l'attention des lecteurs par les petites misères de son monde officiel. Un journal pareil est impossible avec une rédaction française, le seul homme capable serait Proudhon, mais il n'est pas dans une position favorable [7].

Je vous envoie le spécimen d'un journal suisse [8]. Il n'ira pas — peu de moyens pécuniaires et l'oppression du dehors et du dedans.

Adieu, je vous présente mes salutations amicales.

P. S. Ne pourriez-vous pas envoyer chez m-r Boucault en lui faisant dire que j'attends l'argent qu'il a reçu du locataire, et qu'il peut vous remettre les documents et l'argent et vous me l'enverriez par Rotsch⟨ild⟩ ou un tout autre.

Encore une commission. On dit qu'on a traduit (certainement c'est un fou) une nouvelle que j'ai eu le malheur d'avoir écrit sous le titre *Wer hat Schuld? von Iskander*. Er soll bei Brockhaus erscheinen von Wolfsohn übersetzt und einen Teil der Russischen Novellen ** machen[9]. Wenn es so ist, so werd'ich Sie bitten mir ein Exemplar (*comme remords*) in Kreuzband schicken.— Es ist bei Franck oder bei Klingsieg. Hat man da eine russische Übersetzung *** von der Odyssee[10], die in Karlsruhe, glaube ich, erschienen ist? Dieu vous protège plus qu'il ne le fait pour la France.

NB. Je demande pour *la dernière fois où* faut-il envoyer les correspondances pour le journal?

Рукой Гервега:

Notre ami Mögling[11] a été condamné à mort. On a sursis à l'exécution. Voilà la meilleure nouvelle que j'ai à te donner.

A Paris

Madame

Madame Emma Herwegh

Rue du Cirque, 9.

Почтовые штемпели: Genève, 24 octo⟨bre⟩ 49; Gen⟨ève⟩, 26 oct⟨obre⟩.

Штамп на конверте: A. E. Rufenacht. Hôtel des Bergues. Genève.

---

* В автографе: B—d. — *Ред.*

** Oder in der *Bibliothek des Auslands*, ebenfalls bei Brockhaus.— *Примеч. Гервега.*

*** Schukoffskoj.— *Примеч. Гервега.*

Перевод:

24 окт⟨ября⟩ 49 г. Женева

Вы изумительно добры, внимательны, аккуратны; если бы я имел возможность говорить сразу на всех языках, которые знал Меццофанти [1], то и тогда, проговорив два-три месяца кряду, я не смог бы выразить вам всю свою благодарность. Очутившись в таком положении, я подумал, что самое лучшее будет заменить благодарности новыми поручениями.

Г-н Буко отнюдь не болтун. Он даже не счел нужным уведомить меня, что получил 1300 фр. Он написал мне, что наемщик уплатил ему приблизительно 500 фр. (между тем, арифметика, наименее туманная из наук, и 500 фр. допускают, очевидно, огромное приближение, если он включил туда 800 фр.). Я с большим удовольствием выдал бы доверенность г-ну Лограну [2] — я жду теперь письма от г-на Б⟨уко⟩. Если он не пришлет мне денег, я с ним расстанусь.

Спасибо вам за рассказ об обстоятельствах, послуживших поводом к уходу Са⟨онова⟩ [3]. Уход смешон, бестактен, тем более, что мне он об этом ничего не сказал. Но еще смешнее другое — то, что его статью не приняли в пробный номер, который очень плохо составили [4]. Знаете ли вы, что этот пробный номер зарезал здесь «La Voix ⟨du⟩ P⟨euple⟩»? На днях вы увидите Бамбергера [5] — спросите у него. Кстати, надо бы познакомить его с Эдмоном — это человек большой эрудиции и трудолюбивый, он непрочь посылать статьи.

Вы не можете себе представить, какое странное чувство испытываешь, когда, находясь вне Парижа, читаешь в газете, что письма Блинда и Телеки не печатаются за недостатком места [6], и тут же читаешь длинную, унылую жвачку из министерских сплетен и антологию выдержек из всех парижских газет. Нет, не так надо вести европейский орган. Надо иногда вырываться из парижской атмосферы, чтоб видеть, насколько никто не интересуется подобными пустяками, которые принимаются всерьез не дальше Булонского леса.

Словом, нужна такая газета, где даже передовица говорила бы о европейском движении, где Франции была бы отведена второстепенная роль, вполне ею заслуженная уже за одно упорство, с каким она все еще стремится поглотить внимание читателей мелкими дрязгами своего официального мира. Подобная газета невозможна при французской редакции; единственный способный к этому человек был бы Прудон, но положение его не из благоприятных [7].

Посылаю вам пробный номер одной швейцарской газеты [8]. Она не пойдет — мало денежных средств и давление извне и изнутри.

Прощайте. Шлю вам дружеский привет.

P. S. Не можете ли вы послать кого-нибудь к г-ну Буко и передать ему, что я жду денег, полученных им от наемщика, и что он может вручить вам документы и деньги, а вы бы переслали их мне через Ротш⟨ильда⟩ или кого-либо другого.

Еще поручение. Говорят будто бы переведена (это, несомненно, сделано сумасшедшим) под названием «„Кто виноват?“, Искандера»— повесть, которую я имел несчастие написать. Она должна появиться у Брокгауза в переводе Вольфзона и войти в состав «Русских повестей» *[9]. Если это верно, я буду просить вас прислать мне (comme remords **) один экземпляр под бандеролью. Книга должна быть у Франка или Клингзига. Нет ли там русского перевода *** «Одиссеи»[10], вышедшего, кажется, в Карлсруэ? Да хранит вас господь больше, чем он хранит Францию.

NB. В *последний раз* спрашиваю, куда надо посылать корреспонденции для газеты?

---

* Или «Иностранной библиотеке», также выходящей у Брокгауза. — *Примеч. Гервега.*

** для угрызения совести (франц.).

*** Жуковского.— *Примеч. Гервега.*

Рукой Гервега:

Наш друг Мёглинг [11] был приговорен к смертной казни. Она отсрочена. Вот лучшая из новостей, какую могу тебе сообщить.

В Париж
Госпоже Эмме Гервег
Улица Cirque, 9.

Почтовые штемпели: Женева, 24 окт<ября> 49; Женева 26 октября.
Штамп на конверте: A. E. Руфенахт. Hôtel des Bergues. Genève.

[1] Кардинал Джузеппе *Меццофанти* (1774—1849) — известный полиглот, владевший пятьюдесятью восемью языками и многими диалектами.

[2] *П. Логран* — один из редакторов «Voix du Peuple».

[3] Н. И. Сазонов, горячо уговаривавший Герцена оказать денежную помощь Прудону для издания газеты «Voix du Peuple» и рассчитывавший деятельно сотрудничать в ней (см. «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 522—540), вскоре оставил новую газету и перешел в «La Réforme».

[4] О какой статье Сазонова идет здесь речь — неизвестно. Пробный номер газеты «Voix du Peuple» вышел в свет в Париже 25 сентября 1849 г.

[5] Людвиг *Бамберегер* (1823—1899) — немецкий революционный эмигрант, впоследствии крупный финансист, автор «Воспоминаний» («Erinnerungen», Berlin, 1899), в которых он описал и свои встречи с Герценом (см. V, 297). Он сотрудничал в «Voix du Peuple».

[6] Карл *Блинд* (1826—1907) — немецкий революционный эмигрант, участник Баденского восстания; впоследствии ярый шовинист и ожесточенный противник Герцена. Ладислав *Телеки*, граф (1811—1861) — видный участник венгерской революции.— В №18 «Voix du Peuple» от 18 октября 1849 г. редакция сообщила о получении ею «письма от Карла Блинда по поводу Л. Мерославского» и выразила сожаление, что отсутствие места мешает ей напечатать это письмо. Аналогичную заметку редакция опубликовала через два дня, 20 октября 1849 г. (в № 20), указав, что по той же причине не может быть напечатано письмо графа Телеки по поводу казни его друга Батиани, и кратко изложила содержание письма.

[7] Прудон в это время находился в тюрьме.

[8] Возможно, что Герцен имеет в виду цюрихскую газету «Emigration démocratique», о предстоящем издании которой «Voix du Peuple» сообщала в №27 от 27 октября 1849 г., перепечатав известие «Kölnische Zeitung». «Emigration démocratique», судя по ее программе, должна была защищать интересы немецкой эмиграции и служить органом для выражения ее мнений.

[9] Повесть Герцена «Кто виноват?» в немецком переводе В. Вольфзона была издана в Лейпциге фирмой Ф.-А. Брокгауза в серии «Ausgewählte Bibliothek der Klassiker des Auslands. Russlands Novellendichter». Dritter Teil. («Избранная библиотека иностранных классиков. Новеллисты России». Часть третья). На титульном листе обозначен 1851 г.

[10] «*Одиссея*» Гомера в переводе В. А. Жуковского была впервые напечатана в Карлсруэ в 1849 г.

[11] Теодор *Мёглинг* (1814—1867) — немецкий революционер, участник Баденского восстания. Захваченный в плен прусскими войсками, был приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением.

26

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 26 octobre 1849. Genève

Vous recevrez aujourd'hui la dernière feuille imprimée de ma lettre. De grâce, jetez un petit coup d'œil sur la traduction, et s'il faut faire des changements, qu'ils soient octroyés et approuvés par vous[1]. N'oubliez pas de faire mettre en note ces lignes:

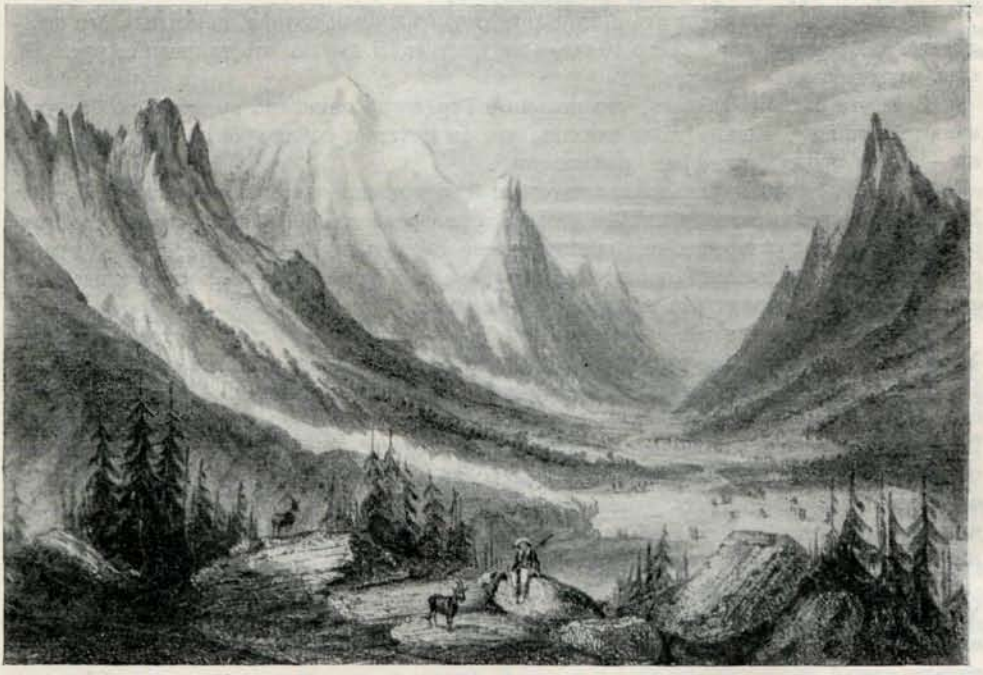
«Cette lettre était déjà sous presse lorsque l'auteur a lu une brochure imprimée à Leipzig et portant le titre *Russische Zustände1849*»[2]. Elle est admirable de vérité et de profondeur, l'auteur de la lettre croit de son devoir de l'indiquer à ceux qui désirent savoir quelque chose sur la Russie — ils apprendront plus par ces deux feuilles imprimées que par des volumes de compilations. Sans connaître le nom de l'auteur — nous lui exprimons toute notre sympathie comme à un Russe et comme à un révolutionnaire».

Edmond corrigera cette note, mais en tout cas l'insertion de cette note

est nécessaire [3]. Cette brochure ne coûte que 10 sous, faites-la venir — je crois que c'est un Russe qui a écrit — c'est admirable.

Dans le journal il faut dire que la lettre à Her⟨wegh⟩ est écrite par *un Russe* — mais sans nom de famille [4], on peut même dire qu'il publie un ouvrage allemand, quelque chose — comme la philosophie de la révolution [5].

A présent une longue histoire financière. Edmond peut m'obliger. *Vadato bene!* J'ai reçu aujourd'hui une lettre de mon chargé d'affaires, il m'écrit qu'on a mis un interdicte sur mes biens. Edmond doit aller chez Rotschild, Edmond doit voir encore une fois l'honorable Schombourg et

ВИД НА МОНБЛАН ИЗ ШАМУНИ

Гравюра братьев Руаргов из книги: X. Marmier «Voyage en Suisse», 1862

«Я собирался рассказать вам, какую замечательную прогулку мы совершили в Шамуни...»
(Из письма к Эмме Гервег от 5 октября 1849 г.)

lui faire cette question (encore mieux l'adresser à Rotschild lui-même). «M. H⟨erzen⟩ doit à m-me Haag 100 000 ou 120 000 roubl⟨es⟩ en assig⟨nats⟩ — m-me Haag a une lettre de change de M. H⟨erzen⟩ qu'elle voudrait céder à m-r Rotschild pour faire vendre le bien immeuble appartenant à H⟨erzen⟩ en Russie. M. Rotschild *ne payera* qu'après avoir reçu l'argent — mais il donnera un certificat sous s⟨ignature⟩ pr⟨opre⟩ à H⟨erzen⟩; de son côté H⟨erzen⟩ fera tout son possible pour accélerer cette vente en Russie?».— Mais il me faut une réponse vite et décisive. Edmond aura la bonté de dire à M. Schombourg que j'ai reçu la lettre que m-rs Rotschild m'ont adressée, que c'est une nouvelle affaire qui n'a aucun rapport aux autres [6].

En cas que la lettre à Herw⟨egh⟩ n'est pas encore imprimée, de grâce envoyez dire à Ch⟨ojecki⟩ que je le prie d'omettre toute la note où on parle de Tourgueneff et de Golovine etc.—N'oubliez pas, je vous en prie. Cela n'est ni intéressant pour un journal. ni délicat[7].

Перевод:

26 октября 1849 г. Женева

Сегодня вы получите последний отпечатанный лист моего письма. Пожалуйста, просмотрите перевод и, если нужны изменения, пусть они будут сделаны с вашего одобрения и согласия [1]. Не забудьте поместить в примечании следующие строки:

«Настоящее письмо уже печаталось, когда автор прочел брошюру, изданную в Лейпциге и озаглавленную „Русские дела. 1849 год" [2]. Она изумительна по правдивости и глубине. Автор письма считает долгом обратить на нее внимание всех, кто хотел бы узнать что-либо о России — они почерпнут из этих двух печатных листов больше, чем из целых томов компиляций. Не зная имени автора, мы выражаем ему глубокое наше сочувствие, как русскому и как революционеру».

Пусть Эдмон выправит это примечание, но, во всяком случае, поместить его необходимо [3]. Брошюра стóит всего 10 су — добудьте ее. Я думаю, что написал ее русский. Она изумительна.

В газете надобно сказать, что письмо к Гер⟨вегу⟩ написано *русским*, но без указания фамилии [4]. Можно даже сказать, что он печатает сочинение на немецком языке,— нечто вроде философии революции [5].

А теперь длинная финансовая история: Эдмон может оказать мне услугу. Vadato bene!* Я получил сегодня письмо от своего поверенного. Он пишет, что на мое имущество наложено запрещение. Эдмону нужно сходить к Ротшильду, Эдмону нужно еще раз повидать достопочтенного Шомбурга и обсудить с ним нижеследующее (еще лучше было бы обратиться к самому Ротшильду):

«Г-н Г⟨ерцен⟩ должен г-же Гааг 100 000 — 120 000 рубл⟨ей⟩ ассиг⟨нациями⟩. У г-жи Гааг есть заемное письмо г-на Г⟨ерцена⟩, которое она хотела бы уступить г-ну Ротшильду для продажи недвижимого имущества, принадлежащего Г⟨ерцену⟩ в России. Г-н Ротшильд *не обязан платить*, пока не получит денег, но он должен выдать Г⟨ерцену⟩ за св⟨оей⟩ подп⟨исью⟩ расписку, а Г⟨ерцен⟩, с своей стороны, сделает все от него зависящее, чтобы ускорить эту продажу в России». Но мне нужен быстрый и окончательный ответ. Пусть Эдмон будет так добр сказать г-ну Шомбургу, что я получил письмо, адресованное мне гг. Ротшильдами, но что это новое дело, не имеющее никакого отношения к прежним [6].

В том случае, если письмо к Герв⟨егу⟩ еще не напечатано, передайте, пожалуйста, Х⟨оецкому⟩, что я прошу его снять все примечание, где говорится о Тургеневе, Головине и пр. Не забудьте же, прошу вас. Это не представляет интереса для газеты, да и неделикатно [7].

[1] Речь идет о «Письме к Г. Гервегу» (см. примеч. 7 к письму № 22). Французский перевод этой статьи под названием «La Russie» («Россия») появился в прибавлениях к «Voix du Peuple» №№ 50 (от 19 ноября), 57 (от 26 ноября) и 71 (от 10 декабря) 1849 г. (см. изд. АН, т. VI, стр. 150—223). Отметим, что в приписке к письму Н. А. Герцен от 5 октября 1849 г. Герцен писал Эмме Гервег из Женевы по поводу печатания этой статьи в «Voix du Peuple»: «Когда письмо к Г⟨ервегу⟩ будет напечатано, купите 10 экземпляров газеты и отправьте сюда почтой» (см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам).

[2] Изданная анонимно брошюра «Russische Zustände» принадлежала перу М. А. Бакунина и была напечатана в Лейпциге летом 1849 г. В ней Бакунин давал беспощадную характеристику русскому самодержавию, армии, духовенству и чиновничеству и указывал на слабость русского правительства. Вскоре Гервег сообщил Герцену, кто является автором брошюры (XIV, 59).

[3] Это примечание в «Voix du Peuple» не появилось. Возможно, что Герцен в одном из не дошедших до нас писем отменил свое распоряжение.

[4] Под статьей «La Russie» поставлена подпись: *Un Russe (Русский)*.

[5] Примечание о печатании немецкого издания «С того берега» в «Voix du Peuple» также не появилось.

[6] О запрещении, наложенном царским правительством на имущество и денежные средства Герцена, и о мерах, принятых банкиром Ротшильдом для получения денег по векселю матери Герцена, последний подробно рассказывает в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 132—150). См. также предисловие М. К л е в е н с к о г о и публикацию писем Герцена к Ключареву в «Лит. наследстве», т. 39-40, 1941, стр. 195, и следующие ниже письма.

* Дать надежное поручительство! (лат.).

[7] Герцен имеет в виду следующие строки из немецкого издания «Письма к Гервегу»: «Двое русских писали на французском языке о России, господа Тургенев и Головин. Труд г. Тургенева (1847) представляет для нас большой интерес как верное изображение суждений, надежд и взглядов времен императора Александра, как автобиография писателя, который в свое время многое видел, но не знал России, развившейся после 1825 года. Образ мыслей г. Тургенева, напоминающий тонкий либерализм министерства Деказа и Мартиньяка, к несчастью, не позволяет верно понять положение вещей в России. В сочинениях г. Головина можно найти все, что угнетает Россию, что нужно уничтожить, но ничего нет о том, что нужно сохранить. Это проникнутое протестом раскрытие всего того, что там замирает в вынужденном молчании, рассказ о том, что происходит в официальном русском мире, представляет тем бо́льшую пользу, что правительство пугается каждой такой публикации. Тем не менее, я полагаю, что узнать русский *народ* по сочинениям Головина так же невозможно, как по сочинениям Тургенева» (изд. АН, т. VI, стр. 476—477). Из публикации «Voix du Peuple» эти строки были исключены.

27

ЭММЕ ГЕРВЕГ

3 nov⟨embre⟩ 1849. Genève

Il y a 3 jours, Edmond m'a écrit qu'il se propose de voir le même jour Rotschild et de lui parler de mon affaire — il ajoutait qu'il m'en avertirait le même jour ou le lendemain. Eh bien? Chaque jour que je perds est de la plus haute gravité, informez-moi de grâce de la réponse de Rotschild et écrivez-moi.

Eh bien, pourquoi donc le président en faisant m-r Haut-poule ministre, n'a pas pris pour un autre—le citoyen Trois-œufs qui a été comme témoin à Versailles et est le mari d'Elise [1].

Le discours de Dufaure où il calomnie Genève a été lu ici avec un véritable dégoût, même par les conservateurs, à l'exception des boursicotiers, qui lui ont payé, à ce qu'on dit, leurs tributs de sentiments à l'avance. Aujourd'hui la *Revue de G⟨enè⟩ve* répondra. Si la réponse est énergique — je vous l'enverrai et vous prierez Edmond de réimprimer avec une petite note — mais cela immanquablement, je l'ai promis [2].— N'oubliez pas de faire mettre au-dessus de ma lettre «Londres» [3]. Et adieu. Une réponse de *Rotschild!*

P. S. Dites donc à Edmond qu'il faut faire à présent quelques petits articles sur Genève[4]. F⟨azy⟩ se conduit très bien, les élections s'approchent. Si la démocratie — qui n'est pas même révolutionnaire ici, succombe, cela est un grand malheur.

Перевод:

3 нояб⟨ря⟩ 1849 г. Женева

Три дня назад Эдмон писал мне, что собирается в тот же день повидать Ротшильда и поговорить с ним о моем деле,— и добавил, что уведомит меня обо всем в тот же день или назавтра. Что случилось? Каждый потерянный день крайне важен, поставьте же меня, пожалуйста, в известность, каков ответ Ротшильда, и напишите мне.

Ну почему бы президенту, назначив господина Опуля министром, не назначить другим министром гражданина Труазёфа, который присутствовал в качестве свидетеля в Версале и является мужем Элизы? [1]

Речь Дюфора, в которой он клевещет на Женеву, прочитана здесь с подлинным отвращением даже консерваторами, не считая денежных мешков, которые, говорят, заплатили ему авансом дань своих чувств. Сегодня в «Revue de Genève» будет напечатан ответ. Если ответ окажется решительным, я вам пришлю его, а вы попросите Эдмона его перепечатать с небольшим примечанием, непременно — я обещал [2].— Не забудьте распорядиться, чтобы над моим письмом было проставлено «Лондон» [3]. Засим прощайте. Ответ *Ротшильда!*

P. S. Скажите Эдмону, что теперь нужно написать несколько небольших статей о Женеве [4]. Ф⟨ази⟩ держится очень хорошо, выборы близятся. Если демократия, хотя здесь она отнюдь не революционна, провалится,— это будет большим несчастьем.

[1] 31 октября 1849 г. Луи-Наполеон назначил генерала Альфонса д'Опуля (д'Опу, 1789—1865) военным министром и по совместительству министром иностранных дел. Шутка Герцена вызвана тем, что фамилия Опуль в буквальном переводе с французского означает «почтенная курица», а фамилия мужа горничной Герценов Элизы — Труазёф в переводе с французского означает «три яйца». В Версале в это время проходил процесс участников выступления 13 июня 1849 г.

[2] Арман-Жюль *Дюфор* (1798—1881) — министр внутренних дел Франции, смещенный 31 октября 1849 г. В своей речи Дюфор утверждал, что в Швейцарии находится огромное число французских революционных эмигрантов и что это представляет опасность для пограничных департаментов Франции. Он заявил также, что швейцарская радикальная партия использует это скопление эмигрантов-революционеров для нажима на консервативную партию. Пересланный Герценом ответ «Revue de Genève» на речь Дюфора появился в № 38 «Voix du Peuple» от 7 ноября 1849 г. без всяких комментариев от редакции. В нем разоблачался клеветнический характер выступления Дюфора, которому предъявлялось ответное обвинение в том, что речь его была инспирирована швейцарской консервативной партией.

[3] Указание на «Лондон» как на место, откуда прислана статья «La Russie», должно было, по мысли Герцена, сбить с толку русских правительственных агентов, которым он не хотел открывать пока ни своего авторства, ни действительного места пребывания. Это указание на Лондон было сделано в конце статьи, рядом с датой — 25 августа 1849 г. С такой же целью Герцен обозначил город Кёльн под своей статьей «Донозо Кортес» и Лондон под «Письмом к Маццини».

[4] Сообщения и корреспонденции из Швейцарии, в связи с создавшимся там напряженным положением и угрозой оккупирования страны войсками европейской реакции, печатались в «Voix du Peuple» почти ежедневно.

28

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 7 nov⟨embre 1849⟩. Genève

Mes lettres commencent toujours par des remerciements — mais que faire, vous m'obligez tant... tant... que je n'ai pas le temps de vous remercier comme il faut. J'ai écrit une longue lettre et très détaillée à Rots⟨child⟩: j'attendrai la réponse... j'ai envoyé mon passeport pour le visa — j'attendrai le visa. Avant d'aller rue du Cirque, 9[1], j'irai à Zurich.

La brochure de Pr⟨oudhon⟩ est admirable, la dernière page concernant l'ironie — est de la plus haute poésie, c'est l'entendement le plus profond de la réalité, de la vie [2]. Les Français ne le comprendront pas, leur cérébrine n'est pas assez développée pour comprendre ces pensées. Et qu'en dites-vous du № 36 (5 nov⟨embre⟩) [3], voilà la politique traitée comme le christianisme l'a été par Feuerbach. Quel malheur d'écrire cela pour des pygmées.

Nous enverrons partout où il faut la brochure. Elle a déjà eu un succès éclatant — nous avons même bu à la santé de l'auteur avec Löwe, Hartmann...[4]

Serrez la main à Edmond, dites-lui que je recommande sérieusement de faire insérer les nouvelles de Genève [5]. C'est plus important que vous ne le pensez. On calomnie cette ville d'une manière indigne — pour faire tomber Fazy.

Nous n'avons pas reçu l'argenterie,— peut-être nous n'en avons pas même besoin, mais en tout cas, comment prendre des renseignements?

La lettre à Georges paraîtra aussi dans *l'Italia del Popolo*[6]. — N'oubliez pas de m'envoyer 10 exemp⟨laires⟩ de la traduction française.

Je me prosterne, etc.

Перевод:

7 нояб⟨ря 1849 г.⟩. Женева

Мои письма к вам обычно начинаются с изъявлений благодарности, но что поделаешь, я вам так... так... обязан, что у меня не хватит времени * отблагодарить вас должным образом. Я написал Ротш⟨ильду⟩ длинное и очень подробное письмо и буду

* Каламбур: tant (так) и temps (время) по-французски звучат одинаково.

ждать ответа... я отослал паспорт на визу и буду ждать визы. Прежде чем ехать на улицу Cirque, № 9 [1], поеду в Цюрих.

Брошюра Пр⟨удона⟩ великолепна, последняя страница, где говорится об иронии, исполнена самой высокой поэзии; это глубочайшее постижение действительности, жизни [2]. Французы его не поймут, их церебрин недостаточно развит, чтобы понять подобные мысли. А что вы скажете о № 36 (от 5 нояб⟨ря⟩)? [3] Вот вам политика, трактуемая как христианство у Фейербаха. Что за несчастье писать это для пигмеев.

Мы разошлем брошюру повсюду, куда надлежит. Она уже имела блистательный успех — мы с Лёве и Гартманом [4] даже вышли за здоровье автора.

Пожмите руку Эдмону, скажите ему, что я серьезно советую поместить женевские новости [5]. Это важнее, нежели вы думаете. Чтобы добиться падения Фази, на этот город клевещут самым бесстыдным образом.

Столовое серебро мы не получили,— нам оно, может быть, и не нужно, а все же, где бы навести о нем справки?

Письмо к Георгу появится также в «Italia del Popolo» [6]. Не забудьте прислать мне 10 экземпл⟨яров⟩ французского перевода.

Низко кланяюсь и т. д.

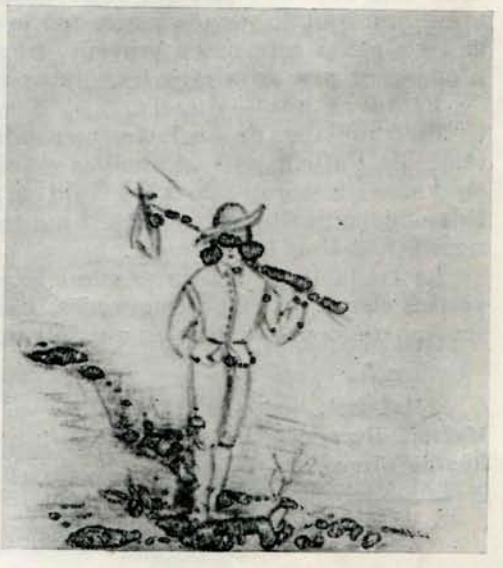
[1] То есть в Париж.

[2] *Брошюра Прудона* — вышедшая в это время книга «Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'histoire de la Révolution de Février» («Исповедь революционера, долженствующая служить для истории Февральской революции»). Заключительные абзацы последней (106-й) страницы, вызвавшие восхищение Герцена, представляют собой торжественное обращение к Иронии. Называя Иронию «истинной свободой», «владычицей истины» и осыпая ее восторженными эпитетами, Прудон восклицал в заключение: «Приди же, моя владычица: пролей на моих сограждан луч своего света; зажги в их душе искру своего ума, чтобы исповедь моя примирила их и чтобы эта неотвратимая революция совершилась спокойно и радостно».

[3] В № 36 «Voix du Peuple» от 5 ноября 1849 г. была напечатана большая статья Прудона «Qu'est-ce que le gouvernement? Qu'est-ce que Dieu?» («Что такое правительство? Что такое бог?»). Ее и имеет в виду Герцен.

[4] В своих «Воспоминаниях идеалистки» М. Мейзенбуг характеризует доктора *Лёве* из Кальба, немецкого политического эмигранта, о котором говорит здесь Герцен, как весьма интересную личность, как «доброго, гуманного человека» («Воспоминания идеалистки». М.— Л., 1933, стр. 221 и 235). Мориц *Гартман* (1821—1872)—австрийский поэт, левый член Франкфуртского парламента, участник венской и баденской революций, эмигрант.

[5] Вероятно речь идет о небольшой корреспонденции, помещенной 8 ноября 1849 г. в № 39 «Voix du Peuple» под рубрикой «Иностранные известия. — Швейцария»,

СЫН ГЕРЦЕНА — САША

Рисунок Н. А. Герцен, приложенный к письму Эмме[Гервег, сентябрь—октябрь 1849 г.

Британский музей, Лондон

с указанием, что заметка получена от собственного корреспондента. Не исключена возможность, что она была прислана самим Герценом. Приводим ее полностью в русском переводе: «Народное собрание, созванное для обсуждения предстоящих выборов в Государственный совет, имело место сегодня утром в Моляре. Стечение народу было огромное; Женева никогда не видела ничего подобного. Речи гг. Джемса Фази и Картере, президентов верховного совета и муниципального совета, прерывались ежеминутно шумными рукоплесканиями. Победа прежнего либерального государственного совета несомненна; это было провозглашено всеми. Был одобрен также и прямой протест, адресованный Федеральному совету по поводу высказываний бывшего министра г. Дюфора, касавшихся Женевы».

[6] Итальянский перевод статьи Герцена, под заглавием «La Russia» был напечатан в «Italia del Popolo», 1849, №№ 11 и 12.

29

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 29 nov⟨embre⟩ 1849. Genève

Eh bien, comment allez-vous? Il y a une semaine et même plus que je ne vous ai écrit—je crois que la cause en est une température glacée des monts d'Oural, les pensées se figent, le sang glacé perce l'épiderme comme un fil d'archal... enfin je me crois derechef en Sibérie et de là je ne vous ai jamais écrit (je le regrette de tout mon cœur, mais le passé — *ewig stumm*) et je reviens instinctivement à mes premières habitudes.

Je crois que vous verrez George le 12 déc⟨embre⟩ — s'il y a longtemps qu'il ne vous ⟨a⟩ pas écrit, ce n'est pas manque de désir, ce n'est que de la coquetterie, donc réminiscence du temps où il a été fille de 15 ans[1] — cette dénonciation doit vous prouver qu'il n'y a pas d'ami qui ne vous dénoncera pas, sans parler des mouchards et autres confitures.

Vous pouvez m'obliger, et fortement, de grâce donnez-vous la peine, lorsque vous n'aurez rien à dire à nos amis communs, de les prévenir que je suis d'un tiers plus pauvre[2] et que je désire sérieusement changer mon train de ménage — que je veux outre les preuves d'amitié que j'apprécie de tout mon cœur, encore un peu de temps libre; que je suis au désespoir — mais je ne pourrai avoir table d'hôte, que je suis désolé — mais qu'il m'est impossible de faire une ambulance, une chartreuse, un cabinet de méditation (Müller-Strüb⟨ing⟩)[3], un asile pour les amants—lorsque la dame de leur pensée n'aura pas le temps de les recevoir, une succursale pour les hommes qui après avoir perdu leur patrie dans l'espace, veulent perdre leur temps à Paris... Faites tout cela avec la bonté qui vous caractérise et qui me manque, faites de manière que tout le monde pense que je les aime encore plus, ce qui est vrai, enfin répétez cela assez souvent, frappez l'imagination, agitez la fantaisie, n'épargnez pas les allégories, élevez-vous à des hyperboles.

Et libera nos — d'amis.

Le traducteur de ma lettre ne voudra-t-il pas travailler à une autre traduction de l'allemand * et quelles seraient ses conditions[4]. En Alle⟨magne⟩ on donne l'honoraire de 6 à 7 Guld⟨en⟩, de 12 à 14 fr⟨ancs⟩ donc par feuille. Edmond pourrait demander s'il est toujours dans ses dispositions de m'obliger 8 fois tous les 7 jours.

La traduction est en général bonne. Il y a de petites choses, mais les petites choses ne sont pas grandes. *Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, les maires de village sont nommés présidents, ce qui fait une petite confusion[5].

Paris
Madame
Madame Herwegh
Rue du Cirque, 9.

---

* В автографе: de l'Allemagne. — *Ред.*

Перевод:

29 нояб<ря> 1849 г. Женева

Ну как вы поживаете? Я не писал вам уже неделю и даже больше — я думаю, что причиной этому — леденящий холод уральских гор. Мысли у меня застывают, замерзшая кровь прокалывает кожу, как проволока, мне кажется, что я опять в Сибири, а оттуда я вам никогда не писал (я всем сердцем сожалею об этом, но прошлое ewig stumm *) и я невольно возвращаюсь к старым привычкам.

Думаю, что 12 дек<абря> вы увидите Георга. Если он вам долго не писал, то это не из-за недостатка желания, а лишь из кокетства, то есть в воспоминание о том времени, когда он был пятнадцатилетней девочкой [1]; сие мое изобличение послужит вам доказательством того, что, не говоря уже о шпионах и иных прочих, нет друга, который бы вас не изобличил.

Вы мне можете оказать услугу и даже очень большую; сделайте же милость, когда вам нечего будет рассказать нашим общим друзьям, предупредите их, что я стал на одну треть беднее [2] и возымел серьезное желание изменить свой образ жизни; что, кроме знаков дружбы, которые я ценю всем сердцем, я хочу иметь также немного свободного времени; что я в отчаянии, но впредь не могу держать табльдота, что я глубоко огорчен, но не могу превратить свой дом в больницу, священный приют, кабинет для уединенных размышлений (Мюллер-Стрюб<инга>)[3], убежище для влюбленных, в часы, когда их дамам сердца некогда их принять, и в филиал для тех, кто, потеряв на время свою родину, хотел бы терять время в Париже... Сделайте все это с присущей вам добротой, которой мне не хватает, сделайте так, чтобы все думали, что я их еще больше люблю, что соответствует действительности, словом, повторяйте это почаще, поразите воображение, возбудите фантазию, не поскупитесь на аллегории, возвысьтесь до гипербол.

«Et libera nos» ** от друзей.

Не согласится ли переводчик моего письма сделать еще один перевод с немецкого и каковы будут его условия? [4] В Герм<ании> платят от 6 до 7 гульд<енов>, т. е. от 12 до 14 фр<анков> за лист. Эдмон мог бы узнать это, если он по-прежнему готов оказывать мне по 8 услуг каждые 7 дней.

Перевод, в общем, хорош. Есть маленькие погрешности, но маленькие погрешности это ведь не большие. Ex<empli> gr<atia>, сельские старосты названы председателями, что вносит некоторую путаницу [5].

Париж
Госпоже Гервег
Улица Cirque, 9.

[1] Герцен часто упрекал Гервега в капризности и кокетстве, в которых видел нечто женское.

[2] Герцен имеет в виду возможную неудачу с получением денег по петербургскому векселю, а также с реализацией костромского имения.

[3] Герман *Мюллер-Стрюбинг* (1810—1893) — немецкий политический эмигрант, филолог и искусствовед. Герцен оставил в «Былом и думах» яркую, хотя и несколько шаржированную характеристику Мюллера, которого считал «деятельным лентяем», «вечно занятым праздношатающимся» (изд. АН, т. XI, стр. 170).

[4] Кто был переводчиком «Письма к Г. Гервегу» на французский язык — не установлено. Не установлено также, какое еще произведение предполагал Герцен дать ему для перевода.

[5] Речь идет об ошибках, допущенных в переводе «Письма к Г. Гервегу» на французский язык.

30

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Ce 3 décemb<re> 1849. Genève

Lorsque Franclin a été à Paris, des milliers d'aventuriers et d'amateurs de changement de place l'obsédèrent pour avoir des lettres de recommandation

* всегда безмолвно (нем.).
** и избави нас <из молитвы «Pater noster»—«Отче наш»(лат.)>.

pour le g⟨énéra⟩l Washington. Ne voulant pas se dépopulariser par des refus, ce brave homme astucieux écrivait les lettres de cette manière:

«Je m'empresse de vous recommander NN, qui ⟨est⟩ peut-être un homme très distingué et très capable, mais je n'ai pas l'avantage de ⟨le⟩ connaître».

Figurez-vous que vous êtes Washington, moi — Franclin, NN — Marc Dussogier, domestique qui cherche une place et qui a été attaché honorairement près de ma personne, lorsque ma femme et votre mari m'ont joué le tour de Vaytaud[1] — et agissez en conséquence.

En tous cas vous m'obligerez en recevant avec bonté (ce qui vous est si acile) ce pauvre Suisse de l'Helvétie.

Перевод:

3 декаб⟨ря⟩ 1849 г. Женева

Когда Франклин был в Париже, тысячи искателей приключений и любителей перемены мест осаждали его просьбами написать им рекомендательные письма к г⟨енералу⟩ Вашингтону. Не желая отказывать, чтобы не терять свою популярность, сей предусмотрительный почтенный человек писал письма следующим образом:

«Спешу рекомендовать вам NN, который, быть может, человек весьма благовоспитанный и способный, но которого я не имею чести знать».

Вообразите, что вы — Вашингтон, я — Франклин, NN — Марк Дюссожье, слуга, который ищет места и который состоял на жалованье при моей особе, когда моя жена и ваш муж сыграли со мной шутку Вето [1], и действуйте сообразно вышесказанному.

Во всяком случае, вы меня обяжете, если будете приветливы (что для вас совсем не трудно) с этим беднягой-швейцарцем* из Гельвеции.

[1] Н. А. Герцен сняла осенью 1849 г. дачу в Вето, на берегу Женевского озера. Внеся задаток за дачу и наняв слуг, Наталья Александровна, вероятно, по совету Гервега, раздумала туда переезжать. См. об этом в письме № 23 и ниже в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегу.

31

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Цюрих.⟩ 19** ⟨декабря 1849 г.⟩. Крейцштрассе

Еще сегодня хочу сказать: «Добрая ночь, сосед!» Сосед думает, что он далеко от нас? Нет, близко, очень близко, вместе с нами. — За обедом мы пили за ваше здоровье.

Il me semble toujours que vous êtes sorti pour un instant, et je crois vous voir chaque fois que la porte s'ouvre.

Assez pour aujourd'hui, je vous embrasse de tout mon cœur.

Пишите, пишите, пишите!

Natalie

Рукой Герцена:

Кланяйтесь Алмерасу[1].

Et dites tout ce que vous voulez, moi je revendique l'honneur d'être plus sceptique, désespérique, noirique... ique... ique que vous. Je ne vois rien dans l'avenir, mais absolument rien... manger, digérer... mouvement péristaltique du duodénum et du cerveau... selle... et voilà le sel de ce monde.

Рукой Н. А. Герцен:

Вздор!/\[2]!!!

---

* По-французски «suisse» — швейцарец и швейцар.

** По-видимому описка, и следует читать 20.—*Ред.*

Рукой Герцена:

Votre main.

Landry de la Bessonnière.

Рукой Н. А. Герцен:

Voir votre bessonnier seul me fait mal aux yeux...

Я забыла мое перо и ножницы * у вас, вы их привезете.—Будьте спокойны.

ДЖЕМС ФАЗИ
Гравюра с портрета Луизы Арман-Лелу
«Illustrierte Zeitung» от 7 апреля 1860 г.

Je ne puis pas encore comprendre que vous n'êtes pas avec nous...

Tata m'a chargé de vous dire tant de choses, que je n'ai pas le courage même de commencer.

Вашу руку, друг...⋀...

La table, le plancher, les enfants, tout danse, il n'y a pas moyen de continuer.

Рукой Герцена:

Tout va comme la nature l'a créé, j'ai bu la moitié de la bouteille de Cognac, Sacha m'a reproché que je n'ai pas pleuré en vous quittant (et toi, Brutus?...), Tata parle de vous à chaque instant et dit que vous êtes triste, enfin la lèpre de la famille—le calembour—a terminé cette journée stupide. Tata a fait, en arrivant ici votre portrait. Sacha a dit: «C'est un démon». Et Tata lui a répondu tout de suite: «Non, c'est une démonstration».

Demain je vous écrirai, si je viens à temps [3].

---

* cela veut dire que nous nous verrons bientôt. — *Примеч. Н. А. Герцен.*

Перевод:

*Рукой Н. А. Герцен *:*

<Цюрих.> 19 <20?> <декабря 1849 г.>. Крейцштрассе

Мне все кажется, что вы ненадолго вышли, и всякий раз, когда открывается дверь, я словно вижу вас. На сегодня довольно, обнимаю вас от всего сердца.**

Пишите, пишите, пишите! Натали**

Рукой Герцена:

Кланяйтесь Алмерасу *** [1].

И что бы вы ни говорили, я отстаиваю честь быть более скептическим, пессимистическим, меланхолическим,-ическим,-ическим, чем вы. Я ничего не вижу в будущем, абсолютно ничего... есть, переваривать... перистальтическое движение двенадцатиперстной кишки и мозга... стул... вот и вся соль**** мира сего.

*Рукой Н. А. Герцен **:*

Вздор! /\ [2]!!!

*Рукой Герцена ***:*

Вашу руку.

Ландри из «Гнезда близнецов»

Рукой Н. А. Герцен:

Мне просто больно видеть вашего близнеца одного...**

Я забыла мое перо и ножницы***** у вас, вы их привезете.—Будьте спокойны ***

Никак не могу свыкнуться с мыслью, что вы не с нами. Тата поручила мне передать вам столько, что я не решаюсь даже и начать **.

Вашу руку, друг.../\...***

Стол, половицы, дети — все танцует, невозможно продолжать.

Рукой Герцена:

Все идет так, как положено природой, я выпил полбутылки коньяку, Саша упрекнул меня за то, что я не плакал, расставаясь с вами (и ты Брут...), Тата вспоминает вас каждую минуту и говорит, что вы грустите, а кончился этот дурацкий день приступом нашей фамильной болезни — каламбуром. Приехав сюда, Тата нарисовала ваш портрет. Саша сказал: «Это демон». Тата ему тотчас ответила: «Нет, это демонстрация».

Завтра, если выкрою время, напишу вам [3].

[1] *Алмерас* — неустановленное лицо.

[2] Объяснение значка /\ см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегу.

[3] Ответ Гервега напечатан Лемке с приблизительной датой: «Декабрь 1849 г.» (XIV, 34—35).

32

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

21 décembre 1849. Zurich [1]

Je n'ai pas écrit hier, parce que la poste part à $4\frac{1}{2}$ après midi pour Bern, et nous arrivâmes vers les 5. Mon arrivée a été sous les meilleurs auspices du monde, j'ai rencontré toute la petite famille prête à aller à un examen où Colas devait figurer...[2] et je restai seul avec les voyageurs dans le Obernschöngrünschneebedecktberg, mais dans un quart d'heure la force publique envahit l'appartement, c'était une députation qui a reçu l'ordre du directeur de m'em-

* Начало письма, написанное по-русски, см. в основном тексте.— *Ред.*

** Далее по-русски.— *Ред.*

*** Далее по-французски.— *Ред.*

**** Каламбур: selle (стул) и sel (соль) по-французски звучат одинаково.

***** Это означает, что мы скоро увидимся.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

mener vif ou mort à l'examen. Vous connaissez mes idées sur la mort, je lui déclare donc que si l'alternative est telle — je suis à ses ordres; alors ils me menèrent dans un désert de neige jusqu'au cou, dans un salon très bien éclairé pour les aveugles qui jouaient la flûte et touchaient le cœur et le piano, on leur démontrait la chaleur palpable — il faisait au moins 45 degrés de Réaumur. — Cela n'est pas tout... moi en habit de voyage, paletot vert de grenouille à l'extérieur, Cognac de la Couronne au dedans — on me mène dans un cercle d'aristocrates, dont le plus jeune lisait un compte-rendu qu'il a commencé par ces mots: «Voilà pour la quarantième fois que *j'ai* l'honneur...» A chaque année il perdait une dent — cela a beaucoup augmenté à l'agrément.

On me fait asseoir entre ces monarques assemblés, qui vinrent encore une fois s'étonner de leur philantropie et pleurer sur leurs vertus sans exemple. La salle fut bientôt hermétiquement fermée — la chaleur redouble, et la retraite à la Xénophon [3] — il n'y avait pas même à ⟨y⟩ rêver. J'étais désolé de n'avoir pas mangé ce soir une quantité de radis, comme nous le faisions, la nature me refusait des moyens équivalents — etc., etc, etc.

Colas a été admirable, il m'a touché jusqu'aux larmes, il parlera, il parlera... figurez-vous qu'à présent il connaît déjà les noms de toutes les choses qu'il voit tous les jours.

A présent parlons affaires.

J'ai rencontré plus de résignation chez ma mère que je ne l'avais cru. Mais l'affaire reste dans la plénitude de ses ténèbres. Le chargé d'affaires [4] écrit que la lettre de change de Goloch⟨wastoff⟩ [5] est terminée favorablement, mais qu'il ne pense pas à l'utilité de l'autre (Ogar⟨eff⟩), parce que les affaires de madame sont dans un même état, que celles de son fils. En outre, il parle de la difficulté et du peu de sûreté d'envoyer *des documents* par la poste. Cette dernière phrase me fait penser à une défense de nous envoyer par la poste de l'argent et autre chose pécuniaire⟩; cela s'est vu — par exemple⟩ avec Bacounine.

Voilà ma résolution suprême.

Je pars demain ou après demain pour Berne avec ma mère, je reparlerai de toutes les affaires avec vous, je repartirai un jour après pour Paris. Je tâcherai d'avoir un payement sur le billet et une acceptation d'une lettre de change. — Je reviendrai dans une huitaine, je m'arrêterai chez Emma, si elle ne me chasse pas. L'affaire sera mise au clair.

Une lettre énergique est partie pour mon frère [6], c'est le commencement

Ma mère possède un *Taufschein* tout en règle et delivré en 1823, le 2 avril. «Henriette-Louisa. Eltern Gottlob Friedrich Haag, Rent-Kammer Secretarius. Frau Wilhelmina Erpfin. Geb⟨oren⟩ 27 Juni 1795, Stuttgart» [7].

Перевод:

21 декабря 1849 г. Цюрих [1]

Не писал вам вчера, потому что почта уходит в Берн в $4^1/_2$ пополудни, а мы приехали около 5 часов. Приехал я при обстоятельствах, предвещавших успех: я застал все маленькое семейство в сборах на экзамен, где должен был выступать Коля [2]. Я остался один с путешественниками на высоко-свеже-снего-засыпанном Красногорье, но через четверть часа в комнату ворвалась толпа народа: это была делегация, получившая от директора предписание доставить меня живого или мертвого на экзамен. Вам хорошо известно мое отношение к смерти, поэтому я тотчас заявил, что если так ставится вопрос, то я в их распоряжении. Тогда они потащили меня через снежную пустыню, по горло в снегу, и ввели в зал, очень хорошо освещенный для слепых, которые играли там на флейте, на струнах сердца и фортепиано. Им выражали горячее одобрение самым ощутимым образом — в комнате было по меньшей мере 45 градусов по Реомюру. — Но это еще не всё... Меня, как я был, в дорожном платье,

в пальто зеленого лягушечьего цвета — снаружи, коньяк гостиницы Курон — внутри, затащили в какой-то кружок аристократов, самый молодой из которых читал отчет, начав его словами: «Вот уже в сороковой раз я имею честь...». Каждый год он терял по зубу, что усугубляло удовольствие.

Меня усадили среди этих, собравшихся здесь повелителей, которые явились сюда, чтобы еще раз подивиться собственному человеколюбию и пролить слезу над своими беспримерными добродетелями. Вскоре зал был герметически закупорен, жара усилилась вдвое, а об отступлении на манер Ксенофонта[3] нечего было и мечтать. Я был в отчаянии, что не съел в этот вечер хоть немного редиса, как мы это обычно делали, а природа отказала мне в равноценных средствах и т. д., и т. д.

Коля был восхитителен, он меня тронул до слез. Он будет говорить, будет говорить... представьте себе, он уже знает названия всех окружающих предметов.

А теперь поговорим о делах.

Я и не ожидал от моей матери такой уступчивости, но дело по-прежнему покрыто беспросветным мраком. Поверенный [4] пишет, что дело с векселем Голох⟨вастова⟩ [5] закончилось благоприятно, но он не верит в пригодность другого векселя (Ога-р⟨ева⟩), потому что дела матери в том же состоянии, что и дела сына. Кроме того, он пишет о затруднительности и ненадежности пересылки документов по почте. Последняя фраза наводит меня на мысль, что пересылка нам по почте денег и иных ценностей запрещена — так было, напр⟨имер⟩, с Бакуниным.

Вот мое последнее решение.

Завтра или послезавтра мы с моей матерью выедем в Берн, я переговорю с вами обо всех делах, а на следующий день отправлюсь дальше в Париж. Постараюсь получить деньги под билет и акцептировать вексель. Вернусь через неделю; я остановлюсь у Эммы, если не прогонит. И в дело будет внесена ясность.

Послал брату решительное письмо [6] — начало положено.

У моей матери сохранилось метрическое свидетельство, составленное по всей форме и выданное 2 апреля 1823 г. «Генриетта-Луиза, родители: Готтлоб Фридрих Гааг, секретарь казенной палаты. Мать — Вильгельмина Эрпфин. Род⟨илась⟩ 27 июня 1795 г. в Штутгарте» [7].

[1] Этим же днем, 21 декабря 1849 г., датирована написанная Герценом в Цюрихе статья «Эпилог 1849», вошедшая в состав русского издания «С того берега» (см. изд. АН, т. VI, стр. 107—114).

[2] Экзамен в училище для глухонемых, где проходил курс обучения сын Герцена — Коля.

[3] Греческий философ Ксенофонт, находившийся на службе у персидского царя Кира, после смерти последнего и вероломного убийства персами греческих военачальников, умело отступил к Геллеспонту, возглавив десять тысяч греческих воинов.

[4] *Поверенный* — Ключарев.

[5] Двоюродный брат Герцена, Д. П. Голохвастов, был должен ему с 1840 г. 30 000 рублей серебром. В декабре 1849 г. он умер, и долг перешел на его жену — Надежду Владимировну. Опасаясь, что деньги эти не будут выплачены, Герцен выразил согласие на частичную компенсацию.

[6] О *Егоре Ивановиче Герцене* см. в «Лит. наследстве», т. 63, 1956, стр. 416—429.

[7] О матери Герцена, Луизе Гааг, см. там же, стр. 393—415.

33

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Zurich.⟩ 21 décemb⟨re 1849⟩

Et encore une lettre.

J'ai reçu la vôtre [1], merci, elle est plus que belle,— et encore merci. Je peux ne pas m'entraîner comme vous, mais on peut aimer en lisant (comme vous à Simon de Trier) [2] et en analysant comme ma «chétive pé ore» [3].

Après avoir expédié ma lettre, j'ai reçu à la poste 4 lettres. Une—de notre chargé d'aff⟨aires⟩, qui dit que *mes documents* pour l'affaire Ogareff sont arrivés à temps — mais qui dit derechef qu'il ne garantit pas les envois, que *jusqu'à la frontière.*— L'esclavage rend les hommes tellement astucieux qu'ils ne savent eux-mêmes rien de ce qu'ils veulent dire.

Golovine m'écrit qu'il a parlé de mon bien à un banquier de Londres, et que l'autre n'a pas montré de répugnance — il a parlé avec Bamberger. Chose étrange, nous en avons pensé avec vous. Tausenau [4] lui a dit encore une fois qu'on l'a demandé à la Conciergerie de moi, des motifs... je vois de plus en plus qu'il n'y a aucune sécurité pour Paris.

Nous partons demain à 4 heures après dîner... nous nous arrêterons chez vous, c'est à dire dans une chambre de la Couronne. Je suis décidé de pousser jusqu'à Londres si je ne réussis pas à Paris.

РЕСТОРАН «ТРЕХ ПРОВАНСАЛЬСКИХ БРАТЬЕВ» В ПАРИЖЕ. ЗДЕСЬ ЧАСТО БЫВАЛ ГЕРЦЕН

Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

J'ai été chez *Zürcher* [5], c'est un brave vieillard qui a été très amical, lorsqu'il a vu que j'ai trois cents francs pour lui.

Il n'a rien imprimé par économie et attend *l'Introduction* et vous envoie les épreuves à Bern [6].

Au reste nous en reparlerons. Donc à dimanche. Mes salutations à Vogt [7].

Comme je ne sais pas encore si je suis riche ou pauvre je bois du vin à 40 so⟨us⟩ et une bière qui sent un peu la transpiration des hommes.

Votre lettre est très belle [8].

Перевод: А.

⟨Цюрих.⟩ 21 декаб⟨ря 1849 г.⟩

Еще письмо.

Ваше [1] получил, благодарю. Я могу и не увлекаться, как вы, но можно любить, читая (как вы — Симону Трирскому) [2] и анализируя *, как это делает мое «жалкое сэзданье» [3].

После того, как я отправил свое письмо, я получил на почте целых четыре. Одно от нашего поверенного в дел⟨ах⟩, который пишет, что *мои документы* по делу Огарева

---

* Каламбур: «en lisant» — читая и «en analysant» —анализируя звучит схоже.

прибыли *во-время*, но опять-таки гарантирует доставку *только до границы*.— Рабство делает людей столь хитрыми, что они сами не понимают того, что хотят сказать.

Головин пишет, что говорил о моем имении с одним лондонским банкиром и что тот не станет отказываться,—он говорил с Бамбергером. Странно, мы с вами уже думали о нем. Таузенау [4] повторил Головину, что его спрашивали в Консьержери обо мне, о причинах... я все более убеждаюсь, что в Париже и вовсе ненадежно.

Мы уезжаем завтра в 4 часа пополудни... остановимся у вас, то есть в гостинице де ля Курон. Я решил двинуться в Лондон, если ничего не добьюсь в Париже.

Был у цюрихца [5]; это почтенный старец, он принял меня весьма дружелюбно, когда узнал, что у меня для него триста франков.

Из экономии, он ничего не напечатал, ждет введения и вышлет вам в Берн корректуру [6].

Впрочем, мы еще поговорим об этом. Итак до воскресенья. Привет Фогту [7].

Я еще не знаю, беден я или богат, поэтому пью вино по 40 су и пиво, которое слегка отдает человечьим потом.

Ваше письмо прекрасно [8]. А.

[1] По-видимому, речь идет о письме, условно датированном Лемке декабрем 1849 г. (XIV, 34—35).

[2] *Симон Трирский* — Людвиг Симон (1810—1872) — немецкий политический деятель и оратор, член германского национального собрания. В июле 1849 г. он бежал в Швейцарию, и в Трире, откуда он был родом, его заочно приговорили к смертной казни. В «Былом и думах» Герцен сообщает, что, заехав в конце 1849 г. в Берн, он застал Гервега, читающего Симону Трирскому по корректурным листам отрывки из «Vom anderen Ufer» (изд. АН, т. X, стр. 253). На это чтение и намекает Герцен.

[3] *«жалкое созданье»* («chétive pécore») — выражение из басни Лафонтена «La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Bœuf» («Лягушка, желающая стать такой же большой, как Бык»).

[4] Карл *Таузенау* (1808—1873) — австрийский революционный эмигрант, участник баденского восстания. Герцен часто встречался с ним в Париже (см. V, 265). Арестованный французскими властями, Таузенау был заключен в парижскую тюрьму Консьержери и затем выслан в Англию.

[5] Речь идет о владельце цюрихской типографии, одной из лучших, по словам Герцена, в которой печаталось в 1849 г. «Vom anderen Ufer». Можно предполагать, что это была типография цюрихского книгоиздателя Фридриха Шультгеса (Schultheß, 1804—1869). Тираж этой книги был весной 1850 г. перевезен в Гамбург; там к ней издательской фирмой Hoffmann und Kampe был припечатан новый титул и обложка, на которых был обозначен Гамбург как место издания.

[6] *Корректуру* — вероятно, листы немецкого издания «Писем из Франции и Италии».

[7] О Карле *Фогте* см. ниже, в публикации писем Герцена к Ф. Пульскому.

[8] В своем письме Гервег писал: «Друг, единственный мой друг, какая пустота вокруг меня после вашего отъезда! Я точно под колоколом пневматического насоса: воздух по-немногу уходит, и скоро нечем будет дышать...» и т. д. (XIV, 34). Эти строки, в которых Герцен увидел проявление искреннего чувства, вероятно и вызвали его замечание, что письмо Гервега «прекрасно».

34

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Den 25 Dezember 1849. Neuchâtel

Nous partons dans une demi-heure. Je vous enverrai ce petit mot déjà de la France, pour vous dire que notre petit voyage s'est presque terminé de la manière la plus tranquille.

Je vous baise en son nom, c'est-à-dire au nom de la ville de Besançon[1].

[Bern] Zürich [Suisse]
Monsieur G. Herwegh
[Hôtel de la Couronne.]

Почтовые штемпели: Orn⟨an⟩ 25 déc⟨embre⟩ 1849
Bern 27 Dezember
Zürich. 29 Dez⟨ember⟩ 1849.

Перевод:

25 декабря 1849 г. Невшатель

Через полчаса мы уезжаем. Я пошлю вам эту записку уже из Франции, с тем, чтобы сообщить, что наше короткое путешествие почти закончено и самым благополучным образом.

Целую вас от его имени, т. е. от имени города Безансона *[1].

[Берн] Цюрих [Швейцария]
Господину Г. Гервегу.
[Hôtel de la Couronne]
Почтовые штемпели: [Ор⟨нан⟩ 25 дек⟨абря⟩ 1849]
Берн 27 де⟨кабря⟩
Цюрих. 29 дек⟨абря⟩ 1849 г.

[1] Герцен 22 декабря 1849 г. выехал с матерью из Цюриха в Париж, чтобы хлопотать о получении денег по векселю, на который было наложено запрещение. Гервег же остался в Швейдарии, куда и были адресованы Герценом все последующие письма.

35

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Besançon. 25 décembre 1849

Nous voilà à Besançon, demain nous allons partir pour Paris. Quatre visa—on peut devenir visionnaire, deux douannes (faut-il deux *n* — ou non? je ne me rappelle plus).

Prenez la route de Neuchâtel, c'est une route bénie par Dieu.

Position — voyageurs.

Température — 10° Réaum⟨ur⟩, geogr⟨aphischer⟩ Grad «der Beschränktheit» — Neuchâtel.

— Bise, neige, traîneaux, Sibérie.

— Manteau oublié...

Mais personne au monde ne connaît la route de Pontarlier ** à Besançon.— C'est une beauté inouïe, vraiment je n'ai rien vu en Suisse de plus beau.

«Et ait ille» — (moi) — au maître de l'hôtel.— «Donnez-moi une bonne bouteille de Bourg⟨ogne⟩».

«Et ait ille» (*Wirth*). — «Vous l'aurez», et il apporte du vin magnifique.

Poussé par le Satan, je demande: «Mais avez-vous une meilleure?» «Oui».— «Donnez-la!» — *Vorwärts!* Et j'ai bu l'autre aussi.

Drin drin...
Drin ist nichts, nichts.

Перевод:

Безансон. 25 декабря 1849 г.

Вот мы и в Безансоне, завтра выезжаем в Париж. Четыре визы — есть от чего стать визионером, две таможни (нужно ли два *н* или нет — я уже не помню) ***.

Поезжайте на Невшатель — это дорога, благословенная богом.

Звание — путешественники.

Температура — 10° по Реомюру. Geogr⟨aphischer⟩ Grad «der Beschränktheit» ****. Невшатель.

— Северный ветер, снег, сани, Сибирь.

— Забытая шинель...

Но ни одна душа не знает дороги в Безансон через Понтарлье. Красота неслыханная. В самом деле, ничего прекраснее я не видел и в Швейцарии.

«Сделте милсть» — (я) — хозяину гостиницы.— «Дайте мне бутылку хорошего бург⟨ундского⟩».

«Сделте милсть» — (Wirt *****).— «Можно», и он приносит великолепное вино.

---

* Каламбур: «baise en son» («целую от его...») и «Besançon» (Безансон) на французском языке звучат одинаково.

** В подлиннике: Pointalliers. — *Ред.*

*** По-французски таможня — «douane» — пишется через одно *n*.

**** Геог⟨рафический⟩ градус «ограниченности» (нем.).

***** Хозяин (нем.).

Тут чёрт меня дернул, и я спрашиваю: «А нет ли получше?».— «Есть».— «Дайте!»— Vorwärts! * Выпиваю и вторую.

Drin, drin...

Drin ist nichts, nichts **.

36

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Paris. Le 28 décembre 1849

Emma m'a reçu avec tant d'amitié, tant de sympathie, que j'étais touché, touché profondément, quoique je m'attendais à cela,— j'ai trouvé du Cognac dans ma chambre (c'était pour me dégrader devant Sarrasin [1]), j'ai trouvé des sauces — voilà pour le matériel, et tout cela m'a fait tant de plaisir après un voyage diabolique, après une série de pensées tristement froides.

A présent parlons de vous. (Je ressemble à Arioste, je ne peux me décider à finir une phrase sans deux épisodes; je vous ai dit que je veux parler de vous, et je me suis rappelé qu'hier parlant avec Emma j'ai remarqué pour la première fois qu'il est très insipide que je vous dise *vous*, c'est le *vice-versa* du *tu* avec lequel Strübing me régale, je vous propose donc d'écrire vos lettres au singulier). Eh bien, j'ai trouvé Emma très triste, elle est profondément chagrinée, — ce n'est pas purement et simplement la séparation qui l'afflige, elle (et beaucoup d'autres) pensent que le visa n'est pas trop nécessaire,— vous comprenez donc qu'elle doit expliquer le tout par un manque d'amour actif, etc., etc. Cela l'a fait penser et repenser, et sous ce rapport elle est parvenue à s'insurger tant soit peu contre Votre Seigneurie.— Ici commence cette petite ligne de démarcation qui sépare nos opinions,— moi j'applaudis de tout mon cœur ce sentiment d'opposition (vous l'aimez dans les enfants — il faut généraliser et l'admettre dans toutes les relations) — c'est la véritable indépendance, non pas avarice de soi, mais *das Selbständige* — qui peut se fondre en amour et en amitié — sans se laisser absorber. Sur ce thème comme sur l'autre concernant l'analyse (comme vous le dites) je suis prêt à vous écrire des lettres monstres. Un seul mot, encore,— je crois indispensable pour vous de venir ici pour un temps quelconque; hier Barman [2] n'avait pas encore de lettre de Dr.[3] Je ne sais rien encore de mes affaires. Kapp me fait une très bonne proposition de Francfort [4].

Emma vous a envoyé une lettre et un paquet adressés à ma femme *à Zurich, Hôtel Bauer*, faites demander. Et où êtes-vous enfin, je ne sais comment vous écrire — à Bern ou à Zurich.

Müller-Strübing a été enlevé par G. Sand, et demeure chez elle. [5]

Aujourd'hui jour de naissance de Hor⟨ace⟩ [6]. Vous l'avez oublié — vous avez très mal fait.

2 heures

Je viens de Rot⟨schild⟩.— Les affaires ne sont pas bonnes mais elles ne sont pas tout à fait désespérées. Premièrement nous avons connaissance à présent comment tout cela s'est fait. Rot⟨schild⟩ m'a montré une lettre de Gasser [7], où il l'avertit que le ministre de la police à Pétersbourg voulait opposer un veto contre le payement de mon billet, mais il était déjà trop tard. Le fait de cette translation a, à ce qu'il paraît, éveillé l'attention, de là—l'interdit. — Rot⟨schild⟩ tient l'affaire de m-me Haag pour possible, mais après l'avis de Gasser — il n'y a pas à penser à un payement. Il veut l'envoyer, et faire toutes les démarches possibles pour l'encaisser sans prendre le résultat à sa responsabilité. Concernant le bien — il pense que c'est une affaire complètement perdue, mais il m'a proposé d'en écrire à Gasser et de la lui proposer.

* Вперед (нем.).

** Дрин, дрин — внутри пусто, пусто (нем.) Игра слов: «drin» — звук льющейся жидкости означает по-немецки «внутри».

Après avoir mûrement réfléchi, je me suis décidé à remettre le billet à condition de recevoir le billet intact ou une somme équivalente.— La première réponse de G⟨asser⟩ — je dois l'attendre ici.— Très possible que ma mère s'en ira toute seule.

J'ai été chez Barm⟨an⟩, il doute fortement de la réussite de votre affaire.

J'ai reçu 300 fr⟨ancs⟩ de m-me Herwegh payables à vue à Zurich (notre style de banquier, m-r) par m-me Herzen. Elle a voulu vous les envoyer mais je crois que la chose est beaucoup plus simple, j'en ai écrit à ma dame / femme / épouse[8].

Ada [9] est d'une beauté et d'une *«disinvoltura»* parfaite. Horace entre dans l'âge de Sacha — âge qui n'a plus la grâce de Tata et n'a pas encore la grâce de Léontine [10].

Je vous serre la main.

Paris est impossible pour vivre, une tristesse morne s'est étendue sur la ville, personne n'attend rien, on vit, on végète de jour en jour. Les jours de fêtes sont passés pour la Seine. Moi je persiste qu'après une courte apparition ici il faut vendre les meubles — et s'en aller; ni vos tapis, ni vos chaises curules [11] ne pourront réparer le tort qu'on aura de vivre confortablement dans ce milieu d'opprobre. Canton Vaud — simplification des habitudes [12]. *Evviva l'independenza!*

Tâchez de trouver la lettre qu'Emma m'a écrite — elle dit qu'elle y tient beaucoup.

N'oubliez pas les lettres de Stuttgart.

Que fait *l'introduzione?* [13]

Перевод:

Париж. 28 декабря 1849 г.

Эмма встретила меня так дружески, так радушно, что я был тронут, глубоко тронут, хотя и не ожидал иного,— у себя в комнате я нашел коньяк (что имело целью уронить меня в глазах Сарацина [1]), нашел соусы — это по части вещественной, и все это доставило мне такое удовольствие после дьявольски трудного пути и длинного ряда унылых, холодных мыслей!

А теперь поговорим о вас. (Я похожу на Ариосто — никак не могу закончить фразу без двух вставных эпизодов; я сказал, что хочу поговорить о вас, и вспомнил, что вчера, беседуя с Эммой, я впервые заметил, как нелепо, что я говорю вам *вы*, это — vice versa * тому *ты*, каким меня потчует Стрюбинг; поэтому предлагаю вам в письмах обращаться ко мне в единственном числе.) Так вот, я застал Эмму очень грустной, она глубоко огорчена,— ее печалит не только и не просто самая разлука, но она (да и многие другие) думает, что виза не так уж необходима — вы понимаете, стало быть, что она должна объяснять все лишь отсутствием действенной любви и т. д., и т. д. Это заставило ее думать и передумывать, пока ей не пришло в голову слегка побунтовать против вашей милости. Вот тут и начинается та незаметная демаркационная линия, которая разграничивает наши точки зрения,— я всем сердцем приветствую подобное чувство протеста (вам оно нравится в детях — надо его обобщить и допускать во всех взаимоотношениях), это подлинная независимость, не своекорыстие, а das Selbständige **, которое может сочетаться с любовью, с дружбой, не давая поглотить себя. На эту тему, как и на тему об анализе (как вы говорите), я готов писать вам чудовищно длинные письма. Еще одно только слово,— я считаю, что вам необходимо приехать на некоторое время сюда; вчера у Бармана [2] еще не было письма от Др. [3] О своих делах я еще ничего не знаю. Я получил из Франкфурта от Каппа очень хорошее предложение [4].

Эмма отправила вам письмо и пакет на имя моей жены в *Цюрих, Hôtel Bauer*, затребуйте их. Да где же вы, в конце концов? Я не знаю, как вам писать — в Берн или в Цюрих?

---

* обратное (лат.).

** самоутверждение (нем.).

Мюллер-Стрюбинг похищен Ж. Санд и живет у нее [5].

Сегодня день рождения Гор⟨аса⟩ [6]. Вы про это забыли — очень дурно с вашей стороны.

2 часа

Я только что вернулся от Рот⟨шильда⟩ — дела не хороши, хотя и не совсем безнадежны. Во-первых, теперь мы знаем, как все произошло. Рот⟨шильд⟩ показал мне письмо Гассера [7], в котором тот его извещает, что петербургский министр полиции хотел наложить вето на выплату по моему билету, но было уже слишком поздно. Факт его передачи, очевидно, привлек внимание, отсюда и запрет. Рот⟨шильд⟩ считает дело г-жи Гааг осуществимым, по мнению же Гассера, об уплате нечего и думать. Он ⟨Ротшильд⟩ хочет послать его ⟨билет⟩ и предпринять необходимые шаги, чтобы добиться инкассации, но не берет на себя ответственности за результат. Что касается имения, то он думает, что это совершенно безнадежное дело, однако предложил написать Гассеру и предложить ему заняться им.

По зрелом размышлении, я решил передать билет при условии, что либо получу его обратно в неприкосновенном виде, либо эквивалентную сумму. — Я должен дождаться здесь первого ответного письма Г⟨ассера⟩ — очень возможно, что моя мать уедет отсюда одна.

Я был у Барм⟨ана⟩, он сильно сомневается в успехе вашего дела.

Я получил от г-жи Гервег 300 фр⟨анков⟩, подлежащие уплате по предъявлении сего в Цюрихе (наш банкирский стиль, сударь) г-жой Герцен. Она собиралась послать их вам, но, мне думается, так гораздо проще, о чем я и написал моей госпоже / жене / супруге [8].

Ада [9] — совершенство красоты и «disinvoltura»*. Горас вступает в возраст Саши, возраст, в котором уже нет прелести Таты, но еще нет и прелести Леонтины [10].

Жму вашу руку.

Жить в Париже невыносимо, мрачная печаль распростерлась над городом, никто ничего не ждет, все живут изо дня в день, все прозябают. Праздничные дни миновали для Сены. Я твердо стою на том, что после краткого здесь пребывания надо продать мебель и уехать — ни вашими коврами, ни вашими курульными креслами [11] нельзя будет оправдать комфортабельного образа жизни посреди такого позора. Кантон Во — упрощение привычек [12]. Evviva l'independenza **!

Постарайтесь найти письмо, которое Эмма мне написала,— она говорит, что для нее это очень важно.

Не забудьте о штутгартских письмах.

Что слышно с l'introduzione ?*** [13].

[1] *Сарацин* — вероятно, собака Гервегов.

[2] *Барман* — посланник швейцарской конфедерации в Париже.

[3] Вероятно речь идет о швейцарском политическом деятеле *Шарле Дрюз* (1799—1855).

[4] Предложение Каппа, вероятно, касалось продажи тиража «Vom anderen Ufer».

[5] Мюллер-Стрюбинг был приглашен в Париж Полиной Виардо, затем поселился вблизи Ногана, имения Жорж Санд, с которой поддерживал дружеские отношения. После декабрьского переворота 1851 г. он вынужден был покинуть Францию.

[6] *Горас* (1843—1901) — сын Гервегов.

[7] Карл *Гассер* (в этом письме Герцен ошибочно называет его Гескелем) — петербургский банкир, представитель фирмы Ротшильда, от имени которого требовал выдачи по векселю из опекунского совета 106 тысяч рублей, принадлежавших матери Герцена. Под *петербургским министром полиции* Герцен подразумевал начальника III Отделения.

[8] В автографе публикуемого письма к этому месту Гервегом сделано следующее примечание: «N⟨atalie⟩ était à Zürich» («Натали была в Цюрихе»).

[9] *Ада* (1849—1921) — дочь Гервегов.

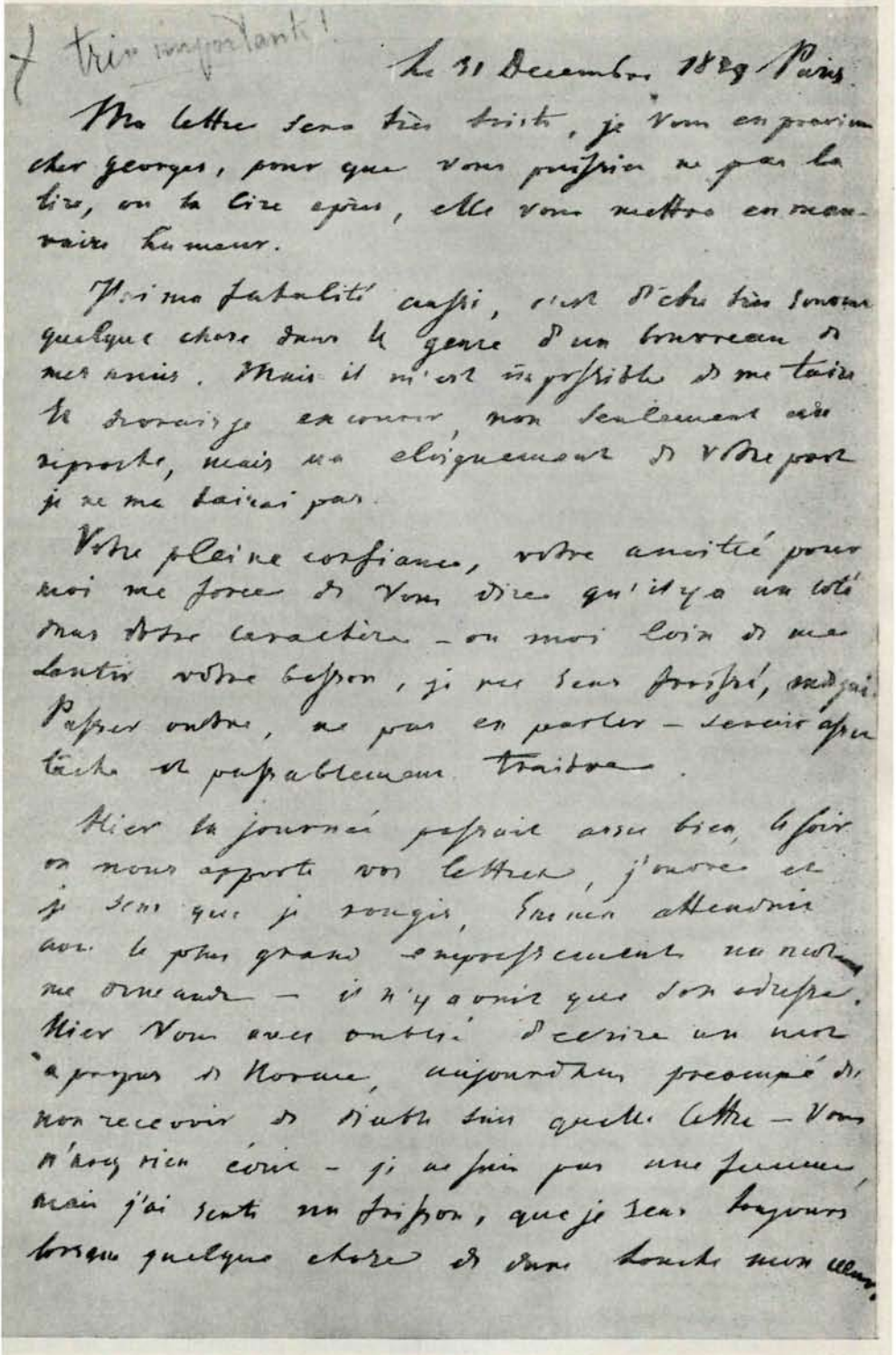
[10] *Леонтина* — молодая парижская гризетка, с которой Герцен познакомился на маскараде в Опере (изд. АН, т. XI, 452—460). См. о ней подробно ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

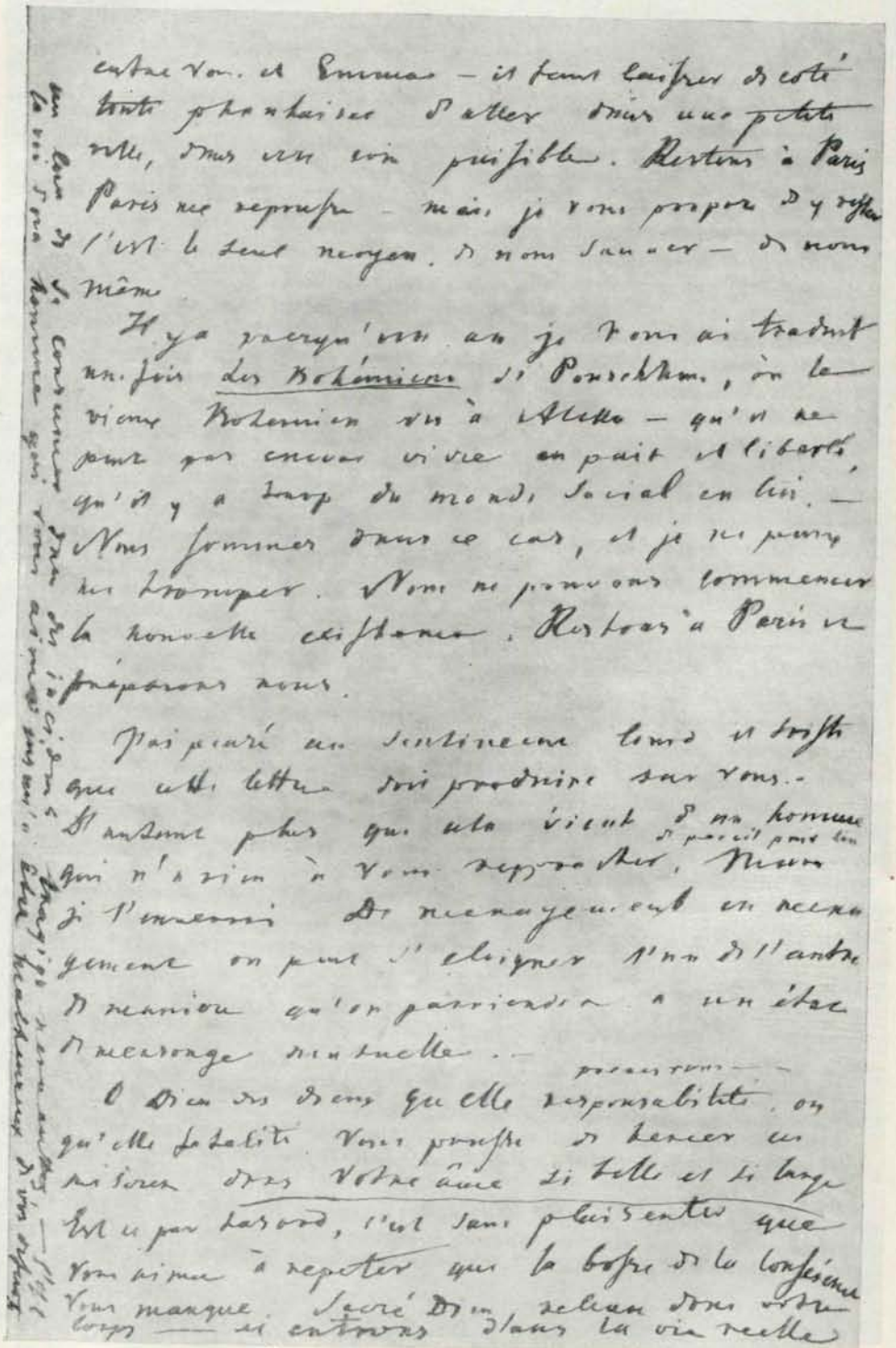
* «непринужденности» (итал.).

** Да здравствует независимость! (итал.).

*** введением? (итал.).

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 31 ДЕКАБРЯ 1849 г.
Лист первый
На полях надпись неустановленного лица по-французски: «Очень важное!»
Британский музей, Лондон

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕН АК ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 31/ДЕКАБРЯ 1849 г.
Лист последний
Британский музей, Лондон

[11] *Курульным креслом* в древнем Риме называлось покрытое слоновой костью складное кресло консулов, преторов и курульных эдилов. Герцен иронизирует здесь над роскошной мебелью Гервегов в их парижской квартире.

[12] В Кантоне Во находилось местечко Вето, где Н. А. Герцен сняла дачу.

[13] Предисловие к книге «Vom anderen Ufer», которое Гервег собирался написать вначале для первого, а затем для второго издания.

37

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 31 décembre 1849. Paris

Ma lettre sera très triste, je vous en préviens, cher Georges, pour que vous puissiez ne pas la lire, ou la lire après; elle vous mettra en mauvaise humeur.

J'ai ma fatalité aussi, c'est d'être très souvent quelque chose dans le genre d'un bourreau de mes amis. Mais il m'est impossible de me taire. Et devrais-je encourir, non seulement un reproche, mais un éloignement de votre part, je ne me tairai pas.

Votre pleine confiance, votre amitié pour moi me force de vous dire qu'il y a un côté dans votre caractère — où moi, loin de me sentir votre besson, je me sens froissé, indigné. Passer outre, ne pas en parler — serait assez lâche et passablement traître.

Hier la journée passait assez bien, le soir on nous apporte vos lettres, j'ouvre et je sens que je rougis. Emma attendait avec le plus grand empressement un mot, me demande — il n'y avait que son adresse. Hier vous avez oublié d'écrire un mot à propos de Horace, aujourd'hui préoccupé du non recevoir de diable sait quelle lettre — vous n'avez rien écrit — je ne suis pas une femme, mais j'ai senti un frisson, que je sens toujours lorsque quelque chose de dur touche mon cœur. Elle, dévouée comme elle est (ce que je prends pour une maladie), elle était anéantie. Nous parlâmes longtemps, je mentais, je vous inculpais, pour vous justifier — et maudissant ce rôle louche je me jettai vers 3 h⟨eures⟩ sur le lit. Triste, ému, j'ai beaucoup pensé, voilà les résultats.

Aimer, ne pas aimer une femme, un homme — c'est involontaire et je n'oserai jamais toucher à ces océanides de l'âme humaine. Mais ne pas se permettre, ne pas désirer même d'en avoir, de la cruauté capricieuse — est autre chose. L'homme qui pense qu'⟨il⟩ suffit de l'aimer pour supporter l'oppression, le manque d'égard, a un défaut dans le cœur; peut-être c'est un résultat de l'abandon et du relâchement de caractère, amalgamé avec les exigences tout contraires de ses amis. Là, je ne reconnais plus en vous l'homme sympathique. Vous me direz que vous êtes une fois comme cela, que c'est votre nature. Eh bien — je ne veux pas vous laisser en erreur, ma nature est parfaitement le contraire, sous ce rapport, ici elle est tout-à-fait antipathique à la vôtre. Je ne donne à personne le droit de torturer par amour ni par haine.

Je suis sûr que vous n'avez jamais entendu des paroles d'une franchise si sauvage. Moi je suis un être fort et sain, je ne peux voir dans mes amis sans protester un laisser-aller qui touche à l'inhumanité, d'autant plus que vous avez élevé à la hauteur d'une théorie ce que vous deviez rejeter comme un élément indigne de vous.

«Ce sont des formes, je m'arrête aux formes».— Et oui, certainement, la grâce est aussi formelle, je suis réaliste.

Cet incident m'a fait penser à bien de choses. Entre autres à notre avenir. Moi je ne peux être heureux que dans notre petit cercle, lorsqu'il sera harmonique⟨!⟩. Moi je ne me sens plus libre là où commencent ces petits malheurs improvisés, malheurs de luxe, inutiles, ces tracasseries coquettes et peut-être maladives. Par le rapport qui s'établit entre vous et Emma — il faut laisser

de côté toute fantaisie d'aller dans une petite ville, dans un coin paisible. Restons à Paris. Paris me repousse — mais je vous propose d'y rester. C'est le seul moyen de nous sauver — de nous-mêmes.

Il y a presque un an je vous ai traduit une fois les *Bohémiens* de Pouchkine, où le vieux Bohémien dit à Aleko qu'il ne peut pas encore vivre en paix et liberté, qu'il y a trop du monde social en lui.— Nous sommes dans ce cas, et je ne peux me tromper. Nous ne pouvons commencer la nouvelle existence. Restons à Paris et préparons-nous.

J'ai pensé au sentiment lourd et triste que cette lettre doit produire sur vous. D'autant plus que cela vient d'un homme qui n'a rien à vous reprocher de pareil pour lui. Mais je l'enverrai. De ménagement en ménagement on peut s'éloigner l'un de l'autre de manière qu'on parviendra à un état de mensonge mutuel [1].

O dieu des dieux, quelle responsabilité prenez-vous... ou quelle fatalité vous pousse de bercer ces misères dans votre âme si belle et si large? Est-ce par hasard, c'est sans plaisanter que vous aimez à répéter que la bosse de la conscience vous manque [2]. Sacré dieu, relevez donc votre corps — et entrons dans la vie réelle au lieu de se consumer dans des incidents tragico-nerveux— c'est la voix d'un homme qui vous aime jusqu'à être malheureux de vos défauts [3].

Перевод:

31 декабря 1849 г. Париж

Письмо мое будет очень грустным, предупреждаю вас, дорогой Георг, чтобы вы могли либо не читать его вовсе, либо прочесть позднее, оно приведет вас в дурное настроение.

Надо мной тоже тяготеет некий рок — мне очень часто приходится превращаться как бы в палача своих друзей. Но я не могу молчать. И даже рискуя заслужить не только ваши упреки, но и вызвать ваше отчуждение, я не стану молчать.

Ваше полное доверие ко мне, ваша дружба побуждают меня сказать, что в вашем характере есть сторона, где я, вовсе не чувствуя себя вашим близнецом, а чувствую себя задетым, возмущенным. Пройти мимо, обойти это молчанием было бы достаточной трусостью и изрядным предательством.

Вчера днем все шло сносно; вечером нам приносят ваши письма, вскрываю их и чувствую, что краснею; Эмма с величайшим нетерпением ждала нескольких слов, она спрашивает у меня, но там был всего только ее адрес. Вчера вы забыли написать несколько слов о Горасе, сегодня, озабоченный неполучением, чёрт его знает какого письма, а вы опять ничего не написали — я не женщина, но я почувствовал содрогание, какое чувствую всякий раз, когда что-нибудь грубое коснется сердца. При всей ее преданности вам (которую я рассматриваю как болезнь), она была уничтожена. Мы долго говорили, я лгал, я вас обвинял, чтобы оправдать,— и, проклиная свою двусмысленную роль, бросился в постель около 3 часов. Грустный, взволнованный, я много передумал,— вот итоги.

Любить или не любить женщину, мужчину — в этом мы не вольны, и я никогда не посмел бы коснуться этих океанид человеческой души. Но не позволять себе капризной жестокости, не допускать даже мысли о ней — это другое дело. У человека, который думает, что достаточно его любить, чтобы выносить его гнет, невнимание,— в сердце есть изъян; возможно, что это следствие распущенности и расслабленности характера, сочетавшееся с прямо противоположными требованиями друзей. Тут я уже не могу признать вас за человека, мне симпатичного. Вы скажете, что ничего не поделаешь, что так уж вы созданы, что такова ваша натура. Ну, а я не хочу оставлять вас в заблуждении, у меня натура совершенно другая в этом отношении, здесь она просто враждебна вашей. Я ни за кем не признаю права мучить — ни из любви, ни из ненависти.

Я уверен, что вам никогда не приходилось слышать таких необузданно откровенных слов. Я человек сильный и здоровый, я не могу без чувства протеста видеть у своих

друзей небрежение к ближним, граничащее с бесчеловечностью, тем более, что вы подняли на высоту теории то, что должны были бы отбросить как недостойный вас элемент.

«Все это форма, я придираюсь к форме».— Ну, конечно, обходительность тоже форма, я реалист.

Этот случай заставил меня о многом подумать. Между прочим, и о нашем будущем. Я лично могу чувствовать себя счастливым в нашем тесном кружке, только если в нем установится гармония. Я перестаю чувствовать себя непринужденно там, где начинаются мелкие, выдуманные горести, ненужные горести от пресыщения, ссоры, порождаемые то ли кокетством, то ли болезненностью. При отношениях, сложившихся у вас с Эммой, нужно оставить всякую мечту о переезде в маленький город, в тихий уголок. Останемся в Париже. Париж мне противен, но я предлагаю остаться здесь. Это единственное средство спастись от самих себя.

Около года тому назад я как-то перевел вам «Цыган» Пушкина, то место, где старый цыган говорит Алеко, что тот не может еще жить в мире и свободе, что в нем еще слишком много от социальной среды.— Мы в том же положении, и я не могу себя обманывать. Мы не можем начать нового существования. Останемся в Париже и будем готовиться.

Я подумал о тяжелом и грустном чувстве, которое должно вызвать у вас мое письмо. Тем более, что сказанное исходит от человека, который не может упрекнуть вас в чем-либо подобном по отношению к себе. И все же я пошлю его. Ведь щадя раз, щадя два, можно так отдалиться друг от друга, что дойдешь до взаимного обмана [1].

Боже мой, какую ответственность возлагаете вы на себя... какой рок толкает вас лелеять в вашей столь прекрасной и щедрой душе все эти слабости? Видно, не случайно и не шутки ради вы любите повторять, что лишены шишки совести [2]. Подтянитесь же, чёрт возьми, и давайте жить реальной жизнью, вместо того, чтобы изнурять себя трагико-нервическими инцидентами. Это голос человека, который настолько вас любит, что страдает, видя ваши недостатки [3].

[1] Отвечая 4 января 1850 г., Гервег уверял Герцена, что его письмо вовсе не произвело того действия, которого Герцен боялся или желал. «Немного обиженный вначале, я потом стал улыбаться вашему учительскому тону». «Чего же вы, наконец, хотите? — продолжал Гервег.— Я стряхнул с себя на некоторое время семейную пыль, но не потому, что не любил, а потому, что это гнусное установление есть лучшее средство, чтобы убить любовь даже к самому благородному, преданному и любящему в мире существу, к такой прекрасной и крупной натуре, как Эмма...» (XIV, 39—40). Гервег протестовал в этом письме против проекта Герцена остаться в Париже.

[2] В цитированном выше письме Гервег, применяя термины модной тогда френологии, также повторял, что у него нет «шишки совести», а что у Герцена отсутствует «шишка постоянства» (там же).

[3] На первом листе публикуемого письма надпись неустановленным почерком по-французски: «Очень важное!».

38

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

9 janvier 1850. Paris

Votre lettre m'a fait beaucoup de bien [1], un des fardeaux qui m'enfonçait le cœur, vous l'avez ôté. Mais laissez-moi à ma critique — j'ai une démangeaison (peut-être c'est de l'aliénation mentale) de scruter les derniers liens qui nous font quelque chose de l'existence. Un chaos passe par ma tête, tout fermente, les dernières bases craquent, les derniers refuges s'encombrent.

Episode malheureuse, éveillée par sympathie amicale pour Emma et qui ne veut pas passer. Même je ne bois presque pas de vin, et je ne lis pas les journaux — symptôme dangereux.

И не пьется водочка
По этой причине[2].

Mais élevons-nous dans une autre sphère, au moins, éloignons-nous des cas donnés. Je vous ai écrit et je vous le répète, nous tous nous portons une

marque au front, nous tous nous avons des traces de l'esclavage égyptien. Il faut subir cela. Au fond de notre âme il y a un ess-bouquet de toutes les tendances corruptrices de la civilisation, un égoïsme cupide, un amour propre implacable. Oh, ici ce n'est pas vous que j'inculpe—je n'inculpe ni ne vous excepte. Enfin cela n'est pas vous, ni moi — *non vitia hominis*... La grande question est de savoir, peut-on se sauver de cette lèpre que la décadence nous a inoculée ou non. Je crois que oui, au moins l'épreuve n'est pas à dédaigner. Kant a dit qu'une action n'est pas morale si on ne peut la généraliser — on peut ajouter qu'une action qui n'est pas généralisée est un fait passé. Or moi je pense que vous êtes d'un degré plus malade que moi — parce que vous agissez tout-à-fait conformément à une théorie psychologique que vous élevez *pro domo sua* et qui n'a aucune relation véritable avec votre point de vue — qui est en tout le mien. Comment êtes-vous parvenu à cette apothéose de chaque velléité, de chaque caprice, à ce ménagement de vous-même — qui va jusqu'à ne pas vouloir lire les lettres qui contiennent des nouvelles qui ne vous plaisent pas, à cette préoccupation de votre repos et cet oubli d'autrui? [3] Comment enfin vous êtes parvenu à avoir un entendement vaste et une dépendance complète des petites misères, des talents prodigieux — et aucune productivité? Vous n'êtes pas libre — vous êtes dans les choses privées plus insurgé qu'indépendant, vous avez même un élément conservateur — qui à lui seul pourrait prouver que j'ai raison.

C'est à vous de connaître la phénoménologie de ce développement. Moi j'ai besoin de vous dire qu'avec ces théories toute relation franche et libre s'empoisonne. On vous aimera — mais on ne sera pas heureux, on vivra avec vous — mais la vie sera lourde. On aura des instants de bonheur — et des journées d'ennui.— Voilà la cause de mon invitation de venir à Paris que vous n'avez pas voulu comprendre, et dont l'exécution est à présent totalement impossible. A Paris il y a plus de distraction, on ne se regarde pas en face à chaque instant. A Paris on est entraîné, ahuri, autre chose à Vevey.

Il est bientôt 5 h⟨eures⟩, donc la continuation à un autre №.

Pour finir, je vous dirai seulement la conclusion: sentez-vous un besoin de changer votre biosophie et de faire l'épreuve d'une vie plus conforme à vous-même? Voulez-vous faire quelque effort pour sortir de l'état maladif où vous êtes — ou non?[4]

Georges Herwegh.
En cas de son départ, envoyez-lui la lettre.

Перевод:

9 января 1850 г. Париж

Ваше письмо подействовало на меня очень благотворно [1], одной тяжестью меньше на сердце — вы ее сняли. Но не отнимайте у меня права критиковать — я чувствую непреодолимое влечение (может быть, это умопомешательство) подвергать испытанию последние узы, благодаря которым мы еще дорожим жизнью. В мыслях у меня хаос, все в брожении, распадаются последние основы, рушатся последние прибежища.

Злополучный эпизод, вызванный дружеской симпатией к Эмме, никак не забывается. Я даже почти не пью вина и не читаю газет — опасный симптом.

И не пьется водочка
По этой причине [2]*.

---

* Стихотворные строки в автографе приведены по-русски.— *Ред.*

Но поднимемся в иную сферу или хотя бы отойдем от данного случая. Я уже писал вам и повторяю: у всех нас клеймо на лбу, на всех нас следы египетского рабства. Это надо претерпеть. В глубине нашей души эсс-букет развращающих тенденций цивилизации, алчный эгоизм, неукротимое самолюбие. О, здесь я не обвиняю вас,— не обвиняю, но и не исключаю. Словом, я обвиняю не вас, не себя, non vitia hominis...* Главный вопрос в том, можно ли спастись от этой проказы, привитой нам периодом упадка, или нет. Я думаю, что можно, по крайней мере не надо пренебрегать такой попыткой. Кант сказал, что поступок не является нравственным, если его нельзя обобщить,— можно добавить, что поступок, не обобщенный, есть факт, отошедший в прошлое. И вот я думаю, что вы больны на степень серьезнее меня, потому что вы поступаете в полном соответствии с психологической теорией, которую создаете pro domo sua ** и которая не имеет никакой настоящей связи с вашей точкой зрения, полностью совпадающей с моей. Как дошли вы до такого апофеоза малейшего своего желания, малейшего каприза, до такого бережного отношения к самому себе, доведенного у вас до нежелания читать письма, содержащие известия, неприятные вам; как дошли вы до такой озабоченности собственным покоем и до такого забвения своих окружающих ?[3] Как, наконец, дошли вы до того, что при всем широком своем кругозоре вы находитесь в полнейшей зависимости от жалких мелочей, при необычайных талантах — остаетесь совершенно бесплодным. Вы не свободны, в своей частной жизни вы скорее бунтарь, чем независимый человек, в вас есть даже известный консерватизм, что уже само по себе могло бы служить доказательством моей правоты.

Кому как не вам знать феноменологию этого развития. С своей стороны, должен сказать, что подобными теориями будет отравлено всякое искреннее, свободное отношение. Вас будут любить, но счастливы не будут; с вами будут жить, но жизнь эта будет тяжела. Будут минуты счастья и дни тоски.— Вот причина, побудившая меня звать вас в Париж, причина, которую вы не захотели понять. Теперь же все стало совершенно неосуществимым. В Париже больше развлечений, не приходится ежеминутно быть друг у друга на глазах. В Париже тебя всегда что-то увлекает, оглушает — иное дело в Веве.

Скоро 5 ч⟨асов⟩ — итак, продолжение в другом №.

В заключение же скажу лишь как вывод: чувствуете ли вы потребность изменить свою биософию и попытаться жить другою жизнью, более вам соответствующей? Хотите ли сделать некоторое усилие, чтобы выйти из того болезненного состояния, в котором вы находитесь, или нет? [4]

Георгу Гервегу
В случае же его отъезда, перешлите ему письмо.

[1] Письмо Гервега от 4 января 1850 г. (см. XIV, 37—40).

[2] Из песенки «Едет чиж на лодочке» («Чижик едет в лодочке»), которую, по словам И. Г. Головина, в это время любил напевать Герцен («Записки Ивана Головина». Лейпциг, 1859, стр. 125).

[3] В «Былом и думах» Герцен также отмечал отсутствие в Гервеге «той простой, откровенной натуры, того полного abandon***, который так идет всему талантливому и сильному и который у нас почти неразрывен с даровитостью. Он был скрытен, лукав, боялся других, он любил наслаждаться украдкой, у него была какая-то не мужская изнеженность, жалкая зависимость от мелочей, от удобств жизни и эгоизм без всяких границ, rücksichtlos ****, доходивший до наивности и цинизма» (изд. АН, т. X, стр. 240—241).

[4] Отвечая на этот вопрос (в письме, ошибочно датированном М. К. Лемке февралем 1850 г.), Гервег мелодраматически называл Герцена «палачом», копающимся с ножом в его внутренностях, объявлял, что попробует «начать новую жизнь», «погребет себя в полном одиночестве», и просил постепенно подготовить его жену к этому решению (XIV, 49—50).

---

* не человеческие пороки (лат.).
** для себя (лат.).
*** непосредственности (франц.).
**** ни с чем не считавшийся (нем.).

39

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

17 janvier[1] 1850. Paris

Cher Georges, je me proposais de vous écrire une longue lettre, et je n'ai que le temps de vous serrer la main, votre lettre que j'ai reçu hier a anéanti le mauvais effet *de la seconde*. Laissons donc cela — et s'il nous semble que tout croule — attachons-nous, et diable, en avant, sauvons-nous, sauvons les individualités.— Ecoutez, mon amitié peu tolérante s'est peut-être exprimée comme la haine — passons outre. Dans le principe j'avais raison et puissiez vous me traiter encore cent fois de frivole, vous ne le sentez pas. Et pourquoi vous ne voulez jamais vous replier sur vous-même, pourquoi lorsqu'on *vous inculpe*, censure, vous commencez tout de suite l'inculpation de l'autre. Vous parlez de la conduite d'Emma envers vous; ah, justice, justice, ne l'avez-vous pas provoquée par votre laisser-aller? Ce ne sont pas des homélies — mais des vérités, vous donniez trop à vous et rien aux autres. Cela m'insurgeait contre vous, et cela me révolte. Et vous pouvez me taxer de doctrinaire comme vous voulez, mais je sais qu'il existe une catégorie de la mesure, laquelle dépassée, on est hors de la réalité. Cet état — hors de la réalité — est apprécié comme un état supérieur, poétique, cataleptique — tout cela n'a pas le sens commun. Oui, mon opinion est superficielle, parce que la substance de la chose est à sa superficie.

Comment pouvez-vous penser que moi je voudrais vous chercher chicane ⟨de ce⟩ que vous vouliez rester libre quelques mois? Mais je vous cherche chicane parce que vous n'avez rien fait ⟨de⟩ ce que la simple humanité exigeait. Vous pensez qu'on peut dire à une femme: «Attends un an, je te repermettrai de m'aimer», mais c'est de la tyrannie. Au lieu de cela dites-lui que vous voulez rester seul, vous concentrer, cela se comprend.

Vous avez tant soit peu joué avec les individualités — avec votre amour sincère, grand — vous donniez l'air d'un égoïsme insupportable.

Je me révoltais contre cela maintes fois. Pensez-vous que les petites choses m'échappent? Je voyais avec tristesse, prévoyant des malheurs, comme vous et en partie Natalie (si réelle au fond) développiez ces théories d'un idéalisme, d'un romantisme *sui generis*, et qui m'offensaient encore plus, parce que je ne voyais, moi, rien de ces choses excentriques dans votre caractère.

Et bien je n'ai pas même le temps de relire ma lettre; je vous dis encore une fois, oui, j'ai mérité la sympathie que vous m'aviez donnée, oui, je vous tends la main à une plus ample explication — *et je prends un engagement solennel* de venir *en tout cas* et où vous vous trouviez, pour en reparler si vous le désirez. Dans ma vie j'ai eu deux rencontres peut-être plus profondes que la vôtre — celle d'Og⟨areff⟩ et de Nat⟨alie⟩ — pensez-vous que je sois assez frivole pour pouvoir vous abandonner?[2]

Перевод:

17 января[1] 1850 г. Париж

Дорогой Георг, я собирался писать вам длинное письмо, но времени у меня хватает только на то, чтобы пожать вам руку. Ваше письмо, полученное мною вчера, сгладило дурное впечатление *от второго* из ваших писем. Итак, оставим это, а если уж мы думаем, что все кругом рушится — сплотимся, и вперед, чёрт возьми, давайте спасать себя, спасать отдельных людей. Послушайте, возможно, что моя дружба, далекая от терпимости, походила на ненависть — забудем это. По существу же я был прав, и называйте меня хоть сто раз вздорным, вы сами этому не верите. И почему вы никогда не хотите оборотиться на себя самого, почему, когда *вас обвиняют*, критикуют; вы тотчас принимаетесь бросать обвинения другим. Вы говорите о поведении Эммы по отношению к вам; ах, будем же справедливы, будем же справедливы —

не вы ли толкнули ее на это своим небрежением? Это не нравоучение, а истинная правда, вы слишком много брали, ничего не давая другим. Все это меня возмущало и восстанавливает против вас. И вы можете, сколько вам угодно, обвинять меня в доктринерстве, я знаю, что существует мера вещей, переступив которую оказываешься вне реальной действительности. Такое состояние — вне действительности — расцени-

ДОЧЬ ГЕРЦЕНА ТАТА
Дагерротип, начало 1850-х гг.
«Пражская коллекция»
Центральный архив литературы и искусства, Москва

вается как состояние высшее, поэтическое, каталепсическое, — а все это лишено здравого смысла. Да, моя точка зрения поверхностна, ибо самая субстанция предмета — на его поверхности.

Как могли вы подумать, что я стану придираться к вам, за желание пожить несколько месяцев на свободе? Я за то придираюсь к вам, что вы не удовлетворили ни единого требования простой человечности. Вы думаете, что можно сказать женщине: «Пережди годик, и я опять разрешу тебе любить меня» — но ведь это тирания. Скажите вместо этого, что вам хочется побыть одному, сосредоточиться — это понятно.

Вы немножко кокетничали кой перед кем своей искренней большой любовью, а создавалось впечатление нестерпимого эгоизма.

Я не раз возмущался этим. Не думайте, что я не замечаю мелочей. С грустью смотрел я, предвидя несчастья, как вы, и отчасти Натали (человек в сущности очень реального мышления), развивали все эти sui generis * идеалистические, романтические теории, тем более меня возмущавшие, что я ничего такого особенно эксцентричного в вашем характере не замечал.

У меня нет даже времени перечитать письмо; так вот, еще раз повторяю, я заслуживаю вашего расположения; да, я протягиваю вам руку до более обстоятельного объяснения и *даю торжественное обязательство во всяком случае* приехать туда, где вы будете, и возобновить, если угодно, наш разговор. В моей жизни были, быть может, только две более значительные встречи, чем встреча с вами,— это с Ог⟨аревым⟩ и Нат⟨али⟩ — неужели же вы думаете, что у меня хватит легкомыслия расстаться с вами? [2]

[1] В подлиннике описка: 17 décembre (17 декабря).

[2] В ответном письме, ошибочно датированном М. К. Лемке февралем 1850 г., Гервег писал Герцену: «Ваше сегодняшнее письмо совсем ободрило меня. Это — благая весть! Впрочем, я этого ожидал и всеми силами хотел удержать Natalie. Отъезд ее привел меня в уныние. Она была единственное существо, которое умело примирять нас и поднимать нас обоих еще тогда, когда мы взваливали друг на друга вину в нашем взаимном отчуждении, когда бог весть что легло между нами. Она же оставалась столь же трезвой, как была, и вы напрасно упрекаете меня, что я вовлекал ее в какой-то романтизм». Далее Гервег упрекал Герцена в «умеренности», пользовании «очками „чистого разума“» и просил не судить его, как судят постороннего человека (XIV, 54—55).

40

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

18 janvier 1850. Paris

Vous pensez, cher Georges, ou plutôt vous ne le pensez pas, mais vous l'écrivez: «Eh quel plaisir trouvez-vous à ces vivisections»,— mais est-ce que vous ne voyez pas que mon scalpel est à double tranchant et qu'il s'enfonce autant dans ma poitrine que dans la vôtre.

Oh, que j'étais malheureux tout ce temps, vous m'avez dit dans la 2e lettre quelque chose dans le genre qu'il n'est pas beau de faire parade de ses sentiments. Qui au monde a parlé le moins de sentiment? Je suis très sobre, je suis même très candide sous ce rapport.— Et je m'abstiens, même à présent.

C'était un orage qui passa par ma poitrine — une crise, mais nous pouvons à présent, après nous avoir heurtés, commencer une seconde existence, qui, peut-être, sera basée sur une sympathie encore plus large. N'avez-vous donc jamais remarqué que chaque fois lorsque nous passâmes des soirées entières avec vous, en parlant de la politique, jusqu'aux calembours— nous étions tellement d'accord, même en disputant — que chacun dévelop⟨pait⟩ la pensée de l'autre? Et tout le contraire, lorsque les questions devenaient psychologiques, individuelles, ici nous nous heurtions toujours,— chez moi un réalism serein, un humanisme sympathique l'emportait toujours,— chez vous non. Cela serait encore une différence individuelle, mais je voyais là dessous un élément de sûreté égoïstique⟨!⟩ — qui me faisait monter le sang à la tête. Peut-être j'exagérais quelquefois — mais j'en souffrais *d'autant plus* — que j'avais déjà rencontré le même élément (sous une forme moins anguleuse et peut-être moins irritante, mais plus implacable) — dans Natalie. De vous trois — ne m'en voulez point — c'est le seul Ogareff qui ne m'a jamais froissé.

Lorsque j'ai vu que cet élément prenait le dernier temps chez vous de plus en plus racine, lorsque j'ai vu que N⟨atalie⟩ commençait à partager même la théorie — atroce (passez-moi le mot), sophistique en faveur de sa propre personne, je sentis qu'il fallait parler. Nous avons parlé à Berne. Vous

* своего рода (лат.).

m'avez confondu par les sentiments; mais d'après vos lettres je vois que vous vous échappez vous-même, vous vous sauvez de la critique, du regard dans votre poitrine — par les sentiments[1]. Vous appelez ma manière de raisonner frivole — je ne le crois pas. Regardez les résultats. Vous inculpez à présent Emma — ce n'est pas à vous de le faire. Elle a fait des imprudences, elle a outrepassé peut-être la mesure dans quelques observations etc.... mais dites, de grâce, pourquoi ne lui avez-vous pas écrit que vous cherchiez à présent de rester quelque temps seul pour vous recueillir,— elle aurait tout fait, tout souffert... Mais ce qui la rendit irritée et malheureuse c'est l'attente perpétuelle. C'est que vous n'avez donné pas une seule solution sérieuse à ses questions,—non, ce n'est pas frivolité lorsque je dis qu'une amie a au moins droit à l'attention,— et vous le sentiez aussi, mais vous ne vouliez pas vous forcer. «Ces victoires ne vous font pas de plaisir», — m'avez-vous dit à Berne.

Cher Herwegh, encore une fois, ne vous fâchez pas — mais le résultat de ce principe est tout net; il faut donc rester seul ou prendre les amis quelquefois pour quelque chose d'offensable. Vous ne m'avez jamais en rien offensé personnellement, au contraire, je voyais dans chaque mot, dans chaque geste effusion, amour. Mais je ne pouvais vous pardonner votre laisser-aller mutin avec les autres (c'est tout le contraire de la jalousie) et encore plus envers Emma. Mon dieu, mon dieu, comment cela s'est fait que je sois là entre vous deux, cela s'est fait d'une manière tellement naturelle, que je n'ai pas même eu de doute en vous écrivant ma première lettre — si j'en avais le droit ou non.

Voilà un côté. De l'autre, je vous donnais la complète absolution — pensant que vous, comme nous tous, nous soyons des êtres empoisonnés par le milieu pestiféré; moi-même je sentais que moi, en parlant, je succombais à des accès de rage qui feraient honneur à un chacal.

Ce temps était dur, il l'est encore. Il était inutile — que voulez-vous faire.

Je ne suis pas encore ni tranquille, ni bien portant, j'ai une telle excitation nerveuse, que je crains à chaque instant quelque chose, que je flaire malheur à droite et à gauche. Croyez-vous que je ne sors pas, que je ne fais rien. Cela passera.— Voulez-vous continuer, dites-moi quelques mots.— Ecrivez une lettre sympathique à Emma, oubliez les rancunes — votre mémoire est moins chargée. Et donnez votre main.

Je vous envoie la lettre de Kapp — expédiez donc la brochure sans avant-propos[2] qui restera pour la 11e édit⟨ion⟩.

Dites un mot à Kapp des autres éditions, je consens à tout — tout cela pour le moment est de la plus haute indifférence.

Перевод:

18 января 1850 г. Париж

Вы думаете, дорогой Георг, а вернее вы этого не думаете, но только пишете: «Ну, что за удовольствие можно находить в подобных вивисекциях?». Да разве вы не видите, что у моего скальпеля двойное лезвие, и он вонзается столько же в мою, сколько и в вашу грудь.

Ах, как я был несчастен все это время; во втором письме вы сказали нечто в роде того, что нехорошо щеголять своими чувствами. Да кто же меньше меня говорил о чувствах? Я очень сдержан и даже очень простосердечен в этом отношении. И воздерживаюсь даже теперь.

Это была буря, пронесшаяся в моей душе, — это был кризис, но теперь, после всех столкновений, мы можем начать иное существование, основанное, быть может, еще на более широкой симпатии. Разве вы не замечали, как всякий раз, когда нам с вами случалось вечер напролет протолковать о политике, договариваясь до каламбуров, мы были до такой степени единодушны, что, даже споря, каждый развивал

мысль другого? И напротив, стоило нам перейти к вопросам психологическим, личным, как между нами непременно возникали столкновения. У меня всегда брали верх спокойный реализм, благожелательная гуманность, у вас — нет. В этом опять-таки можно было видеть индивидуальное различие, я же угадывал за этим черствый, эгоистический элемент, от чего кровь бросалась мне в голову. Иногда я, быть может, и преувеличивал, но страдал от этого *тем сильнее*, что уже наталкивался на тот же элемент (в менее резкой и, быть может, в менее раздражающей, зато и в более непримиримой форме) у Натали. Из вас троих, не сердитесь, в одном только Ог⟨арев⟩е ничто никогда меня не оскорбляло.

Когда я увидел, что за последнее время все больше и больше укоренялся в вас этот элемент, когда я увидел, что Натали начинает разделять и применять к себе даже самую эту (простите) жестокую софистическую теорию, я почувствовал, что надо говорить. Мы говорили в Берне[1]. Вы обезоружили меня чувствами, но по вашим письмам я вижу, что, прячась за чувства, вы бежите от самого себя, от критики, боитесь заглянуть в собственное сердце. Вы называете мои рассуждения легкомысленными — я этого не думаю. Посмотрите, что получилось. Теперь вы обвиняете Эмму, а вам ли обвинять ее? Она была неосмотрительна, может быть слишком далеко зашла в некоторых своих замечаниях и т. д. ...Но, скажите, пожалуйста, почему вы не написали ей, что вам хотелось бы теперь побыть некоторое время одному и собраться с мыслями, она бы все выполнила, все снесла. Но вечное ожидание, вот что сделает ее раздражительной и несчастной. Ведь вы не разрешили серьезно ни одного из поставленных ею вопросов. Нет, это не легкомыслие, когда я говорю, что подруга по крайней мере имеет право на внимание. Вы тоже сознавали это, но не хотели принуждать себя. «Такого рода победы над собой не доставляют вам удовольствия»,— сказали вы мне в Берне.

Дорогой Гервег, еще раз говорю, не сердитесь, но вывод из подобного принципа совершенно ясен: надо либо оставаться в одиночестве, либо признать, что и друзья все-таки способны иной раз оскорбляться. Меня лично вы никогда ничем не оскорбили, напротив, я видел в каждом слове, в каждом движении порыв, любовь. Но я не мог вам простить (что совершенно противоположно ревности) капризной небрежности по отношению к другим, а в особенности к Эмме. Боже мой, боже, как это случилось, что я оказался между вами? Все получилось как-то так естественно, что у меня и сомнений не возникло, имею ли я на то право, или нет, когда я писал вам свое первое письмо.

Такова одна сторона вопроса. С другой стороны, я готов дать вам полное отпущение, памятуя, что вы, как и все мы, люди отравленные зачумленной средой; я и сам чувствовал, как, говоря с вами, поддавался приступам ярости, которые сделали бы честь шакалу.

Тяжелое это было время. Да оно и сейчас еще не прошло. Ненужное время. Но что поделаешь?

Я еще не успокоился и не поправился, я в таком нервном возбуждении, что поминутно чего-то опасаюсь, жду несчастья и справа и слева. Поверите ли, я совсем не выхожу и ничего не делаю. Это пройдет.— Если хотите продолжить разговор, черкните мне несколько слов.— Напишите ласковое письмо Эмме, забудьте обиды — ваша память ими меньше обременена. И дайте руку.

Посылаю вам письмо Каппа. Отправьте же брошюру без предисловия[2], оно останется для второго издания.

Черкните словечко Каппу о других изданиях. Я на все согласен — все это теперь для меня совершенно безразлично.

[1] Описание «бернской встречи» см. в V части «Былого и дум» (изд. АН, т. X, стр. 253—254). См. о ней также ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

[2] Предисловие «Vom anderen Ufer» должен был написать Гервег; это намерение он, однако, не осуществил.

41

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

22 janvier 1850. Paris

Je vous embrasse de tout mon cœur pour votre lettre, cher Georges; je l'ai lu, relu, oui, oui, *nous restons, nous resterons* ce que nous sommes — amis... bessons.— Je le jure!

Rien n'est décidé par moi, rien n'est rompu entre nous... une maladie terrible a traversé nos cœurs, nous avons beaucoup souffert, mais les forces reviennent, mais il fait plus clair... A bas la maladie, et vive la santé!

Une seule chose doit vous paraître étrange — je m'en veux ⟨!⟩ vous l'expliquer — et prenez cela pour le plus grand témoignage de mon amour pour vous, parce que ordinairement j'aime beaucoup mieux me taire que de parler de pareil sujet.— Votre seconde lettre m'a beaucoup chagriné, il y avait une telle injustice dans l'ironie même, que j'en étais blessé. En même temps que je voyais à vue d'œil la désolataion, le désespoir d'Emma (vous avez parfaitement tort en disant qu'elle m'avait influencé, et quelle autre influence pourrait-elle avoir, que l'influence d'un fait, qu'on voit et qu'on accepte parce qu'il est vrai) — par lequel je vous voyais emporté comme par je ne sais quel «*bufera infernale*»[1]— à vous détruire au nom de l'amour, en même temps toute la correspondance de ma femme avait un caractère d'aigreur, qui me faisait tressaillir au commencement et répondre avec aigreur aussi.

Cela devait prendre une fin — je proposai à Natalie de venir à Paris, *elle seule* — c'était nécessaire pour moi. Enfin, sacré dieu, croyez le moi, puisque je vous le dis.— Au lieu de cela elle vient avec les enfants; je n'ai pas voulu m'opposer à cela; d'autant plus que je suis amoureux de Tata. Mais cela a extrêmement compliqué l'affaire.

Restons jusqu'au mois de mars ou même d'avril séparés (si rien de bon ne nous ramène au № 9).

Cher Georges, ne vous trompez pas sur mon compte; non, vous n'avez pas mal placé votre sympathie,— mais je ne supporte pas quelques côtés de votre caractère.— *Mi perdoni!*

Si ma femme est encore à Zurich — je vous engage de venir avec elle à Mulhouse, même plus loin — pour avoir une entrevue, comme les deux empereurs dont le roi de Prusse faisait partie à Tilsitt. Invitez Emma de venir là (ensuite vous pouvez vous quitter pour l'accuser d'abstention). Qu'en pensez-vous, dites donc ?[2].

Eh bien, si cette lettre vous trouve à Berne ou autre part, je propose encore de venir vous voir où vous voulez, sans sortir de la France. Vous avez raison en disant qu'une *heure d'entretien*, rien qu'une heure. L'homme peut écrire seulement des généralités — et sur les généralités tout le monde est d'accord.

Répondez-moi tout de suite. Laissez votre *boudisme* contre Emma, dites-lui quelques mots, pour ne pas donner à vos amis l'exemple de férocité, qu'ils peuvent employer contre vous. Et engagez-nous à venir à Mulhouse (je n'attends que la première réponse de Péters⟨bourg⟩).

N'avez-vous pas de honte à penser que moi, je reste pour Paris...

J'ai plus que jamais d'espérance, pardonnez-moi toutes les paroles et pensées qui ont pu vous blesser — tout cela allait d'une bonne source, je vous le jure! — Vous avez raison, la vie n'est pas si simple comme on le pense. Répondez tout de suite.

Милостивому государю
Егору Федоровичу[3] Гервегу
для скорой доставки.

Перевод:

22 января 1850 г. Париж

От всего сердца обнимаю вас, дорогой Георг, за ваше письмо; я читал и перечитывал его, да, да, *мы остаемся, мы останемся* тем, что мы есть — мы друзья... близнецы. Клянусь!

Я ничего не решил, между нами ничто не оборвано... Сердца наши переболели страшной болезнью, мы много перестрадали, но силы возвращаются, стало светлее...— Долой же болезнь, и да здравствует здоровье!

Одно только должно показаться вам странным — сейчас объяснюсь, и примите это за самое большое доказательство моей к вам любви, ибо я обычно предпочитаю молчать, нежели говорить на такие темы.— Ваше второе письмо меня очень огорчило, уже самый иронический тон его был так несправедлив, что я почувствовал себя оскорбленным. В то же время я воочию видел всю растерянность и отчаяние Эммы (вы совершенно не правы, утверждая, будто она оказывала на меня воздействие; какое воздействие могла она оказывать, кроме воздействия фактом, который видишь и принимаешь, потому что он достоверен) и видел, как этим отчаянием, словно «bufera infernale»*[1], вас влекло к гибели во имя любви. В то же время во всех письмах моей жены чувствовалась какая-то горечь, вначале вызывавшая у меня содрогание и заставлявшая меня, в свою очередь, отвечать с горечью.

Этому надо было положить конец. Я предложил Натали приехать в Париж, притом *одной* — для меня это было необходимо. И поверьте же, чёрт побери, что это так, раз я это говорю. Вместо того она приезжает с детьми; я не стал возражать, тем более, что влюблен в Тату. Но это крайне осложнило дело.

Поживем до марта или даже до апреля врозь (если только какое-нибудь счастливое обстоятельство не вернет нас в ⟨дом⟩ номер 9).

Дорогой Георг, не судите обо мне превратно. Вы отдали свою привязанность не плохому человеку, но я не выношу некоторых черт вашего характера.— Mi perdoni! **

Если жена моя еще в Цюрихе, прошу вас сопровождать ее до Мюльгаузена или даже дальше, чтобы иметь свидание подобно двум императорам в Тильзите, где присутствовал и король Прусский. Пригласите туда же и Эмму (а потом вы можете расстаться и обвинять ее в несговорчивости). Что вы об этом думаете? Отвечайте [2].

Итак, если настоящее письмо застанет вас в Берне или еще где-либо, я мог бы предложить также приехать повидаться с вами в любое место, куда захотите, но только в пределах Франции. Вы правы, говоря, что достаточно *часа беседы*, одного часа беседы. Писать человек может лишь общими местами, а общие места ни у кого не вызывают разногласия.

Отвечайте немедленно. Перестаньте *дуться* *** на Эмму, напишите ей несколько слов, чтобы не подавать вашим друзьям примера свирепости, которую они могли бы обратить против вас. И пригласите нас приехать в Мюльгаузен (я дожидаюсь только первого ответа из Петербурга).

Не стыдно ли вам думать, что я остаюсь здесь Парижа ради...

Я исполнен надежды, как никогда. Простите мне все слова и мысли, которые могли вас обидеть. Все это — из лучших побуждений, клянусь вам. — Вы правы — жизнь не так проста, как думают. Отвечайте немедленно.

Милостивому государю
Егору Федоровичу[3] Гервегу.
для скорой доставки****.

[1] Выражение из «Ада» Данте.

[2] Предложенное Герценом свидание с Гервегом в Мюльгаузене не состоялось.

[3] Герцен в шутку называл Гервега (полное имя которого было Георг-Фридрих-Рудольф-Теодор-Андреас) на русский манер — то Егором (или Георгием) Васильевичем, то Егором Федоровичем.

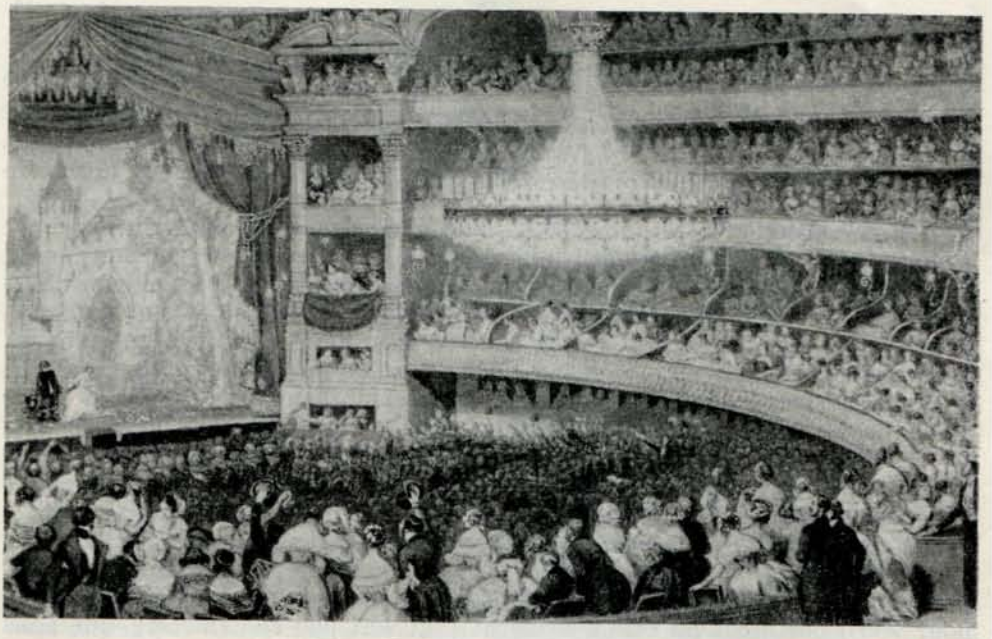
---

* «адским вихрем» (итал.).

** Извините меня! (итал.).

*** Каламбур — в подлиннике буквально: «бросьте ваш будизм» («bouder» — дуться).

**** Адрес по-русски.— *Ред.*

В ПАРИЖСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ
Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД В ПАРИЖСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ
Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

42

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

24 janvier 1850. Paris

Encore une lettre de vous [1],— soyez persuadé que tout le trouble, toute la confusion qui pesait sur nous — s'en va. Nous tous, je crois, nous avons contribué à compliquer les choses simples, personne n'est fautif, tout le monde est fautif.

La correspondance a tout gâté,— quel démon m'a poussé à m'exprimer comme je l'ai fait (remarquez que *du fond* je ne rétracte pas un mot), quel autre vous a poussé — à écrire votre seconde lettre [2] et quel démon № 3 a suggéré des réponses tranchantes à froid à ma femme? [3] — J'étais avant l'arrivée ici dans un état d'irritation, j'étais profondément indigné, voyant Emma sangloter une soirée entière (dites tout ce que vous voulez, mais on pardonne beaucoup à un amour pareil [4]), je comprenais que c'était si facile pour vous de laisser la paix et la tranquillité dans son âme. Eh bien, je vous ai écrit ma lettre. Comment pouvez-vous dire qu'il y avait influence, qu'elle fit tout cela — indigne supposition, cher Georges, pour nous tous.— Ma lettre a fait un mauvais effet, les lettres de ma femme (je n'aurais jamais consenti à dire cela même à vous, mais je le dis parce que sans cela vous ne parviendrez jamais à voir clair dans l'affaire et vous continuerez à me nommer traître, inconstant, et parisophile [5], *c'est le plus grand témoignage* de mon amitié pour vous) portaient au commencement tant soit peu ce caractère que nous avions appelé en plaisantant Caligulien [6] (je vis après qu'elle ne sentait pas même tout le mal qu'elle me faisait),— j'étais malade, offensé, j'écumais de rage,— tout cela se reproduisit dans les lettres; votre troisième lettre a commencé ma guérison.— Et à présent je sens de nouveau force et clarté, et je vous tends la main et le cœur. Ne m'en voulez pas, je vous assure que j'ai beaucoup souffert tout ce temps. Figurez-vous que je ne sortais presque jamais de la chambre, que je ne faisais absolument rien.— Non, l'avenir nous revient — jusqu'à présent nous nous avions *gratis*, à présent, sortant de ce purgatoire, nous avons évalué ce que nous coûtons.— Il faut anéantir, lorsque nous nous verrons, même les lettres de ce temps triste, venimeux; il y avait des moments où je m'entraînais hors des limites, maudit soit le document qui garde la trace de ces faiblesses,— je ferai de même avec la 2 lettre [7].

A présent je veux vous proposer une nouvelle combinaison. Au lieu de la Suisse, le Sud de la France — j'ai pris des renseignements, il n'y a pas de doute qu'on pourrait aller aux îles d'H⟨yères⟩ [8] etc.— Lorsque nous en serons là, je vous écrirai comment et quoi. Bord de la mer, climat et pas de Suisse — c'était votre désir. Ecrivez-moi sur cela.

Mais... voilà le *Межуев* [9], mais il faut donc finir avec la guerre civile avec Emma.— Ecrivez que vous voulez rester quelque temps seul, ou tout ce que vous voulez. Mais en me chargeant de ces commissions, vous empirez la chose. Avec tout mon talent, il m'est impossible de faire accepter un intermédiaire, cela l'offense, l'humilie et elle a parfaitement ⟨raison⟩*. Sacré nom de dieu, laissez donc toutes les tyrannies: qu'a-t-elle fait au fond,— elle a parlé dans des moments de rage, eh bien cela équivaut à ce que vous ne lui aviez pas parlé. Ne rendez pas la vie difficile, elle est difficile *per se*.

Répondez-moi de suite à cette lettre, je vous l'envoie le 24, elle viendra à Zurich le 27, à Bern si vous y êtes le 28... 28 + 3 = 31 janvier.

Emma veut vous écrire. Ne soyez pas Caracalla [10] — et je vous assure

Ça ira!
Ça ira! [11]

---

* Рукопись повреждена.— *Ред.*

La dissolution la plus complète, le chaos le plus chaos règne ici. Lisez la *Presse*, les 1rs Paris — et vous verrez. Adieu, cher ami, et soyez sceptique en tout:

*...an der Sonne Kl⟨arheit⟩,**
*...an des Mondes ⟨Licht⟩,**
á mon amitié (quand-méme) *nicht.*

Emma me dit qu'elle ne peut pas écrire,— elle est vraiment trop souffrante — elle vous invite de venir ici, elle pense qu'une entrevue sauvera tout [12], vous pourriez vous loger rue Neuve des Augustins, elle attend une réponse avec la première poste. *Reise* ⟨*1 нрзб.*⟩ en Suisse pas difficile.

Monsieur Georges Herwegh
à Zurich.
En cas de départ envoyer à m-r, là où il est, sans délai.

Перевод:

24 января 1850 г. Париж

Снова письмо от вас [1], верьте, что и тревога, и разлад, которые угнетали нас, исчезнут. Мы все, я думаю, способствовали усложнению простых вещей, никто в отдельности не виноват, виноваты все.

Дело испортила переписка,— какой злой дух подстрекнул меня писать в таких выражениях (что касается *существа* дела, я, заметьте, не беру назад ни одного слова); какой другой подстрекнул вас написать ваше второе письмо [2] и какой злой дух № 3 внушил моей жене столь резкие и холодные ответы? [3] Перед моим приездом сюда я был в состоянии крайнего раздражения, а когда Эмма прорыдала весь вечер (можете говорить что угодно, но такой любви прощают многое) [4], я вознегодовал. Я понимал, как легко было бы вам сохранить в ее душе мир и спокойствие. Вот я и написал вам письмо. Как могли вы сказать, что тут было чье-то воздействие, что это дело ее рук? Это оскорбительное предположение, дорогой Георг, для всех нас. Письмо мое произвело дурное впечатление, а письма моей жены (ни за что не согласился бы признаться в этом даже вам, но говорю потому, что иначе вы никогда не поймете, в чем суть дела, и будете продолжать считать меня предателем, изменником и парижофилом [5],— *это самое веское свидетельство моей дружбы к вам*) вначале носили до некоторой степени тот характер, который мы в шутку называли калигулийским [6] (позже я убедился, что она даже не почувствовала всего зла, которое мне причинила); я был измучен, оскорблен, вне себя от бешенства — все это отразилось в письмах. Ваше третье письмо положило начало моему выздоровлению. Теперь я чувствую, что ко мне вернулись силы и ясность ума, и я протягиваю вам руку и сердце. Не сердитесь на меня, уверяю вас, я много выстрадал за это время. Представьте себе, что я почти не выходил из комнаты и совсем ничего не делал. — Нет, будущее возвращается нам, — до сих пор мы принадлежали друг другу gratis **, теперь же, пройдя через это чистилище, мы узнали, чего мы стоим.—Когда мы опять увидимся, нужно будет уничтожить даже письма, написанные в это печальное, отравленное время; были минуты, когда я переходил границы дозволенного, пусть будет проклят тот документ, который хранит следы моей слабости. Я сделаю то же и со вторым письмом [7].

Теперь я хочу предложить вам новый план: вместо Швейцарии — юг Франции,— я все разузнал — конечно, на Ги⟨ерские⟩ острова [8] и т. д. можно поехать.— Когда мы там будем, я напишу вам, как и что. Морское побережье, морской климат и никакой Швейцарии — таково было ваше желание. Напишите мне на сей предмет.

Однако... Межуев *** [9], однако надо, надо кончать гражданскую войну с Эммой.— Напишите ей, что вы хотите побыть некоторое время один,— словом, напишите все, что хотите. Но, давая мне такие поручения, вы только ухудшаете дело. При всем моем таланте, я не могу убедить ее допустить посредника, это ее оскорбляет, унижает,

* Рукопись повреждена.— *Ред.*
** безвозмездно (лат.).
*** Фамилия *Межуев* — написана по-русски.— *Ред.*

и она совершенно ‹права›*. Чёрт побери, оставьте же ваше тиранство; а что, в сущности, она сделала? Она говорила в минуты гнева, ну что ж, это нисколько не хуже вашего молчания. Не делайте жизнь еще более тяжелой, она тяжела и per se **.

Ответьте тотчас же на это письмо, я вам отправлю его 24 числа, оно придет в Цюрих 27-го, а в Берн, если вы будете там, 28-го; 28 + 3 = 31 января.

Эмма хочет написать вам. Не будьте же Каракаллой [10] и, уверяю вас,

Ça ira!
Ça ira! *** [11]

Здесь царствуют полное разложение и хаос из хаосов. Почитайте передовые статьи «La Presse» — и вы сами убедитесь. Прощайте, мой друг, и относитесь скептически ко всему:

... an der Sonne Kl‹arheit›,
... an des Mondes ‹Licht›, ****
но к моей дружбе (невзирая на всё) nicht.*****

Эмма говорит, что не может писать,— она действительно очень страдает,— она зовет вас сюда и надеется, что встреча все спасет [12], вы можете остановиться на улице Neuve des Augustins, она ждет ответа с первой почтой. Reise****** ‹*1 нрзб.*› по Швейцарии не трудна.

Господину Георгу Гервегу в Цюрих.
В случае его отъезда переслать безотлагательно туда,
где он находится.

[1] По-видимому, письмо без даты, начинающееся словами: «Mon cher Landry, Natalie partira demain» (XIV, 43—47).

[2] Вероятно, Герцен имеет в виду недатированное письмо, в котором Гервег ожесточенно бранил Эмму (см. XIV, 40—43).

[3] См. ниже обзор писем Н. А. Герцен к Гервегам.

[4] Гервег писал Герцену: «В душе у меня столько накопилось против Эммы, что я даже не в состоянии принудить себя что-либо отвечать ей ‹...› Да! Я серьезно сердит на Эмму: зачем она стала между нами? В эту минуту я ее просто ненавижу, столько же ненавижу, сколько люблю. Все зашаталось с тех пор, как вы виделись с нею» (XIV, 47).

[5] Т. е. обожателем Парижа.

[6] Под эпитетом *калигулийский* Герцен и Гервег подразумевали, вероятно, жестокость — отличительное свойство римского императора Калигулы (12—41 н. э.). О характере переписки Н. А. Герцен и Гервега см. ниже, в приложении к настоящей работе.

[7] Письмо Гервега. См. примеч. 2.

[8] Гиерские острова—на Средиземном море, невдалеке от Ниццы.

[9] Именем этого вялого и нерешительного человека, персонажа из «Мертвых душ» Межуева (т. е. Мижуева) Герцен шутливо называл Гервега.

[10] *Каракалла* (188—217) — римский император, отличавшийся коварством и жестокостью. — В ответном письме Гервег писал: «Я не Каракалла, я не хочу подвергать сердце Эммы слишком долгому и мучительному испытанию» (XIV, 61).

[11] Припев известной революционной песни санкюлотов.

[12] В одном из своих следующих писем Гервег, по поводу намерения его жены «тащить его в Париж», писал, что боится и ненавидит этот город и почти решил не ехать туда (см. XIV, 58).

43

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Paris.› Le 25 janvier ‹1850›

En bien, je n'ai rien à vous dire pour l'instant, pressé par le temps, il est 4 et $\frac{1}{2}$, mais avec chaque jour je vois plus clairement que la bourrasque convulsive s'apaise et que des journées sereines arrivent.

C'est dommage que nous ayons perdu un mois entier dans ce pugilat— mais enfin il est passé.

Addio — attendez un peu. Tout, tout s'arrangera.

* Рукопись повреждена.— *Ред.*
** сама по себе (итал.).
*** Дело пойдет! Дело пойдет! (франц.).
**** ...к солнечному ‹свету›, ...к лунному ‹сиянию› (нем.).—Рукопись повреждена.— *Ред.*
***** нет (нем.).
****** поездка (нем.).

Перевод:

<Париж.> 25 января <1850 г.>

Итак, сейчас мне нечего вам сказать, нет времени, уже половина пятого, но с каждым днем я все более убеждаюсь, что неистовый шквал стихает и наступают ясные дни.

Как жалко, что в этих кулачных боях мы потеряли целый месяц, но, наконец, он прошел.

Addio — подождите немного. Все, все уладится.

44

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж.> 26 <января 1850 г.>

Рукой Н. А. Герцен:

Мне так хотелось послать сегодня письмо вам, друг мой, — и не могла.

Жаль мне было вас оставить одного, так одного... жаль от всей души!..

Путь был труден, очень, подробности узнаете от мам<еньки> [1]. Мы приехали в полночь.

Сегодня, в то время как я собиралась к Эмме,— она пришла ко мне с Горасом и Адой. Милая, добрая Эмма! Она страшно любит вас и страшно страдает, она несчастна до крайней степени, и я не могу быть вполне счастлива, видя ее в таком положении. Я боюсь советовать что-нибудь, но *как бы* желала, чтоб все устроилось хорошо!— Эмма предлагала мне переехать к ней, но я не могу этого сделать.

Горас вырос, больше выраженья в лице. Ада очаровательна! Она не столько похожа на вас, как я думала, но необыкновенно мила.

Что вы? Как идет русский язык? Как дружба с m-me Haag? Что вы думаете делать?..

Скажите, не прислать ли вашу шубу вам? Мы бы замерзли без нее.

Прощайте пока, я еще не могу придти в себя.

Жму крепко вашу руку!

27-е <января>

Вчера вечером принесли паспорт — благодарю!

Беззаботная голова не заботилась о саке так, как вы думали. Если вы приедете сюда, привезите сак и портфель *со всем* как есть, если нет — пришлите с дилижансом. Деньги тоже привезите.

Я еще ничего не знаю, где мы будем и долго ли останемся здесь.

Тата вас обнимает крепко.

А я крепко, крепко жму вашу руку, обе... Чего пожелать вам — не знаю!

Прощайте, дорогой ученик!

Natalie

Рукой Герцена:

Le 27.— Tout le monde est assemblé dans une petite chambre—impossible d'écrire; au reste j'attends votre réponse sur ma dernière lettre. On dit ici et on le répète qu'après le mois d'avril des mesures énergiques seront prises pour éloigner les étrangers de la Suisse. Est-ce qu'il y a quelque chose de vrai ou non?[2] Env<oyez>* donc ma brochure [3] à Leipzig et ici <...> *.

Гервегу.
Если уехал — то отошлите.
Если остался — отдайте.

---

* Письмо повреждено.— *Ред.*

Перевод*:

Рукой Герцена.

27е. Все собрались в маленькой комнате — писать невозможно; впрочем, жду вашего ответа на мое последнее письмо. Здесь говорят и повторяют, что после апреля будут предприняты энергичные меры к удалению иностранцев из Швейцарии. Есть ли в этом хоть частица правды или нет ?[2] Пере⟨шлите⟩ ** же мою брошюру[3] в Лейпциг и сюда ⟨...⟩ **

Гервегу***
Если уехал —то отошлите.
Если остался — отдайте.

[1] Л. И. Гааг возвратилась в Цюрих.

[2] Швейцария в это время находилась под угрозой нападения реакционных европейских держав. Опасения Герцена объяснялись этим, а также и внутренней политикой швейцарских кантональных правительств, которые под давлением своих агрессивных соседей могли принять драконовские меры против революционных эмигрантов, чтобы избежать интервенции.

[3] По-видимому, «Vom anderen Ufer».

45

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

1 février 1850. Paris

Des maux de tête vraiment terribles ne m'ont pas permis de vous écrire: j'étais trois jours de suite malade, aujourd'hui sain et sauf, mais si cela continue, je deviendrai fou.

D'après les dernières nouvelles je commence à croire que l'affaire de ma mère sera gagnée de manière ou d'autre; tout cela me paraît à présent une question de temps. De l'autre côté la mort de Golochwastoff[1] est derechef un coup financier très lourd. Mais enfin...

Je suis très content de vos lettres. Il y manque, je dois le dire, une petite chose, et cette petite chose aurait mis fin à toutes les discussions pénibles — cette chose c'est un retour consciencieux sur vous. Là où vous ne trouvez plus un terrain ferme — vous me montrez la fatalité. Eh bien, je crois, nous sommes un peu plus maîtres et créateurs de notre vie, que cela ne paraît; et ma conviction profonde que la volonté existe pourtant, là, où il y a conscience, passion et énergie — m'engage au moins à lutter contre la fatalité.

Je n'ai pas le moindre sentiment de fiel ou même de mécontentement à présent contre vous et c'est tout amicalement que je vous répète qu'il y a une chose qui vous détériore à présent et qui vous tuera (si vous ne la tuez pas) — c'est cet amollissement de la volonté, c'est ce laisser-aller. Vous êtes trop gâté et c'est pour cela que vous vous récriez à chaque critique toute naturelle entre hommes tellement rapprochés. C'est pour cela que même dans votre dernière lettre vous coupez court à tout — en donnant pour toute réponse beaucoup d'amour, et en subjugant de cette manière l'homme froid, l'ami qui s'arroge le droit de critique. Mais cela n'est pas juste.

Vous écrivez à ma femme que vous vous sentiez capable de commencer cette nouvelle vie que nous avons rêvée. Vous parlez de l'amitié indulgente que vous m'aviez prêchée. Mais soyez donc franc, est-ce que l'indulgence ne devient (comme toutes les vertus chrétiennes) pas un sentiment pénible; là où mon existence intérieure n'est pas froissée par mon ami, par ses originalités, habitudes, passions que je ne partage pas — il n'y a pas d'indulgence à les subir,— l'indulgence commence où on est froissé... Je sais, je le sens, oui,

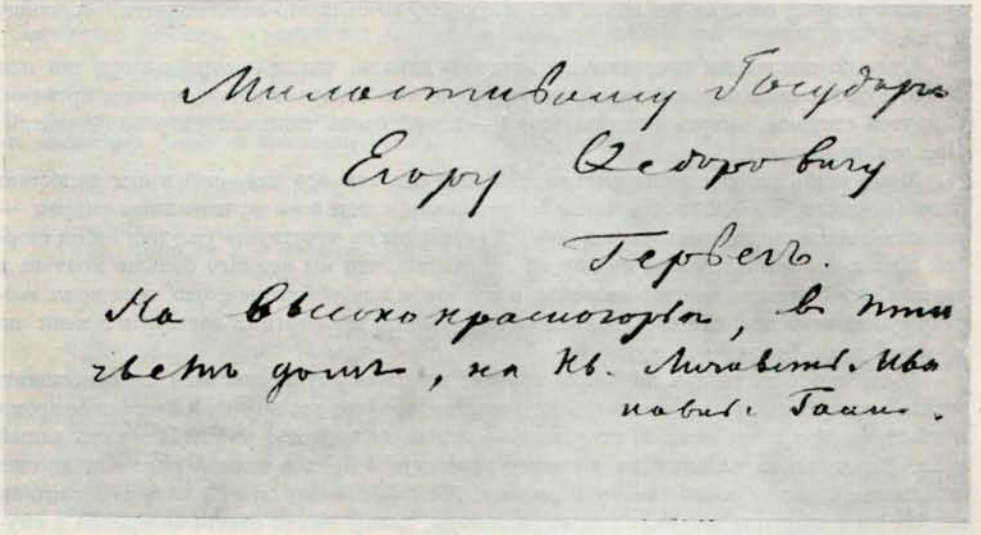
* Русский текст письма Н. А. Герцен см. выше, в основном тексте.—*Ред.*

** Письмо повреждено.— *Ред.*

*** Далее по-русски.—*Ред.*

vous pouvez par un faible effort vous rendre capable d'une vie harmonique(!), entre 2, 3 amis — mais, ne me grondez pas, cet effort vous ne l'avez pas fait. Et lorsque je vous citai les *Bohémiens* de Pouchkine, je pensai douloureusement que nous-mêmes nous appartenons à l'Egypte et non à la terre promise [2]. Peut-être c'est un travail intérieur qui vous fait négliger le côté pratique de l'existence,— mais vous vous attribuez une part de lion, et — encore une fois — votre affection est tyrannique et capricieuse, capricieuse dans le genre féminin. Eh bien, savez-vous que c'est un élément terrible dans une vie commune?

Je comprends parfaitement (si je ne le comprenais pas par le cœur, je pourrais le comprendre par l'esprit) — comme mon raisonnement paraît

ШУТОЧНЫЙ АДРЕС НА ПИСЬМЕ ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 1 ФЕВРАЛЯ 1850 г.
Британский музей, Лондон

flach, à côté de ce que vous dites de cette amitié qui couvre tout, qui ne voit rien, qui aime, aime et se réjouit dans la conscience de la sympathie. Mais pour que ce sentiment reste naïf, naturel, il ne faut pas à dessein fermer les yeux, mais il ne faut rien voir les yeux ouverts. Convenez, cher Her⟨wegh⟩, que cela serait parfaitement allemand de se faire une théorie de la non-analyse de ses amis. Tout cela ce sont des faits et d'une chose reconnue je ne sais comment — vous ne ferez pas une chose qui n'existe pas.

Et pour vous citer un exemple. Hier s'est répété une petite scène, que j'ai subi le premier jour après mon arrivée. Emma apportant votre *quatrième* lettre, sans réponse, sans un mot pour elle. Mais, dieu de dieux, suffit de prier mademoiselle Ern d'écrire l'adresse ou d'adresser la lettre à l'hôtel Mirabeau — mais pour cela il faut avoir des nerfs non seulement *subjectivement* sensibles, mais *objectivement*. Comme ma femme vous écrit de cela — cela suffit.

Passons aux généralités. La vie est insipide, flétrissante ici, on ne peut s'imaginer jusqu'où va la réaction. Pr⟨oudhon⟩ même a penché sa tête, point de lueur, point d'espérances. On va à un despotisme militaire... Il faut renoncer à la Suisse — le séjour sera trop dangereux [3], il n'y a que le midi de la France et le Cornwallis. Pensez-y — si vous n'allez pas vous pacifier

à l'Océan pacifique. Concernant votre entrevue avec Emma — et ses projets, je ne peux rien dire, elle s'abuse en pensant que tout va mieux que cela ne va.— Elle a été trop longtemps *sans rien voir* parce qu'elle aimait — le résultat n'est pas trop favorable pour vos théories.

Милостивому государю
Егору Федоровичу Гервег.
На Высококрасногорье, в птичьем доме,
на кв⟨артире⟩ Лизаветы Ивановны Гаак.

Перевод:

1 февраля 1850 г. Париж

Поистине ужасная головная боль помешала мне написать вам, я был болен целых три дня подряд, сегодня же снова жив и здоров, но если это возобновится, я сойду с ума.

Судя по последним сведениям, я начинаю думать, что дело моей матери так или иначе будет выиграно; все это представляется мне теперь лишь вопросом времени. С другой стороны, смерть Голохвастова [1] — новый очень тяжелый удар по финансам. Но, что поделаешь...

Меня очень радуют ваши письма. Должен сказать все же, что в них недостает одной малости, а эта малость могла бы положить конец всем мучительным спорам — недостает желания задуматься над собой. Там, где вы не чувствуете уже под собой твердой почвы, вы ссылаетесь на судьбу. Я же считаю, что мы немного больше хозяева и творцы своей жизни, чем это кажется; и глубокое мое убеждение, что сила воли все-таки существует там, где есть самосознание, страсть и энергия, заставляет меня по крайней мере бороться с судьбою.

Я не ощущаю теперь ни капли горечи, ни даже неудовольствия по отношению к вам, но чисто по-дружески повторяю: единственное, что вас портит в настоящее время и убьет вас (если вы сами ее не убьете) — это ваша вялость, расслабленность вашей воли. Вы слишком избалованы и потому протестуете против всякой критики, вполне естественной между столь близкими людьми. Именно поэтому даже в вашем последнем письме вы пресекаете все дальнейшие разговоры, давая вместо ответа заверения в глубокой любви и обезоруживая этим холодного человека, друга, который присвоил себе право критиковать. Это, однако, несправедливо.

Вы пишете моей жене, будто чувствуете себя способным начать ту новую жизнь, о которой мы мечтали. Вы говорите о всепрощающей дружбе, которую проповедовали мне. Но будьте же откровенны, разве всепрощение (как и прочие христианские добродетели) не становится нам в тягость? Там где мой внутренний мир не оскорбляют странности, привычки, страсти моего друга, которых я не разделяю, нет нужды во всепрощении — всепрощение начинается тогда, когда тебя оскорбили... Да, я знаю, чувствую, что при небольшом усилии вы могли бы жить гармонической жизнью в обществе двух-трех друзей, но не браните меня, вы этого усилия не сделали. Когда я цитировал вам пушкинских «Цыган», я с болью подумал, что мы сами дети Египта, а не земли обетованной [2]. Возможно, что духовная жизнь заставляет вас пренебрегать практической стороной существования, но вы всегда присваиваете себе львиную долю и, повторяю, ваша привязанность тиранична и капризна, капризна по-женски. Знаете ли вы, как это страшно в совместной жизни?

Я отлично понимаю (если бы я не понял этого сердцем, то мог бы понять разумом), какими flach * представляются мои доводы рядом с вашими рассуждениями о той дружбе, которая все оправдывает, ничего не видит, а только любит, любит и законно радуется чувству симпатии. Но, чтобы это чувство оставалось чистосердечным и естественным, не нужно намеренно закрывать глаза, но и не нужно на все смотреть открытыми глазами. Согласитесь, дорогой Гер⟨вег⟩, что это было бы чисто по-немецки — создать себе теорию непозволительности анализировать друзей. Всё это факты, а то, что так или иначе существует, вы не можете превратить в несуществующее.

* плоскими (нем.).

Приведу вам пример. Вчера повторилась сценка, которую я выдержал в день моего приезда. Эмма принесла ваше *четвертое* письмо, без ответа, без единого слова для нее! Господи боже мой, да ведь достаточно было бы попросить мадемуазель Эрн написать адрес или адресовать письмо в отель Мирабо! — Но для этого нужно иметь нервы не только *субъективно*, но и *объективно* чувствительные. Моя жена пишет вам об этом, и потому — довольно.

Перейдем к общим вопросам. Жизнь здесь пошлая, разлагающая, невозможно себе представить, до чего доходит реакция. Даже Пр⟨удон⟩ повесил голову,— ни просвета, ни надежды. Дело идет к военному деспотизму. Надо отказаться от Швейцарии, жить там станет слишком опасно [3]. Остается только юг Франции и Корнваллис. Подумайте об этом, если не собираетесь утихомириться у Тихого океана. Относительно вашей встречи с Эммой и ее проектов — ничего не могу сказать; она заблуждается, думая, что все обстоит лучше, чем на самом деле. Слишком долго *она ничего не видела*, потому что любила,— результат не совсем благоприятный для ваших теорий.

Милостивому государю
Егору Федоровичу Гервег.
На Высококрасногорье, в птичьем доме,
на кв⟨артире⟩ Лизаветы Ивановны Гаак*.

[1] Д. П. Голохвастов умер 28 декабря 1849 г.
[2] Герцен имеет здесь в виду рабство библейских евреев в Египте, до исхода их в «землю обетованную».
[3] См. примеч. 2 к письму № 44.

46

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 4 février 1850. Paris

Vous vous étonnez, cher Georges, toujours que moi, après avoir tant parlé de Paris, que moi j'y reste. Et moi je m'étonne tous les jours de plus comment, sans être forcé, vous vouliez à toute force aller à Paris. C'était une petite faiblesse pour la jolie demeure de la rue du Cirque, je crois [1]. Depuis que j'ai quitté Pétersb⟨ourg⟩, je ne me sentais jamais dans une atmosphère tellement malsaine et lourde — oh que je serais heureux d'être loin, très loin d'ici. Je resterai peut-être longtemps, j'accepte les nécessités, je subis les conditions que la vie impose. Après l'affaire d'argent vient la simple question où aller? C'est une chose pénible, mais comme tout marche, je ne vois que l'Angleterre. Les derniers jours ont nettement caractérisé où l'on va. Ce n'est qu'un miracle qui puisse sauver cette partie de la terre des dernières conséquences du système adopté.— Je vous conseille fortement de quitter la Suisse. Allons au Cornwallis, à Jersey...Vous vous récrierez: «Encore de nouvelles propositions!»—mais, mon dieu, ce n'est pas moi qui les invente, moi je ne fais qu'écrire sous la dictée d'une nécessité dure, inflexible. Non, la vie n'est pas un plaisir et l'homme n'est maître que dans son intérieur— je ne veux rien que la tranquillité pour une année ou deux, pour me recueillir, pour me remettre, pour commencer une autre existence. Mais pour être tranquille, la première chose pour moi est mon indépendance.

J'ai traduit le petit épilogue — et je vous l'enverrai [2].— Concernant le livre, on peut ne pas se presser, la reponse viendra en tout cas, et n'oubliez pas que Kapp a déjà imprimé les lettres [3]— donc l'effet est produit. Ici personne ne s'occupe de la littérature allemande. Kapp démeure Krebsgasse 24 à Cologne—il propose 25 louis d'or pour la seconde édit⟨ion⟩ *Vom an⟨dern⟩ Ufer* — faites tout ce qui vous semblera bon. J'ai écrit à Kapp que concernant l'argent je me rapporte à lui.[4]—P⟨roudhon⟩ est dans toute sa beauté, il est furieux de l'impuissance et veut finir en cygne, donnant pour la bonne bouche un cri de désespoir [5]; c'est votre antipode le plus complet sous le

* Адрес написан по-русски.—*Ред.*

rapport de l'activité; il travaille; il produit, il est dans un état d'excitation créatrice — je crois qu'il finira par un poème qui sera le «mané, thécel»[6].

Concernant les questions subjectives, j'en étais un peu distrait par beaucoup de circonstances — que je ne veux pas vous écrire au long. Faites comme votre cœur vous dicte, mais acceptez *la manière* que mon amitié vous propose. La manière est une grande chose, ce n'est ni la superficie, ni l'hypocrisie— c'est la forme, c'est la beauté, c'est la grâce, c'est l'humanité. Soyez sage comme un serpent, bon comme un ange — mais si vous n'avez pas le sens intime, le tact de délicatesse qui vous dit, vous avertit d'avance chaque fois lorsque vous froissez ou blessez un homme — ni la force de refouler même la velléité,—et je dirai toujours que vous avez dans votre âme un élément dur qui tôt ou tard vous forcera à rester dans une solitude complète.

Je tiens pour un malheur extraordinaire que ce temps de rupture coïncide avec ce temps le plus lourd par rapport aux finances. De manière que l'amertume vient pour Emma de deux côtés. Hier on a transporté la majeure partie des meubles. Moi, comme vous savez, je suis très loin de les plaindre, leur richesse était une faute pardonnable alors — impardonnable à présent. Je déteste le calvinisme démocratique, la saleté étudiée — mais je n'aime pas non plus le luxe des receveurs généraux, il y a un *mezzo termine* mâle. Toujours ce diable de mesure. Très possible que je radotte...

Je vous écrirai demain ou après demain. Ma femme vous a écrit, mais elle n'est pas à la maison — et quatre h⟨eures⟩ sont passées...

Adieu donc, je vous serre la main de tout mon cœur.

Егору Федоровичу.

Перевод:

4 февраля 1850 г. Париж

Вы все удивляетесь, дорогой Георг, что я, столько наговорив о Париже, остаюсь здесь. Меня же с каждым днем все больше удивляет, как это вы, ничем к тому не принуждаемый, всеми силами рветесь в Париж. Уж не слабость ли к хорошенькой квартирке на улице Cirque сему причиной [1]? С тех пор как я покинул Петерб⟨ург⟩, я еще не чувствовал себя в столь нездоровой и душной атмосфере,— о, как бы я был счастлив находиться далеко, очень далеко отсюда! Вероятно, я еще долго останусь здесь, я подчиняюсь необходимости и мирюсь с условиями, которые навязывает мне жизнь. Наряду с денежным вопросом, возникает естественный вопрос, куда же ехать? Решить это очень трудно, но, по ходу событий, думаю, что только в Англию. Последние дни ясно показали, куда все идет. Только чудо может спасти эту часть света от крайностей принятой системы. Настойчиво советую вам покинуть Швейцарию. Поедемте в Корнваллис или на Джерси... Вы завопите: «Опять новые предложения», но, боже мой, ведь не я же их выдумываю, я только пишу под диктовку суровой и неумолимой необходимости. Нет, жизнь — это не развлечение, и человек — хозяин только своего внутреннего мира — я хочу лишь спокойствия на год или на два, чтобы сосредоточиться, собраться с силами и начать другое существование. Но первое условие для моего спокойствия — это независимость.

Я перевел мой небольшой эпилог и перешлю его вам [2]. С книгой можно не торопиться, так или иначе ответ придет, и не забывайте, что Капп уже издал письма [3], стало быть впечатление произведено. Немецкой литературой здесь никто не занимается. Капп живет в Кёльне на Krebsgasse, 24. За второе изд⟨ание⟩ «С того берега» он предлагает 25 луидоров — поступайте, как найдете нужным. Я написал Каппу, что в денежном вопросе полагаюсь на него [4]. Пр⟨удон⟩ — во всей своей красе, собственное бессилие приводит его в бешенство, и он хочет кончить подобно лебедю, испустив напоследок крик отчаяния [5]. Если говорить об активности — это ваш самый яркий антипод: он трудится, создает, он в состоянии творческого возбуждения — я думаю, все завершится поэмой, которая будет его «мане, текел» [6].

Что касается субъективных вопросов, то я был несколько отвлечен от них рядом обязательств, распространяться о которых не хочу. Поступайте так, как подсказывает вам сердце, но усвойте ту *манеру* обращения, которую я вам дружески

предлагаю. Манера обращения — это великое дело, это не внешность, не лицемерие — это форма, это красота, изящество, это человечность. Будь вы мудры как змий, добры как ангел, но если у вас нет внутреннего чутья, чувства меры, деликатности, которые останавливают, предостерегают вас всякий раз, когда вы готовы обидеть или оскорбить человека, если у вас нет сил, чтобы побороть даже слабое побуждение к этому, я не перестану повторять, что в вашей душе есть какая-то черствость, а это рано или поздно приведет вас к полному одиночеству.

Я считаю ужасным несчастьем, что время семейного разлада совпало у вас и с крайне тяжелым временем в денежном отношении. Таким образом, Эмме горько вдвойне. Вчера унесли бо́льшую часть мебели. Я, как вы знаете, очень далек от того, чтобы сожалеть о ней, ее пышность была ошибкой, простительной раньше и непростительной теперь. Я ненавижу демократический кальвинизм и нарочитую неопрятность, но я не люблю также роскошь генеральных откупщиков; существует ведь mezzo termine *. Вечно это проклятое чувство меры. Очень возможно, что я говорю вздор.

Напишу вам завтра или послезавтра. Моя жена написала вам, но ее нет дома — а теперь уже пятый час.

Прощайте же, от всего сердца жму вашу руку.

Егору Федоровичу.

[1] На улице Cirque в Париже находилась роскошно обставленная квартира Гервегов.

[2] Статья Герцена «Эпилог 1849», написанная в Цюрихе 21 декабря 1849 г. и вошедшая впоследствии в русское издание «С того берега», была переведена им на немецкий язык. Она появилась почти одновременно в декабрьской книжке журнала «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» за 1850 г. и в «New-Yorker Abend-Zeitung».

[3] «Briefe aus Italien und Frankreich» Герцена, появившиеся в 1850 г. в Гамбурге в издании Hoffmann und Kampe.

[4] Второе немецкое издание «Vom anderen Ufer» было запрещено цензурой и в свет не вышло.

[5] Возможно, что Герцен пишет под впечатлением письма Прудона к редактору «Voix du Peuple» Альфреду Даримону от 15 января 1850 г., которое, несомненно, стало известно Герцену от самого Даримона. Прудон писал в нем: «Мы достаточно дискутировали; реакция издевается над нами и готовится сокрушить республику: пора нам несколько видоизменить агитацию и угрозы. Если «Voix du Peuple», если республика не могут оставаться в подобных условиях, то следует выйти из этого положения возможно скорее или же погибнуть ⟨...⟩ Нас изрубят саблями — именно этого я и желаю. Прежде чем умереть, мы привьем, я надеюсь, всей стране яд восстания ⟨...⟩ К тому же, каждый день приносит мне все большее раздражение, и в этом жалком положении я не могу более находиться» («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III, Paris, 1875, pp. 83—84).

[6] *Мане, текел, фарес* — надпись, которая, по библейской легенде, была внезапно начертана на стене таинственной рукой во время пира у вавилонского царя Валтасара, предрекая близкую гибель ему и его царству.

47

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

6 février 1850. Paris

Vous êtes atrabilaire et courroucé jusqu'à l'injustice—eh bien, que le bon dieu vous pardonne les mots «traître», «infamie»... Vous me traitez comme l'emp⟨ereur⟩ Nicolas traite les insurgés, vous n'aimez pas l'opposition — je l'ai remarqué longtemps déjà. J'ai tant parlé que j'ai cru que nous sommes plus loin—retournons, ma conscience est si pure, toute ma conduite est tellement au grand jour — qu'il fallait vraiment tomber *tanto poco* dans l'hypochondrie, pour parler de la fuite, d'une rupture.

Vous m'écrivez que vous êtes quelquefois cheval sauvage—moi je suis toujours un cheval qu'on peut dompter. Savez-vous entre autre chose ce qui vous a étonné en nous, lorsque nous nous rapprochâmes — c'est l'indépendante franchise de notre amitié; savez-vous que l'étonnement se peignait sur vos traits chaque fois que vous entendiez une critique personnelle; vous

* золотая середина (итал.).

n'étiez pas habitué à cela.— Les petites observations que se permettait peut-être Emma étaient si complètement noyées dans son amour un peu fétichiste qu'elles ne pouvaient pas vous habituer à souffrir le langage d'un ami indépendant.— Je n'ai pourtant pas mesuré jusqu'où va le «*non me tangere*»[1] de votre amour-propre. A présent je le sais. Eh bien, après un mois et demie de correspondance, je vois que vous avez tout fait, tout accusé, tout analysé, à l'exception d'un retour sur vous-même, à l'exception de tomber sur une pensée très naturelle: «Je n'ai que 3 personnes au monde dont l'amour, l'amitié pour moi est au-dessus de doute, ces 3 personnes trouvent quelque chose en moi qui leur déplaît, les froisse — pourquoi donc elles se trompent...— et est-ce qu'elles se trompent?». Au lieu de cette pensée si naturelle — vous avez dit: «Mes amis sont mécontents — donc ils ne m'aiment pas, donc ils m'ont trahi...». Pourquoi trouvez-vous plus facile d'accuser en tout vos amis qu'en quelque chose vous-même? Eh bien, voilà la source de tout.— Vous qui craignez la critique, vous ne craignez pas même de soupçonner vos amis, vous vous obstinez à ne pas les comprendre — pour rester pur et les écraser sous le poids de votre amitié sans bornes. Je trouve que cela est parfaitement injuste, ou au moins que cela n'est pas votre sérieux, mais un entraînement passager. Comment, par ex⟨emple⟩, ne pas comprendre le sens de mon invitation de venir à Paris,— mais c'était un blâme, mais c'était amertume et vous l'avez pris au pied de la lettre et vous répétez la même chose — après un mois.

Comment suis-je resté à Paris? — Comment dois-je rester à Paris jusqu'à la fin de l'affaire? — Mais quand donc avez-vous vu que moi, je ne subordonne ⟨pas⟩ mes désirs aux nécessités? Je trouve que vous faites très mal en ne le faisant pas. On ne peut pas vivre sérieusement en enfants. Est-ce que vous ignorez que dès que je suis arrivé à Paris, j'ai trouvé toute l'affaire sous un autre point de vue; il fallait attendre la réponse du banquier de Péter⟨sbourg⟩ et voilà la réponse, ma mère vous le dira — eh bien, devais-je donc retourner pour 4 jours après notre correspondance, après toutes les questions... non, j'attendais l'effet de mes lettres; l'effet ne correspond pas à l'attente. Vous répétez les mêmes choses,— je suis forcé de vous redire les mêmes. Cela m'est bien pénible, mais enfin... je subis aussi cela. Je vous aime beaucoup, mais je vous plains aussi, et vous ne parviendrez pas à me faire accepter (comme à Emma) vos caprices de femme. Soyons hommes, ayons le courage de la réalité — et vive l'amitié libre!

Перевод:

6 февраля 1850. Париж

В своей желчности и раздражении вы доходите до несправедливости. Да простит вам бог слова «предатель», «низость»... — Вы обращаетесь со мной как имп⟨ератор⟩ Николай с мятежниками, вы не любите, чтобы вам противоречили — я это давно заметил. Столько раз говорив об этом, я думал, что мы продвинулись уже далеко вперед; вернемся же назад, совесть моя до такой степени чиста, все мои поступки так открыты, что нужно действительно tanto poco * впасть в ипохондрию, чтобы говорить о бегстве, о разрыве.

Вы писали, будто уподобляетесь иногда дикому коню, я же — конь, которого всегда можно укротить. Знаете ли, между прочим, что удивляло вас в наших отношениях, когда мы с вами сблизились? — независимая прямота нашей дружбы. Знаете ли вы, что ваше лицо выражало удивление всякий раз, когда вам приходилось выслушивать критические суждения на свой счет? Вы не привыкли к этому.— Мелкие замечания, которые, возможно, и позволяла себе Эмма, настолько тонули в ее любви, даже слегка идолопоклоннической, что они не могли приучить вас относиться терпимо к словам независимого друга.— Однако я не подозревал, до чего доходит «non me tan-

* немного (итал.).

ЗАКРЫТИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КЛУБА «БРАТСТВА НАРОДОВ» В ПАРИЖЕ
В этом клубе бывал Герцен
«L'Illustration» от 3 февраля 1849 г.

«...Не хотите ли сегодня... посетить... выборное собрание в Зале Братства?»
(Из письма к Георгу Гервегу от 23 ноября 1848 г.)

gere»* вашего самолюбия. Теперь я это знаю. И вот после полутора месяцев переписки я вижу, что вы все сделали, всех обвинили, все проанализировали, только себя не проверили, только не додумались до такой весьма естественной мысли: «На свете у меня есть лишь три человека, любовь и дружба которых для меня вне всякого сомнения, кое-что во мне им не нравится и задевает их,—почему бы им ошибаться... и ошибаются ли они?». Вместо этой столь естественной мысли, вы сказали себе: «Мои друзья недовольны — значит, они меня не любят, значит, они меня предали....». Почему вам кажется, что легче обвинить во всем своих друзей, нежели хоть в чем-либо себя самого? Так вот, это и есть источник всех бед.— Вы боитесь критики, а не боитесь подозревать своих друзей, вы упорно отказываетесь их понимать, чтобы самому остаться чистым, а их подавить всем бременем своей безграничной дружбы. Я нахожу, что это крайне несправедливо или, по меньшей мере, несерьезно, что это у вас мимолетная вспышка. Как, например, было не понять смысл моего приглашения приехать в Париж? Тут был упрек, была горечь, а вы поняли все буквально и повторяете то же самое месяц спустя.

Почему я остался в Париже? — Почему я должен оставаться в Париже до конца дела? — Но когда же вы видели, чтобы я не подчинял своих желаний необходимости? По-моему, вы очень дурно делаете, что не поступаете так же. Нельзя жить всерьез, играя в детей. Разве вы не знаете, что стоило мне только приехать в Париж, как все дело предстало совсем в другом свете; нужно было ждать ответа от петерб(ургского) банкира, и вот ответ пришел, моя мать познакомит вас с ним. Так вот, нужно ли было мне возвращаться на четыре дня, после всей нашей переписки, после того как все вопросы были обсуждены? Нет, я ждал, каков будет результат моих писем; результат не оправдал надежды. Вы твердите одно и то же, и я вынужден без конца повторять вам одно

* Не прикасайся ко мне (лат.).

и то же. Мне это очень тяжело, все же... я снесу и это. Я вас очень люблю, но я вас жалею, и вам не удастся заставить меня (как Эмму) примириться с вашими женскими капризами. Будем же мужчинами, будем же смело смотреть в глаза действительности — и да здравствует свободная дружба!

[1] «*Non me tangere*» (вернее: «Noli me tangere»)—слова, по евангельскому преданию, сказанные воскресшим Христом Марии Магдалине.

48

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 7 février ⟨1850⟩. Paris

Votre lettre du 4[1], cher Georges, efface la précédente, et je vous assure que je ne cherche rien qu'à faire arrêter non seulement la correspondance «entredévorante», mais d'oublier les mots, d'extirper les souvenirs.— Je sais très bien mes défauts, je suis très peu tolérant et peut-être trop brusque dans la manière de m'exprimer — mais la source n'est jamais ni un caprice, ni une irascibilité subjective. Ne vous ai-je pas écrit encore avant l'arrivée de N⟨atalie⟩ — que je ne demande que de brûler les lettres[2]? Et pourtant je sens au fond de mon âme que cette avalanche devait se développer — le fardeau était pénible à porter, à rouler de Paris à Zur⟨ich⟩, de Zur⟨ich⟩ à Paris — mais soyez profond et consciencieux, tout cela avait un sens.

Je n'ai jamais désespéré de vous, mais j'étais mécontent de vous, et je vous accablais de reproches. Il y a deux jours j'en parlais avec N⟨atalie⟩ et pour me faire clairement comprendre, je lui ai dit que je me trouvais envers vous dans la même position qu'envers la France. Pourquoi je ne frémis pas de rage en lisant la gazette de Berlin, de Londres — et chaque indignité à Paris m'offense, me fait désespérer du genre humain et sévir contre toute la nation?

Ensuite je prends votre état actuel pour une maladie, peut-être nécessaire— combien de fois j'ai dit à Emma: «Mais de grâce, donnez-lui donc un peu de temps, un peu de solitude»,— demandez-la.

L'amitié n'a pas seulement une justice pour les amis, mais elle est aussi injuste, elle a des ménagements, elle a l'indulgence — tout ce que vous voulez. Comment revenons-nous donc toujours aux accusations — vous pouvez inculper de cela le ton de mes lettres — et moi le fond des vôtres.— Je tiens toutes vos lettres, eh bien de la première jusqu'à la dernière — je ne trouve *pas un mot* qui me serve de preuve que vous sentiez au moins qu'il y a quelque chose de vrai dans ce que nous disons vous concernant. Non, vous aimez, vous souffrez, vous nous accusez enfin, mais vous êtes justissime à vos yeux— vous avez un tel faible pour vous défendre, que *vous nous dites* les choses, que nous devons dire pour vous — et qui s'évanouissent tout de suite, lorsque la personne elle-même les prononce.

Mais, cher Georges, attendez donc que notre cœur parle pour vous et ne lui dictez pas. Votre candeur (que vous citez aujourd'hui)[3] devait vous dire que c'est un forfait double, si on prépare d'avance une indulgence *plenaria* pour soi-même. C'est notre affaire. Et voilà pourquoi, j'en étais étonné à Berne de la manière comme vous avez résolu la question qui nous occupait. Ne vous fâchez pas, je vous assure que je suis serein et que j'entrevois le temps où les dernières traces de ces discussions s'envoleront, eh bien ne prenez pas en mauvaise part, mais plutôt riez un peu de vous-même si je vous citais pour *Warnungsbeispiel* Robert Macaire. Vous vous rappelez comme il dit à Bertrand: «J'avais tort envers lui... mais... mais je le lui ai pardonné»[4]. Il y a de ces choses et de ces sentiments, des sentiments les plus tendres, qui ne sont beaux que lorsqu'ils vibrent dans notre âme et ne passent jamais par nos oreilles.

Vous n'avez jamais eu tort envers moi — jamais. Que voulais-je donc? Réveiller la nature énergique et large — qui se laissait aller, qui à force d'être gâtée s'est gâtée.

De vous rappeler que vous êtes homme et non femme.

De vous dire franchement qu'il n'y a pas de vie communale possible sans la complète liberté et autonomie des personnes — toute l'amitié ne suffirait pas dans un séjour où un des amis s'arrogerait le droit de plonger les autres dans une gêne morale, dans la tristesse, parce que tel est son bon plaisir. Qui appliquera la torture à une femme par nonchalance (car je vous le répète, au commencement de votre séjour à Genève vous avez eu la possibilité de faire un peu autrement),— enfin, sacré dieu, à bas les caprices et vive la facilité de l'existence, vous vous arrêtiez si souvent et bronchiez aux petites misères — vous avez traîné les heures comme des boulets aux pieds — est-ce que Nat〈alie〉 ne vous a pas dit la même chose?

Et bien,

Dixi.

Mais je ne veux pas *qu'il en soit ainsi.*

Pensez bien... *moi je n'écrirai plus sur ce sujet*, il est épuisé, cela deviendra répétition.

Je suis comme toujours, comme je vous l'ai écrit, tout prêt à passer une éponge sur les mots — je m'exécute même de tout ce que j'ai dit durement, cela effarouche seulement, peut-être c'est *tanto poco* la nature hyperboréenne.

Votre[5] lettre était chez ma femme et j'ai commencé à écrire la réponse après avoir lu la première feuille, elle m'apporte à l'instant la seconde partie. Certainement, j'accepte le *Tu* que je te proposai dans la première lettre de Paris[6].

Eh bien, voilà la marque et la frontière, d'aujourd'hui nous changeons le Vous en Tu. Je crois que ce n'est pas contre le commandement «ne tue pas».

La lettre suivante sera toute de détails — concernant les choses qui se font ici. A propos, Kapp a fait insérer un article me concernant et mon livre (*West-Deutsche Zeit〈ung〉*)[7] — extrêment mal fait, compromettant et ensuite il y a dans le même journal un extrait de mes lettres traduit dans une langue teutonique inconnue,— mais cela n'a rien de grave.

Георгию Федоровичу во швейцарском во городе Цирихе
и в таковом же кантоне

Перевод:

7 февраля 〈1850 г.〉. Париж

Ваше письмо от 4-го[1], дорогой Георг, искупает предыдущее, и уверяю вас, я хочу не только прекратить «взаимно-истребительную» переписку, но забыть слова, вырвать с корнем воспоминания.— Я очень хорошо знаю свои недостатки, я не отличаюсь терпимостью и, возможно, слишком резок в выражениях, но источником этого никогда не бывает ни каприз, ни личное раздражение. Не писал ли я вам еще до приезда Н〈атали〉, что хочу лишь одного: сжечь письма? [2] И все же в глубине души я сознаю, что эта лавина должна была обрушиться — груз оказался слишком тяжел, чтобы его нести и перевозить из Парижа в Цюр〈их〉, из Цюр〈иха〉 в Париж; но загляните же поглубже и спросите свою совесть,— ведь все это имело смысл.

Я никогда не терял веру в вас, но я был вами недоволен и осыпал вас упреками. Два дня назад я говорил об этом с Н〈атали〉 и, желая быть понятым до конца, сказал, что по отношению к вам занимаю ту же позицию, что и по отношению к Франции. Почему я не содрогаюсь от ярости, читая берлинскую или лондонскую газету, а каждая гнусность, имевшая место в Париже, оскорбляет меня, заставляет терять веру в род человеческий и ожесточает против всей нации?

Затем, я смотрю на ваше нынешнее состояние как на болезнь и, быть может, необходимую — сколько раз я говорил Эмме: «Да не торопите вы его, пожалуйста, дайте ему побыть в одиночестве»,— спросите ее сами.

Дружба не только воздает справедливость друзьям, но бывает и несправедлива: допускает поблажки, снисходительность — все, что хотите. Почему же мы все еще возвращаемся к обвинениям; ответственность за это вы можете возложить на тон моих писем, а я — на содержание ваших.—Передо мной все ваши письма, и что же, ни в одном из них, с первого и до последнего, я не нахожу *ни единого слова*, которое свидетельствовало бы о том, что вы чувствуете хотя бы какую-то долю истины в наших суждениях о вас. Нет, вы любите, вы страдаете, вы, наконец, обвиняете нас, но в собственных глазах вы справедливейший человек, ваша слабость — всегда защищать себя, поэтому *вы и говорите нам* то, что должны были бы говорить вам мы и что сразу теряет силу, будучи сказано о себе самом.

Но подождите же, дорогой Георг, пока наши сердца не заговорят в вашу пользу и не диктуйте им. Ваша душевная чистота (на которую вы ссылаетесь сегодня) [3] должна была подсказать вам, что заранее готовить себе отпущение plenaria * грехов — двойное преступление. Это надобно было делать нам. И вот почему меня удивило в Берне то, каким образом вы разрешили занимавший нас вопрос. Не сердитесь; уверяю вас, я спокоен и уже предвижу время, когда смолкнут последние отголоски наших споров; не примите же за обиду, а лучше посмейтесь над самим собой, если я процитирую вам, как Warnungsbeispiel **, Робера Макэра. Помните, как он говорил Бертрану: «Я был несправедлив к нему, но... но... я его простил» [4]. Есть вещи, есть чувства, самые нежные чувства, которые хороши лишь тогда, когда они звучат в нашей душе, но никогда не произносятся вслух.

Вы никогда не были несправедливы ко мне, никогда. Чего же я хотел?

Пробудить в вас человека с широкой, деятельной натурой, но который опустился, которого столько баловали, что он избаловался.

Напомнить вам, что вы мужчина, а не женщина.

Откровенно сказать вам, что никакая совместная жизнь невозможна без полной свободы и независимости личности; никакая дружба не устоит там, где один из друзей присвоит себе право морально угнетать и причинять огорчения своим окружающим только потому, что ему так угодно, где один из друзей станет мучить женщину своим небрежением (ибо, повторяю, в начале нашего пребывания в Женеве у вас была возможность поступать несколько иначе),— так долой же, чёрт возьми, капризы и да будет жизнь легка, вы слишком часто останавливались и спотыкались о всякие мелочи, вы влачили свои дни, как гири на ногах,— разве Нат⟨али⟩ не говорила вам то же самое?

Итак,

Dixi ***.

Но я не хочу, *чтобы так оставалось*.

Подумайте же хорошенько, а *я не стану больше писать на эту тему*, вопрос исчерпан, это явилось бы повторением.

Я уже писал вам, что всегда готов предать забвению сказанное, более того, я казню себя за все, что говорил грубого,— ведь это только отпугивает; возможно, в этом tanto roco **** сказывается моя гиперборейская натура.

Ваше [5] письмо было у жены, и я стал писать ответ, прочитав только первую страницу, сейчас она принесла мне вторую часть.

Конечно, я согласен перейти на *ты*, как предлагал тебе в первом письме из Парижа [6].

Вот мета и граница; с сегодняшнего дня мы меняем «Вы» на «Ты». Я полагаю, что это не противоречит заповеди «не убий» *****.

---

* полное (лат.).

** предостерегающий пример (нем.).

*** я сказал (лат.).

**** немного (итал.).

***** В французском произношении «tu» (ты) и «tue» (убей) — звучат одинаково.

В следующем письме напишу подробно обо всем, что здесь делается. Кстати, Капп напечатал обо мне и моей книге статью (в «West-Deutsche Zeit⟨ung⟩») [7], чрезвычайно плохо написанную и компрометирующую меня; кроме того, в той же газете помещен отрывок из моих писем, переведенный на неведомый тевтонский язык,—но все это не столь важно.

Георгию Федоровичу
во швейцарском во городе Цирихе
и в таковом же кантоне *

[1] Письмо, датированное: «4. Утро» и неправильно отнесенное Лемке к апрелю (см. XIV, 67—71). В нем Гервег писал, что хочет во что бы то ни стало заключить окончательный, вечный мир, смыть все действительные и воображаемые пятна и стянуть еще крепче узы, их соединяющие, и предлагал перейти на «ты».

[2] См. выше, письмо №42.

[3] В цитированном выше письме Гервег утверждал, что, адресуя письма к Герцену на имя Эммы, он тем самым показывал ей «чистоту и невинность своей души» (XIV, 70).

[4] *Бертран*, как и *Робер Макэр* (о котором см. выше, в примеч. 2 к письму №4),— мошенник, персонаж комедии «Робер Макэр», а также карикатур Домье.

[5] В подлиннике ошибочно: «мое» («ma»).

[6] См. выше письмо № 36.

[7] Рецензия на «Vom anderen Ufer» появилась в «West-Deutsche Zeitung» по-видимому в январе 1850 г.

49

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

9 février 1850. Paris

Je ne sais comment, mais j'ai reçu une lettre de toi, datée du 3, sur l'en vel⟨oppe⟩ du 4 — et je l'ai reçue seulement hier.

C'est une mauvaise lettre. Pour te donner une preuve que c'était mon sérieux d'en finir avec la correspondance disséquente — je te renvoie ta lettre; je ne voulais même rien répondre et je n'ajouterai qu'une petite observation.

— Oui, j'ai lu tes lettres à N⟨atalie⟩.

— Oui, elle a lu tes lettres à moi.

— Les réponses n'étaient pas lues ou rarement.

Jamais nous n'avons eu de scrupule sous ce rapport. Notre habitude de partager tout ce qui n'est pas un secret personnel de quelqu'un, de parler de tout — t'expliquera comment c'est arrivé. Notre initiation dans tes affaires, notre pensée de la confiance complète que tu as pour nous deux, facilitait ces communications. Jamais je ne dirai à N⟨atalie⟩ aucun *fait* qui ne doit pas être connu — mais je montrerai à N⟨atalie⟩ *à l'avenir* comme par le passé une correspondance pathologique commencée et déroulée devant ses yeux. Moi j'ai pleine confiance, si j'écris à un véritable ami, concernant l'usage qu'il ferait de ma lettre. Un homme digne d'amitié trouvera, j'en suis certain, assez de délicatesse et de tact pour savoir ce qu'il doit lire, ce qu'il doit montrer. Moi j'ai aussi pleine confiance en moi — et jugerai moi-même sans appel ce que je dois faire avec les lettres de mes amis.

Et où est donc le critérium qui te fait apprécier où doit s'arrêter notre confiance à nous deux, entre moi et N⟨atalie⟩? Entre ces deux personnes qui, sorties ensemble dans la vie, pleins d'amour et de sympathie, traversèrent toutes les vicissitudes d'une existence de 15 ans dans une harmonie et confiance, troublés par des riens passagers, mais dont le fond n'a jamais changé l'harmonie qui est pour la première fois traîtée *à l'allemande* comme ménage ridicule dans ta lettre (que j'oublie de tout mon cœur), et qui a été au fond

* Адрес написан по-русски.— *Ред.*

complètement libre? — Mais n'est-ce pas là notre vieil ennemi, l'exclusivisme tyrannique que tu nommes l'indépendance et tant soit peu de cette dureté — que tu pardonnes le lendemain.

Nous t'acceptons sincèrement comme ami, comme frère — mais cela ne change absolument rien à notre unité. Et cela serait un malheur si cela pouvait changer.

As-tu jamais aimé une femme de toutes les amours?— Je commence à en douter.

A présent je me tais jusqu'à ta réponse sur ma grande lettre. Et je serre ta main — sans arrière-pensée aucune, parce que *j'ai dit tout* [1].

Natalie a été indignée de ta lettre et ne veut pas répondre [2].

Перевод:

9 февраля 1850 г. Париж

Не знаю почему, но твое письмо, датированное 3-м числом, а на конв⟨ерте⟩ 4-м, я получил только вчера.

Скверное письмо. Чтобы доказать тебе, что я действительно хочу покончить с этой перепиской-трупоразъятием, я отсылаю тебе твое письмо обратно; я и вовсе не хотел отвечать и ограничусь лишь краткими замечаниями.

— Да, я читал твои письма к Н⟨атали⟩.

— Да, она читала твои письма ко мне.

— Ответы не читались или читались редко.

У нас никогда не возникало сомнений по этому поводу. Привычка делиться всем, что не является чужой тайной, и говорить обо всем объяснит тебе, почему так случилось. Посвященность в твои дела, уверенность в том, что ты питаешь полное доверие к нам обоим, располагала к подобной откровенности. Никогда бы я не сообщил Н⟨атали⟩ ничего *такого*, чего она не должна была знать, — и *в дальнейшем*, как прежде, я буду показывать Н⟨атали⟩ эту патологическую переписку, которая завязалась и развертывалась на ее глазах. Когда я пишу истинному другу, я вполне ему доверяю в отношении того, как он поступит с моими письмами. Я убежден, что человек, достойный дружбы, найдет в себе довольно чуткости и такта и поймет, что́ можно читать, что́ можно показывать. Я вполне доверяю и самому себе, и сам, без посторонней помощи, могу судить о том, что я должен делать с письмами своих друзей.

И где тот критерий, с помощью которого ты определяешь предел доверия между нами обоими, между мною и Н⟨атали⟩? Между двумя людьми, которые вместе вступили в жизнь и, полные любви и сочувствия друг к другу, прошли через все превратности, прожив 15 лет в гармонии и взаимном доверии, омрачавшихся лишь мимолетными недоразумениями, что никогда, однако, не нарушало тех гармонических отношений, которые впервые в твоем письме (я от всей души хочу его забыть) трактуются чисто *по-немецки* как смешное супружество и которые, по сути, всегда были совершенно свободными.— Но не здесь ли наш исконный враг: в этом тираническом духе исключительности, который ты именуешь независимостью, и немного в той черствости, которую ты охотно себе прощаешь назавтра.

Мы искренно готовы признать тебя своим другом, братом, но это ровно ничего не изменит в нашем союзе. И было бы несчастьем, если бы это могло что-то изменить.

Любил ли ты когда-нибудь женщину настоящей любовью? Я начинаю сомневаться в этом.

Теперь я буду молчать, пока не получу ответа на свое длинное письмо. Жму твою руку, и без всякой задней мысли, потому что *я все высказал* [1].

Натали была возмущена твоим письмом и не хочет отвечать [2].

[1] В ответном письме, ошибочно датированном М. К. Лемке мартом 1850 г., Гервег писал: «Я не привык еще отсылать обратно письма своих друзей; я сохраняю ваше. хотя и не понимаю в нем ни одного слова. Без взаимности дружба невозможна. В течение двух месяцев я подвергаюсь с вашей стороны суровой цензуре моих действий и самых интимных отношений; я не сердился и не сержусь на тебя за это — дружба, как я ее понимаю, имеет огромные права. Я думал, что, в конце концов, ты сам почувствуешь, в какое тяжелое положение ты ставишь меня, присваивая себе роль моего «ментора» и постоянно принуждая меня выслушивать твои уроки. И вот ты

сразу возмутился от первого же моего, пусть немного мефистофельского замечания, хотя в нем нет ничего *лично* оскорбительного для тебя, потому что я обобщил и применил свои слова ко *всем* людям в прошлом, настоящем и будущем» (XIV, 64).

[2] См. ниже наш обзор «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».

50

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 14 février 1850. Paris

Je suis malade comme un chien (et les chiens ne sont presque jamais malades, vois-tu tel est l'homme—il rejette tout sur les animaux, sans s'apercevoir que par ex⟨emple⟩ la bestialité entre par l'homme dans la nature); ne pense pas que je sois dangereusement malade, mais d'une manière dégradante. Au commençement une bronchite, ensuite la moitié du visage enflée et mal à la gorge. Je ne peux rien manger. Et de toutes mes facultés, il ne me reste qu'une seule, c'est la possibilité de me fâcher 24 h⟨eures⟩ de suite.

Ne pense pas que j'ai l'intention de continuer nos débats fratriphages — non, l'affaire est terminée, la séance levée, ces débats ont fait leur temps; moi je pense fortement qu'ils étaient nécessaires, mais ils n'ont aucun droit à une existence éternelle. J'ai dit tout, cela ne nuit pas, et c'est profondément conforme à mon caractère. Tout dire est mon faible, j'ai été en exil — pour le tout dire, et pour le *tout* dire je cours les chances à présent de ne *rien* avoir. Les choses qu'on ne dit pas, s'envéniment, et tôt ou tard se font jour — mais d'une manière tellement convulsive que le résultat devient presque indépendant de la volonté. Dites tout ce que vous voulez—cette correspondance nous profitera; beaucoup de fois elle sera présente à ton esprit comme *aviso*, comme *Warnung*, et quoique tu sois bien loin encore de te donner à toi-même quelque tort, tu sens au fond de ton âme, j'en suis sûr, que la faute n'est

РУБКА ДЕРЕВЬЕВ СВОБОДЫ В ПАРИЖЕ

«L'Illustration» от 9 февраля 1850 г.

Производилась по распоряжению префекта полиции Карлье с целью вызвать народное недовольство и спровоцировать восстание. Однако попытка Карлье не удалась и способствовала лишь росту симпатий к демократии.

pas tout à fait à tes amis et que ni N⟨atalie⟩, ni moi, nous nous n'avons *jamais* eu l'idée ni de nous éloigner, ni de mettre des limites à notre intimité, tu le sais bien; le véritable sens de la longue correspondance est très simple — avant de nous engager définitivement, irrévocablement à une vie communale, nous avons voulu t'avertir d'un élément hétérogène que tu apportais, au milieu d'une grande et d'une véritable sympathie qui nous unissait. On en parlait quelquefois, N⟨atalie⟩ parlait même plus que moi, beaucoup avant les lettres,— une occasion réveille, augmente tout ce qui était comme demi-existant, tes réponses justifient complètement l'attaque,— et voilà comment tout cela s'est développé. Ne me parle pas de ton indulgence envers nous, envers moi; tu n'as pas eu l'occasion de la mettre en épreuve. En vérité, qu'as tu à me reprocher (non pas envers toi, mais envers tout le monde), quel est l'élément gênant, destructeur de l'harmonie, dominateur, capricieux que j'importe, moi? Je n'enchaîne rien, j'ai la plus grande facilité des relations — tout bonnement parce que je suis humain. Tu as écrit dans une des premières lettres: «Non, nous ne sommes pas si extraordinaires que je l'ai pensé»[1].— Moi, je connais notre valeur, mais je n'ai jamais pensé ni que nous sommes prodiges, ni que nous sommes monstres. Et à quoi bon, alors il fallait nous montrer comme la femme héliophobe [2].

Et bien, la clôture est décidée.— Ta main, et parlons de l'avenir, faisons des rêves.

Qui a dit que je veux aller à Londres? Peut-être j'irai même pour les affaires (concernant mon bien) passer une semaine entre Golovine et la Tamise, mais qui a jamais parlé de rester à Londres? La seule chose que je connais est une chose négative, *je ne veux pas rester ici*, sous aucune condition, et je crois que cela serait une folie d'aller en Suisse. Oh que non, je ne m'étais pas trompé dans mon aversion contre Paris, je suis plus que justifié; dès que j'aurai terminé les affaires, je quitterai Paris, c'est-à-dire, le terme le plus éloigné, c'est la fin du m⟨ois⟩ de mars.— Reste deux choses. D'aller au sud de la France, entre Cannes et Grasse, d'y louer deux petites maisonnettes, dans un même endroit, et de nous ensevelir pour une année, de ne pas nous occuper de politique que comme on s'occupe de tout, *aus Wißbegierde*,— ou de faire la même chose sur quelque littoral de l'Angleterre. Le choix ne dépend pas tout à fait de nous. Avec cela, si l'affaire du billet historique et les questions financières prennent tant soit peu un autre aspect — nous pourrions avec le temps entreprendre à deux des excursions magnifiques, même en Espagne. Eh bien, après ce repos «panthéistique», comme disait Botkine [3], — quelquefois il me semble que je retournerai en Russie; dans une année, nous n'aurons pas de république là, c'est sûr, mais l'emp⟨ereur⟩ peut aussi crever, comme un autre chien et ⟨après⟩ un laps de temps, on pourra vivre là. Lermontoff a dit: «La Russie est toute dans l'avenir» [4]; des hommes qui ont le malheur de connaître si bien, que le monde qui les entoure s'en va, doivent tourner leur tête involontairement vers le pays qui n'a pas de passé — mais qui a un avenir immense. Là on peut au moins faire quelque chose, *on peut se tromper*. Ici pas moyen.— Oh, je suis fatigué, accablé de tout ce que je vois. Les individus que je rencontre ici me font l'air d'être les frères cadets de Moritz Reichel. Il n'y avait qu'un homme—et celui-là appartiendra bientôt à l'histoire [5]. Glauben Sie, daß diese ganze greuliche Geschichte hier Sensation gemacht hat? [6] Gar nicht, nicht im geringsten. Tout ce qui est généreux, noble, n'existe pas dans la conscience de cette génération— et je doute un peu des précédentes et des futures. Nous sommes à Pétersbourg [7], et quatre généraux sont envoyés régir et gouverner la France [8]. Lis quelquefois les journaux de la réaction, pour connaître la situation. Du repos, de la tranquillité et pour cela de l'harmonie intérieure dans le petit cercle.

Envoyez donc ma brochure à Campe, même en lui la donnant en commission. Cette brochure sera vieille dans le ventre de sa mère [9]. Il faut mettre

fin et faire la césarienne, je vous en prie, et les 25 ex⟨emplaires⟩ pour moi par Franck![10]

Tata te salue frénétiquement.

Перевод:

14 февраля 1850 г. Париж

Я болен, как собака (а собаки почти никогда не болеют, но таков, видишь ли, человек — он все сваливает на животных, не замечая, напр⟨имер⟩, того, что скотство вносится в природу человеком); не подумай, что я болен опасно, но я болен унизительным образом. Началось с бронхита, затем вздулась половина лица и заболело горло. Я не могу ничего есть. А из всех своих способностей я сохранил одну единственную — сердиться 24 ч⟨аса⟩ кряду.

Не подумай, что я намерен продолжать наши братоубийственные дебаты — нет, дело закончено, заседание закрыто, время этих дебатов истекло; я твердо убежден, что они были необходимы, но у них нет никакого права на вечное существование. Я высказал все, это вреда не приносит и это глубоко соответствует моей натуре. Говорить все до конца — моя слабость. Я был выслан за то, что говорил все, а теперь за то, что сказал *все*, рискую остаться *без всего*. Невысказанное, само себя разъедая, рано или поздно выходит наружу, но тогда уж таким судорожным образом, что последствия почти не зависят от нашей воли. Что там ни говори, но переписка эта пойдет нам на пользу; она не раз будет воскресать в твоей памяти как aviso*, как Warnung*. И хотя ты еще очень далек от того, чтобы признать за собой какую-либо вину, в глубине души, я уверен, ты чувствуешь, что вина лежит не только на твоих друзьях, что ни у Н⟨атали⟩, ни у меня *никогда* не было мысли отдалиться или установить границы для нашей близости, ты это прекрасно знаешь; истинный смысл всей длинной переписки очень прост — прежде чем окончательно и бесповоротно решиться на совместную жизнь, мы хотели предостеречь тебя от того чуждого нам духа, который ты вносил в большое и подлинное чувство симпатии, нас объединявшее. Разговоры об этом уже бывали, и Натали говорила даже гораздо больше, чем я, и задолго до писем; случай пробуждает, усиливает все то, что как бы полусуществовало, а твои ответы полностью оправдывают наше нападение. Так-то все и развилось. Не говори мне о своей снисходительности по отношению к нам, по отношению ко мне — у тебя не было случая применить ее. На самом деле, в чем ты можешь упрекнуть меня (не только по отношению к тебе, но и вообще по отношению к людям), что́ вношу я стесняющего, нарушающего гармонию, властолюбивого, капризного? Я ничем не связываю, со мной чрезвычайно легко поддерживать отношения — просто потому, что я человечен. В одном из первых своих писем ты писал: «Нет, мы совсем не так необыкновенны, как я думал»[1]. — А вот я, хотя и знаю нам цену, никогда не думал, ни того, что мы какое-то чудо, ни того, что мы уроды. Да и к чему это? Ведь тогда нас нужно было бы показывать как женщину-гелиофоба[2].

Итак, решено, прения закрыты. — Дай руку и поговорим о будущем, помечтаем. Кто сказал, что я хочу уехать в Лондон? Возможно, что я и поеду по делам (своего имения), провести неделю между Головиным и Темзой, но кто же когда-либо говорил о том, чтобы остаться в Лондоне? Единственное, что я знаю, это нечто отрицательное — *я не хочу оставаться здесь* ни под каким видом и думаю, что было бы безумием ехать в Швейцарию. О нет, я нисколько не ошибся в своем отвращении к Парижу — я оказался более чем прав и покину Париж, как только закончу свои дела, т. е. самое позднее — в конце марта. Остается одно из двух: ехать на юг Франции, куда-нибудь между Каннами и Грассом, нанять там, и в одном и том же месте, два домика, похоронить себя на год и заниматься политикой не больше, чем всем остальным, только из Wißbegierde**, — или проделать то же где-нибудь на английском побережье. Выбор зависит не только от нас. При всем том, если дело с пресловутым билетом и финансовые вопросы примут несколько иной оборот, мы могли бы со временем предпринять вдвоем чудесные путешествия, даже в Испанию. Ну, а после такого, как говорил

---

* предупреждение, предостережение (итал. и нем.).

** любознательности (нем.).

Боткин, «пантеистического» отдыха [3] — иногда мне кажется, что я вернусь в Россию; через год у нас там еще не будет республики, это несомненно, но имп⟨ератор⟩, как и всякая собака, может околеть, и тогда, спустя некоторое время, там можно будет жить. Лермонтов сказал: «Россия вся в будущем» [4]; люди, имеющие несчастье так хорошо сознавать, что окружающий их мир умирает, должны невольно оборотиться к стране, у которой нет прошедшего, зато есть огромное будущее. Там, по крайней мере, можно что-то делать, *можно обольщаться*. Здесь же — это невозможно.— Ах, как же я утомлен, удручен всем, что вижу. Личности, с которыми я здесь встречаюсь, кажутся мне младшими братишками Морица Рейхеля. Был только один единственный человек, да и тот скоро станет достоянием истории [5]. Вы думаете, что вся эта отвратительная история вызвала здесь сенсацию?[6] Нисколько, ни малейшей. У нынешнего поколения нет за душой ничего великодушного, благородного, да и прошедшие и будущие вызывают у меня некоторые сомнения. Мы словно в Петербурге[7], и четыре генерала посланы вершить судьбу и править Францией[8]. Читай изредка реакционные газеты, чтобы знать обстановку. Нам нужен отдых, покой, а для этого нужна внутренняя гармония в нашем маленьком кружке.

Пошлите же мою брошюру Кампе, можно даже на комиссию. Брошюра эта состарится во чреве матери[9]. Надо положить конец, надо сделать кесарево сечение, прошу вас об этом, и 25 экз⟨емпляров⟩ для меня через Франка![10]

Тата тебе неистово кланяется.

[1] Герцен имеет в виду следующие строки из письма к нему Гервега: «Я всех нас считал более крупными, сильными и исключительными людьми, чем мы оказались на самом деле» (XIV, 48).

[2] *Женщина-гелиофоб* — вероятно, один из атракционов, демонстрировавшихся в это время в Париже.

[3] Василий Петрович *Боткин*.— В «Былом и думах», характеризуя книжное отношение к жизни, царившее в московском гегельянском кружке 1840-х годов, Герцен писал: «Все *в самом деле* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо в отвлеченные категории и возвращалось оттуда без капли живой крови, бледной алгебраической тенью ⟨...⟩ Человек, который шел гулять в Сокольники, шел для того, чтоб отдаваться пантеистическому чувству своего единства с космосом» (изд. АН, т. IX, стр. 20). В этой характеристике Герцен имел в виду главным образом Боткина.

[4] Высказывание Лермонтова: «У России нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем» (из записной книжки, 1841).

[5] *Один-единственный человек* — по-видимому, П.-Ж. Прудон. В примечании к статье «Донозо Кортес...», напечатанной в № 167 «Voix du Peuple» от 18 марта 1850 г., Герцен писал: «Я знаю только одного французского писателя, который освободился от традиционных влияний, который не боится неопровержимых выводов логики и который не отступает ни перед какой истиной, предстоящей, как дедукция, — это Прудон» (изд. АН, т. VI, стр. 529). Это примечание не попало в русские издания «С того берега». Слова Герцена, что Прудон «скоро станет достоянием истории», означают, вероятно, что реакционное французское правительство расправится с Прудоном.

[6] Намек на ухудшение тюремного режима Прудона во время его заключения.

[7] Разгул реакции во Франции напоминал Герцену режим русского царизма.

[8] Приказом французского правительства пятьдесят департаментов Франции и девять военных округов были отданы в распоряжение четырех генералов, которые в случае каких-либо революционных выступлений могли объявить Францию на военном положении, а также произвести государственный переворот.

[9] Книга «Vom anderen Ufer». В одном из своих недатированных писем Гервег писал: «Книга ваша будет послана на этой неделе. Но нужно сначала пустить пробный шар. Теперь не так-то легко посылать книги из Швейцарии в Германию; во всяком случае, их надо посылать через Баварию, а не через Пруссию. Впрочем, окончательного ответа от Кампе насчет «С того берега» еще нет. Если Капп послал вам его, то перешлите мне» (XIV, 56). 20 февраля он же сообщал Герцену: «Твоя брошюра *будет* послана на этой неделе (в твоем распоряжении останутся 200 экземпляров). Экземпляры для Парижа посланы. Эмма привезет тебе роскошные экземпляры» (XIV, 59).

[10] *А. Франк* — парижский издатель и книготорговец, в дальнейшем занимавшийся продажей герценовских изданий.

51
ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 17 février 1850. Paris

Cher Ulysse, Pénélope va te chercher.— *Tempora mutantur*, et l'*Odyssée* doit être lue *vice versa*[1].

Emma te dira que j'étais de l'opinion opposée, que je proposais de te laisser, comme tu le voulais, un peu te concentrer[2]— mais j'y étais obligé de jouer mon éternel rôle de prosaïste, de modérateur, de cunctateur — je parlais raison là où parlait la passion. Je suis enfin un pauvre sire... enfoncé par l'amour d'Emma, à laquelle je dois céder comme à une force — sans même avoir la nécessité de la comprendre ou la faculté!

Si tu lis les journaux tu sais bien ce qui se passe ici — enfin toutes les limites sont dépassées[3]. C'est un typhus social, c'est la gangrène et l'imbécillité — et j'ai diablement raison, par malheur. Je voyais encore couleur rose — la réalité surpasse de beaucoup.

J'irai chercher une place pour Emma et je t'ajouterai encore où et comment.

Рукой Н. А. Герцен:

Nous sommes gais et heureux de voir Emma si heureuse de votre invitation, elle est rajeunie, embellie. Elle nous promet de vous amener à Paris, j'en serais enchantée si je ne craignais pas... etc.— J'ai un volume de Пушкин *magnifique!* Mais je ne vous l'envoie pas, ne sachant pas si vous venez ou restez.

Donc dans l'avenir *deux petites maisonnettes* au sud de la France...— Si nous sommes capables *intérieurement* d'une existence harmonieuse — qu'est-ce qu'on peut demander encore à Ζωή?.. Représentez-vous si Ogareff et Natalie viennent encore compléter notre petite commune, sainte commune... oh, ce serait si beau, si beau, si beau!!! Tous les jours j'aime plus Horace, c'est un charmant enfant. Ada — j'ai toujours envie de l'écraser ou de la claquer. Tata regarde et caresse de temps en temps votre lettre et me demande: «Pourquoi donc Herwegh ne m'écrit plus?» Qu'est-ce que je dois lui répondre?

Ecrivez-nous de suite de vos projets. Je me dépêche de vous embrasser avant qu'Emma ne soit auprès de vous.

C'est dimanche aujourd'hui, seconde représentation... l'autre jour la *Voix du Peuple* n'a pas fait trop grande attention à moi à cause du mal à la gorge (mis au secret Proudhon)!!! je m'admire moi-même!..[4]

J'attends encore commencer le russe avec Horace — je ne sais pas pourquoi... Adieu donc; peut-être au revoir!

N.[5]

Рукой Герцена:

Dites donc, avez-vous enfin envoyé la brochure ou non, et à quoi ça tient. Je ne comprends rien.

Emma part avec la malle-poste le 19 à 1 heure.

Егору Федоровичу Гервег[6].

Перевод:

17 февраля 1850 г. Париж

Дорогой Улисс, Пенелопа отправляется к тебе.— Tempora mutantur *, и «Одиссею» нужно читать vice versa **[1].

Эмма тебе расскажет, что я был другого мнения и предлагал дать тебе, как ты того хотел, немного сосредоточиться[2], но тут я был вынужден играть мою вечную роль прозаического человека, умиротворителя и кунктатора; я рассуждал здраво там, где говорила страсть. Но я ведь только жалкий человек... и подавлен любовью Эммы к тебе, которой должен уступить, как некоей силе, даже не чувствуя ни нужды, ни способности ее понять!

Если ты читаешь газеты, то хорошо знаешь, что̀ здесь происходит,— словом, перейдены все границы[3]. Это социальная чума, гангрена и слабоумие — к несчастию,

* времена меняются (лат.).
** наоборот (лат.).

я чертовски прав. И все же я смотрел еще сквозь розовые очки — действительность намного страшнее.

Иду за билетом для Эммы, а потом припишу, где и как ее устроил.

Рукой Н. А. Герцен:

Мы счастливы и рады, видя, как радуется Эмма вашему приглашению, она помолодела, похорошела. Она обещает привезти вас в Париж, я была бы в восторге от этого, если бы не боялась... и т. д. У меня есть *великолепный* том сочинений Пушкина*. Но я не посылаю его вам, потому что не знаю, приедете ли вы или останетесь.

Итак, в будущем — *два маленьких домика* на юге Франции...— Если мы *внутренне* окажемся способны к гармонической жизни, то что же можно еще просить у Ζωή **. Представьте, а вдруг Огарев и Натали приедут к нам и еще пополнят нашу маленькую коммуну, нашу святую коммуну... о, это было бы так прекрасно, так прекрасно, так прекрасно!!! С каждым днем я все больше люблю Гораса, это очаровательный ребенок. Аду же мне всегда хочется потискать или пошлепать. Тата время от времени смотрит на ваше письмо, гладит его и спрашивает: «Почему Гервег мне больше не пишет?» Что же мне ей ответить?

Напишите нам тотчас же о всех ваших планах. Спешу вас обнять, пока подле вас нет Эммы.

Сегодня воскресение, второе представление... намедни «La Voix du Peuple» не уделила мне особого внимания — болело горло (Прудон посажен в одиночку)! Я восхищаюсь собою!..[4]

Я все еще не начала заниматься русским языком с Горасом — не знаю, почему... Прощайте же, а может быть, до свидания!

Н.[5]

Рукой Герцена:

Напишите же, отправили вы, наконец, брошюру или нет, и в чем тут дело. Я ничего не понимаю.

Эмма отбывает с почтовой каретой 19-го, в час дня.

Егору Федоровичу Гервегу[6].

[1] Герцен шутливо сообщает Гервегу о выезде к нему Эммы, которая, в противоположность героине гомеровской «Одиссеи», не оставалась дома в ожидании мужа, а сама отправилась к нему.— Ответ Гервега, ошибочно датированный М. К. Лемке мартом 1850 г., — см. XIV, 56—59.

[2] Гервег в своих письмах к Герцену неоднократно выражал желание «отдохнуть» некоторое время от жены, пожить одному.

[3] На следующий день после отправления публикуемого письма, в газете «Voix du Peuple» появилась передовая статья, озаглавленная «Правда о настоящем положении», в которой мы встречаем следующие строки: «Здесь проводятся самые энергичные репрессии. Запрещено произносить слово социализм. Как требует этого сегодня утром одна из контрреволюционных газет, каждое выступление против привилегии капиталистов приравнивают к воровству. Позорят, наказывают, как убийц и поджигателей, граждан, которые выступают или пишут в защиту права. Царит террор...».

[4] Смысл этих строк Н. А. Герцен — неясен. Материалы, которые могли бы иметь какое-нибудь отношение к ней, в «Voix du Peuple» нам обнаружить не удалось. Вероятней всего, что эти строки написаны под диктовку Герцена. На болезнь горла жаловался именно Герцен в предыдущем письме.

[5] О характере приписок Наталии Александровны к письмам Герцена, обращенным к Гервегу,— см. ниже, в нашем обзоре.

[6] На другом конверте, также находящемся при этом письме, надпись Герцена: «Его высокоблагородию Егору Федоровичу».

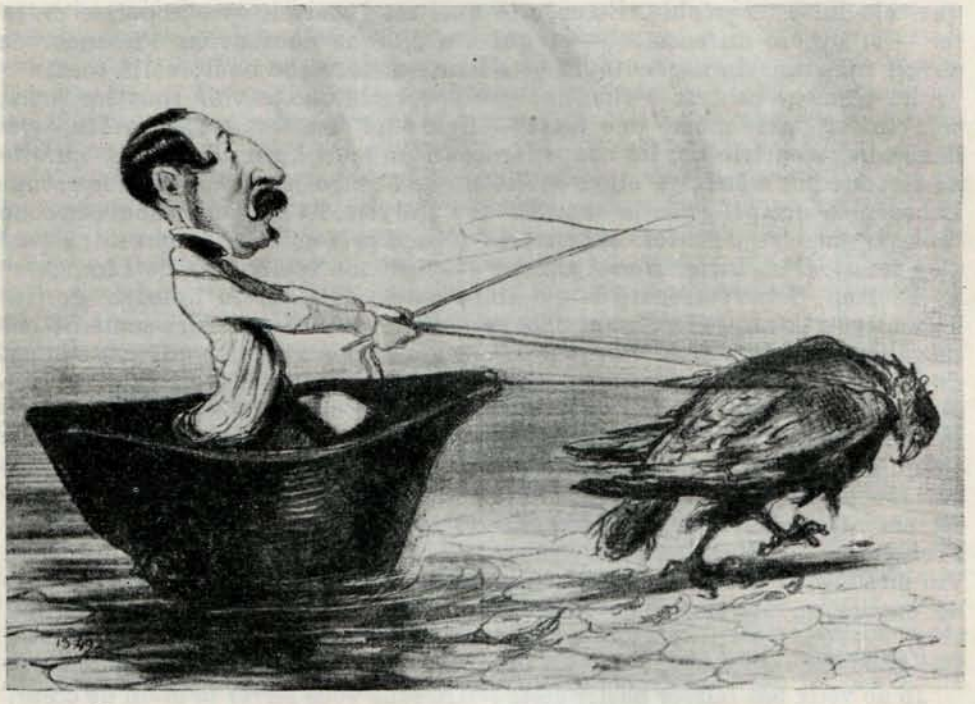
52

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

18 février 1850. Paris

Cher Georges — finissons, finissons-en sincèrement et pour toujours, au moins pour longtemps avec notre procès mutuel.— Point de récriminations,

* Слово «Пушкина» — по-русски.
** жизни (греч.).

КАРИКАТУРА НА ЛУИ-НАПОЛЕОНА ИЗ «CHARIVARI». ГЕРЦЕН ВНИМАТЕЛЬНО СЛЕДИЛ ЗА ЭТИМ ЖУРНАЛОМ И ЗА ПАРИЖСКИМ САТИРИЧЕСКИМ ЛИСТКОМ «JOURNAL POUR RIRE»

«Charivari» от 14 февраля 1850 г.

«...читай же „Le Charivari" не плох, и „Journal pour rire"» (Из письма к Георгу Гервегу от 26 марта 1850 г.)

point de réponses. Je suis triste, peut-être je transgressais les limites sous le joug d'une hypochondrie qui s'empare quelquefois de moi, d'autant plus qu'elle est tout à fait contraire à mon caractère — lucide et égal. Il n'est pas beau de nous enfoncer dans cette analyse subjective lorsque nous sommes témoins de cette tragédie sombre qui va engloutir tout le monde.

Dès que j'eus lu les premières lignes de ta dernière lettre [1], je sentis une douleur aiguë — comment continuer, cont nuer... je me suis arrêté et avant de finir ma lecture je t'écris cette lettre... Je lirai après. Donne ta main — et pas un mot Tu sais ce que je voulais, je voulais entre autres te réveiller, te faire secouer quelques mauvaises habitudes qui ne se cadrent pas avec le *Grundton* de ton âme, je le voulais parce que je sentais qu'avec ce pli il y aura une note sifflante, disharmonieuse. J'ai osé m'ériger en juge, sévir contre toi — tu m'en a donné le droit: lorsqu'on se dit frère, ami... on a, on sent qu'on les a, des droits si incontestables. Peut-être j'en ai usé sans ménagement — mais le but était pur et tout amical pour toi.

Non, il ne faut pas s'amollir, nous avons un temps rude à vivre, ce n'est qu'à présent que commence la débâcle véritable, eh bien, je deviens stoïcien, advienne ce qui pourra.

Aux côtes de l'Angleterre, à New-York, au Sud de la France, en Espagne, à Alexandrie enfin — je suis prêt à tout; à Paris je ne veux pas rester pour rien au monde, dès que l'affaire de ma mère s'arrangera, je partirai. Emma te ⟨le⟩ racontera plus en détails.— Et tu écris à Emma: «Si H erzen⟩ trouve assez d'abnégation pour choisir un endroit possible pour moi...». Mais si c'était de l'abnégation à quoi bon alors rester ensemble, quelle est donc cette abnégation qui fait que l'homme fait parce

que cela lui est agréable. Et ensuite quel est l'endroit que je puisse préférer — et encore un ensuite — et qui t'a dit que nous avons l'honneur du choix; subissons la nécessité la tête haute et le verbe haut, voilà tout.

Le cœur se contracte chez moi au spectacle que je vois tous les jours, cela n'est pas même une lutte — figure-toi une femme échevelée, ivre, demi-nue, meurtrie par les coups féroces d'un mari butor, figure-toi qu'elle ne proteste pas même, qu'elle s'avilit et que l'autre continue, voilà le groupe Laocoonien que présente la capitale de l'Univers. Et à chaque nouveau couple les amis stupides de crier: «C'est très bien, à présent cette femme sait à quoi s'en tenir». *O stultitia. Homo sapiens* — c'est une espièglerie de Linné.

Et bien, Colas persécuté [2] — o noble patrie de Tell, du fromage, de Rufenacht et d'Almeras [3]. Et ces lâches pensent qu'en faisant les commissions ils gagneront leur cause. Pardon. Il n'y a que l'Angleterre qui par sympathie (les deux Chines s'aiment comme de raison) — sauvegarde encore la république qui sert de maison de police pour l'Europe.

Concernant mon livre [4], envoyez-le en commission chez Campe. Le fait est qu'à present toutes ces choses qui avaient quelque mérite de nouveauté deviennent de jour en jour banales — et pourquoi donc voulons-nous faire cet enfanticide? Kapp m'a demandé où vous demeurez. Lui, il dem⟨eure⟩ Krebsgasse, 24. Ensuite envoyez ici de 25 à 50 ex⟨emplaires⟩ pour Franck. Vraiment, cette brochure me dégoûte, à force de rester à Zurich. Kapp a publié encore un article, avec compliments qui me compromettent [5].

Рукой Н. А. Герцен:

Je ne veux pas laisser partir cette lettre sans vous serrer la main de cœur, de tout mon cœur, cher, excellent ami! Ecrire — je ne puis pas. Je rêve toujours de notre vie vagabonde que nous mènerons ensemble — la mer, le ciel bleu, les oliviers...

A vous N a t a l i e

Выбор облаток мой.

П е р е в о д:

18 февраля 1850 г. Париж

Дорогой Георг, покончим, покончим искренне и если не навсегда, то хотя бы надолго, с нашей взаимной тяжбой.— Не надо упреков, не надо возражений. Мне грустно; быть может, я нарушил границы дозволенного под влиянием ипохондрии, которая иногда овладевает мною, и тем сильнее, что она совершенно чужда моему веселому и ровному характеру.— Нам, свидетелям мрачной трагедии, которая грозит всеобщей гибелью, нехорошо углубляться в такой самоанализ.

Едва я прочел первые строки твоего последнего письма [1], как почувствовал острую боль — можно ли продолжать, продолжать... я остановился и, не прочитав письма до конца, пишу тебе... Я дочитаю его после. Дай руку, и ни слова больше. Ты знаешь, чего я хотел: я хотел, помимо всего прочего, разбудить тебя, заставить стряхнуть с себя кой-какие дурные привычки, не соответствующие Grundton'у* твоей души, я этого хотел, ибо чувствовал, что они внесут резкую фальшивую ноту. Я осмелился взять на себя роль судьи, выступить против тебя — ты дал мне на это право; когда люди назвались братьями, друзьями... они имеют, и чувствуют что имеют, на это совершенно неоспоримое право. Быть может, я пользовался им бесцеремонно, но с бескорыстной и дружеской целью.

Нет, нам нельзя разнеживаться, мы живем в жестокое время, сейчас-то и начинается настоящий разгром, и вот я становлюсь стоиком, будь что будет.

На побережье Англии, в Нью-Йорк, на юг Франции, в Испанию, в Александрию, — словом, я готов на все; но в Париже я не хочу оставаться ни за что на свете. Как только дело моей матери уладится, я уеду. Эмма тебе расскажет обо всем этом подробней.— А ты еще пишешь Эмме: «Если Г⟨ерцен⟩ найдет в себе достаточно самоотвер-

* основному тону (нем.).

женности, чтобы подыскать приемлемый для меня уголок...». Но если бы это было самоотвержением, то зачем же тогда оставаться вместе; какое же это самоотвержение, если человек делает то, что ему приятно? И потом, что это за уголок, который я могу предпочесть другому, и еще одно «потом» — кто тебе сказал, что мы имеем почетное право выбора; подчинимся же необходимости, не склоняя голову и не приглушая голоса.

У меня сжимается сердце при виде того, что происходит вокруг изо дня в день. Это даже не борьба: представь себе растрепанную, пьяную, полуголую женщину, всю в синяках от жестоких побоев своего грубияна-мужа, представь себе, что она даже не протестует, что она терпит это унижение, а тот не унимается,— вот такой Лаокооновой группой выглядит столица вселенной. И при каждом новом ударе безмозглые друзья подстрекают: «Прекрасно, теперь эта женщина будет знать как себя вести!». O stultitia!* Homo sapiens** — лишь озорная выдумка Линнея!

Итак, Колю преследуют [2] — о благородная родина Телля, сыра, Руфенахта и Альмераса [3]. И эти подлецы думают, что, выполняя подобные распоряжения, они что-то выиграют. Прошу прощения. Одна только Англия из сочувствия (понятно, что два Китая любят друг друга) защищает еще республику, которая служит полицейским участком для всей Европы.

Что касается моей книги [4], то пошлите ее на комиссию Кампе. Дело в том, что теперь все те высказывания, скромная заслуга которых состояла в новизне, день ото дня становятся все более и более банальными—зачем же нам идти на сие детоубийство? Капп справлялся у меня, где вы живете. Сам он жив⟨ет⟩ на Krebsgasse, 24. Засим пришлите сюда от 25 до 50 экземпляров брошюры для Франка.— Право же, я потерял вкус к этой брошюре из-за того, что она лежит в Цюрихе. Капп напечатал еще одну статью с комплиментами, которые меня компрометируют [5].

Рукой Н. А. Герцен:

Прежде чем уйдет это письмо, я хочу сердечно, от всего сердца, пожать вашу руку, дорогой, чудесный друг. А писать я не могу. Я все мечтаю о нашей совместной кочевой жизни, о море, о голубом небе, об оливковых рощах...

Ваша Натали.***

Выбор облаток мой.

[1] Вероятно, речь идет о письме, ошибочно датированном Лемке маем 1850 г. и, по-видимому, написанном 15 или 16 февраля. В начале этого письма Гервег, пеняя на судьбу за задержку Герценов в Париже, уверял, что не верит ни во что в этом мире, даже в длительность личных отношений. «Все превращается в прах, и то, что могло бы жить в любви и понимании, разбивается и рассеивается так же, как и то, что презирает и ненавидит друг друга». Далее Гервег обращался к Н. А. Герцен и Герцену с просьбой протянуть ему руки. «Если я виновен, сударыня, я буду на коленях просить у вас прощения»,— писал он (XIV, 73).

[2] См. письма №№ 55 и 62 и примеч. к ним.

[3] Подчеркивая свое ироническое отношение к Швейцарии, Герцен называет здесь в одном ряду национального героя Вильгельма *Телля*, прославленный швейцарский сыр и имена обывателей — *Руфенахта*, по-видимому владельца женевской гостиницы «Hôtel des Bergues», и *Альмераса* (см. о нем другое упоминание в письме № 31). Н. А. Герцен писала Э. Гервег в конце 1849 г.: «Пошлите серебро на имя Руфенахта, для передачи А. Гер⟨цену⟩».

[4] «Vom anderen Ufer». Несколькими строками ниже Герцен называет эту же книгу брошюрой.

[5] О какой статье Каппа идет здесь речь — установить не удалось.

53

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 19 février 1850. [Paris

Cette lettre part avec Emma, je profite de l'occasion pour dire quelques mots sur l'état des choses et sur nos projets nous concernant.

* глупость! (лат.).

** Мыслящий человек (лат.).

*** Далее приписка по-русски.— *Ред.*

La république en France est perdue. Elle n'existe que grâce à Changarnier[1] qui ne veut pas de coup d'État, et qui s'est approché même de Lamoricière[2] pour s'opposer au coup d'État «Soulouque», comme le dit le *Charivari*[3]. On a fait un essai de mettre Chang⟨arnier⟩ de côté, même de l'arrêter — mais il prend bien ses mesures. D'un autre côté les légitimistes ne veulent pas d'empereur, et une petite fraction bourgeoise veut l'ordre légal — avec Cavaignac en tête. Les journaux, les démocrates, les rouges — sont aplatis, stupides, le peuple est tombé dans une léthargie et a perdu tout sentiment du juste; l'insolence du pouvoir n'a pas eu d'antécédents, c'est Pétersbourg ivre, c'est Radetzky[4] à Milan — on traîne des hommes dans des prisons pour tirer quelque aveu sur d'autres personnes. — Après l'article de Proud⟨hon⟩ on l'a jeté à la Conciergerie, on lui a ôté livres et papiers, un soldat était à la porte etc., et personne ne pense à s'indigner[5]. Lis quelquefois la *Patrie* et l'*Assemblée Nation⟨ale⟩* — tu verras la limite. On veut l'autocratie, on veut faire taire la tribune. Un auteur qui envoie son ouvrage imprimé sans autorisation est regardé comme colporteur en contravention! Et la Cour de Cassation a légalisé cette iniquité odieuse. Légitimistes et bonapartistes sont d'accord qu'il faut exterminer les ennemis de l'ordre. Les bourgeois parlent comme Bocquet — avec un plaisir féroce — du grand coup. Déportations — et fusillades. Voilà la position. On attend l'envahissement de la Suisse, et quelque prétexte plausible à l'intérieur. Toute la France est partagée militairement entre quatre généraux. — Le gouvern⟨ement⟩ a permis les réunions électorales, mais pour les réunions trop avancées, il a ordonné sous main de ne pas donner de local, et les électeurs du 12 arr⟨ondissement⟩ couraient deux nuits de maison à maison. — Qu'en dites-vous de cela? Et combien de bouteilles de Clos Vougeot vous m'avez perdues? — Et tout cela n'émeut personne.

La propagande du socialisme se fait — mais cela ce sont des questions de deux générations. La barbarie de la dissolution est au complet, le chaos, la confusion et la corruption générale règnent. A présent la grande question subjective, où aller? Le danger ici est imminent, je ne reste que pour mes affaires avec Rotschild. Je prendrai des renseignements sur Nice, même sur Florence. J'ai quelque droit à demander une autorisation de rester en France[6], je le ferai valoir pour aller au sud, m'y établir et vous engager d'y venir. Mais si tout cela ne réussit pas? Alors je propose *primo* pour toi de rester en Suisse jusqu'à l'occupation, moi je travaillerai pour notre voyage au Sud. Si cela ne va pas, je t'avertirai, et tu dois aller alors en Belgique et attendre. — La première réponse de la Russie doit venir vers le 23, 24. La réponse définitive vers le 5, maximum 10 mars, — cela n'est pas trop loin.

Donne ton opinion. Dès que quelque chose de nouveau sera advenue je t'avertirai.

Eh bien, adieu, Georges, repose-toi sur mon amitié comme sur une base de granit, c'est quelquefois froid, quelquefois dur — mais c'est solide, et je me mets fort, dans la pureté de mes intentions, de le prouver.

Natalie est malade. Elle n'a pas dormi, elle est refroidie. Enfin, c'est notre sort, l'un guérit, l'autre tombe tout de suite malade.

Adieu.

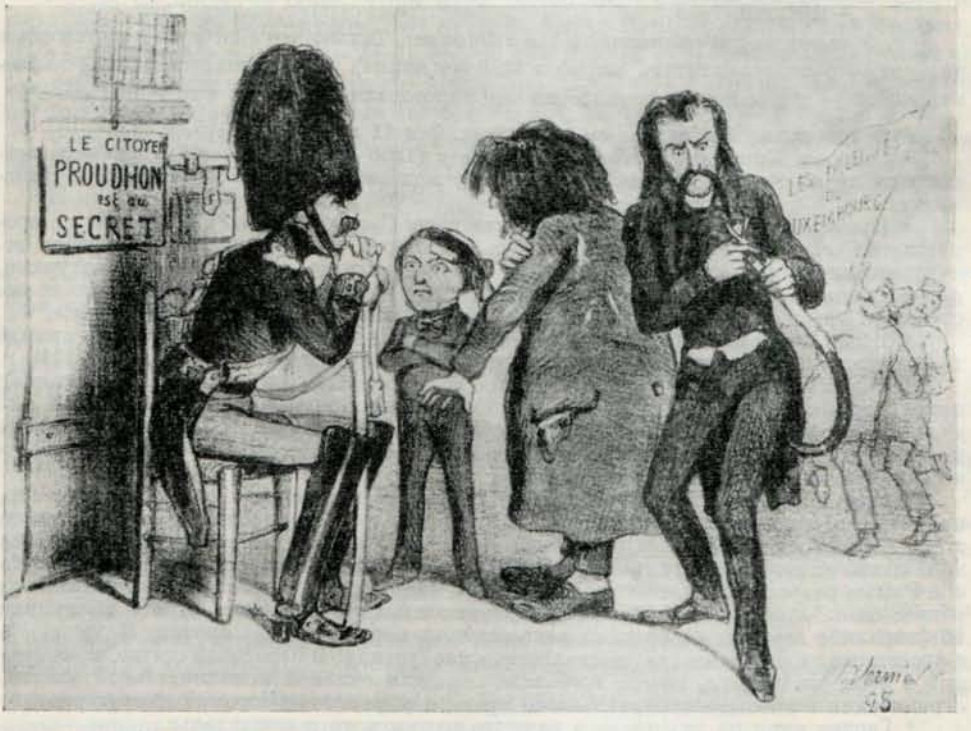
NB. *De l'utilité d'avoir une maison à Paris.* A l'instant-même un huissier annonce qu'il faut payer une amende de 1 400 fr⟨ancs⟩ pour ne pas avoir accompli je ne sais quelle formalité — et pour m'humilier ils ont adressé le papier à m-r *Hazen.*

Перевод:

19 февраля 1850 г. Париж

Это письмо пойдет с Эммой; я пользуюсь случаем, чтобы сказать несколько слов об общем положении и о проектах, нас касающихся.

Республика во Франции погибла. Она существует еще только благодаря Шангарнье[1], который не хочет государственного переворота и даже сблизился с Ламорисьером[2], чтобы помешать «Сулуку», как говорит «Charivari»[3], совершить государственный переворот. Была сделана попытка отстранить Шанг⟨арнье⟩ и даже арестовать его, но он принимает нужные меры. С другой стороны, легитимисты не желают императора, а небольшая группа буржуазии хочет легального порядка — с Кавеньяком во главе. Газеты, демократы, красные — придавлены, отупели, народ погрузился в летаргический сон и утратил всякое правильное понимание вещей: наглость властей беспримерна,— это пьяный Петербург, это Радецкий[4] в Милане: людей тащат в тюрьму, чтобы вырвать показание против кого-нибудь. Пруд⟨она⟩, после его статьи, бросили в Консьержери, у него отняли книги, бумагу, поставили у двери солдата и т. д., и никто и не думает возмущаться этим[5]. Читай изредка «La Patrie» и «L'Assemblée Nation⟨ale⟩»— ты увидишь, до каких дошли пределов. Жаждут автократии, хотят заставить замолчать трибуну. Автора, распространяющего свой печатный труд без разрешения, приравнивают к разносчику, торгующему без патента! И кассационная палата утвердила это вопиющее беззаконие. Легитимисты и бонапартисты единодушны в том, что надо истребить врагов порядка. Буржуа со свирепой радостью говорят, подобно Боке, о решительном ударе. Ссылка и расстрелы. Таково нынешнее положение дел. Ждут вторжения в Швейцарию и какого-нибудь благовидного предлога внутри страны. Вся Франция поделена по-военному между четырьмя

КАРИКАТУРА НА ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРУДОНА ПРАВИТЕЛЬСТВОМ И НА ПОЛЕМИКУ ПРУДОНА С СОЦИАЛИСТАМИ

Рисунок Ш. Вернье

Изображена дверь тюремной камеры, на ней надпись: «Гражданин Прудон посажен в одиночку». У двери: Луи Блан, Пьер Леру, В. Консидеран. Они просят караульного подольше не выпускать драчуна Прудона и дать им время оправиться от его колотушек. На заднем плане делегаты Люксембургской комиссии

«Charivari» от 20 февраля 1850 г.

«...наглость власти беспримерна... Прудона, после его статьи, бросили в Консьержери, у него отняли книги, бумагу, поставили у двери солдата и т. д.» (Из письма к Георгу Гервегу от 19 февраля 1850 г.)

генералами. Прав⟨ительство⟩ разрешило предвыборные собрания, но издало тайный приказ не предоставлять помещений для собраний крайних направлений и вот, избиратели 12 окр⟨уга⟩ две ночи перебегали из дома в дом. Что вы на это скажете? И сколько бутылок Кло Вужо вы мне проиграли? И все это никого не волнует.

Пропаганда социализма ведется — но это вопросы двух поколений. Варварство распада дошло до предела, всюду царит хаос, смятение, всеобщее разложение. Теперь возникает большой вопрос личного порядка — куда же ехать? Здесь опасность неминуема, я остаюсь только из-за своих дел с Ротшильдом. Я наведу справки о Ницце, даже о Флоренции. Я имею некоторое право просить разрешения оставаться во Франции[6], я им воспользуюсь, чтобы поехать на юг, устроиться там и пригласить вас приехать туда. А если из этого ничего не выйдет? Тогда я предлагаю тебе, primo, оставаться в Швейцарии до ее оккупации, я же займусь нашей поездкой на юг. Если же это не удастся, я извещу тебя, и тогда тебе придется ехать в Бельгию и ждать.—Предварительный ответ из России должен прийти около 23—24. Окончательный ответ к 5, максимум к 10 марта — это не так уж долго.

Сообщи свое мнение. Как только будет что-нибудь новое, я тебя извещу.

Итак, прощай Георг, положись на мою дружбу как на каменную стену; иной раз это и холодновато и жестковато, зато прочно, и я со всей чистотой своих намерений берусь это доказать.

Натали больна. Она не спала, простужена. Такова наша судьба: один выздоравливает, другой тотчас заболевает.

Прощай.

NB. *О пользе иметь собственный дом в Париже.* Только что судебный пристав объявил мне, что надо заплатить штраф в 1400 фр⟨анков⟩ за невыполнение какой-то формальности — и для моего посрамления они адресовали бумагу на имя г-на *Газена**.

[1] О генерале *Шангарнье* см. в примеч. 7 и 11 к письму № 5.

[2] Генерал Кристоф-Луи-Леон *Ламорисьер* (1806—1865) — военный министр временного правительства, подавший в отставку при избрании в президенты Луи-Наполеона.

[3] Президент республики острова Гаити негр *Сулук* (1782—1867) в 1849 г. провозгласил себя императором острова. Луи Бонапарта, открыто подготовлявшего государственный переворот, в насмешку часто называли «Сулуком». Карикатурами, направленными как против Сулука, так и Луи Бонапарта, пестрели в это время страницы прославленного французского сатирического журнала «Charivari».

[4] Иосиф *Радецкий* (1766—1858) — главнокомандующий австрийской армией в Ломбардо-Венеции, жестоко подавивший народное восстание в Милане в 1849 г.

[5] Памфлет П.-Ж. Прудона «Vive l'empereur!» («Да здравствует император!»), направленный против президента республики Луи Бонапарта, появился в № 127 «Voix du Peuple» от 5 февраля 1850 г. Осужденный еще 20 марта 1849 г. на три года тюрьмы, Прудон пользовался правом свидания, переписки и сотрудничества в периодической печати. Всего этого его лишили.

Герцен не совсем точен, утверждая, что никто не подымал голоса против мер, принятых в отношении арестованного Прудона: в ряде парижских газет, например в «La Liberté», «La Réforme», «La Démocratie Pacifique», «L'Opinion Publique», были напечатаны по этому поводу протесты. Упоминаемая Герценом ниже реакционная газета «La Patrie» разразилась плоскими насмешками над Прудоном в связи с постигшими его репрессиями. «Assemblée Nationale», издававшаяся Адриеном де ля Валетт, выступила 16 февраля с горячим одобрением репрессивных мер, принятых против Прудона, и с яростными нападками на социалистические учения. В передовой статье, помещенной в этом же номере, газета требовала создания сильной исполнительной власти, ограничения всеобщего избирательного права и укрепления военной диктатуры.

[6] Герцен имел на это право в качестве парижского домовладельца.

54

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Париж. 20 февраля (?) 1850 г.⟩

Aima (c'est-à-dire Emma), ton mari (*nomine et re!*)

Portrait se fait[1].—Maladie de Nat⟨alie⟩ se continuer.—Bocquet s'immortaliser, *Patrie* d'en parler, moi d'envoyer, Georges de lire.

Moi de vous saluer.

* Hase (Газе) по-немецки заяц.— *Ред.*

Salon. 2 heur⟨es⟩ après midi et 3 h⟨eures⟩ après 11 h⟨eures⟩ du matin.— Le 20 février 1850.

На обороте:

NB. Ответ от Гассера—опять ничего, говорит, что ломбард через неделю даст ответ.

Булвар.

Перевод:

⟨Париж. 20 февраля (?) 1850 г.⟩

Любила* (то есть Эмма), своего мужа (nomine et re!) **

Портрет делается[1]. Нат⟨али⟩ продолжает болеть. Бокэ продолжает завоевывать себе бессмертие, «Patrie» — об этом говорить, я — передавать, Георг — читать.

Я же — кланяться.

Гостиная. 2 часа пополудни и 3 часа после 11 ч⟨асов⟩утра.—20 февраля*** 1850 г.

На обороте ****:*

[1] О каком портрете идет речь в этой шутливой записке — неясно.

55

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 21 février ⟨1850⟩

Votre lettre.

Corpo di bacco.— Donc vous avez, monsieur, l'audace de penser que je neconnais rien de géographie, et j'ai lu les Malte-Brun et Ritter, Ibn Fozlans, Rubruquis et Magellan[1].— Mais est-ce que Emma m'a demandé concernant la position de Strasbourg ou de Mulhouse, non, elle a mieux aimé de faire un conciliabule secret avec la femme du fils unique de mon père et mère.

Vive Colas! Je suis enchanté, nous l'avons lancé dans la carrière[2], je me propose d'écrire ici *tanto poco* concernant la Suisse.

Horace connaît tout l'alphabet russe, c'est Sacha qui lui a montré ça.

Рукой Н. А. Герцен:

Pas du tout *pauvre* Sylvinet! pas du tout pauvre! Je suis fâchée de ne pouvoir pas encore écrire autrement, je vous l'aurais prouvé. Adieu donc, merci pour votre charmante lettre, allez vous fâcher encore pour cet adjectif? Oui, oui, charmante, et mille fois charmante.

Рукой Герцена:

Je te recommande de continuer la querelle avec l'infâme police de la Suisse — et je ferai imprimer ici quelques lignes magnifiques.— Ta lettre est arrivée tard. Il est temps d'envoyer à la poste.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 21 февраля ⟨1850 г.⟩

Письмо от вас.

Corpo di bacco*****.—Итак, милостивый государь, вы имеете дерзость думать, что я совсем не знаю географии; а что если я читал Мальт-Брюна и Риттера, Ибн Фозлана, Рубруквиса и Магеллана[1]. — Но разве Эмма меня спрашивала о географическом положении Страсбурга или Мюльгаузена? Нет, она предпочла держать тайный совет с женой единственного сына моего отца и матери.

Да здравствует Коля! Я в восхищении, мы открыли ему путь к славе[2], я намерен писать здесь tanto poco ****** о Швейцарии.

Горас знает весь русский алфавит, Саша ему показал.

---

* Каламбур: по-французски «aima» (любила) и «Emma» (имя) звучат схоже.
** по имени и на деле (лат.).
*** Название месяца читается предположительно.— *Ред.*
**** Русскую приписку см. выше, в основном тексте.— *Ред.*
***** черт возьми (итал.).
****** немного (итал.).

Рукой Н. А. Герцен:

И вовсе не *бедный* Сильвине! Вовсе не бедный!

Мне досадно, что я все еще не могу писать иначе, я бы вам это доказала. Прощайте же, спасибо за ваше очаровательное письмо,— опять будете сердиться за это прилагательное? Да, да, очаровательное и тысячу раз очаровательное.

Рукой Герцена:

Я тебе советую продолжать ссору с гнусной швейцарской полицией, а я напечатаю здесь несколько великолепных строк по этому поводу.— Твое письмо пришло поздно. Уже пора посылать на почту.

[1] Видные географы и путешественники разных времен и народов.

[2] 21 февраля 1850 г. в парижской газете «National» была напечатана заметка о репрессивных мерах, принятых в Цюрихе против шестилетнего сына Герцена — Коли (см. текст этой заметки в нашем обзоре «Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена», напечатанном в предыдущем, 63-м томе «Лит. наследства», стр. 800—801). Насколько можно судить по публикуемым ниже письмам, эта статейка, написанная И. С. Тургеневым или с его слов Л. Виардо, вызвала несколько дней спустя глубокое неудовольствие Герцена, так как она, по-видимому, осложняла его отношения со швейцарскими властями, а также с дирекцией училища для глухонемых. Между тем, несомненно, перу самого Герцена принадлежала приводимая ниже заметка, появившаяся на следующий день в «Voix du Peuple» (на авторство Герцена указала редакция газеты «National» в номере от 2 марта 1850 г.— см. примеч. 4 к письму № 62). Заключительная часть этой заметки, вероятно, была приписана Хоецким, что, как мы увидим ниже, возмутило Герцена:

«C o n t e n t i e s t o t e*. — Швейцария выслушивает доводы. Каждый день приносит нам новое доказательство искреннего исправления кантонов и глав федеральной власти. Фуреры, Дрюэ превосходят и тех и других.

Сегодня утром „National" рассказывает нам отвратительную историю. Дело касается придирок, которыми преследуют в Цюрихе глухонемого шестилетнего ребенка, подозреваемого только в том, что он сын эмигранта. Там за него потребовали, самым грубым образом, залог, „предназначенный, как говорит „National", служить гарантией, что ребенок не принесет никакого ущерба безопасности соседних правительств".

История эта совершенно верна; один из наших корреспондентов из Берна** пишет нам сегодня по этому поводу. Но подивитесь же этой иронии: пуская в ход беспримерное усердие, дабы услужить полиции всех государств, славные цюрихцы ошиблись: отец ребенка *вовсе не эмигрант!*

Дирекция учебного заведения не приняла никакого участия в этой истории— ни в положительном, ни в отрицательном смысле.

И Швейцария воображает, что она добьется чего-нибудь для себя такими подлыми уступками! что она выслужит прощение для демократии, унижая себя!— Бедная Швейцария! ее унизят в глазах всего мира и, когда вся симпатия к ней превратится в презрение,— ее захватят, ее упразднят. И почему же нет?— Создается впечатление, что эта страна хочет быть у других народов не более как швейцаром, охраняющим вход у всех границ и не позволяющим войти тем, кто не нравится хозяевам, Радецким,— королю Пруссии и т. п., и т. п.» («Voix du Peuple», № 144 от 22 февраля 1850 г.).

«Устыдившись гласности,— писал Герцен в «Былом и думах», — полиция сказала, что она не требует высылки, а только какую-то ничтожную сумму денег в обеспечение (caution), что ребенок не кто-нибудь другой, а он сам. Какое же обеспечение — несколько сот франков? А с другой стороны, если б у моей матери и у меня не было их, так ребенка выслали бы (я спрашивал их об этом через „Насиональ")?» (изд. АН. т. X, стр. 161). В «National» заметка, о которой упоминает Герцен, не появилась. Между тем в «Voix du Peuple», № 152 от 3 марта, в отделе «Иностранные известия» мы обнаружили заметку, автором которой, при сопоставлении с приведенными строками, несомненно являлся Герцен. Приводим ее текст в переводе:

«Газета „La Suisse" отрицает факт, касающийся попытки выслать глухонемого ребенка, о котором шла речь в „National" и „Voix du Peuple". Напрасные ухищрения. Ребенок не был выслан (ausgewiesen)— это термин, употребленный полицией в одном из цюрихских листков, где она пытается оправдаться, — *но только потому*, что немедленно внесен был потребованный залог. Остается только узнать, что было бы предпринято, если бы у родных не оказалось достаточно денег, чтобы выплатить эту сумму. Вот вопрос, который мы задаем „La Suisse"».

Эту заметку и имел в виду Герцен, ошибочно указывая на «National» как на газету, ее опубликовавшую.

---

* Да будут они довольны (лат.).

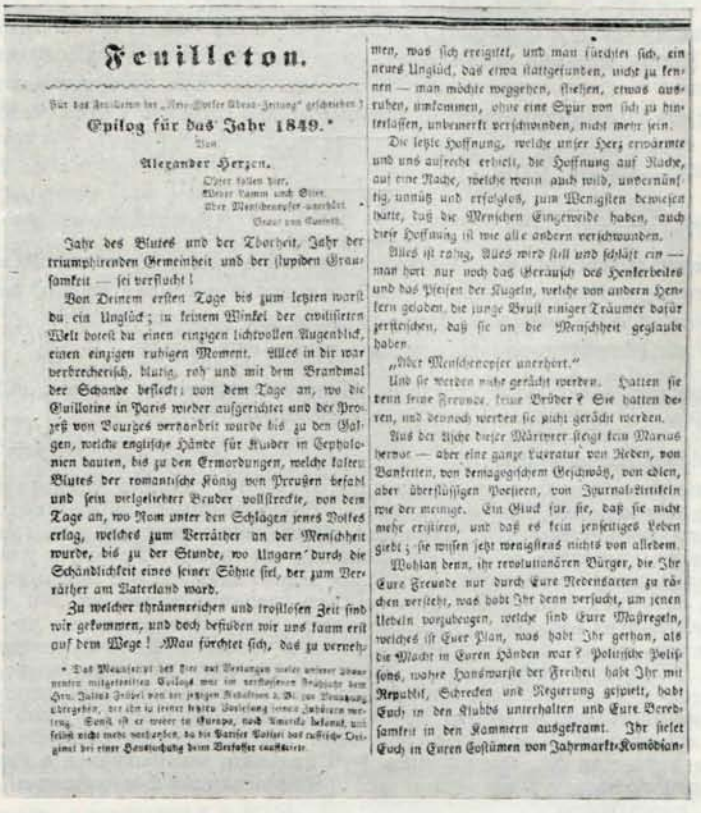
** Имеется в виду Гервег.— *Ред.*

56

ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

Paris. 21 Februar ⟨1850⟩[1]

Gott stärke ihre *sämtliche* Gesundheit. *Umgehend* bitte ich (*style du Kapp de bonne Cologne*)—endigen sie mit meiner Brochure. Ich habe Kapp geschrieben — daß ich mit dem größten Zutrauen auf seinen Dienst baue, desto mehr, da er nach zwei Tage in Ostende sein wird.

Feuilleton.

Für das Journal der „New-Yorker Abend-Zeitung" geschrieben.

Epilog für das Jahr 1849.*

Von

Alexander Herzen.

Oyster fallen hier.
Kleiner Lamm und Biere.
Aber Menschenopfer unerhört.
Bruder von Garrick.

Jahr des Blutes und der Thorheit, Jahr der triumphirenden Gemeinheit und der stupiden Grausamkeit — sei verflucht!

Von Deinem ersten Tage bis zum letzten wurdest du ein Unglück; in keinem Winkel der civilisierten Welt botest du einen einzigen lichtvollen Augenblick, einen einzigen ruhigen Moment. Alles in dir war verbrecherisch, blutig, roh und mit dem Brandmal der Schande befleckt; von dem Tage an, wo die Guillotine in Paris wieder aufgerichtet und der Prozeß von Bourges verhandelt wurde bis zu den Galgen, welche englische Hände für Kinder in Cephalonien bauten, bis zu den Ermordungen, welche kaltes Blutes der romantische König von Preußen befahl und sein vergeliebter Bruder vollstreckte, von dem Tage an, wo Rom unter den Schlägen jenes Volkes erlag, welches zum Verräther an der Menschheit wurde, bis zu der Stunde, wo Ungarn durch die Schändlichkeit eines seiner Söhne fiel, der zum Verräther am Vaterland ward.

Zu welcher thränenreichen und trostlosen Zeit sind wir gekommen, und doch befinden wir uns kaum erst auf dem Wege! Man fürchtet sich, das zu vernehmen, was sich ereignet, und man fürchtet sich, ein neues Unglück, das etwa stattgefunden, nicht zu kennen — man möchte weggehen, fliehen, etwas ausruhen, umkommen, ohne eine Spur von sich zu hinterlassen, unbemerkt verschwinden, nicht mehr sein.

Die letzte Hoffnung, welche unser Herz erwärmte und uns aufrecht erhielt, die Hoffnung auf Rache, auf eine Rache, welche wenn auch wild, unvernünftig, unnütz und erfolglos, zum Wenigsten bewiesen hätte, daß die Menschen Eingeweide haben, auch diese Hoffnung ist wie alle andern verschwunden.

Alles ist ruhig, Alles wird still und schläft ein — man hört nur noch das Geräusch des Henkerbeiles und das Pfeifen der Kugeln, welche von andern Henkern geladen, die junge Brust einiger Träumer dafür zerfleischen, daß sie an die Menschheit geglaubt haben.

„Oder Menschenopfer unerhört."

Und sie werden nicht gerächt werden. Hatten sie denn keine Freunde, keine Brüder? Sie hatten deren, und dennoch werden sie nicht gerächt werden.

Aus der Asche dieser Märtyrer steigt kein Marius hervor — aber eine ganze Literatur von Reden, von Bankketen, von demagogischem Geschwätz, von edlen, aber überflüssigen Poesieen, von Journal-Artikeln wie der meinige. Ein Glück für sie, daß sie nicht mehr existiren, und daß es kein jenseitiges Leben giebt; sie wissen jetzt wenigstens nichts von alledem.

Wohlan denn, ihr revolutionären Bürger, die Ihr Eure Freunde nur durch Eure Redensarten zu rächen verstehr, was habt Ihr denn versucht, um jenen Uebeln vorzubeugen, welche sind Eure Maßregeln, welches ist Euer Plan, was habt Ihr gethan, als die Macht in Euren Händen war? Polizeiliche Polissons, wahre Hanswurste der Freiheit habt Ihr mit Republik, Schrecken und Regierung gespielt, habt Euch in den Klubbs unterhalten und Eure Beredsamkeit in den Kammern ausgekramt. Ihr stellet Euch in Euren Costümen von Jahrmarkts-Komödian-

* Das Manuscript des hier zur Veröffentlichung gelangenden Aufsatzes wurde uns mitgetheilt. Verfasser war ein verstorbener Freund des Hrn. Julius Fröbel von der jetzigen Redaktion d. Bl. zur Verwaltung übergeben, der ihn zu seiner letzten Vorlesung seines Zyklusses verwendet. Somit ist er wieder in Europa, nach Amerika bekannt, und seinen nicht mehr verlassen, da die Pariser Polizei das radikale Deutschthum bei einer Haussuchung beim Verfasser constatirte.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «ЭПИЛОГ 1849 ГОДА»
Появилась в нью-йоркской немецкой газете «New-Yorker Aberd-Zeitung», сентябрь 1850 г.
Газетная вырезка
Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва
«Эпилог переведен» (Из письма к Георгу Гервегу от 9 марта 1850 г.)

Donnez à * Hoffm⟨ann⟩ et Campe en commission ou comme vous voulez, ou comme Kapp le veut, ou comme dieu le veut, non pas le dieu de d'Arlincourt[2], mais le dieu d'Abraham etc., etc.— le fait est que la brochure perdra tout intérêt dans quelques mois. — Envoyez ici 50 ex⟨emplaires⟩ — les autres on peut les déposer chez ma mère.

J'écrirai à Kapp aujourd'hui.

La santé de Nat⟨alie⟩ s'améliore.

* *Далее зачеркнуто:* Franck.— *Ред.*

Emma, quoique vous n'ayez pas le temps à présent de vous occuper de vos amis, oubliés avant Mulhouse, mais dessen ungeachtet und umgehend — grüßen Sie meine Mutter und m-lle Ern—ich habe keine Zeit zu schreiben. Die Antwort aus Petersburg ist wieder eine Woche länger zu warten.

Перевод:

Париж. 21 февраля <1850 г.>[1]

Да укрепит господь *общее* ваше здоровье. *Срочно* прошу (style du Kapp de bonne Cologne) *, кончайте с моей брошюрой. Я написал Каппу, что всецело полагаюсь на него, тем более, что он через два дня будет в Остенде.

Отдайте <брошюру> Гофм<ану> и Кампе на комиссию или как вам угодно, или как угодно Каппу, или как угодно богу, но не богу Арленкура [2], а богу Авраама и т.д., и т. д.— дело в том, что через несколько месяцев брошюра потеряет всякий интерес.— Пришлите сюда 50 экз<емпляров>, остальные можно сложить у моей матери.

Я напишу сегодня Каппу.

Здоровье Нат<али> улучшается.

Эмма, хотя у вас нет теперь времени думать о ваших друзьях, забытых раньше, чем вы доехали до Мюльгаузена, все же, несмотря и невзирая на это, передайте привет моей матери и мадемуазель Эрн — у меня нет времени писать.

Ответа из Петербурга опять придется ждать еще неделю.

[1] Публикуемое письмо написано на обороте следующего письма Ф. Каппа к Герцену, которое мы приводим в переводе с немецкого**.

«Кельн, 19 февраля 1850 г.

Уважаемый друг!

Мы все еще на том берегу. Время идет, и дело и впрямь становится скучным, но все же с ним надобно, наконец, кончать. Вчера, вернувшись из поездки в Майнц, я застал прилагаемое письмо от Гофмана и Кампе, в котором тот излагает условия и планы сдачи на комиссию, толкуя их, конечно, по-своему. Теперь я уже ни в какой мере этому человеку не доверяю, насколько я понимаю, все его желания сводятся к тому, чтобы получить весь тираж 1-го и 2-го изданий книги за 200 талеров, или 750 франков. Из всех его разглагольствований явствует только одно, что если вы согласитесь сдать книги на комиссию — первый расчет с вами будет произведен не ранее июня *1851 г.*, и, следовательно, никаких денег до тех пор вы не получите.

Я не смею в данном случае принять какое-либо окончательное решение, считая, что ответственность слишком велика. Вы должны поэтому определенно высказаться, хотите ли: а) передать Кампе свое сочинение для издания на комиссионных основаниях. Тогда расчет за 800 экземпляров 1-го издания вы получите в июне 1851 г. и позднее, а тем временем можете, все же, распорядиться 2-м изданием, которое, на мой взгляд, необходимо.

Или же: б) уступить Кампе настоящее издание и право на следующее за общую сумму в 200 талеров. Тогда, по крайней мере, все расходы по изданию лягут на них, и они должны будут позаботиться о его распространении и популяризации.

Сообщите, пожалуйста, *немедленно*, что вы решили. Вы должны ответить мне тотчас же, в тот же день, когда получите письмо, ибо 23-го, самое позднее 24-го, я отправляюсь в путешествие в Америку и хотел бы успеть еще привести в порядок это столь затянувшееся дело. Я поеду, вероятно, через Париж, и тогда мы сможем подробнее договориться устно.

«Эпилог» лучше всего было бы оставить теперь для 2-го издания «С того берега». Опечаток, которые рассердили вас в «Эхо», насколько я знаю, нет в подлиннике.

Если мне придется ехать через Остенде и Лондон, то, во всяком случае, еще раз напишу вам. Передайте мой лучший привет всем вашим.

У меня дел свыше головы. Будьте здоровы.

Ваш Фр. Капп

Издатель продал шестьдесят специально выпущенных экземпляров того номера, в котором напечатано «После грозы». Для Кёльна это много».

[2] Виконт Шарль-Виктор-Прево *д'Арленкур* (1789—1856)— реакционный романист и публицист, автор вышедшей в 1848 г. брошюры, на заглавие которой — «Dieu le veut» («Бог хочет этого») — иронически намекает Герцен.

* стиль Каппа из доброго города Кёльна (франц.).

** Перевод Н. Д. Эфрос.

57

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

25 février 1850. Paris

Eh bien, va pour Nice — mais je ne désespère point de la possibilité de Grasse ou de⟩ Cannes, ensuite cela ne vaut pas la peine d'en parler — tout cela est à deux pas. Et on peut se concerter sur lieu.— Moi je n'ai rien non plus contre l'Espagne, passer une année, dans une petite ville au bord de la mer— mais pour fixer un point de départ, je répète — Nice a tous les avantages.

L'affaire du billet me suffoque, Paris m'étouffe — je ne suis pas à mon aise ici, je me fâche tous les jours. Et les hommes que je vois sont tellement inférieurs aux orangs-outangs et dégoûtants — daß ich mich sehne heraus, heraus, und doch kann wieder etwas kommen, was mich noch ein Monat hier warten läßt.

Bamberger a trouvé un négociant grec qui veut se charger de mon affaire concernant la terre. [1] Et qui a déjà écrit à Pétersbourg pour avoir les renseignements — peut-être j'irai seul pour une semaine à Londres [2].

Emma est probablement en route, elle nous fera à présent l'Ilyade — *après avoir fait l'Odyssée. Je ne vois plus la jeunesse dorée qui voltigeait près* de Pénélope, pas même la rédaction [3], et j'en suis enchanté — et je ne veux plus écrire. Ta main.

J'ai voulu t'envoyer un discours très remarquable d'un Donato ⟨!⟩ Cortès (à Madrid)[4]— mais j'en ai besoin, je veux écrire quelques mots là-dessus. Voilà la *desperatio* et le cri sauvage de la peur. Le fond de tout ce qu'il dit, c'est qu'il n'y a qu'un seul moyen de sauver la société— c'est l'armée permanente. Le soldat et le prêtre! L'autorité et l'obéissance passive. L'église et la caserne ne sont pas si loin l'une de l'autre — c'est le culte de l'abnégation. Le soldat est moine etc., etc.— Silence complet, l'armée écrasant le peuple, ou — dit-il — la Russie victorieuse sur tout le continent. Qu'en dites vous?..

Перевод:

25 февраля 1850 г. Париж

Ну хорошо, пусть Ницца, но я отнюдь не теряю надежды на возможность Граса или Канна, вообще же об этом и говорить не стоит — одно от другого в двух шагах. Можно столковаться на месте.— Я лично и не против Испании на год, в маленьком городке на берегу моря, но в качестве исходной точки, повторяю, у Ниццы все преимущества.

Дело с билетом меня давит, Париж душит,— мне здесь не по себе, я по целым дням злюсь. А люди, с которыми я вижусь, настолько хуже орангутангов и отвратительны, что я рвусь и рвусь отсюда, и все же опять может что-нибудь случиться, что удержит меня здесь еще на месяц.

Бамбергер нашел какого-то греческого купца, который хочет взяться за мое земельное дело [1] и который уже написал в Петербург, чтобы получить справки. Может быть, я поеду один на неделю в Лондон [2].

Эмма, вероятно, еще в пути. Разыграв перед нами Одиссею, она разыграет теперь Илиаду. Я уже не вижу золотой молодежи, порхавшей вокруг Пенелопы, и даже самой редакции[3], чему я очень рад — и не хочу больше писать. Твою руку.

Я хотел было послать тебе весьма замечательную речь некоего Донато⟨!⟩ Кортеса (в Мадриде) [4], но она мне нужна, я хочу написать об этом несколько слов. Вот оно — desperatio * и дикий крик ужаса. Смысл всего того, что он говорит, таков: существует лишь одно средство спасти общество — это постоянная армия. Солдат и поп! Власть и пассивное повиновение. Церковь и казарма не так уже далеки друг от друга — всё тот же культ самоотречения. Солдат —тот же монах и т. д., и т. д.— Полнейшее безмолвие, войска, подавляющие народ, или — говорит он — победоносная Россия на всем континенте. Что вы на это скажете?..

* отчаяние (лат.).

[1] Эта попытка организовать продажу костромского имения Герцена, на которое правительством было наложено запрещение, потерпела неудачу.

[2] Поездка Герцена в Лондон не осуществилась.

[3] Речь идет о редакции «Voix du Peuple», с которой поддерживала отношения Эмма Гервег. Герцен с горечью отмечал, что редакция «Voix du Peuple», получив от него залог, изменила свое отношение к нему как редактору иностранного отдела.

[4] Хуан-Франциско *Доносо Кортес* маркиз де Вальдегамас (1809—1853) — испанский политический деятель и реакционный публицист. Статья Герцена, озаглавленная «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас и Юлиан, император римский», появилась в № 167 газеты «Voix du Peuple», от 18 марта 1850 г. В примечании к первому русскому изданию «С того берега» (1855), в которое Герцен включил эту статью, он писал: «Речь Донозо Кортеса, испанского посланника, сначала в Берлине, потом в Париже, была напечатана в бесчисленном количестве экземпляров ⟨...⟩ Я тогда был на время в Париже и в самых близких сношениях с журналом Прудона. Редакторы предложили мне написать ответ; Прудон был доволен им...» (изд. АН, т. VI, стр. 142).

Отметим, что еще в № 147 «Voix du Peuple» от 26 февраля 1850 г. в анонимной заметке без названия, помещенной на второй странице, упоминалось о намерении напечатать в «Voix du Peuple» ответ Донозо Кортесу. Автором этой заметки, по нашему мнению, был Герцен. Приводим ее здесь полностью в нашем переводе:

«Что иногда удивляет нас в органах *монархического гебертизма* — это не их мнения (нам они слишком хорошо известны),—а наглость их полемики, гнусный цинизм их доносов. Им следовало бы брать пример с г. Донозо Кортеса, словоизвержения которого они приняли с таким сочувствием и который, однако, проповедуя контрреволюционные учения, умеет, по крайней мере, облекать их во фразы, кои честный человек может читать, не краснея.

Г-н Донозо Кортес, которому, впрочем, мы ответим в одном из наших следующих номеров, полностью протестуя против свободы, не унижается до рыночного языка, до наглых личностей, просочившихся под охраной полицейской дубинки, до клевет, не щадящих ни узников, ни изгнанников. Разве нет там жандармов, чтобы бросить в карцер первых или травить вторых?

Поистине, для того, чтобы дискуссия с этими господами была возможна, каждое их слово не должно было бы звучать как тот презренный металл, которым контрреволюция оплачивает их услуги. Это памфлетисты сточных труб, черпающие свои обвинения в самых отвратительных источниках, в дружеских сообщениях шпиков, гордящихся своим званием, словно публичные девки, выходящие из Сен-Лазара.

Можно ли, например, серьезно спорить с французской газетой, благословляющей небо за то, что оно дало „Радецкого Австрии"; благословляющей кроатов, „варваров, энергия которых необходима для расслабленных цивилизаций"!

Мы уверены, что сам генерал Шангарнье должен был испытать минутное отвращение при виде своего имени, связанного с именем Радецкого.

Можно ли спорить с листком, который в пятидесятый раз возвращается к „убийствам, совершенным Маццини", не называя ни одного. Эти пасквилянты очень хорошо знают, что Маццини не имел ни прямого, ни косвенного отношения к какому бы то ни было убийству, что он был совершенно непричастен к убийству Росси, что в Риме во время республики не было ни одной казни. Мы предлагаем им привести имена, представить нам достоверные подробности.

Нам известен только один убийца, имевший сношения с Маццини, — это тот, который был послан в Женеву достойным представителем политики кариньянской династии, с целью убить знаменитого римского триумвира. И они повторяют эти усыпляющие сказки, тогда как революции последнего времени, великодушные и милосердные, пощадившие убийц из Галиции, были задушены под развалинами Брешии и на эшафотах Венгрии!..».

58

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

27 février 1850. Paris

Enfin cette malheureuse affaire du billet commence à me rendre demi-fou. Rien n'est fait autant pour m'enrager que l'attente. Hier R⟨otschild⟩ a reçu une réponse de G⟨asser⟩ — eh bien, rien, absolument rien. Voilà, pour la seconde fois que la banque ne veut pas donner de réponse, elle l'ajourne sans aucun motif. G⟨asser⟩ pense qu'elle demande des instructions d'en haut, et promet d'écrire dans une semaine.—Tout le monde s'étonne chez R⟨otschild⟩— je ne m'étonne de rien, mais je suis las, je suis furieux, et loué comme mon patron S. Prométhée — à Paris que je désire quitter.— Pour cette affaire c'est un grand avantage, que tu restes encore à Zurich,

c'est bien possible qu'il nous faudra faire une démarche près du ministre de Wurtemberg[1].—J'attends seulement une réponse définitive.

Emma m'invite à Zurich. C'est impossible et je ne vois pas trop bien le but. Nous ne sommes pas à présent au temps de faire exécuter chaque fantaisie qui nous passe par la tête.— Après l'affaire j'irai partout, à Nice, à Barcelone—avant la fin je reste ici ou à Londres — peut-être même à Stuttgart. Je ne réponds pas à Emma directement parce que je crois qu'elle est en route.

Adieu, je ne suis pas assez gai pour écrire.

Choisissez un endroit — allez-y, installez-vous — et nous viendrons après — après quoi—*chi lo sa*, peut-être après trois mois.

P. S. Par qui avez-vous envoyé les livres pour Paris[2] — Ni la poste, ni Franck n'en savent rien?

Перевод:

27 февраля 1850 г. Париж

Это несчастное дело с билетом, в конце концов, превращает меня просто в полоумного. Ничто меня так не бесит, как ожидание. Вчера Р⟨отшильд⟩ получил ответ от Г⟨ассера⟩, и ничего, абсолютно ничего. Уже вторично банк не желает давать ответа, он оттягивает его без всякого объяснения. Г⟨ассер⟩ думает, что банк ждет указаний свыше, и обещает написать через неделю.— У Р⟨отшильда⟩ все удивляются этому.— Я же ничему не удивляюсь, но я устал, я вне себя и, как мой патрон св. Прометей, прикован к Парижу, который желаю покинуть. Очень большой выигрыш для дела то, что ты еще в Цюрихе; вполне возможно, что нам надо будет обратиться к вюртембергскому министру[1]. Я жду только окончательного ответа.

Эмма приглашает меня в Цюрих. Это невозможно, да я и не совсем понимаю, зачем это нужно. Сейчас не те времена, когда можно приводить в исполнение любую фантазию, какая взбредет в голову.— После решения дела я поеду куда угодно, в Ниццу, в Барселону,— до решения же останусь здесь или в Лондоне. А может быть, даже и в Штутгарте. Я не отвечаю самой Эмме — я думаю, она находится в дороге.

Прощайте. Мне не настолько весело, чтобы писать.

Выбирайте место, поезжайте туда, устраивайтесь, а мы приедем после — а когда — chi lo sa *, может быть через три месяца.

P. S. С кем вы переслали книги в Париж? — Ни почта, ни Франк ничего о них не знают?

[1] Мать Герцена, Луиза Ивановна Гааг (Гаак) была вюртембергской подданной.

59

ГЕОРГУ И ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

1 mars 1850. Paris

Eh bien, nous sommes parvenus, clopin-clopant, jusqu'au mois de Mars, et tout le monde parle de la guerre pour faire la cour à l'honorable général de l'Olympe, qui a été incarcéré de la manière la plus humaine que je connaisse, in *carcere molle*, par Vulcain... L'exorde n'est pas mauvaise, comme tu vois, *caro* Georges... poursuivons. Hier à 11 heu⟨res⟩ du matin entra dans ma chambre Kapp, en me demandant si je ne voulais pas lui dicter l'épilogue, tout-à-fait comme s'il n'avait jamais quitté nous autres que pour une demi-heure [1]. Ensuite il m'a demandé ce que nous avons résolu avec la brochure, moi je lui ai dit que je t'ai écrit là-dessus. Moi je consens s'il le faut de donner en *Verlag* à Campe (qui n'à pas écrit la découverte de l'Amérique par Robinson)[2] — il veut payer 200 T⟨aler⟩, tant mieux, les frais seront couverts. Faites envoyer l'argent chez ma mère. Le succès des fragments imprimés

* кто знает (итал.).

dans quelques feuilles a été très grand. Kapp veut aller à pied jusqu'à New-York, il cherche un endroit guéable à traverser l'Océan, ce qui ne sera pas difficile vu sa longueur immense; par bonheur le podesta de Cologne ne lui a pas chargé les épaules de sa fille, il veut voir comment Kapp s'installera, comment il s'enrichira et alors lui donner pour la bonne bouche (lorsqu'il n'aura plus de dents) la beauté prussienne. Il espère entre autres que l'Amérique sera aussi châtiée et incorporée à la Prusse sous le nom de Brandebourg maritime. Je sais tout cela par clairvoyance.

A présent parlons des affaires. J'attends une lettre de mon chargé d'affaires pour le 6 ou le 5 de ce mois (au reste, tu sauras ce qu'il écrit avant moi, la lettre sera adressée chez ma mère). Eh bien, il y a deux cas. 1) Ou après avoir épuisé tous les faux-fuyants bureaucratiques, la banque payera. Alors libre individuellement, j'irai tout de suite, une semaine après la réponse, au Sud de la France, et je chercherai des maisons près de Nice (ou enfin à Nice-même, nous en pourrons traiter mille fois), je suis même d'avis d'acheter tout bonnement une petite campagne avec un jardin près de la mer.

Mais voilà que vient le 2e cas. Si on refuse le payement sous un prétexte quelconque — ce qui est très probable, — voilà mon plan, je prierai Rotschild de sévir enfin avec toute son autorité, — il le fera. Mais alors il faut attendre une réponse. — 25 jours, au moins, et en cas de non-réussite s'adresser à Wurtemberg ou déterminer ma mère de faire un voyage. (Nous verrons cela d'après les termes de refus, s'il y en a un.) Pour toute cette affaire, mon éloignement au Sud serait pernicieux. Et si je ne peux longtemps rester à Paris, j'irai pour deux-trois mois dans une campagne des environs, — en cas de besoin j'irai seul en Angleterre ou en Belgique, mais je n'irai pas au Sud.

Puisque tu n'es pas tout à fait mal en Suisse, je crois que c'est prudent d'attendre, jusqu'à ce que la guerre ne donne de véritables inquiétudes. — Voilà tout le plan... Je t'embrasse de tout mon cœur.

D'après les lettres de ma mère, je crois que ces lignes vous trouveront encore à Zurich, chère Emma, et vous pensiez que je vous ai crue lorsque vous m'aviez dit que vous alliez pour 2 jours et autant de nuits. — Horace se conduit parfaitement bien, vous savez que je suis un peu sévère avec lui depuis l'histoire de la récidive de l'incendie — mais en vérité on ne peut rien désirer de plus d'un enfant de son âge. Vous avez agi en véritable Caïn avec Abel [3], figurez-vous qu'il court deux fois par jour donner des leçons des Champs Elysées à Montmartre — il est devenu plus petit et plus humide; pour lui vous pouvez être sûre qu'il vous attend comme Héro attendait Léandre [4], c'est-a-dire comme vous attend

Alexandre

Рукой Н. А. Герцен:

Moi aussi, je t'attends, Emma, je m'ennuie sans toi, je ne vais nulle part, je ne vois et ne veux voir personne excepté Ada et Horace. — Hier il faisait un temps magnifique, nous sommes allés place de la Bastille; que j'étais heureuse de respirer le printemps; j'ai pensé aussi beaucoup aux deux maisonnettes — quand donc, quand donc?

Das Land, wo die Zitronen blühn [5].

Je voudrais y mourir, je ne voudrais plus revoir

Свод небес зелено-бледный,
Скуку, холод, etc... [6]

A vous de cœur, et d'âme, et de corps.

N.

«КОЗНИ Г-НА КАРЛЬЕ»

Карикатура высмеивает провалившуюся провокационную затею Карлье — уничтожением деревьев свободы вызвать народное волнение

Гравюра Демóна с рисунка Бартеля

Под рисунком подпись: «Господин Карлье, тайно примкнув к демократам и социалистам, приказал спешно пилить деревья свободы для подогревания социалистических выборов. «Journal pour rire» от 27 февраля 1850 г.

Перевод:

1 марта 1850 г. Париж

Ну вот, с грехом пополам мы дожили до Марсова * месяца, и все заговорили о войне, чтоб угодить почтенному генералу Олимпа, который был в свое время заключен Вулканом in carcere molle** и содержался в темнице в самых гуманных из всех известных мне условий. Как видишь, вступление неплохое, саго Георг... продолжим. Вчера в 11 часов утра ко мне в комнату вошел Капп и спросил, не желаю ли я продиктовать ему эпилог,— совсем так, словно и не расставался с нами, разве только на полчаса [1]. Затем он спросил, как мы решили с брошюрой; я ответил, что написал тебе об этом. Я согласен, если нужно, отдать ее в Verlag *** Кампе (того, который не писал об открытии Америки Робинзоном) [2]; он хочет уплатить 200 т〈алеров〉 — тем лучше, это покроет издержки. Перешлите деньги моей матери. Отрывки, напечатанные в нескольких газетах, имели очень большой успех. Капп хочет идти пешком до Нью-Йорка, он ищет лишь, где бы перейти вброд океан, а, принимая во внимание его огромный рост, это не представит трудности; к счастью, подеста города Кёльна не навязал ему на шею свою дочку, он хочет сначала посмотреть, как Капп устроится, разбогатеет, а потом уж отдаст ему на закуску (когда у того совсем не останется зубов) прусскую красавицу. Он надеется, между прочим, что Америка также будет наказана и включена в состав Пруссии под названием Приморского Бранденбурга. Все это стало мне известно благодаря ясновидению.

Теперь поговорим о делах. 6-го или 5-го числа этого месяца я жду письма от моего поверенного (впрочем, ты узнаешь, что он пишет, раньше меня, ибо письмо будет ад-

---

* Каламбур: «Mars» (Марс) и «mars» (март) по-французски пишутся и произносятся одинаково.

** в тюрьму с облегченным режимом (итал.).

*** издательство (нем.).

ресовано моей матери). Итак, одно из двух. 1) Либо, исчерпав все бюрократические увертки, банк уплатит. Тогда я буду свободен и тотчас же, через неделю, по получении ответа, уеду на юг Франции и подыщу домики близ Ниццы (или даже в самой Ницце — мы это успеем еще тысячу раз обсудить); я даже склонен просто купить небольшую дачу с садом у моря.

Но вот и второй возможный случай. Если под каким-нибудь предлогом в уплате будет отказано, что весьма правдоподобно, то вот мой план. Я попрошу Ротшильда употребить, наконец, все свое влияние. Он это сделает. Но тогда придется ждать ответа, по крайней мере, дней 25, и в случае неуспеха обратиться в Вюртемберг или уговорить поехать ⟨туда⟩ мою мать. (Мы решим это в зависимости от мотивов отказа, если таковой последует). Мой отъезд на юг мог бы гибельно отразиться на всем деле. Если же мне нельзя будет долго оставаться в Париже, я уеду на два, на три месяца куда-нибудь поблизости в деревню, а в случае нужды поеду один в Англию или в Бельгию, но на юг не поеду.

Тебе ведь не так уже плохо в Швейцарии, думаю, поэтому, что лучше, осторожности ради, подождать до тех пор, пока не будет серьезных оснований опасаться войны.— Вот и весь мой план.

Обнимаю тебя от всего сердца.

Судя по письмам моей матери, эти строки застанут вас еще в Цюрихе, дорогая Эмма, а вы думали, что я вам поверил, когда вы говорили, будто едете на два дня и столько же ночей.— Горас ведет себя прекрасно. Вы знаете, что я стал несколько строже с ним, после повторившейся истории с пожаром, но, по правде говоря, нельзя ведь требовать большего от ребенка его возраста. Вы поступили с Абелем, как настоящий Каин[3]; представьте, он два раза в день бегает на уроки с Елисейских полей на Монмартр — он стал еще меньше и скромнее, уже в нем вы можете быть уверены: он ждет вас, как Геро ждала Леандра [4], иначе говоря, как вас ждет

Александр

Рукой Н. А. Герцен:

Я тоже жду тебя, Эмма, скучаю по тебе, никуда не хожу, никого не вижу и не хочу видеть, кроме Ады и Гораса.— Вчера была чудесная погода, мы ходили на площадь Бастилии. Как я была счастлива подышать весенним воздухом. Я тоже много думала о двух маленьких домиках,— когда же, когда же?

Das Land, wo die Zitronen blühn[5]*.

Я хотела бы там умереть и не хочу больше видеть

Свод небес зеленс-бледный,
Скуку, холод, и т. д.[6] **

Ваша сердцем, душой и телом

Н.

[1] Капп несколько месяцев не видался с Герценом.

[2] Герцен юмористически сопоставляет издателя Кампе с его однофамильцем — И.-Г. Кампе (1746—1818), немецким педагогом и детским писателем, автором переделки «Робинзона Крузо».

[3] *Абель* — парижский знакомый Герцена и Гервегов, вероятно немецкий эмигрант. Герцен назвал его в одном из писем к жене отвратительным «подхалюзным дураком», лишенным такта и деликатности (VI, 412). Фамилия Абель звучит по-французски, как имя Авель. Согласно библейской легенде Авель был убит своим братом Каином.

[4] *Геро* — жрица Афродиты, возлюбленная Леандра, переплывавшего каждую ночь Геллеспонт, чтобы попасть к ней на свидание.

[5] Стих из «Песни Миньоны» Гёте.

[6] Из стихотворения Пушкина «Город пышный, город бедный...», в котором дается характеристика Петербурга.

---

* Тот край, где цветут лимоны (нем.).

** Стихотворение процитировано Н. А. Герцен по-русски.— *Ред.*

60

ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

⟨Париж. 4 марта 1850 г.⟩

Cher G⟨eorges⟩, je t'en prie, envois cette lettre à Hess. Sa critique est très belle, sur un pareil terrain il y a possibilité de traiter encore une fois beaucoup de choses [1]. As-tu remarqué qu'aujourd'hui Charles-Edm⟨ond⟩, tout-à-coup, a raconté en partie tes aventures visionnaires[2]? *Cui bono—non lo so.* Польза — вред большой, comme disait un professeur de la minéralogie [3].

Etes-vous encore *an Ort und Stelle* — Emma, avez-vous lancé contre moi un anathème, une excommunication ou autre chose habituelle entre bons amis? Mais il n'y a rien à faire, moi je me soumets aux nécessités, avec variations, etc., etc. Vous êtes une musicienne parfaite, mais vous ne prenez qu'une seule note —les autres sont des cariatides, des paravents; les autres notes sont subordonnées d'après le *Grundton.*— Mais dans la vie, dans l'actualité et dans une pièce de musique cela ne va pas avec cette unité.

Donnez donc votre main, frappez-moi, mais aimez un peu beaucoup⟨!⟩.

Перевод:

⟨Париж. 4 марта 1850 г.⟩

Дорогой Г⟨еорг⟩, перешли, пожалуйста, это письмо Гессу. Его критика превосходна, с подобных позиций можно еще раз обсудить множество вопросов[1]. Заметил ли ты, что сегодня Шарль-Эдм⟨он⟩ вдруг рассказал частично о твоих визионерских приключениях[2] C.ui bono—non lo so*. Польза—вред большой, как говорил один профессор минералогии [3].

Все ли вы еще an Ort und Stelle**—Эмма, вы наверное уже предали меня анафеме, отлучили от церкви или сделали со мной еще что-либо в этом роде, как водится между добрыми друзьями? Ничего не поделаешь, я подчиняюсь необходимости во всех ее вариациях и т. д., и т. п. Вы превосходная музыкантша, но вы берете только одну ноту, остальные—лишь кариатиды, ширмы; остальные ноты подчинены Grundton'у***.— Но в жизни, в действительности, как и в музыкальной пьесе, все звучит не так однотонно.

Дайте же вашу руку, побейте меня, но любите меня немножко побольше.

[1] Речь идет о письме Герцена к М. Гессу от 3—4 марта 1850 г., в котором Герцен полемизировал с высказываниями Гесса по поводу «С того берега». Сохранившаяся переписка Герцена и Гесса, в том числе и это письмо, напечатана в «Лит. наследстве», т. 7-8, 1933, стр. 72—89.

[2] В № 153 «Voix du Peuple» от 4 марта была помещена заметка Хоецкого, в которой описывалась судьба ходатайства Гервега о выдаче ему визы для поездки в Париж (Герцен, играя словами, называет эту историю *визионерской*).

«Совсем недавно,— писал Хоецкий,— один швейцарский гражданин, изгнанный из Парижа, где он безупречно прожил восемь лет, написал министру иностранных дел, прося разрешить ему приехать сюда на несколько дней, чтобы привести в порядок свои дела, пришедшие в упадок вследствие произвола защитников собственности». Приводя далее отказ французского министра, утверждавшего, что Гервег «иностранец, замешанный во все германские и швейцарские анархические интриги, *член европейского революционного комитета*, находится, более того, в тесных сношениях с французскими эмигрантами в Швейцарии и, вероятно, настаивает на допуске во Францию, чтобы деятельно участвовать в происках своей партии», Хоецкий заключал: «Мы заявляем с полным убеждением и пониманием, с совершенным знанием дела, что это обвинение является с начала до конца не чем иным, как сплетением лжи. Ложь, что иностранец, о котором идет речь, замешан в какие-либо интриги; ложь, что он принимал когда-либо участие в заговорах как во Франции, так и в Швейцарии. Мы предлагаем властям поддержать перед судом справедливость наших утверждений и вызываем правительство обосновать свои обвинения хоть сколько-нибудь правдоподобными доказательствами...».

---

* Кому это на пользу—не знаю (лат. и итал.).—Далее три слова по-русски.—*Ред.*

** на месте (нем.).

*** основному тону (нем.).

[3] *Польза — большой вред...*— так говорил профессор Московского университета Алексей Леонтьевич Ловецкий. В «Былом и думах» Герцен писал о Ловецком: «У него были созданы неизменные рубрики для формулярных списков каждого минерала, от которых он никогда не отступал; случалось, что характеристика иных определялась отрицательно: «кристаллизация — не кристаллизуется, употребление — никуда не употребляется, польза — вред, приносимый организму» (изд. АН, т. VIII, стр. 127).

Приводя эти слова, Герцен имел в виду, что заметка Хоецкого принесет Гервегу несомненный вред и еще более ухудшит отношение к нему французского правительства.

61

ГЕОРГУ и ЭММЕ ГЕРВЕГАМ

⟨Paris.⟩ 4 mars ⟨1850⟩

Il pleut, il fait sombre... et je suis sombre. Je voudrais parler avec toi de beaucoup; j'ai une démangeaison terrible de raconter beaucoup,— j'ai un million de projets, entre autres — de faire des articles sur la philos⟨ophie⟩ allemande[1] pour les Français, et d'écrire contre les absurdités d'Em⟨ile⟩ Girardin[2], et aussi d'autres projets de ne rien faire,— à propos (à quel propos cela se rattache, je ne sais pas), écrivez un mot à Jacoby[3], ne peut-il pas envoyer *tanto poco V⟨om⟩ and⟨ern⟩ Ufer nach Moskau.*

J'ai la conviction que, bonne ou mauvaise, mais la réponse viendra avant le 10 mars — je t'assure que cette affaire est pour moi équivalente à la vessie enragée de Tourg⟨ueneff⟩ — Tourg⟨ueneff⟩ qui m'a impliqué par amour pour m-me V⟨iardot⟩[4] (pour faire une *captatio benevolentiae* du mari) dans un dédale de commérages et qui a ôté la virginité... (oh, n'allez pas croire qu'il en est capable avec le beau sexe) de mon fils puîné, en lançant son nom au S. Lazare[5] ⟨*1 нрзб.*⟩?

Kapp fit la même chose avec moins de tact — et avec plus d'acanichement et s'est encore plus engermanisé qu'il n'a été[6]. C'est un cadeau pour les naturalistes de New-York de voir un exemplaire si pur.

Рукой Таты Герцен:

Милый Гервег, это нехорошо, сказал, что напишешь, я плакала.

Тата

Перевод:

⟨Париж.⟩ 4 марта ⟨1850 г.⟩

Идет дождь, сумрачно... и я сумрачен. Хотелось бы поговорить с тобой о многом, меня просто подзуживает рассказать тебе множество вещей, у меня тьма планов, между прочим — написать для французов ряд статей о немецкой филос⟨офии⟩[1], написать против нелепостей Эм. Жирардена[2], а также и иные — планы ничего не делать; кстати (к чему это кстати я и сам не знаю), черкните несколько слов Якоби[3], не может ли он переслать tanto poco * «С т⟨ого⟩ берега» nach Moskau**.

Я убежден, что ответ — хороший или плохой — придет до 10 марта. Уверяю тебя, это дело для меня все равно, что воспаление мочевого пузыря для Тург⟨енева⟩ — Тург⟨енева⟩, который завлек меня, из любви к г-же В⟨иардо⟩[4] (ради captatio benevolentiae *** мужа), в лабиринт сплетен и который лишил невинности (о, не подумайте, что он способен на это с прекрасным полом!) моего младшего сына, произнеся его имя в С.-Лазаре[5] ⟨*1 нрзб.*?⟩.

Капп сделал то же, с меньшим тактом, но с большей, поистине собачьей злостью[6]; он еще больше онемечился, чем прежде. Такой чистокровный экземпляр — настоящая находка для нью-йоркских натуралистов ****.

[1] Этот замысел не был осуществлен Герценом.

[2] См. ниже письма №№ 63 и 71.

[3] Иоганн *Якоби* (1805—1877) — немецкий политический деятель, высоко ценимый Герценом. Будучи родом из Кенигсберга, находившегося невдалеке от русской границы

* немного (итал.).

** в Москву (нем.).

*** снискания благосклонности (лат.).

**** Русскую приписку Таты Герцен см. в основном тексте письма.— *Ред.*

и являвшегося одним из главных пунктов по переправке запрещенной литературы в Россию, Якоби мог оказать содействие Герцену в пересылке его книг через границу. С этой же целью Герцен обращался к Якоби и впоследствии (см. VI, 134—135).

25 февраля 1850 г. Н. А. Герцен писала Гервегу из Парижа: «Не знаю почему, я также часто думаю о Якоби — я его очень люблю, почему — сама не знаю. Александр совсем не писал ему, и мы не получаем от него писем» (подлинник на франц. языке).

[4] Полина *Виардо* — известная певица, жена французского литератора Луи Виардо.

[5] *С.-Лазар* — парижская женская тюрьма и тюремная больница. Так Герцен, по-видимому, называет здесь саркастически газету «National», напечатавшую упомянутые в примеч. 2 к письму № 55 строки о Коле Герцене.

[6] О каком печатном выступлении Ф. Каппа идет речь, не установлено.

62

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 5 mars ⟨1850⟩. Paris

Je ne puis t'exprimer comme cela m'était pénible de voir ton nom cité dans la feuille que tu m'as envoyée [1]. Les sacrés chiens, nos amis, gâtent tout, non seulement qu'ils ont gâté l'histoire du genre humain, ils gâtent l'existence des individus.— Tourg⟨ueneff⟩ lui-même est desolé (et c'est lui qui est le grand coupable de tout le vacarme), Viardot persiste à prouver une chose avec toute l'indélicatesse d'un bourgeois. Je serai enfin forcé de donner un démenti, même pour toi, j'écrirai une lettre à M. Schi— bel [2]. Et les f⟨...⟩ bêtes de notre chère rédaction ne peuvent rien imprimer sans ajouter de la rhétorique. Ils pensent que de subir un démenti n'est rien.— Laisse si c'est possible couler à fond cette histoire.

Kapp est un imbécile — et enfin il est parti pour l'Amérique, et a très bien fait.— Comment sans demander la permission faire des publications... comme Galeer nous a attaché à l'*Alliance* [3] — c'est inconcevable. On ne voit personne, on ne veut que du repos.— Mais dis-moi ce que je dois faire après la seconde bêtise inqualifiable du *National*?[4]

Je te remercie de toute mon âme pour ta lettre, elle m'a fait oublier un moment toute la bile qui s'accumule de plus en plus tous les jours. Je t'embrasse.

Personne n'est à la maison.

Перевод:

5 марта ⟨1850 г.⟩. Париж

Не могу выразить, как мне было тяжело, когда я увидел твое имя в присланной тобой газете [1]. Эти наши проклятые друзья портят все; они не только испортили историю человеческого рода, но портят жизнь отдельным личностям. Тург⟨енев⟩ и сам в отчаянии (а он именно и есть главный виновник всей суматохи), Виардо же с бестактностью буржуа упорно продолжает что-то доказывать. В конце концов я буду вынужден написать опровержение, даже насчет тебя; я напишу письмо г-ну Ши— белю*[2]. А⟨...⟩ дураки из нашей милейшей редакции не могут ничего напечатать, не разбавив риторикой. Они думают, что выслушать опровержение — ничего не стоит.— Если возможно, дай этой истории забыться.

Капп просто дурак, наконец-то он уехал в Америку, и очень хорошо сделал.— Как можно что-либо публиковать, не испросив на то разрешения... как это Галер втянул нас в «Alliance» [3]—уму непостижимо. Никого не видно, все хотят только покоя.— Но скажи, что я должен делать после вторичной неслыханной глупости «National»? [4]

От всей души благодарю тебя за письмо, оно заставило меня забыть на минуту мое дурное настроение, которое усиливается с каждым днем. Обнимаю тебя.

Дома никого нет.

[1] Какая газета была прислана Гервегом — точно неизвестно вероятней всего — «La Suisse». В ней речь шла об эпизоде, связанном с высылкой из Цюриха Коли Герцена. К этому делу оказался припутанным и Гервег.

* Шутка: окончание фамилии Шибеля («bel») по-французски означает «красавец».

[2] Написал ли Герцен к директору училища глухонемых Шибелю — не установлено.

[3] Альберт *Галер* (Galeer, 1816—1851) — швейцарский политический деятель и журналист, редактор газеты «L'Alliance des Peuples», названный Герценом в «Альпийских видах» «суровым апостолом» социализма (XIV, 782). Галер напечатал в списке сотрудников своей газеты имена Герцена и Гервега, не получив на это их согласия.

[4] Герцен имеет в виду следующую заметку, помещенную в «National» от 2 марта 1850 г. (см. выше примеч. к письмам №№ 55 и 61).

«Газета „La Suisse" опровергает сообщенную нами новость о высылке сына политического изгнанника — шестилетнего ребенка, находившегося в цюрихском учебном заведении.

Это опровержение „La Suisse" считает удобным представить нам, *не собрав никакой предварительной информации*. Мы позволяем себе не согласиться с этим опровержением.

Пусть же „La Suisse" сперва разузнает, а потом уже опровергает — это будет гораздо более логично. Что же касается нас — вот в чем можем мы ее заверить: рассказ, напечатанный в „La Suisse", был перепечатан (с несколькими небольшими уточнениями) в „Voix du Peuple". Кто же является автором этого сообщения, таким образом уточненного? — Отец высланного ребенка. На каком документе он основывался? На письме самого директора цюрихского учебного заведения».

Это выступление в печати (вероятно Л. Виардо), по мнению Герцена, могло возбудить неудовольствие швейцарских властей, обострять отношения с которыми он не считал целесообразным.

63

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

9 mars 1850. Paris

Cher Georges — *primo*, je ne bois pas de bière, ni beaucoup d'eau de vie, 2e je bois du beaune à 1.50 la bout⟨eille⟩, 2 par jour — total 3 fr⟨ancs⟩ de consommation. Il y a quelque chose de tellement lourd dans l'atmosphère que nous respirons ici, qu'il est difficile de te dire ce que je sens. Encore une fois — cela me rappelle physiquement le sentiment d'un désespoir sombre qui tombait quelquefois sur mon âme à Pétersbourg. Quand parviendrons nous, non dans la théorie, mais dans la conduite, à nous émanciper de l'intérêt que nous portons à ce monde qui en vérité n'a rien de commun avec nous? Est-ce que nous nous fâchons contre la bêtise d'un arbre, contre le caractère hargneux d'un loup? Et nous nous fâchons de la bassesse, du servilisme de l'homme — mais c'est son caractère spécifique; sans ces qualités humaines — il sera orang-outang. Mais ce n'est pas avec dépit qu'il faut accepter cela — mais avec sérénité.— Il y a un an j'écrivai: il faut donc ouvrir les yeux ⟨aux⟩ hommes, il faut leur prêcher l'approche de la mort [1] — ce temps n'est plus; la pourriture, la dissolution est là, personne ne se trompe à présent — pas même le s⟨aint⟩ père Donoso Cortès. Il faut du calme à présent. Le plus grand malheur objectif, nous l'avons souffert, en perdant espérance, foi, respect de notre propre passé. Et au lieu de cela, on n'est que plus tourmenté par le spectacle ignoble, blessant, outrageux. Je dépends extrêmement des impressions, je suis très *reizbar* par le milieu et ici ma pensée, mon âme ne me suffisent pas — trop froissé tous les jours, une inquiétude, une irritation perpétuelle me suffoquent.— Enfin nous sommes au 9, la sacrée réponse viendra donc un de ces jours [2]. La dernière lettre de Gasser, que j'ai lue moi-même, ne donne pas de bonnes espérances. Et le gouvernement de Wurt⟨emberg⟩ ne voudra pas trop s'avancer par le temps qui court.

Et pas une ligne de la Russie — et tout cela est si facile à savoir, si facile à écrire.

A propos, on dit assez positivement que Bacounine s'est sauvé de la prison [3].

Kapp continue même sur l'océan sa corréspondance avec Campe, je vous envoie une lettre qu'il m'a envoyée aujourd'hui. N'oublions pas de dire à Campe qu'à la seconde édition [4] il faut faire quelques corrections. L'épilogue est traduit.

J'ai entrepris encore une petite bluette poétique sous le titre *Emile Girardin et Emanuel Kant* pour lui dire qu'il est, non seulement mauvais républicain, mais mauvais dialecticien [5]. J'ai non seulement la possibilité mais la manie d'écrire des petites dissertations — à propos des petites bêtises qu'on répète dans les grandes feuilles.

As-tu envoyé les 700 ou 750 exemp⟨laires⟩ à Campe? Donne-lui la bénédiction pour la seconde édition.

Tu me demandes quelle histoire visionnaire, mais toute l'histoire avec le visa historique de ton passeport a été imprimé [6]. Quel est donc ce Delahodde *vice versa* qui me traite en banquier,— je n'ai jamais entendu parler de lui [7].

Tourgueneff «s'en va-t-en guerre» — il retourne à Pétersbourg (m-me Viardot va à Berlin et probablement poussera plus loin dans l'absolutisme boréal)[8]. N'est-il pas un héros; est-ce que les femmes ne lui doivent pas admiration, vénération, glorification... les autres devoirs il ne pourrait admettre, jusqu'à une correction de la vessie.

As-tu compris le quatrain magnifique de Pouchkine? [9]

Voilà tout, *caro mio*, je crois qu'à présent les choses iront un peu plus vite— et qu'enfin nous rentrerons dans quelque port — pour oublier pour une année au moins les tempêtes et les orages.

Ta main.

Nous avons vu et parlé ⟨à⟩ Léontine [10].

Перевод:

9 марта 1850 г. Париж

Дорогой Георг, primo я совсем не пью пива, а водки пью немного; 2. Я пью бонское вино по 1.50 за бут⟨ылку⟩, 2 бутылки в день, итого 3 фр⟨анка⟩ на пропитие. Есть нечто настолько тяжелое в атмосфере, которой мы тут дышим, что мне трудно описать тебе свое состояние. Повторяю — по физическому ощущению это напоминает мне то чувство мрачного отчаяния, какое временами овладевало моей душой в Петербурге.

«НЕ СЛИШКОМ ПРОЧНАЯ ТОЧКА ОПОРЫ!»

Карикатура, разоблачающая неустойчивое положение республиканского строя во Франции и рост влияния военщины. Республика изображена стоящей на скрещенных саблях; ее поддерживают Монталамбер (слева), Тьер (справа)

Рисунок Ш. Вернье

«Charivari» от 2 марта 1850 г.

«Республика во Франции погибла. Вся Франция поделена по-военному между четырьмя генералами» (Из письма к Георгу Гервегу от 19 февраля 1850 г.)

Когда же удастся нам не в теории, а на деле освободиться от интереса к этому миру, в действительности не имеющему ничего общего с нами? Разве мы сердимся на тупость дерева, на лютость природы волка? Но мы сердимся на низость, на угодливость человека — да ведь это составляет особенность его характера, без этих человеческих свойств он был бы орангутангом. И это надо принимать не с досадой, а спокойно.— Год назад я писал: «Надо же открыть людям глаза, надобно возвестить им приближение смерти»[1]; теперь уже не те времена, наступил распад, гниение, теперь никто уже не обманывается — даже св⟨ятой⟩ отец Донозо Кортес. Теперь нужно спокойствие. Самое большое несчастие общего порядка мы уже пережили, потеряв надежду, веру, уважение к собственному прошлому. А между тем мы еще больше терзаемся, глядя на все это гнусное, обидное, оскорбительное зрелище. Я чрезвычайно поддаюсь впечатлениям, я очень reizbar * к окружающей среде, и здесь уже мне не хватает ни моих умственных способностей, ни моих душевных сил — я ощущаю себя всякий день слишком уязвленным и задыхаюсь от беспокойства и вечного раздражения.—Наконец-то мы дожили до 9 числа, проклятый ответ придет, стало быть, в ближайшие дни[2]. Последнее письмо Гассера, которое я сам читал, не вселяет хороших надежд, а вюрт⟨емберг-ское⟩ правительство по теперешним временам не особенно-то захочет ввязываться.

И ни строчки из России, а все это так легко узнать, так легко обо всем написать.

Кстати, довольно определенно говорят, что Бакунин бежал из тюрьмы[3].

Капп даже на океане продолжает переписку с Кампе; посылаю вам письмо, которое он мне сегодня прислал. Не забыть бы сказать Кампе, что во второе издание[4] нужно внести некоторые исправления. Эпилог переведен.

Я задумал также маленькую поэтическую шутку под названием: «Эмиль Жирарден и Иммануил Кант», чтобы сказать ему, что он не только плохой республиканец, но и плохой диалектик[5]. Я не только располагаю возможностью, но одержим манией писать маленькие рассуждения по поводу маленьких глупостей, повторяемых в больших газетах.

Послал ли ты 700 — 750 экз⟨емпляров⟩ Кампе? Благослови его на второе издание.

Ты спрашиваешь, что это за визионерская история, да ведь вся история с исторической визой твоего паспорта была напечатана[6]. Кто же этот Делагод vice versa**, который принимает меня за банкира,— я о нем ничего не слыхал[7].

Тургенев «в поход собрался» — он возвращается в Петербург[8] (г-жа Виардо едет в Берлин и, вероятно, проследует дальше в глубины северного абсолютизма). Ну не герой ли он, и не обязаны ли женщины воздавать ему дань восхищения, преклонения, прославления... другой дани он не мог бы принять до приведения в порядок своего пузыря.

Понял ли ты великолепное четверостишие Пушкина?[9]

Вот и все, caro mio, я думаю, что теперь дела пойдут несколько быстрее, и мы войдем, наконец, в какую-нибудь гавань, чтобы хоть на год забыть бури и грозы.

Дай руку.

Мы видели Леонтину[10] и разговаривали с ней.

[1] В статье «Vixerunt!» с эпиграфом «Смертию смерть поправ», датированной «Париж, 1 декабря 1848 г.» (вошла в книгу «С того берега»), Герцен писал: «Проповедуйте весть о смерти, указывайте людям каждую новую рану на груди старого мира, каждый успех разрушения ⟨...⟩, указывайте, что ему нельзя выздороветь, что у него нет ни опоры, ни веры в себя ⟨...⟩; проповедуйте смерть как добрую весть приближающегося искупления» (изд. АН, т. VI, стр. 76).

[2] *Проклятым ответом* Герцен называет здесь ожидаемый результат переговоров фирмы Ротшильда с петербургским правительством по поводу векселя («билета»), принадлежавшего матери Герцена. См. об этом в ряде писем, входящих в настоящую публикацию.

[3] Слух о бегстве М. А. Бакунина из тюрьмы оказался ложным.

[4] Второе издание «Vom andern Ufer», которое Герцен предполагал выпустить в Германии, не осуществилось, так как оно было запрещено цензурой.

---

* чувствителен (нем.).

** наоборот (лат.).

[5] Памфлет «Эмиль Жирарден и Иммануил Кант», по-видимому, закончен не был, и рукопись его неизвестна. 3 марта 1850 г. Герцен сообщал М. Гессу: «... Я собираюсь сейчас написать небольшую статью против сумбура, проповедуемого Эм. Жирарденом по вопросу о большинстве и меньшинстве» («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 80).

[6] См. в примеч. 2 к письму № 60 заметку Хоецкого из «Voix du Peuple» по поводу отказа французского правительства выдать Гервегу визу на въезд в Париж.

[7] Люсьен *Делагод* (de la Hodde, 1808—1865) — журналист, соредактор газеты «La Réforme», разоблаченный в 1848 г. агент французской тайной полиции, автор мемуаров, в которых он старался «изобразить всю революцию как простой обман» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, 1931, стр. 297). Герцен сопоставляет с ним автора какой-то неизвестной нам статьи, назвавшего Герцена банкиром. К этому средству, употреблявшемуся с целью политической компрометации Герцена в глазах европейской демократии, его политические противники прибегали неоднократно.

[8] Тургенев уехал из Парижа в Россию только 12/24 мая 1850 г. Герцен шутливо уподобляет его герою французской народной песни, начинающейся словами «Мальбруг в поход собрался».

[9] О каком четверостишии идет речь — неизвестно.

[10] О встрече Герцена и его жены с *Леонтиной* см. ниже, в обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

64

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН

‹Paris.› 12 mars ‹1850›

Cher Georges! Moi je suis aussi triste et agité. Mais je n'ai pas le moindre désir d'y ajouter encore les éternelles questions subjectives.— Laissons cela.— Ce n'est pas beau de s'occuper de ses *cors* aux pieds de *l'âme* lorsque quelque chose de terrible s'accomplit. *Caro mio*! Il n'y a pas assez d'air, on ne peut respirer, *es ist schwühl*... le dernier moment, le plus grave est peut-être arrivé. *Oggi — o mai* [1].

Je ne vois personne... mais je flaire quelque chose, c'est instinctif. Oh, donnez au moins du repos à nous autres. Du repos et rien de plus. Peut-être ils en donneront à gogo...

Et pourquoi pas? *So untergehen wie diese Sonne... Ein Knabengedanke...* il n'y a qu'un genre de mort que je déteste, c'est

«Mourir pour la patrie» [2],

mais mourir sans foi.— Ma foi — alors il faut mourir sans demander grâce, de foie gras aux truffes... deux fois gras...

Mourir pour les truffes...

J'ai une migraine, un mal *de dent* et un mal dehors.

Le docteur a été chez moi, le docteur de Dresde [3]. Ce qui se fait est au-dessus de toute imagination. Je suis triste — триста раз.

Tu m'écris — et que le diable te punisse pour les nouvelles bêtises que tu as écrites. Mais est-ce que?..

Allons en Espagne... manger des portugalles.— Alles ist aufgeregt, «es brauset und... brauset».

Je continue sur la table *.

Montre cela à m-lle Ern qui te montre la langue russe, et oublie ta montre qui avance trop.

Марья Каспаровна. Два слова только, писать не хочется, нового об деле ничего. А здесь что-то так страшно с вчерашнего вечера, что-то такая хлопота в тишине, что мороз по коже... Что будет — то будет. Фи — где-нибудь бы сидел теперь в Новом Йорке без Капорцов [4], а впрочем, посмотрим, и всё ведь из Рыльска через Арша в Бресла [5].

Колю целую.

Маменьке сами расскажите...

* Следующий далее текст написан на отдельном листке.— *Ред.*

Перевод:

⟨Париж.⟩ 12 марта ⟨1850 г.⟩

Дорогой Георг! Я тоже опечален и взволнован. Но у меня нет ни малейшего желания добавлять еще к этому вечные наши личные дела.— Оставим это.— Нехорошо заниматься своими *душевными мозолями*, когда свершается нечто ужасное. Caro mio! не хватает воздуха, нечем дышать, es ist schwühl *...— наступила, быть может, последняя, самая решительная минута. Oggi — o mai.**[1]

Я ни с кем не вижусь... но что-то инстинктивно чую. О, дайте же нам, нам-то, хотя бы, покоя. Покоя и ничего больше. А может быть, они и дадут его, да уж свыше меры...

А почему бы и нет. So untergehen wie diese Sonne... Ein Knabengedanke...*** есть только один вид смерти, который я ненавижу, это

«Умереть за родину»[2],

но умереть без веры.— Верь мне, тогда лучше умереть с верой в гусиную печенку с трюфелями... это дважды верная смерть****...

Умереть за трюфеля...

У меня мигрень, меня мучит зубная боль внутри и все происходящее во вне*****. Доктор у меня был, доктор из Дрездена[3]. То, что делается, превосходит всякое воображение. Мне грустно — триста раз******.

Ты мне пишешь — и пусть тебя черт накажет за новые глупости, которые ты написал. Но разве?..

Едем в Испанию есть апельсины. «Alles ist aufgeregt, es brauset und... brauset» *******.

Продолжаю за столом.

Покажи это мадемуазель Эрн, которая показывает тебе русский язык, позабыв о твоих часах, а они очень спешат********.

[1] Герцен с тревогой ожидал результатов дополнительных выборов в Национальное собрание, которые, в значительной степени, должны были предопределить судьбы Франции. См. примеч. 4 к письму № 66.

[2] *«Умереть за родину»* — песня из драмы А. Дюма и О. Маке «Le Chevalier de Maison-Rouge», музыка Варнэ (1848). Герцен неоднократно подчеркивал свою ненависть к этому мещанскому шовинистическому гимну, почти полностью вытеснившему в это время героическую «Марсельезу». См. примеч. 3 к письму № 11.

[3] Кто был этот *доктор из Дрездена* — нам неизвестно.

[4] *Капорцем* Герцен шутливо называл Ф. Каппа.

[5] Смысл этой фразы неясен.

65

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 13 марта 1850 г.⟩

Et pourquoi donc tu *grübel* toujours? *Mut gefasst, und vorwärts*, comme disait Blücher le rétrograde [1].— *Es ist lebendiger geworden, sara che sara* — mais c'est mieux et Sara la conservatrice doit céder à Agar la trisoc[2].

---

* душно (нем.).

** Сегодня—или никогда (итал.).

*** Закатиться как солнце... Мальчишеская мысль... (нем.)

**** Сложная игра слов: «foi» (вера), «foie» (печень), «fois» (раз) произносятся по-французски одинаково; «grâce» пощада, «foie gras» (гусиная печенка), «gras» (жирный).

***** «mal de dent» (зубная боль) звучит как «mal dedans» (боль внутри).

****** «триста раз»— написано по-русски; «triste» (грустно) звучит по-французски схоже с «триста».

******* «Все в волнении, и бушует... и бушует» (нем.).

******** Игра слов: «montre» (часы) и «montre» (покажи, показывает) пишутся и произносятся по-французски одинаково.

Приписку к М. К. Рейхель на русском языке см. в основном тексте. — *Ред.*

Написано в круге:

Puisque tu parles des formats des lettres, je veux inventer quelque chose de nouveau pour te fâcher. Emma est arrivée. Ici les choses s'améliorent. Demain je t'écrirai plus.

18 $\frac{13}{III}$ 50.

Далее приписано:

On dit de Seiler[3] que c'est une canaille.

Tata te salue, «mon petit Herwegh Buxda...» (cité avec consci⟨ence⟩).

Перевод:

⟨Париж. 13 марта 1850 г.⟩

Зачем же ты вечно grübe*? Mut gefasst, und vorwärts**, как говорил пятившийся назад Блюхер[1]. Es ist lebendiger geworden***, sara che sara****— но это лучше, и консервативная Сарра должна уступить Агари ⟨*1 нрзб*⟩.[2]

Написано в круге:

Так как ты говоришь о формате писем, то я хочу придумать что-нибудь новенькое, чтобы тебя позлить. Эмма приехала. Обстановка здесь улучшается. Завтра я напишу тебе больше.

18 $\frac{13}{III}$ 50.

Далее приписано:

О Зейлере[3] говорят, что он подлец.

Тата посылает тебе привет, «мой маленький Гервег Буксда...» (процитировано добросо⟨вестно⟩).

[1] Гебгард-Лебрехт *Блюхер* (1742—1819) — прусский генерал, ведший боевые действия против Наполеона I и неоднократно отступавший. Русские солдаты прозвали Блюхера «фельдмаршал Форверц» за часто повторявшееся им в бою восклицание: «Vorwärts» («Вперед!»).

[2] По библейской легенде, жена патриарха Авраама — Сарра, не имевшая детей, уступила ложе египетской рабыне Агари, от которой родился Измаил, родоначальник арабского племени.

[3] Себастиан *Зейлер* (ок. 1810 — ок. 1890) — немецкий революционный эмигрант. Низкого мнения о нем был и К. Маркс (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, 1932, по указателю; см. также ниже письма №№ 66 и 71).

66

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Paris. 15 mars ⟨1850⟩

Wieder ein kleines Format, *cher boudeur*. Oh, wie ich recht hatte, *caro amico*, *lorsque je t'écrivai «Oggi o mai»*[1]. Alles ist in der vollkommenen Gärung, Titanen, Oceaniden, Boa Const⟨rictor⟩, Orleaniden, Soulouquiden, und weiß der Teufel was noch für Iden, die Iden des Märzes, oder Ida von Toggenburg— pour moi c'est *id*entique avec le mont Ida, et un Russe a droit de dire: «И да— и нет!»[2]

Oh, glaube nicht, daß ich spaße. Solche Tage haben wir noch nicht gesehen. Jetzt weder von Nizza, noch von Monaco — jetzt muß man dastehen und zusehen, was der alte Geist der Geschichte für einen Spaß angefangen hat, der progressive *Pulcinella*[3], der sich mit Blut schminkt. Aber mit dem Pariser Volke habe ich mich versöhnt...[4] Lese was ich an m-lle Ern schreibe und die Journal-Exzerpten. *A propos*, ich schicke ein Kompliment für die

* мудрствуешь (нем.).

** Не робейте, вперед (нем.).

*** Стало повеселее (нем.).

**** Будь, что будет (итал.). Каламбур: «sara» (по-итальянски «будет») звучит как библейское имя Сарра.

Schweiz, aus der *Assemblée-Nation⟨ale⟩* — diese Korrespondenz wird von russischen Spionen geschrieben [5]; bemerke, daß die Schweizer weiter gegangen sind, als die Russen wollten.— War der Schweizer in *K⟨arl⟩ Moor* ein Schweizer? [6] Ich glaube es nicht.

Ich bin aufgeregt bis auf einen fieberhaften Zustand... Wieviel *möchte* ich dir erzählen; vom 11 bis heute habe ich noch ein Stadium gemacht. Alles lebendige ist proteartig und man kann es nicht auf einmal fassen, jede Kategorie wird immer depassiert.— Glaube mir, daß den 11, sogar den 12, niemand wußte was für einen Character die Wahlen nehmen würden[7]. Die ganze kleine Bourg⟨eoisie⟩ hat für die Republikaner votiert— das ist das wichtigste. Und die Soldaten. Die Maßregeln, die man nehmen will, sind kolossal, das übertrifft alles, was bis jetzt geschehen ist.— Gestern war der alte Bernatzky [8] bei mir und er fürchtet, Paris verlassen zu müssen.— Nur ein fröhlicher Mann existiert auf der Welt und der ist Ivan Golovin. Bamberger schreibt mir, daß er — es heißt Gol⟨ovin⟩ — eine Kritik über mein Buch deutsch geschrieben hat [9], und fügt hinzu: «Er lobt sie schrecklich — schade, daß er aber auch gar nichts versteht».

Du hast gesehen, daß der Herr Petri hat geantwortet, in *V⟨oix⟩ d⟨u⟩ P⟨euple⟩*?[10]

Oh! wenn 5 Tage ruhig vorbeigingen, dann ist der Wendepunkt da, *et la pendule retombera.* Ich schreibe noch ein paar Worte um halb 5— wenn ich etwas haben werde.

Seiler soll ein sehr schlechter sein[11].

Егору Васильевичу

Перевод:

Париж. 15 марта ⟨1850 г.⟩

Опять маленький формат, cher boudeur*. О как я был прав, caro amico, когда писал тебе: «Oggi o mai»**[1]. Все в полном брожении: титаны, океаниды, боа-конст⟨рикторы⟩, орлеаниды, сулукиды и черт знает еще какие ⟨иды⟩—то ли мартовские Иды, то ли Иды фон Тоггенбург—для меня это *и*дентично горе Иде, а русский имеет право сказать: «И да и нет»!***[2].

О, не подумай, что я шучу. Таких дней мы еще не видывали. Теперь никакой Ниццы, никакого Монако—теперь нужно оставаться тут и наблюдать, что за шутку затеял старый дух истории, этот прогрессивный pulcinello[3], гримирующийся кровью. Зато с парижским народом я помирился[4]... прочти, что я пишу м-ль Эрн, и газетные вырезки. A propos****, посылаю приветствие по адресу Швейцарии из «Assemblée Nationale»—эта корреспонденция писана русскими шпионами [5]; заметь, что швейцарцы пошли дальше, нежели того хотели русские.— Был ли Швейцер в «К⟨арле⟩ Море» швейцарцем? [6] Не думаю.

Я возбужден до горячки... Как много *хотелось* бы мне рассказать тебе; с 11-го по сегодняшний день я прошел еще одну стадию. Все живое, подобно Протею, оно не постигается разом, каждая категория постоянно уступает место другой. Поверь мне, что 11-го и даже 12-го, никто еще не знал, какой характер примут выборы. Вся мелкая бурж⟨уазия⟩ голосовала за республиканцев [7]— это самое важное. И солдаты. Меры, которые собираются принять, необычайны, это превосходит все, что было до сих пор.— Вчера ко мне заходил старик Бернацкий [8], он боится, что будет вынужден покинуть Париж.— Один только веселый человек и существует на свете — это Иван Головин. Бамбергер пишет мне, что он, т. е. Гол⟨овин⟩, написал по-немецки критику на мою книгу [9] и добавляет: «Он страшно вас хвалит, жаль только, что он ровно ничего не понимает».

---

* дорогой капризник (франц.).
** «Сегодня или никогда» (итал.).
*** Слова: «И да и нет» написаны по-русски.— *Ред.*
**** Кстати (франц.).

Видел ли ты, что г-н Петри ответил в «V〈oix〉 d〈u〉 P〈euple〉»[10]?

О если бы пять дней прошли спокойно, тогда наступит и поворотный момент et la pendule retombera *. Я напишу еще несколько слов в половине пятого, если будет о чем.

Зейлер, должно быть, большая дрянь[11].

Егору Васильевичу **.

«ВИД, СНЯТЫЙ НА КЛАДБИЩЕ ПЕР-ЛАШЕЗ»

Карикатура, высмеивающая поражение реакции, во время дополнительных выборов в законодательное собрание 10 марта 1850 г., и реакционные газеты «La Patrie» и «Le Constitutionnel», оплакивающие это поражение

Рисунок О. Домье

«Charivari» от 26 марта 1850 г.

«...победа, одержанная Республикой, была огромна» (Из письма к Георгу Гервегу от 20 марта 1850 г.)

[1] См. выше письмо № 64.

[2] Цепь каламбуров, основанных на сопоставлении различных одинаково звучащих слов и имен. *Идами* у древних римлян назывался день в середине месяца (мартовские иды — 15 марта); *Ида* — название горных хребтов в Малой Азии и на Крите. *Орлеаниды* — сторонники Орлеанской династии; *сулукиды* — сторонники Луи-Наполеона, которого политические противники насмешливо называли именем негритянского императора Сулука.

[3] *Пульчинелло* — персонаж итальянского народного театра.

---

* маятник снова опустится (франц.).

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

[4] *Дополнительные выборы* в Законодательное собрание, состоявшиеся 10 марта 1850 г., закончились крупным успехом республиканцев — особенно в Париже, где большинство голосов получили Дефлет, Видаль и Карно, а кандидаты контрреволюции потерпели поражение. «10 марта было революцией,— писал Маркс,— за избирательными записками скрываются булыжники мостовой» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, 1931, стр. 84). Успех прогрессивных сил на выборах вскоре же вызвал еще большее обострение правительственной реакции.

[5] Герцен имеет в виду корреспонденцию, помещенную в № 74 реакционной парижской газеты «Assemblée Nationale» от 15 марта 1850 г., озаглавленную «Письма из Лондона». Она датирована 13 июня и подписана греческой буквой Ω.

Автор корреспонденции писал: «В смысле трусости надобно вам сказать, милостивый государь, ничто не сравнится в настоящее время с поведением швейцарских радикалов в отношении Европы; они в буквальном смысле гнутся в три погибели перед самыми мелкими изъявлениями желаний австрийской и прусской полиций; самые незначительные приказы этих двух правительств выполняются; эмигрантов преследуют, загоняют, и все это позволяет думать, что таким образом Швейцария в данный момент сможет быть пощажена». Отметим, что часть приведенной нами цитаты была перепечатана 17 марта 1850 г. в «Voix du Peuple», под названием «Царь в Швейцарии».

Мнение Герцена о том, что статья эта была написана «русскими шпионами», вероятно, основывалось на заключительных строках статьи, содержавшей апологию России как защитницы «европейского порядка». «Что придает огромную силу Австрии,— читаем мы в статье,—это то,что она получает честную и прочную поддержку со стороны России. Эта великая держава объявила, что не имеет ни малейшего честолюбивого замысла, свидетелем чему является ее поведение по отношению к Оттоманской Порте; все вопросы были окончательно урегулированы, даже вопрос о придунайских княжествах. Она сохраняет все свои силы для восстановления европейского порядка; она не есть и не хочет быть ничем иным, кроме арьергарда Австрии, сосредоточивающей свои войска, чтобы направить их в различные места, коим угрожает революция».

[6] *Щвейцер* — герой драмы Ф. Шиллера «Разбойники», которую Герцен называет здесь по имени ее главного героя — Карла Моора.

[7] Окончательные результаты выборов были напечатаны в газетах 14 марта 1850 г.

[8] Алоизий-Проспер *Бернацкий* (1778—1855)— польский политический эмигрант, один из руководящих деятелей польского восстания 1830—1831 гг. См. о нем в «Былом и думах» (изд. АН, т. XI, стр. 129—132).

[9] Упоминаемая здесь критическая статья И. Г. Головина остается неизвестной.

[10] 13 марта 1850 г. в № 162 «Voix du Peuple» появилось сообщение об изгнании из Цюриха одного из виднейших участников Баденского восстания Л. и других эмигрантов; это приписывалось интригам депутата федерального собрания Швейцарии Гонзальва Петипьера, бывшего секретаря Луи Бонапарта. На следующий день, 14 марта, в «Voix du Peuple» появилось письмо Петипьера к редактору газеты, где он отрицал свое участие в репрессиях против эмигрантов и уверял, что полон сочувствия к изгнанникам и голосовал против этих мер. — Фамилия *Petit-Pierre* означает по-французски «маленький камень»; *Petra* — камень по-латински. Вероятно, Герцен в шутку или из конспиративных соображений передал его фамилию в латинском переводе. См. о Петри также в письмах №№ 16 и 18.

[11] О *Зейлере* см. в письмах №№ 65 и 71.

67

ЭММЕ ГЕРВЕГ

<Париж. 15 марта 1850 г.>

Der Herr Hofrat Herzen (von) hat die Ehre, die gnädige Frau Emma Herwegh demütigst zu benachrichtigen, daß man den hochschätzbaren Paß Ihres glücklichen Gatten nach Nizza visiert hat. Was dem Sie hochschätzenden Überbringer dieser Nachricht die größte Freude macht, denn jetzt werden wir alle wieder nach Paris kommen.

Die Iden des Märzes[1]

Перевод:

<Париж. 15 марта 1850 г.>

Господин надворный советник Герцен (фон) имеет честь покорнейше уведомить милостивую государыню Эмму Гервег, что высокоценный паспорт ее счастливого супруга на поездку в Ниццу визирован, что весьма радует высокопочитающего ее доставителя сего известия, ибо теперь все мы снова съедемся в Париже.

Иды марта[1]

[1] *Иды марта* — 15 марта.

68

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Можешь читать

⟨Paris.⟩ 16 März 1850

Егор Васильевич, вы играете в шахматы? — Так вот что сделалось: оба сказали *мат* [1]. So etwas sonderbares kann man sich kaum denken: Die beiden Schritte sind immens. Die einen erkannten eine Kraft, eine Stütze, auf welche sie nicht rechneten,— die andern sprechen sich los von jeder Legalität, verwerfen jeden Schein; die einen flehen um Ruhe, um Ordnung — die andern sagen offen: «Sehen sie die Poltrons, sie wagen nicht».

Wenn ich dir sage, daß Guerlain, Giroux [2] und solche Menschen für die Sozial⟨isten⟩ votiert haben! Heute sprechen alle Journ⟨ale⟩ von der Beschuldigung des Prokurators gegen 3 reiche Negozianten, die er inkriminiert, durch Reden und Schriften zum Hasse der Regierung aufgewiegelt zu haben. Und der eine ist der Juwelier *Place de la Bourse*. Die roten Legitimisten sagen in der *Gaz⟨ette⟩ de France*, daß es nichts wunderbares ist, daß sie in manchen Fragen mit den Demokr⟨aten⟩ einverstanden sind, denn, fügen sie hin, wir sind ja nur die 2 serieuse Parteien, wir haben Principien und Überzeugungen.

Ist das nicht was Kurioses?

Man spricht von Zensur für die Tageblätter, von einer Proklamation der Majorität mit dem Präs⟨identen⟩, von ungeheuren Polizeimaßregeln. Andre hoffen Girardin's [3] Ministerium, die Masse benimmt sich außerordentlich.

Meine Frau ist wieder krank, hat sich erkältet — es ist sehr kalt seit einigen Tage.

Ich habe heute die *Briefe aus Italien* bekommen, 1 Exem⟨plar⟩ [4]. Sobald man noch schicken wird, werde ich dir ein Paar senden. Hoffmann schreibt mir einen Brief, er sagt daß einige «vortreffliche Rezensionen» «würden mir Freude machen», und daß er bereit ist, mir sie zu schicken. Sehen sie — was für ein Hofmann der Hoffmann ist, je voudrais toujours faire *camper* mes écrits chez Campe [5].

Qu'en pensez-vous?

A propos, schicke, ich bitte, auf Buchhändlerei... w⟨enigstens?⟩ *10* Exemp⟨lare⟩ «*Vom andern Ufer*» — nach Ham⟨burg⟩ H⟨err⟩n Kapp. Er schreibt (es heißt nicht er, sondern Kapp-*filius*) davon.— Vous comprenez que ce n'est pas Kapfigue [6].

L'article sur Donoso — pour lundi — si on ne tue pas la liberté de la presse par la presse de la liberté [7].

Прощайте. Лобызаю вас.

Den andern Bogen geben Sie ab.

Перевод:

Можешь читать

⟨Париж.⟩ 16 марта 1850 г.*

Егор Васильевич, вы играете в шахматы?— Так вот что сделалось: оба сказали *мат***[1]. Трудно представить себе нечто столь удивительное. Оба шага огромны. Одни увидели в этом силу, поддержку, на которую не рассчитывали; другие не желают признавать никакой законности, отказываясь от всякой ее видимости; одни молят о спокойствии, о порядке; другие открыто заявляют: «Посмотрите на этих трусов, они не решаются».

Представь себе, что Герлен, Жиру [2] и прочие им подобные голосовали за социал⟨истов⟩! Сегодня все газ⟨еты⟩ пишут, что прокурором предъявлено обвинение трем богатым негоциантам в том, что они своими речами и статьями разжигали ненависть

* Начало письма по-русски.— *Ред.*

** Далее по-немецки.— *Ред.*

против правительства. Один из них — ювелир с Place de la Bourse. Красные легитимисты заявляют в «Gazette de France», что в их единомыслии по некоторым вопросам с демократами нет ничего удивительного, ибо, добавляют они, только наши две партии и являются серьезными партиями, у нас есть принципы и убеждения.

Ну, не забавно ли это?

Ходят разговоры о цензуре для газет, о совместном заявлении большинства и през⟨идента⟩, о неслыханных полицейских мерах. Другие мечтают о кабинете Жирардена[3]; массы ведут себя необыкновенно.

Жена опять болеет, она простудилась,— уже несколько дней очень холодно.

Сегодня я получил «Письма из Италии», один экземпляр[4]. Как только пришлют еще, два вышлю тебе. Гофман написал мне письмо. Он сообщает, что некоторые «превосходные рецензии» «порадовали бы меня» и что он готов прислать мне их. Вы видите, что за царедворец этот Гофман*; je voudrais toujours faire camper mes écrits chez Campe**[5].

Qu'en pensez vous ***?

A propos****, пошли пожалуйста на книгоиздательство в Гамбург г-ну Каппу ⟨хотя бы⟩ 10 экземп⟨ляров⟩ «С того берега». Он пишет (то есть не он, а Капп-filius*****) об этом.— Vous comprenez, que ce n'est pas Kapfigue******[6].

Статья о Донозо — на понедельник — если свобода прессы не будет убита прессом свободы*******[7].

Прощайте. Лобызаю вас********.

Другой лист отдайте.

[1] Подразумеваются французский народ, «сказавший мат» реакционному правительству результатами выборов 10 марта 1850 г., и ответные меры правительства: назначение П.-Ж. Бароша министром внутренних дел и принятие Законодательным собранием реакционнейшего закона о передаче народного образования под контроль духовенства («закон Фаллу»).

[2] *Герлен* — один из членов-основателей Республиканского демократического общества.— *Жиру* — по-видимому, Пьер-Антуан Жиро-Пузоль (1794—1858), член Законодательного собрания.

[3] Об *Э. Жирардене* см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 524—525.

[4] Имеется в виду немецкое издание «Briefe aus Italien und Frankreich».

[5] Герцен шутливо называет издателя Кампе именем давно умершего его компаньона— Гофмана. Какие именно рецензии на «Briefe aus Italien und Frankreich» имел в виду Кампе — неизвестно.

[6] Жан-Ремон *Капфиг* (Capefigue, 1802—1872) — французский журналист и историк монархического направления.

[7] См. примеч. 2 к письму № 70.

69

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 17 mars ⟨1850⟩. Paris

Ma mère et m-lle Ern te diront les nouvelles concernant l'affaire et concernant Paris. Moi, j'ai peu à ajouter; merci pour la lettre de Fallmerayer[1].— Granov⟨sky⟩ m'écrit que les choses vont en Russie d'une manière terrible, que le despotisme, ivre de ses succès, a perdu même la honte. La lettre à toi

---

* «Hoffmann» (Гофман — имя) и «Hofmann» (царедворец) по-немецки звучат одинаково.

** Я по-прежнему хотел бы пристраивать свои сочинения у Кампе (франц.). В подлиннике каламбур: «camper» (пристраивать) и «Campe» (фамилия издателя) по французски звучат одинаково.

*** Что вы об этом думаете? (франц.).

**** Кстати (франц.).

***** сын (лат.).

****** Вы понимаете, что это не Капфиг (франц.).— Каламбур: сопоставляются фамилии Каппа и Капфига.

******* Далее по-русски.— *Ред.*

******** Далее — приписка по-немецки.— *Ред.*

sur la Russie a beaucoup plu, mais on la trouve trop courte et on me reproche d'avoir fait mention de Golovine (!!!)[2]. Il m'écrit qu'il y a une comédie nouvelle, écrite par un jeune homme Ostrovsky (il est, je crois, dans le nombre de ceux qui ont été condamnés pour la conspiration de 49)[3] — qui n'est que le cri de rage et de haine contre les mœurs russes; il parle de cette production comme d'un succès démonique, la pièce a été supprimée, le titre «Свои люди, сочтемся» (*Nous sommes entre nous, nous ferons nos comptes*). C'est une famille où 3 générations trompent mutuellement l'une l'autre, le père trompe la fille, le fils, le père etc..., et l'être qui les trompe tous est une jeune fille de 18 ans, qui a encore moins de cœur et d'âme que les 3 générations.

Ici les affaires ne vont pas mal. Un caractère tout nouveau. Paris est méconnaissable — on ne peut rien dire. Attendons avec les décisions.

Peut-être je t'aurais écrit beaucoup plus, mais une fumée terrible remplit toute la chambre.— Oh que ces petites misères tuent un homme. Ma femme est derechef malade, elle te salue. Un froid terrible, les cheminées fument, et je n'ai pas de trou où me cacher, pas envie pour aller dans quelque café.

Je t'envois un échantillon de l'*Evénement*. Veron[4] dit qu'il se fera socialiste dès que le gouvernement aura proposé la loi sur la presse. Pr⟨oudhon⟩ est furieux, à ce que l'on dit, d'être obligé à se taire, son état d'emprisonnement est toujours le même.

Je suis triste, fumé comme un hareng de Hollande, je ne peux plus t'haranguer même en t'écrivant.

Et le Fallmerayer ou auteur mélancolique — et je ne sais quel lique.

A propos, la *Patrie* a dit hier: «Nous bénissons l'épée qui exterminera les ennemis de la société». Qu'en dites-vous de ces cannibales, de ces Cartouches[5] littéraires?

Je t'embrasse, *caro mio*.

Sacha t'a écrit une longue lettre, mais je lui ai dit qu'il devait la transcrire parce qu'envoyer une lettre sale et chiffonnée, c'est la même chose que de faire une visite sans culotte. Et bien, je te l'enverrai demain — sans rien changer.

Tata te salue. Elle a vu un songe aujourd'hui qui l'a frappée, la mort de ma femme, et bien je lui ai dit: «Mais voudrais-tu mourir à sa place?»— «Oh que non»...— «Mais si on te donnait le choix?» — «Alors j'aurais choisi un chien».— Voilà la dernière anecdote de Tata.

Ton opinion sur l'article de Bamberger[6]?

Ich glaube, daß man dem Zürcher zahlen kann, nachdem man von Campe bekommen wird. Au reste, comme tu veux.

Перевод:

17 марта ⟨1850 г.⟩. Париж

Моя мать и м-ль Эрн расскажут тебе новости о деле и о Париже; сам я мало что могу прибавить. Спасибо за письмо Фальмерайера[1]. Гранов⟨ский⟩ пишет мне, что события в России приняли ужасный оборот, что деспотизм, опьяненный своими успехами, потерял всякий стыд. Письмо к тебе о России очень понравилось, но его находят слишком кратким и упрекают меня за упоминание о Головине (!!!)[2]. Он ⟨Грановский⟩ пишет, что появилась новая комедия, написанная молодым человеком, некиим Островским (если не ошибаюсь, он был в числе осужденных за участие в заговоре 49-го года)[3], его комедия — крик гнева и ненависти против русских нравов; он отзывается об этом произведении, как о дьявольской удаче; пьеса была запрещена, название ее «Свои люди — сочтемся»*. Это семья, где три поколения взаимно обманывают друг друга: отец обманывает дочь, сын — отца и т. д., а всех их обманывает молоденькая 18-летняя девушка, существо еще более бессердечное и бездушное, чем все 3 поколения.

---

* Название комедии написано по-русски.— *Ред.*

Здесь дела идут неплохо. Новые черты во всем. Париж неузнаваем, но ничего нельзя еще сказать. Подождем делать выводы.

Я написал бы тебе, может быть, и много больше, но вся комната у меня в страшном дыму. — Ах, до чего убийственны эти мелкие невзгоды! Жена опять больна, она тебе кланяется. Ужасный холод, камины дымят, а у меня нет норы, чтобы укрыться, идти же куда-нибудь в кафе не хочется.

Посылаю тебе для образца «L'Evénement». Верон[4] говорит, что сделается социалистом, как только правительство предложит закон о печати. Пр⟨удон⟩, по слухам, в ярости от того, что вынужден молчать, — условия заключения у него прежние.

Я печален, прокопчен, как голландская селедка, и не могу даже письменно отчитать тебя*.

А Фальмерайер — писатель меланхолический или, не знаю, какой еще «ический».

Кстати, «La Patrie» вчера заявила: «Мы благословляем меч, который истребит врагов общества». Что ты скажешь об этих каннибалах, об этих литературных Картушах[5]?

Обнимаю тебя, caro mio.

Саша написал тебе длинное письмо, но я сказал, что его нужно переписать, ибо послать грязное, измятое письмо — все равно, что явиться в гости без штанов. Итак, я пошлю тебе его завтра, ничего не исправляя.

Тата тебе кланяется. Сегодня ей приснился поразивший ее сон, будто моя жена умерла. Я спросил: — «Ну, а ты согласилась бы умереть вместо нее?» — «О, это уж нет».— «А если бы тебе пришлось выбирать?» — «Тогда я выбрала бы собаку».— Вот тебе последний Татин анекдот.

Какого ты мнения о статье Бамбергера?[6]

Я считаю, что цюрихцу можно заплатить после получения от Кампе. Впрочем, как хочешь.

[1] Якоб-Филипп *Фальмерайер* (1790—1861)— немецкий историк и путешественник.

[2] Это упоминание о И. Г. Головине и Н. И. Тургеневе, приводимое нами в примечании к письму № 26, осталось в немецком издании «Vom anderen Ufer», но было исключено из французского перевода «Письма к Г. Гервегу» («La Russie»).

[3] А. Н. Островский никакого отношения к делу петрашевцев не имел.

[4] Луи-Дезире *Верон* (1798—1867) — редактор ежедневной радикальной газеты «L'Evénement». В автографе фамилия Верона взята в кавычки.

[5] *Картуш* (Луи-Доминик Бургиньон, 1693—1721) — прославленный главарь воровской шайки. Имя этого ловкого и бесстрашного преступника сделалось нарицательным.

[6] Речь идет о статье «Lettre sur l'unité allemande et le parlement d'Erfurth» («Письмо о германском единстве и эрфуртском парламенте»), напечатанной в прибавлении к «Voix du Peuple» от 4 и 11 марта 1850 г., за подписью *Un Allemand* (*Немец*).

70

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

19 März 1850. Paris

Oh, ich unglückseliger Atlas[1], weiß der Teufel, was ich für einen Lärm machte mit den Paar Zeilen[2], — jetzt ganz gewiß sehen wir uns bald wieder und das noch in der Schweiz. In Wahrheit wird mein Leben hier nicht mehr so unentbehrlich wie früher, der große und letzte Wurf ist gemacht. Rot⟨schild⟩ klagt über den Lombard. Sollte man ihm doch abschlagen, so ist hier nichts zu machen, alles in Würtemb⟨erg⟩; sollte man d⟨as⟩ Geld einkassieren— noch weniger.

In Zürich können wir uns besprechen, etwas ausruhen — und weiter pilgern.

Ich war stumm $2\frac{1}{2}$ Mon⟨ate⟩ — da kam ein Brief von Gran⟨ovsky⟩ und die großen Veränderungen hier, ich wollte nicht mehr im Mutisme beharren,

* Игра слов: «hareng»— селедка, «haranguer»— отчитывать.

und stelle dir vor, denselben Abend sprach ⟨ich⟩ schon alles [3]. Denonziert von einem Abendblatt, warten wir ⟨auf⟩ einen Abiturientenschein [4]. *O fatum! O fata morgana!* Und wie wir alle treu unserer Natur bleiben.— Emma lacht aus vollem Halse und meine Frau aus einem geschwollenen.

Alles geht nicht ganz schlecht. Bei weitem ⟨?⟩ nicht. Alle Fragen haben sich anders gestellt, sehr schade, daß du nicht hier bist.

Lundi 13 Mars 1850.— N° 167. BUREAUX RUE COQ-HERON, 5. Prix de 1 : Paris, 10 c.— Départements, 15 c.

La Voix du Peuple

PARIS, 17 MARS.

ГАЗЕТА «LA VOIX DU PEUPLE» ОТ 18 МАРТА 1850 г. ЗДЕСЬ ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНА СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «ДОНОЗО КОРТЕС, МАРКИЗ ВАЛЬДЕГАМАС И ЮЛИАН, ИМПЕРАТОР РИМСКИЙ»

Страница первая (верхняя часть)

«Статья о Донозо — на понедельник — если свобода прессы не будет убита прессом свободы» (Из письма к Георгу Гервегу от 16 марта 1850 г.)

Ich bin doch heute etwas aufgeregt. Расскажу многое при свидании. Я, впрочем, употреблю все старания, чтоб остаться здесь до ответа из Петерб⟨урга⟩, который должен прийти около 10—12 апреля.

Прощай. On donne jeudi pour la première fois *Charlotte Corday*, tragédie de Ponsard. Tourg⟨ueneff⟩ dit qu'il y a des scènes très belles [5].

Au revoir, cher ami.

Перевод:

19 марта 1850 г. Париж

О я, злосчастный Атлас![1] черт знает, какого шуму я наделал несколькими строками[2], теперь-то мы, несомненно, скоро увидимся, и еще в Швейцарии. По правде сказать, мое пребывание здесь становится уж не столь необходимым, как раньше, ведь на карте уже последняя, самая крупная ставка. Рот⟨шильд⟩ подал жалобу на ломбард. Если ему все же откажут, то здесь делать уж нечего — все в Вюртемб⟨ерге⟩; если же деньги будут уплачены — тем более.

Мы можем в Цюрихе договориться, немного отдохнуть и отправиться дальше.

Я молчал $2\frac{1}{2}$ мес⟨яца⟩, а тут письмо от Гран⟨овского⟩ и большие здешние перемены — я не хотел дольше хранить безмолвие и, представь себе, уже в тот же вечер все высказал [3]. Один вечерний листок донес на меня, и мы ждем теперь абитуриентского* свидетельства [4]. О фатум! О фата-моргана, до чего все мы остаемся верны своей природе! — Эмма смеется во все горло, а жена в меру своего распухшего горла.

Все идет не так уж плохо. Далеко не так плохо. Все вопросы поставлены по-другому, очень жаль, что тебя здесь нет.

Я сегодня все же несколько взволнован**.

Расскажу многое при свидании. Я, впрочем, употреблю все старания, чтоб остаться здесь до ответа из Петерб⟨урга⟩, который должен прийти около 10—12 апреля.

Прощай***. В четверг премьера «Шарлотты Корде», трагедии Понсара. Тург⟨енев⟩ говорит, что там есть прекрасные сцены [5].

До свидания, дорогой друг.

[1] «*Oh, ich unglückseliger Atlas*» — начало стихотворения Г. Гейне (без названия) из «Книги песен».

[2] Герцен имеет в виду опубликованную накануне в «Voix du Peuple» статью «Донозо Кортес», которая могла вызвать репрессивные меры со стороны правительства. См. письма №№ 57 и 68.

[3] Т. е. написал статью «Донозо Кортес».

[4] *Вечерний листок*, донесший на Герцена,— газета «La Patrie». В подстрочном примечании к статье «Донозо Кортес» в русском издании «С того берега» Герцен отметил, что после напечатания этой статьи в «Voix du Peuple», «Patrie» «разгневалась и вечером, повторив сказанное „о третьем защитнике общества", спрашивала прокурора *республики*, будет ли он преследовать статью, в которой ставят солдат на одну доску с палачом, а палача называют *палачом* (bourreau), а не исполнителем верховных судеб (exécuteur des hautes œuvres) и пр. Донос полицейского журнала имел свое действие; через день не оставалось в редакции ни одного нумера от *сорока тысяч* — обыкновенного тиража „Voix du Peuple"» (изд. АН, т. VI, стр. 142).

[5] Первое представление пьесы Ф. Понсара «Шарлотта Корде», на котором присутствовал Герцен, состоялось 23 марта 1850 г. в «Театре Республики» («Comédie Française»).

Как установлено нами, автором рецензии на этот спектакль, опубликованной в № 175 «Voix du Peuple» от 26 марта 1850 г., являлся сам Герцен. См. наш комментарий к перепечатке этой рецензии в изд. АН, т. VI, стр. 520—521.

71

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

20 mars 1850. Paris

Tu t'impatientes en ne trouvant pas trop de clarté dans mes lettres. Mais la clarté ne vient qu'à présent. Etant, comme toujours, spectateur et non acteur de tout ce qui se fait dans ce bas monde, je crois voir assez bien la portée de tout ce qui s'est accompli. Die Repression wird stärker, die Gewalt hält inne, um sich zu sammeln, und will sich verteidigen. Die Orleanisten und die Bankokraten handeln vollkommen einstimmig mit d⟨em⟩ Präsidenten. Sie haben für sich die bureaukratische Zentralisation, die Intrige, die Indifferenten, die Reichen, die Furchtsamen, die Offiziere und Generale, die europäische Diplomatie und die Regierungskabale.— Aber ihre Lage ist gar nicht mehr dieselbe. Ein tiefer Riß entzweite die Bourgeoisie, die Legitimisten bleiben mit der liberalen Bourg⟨eoisie⟩ auf der roten Seite — die Soldaten *idem*; nie hat die Geschichte etwas größeres gesehen als le *vacuum horrendum* de la place de l'Hôtel de Ville. Ein konservativer Repräsentant sagte ja: «Ce vide est plus terrible que le vote». Et c'est la modération d'une conviction mûre, et c'est le sentiment de la force et l'assurance que tôt ou tard la position sera prise. La majorité veut paralyser la presse et le suffrage universel, on veut chasser d'ici la moitié des ouvriers, 80 000 (ou 50), cautionnement, timbre, on est allé même jusqu'à parler d'une censure policière

* Здесь в смысле свидетельства на высылку. — *Ред.*

** Далее по-русски.— *Ред.*

*** Далее по-французски.— *Ред.*

des journaux. On ira peut-être même jusqu'à des déportations, des fructidorisations[1] — il faut lire les journaux de la réaction rouge; oui, tout cela peut arriver. Et avec tout cela la victoire emportée par la République a été immense, la démoralisation des démocrates, le désespoir s'est changé en sentiment de la force et en espérance. Figure-toi que le *Siècle* est plus rouge que le *Peuple*. Et la bourgeoisie furieuse des provocations et offenses du gouvernement. Figure-toi que Goudchaux, Spinelli, Guerlain [2] etc., etc... tout cela se rapproche des socialistes, il n'y a que des caractères antiques à la Marat et à la Cavaignac qui sont fidèles à la majorité parlementaire.— Je te recommande encore une fois de lire les journaux réactionnaires.

Mais ce n'est pas une question qui pourrait se résoudre en une semaine, les journées calmes ont donné beaucoup d'espérances, *die anderen handeln aber auch entschieden.*

Concernant moi, je suis décidé d'aller te rejoindre à Zurich ou à Vevey et je ne changerai cette opinion que dans le cas que *tu pourrais venir ici*[3]. Rotschild a écrit le 16 à Péters⟨bourg⟩, le 10 avril réponse définitive, dès que je l'aurai, je partirai.

J'ai parlé avec beaucoup de monde de Nice — on dit qu'on y tracasse beaucoup les étrangers.—De là encore une pensée; si le billet est sauvé, nous aurons plus de moyens (moi ou toi, c'est enfin, je crois, la même chose); allons en Espagne.— Si le billet est retenu, restons à Vevey ou *im Oberland*, ou à Nice.

Le bruit dont je t'écrivais hier à ce qu'il paraît n'a pas de suite [4].

Emmanuel Kant et Em⟨ile⟩ G⟨irardin⟩ commencé avant le 10 mars, ne va pas [5].

J'ai reçu une brochure très stupide de Sébastien Seiler [6]; est-ce le même?

Addio.

Saluto fraterno.

De tous les cigares zuricoises les meilleurs sont les *Panatellas Telescopio à 32 Kreuz⟨er⟩*.

Рукой Н. А. Герцен:

Je suis tout à fait indigne de vous écrire.

Рукой Герцена:

Ягору Федоровичу.

Перевод:

20 марта 1850 г. Париж

Ты раздражаешься, не находя достаточно ясности в моих письмах. Но ясность наступила только сейчас. Будучи, как всегда, не действующим лицом, а зрителем всего творящегося в дольнем мире, я достаточно хорошо, думается мне, понимаю значение всего совершившегося. Репрессии усиливаются, власть выжидает, чтобы собраться с силами, и намерена защищаться. Орлеанисты и банкократы действуют в полном единодушии с президентом. За них бюрократическая централизация, за них интрига, равнодушные, богатые, трусливые, за них офицеры, генералы, европейская дипломатия и правящая клика. Но положение их далеко не прежнее. Глубокая трещина расколола надвое буржуазию. Легитимисты остались с либеральной буржуазией на красной стороне, солдаты тоже. История еще не видела ничего более величественного, чем vacuum horrendum* площади Hôtel de Ville. Один консервативный депутат сказал даже: «Эта пустота страшнее голосования». В такой сдержанности сказывается зрелое убеждение, сказывается чувство силы и уверенность, что рано или поздно позиция будет завоевана. Большинство хочет парализовать печать и всеобщее избирательное право, хотят удалить отсюда половину рабочих, 80 000 (или 50), залоги, гербовые сборы, договорились даже до полицейской цензуры газет. Дойдут, возможно, и до депортации, и до фруктидоризации[1] — надо читать газеты красной реакции. Да, все это

* ужасающая пустота (лат.).

может случиться. И тем не менее, победа, одержанная Республикой, была огромна. Растерянность демократов, отчаяние сменились ощущением силы и надеждой. Представь себе, что «Le Siècle» краснее, чем «Le Peuple». И буржуазия приведена в бешенство провокациями и оскорблениями правительства. Представь себе, что Гудшо, Спинелли, Герлэн[2] и т. д., и т. п.— все они сближаются с социалистами. Только люди с античными характерами в духе Марата или Кавеньяка остаются верными парламентскому большинству.— Еще раз советую тебе читать реакционные газеты.

Но это не из тех вопросов, которые разрешаются в недельный срок. Дни спокойствия принесли много надежд, die anderen handeln aber auch entschieden *.

Что до меня, то я намерен приехать к тебе в Цюрих или в Веве и изменю это намерение лишь в том случае, *если ты сможешь приехать сюда* [3]. Ротшильд написал 16-го в Петерб⟨ург⟩. 10 апреля должен быть окончательный ответ; как только получу его, я выеду.

Я расспрашивал многих о Ницце — говорят, что там очень придираются к иностранцам. Отсюда возникла и такая мысль: если билет удастся спасти, у нас будет больше средств (у тебя ли, у меня ли — я думаю, в конце концов, это одно и то же),— тогда поедем в Испанию. Если билет будет задержан, останемся в Веве, или в Оберланде, или в Ницце.

Шум, о котором я тебе вчера писал, по-видимому, не имел никаких последствий [4]. «Иммануил Кант и Эм⟨иль⟩ Ж⟨ирарден⟩», начатые до 10 марта, не клеятся [5].

Я получил очень глупую брошюру Себастьяна Зейлера [6]. Тот ли это самый?

Addio.

Saluto fraterno**.

Из всех цюрихских сигар лучшие «Panatellas Telescopio» по 32 крейцера.

Рукой Н. А. Герцен:

Я совершенно недостойна писать вам.

Рукой Герцена:

Ягору Федоровичу ***.

[1] Намек на государственный переворот во Франции, совершенный 18 фрюктидора (4 сентября) 1797 г. и сопровождавшийся отстранением от власти и арестами депутатов. На возможность последнего и намекает Герцен.

[2] Мишель *Гудшо* (1797—1862) — банкир, министр финансов временного правительства во второй половине 1848 г.; *Кроссе-Спинелли* (Crocé-Spinelli) — политический деятель, ратовавший за примирение буржуазии и рабочего класса, председатель Комиссии коммерсантов и рабочих (см. его письмо в редакцию «Voix du Peuple», в № 181 от 1 апреля 1850 г.). *Герлэн* — парижский парфюмер, один из основателей Республиканского демократического общества.

[3] Гервег писал в это время Герцену: «Да, ты должен приехать, чтоб освежить меня своим присутствием⟨...⟩ Это заставляет меня верить, несмотря на мой скептицизм, что мы приближаемся к концу нашей разлуки...» (XIV, 66).

[4] Герцен имеет в виду высказанное в письме от 19 марта опасение о возможности репрессий в связи с опубликованием «Донозо Кортеса».

[5] О статье «Иммануил Кант и Эмиль Жирарден» см. выше в письмах №№ 61 и 63.

[6] Речь идет о брошюре С. Зейлера, о котором см. в письмах №№ 65 и 66. «Das Komplott vom 13 Juni 1849, oder der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich. Ein Beitrag zur Geschichte der Gegenwart». Hamburg. Hoffmann und Campe, 1850 («Заговор 13 июня 1849 года, или Последняя победа буржуазии во Франции. Добавление к истории современности»).

72

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

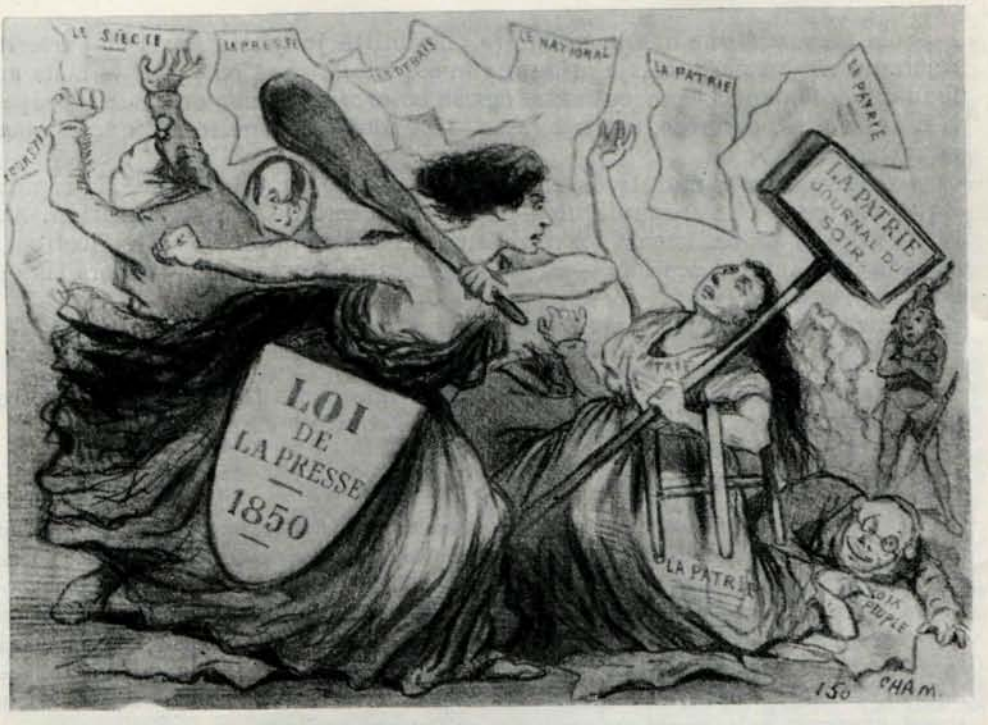
23 mars 1850. Paris

J'ai commencé hier une longue lettre pour toi, je ne la trouve plus et je ne trouve ni désir, ni courage de la continuer. Oh que je voudrais à présent t'avoir, cher Georges, près de moi, je suis tellement inquiet, tellement agi-

* однако и другие тоже действуют решительно (нем.).

** Прощай. Братский привет (итал.).

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

НОВЫЙ ЗАКОН О ПЕЧАТИ

Рисунок Кама

«Charivari» от 3 апреля 1850 г.

«Большинство хочет парализовать печать и всеобщее избирательное право... залоги, гербовые сборы, поговорились даже до полицейской цензуры газет» (Из письма к Георгу Гервегу от 20 марта 1850 г.)

té... J'ai reçu un tout petit billet d'Og⟨areff⟩ — il m'écrit chemin faisant — il est déporté, c'est évident, il va «de cloître en cloître», donc on le mène. Il dit que le jeune frère est entré en service — donc Sat⟨ine⟩ est fait soldat. Ou *... qui? — Sa lettre est résignée, il ajoute: «Adieu pour de longues années» et «Je trouverai moyen de t'avertir lorsque *nous* serons *an Ort und Stelle*»[1].

Tout cela, Georges, est terrible, affreux. C'est cette femme, je n'en doute pas, qui a fait quelque dénonciation [2]. Je ne t'ai pas écrit que Gran⟨ovsky⟩ me disait que son chargé d'affaires (de m-me Og⟨areff⟩) menaçait le mien pour avoir gardé des lettres de change d'un homme dont les biens sont confisqués.

Je te demande dans toute l'échelle des animaux jusqu'aux punaises et puces, trouve-moi quelque chose de pareil à un homme. Et la punaise artistique Worobieff[3] pleure peut-être *von Rührung* et laisse faire sa fortune par un assassinat.

Pauvre Og⟨areff⟩ — sans fortune en exil, et quel exil, est-ce forteresse, Sibérie, Caucase? Et pense bien que Nat⟨alie⟩[4] ne peut aller avec lui sans être femme légitime. Il me semble que même Toutch⟨koff⟩ a été frappé par le gouv⟨ernement⟩ «pour avoir vendu sa fille» [5]. Gran⟨ovsky⟩ disait qu'on tramait quelque chose dans ce genre à Péters⟨bourg⟩. Déshonorer un vieux conspirateur élu 4 fois par la noblesse comme maréchal — mais c'est une des occasions les plus magnifiques pour les bourreaux de Nicolas. On a fait, il me semble, une enquête!

---

* В автографе: où.— *Ред.*

Sois persuadé que dès la première possibilité je quitte Paris et j'irai te rejoindre ... je suis brisé, je m'oublie quelquefois, je m'entraîne — mais au fond que les hommes mangent entre eux la belle *olla podrida* qu'ils ont préparée. Imbéciles, esclaves, traîtres, sots — et fous (cathégorie à laquelle nous appartenons).

Ici ça va bien et mal. Dans un mois — Byzance ou Atlantique[6], la république est forte, l'antirépublique — riche et se sert de la centralisation. Au reste, tu as lu probablement les projets russes contre la presse[7], les élections, et bien qu'on fasse des lois — si les hommes les supportent — alors ils en sont dignes.

Adieu. Je t'embrasse, mais je ne veux plus écrire.

Al.

En relisant la lettre d'Og⟨areff⟩ je vois une chose terrible, c'est que ce n'est pas Sat⟨ine⟩, mais la pauvre Nat⟨alie⟩ qui est *emprisonnée*[8].

Перевод:

23 марта 1850 г. Париж

Я начал вчера длинное письмо к тебе и никак его не найду, да и не нахожу уже ни охоты, ни решимости продолжать его. О, как мне хотелось бы, чтобы ты был сейчас подле меня, дорогой Георг, я так встревожен, так взволнован... Я получил крохотную записку от Ог⟨арева⟩. Он пишет мне с дороги — он выслан, это совершенно очевидно, он переходит «из кельи в келью» — значит, его везут по этапу. Он говорит, что младший брат поступил на службу — значит Сат⟨ин⟩ отдан в солдаты. Или ... еще кто? — Письмо его безропотно, он добавляет: «Прощай на долгие годы» и «Я найду способ известить тебя, когда мы прибудем an Ort und Steile»*[1].

Все это, Георг, ужасно, страшно. Я не сомневаюсь, что тут какой-то донос этой женщины[2]. Я не писал тебе об этом, но Гран⟨овский⟩ сообщил мне, что ее (г-жи Ог⟨аревой⟩) поверенный в делах угрожал моему за то, что тот хранил векселя человека, имущество которого конфисковано.

Я спрашиваю тебя, найдется ли во всем животном мире, до клопов и блох включительно, нечто подобное человеку? И артистический клоп Воробьев[3], быть может, плачет von Rührung** и прокладывает себе путь к благополучию убийством.

Бедный Ог⟨арев⟩ — без средств, в ссылке. И что это за ссылка — крепость ли, Сибирь, Кавказ? И подумай только, ведь Нат⟨али⟩[4], не будучи его законной женой, не может поехать с ним. Мне думается, что и Туч⟨ков⟩ подвергся преследованиям со стороны правительства «за то, что продал дочь»[5]. Гран⟨овский⟩ рассказывал, что нечто в этом роде затевалось в Петерб⟨урге⟩. Опозорить старого заговорщика, четырежды избиравшегося дворянством в предводители,— да это исключительная удача для николаевских палачей. Мне думается, что производилось дознание!

Верь мне, что при первой же возможности я покину Париж и приеду к тебе. Я измучен, временами я забываюсь, увлекаюсь, но, в сущности, пусть люди сами расхлебывают кашу, *** которую они заварили. Тупицы, рабы, изменники, дураки и безумцы (категория, к которой принадлежим мы).

Здесь дела идут и хорошо, и плохо. Через месяц — либо Византия, либо Атлантика[6]. Республика сильна, антиреспублика богата и опирается на централизованный аппарат. Впрочем, ты, вероятно, читал русские проекты против печати[7] и выборов, ну что ж, пусть издают законы: если люди их терпят, значит, они достойны их.

Прощай, обнимаю тебя, но писать больше не хочется.

А л.

Перечитывая письмо Ог⟨арева⟩, я открыл страшную вещь, а именно, что *в тюрьме* не Сат⟨ин⟩, а бедная Нат⟨али⟩[8].

---

* На место (нем.).

** от умиления (нем.).

*** В подлиннике *ольяподрида* — название испанского национального блюда. — *Ред.*

[1] Огарев, Н. М. Сатин и А. А. Тучков были арестованы в середине февраля 1850 г. и привезены в Петербург, где они подверглись допросу. Арест этот являлся одним из отголосков дела Петрашевского (подробно об этом см. VI, 158—180). Записка, полученная Герценом, была, вероятно, написана Огаревым, когда его везли в Петербург.

[2] Герцен ошибался, предполагая, что донос на Огарева был послан его первой женой, М. Л. Огаревой. См. примеч. 5.

[3] Возлюбленный М. Л. Огаревой, художник-пейзажист Сократ Максимович *Воробьев*. Герцен, по-видимому, предполагал, что Воробьев принимал участие в интригах, направленных против Огарева.

[4] Наталья Алексеевна *Тучкова*, брак которой с Огаревым был оформлен в 1856 г.

[5] Действительно, в доносах, поступивших в III Отделение, в частности, в доносе отца первой жены Огарева — Рославлева, было сформулировано обвинение в «продаже» двух дочерей Тучкова Огареву. Подробностям семейной жизни Огарева и Сатина на допросах было уделено значительное место (см. VI, 166—180).

[6] В это время Герцен серьезно подумывал о том, чтобы покинуть Европу, охваченную свирепой реакцией, и переехать в Константинополь или Америку. Мысль о Константинополе, как о надежном убежище, вероятно, возникла у Герцена в связи с тем, что турецкий султан осенью 1849 г. решительно отказался, несмотря на самые категорические требования Николая I, выдать ему польских эмигрантов, участников восстания 1830—1831 гг. и венгерской революции 1848—1849 гг. Не исключено, что в этом месте своего письма Герцен намекает на возможность скорого превращения Франции либо в «демократическую Атлантику», т. е. Америку, либо в самодержавную Византию, т. е. Турцию.

[7] 22 марта в парижских газетах был опубликован законопроект о продлении запрещения клубов и предвыборных собраний, об увеличении залогов и о восстановлении гербового сбора («штемпеля») с газет. Этим проектом предусматривались всякого рода преследования, штрафы и пр. *Русским проектом* Герцен называет этот реакционный законопроект потому, что он по характеру своему походил на мероприятия русского самодержавия и ставил своей целью удушение печати и общественного мнения.

[8] Предположение Герцена о том, что арестован был не Сатин, а Н. А. Тучкова, не соответствовало действительности. Оно возникло у Герцена из-за того, что записка Огарева (упоминаемая в предыдущем письме) была написана в осторожных и неясных выражениях.

73

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Париж. 24 марта 1850 г.⟩

Не знаю, что в свете вернее того, что все люди безумные; животные — нет, а люди — да *, все, и больше всех мы! Мучась целый день, мучась целую ночь, я просыпаюсь сегодня утром совсем измученная... тюрьма, монастырь, цепи... мне становилось до того страшно, что я не смела пошевелиться от мысли о цепях — рука не поднималась... Поздно, беру, наконец, опять письмо Огарева [1] и вскакиваю на постели, кричу: «Тата, Тата! беги скажи папе, что Огарев едет сюда».— Александр приходит, читает... «Едет, в самом деле едет!». Тут приносят ваше письмо — и все вместе мы радуемся, веселимся, как дети. Александр бросается писать к вам о приезде Огарева, но дорогой перечитывает опять письмо Огарева, и мы видим опять, видим ясно, что он сослан... не страшно ли? То есть безумие это наше? Впрочем, все-таки мне кажется *столько же*, что они все бежали, как что их сослали.

Симпатия не должна доходить до флюса и насморка!

J'ai souffert tellement, que pendant qu'Alexandre était allé chez Carlier pour le prier de ⟨ne pas⟩ le faire déporter (toujours à cause de ma maladie) — j'ai envoyé chercher un assassin, le premier venu, qui est venu et qui m'a soulagée. Et vous, cher besson, pourquoi enrhumassez-vous? laissez-moi faire cette besogne pour tous.

---

* потому они и люди.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

Donc, vous ne voulez pas de répetitions... réfléchissez donc là-dessus et en attendant ⟨que⟩ les affaires qui nous clouent ici seront terminées et nous irons tout droit, tous, nous jeter dans la mer! — O, et toute la famille déportée viendra nous rejoindre... pensez un peu, cher besson, que ce serait beau!..

Ce n'est qu'après le retour d'Ogareff de l'exil que j'ai bien lu et savouré les vers reçus hier — merci!

Adieu, il faut absolument que je ferme la lettre pour pouvoir l'expédier aujourd'hui.— Je n'ai le temps que pour vous embrasser bien, bien du cœur.

N.

Рукой Герцена:

Après avoir relu encore une dizaine de fois la lettre ⟦hiéroglyphique⟧ d'Ogar⟨eff⟩ nous sommes parvenus à ne rien comprendre, pas même le sens de l'allégorie. Au reste, hier, ahuri, stupéfait, je t'ai écrit comme j'en étais convaincu[1].— Aujourd'hui je t'engage à lire evec m-lle Ern la copie du fragment.

Peut-on tourmenter de cette manière les hommes? Et je suis sûr que deux-trois mots sans ce luxe de diplomatie nous auraient parfaitement renseignés.

Et cette incertitude peut durer des mois.

On t'a expedié 5 № ⟨№⟩ du journal — si tu veux envoyer à quelqu'un.— Figure-toi qu'il n'y en a plus, tout a été vendu.

J'ai vu hier *Char⟨lotte⟩ Corday* — 1-ère représentation, pas mal. Un peu froid. Mais que veux tu, lorsque le 24 mars la neige tombe.

Le poète (Ponsard) a même eu le bon esprit de ne pas représenter Marat en tigre prenant des bains de sang et mangeant tous les jours des entrecôtes d'aristocrates et de prêtres sautés aux larmes de nonnes [2].

Nous nous rejoindrons à Zurich ou — si tu veux — à Genève, à Lausanne — mais je n'ai jamais pensé y rester.

Перевод*:

Рукой Н. А. Герцен:

⟨Париж. 24 марта 1850 г.⟩

Я так мучилась, что пока Александр ходил к Карлье просить, чтобы его ⟨не⟩ высылали (и опять из-за моей болезни), я велела привести первого попавшегося душегуба**, и тот пришел и помог мне. А что же это вы, дорогой близнец, вздумали болеть? Предоставьте мне выполнять эту обязанность за всех.

Итак, вы не хотите повторений; подумайте же над этим, пока дела, которые держат нас здесь прикованными, не будут закончены и мы, все вместе, не отправимся прямо к морю! — А, если и все ссыльное семейство приедет и присоединится к нам... подумайте только, дорогой близнец, как это было бы чудесно!..

Только по возвращении Огарева из ссылки я как следует прочла и насладилась присланными вчера стихами — спасибо!

Прощайте, необходимо сейчас же запечатать письмо, чтоб оно ушло сегодня. — Времени у меня только на то, чтобы от всего, всего сердца обнять вас.

Н.

Рукой Герцена:

После того как мы еще раз десять перечитали загадочное письмо Огар⟨ева⟩, мы вообще перестали что-либо понимать, даже всякий смысл аллегории. Но вчера, ошеломленный, пораженный, я написал тебе, как я его понял [1].—Сегодня я прошу тебя прочесть вместе с мадемуазель Эрн копию отрывка.

Можно ли так мучить людей? Уверен, что два-три слова, без этой излишней дипломатии, сделали бы для нас все понятным.

А такая неизвестность может продолжаться месяцы.

---

* Русскую часть письма см. выше в основном тексте.— *Ред.*

** По-французски игра слов «premier venu» (первый попавшийся) и «venu» (пришел). — Под «душегубом» Н. А. Герцен имеет в виду врача.

Тебе отправлены 5 номеров газеты, на случай, если ты захочешь послать кому-нибудь.— Представь себе, ничего не осталось, все было распродано.

Вчера видел премьеру «Шар⟨лотты⟩ Корде», неплохо. Немного холодновато. Но что поделаешь, когда 24 марта идет снег? Поэт (Понсар) был настолько умен, что не изобразил Марата тигром, принимающим кровавые ванны и поедающим ежедневно антрекоты из аристократов и священников, поджаренные на слезах монашенок [2].

Встретимся в Цюрихе или, если хочешь, в Женеве, в Лозанне, но я никогда не собирался там оставаться.

[1] О напугавшей Герценов записке Огарева см. в предыдущем письме.

[2] В своей рецензии на «Шарлотту Корде» Герцен, как и в публикуемом письме, отмечал, что пьеса Понсара «несколько холодна», и выражал признательность автору за его объективность. «Не ищите в пьесе Понсара ни проклятий Марату,— писал он,— ни восхваления Шарлотты Корде. Нет, автор стал на более поэтическую и более возвышенную точку зрения, ему захотелось жить, чувствовать и думать, воплотившись в своих героев» (изд. АН, т. VI, стр. 239—246; см. также следующее письмо).

74

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

26 марта 1850. Париж

Tu exagères un peu mes espérances. Je suis (et j'étais) de l'avis qu'il n'y ⟨a⟩ rien de définitif, mais la position est complètement changée. Et cela, c'est un avantage. Encore une fois, le 1 mars j'aurais ri au nez de l'homme qui aurait voulu me faire accroire que dans 10 jours toute la face de Paris changerait [1].— Quelle issue.— *Die Auflösung, die gänzliche, des Bestehenden, es zerfällt wirklich*, à vu d'œil. As-tu lu l'article de Pr⟨oudhon⟩ du 25? [2] Rien de nouveau pour nous, mais regarde la tendance, regarde où il va, prends ma dernière lettre dans la brochure Kapp [3] et confronte avec ce qu'il dit. La démocratie est incapable de créer, de produire, les autres sont incapables de conserver, de maintenir, de continuer. On a proposé une loi contre la presse — eh bien, il n'y a qu'une seule feuille qui soutienne le projet, et cette feuille c'est *Nap⟨oléon⟩* [4]. Les journaux les plus avancés commencent à tenir une langue modérée, sérieuse, les nuances s'effacent — c'est la conscience de la force. Rien de plus facile que d'installer à présent un despotisme de Paraguay sans le docteur Francia [5]— mais ce despotisme trouvera à présent un contrepoids immense. Les journaux royalistes tombent avec acharnement sur l'armée et les petits-bourgeois — tout cela leur échappe.— Le public a accueilli la pièce de Ponsard sans aucune marque d'horreur, qu'on s'attendait à voir — encore une défaite. A propos, lis le feuilleton de la *V⟨oix du⟩ P⟨euple⟩* d'aujourd'hui et passe sur les fautes dégoûtantes de l'imprimeur [6].

L'affaire d'Ogar⟨eff⟩ reste énigmatique comme elle était. L'affaire de ma mère — sans réponse comme elle était. L'Affer, évêque de Paris [7], reste enterré comme il était ... peut-on affermir après cela nos projets définitifs? Tu est pourtant, *caro mio*, un *Wahnsinnik*⟨!⟩aussi, tu penses que nous voulons sans nécessité aucune rester à Zurich — et tu inventes encore contre moi l'accusation de l'immobilité. Quand, en quoi, où étais-je Fabius Cunctateur [8], moi l'être le plus mobile (après la garde, cela va sans dire, de Lamartine [9])? Mais je le répète, je subis les nécessités, la fatuité fatale du fatum — voilà mon factum, et comme je suis votre factotum à tous — «j'avise». (As-tu ⟨lu⟩ l'admirable article de Girar⟨din⟩ *Ils avisent?*)[10].— Encore pour ne pas oublier, lis donc le *Charivari*, aussi le *Journal pour rire* n'est pas mauvais. *Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, les arbres viennent chez Baroche [11] demander si on peut au printemps faire pousser les feuilles sans les timbres[12].

Je rentre dans la question.—Et je ne peux que répéter: ou Rotschild mènera l'affaire au bout, alors je quitte Paris immédiatement (vers la fin du mois prochain) — allons partout, disposez, ordonnez — obéissance militaire. Ou—

le refus sera catégorique, définitif — alors je ne ferai rien que ce qui sera nécessaire pour l'affaire.—Entres autres, *in spe*, je ne vois aucune véritable cause — pourquoi tu ne viens pas passer une semaine ou deux ici — tu peux bien repartir un peu plus vite, mais enfin pourquoi pas?

Tu me demandes concernant l'ouvrage *Cosmosophie Sociale*[13]. Je l'ai parcouru. Bonnes intentions, esprit voulant la liberté, ignorance complète de tout ce qui a été déjà fait et oublié par d'autres, et dualisme français (il est athée et croit à l'esprit et sa suprématie sur la nature). Ne lis pas. Suffit que j'aie lu.

M-me Dagoult ou comment diable écrit-on son nom, a publié une histoire de la révolution où elle parle avec beaucoup de chaleur «des parties extérieures de Lamartine... habitué aux choses»... etc. Le manque d'un livre pareil ne se faisait pas sentir — elle a prévenu ce besoin[14]. Les *Confessions*[15] seront *expédiées à cheval.*

Maurizius Hartmann[16] vient d'arriver dans la capitale de la civilisation — dans un moment où elle perd le capital et la civilisation.

Перевод:

26 марта 1850 г. Париж

Ты несколько преувеличиваешь высказанные мною надежды. Я держусь (и держался) того мнения, что нет ничего определенного, но обстановка полностью изменилась. И это уже преимущество. Повторяю, 1 марта я рассмеялся бы в лицо человеку, который вздумал бы меня уверить, что через 10 дней весь облик Парижа изменится[1].— Какой же это выход? Die Auflösung, die gänzliche, des Bestehenden, es zerfällt wirklich*. Читал ли ты статью Пруд⟨она⟩ от 25 числа?[2] Для нас там нет ничего нового, но обрати внимание на тенденцию, на то, куда он клонит; возьми мое последнее письмо в капповой брошюре[3] и сопоставь с тем, что говорит он. Демократия не способна созидать, производить, а те, другие, не способны сохранять, поддерживать, продолжать. Был внесен на обсуждение закон против печати и что же?— лишь один-единственный листок поддержал его,— это «Nap⟨oléon⟩»[4]. Самые крайние газеты начинают говорить умеренным, серьезным языком, оттенки стираются — это сознание силы. Нет ничего проще, как установить в настоящее время какой-нибудь парагвайский деспотизм без доктора Франсиа[5], но такой деспотизм встретит сейчас огромное противодействие. Роялистские газеты с ожесточением нападают на армию и мелких буржуа, но все это бьет мимо.— Публика приняла пьесу Понсара без всякого видимого отвращения, которого ожидали,— еще одно поражение. Кстати, прочти сегодняшний фельетон в «V⟨oix du⟩ P⟨euple⟩» и не обращай внимания на противные типографские опечатки[6].

Дело Огар⟨ева⟩ остается, как и было, загадочным. Дело моей матери остается, как и было, без ответа. Аффр**, парижский архиепископ[7], остается, как и был, погребенным,— можно ли после этого сказать что-нибудь цельное и окончательное о наших планах? Однако ты, caro mio, тоже Wahns*innik*⟨!⟩ ***, ты думаешь, что мы, без всякой нужды, хотим остаться в Цюрихе, и вдобавок возводишь на меня напраслину, приписывая мне неподвижность. Когда, в чем, где был я Фабием Кунктатором?[8] Это я-то, самое подвижное существо на свете (разумеется, после ламартиновской гвардии[9]). Но, повторяю, я подчиняюсь необходимости, фатальному фатовству фатума — таковы факты, а поскольку я ваш фактотум, «я предупреждаю». (Читал ли ты великолепную статью Жирар⟨дена⟩ «Они предупреждают»?[10])— и еще, чтоб не забыть, читай же «Le Charivari», не плох и «Le Journal pour rire». Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, деревья приходят к Барошу[11] с вопросом, можно ли без гербового сбора выпускать весной листки[12].

Но возвращаюсь к нашему вопросу.— Тут я могу только повторить: либо Ротшильд доведет дело до благополучного конца, тогда я немедленно покидаю Париж (в исходе будущего месяца) — едем куда угодно, распоряжайтесь, приказывайте,

* Распад, полный распад существующего, оно в самом деле разрушается (нем.).

** Каламбур: l'affaire (дело) и L'Affer (слегка измененная фамилия парижского архиепископа Аффра) по-французски звучат схоже.

*** безумец (нем. Wahnsinnig).

повинуюсь по-военному,—либо придет категорический, окончательный отказ—тогда я буду заниматься лишь тем, что необходимо для дела.— Между прочим, in spe* я не вижу никакой настоящей причины, почему бы тебе не приехать сюда на недельку-другую — ты мог бы вернуться обратно и раньше, словом, почему бы не приехать?

Ты спрашиваешь меня о сочинении «Социальная космософия»[13]. Я его пробежал. Добрые намерения, свободолюбие, полное незнание того, что было уже ранее сделано и позабыто другими, наконец, французский дуализм (он атеист, а верит в дух и его превосходство над материей). Не читай. Достаточно того, что я прочел.

КАРИКАТУРА, УПОМИНАЕМАЯ ГЕРЦЕНОМ В ПИСЬМЕ К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 26 МАРТА 1850 г.

Высмеивает правительственные репрессии против печати

«Charivari» от 24 марта 1850 г.

Г-жа Дагу, чёрт ее знает, как она там пишется, опубликовала историю революции, где с жаром говорит о «наружных стàтях Ламартина, ... человека испытанного в делах» и т. д. Недостатка в подобного рода книге не ощущалось—она предупредила возникновение такой потребности[14].

«Исповедь»[15] будет *отправлена с верховым*.

Маврикий Гартман[16] прибыл недавно в столицу цивилизации в момент, когда она теряет и капитал**, и цивилизацию.

[1] 10 марта состоялись дополнительные выборы в Национальное собрание. См. примеч. 4 к письму № 66.

[2] Имеется в виду статья Прудона «Философия 10 марта» («Philosophie du 10 mars»), написанная в виде письма к редакторам «Voix du Peuple». Начало ее было помещено в № 174 этой газеты от 25 марта 1850 г. Статья имела явно соглашательский характер.

* в будущем (лат.).

** Каламбур: «capitale» — столица и «capital» — капитал.

В письме к одному из редакторов «Voix du Peuple», А. Даримону (от 14 февраля 1850 г.), Прудон следующим образом изложил свое политическое кредо: «Что касается меня, я начну новую эволюцию ⟨...⟩ Настал момент показать буржуазии то, что для нее имеется выгодного в социалистических идеях. *Социализм с точки зрения буржуазных интересов — вот чем следует заниматься в настоящее время*» («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III, Paris, 1875, p. 97).

Любопытный отклик М. Гесса на статью Прудона «Философия 10 марта» см. в его письме к Герцену, опубликованном в «Лит. наследстве», т. 7-8, 1933, стр. 83—89.

[3] *Каппова брошюра* — первое немецкое издание «Писем из Италии и Франции».— *Последнее письмо* — письмо 7-е (в русском издании 11-е).

[4] В «Обзоре печати», опубликованном в «Voix du Peuple», № 172 от 23 марта, приведены выдержки из различных газет по вопросу об этом законопроекте. Вопреки мнению Герцена, не только реакционный орган Луи-Наполеона «Napoléon», но и некоторые другие реакционные издания отнеслись сочувственно к этому шагу правительства («Assemblée Nationale», «Pays» и др.).

[5] Хозе-Гаспар-Томас-Родригец да *Франсиа* (1756—1840) — иезуит, правитель Парагвая, пользовавшийся диктаторской властью с 1813 по 1840 г. и установивший в стране суровый, террористический режим.

[6] См. примечание 2 к письму № 73. Объявляя о втором представлении «Шарлотты Корде», «Voix du Peuple» отмечала, что драма Понсара «явила собой большой успех литературный и большой успех денежный» (№ 174 от 25 марта 1850 г.).

[7] Парижский архиепископ Дени-Огюст *Аффри* был убит во время уличных боев в Париже 25 июня 1848 г., при попытке уговорить восставших сложить оружие.

[8] *Фабий Кунктатор* (275—203 до н. э.) — римский полководец, известный своей борьбой против Аннибала, в которой придерживался выжидательной тактики. За свою медлительность был прозван Кунктатором («Медлителем»).

[9] *Ламартиновская гвардия* — мобильная (подвижная) гвардия, сформированная временным правительством по декрету от 25 февраля 1848 г. Она была укомплектована, главным образом, из подонков мелкой буржуазии («осерчалых лавочников», по словам Герцена) и предназначалась для борьбы с революционным пролетариатом.

[10] Статья Жирардена «Ils avisent» появилась, вероятно, в издававшейся им газете «La Presse».

[11] Пьер-Жюль *Барош* (1802—1870)—реакционный политический деятель, в 1850 г. министр внутренних дел, один из инициаторов сурового законопроекта о печати.

[12] Эта карикатура Кама (А. де Ноэ) была напечатана в № 83 «Charivari» от 24 марта 1850 г. См. ее воспроизведение на предыдущей странице.

[13] Речь идет о книге Анри Лекутюрье «La Cosmosophie, ou le Socialisme universel» («Космософия, или Всеобщий социализм»), Paris, 1850. В № 161 «Voix du Peuple» от 12 марта 1850 г. появилось следующее сообщение: «Много говорят о предстоящем появлении книги, озаглавленной «Космософия, или Всеобщий социализм», которая должна получить огромный отклик. Эта книга, по слухам, создает с математической точностью совершенно новую философию, перед которой исчезают ошибки и предрассудки, религиозные, политические и научные. Космософия, по-видимому, является не чем иным, как открытием *Всеобщего объяснения*,—тем вторым *философским камнем*, которого так долго и напрасно искали; ей, по-видимому, суждено стать кодексом общества».

[14] Имеется в виду первый том сочинения графини д'Агу (d'Agoult, 1805—1876) «Histoire de la révolution de 1848» («История революции 1848 года»), Paris, 1850, вышедшей под ее псевдонимом *Daniel Stern*. Герцен имеет в виду следующие строки из этой книги: «Внешние формы господина де Ламартина находятся в полном соответствии с его идеями и его чувствами, органом которых он сделался. Он высок ростом, его позы спокойны, его профиль отличается большим благородством» (стр. 21).

[15] *«Исповедь»* — вероятно, книга Прудона «Les confessions d'un révolutionnaire, pour servir à l'histoire de la révolution de Février», Paris, 1849 («Исповедь революционера, долженствующая служить истории Февральской революции». О присылке этой книги Гервег напомнил в письме без даты (XIV, 67). См. ниже отзыв о ней Герцена.

[16] О *М. Гартмане* см. в письмах №№ 28 и 77.

75

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 28 mars 1850

Quand est-ce que je n'ai pas écrit trois jours?— *Calunniatore!*
Comme tu me dis dans ta lettre enrhumée et catharalle.

Hoffmann [1] m'envoie 730 fr⟨ancs⟩ — jamais je ne lui ai écrit de les envoyer ici. C'est Kapp qui a amicalement embrouillé l'affaire. Et que veut-il avec 800 ex⟨emplaires⟩ et 750? Il reçoit 300 % pour la première et 400% peut-être pour la seconde édit⟨ion⟩.— Et tu sais que cela ne couvre

même pas les frais.— Je suis stupide, ta lettre aussi. Et quel est le noble citoyen Kessman [2] qui te commande un *Gœtz de Berl⟨ichingen⟩*? [3]

J'ai aussi une lettre du prof⟨esseur⟩ Stahr [4], der will nicht *annehmen, daß ich ein Russe bin — sollten auch meine Eltern Russen sein.*— Voilà le dégât cérébral que produit la philosophie.

Cela ne va pas trop mal ici... du tout, personne ne sait où on va, les légitimistes proposent de restaurer la monarchie tout ouvertement, les jésuites crient— et le gouvernement se tait et condamne ça, là — un petit journal, un précepteur, un sergent.— Rosinger [5] a trouvé le moyen d'entamer une correspondance ⟨avec⟩ tes soc⟨ialistes⟩.

Dis à ma mère et à m-lle Ern que j'écrirai demain ou après-demain, écrase Cola, baise toi-même dans la glace pour moi. L'argent dont parle ma mère a été envoyé *lundi passé* à Zurich ⟨à⟩ m-r Schulthess [6].

A propos, prends chez ma mère ce qu'il faut pour payer *Zürcher.*

Перевод:

⟨Париж.⟩ 28 марта 1850 г.

Когда это было, чтобы я не писал в течение трех дней?— Calunniatore!*

А ты это утверждаешь в твоем насморочном и простуженном письме.

Гофман [1] прислал мне 730 фр⟨анков⟩. Я ему ни разу не писал, чтоб он отправлял их сюда. Это Капп по дружбе запутал дело. А зачем ему 800 и 750 экз.? Он получает 300% за первое издание и, возможно, 400% за второе. Ты знаешь, что это не покрывает даже расходов.— Я глуп, твое письмо — тоже. Кто этот благородный гражданин Кесман [2], который заказывает тебе «Геца фон Берл⟨ихингена⟩»? [3]

Я получил также письмо от проф⟨ессора⟩ Штара [4], который не желает annehmen daß ich ein Russe bin—sollten auch meine Eltern Russen sein**. — Вот к какому повреждению мозгов приводит философия.

Дела здесь идут не так уж плохо, отнюдь нет — никто не знает, к чему все идет: легитимисты открыто предлагают восстановить монархию, иезуиты вопят, а правительство помалкивает и то здесь, то там выносит приговоры против какой-нибудь газетки, какого-нибудь учителя, сержанта.— Розингер [5] нашел способ завязать переписку ⟨с⟩ твоими соц⟨иалистами⟩.

Скажи моей матери и мадемуазель Эрн, что я напишу завтра или послезавтра, задуши в объятиях Колю, поцелуй за меня в зеркале самого себя. Деньги, о которых спрашивает моя мать, отосланы в *прошлый понедельник* г-ну Шультгесу [6] в Цюрих.

Кстати, возьми у моей матери, сколько нужно, чтобы уплатить цюрихцу.

[1] Имеется в виду издатель Кампе.

[2] *Кесман* — женевский книготорговец и издатель.

[3] По-видимому, Гервегу было заказано Кесманом драматическое сочинение, которое Герцен шутливо сравнивает с «Гецом фон Берлихингеном» Гёте.

[4] Адольф-Вильгельм *Штар* (1805—1876) — немецкий историк и литературовед. В письме от 28 марта 1850 г., адресованном издателю Кампе (VI, 691—693, —М. К. Лемке обозначил его как письмо к неизвестному), Герцен просил поблагодарить Штара за присылку книги и убедить его, что он действительно русский.

[5] *Розингер* — вероятно, швейцарский знакомый Герцена и Гервега. Можно предполагать, что это тот «добрейший в мире доктор Р., один из самых платонических и самых постоянных любовников революции, друг всех выходцев», о котором Герцен упоминает в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 60).

[6] *Шультгесе* см. в примеч. к письму № 33.

76

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 30 mars 50 ***

Votre lettre, c'est-à-dire ta lettre, a réveillé derechef toute l'amertume de l'histoire Ogar⟨eff⟩.—Quoique le lendemain nous nous soyons empressés de

* Клеветник! (итал.).

** признавать меня за русского, пусть даже родители у меня русские (нем.).

*** Дата надписана рукой Гервега.— *Ред.*

te communiquer une toute autre supposition, mais pensant plus et plus — l'énigme reste dans toute sa grandeur. Nous avons lu, relu, seuls, avec Tourgueneff et nous ne comprenons rien [1]. On dit que ce monstre de femme est arrivée [2] et sé cache près de Paris. Elise a vu Antoinette [3].

J'ai relu deux ou trois fois encore aujourd'hui ta lettre. Ah — sacré nom de dieu — courage et sympathie, la vie est dégoûtante, marchons la tête levée... Remarque de grâce ce comble d'ironie, que l'homme est presque toujours de moitié le coupable; quel démon a suggéré à Og⟨areff⟩ de rester en Russie une année et demie sans rien faire; et l'achat de la fabrique [4]— tout cela ⟨était⟩* de la démence.— Il avait assez de fortune pour ne pas mourir de faim, il avait une femme qui l'aimait, et quelle femme... tu ne l'as pas connue ou peu [5]. Et il jouait au bord d'un précipice... et pourquoi a-t-il entraîné le vieillard Tout⟨chkoff⟩ [6] — dans ce gouffre? En Russie tout est permis — mais rien n'est permis aux hommes politiques. Le gouvernement aime à la fureur de nous mêler, nous autres, dans des procès sales.— Plus j'y pense, plus j'ai horreur... une dizaine d'années d'exil [7]. Ils sont récidives l'un et l'autre — cela sera affreux.

Eh bien, passons à autre chose. La position ici est toujours bonne. Un progrès immense se fait en faveur des idées répub⟨licaines⟩. La proposition de Larochej⟨aquelein⟩ était un second 21 janvier pour la légitimité [8]. Personne n'a plus compromis la cause que ce Don-Quichotte Falstaffé les pudiques couleurs des blancs.— Lis avec attention le dernier article de Pr⟨oudhon⟩ (du 29), il a fait la fusion avec la bourgeoisie, il entreprend à présent d'entraîner le gouvernement [9].

Il sera jugé le 10 avril [10]. Il sera condamné, il n'y a pas de doute.

Et moi, j'attends la réponse le 10 — et me propose de quitter la France tout de suite.

Adieu, *caro mio.*

Егору Васильевичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 30 марта 50 г.**

Ваше письмо, то есть твое письмо, воскресило всю горечь огар⟨евской⟩ истории. Хотя на следующий день мы поспешили сообщить тебе совсем другое предположение, но сколько бы мы ни думали, все это остается величайшей загадкой. Мы читали и перечитывали письмо одни, с Тургеневым, и ничего не понимаем[1]. Говорят, что эта ужасная женщина [2] приехала и скрывается где-то в окрестностях Парижа. Элиза видела Антуанетту[3].

Сегодня я еще два или три раза перечитал твое письмо. Ах, чёрт возьми, побольше мужества и расположения к людям; жизнь отвратительна, будем же продолжать наш путь, высоко подняв голову... Обрати, пожалуйста, внимание на убийственную иронию судьбы: человек почти всегда наполовину сам виноват; какой злой дух внушил Ог⟨а-реву⟩ остаться в России, полтора года сидеть без дела да еще купить фабрику [4]—все это безумие.— У него было достаточно средств, чтобы не умереть с голоду, у него была женщина, которая его любила, и какая женщина — ты ее не знал или мало знал [5]. А он танцевал на краю пропасти... и зачем он увлек в эту бездну старика Туч⟨кова⟩? [6] В России все позволено, зато политическим деятелям не позволено ничего. Правительство до страсти любит замешивать нашего брата в грязный процесс. — Чем больше я об этом думаю, тем больший страх меня охватывает... десять лет ссылки [7]. Оба они рецидивисты — это будет ужасно.

Но перейдем к другому. Обстановка здесь по-прежнему благоприятна. Наблюдается огромный прогресс в пользу республиканских идей. Предложение Ларошж⟨акле-на⟩ было вторым 21 января для легитимизма[8]. Никто так не скомпрометировал дело

* Край листа оторван, и слово читается предположительно. — *Ред.*

** Дата рукой Гервега.— *Ред.*

стыдливых лилий, как этот фальстафированный Дон-Кихот.— Внимательно прочитай последнюю статью Пр⟨удона⟩ (от 29); он объединился с буржуазией, сейчас он предпринимает попытку потянуть за собой правительство [9].

Суд над ним состоится 10 апреля [10]. Его осудят, в этом нет сомнения.

Я же 10 апреля ожидаю ответа и предполагаю тотчас же покинуть Францию.

Прощай, caro mio.

Егору Васильевичу *.

[1] См. примечание 1 к письму № 72.

[2] Мария Львовна Огарева.

[3] *Элиза* — горничная Н. А. Герцен; *Антуанетта* (Аннет, Анна Петровна) — горничная М. Л. Огарёвой.

[4] Огарев купил в 1847 г. совместно с Н. И. Маршевым бумажную фабрику, совершенно его разорившую.

[5] Наталья Алексеевна Тучкова, впоследствии Огарева.

[6] Алексей Алексеевич *Тучков* (1800 — ок. 1879) — отец Натальи Алексеевны, бывший член Союза Благоденствия.

[7] Эти сведения о результатах следствия над Огаревым, Сатиным и Тучковым оказались недостоверным слухом. Все трое отделались легким наказанием, а 12 декабря 1850 г. «по маловажности их преступления» были освобождены даже от полицейского надзора.

[8] 26 марта 1850 г. депутат Национального собрания легитимист Анри-Огюст *Ларошжаклен* (1805—1867) выступил с предложением обратиться с запросом к народу, чтобы выяснить, чего народ хочет: монархии или республики. Встреченное смехом и негодующими выкриками большинства депутатов, это предложение беспринципного политикана было отвергнуто как незаконное и по форме и по содержанию. — Герцен сравнивает этот провал легитимистской вылазки с *21 января 1793 г.*— днем казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты.

[9] Вторая статья из цикла «Философия 10 марта» Прудона, помещенная накануне, 29 марта, в № 178 «Voix du Peuple». Прудон призывал в ней «всех республиканцев, друзей революции и своей родины» не допустить, «чтобы правительственное орудие, после того как оно выпадет из немощных рук реакции, вновь попало, как после февральских дней, в не менее немощные руки партии узурпаторов, не представляющей ни буржуазию, ни пролетариат». Призывая оба класса к взаимному примирению, он рекомендовал «сблизиться с государством пусть хоть для того, чтоб упрекать его». Заключительные слова этой статьи произвели на Герцена огромное впечатление: «Действуйте же: ибо я говорю вам поистине, это не Катилина, это не банкрот у ваших дверей: это смерть!» Герцен поставил эти слова (в несколько сокращенном виде) эпиграфом к своей статье «Omnia mea mecum porto», датированной 3 апреля 1850 г.

[10] 10 апреля должен был состояться суд над Прудоном и П. Лограном (Laugrand) за опубликование в «Voix du Peuple» статей «Да здравствует император!» и «События дня». Однако неожиданно было объявлено о том, что рассмотрение дела «Voix du Peuple» отложено на неопределенный срок. Как объяснила «Voix du Peuple» в редакционной заметке, напечатанной в № 191 от 11 апреля, это мероприятие реакционных судебных органов явилось вновь придуманным способом зажать рот печати и не допустить ее самозащиты.

77

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 31 mars ⟨1850⟩

Voilà pour le commencement une chose magnifique. Il y a... «une famille», penses-tu en te rappelant que Hartmann est à Paris [1]; non, il y a un journal que personne ne lit, le *Tintamarre*, eh bien, voilà pour la semaine sainte quelle prière il adresse à Notre-Dame de Lorette: «O toi, qui as conçu sans pécher— laisse-nous pécher sans concevoir».— Je crois bien que les jésuites tomberont sur cette feuille et l'autodafériseront [2].— Le reste à demain.

1 avril

Et que reste-t-il? Rien. Temps désolant d'une attente, rien de nouveau ni pour l'humanité, ni pour moi... Mais sérieusement parlant, pourquoi donc tu ne crois pas à notre décision suprême. Tout cela n'est qu'une question de

* Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

temps et de quel temps — d'une dizaine de jours. *Je ne veux* pas rester ici — et je ne resterai pas sans quelques circonstances tout à fait imprévues.

Moi, je crois que la chose la plus pratique serait d'attendre à Zurich le dernier mot; Emma pense que cela vaut mieux pour toi d'aller droitement à Nice. Moi je propose de rester pour ne pas plus compliquer les choses.

Je ne veux pas continuer, c'est l'œuvre de la fainéantise, nous en avons tant parlé, écrit — tout est clair. Les deux cas sont prévus.

Billet encaissé — Italie ou Sud de la France, пожалуй — Espagne.

Billet embourbé — Suisse ou Helvétie.

Je me propose d'écrire un petit pendant à mes dialogues dans un tout autre genre, *primo* le titre sera *Prologue*. Et ensuite, faisant la paraphrase du texte evang⟨élique⟩: «Elle ne dort pas—elle est morte» et «Laissons aux morts enterrer les morts».— Trêve de désespoir, tout est fini, le temps douloureux est passé, il est mort, le vieux monde, eh bien, nous ne sommes pas des vers d'un cadavre.

Heraus denn, sacré tonnerre.

Est-ce que ça vous plaît?

Je dirai là qu'en 1848 où tout le monde croyait à la vie — on a prêché les approches de la mort.

En 1849, où le monde voyait la maladie d'une manière palpable — on a prêché la mort-même.

Mais en 1850 — un peu en avant — il faut prêcher le lendemain des funérailles, il faut s'occuper de l'héritage et des héritiers [3].

Hartmann part pour Londres, je lui ai donné une lettre de recom⟨mandation⟩ à Linton [4], rédacteur d'un nouveau journal *The Leader* qu'il m'envoie par sympathie et que je ne lis pas par ignorance. Adieu.

Tourgueneff est fou — aller à présent mourir pour la Garcia [5] dans les mains de Nicolas.

Reichel a été aujourd'hui chez moi pour demander comment il fallait écrire à Bacounine pour savoir au juste s'il est guillotiné ou non [6] — moi, je lui ai donné le conseil d'écrire «guillotine restante» — voilà jusqu'à quelle cruauté va la passion du bavardage.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 31 марта ⟨1850 г.⟩

Вот прекрасная вещь для начала. Существует...— уж не «семья» ли [1], думаешь ты, вспоминая, что Гартман в Париже; нет, существует... журнал «Tintamarre», который никто не читает; так вот, на святой неделе он обратился к Лоретской богоматери с эдакой молитвой: «О ты, зачавшая без греха, позволь нам грешить без зачатия». Уверен, что иезуиты обрушатся на листок и аутодафетируют его[2].— Об остальном завтра.

1 апреля

А что же осталось? Ничего. Тоскливое время ожидания, ничего нового ни для человечества, ни для меня... Но, кроме шуток, почему же ты не веришь в наше окончательное решение? Ведь все это лишь вопрос времени, какого-нибудь десятка дней. *Я не хочу* оставаться здесь, и не останусь, разве только возникнут какие-нибудь совершенно непредвиденные обстоятельства.

Я лично полагаю, что наиболее целесообразно было бы ждать окончательного решения в Цюрихе; Эмма думает, что тебе лучше ехать прямо в Ниццу. Я же советую остаться, чтобы не усложнять еще больше положение. Но не хочу продолжать: это праздное занятие, мы так много об этом писали, говорили, что все ясно. Предусмотрены два случая.

Билет оплачен — Италия или юг Франции, пожалуй* —Испания.

Билет увяз — Швейцария или Гельвеция.

Я собираюсь написать маленькое добавление к моим диалогам, но совсем в другом роде. Во-первых, название будет «Пролог». И затем последуют перефразированные

* Слово «пожалуй» написано по-русски.— *Ред.*

евангельские тексты: «Она не спит, она мертва» и «Оставим мертвым хоронить мертвецов».— Довольно отчаиваться, все кончено, тяжелые времена прошли. Он мертв, этот старый мир, ну, а мы не трупные черви.

Heraus denn*, чёрт побери!

Нравится ль вам это?

Я напишу там, что в 1848 году, когда все верили в жизнь, иные пророчили приближение смерти.

В 1849 году, когда мир ясно ощутил свою болезнь, пророчили самую смерть.

„ШАРИВАРИ ПОД УГРОЗОЙ НОВОГО ЗАКОНА О ПЕЧАТИ"

Карикатура на реакционный проект о печати и газету Луи Наполеона «Le Napoléon du dimanche»

Рисунок Ш. Вернье

Слева на заднем плане Тьер

«Charivari» от 15 апреля 1850 г.

«Был вынесен на обсуждение закон против печати и что же? Лишь один единственный листок поддержал его. Это „Napoléon"» (Из письма к Георгу Гервегу от 26 марта 1850 г.)

Но в 1850 году — забежав немного вперед — надо пророчить наступление дня, следующего за похоронами, надо заняться наследством и наследниками [3].

Гартман едет в Лондон, я дал ему реком⟨ендательное⟩ письмо к Линтону [4], редактору недавно основанной газеты «The Leader», которую он высылает мне из чувства расположения и которую я не читаю по невежеству. Прощай.

Тургенев сошел с ума: ехать сейчас умирать за Гарсиа [5] в лапах Николая.

Сегодня ко мне заходил Рейхель спросить, как написать Бакунину, чтобы узнать наверняка, гильотинирован ли он или нет [6]. Я ему посоветовал написать: «На гильотину до востребования» — вот до какого бездушия доводит страсть к болтовне.

* Так прочь отсюда (нем.).

[1] Гартман был автором романа «Адам и Ева», вышедшего в свет в Лейпциге в следующем году. Можно предположить, что именно на этот роман и намекает Герцен.

[2] *«Тэнтамарр»* — парижский юмористический журнал. Запрещению он не подвергся и просуществовал еще несколько десятилетий.

[3] Приведенные здесь строки, являющиеся единственным сохранившимся свидетельством о первоначальном плане статьи «Omnia mea mecum porto», датированной 3 апреля 1850 г., в окончательный текст не попали. В напечатанном тексте «Omnia mea mecum porto» встречаются более или менее близкие соответствия.

[4] Речь идет о неизданном письме Герцена к В. Линтону от 1 апреля 1850 г., фотокопия которого находится в распоряжении редакции «Лит. наследства» (подлинник в библиотеке Фельтринелли — Милан). В нем Герцен энергично рекомендовал Линтону «бывшего представителя Франкфуртского собрания, поэта и литератора Морица Гартмана, довольно известного в Германии».

[5] *Гарсиа* — девичья фамилия Полины Виардо, отправлявшейся на заграничные гастроли.

[6] Французская правительственная газета «Le Dix Décembre» сообщила 26 марта 1850 г., что саксонский король утвердил смертный приговор М. А. Бакунину и Рекелю и что им будут отрублены головы топором. Незадолго до того в другой правительственной газете — «Le Napoléon» — сообщалось, что Бакунину, Рекелю и Гейбверу удалось бежать и что они находятся на пути во Францию.

78

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 2 avril ⟨1850⟩

Eh bien, cher Georges, tu es jurisconsulte par amitié et rabuliste pour nous — merci, *caro mio*, mais c'est si étrange de te voir parler avec gravité (comme Crémieux[1]) des affaires et de m-r Klutschareff.— Je crois, au reste, *omni casu*, la réponse viendra bientôt.

Rien de nouveau. Il y a encore une élection à Paris,[2] on désigne Girardin. *Le National* consent à le nommer — en général les choses vont d'une manière très satisfaisante — au moins le vent est changé, ce n'est plus la *tramontana*.

Une semaine après la réponse je, c'est-à-dire nous, quittons Paris. On persécute ici les Allemands derechef sans aucune cause; on les chasse par fournées.

L'Odyssée est arrivée, je ne l'enverrai pas avant de la lire — l'hexamètre est magnifique, c'est du grec tout bonnement [3]. Un Russe peut tout faire — écrire des livres allemands sans connaître la langue!!![4] et traduire *l'Odyssée* sans comprendre le grec!

Перевод:

⟨Париж.⟩ 2 апреля ⟨1850 г.⟩

Итак, дорогой Георг, ты юрисконсульт и крючкотвор из дружбы к нам — спасибо, caro mio, но так странно видеть, как ты с важностью (словно Кремье[1]) рассуждаешь о делах и о господине Ключареве.— Думаю, впрочем, что, omni casu*, ответ скоро придет.

Ничего нового. В Париже готовятся еще к одним выборам[2], намечают Жирардена. «National» соглашается его выдвинуть — в общем, дела идут весьма удовлетворительно, по крайней мере, ветер переменился, это уже не «tramontana»**.

Через неделю после того, как придет ответ, я, то есть мы, покидаем Париж. Здесь опять без всякой причины преследуют немцев, их выбрасывают целыми пачками.

«Одиссея» прибыла, отошлю ее только когда прочту. Гекзаметр — великолепен, это настоящая греческая речь[3]. Русский человек все может: писать книги по-немецки, не зная языка!!![4], и переводить «Одиссею», не понимая по-гречески!

[1] Исаак-Адольф *Кремье* (1796—1880) — видный французский адвокат и политический деятель. Он должен был защищать Прудона на его процессе 10 апреля.

[2] Дополнительные выборы, назначенные на 28 апреля 1850 г.

---

* во всяком случае (лат.).

** «северный ветер» (итал.).

[3] «Одиссея» Гомера в переводе В. А. Жуковского, изданная в 1849 г. в Карлсруэ. Вскоре мнение Герцена об этом переводе изменилось к худшему. См. ниже письмо № 80.

[4] Намек Герцена на свою собственную книгу «Vom andern Ufer», продиктованную им по-немецки с русской рукописи Ф. Каппу

79

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 5 avril 1850

Tu prêches, cher Georges, un converti. Je ne me berce d'aucune espérance, oui, c'est la dissolution, le monde se *désagrège*, mais le principe désagrégeant a changé de caractère, et d'une fièvre lente il s'est développé en une phtysie galoppante [1].—Il y a quelque chose de triste et d'horrible dans ce spectacle de la mort triomphante. Tout se tient debout et a l'air fort, solide, mais dès qu'on y touche — ça croule, les muscles n'existent pas, il n'y a que l'épiderme et les os.

Des efforts convulsifs, des torrents de sang, par vengeance, dépit, désespoir — tout cela peut arriver,— mais le triomphe est impossible pour le vieillard comme au jour d'aujourd'hui pour l'enfant.

C'est bien dommage que tu ne sois pas ici — c'est un état de choses tout à fait nouveau. Le parti répub⟨licain⟩ forme une force compacte qui se connaît et *qui n'a pas* de chefs. Tous les noms sont taris, il y a des hommes qui ont quelqu'influence, mais pas de meneurs, pas de chefs. La Montagne est méprisée, Girardin n'inspire pas beaucoup de conf⟨iance⟩, *le National* encore moins, Pr⟨oudhon⟩ ⟨est⟩ en prison. Comment se fait-il donc qu'il y ait unité, discipline — c'est dans ce fait immense que je vois tout ce que les deux années ont produit de conduite et de tact dans les masses. Mais je citerai encore une fois Cromwell — tout cela n'est que l'opposition, réaction contre la réaction, digue qui s'est élevée pour s'opposer à ce débordement de compression — «tout cela sait ce qu'on ne veut pas» — mais ne sait pas ce qu'on veut.[2] — Et c'est précisément la position de l'autre parti: les autres ne se sont jamais rendu compte ⟨de⟩ ce qu'ils feront, l'autorité une fois sauvée, augmentée, multipliée — n'est-ce pas le chaos? Je dirai franchement que ce spectacle m'occupe comme une tragédie, comme une collision qui se déroule avec complications, collisions terribles, mais à laquelle on ne prend pas de part active, autrement que par *Wißbegierde*, et par cet intérêt passionné que l'homme porte à tout ce qui est tragique, menaçant, orageux. Il y a encore un élément qui agace l'intérêt — c'est que dans une position pareille l'on ne peut rien prévoir, l'imprévu y règne, comme rien n'est stable — tout peut arriver et peut-être rien. Et c'est dans ces époques que l'individu se sent le plus libre — et qu'on répète le *vanitas vanitatum* de tout ce qui paraissait sérieux. Mais enfin, c'est assez, je suis las de cette fièvre, et de l'autre, de la fièvre du billet.

Dès que la réponse sera venue, je me déciderai à partir pour aller vous rejoindre, et pour passer au moins l'été — tranquillement, perdu dans les montagnes ou dans la mer.

Pense mûrement au projet du testament [3]. Peut-être il serait plus raisonnable d'attendre la réponse, elle ne peut tarder à présent.

Emma commence derechef à s'ennuyer ici, elle pourrait, je crois, partir avant nous, c'est même utile pour l'économie — aller à Berne, au reste je ne comprends rien de ce que tu as contre Zurich, ce serait le point où nous nous trouverions pour nous en aller.

Tourg⟨ueneff⟩ part lundi, reste un mois à Berlin, et rentre ensuite à Péters⟨bourg⟩; je ne voudrais pas être dans sa peau, même s'il n'avait pas une vessie enragée [4]. L'hist⟨oire⟩ d'Ogar⟨eff⟩ reste toujours comme un nuage noir et pesant.

Adieu, *caro mio.*

P. S. Die Geschichte mit der Promenade war im Briefe von m-lle Ern [5].

Parmi les conjectures concernant la lettre d'Og⟨areff⟩ il me venait dans la tête celle-là: «Et si tout cela n'est qu'une rouerie de la police pour provoquer une lettre de ma part, que ce n'est pas Og⟨areff⟩ qui l'a écrite?».

Pourquoi dépraves-tu les notions de Colà, je trouve que c'est faire le tout avoir confiance dans la nature et ne pas influencer Schibel *vice versa*, il *

Перевод:

⟨Париж.⟩ 5 апреля 1850 г.

Ты ломишься в открытую дверь, дорогой Георг. Я не убаюкиваю себя никакой надеждой — да, это распад, мир *разлагается*, но характер разлагающего начала изменился в своей основе, затяжная лихорадка превратилась в скоротечную чахотку [1]. Есть что-то печальное и страшное в этом зрелище торжествующей смерти. Всё еще держится и кажется крепким, прочным, но стоит только коснуться, и всё рухнет — мускулов нет, остались лишь кожа да кости.

Судорожные усилия, потоки крови, вызванные местью, досада, отчаяние — все это, может, и будет, но победа так же несбыточна для старца, как она несбыточна нынче для ребенка.

Очень жаль, что тебя здесь нет — положение дел теперь совершенно новое. Республ⟨иканская⟩ партия образует компактную, осознавшую себя силу, но *у нее нет* вождей. Все имена оскудели, есть люди, пользующиеся некоторым влиянием, но нет вожаков и нет вождей. Гора вызывает презрение, Жирарден не внушает особого дов⟨ерия⟩, «National» и того меньше, Пр⟨удон⟩ — в тюрьме. Откуда же берется единство, дисциплина — именно в этом огромном явлении я и вижу, какой выдержке и такту истекшие два года научили массы. Но я еще раз сошлюсь на Кромвеля — все это не что иное, как оппозиция, реакция на реакцию, плотина, воздвигшаяся для того, чтобы стать преградой безудержному гнету — «все они знают, чего не хотят», но не знают, чего хотят [2].— Такова именно позиция другой стороны; остальные же никогда не отдавали себе отчета, что стали бы они делать, если бы им удалось спасти, усилить и распространить власть — ну, не хаос ли это? Скажу откровенно, что это зрелище занимает меня как трагедия, как коллизия, полная осложнений, полная страшных осложнений, но в которой сам активного участия не принимаешь, разве только из Wißbegierde** да из того страстного интереса, который человек проявляет ко всему трагическому, грозному, бурному. Есть еще один элемент, возбуждающий интерес: дело в том, что в подобных обстоятельствах нельзя ничего предвидеть, здесь царит непредвиденное, а раз ни в чем нет устойчивости, все может случиться, а может и ничего не случиться. Именно в такие эпохи личность чувствует себя свободнее, чем когда-либо, и люди твердят о vanitas vanitatum*** всего, что казалось важным. Но хватит, я устал от этой лихорадки и от той — билетной лихорадки.

Как только получится ответ, я решусь, наконец, выехать, чтобы присоединиться к вам и провести хотя бы лето спокойно, затерявшись где-нибудь в горах или на море.

Обдумай основательно проект завещания [3]. Может быть, разумнее было бы подождать ответа, теперь он уже не должен задержаться.

Эмма опять начинает здесь скучать; мне кажется, что она могла бы уехать и раньше нас; это даже полезно в целях экономии — отправиться в Берн; впрочем, я совершенно не понимаю, почему ты против Цюриха, он послужил бы местом нашей встречи, а оттуда мы бы двинулись дальше.

Тург⟨енев⟩ уезжает в понедельник, пробудет месяц в Берлине, затем вернется в Петер⟨бург⟩. Я бы не желал быть в его шкуре, даже если б он и не страдал воспалением пузыря [4]. Огар⟨евская⟩ ист⟨ория⟩ по-прежнему как черная нависшая туча.

Прощай, caro mio.

---

* Конец письма отсутствует.— *Ред.*

** любознательности (нем.).

*** суете сует (лат.).

P. S. История с прогулкой была в письме м-ль Эрн[5].

Среди предположений, относительно ог⟨аревского⟩ письма, мне пришло в голову и такое: «А вдруг это только полицейская проделка, имеющая целью подстрекнуть меня написать ответ, и писал письмо вовсе не Ог⟨арев⟩?»

Зачем ты извращаешь колины понятия о вещах, я полагаю, что достаточно довериться природе и что не надо внушать Шибелю vice versa*, он **

[1] В письме, на которое, по-видимому, отвечает Герцен, Гервег писал: «Я ни во что больше не верю в этом мире, который рушится, и даже в длительность личных отношений. Процесс распада все подвигается и подвигается...» (XIV, 73). М. К. Лемке отнес это письмо к маю 1850 г.

[2] Герцен процитировал это высказывание также и в статье «Vixerunt!», вошедшей в состав «С того берега», заявляя по поводу демократов, что они «только *знают* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотят*; *чего они хотят, они не знают*» (изд. АН, т. VI, стр. 77).

[3] Речь идет о завещании, которое должна была составить мать Герцена.

[4] И. С. Тургенев уехал из Парижа в Россию лишь 12/24 июня 1850 г. Герцен отправил с ним какие-то письма и бумаги («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену». Женева, 1892, стр. 89). Герцен опасался, что Тургенев, скомпрометированный своей близостью к радикальным кругам, может быть арестован царской полицией.

[5] О какой *истории с прогулкой* говорит здесь Герцен, неизвестно, так как письмо М. К. Эрн до нас не дошло

80

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 8—10 апреля 1850 г.⟩

Cher Georges, la lettre de change de ma mère est parfaitement en ordre. Lorsque je parlai avec toi de cette affaire, elle n'était pas tout à fait terminée. Je crains que m-me Golochw⟨astoff⟩ ne voudra pas payer, alors la vente sera de 50 ou de 60 p⟨our⟩ 100. Mais pourtant on peut faire un essai [1]. M-lle Ern peut écrire une lettre très simple à Klut⟨schareff⟩ que vous enverrez par le consul Wurtem⟨bourgeois⟩, et faites envoyer la lettre de change ici (c'est à dire à Zurich). Moi j'en parlerai à Rotsch⟨ild⟩, s'il donne 85 % je la lui cède.— Il faut te dire qu'il n'y a aucune possibilité de ne pas accepter la lettre de change, puisque Goloch⟨wastoff⟩ a donné (au créancier) son consentem⟨ent⟩ au transfert par écrit, après quoi il a signé la lettre de change — donc il n'y a pas de contestation possible. Tu vois qu'il y a un simulacre de droit parce que la banque de Moscou a eu honte de dire qu'il y avait un interdit. Si vouz voulez attendre jusqu'à la réponse, j'écrirai de ma part aussi une longue lettre pour ce mons⟨ieur⟩ Klutsch⟨areff⟩.

L'Odyssée de Jouk⟨ovsky⟩ pourtant est tombée dans mes yeux; en t'écrivant, j'avais dans la tête une page magnifique, mais en continuant la lecture Tourg⟨ueneff⟩ et moi nous avons été frappés de la monotonie atroce de son vers. Figure-toi que le mètre ne varie jamais, se sont des dactyles — 5 000 000 de dactyles, c'est pire que Briarée [2].— Lamartine a fait représenter une mauvaise tragédie de sa confection — chute complète; les seules traces qu'elle laissera, seront les taches noires sur le visage de Frédéric Le maître [3].

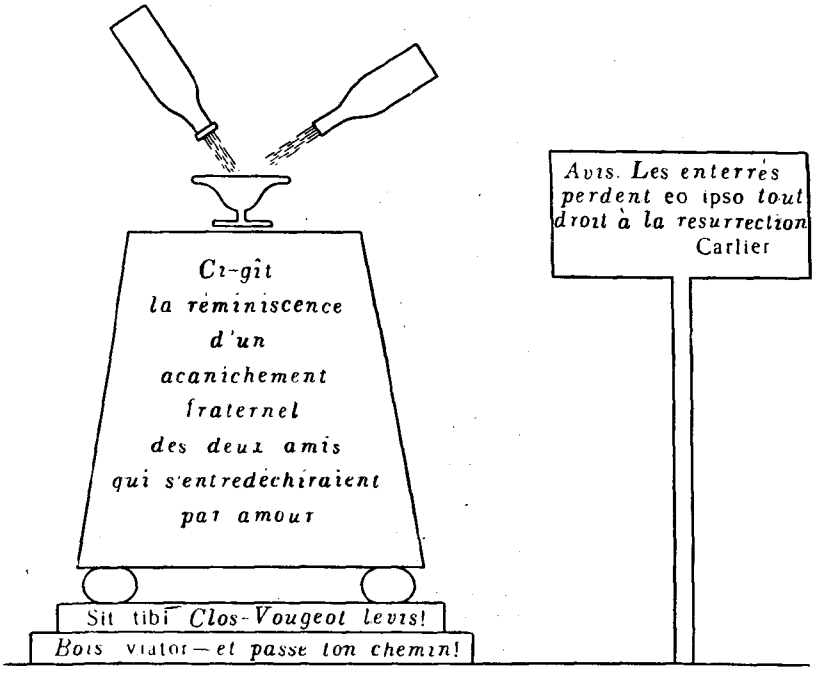
Le plan de l'avenir s'éclaircit et se simplifie. Tu sais la grrrande nouvelle de Gasser, cela sera vraiment par trop stupide de ne pas payer après cela, puisque la banque-même a donné une preuve à Rotsch⟨ild⟩ que la demande est en règle. Pourtant je ne serai sûr que lorsque nous aurons reçu la dernière

---

* обратное (лат.).

** Конец письма отсутствует.— *Ред.*

réponse. Tu sais aussi qu'elle ne peut être différée qu'au 13 av⟨ril⟩. Rien n'empêche donc notre départ vers la fin du mois. Nous nous réunirons à Zurich. Nous ne parlerons plus des tracasseries nerveuses du mois de janvier. parce que je suis à présent de ton avis qu'il y avait de l'irritation maladive aussi de ma part — à présent je ne serais pas capable à te catiliniser et enphilippiquer [4] de cette manière. Mettons une pierre tumulaire.

Mais sais-tu que je crois que c'est très bon, au reste, que nous nous soyons entrecritiqués, nous connaissons à présent mieux nos caractères — et ensuite il en reste toujours quelque vérité.

Les circonstances sont brûlantes ici, on peut prévoir de grands malheurs, l'air est lourd— très lourd. On se prépare je ne sais à quel coup.— *Fort, fort von hier.* Mais il faut te dire que d'après tous les renseignements, Nice n'est pas un endroit trop bien choisi — nous en parlerons.

Перевод:

⟨Париж. 8—10 апреля 1850 г.⟩

Дорогой Георг, заемное письмо моей матери в полном порядке. Когда я говорил с тобой об этом деле, оно еще не совсем было закончено. Боюсь, что г-жа Голохв⟨астова⟩ не захочет платить, тогда расчет будет произведен из 50 или 60%. Все же надо сделать попытку [1]. М-ль Эрн может написать простое письмецо Ключареву, которое вы отправите через вюртем⟨бергского⟩ консула и попро́сите переслать заемное письмо сюда (т. е. в Цюрих). А я переговорю с Ротш⟨ильдом⟩, если он даст 85%, я ему это письмо уступлю.— Должен тебе сказать, что не принять к уплате заемное письмо нет ни малейшей возможности, потому что Голох⟨вастов⟩ дал (кредитору) письменное согласие на перевод, и тот подписал заемное письмо уже после этого— стало быть, опротестовать его невозможно. Как видишь, некое подобие законности все же существует,— ведь московский банк постеснялся сказать, что наложено запрещение. Если вы хотите дожидаться ответа, я с своей стороны напишу обстоятельное письмо для этого господ⟨ина⟩ Ключ⟨арева⟩.

«Одиссея» Жук⟨овского⟩ все же упала в моих глазах; когда я писал тебе, у меня из памяти не выходила одна великолепная страница, но, продолжая чтение, мы с Тург⟨еневым⟩ были поражены ужасающим однообразием его стиха. Представь себе, что размер ни разу не меняется, сплошной дактиль — 5 000 000 дактилей — это хуже Бриарея[2].— Ламартин поставил плохую трагедию собственной стряпни — полный провал; единственный след, который от нее останется, это черные пятна на лице Фредерика Леметра[3].

План на будущее проясняется и упрощается. Тебе известна потрррясающая новость, сообщенная Гассером: было бы действительно слишком глупо после этого не заплатить, раз даже банк подтвердил Рот⟨шильду⟩, что иск законен. И все же я не буду уверен, пока не получим окончательного ответа. Тебе известно также, что его нельзя откладывать позднее 13 ап⟨реля⟩. Итак, ничто не препятствует нашему отъезду в конце месяца. Мы съедемся в Цюрихе. О январских нервических спорах мы больше говорить не станем, ибо теперь я согласен с тобой, что и с моей стороны имело место болезненное раздражение. Теперь я уже не мог бы тебя так катилинизировать и филиппизировать [4]. Положим надгробный камень *.

Здесь покоится
воспоминание
о братской
грызне
двух приятелей,
любя изорвавших
друг друга
в клочья.

Предупреждение. Погребенные теряют eo ipso **** всякое право на воскрешение.

Карлье[5]

Sit tibi Кло-Вужо levis!**
Выпей, viator ***, и продолжай свой путь!

Впрочем, я думаю, это все же очень хорошо, что мы покритиковали друг друга: теперь мы лучше знаем наши характеры, а от этого всегда остается доля истины.

Обстановка здесь накаленная, можно ожидать больших несчастий, воздух душный, очень душный. Все готовятся к какому-то удару. Fort, fort von hier *****. Но надо тебе сказать, что, по наведенным справкам, Ницца не слишком удачно выбранное место; мы еще поговорим об этом.

[1] В «Былом и думах» Герцен писал: «После кончины моего отца, он ⟨Д. П. Голохвастов⟩ мне остался должен 40 000 сер⟨ебром⟩. Я уехал за границу, оставив этот долг за ним. Умирая, он завещал, чтобы мне первому было уплачено, потому что официально я не мог ничего требовать. Вслед за вестью о его кончине я по следующей почте получил все деньги» (изд. АН, т. IX, стр. 201). Это указание не совсем точно. В апреле 1849 г. долг Голохвастова был переведен на имя матери Герцена (см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 235). О задержке с выплатой этой суммы после смерти Голохвастова см. в следующих письмах.

[2] Шутливое преувеличение: в «Одиссее» Гомера, переведенной Жуковским,—менее 8000 стихов.—*Бриарей*—чудовище античной мифологии, сын Неба и Земли, имевший пятьдесят голов и сто рук.

[3] Речь идет о драме в стихах Ламартина «Toussaint-Louverture», поставленной впервые в «Théâtre de Saint-Martin» 6 апреля 1850 г. Фредерик Леметр исполнял в ней главную роль — известного руководителя восстания негров на Сен-Доминго, Туссена Лувертюра (1748—1803).— *Черные пятна* — грим на лице Леметра, игравшего негра.

[4] Герцен имеет в виду свои письма, в которых Гервег резко осуждался за его отношение к Эмме; он сравнивает эти письма с обличительными речами Цицерона (против Катилины) и Демосфена (против Филиппа Македонского).

[5] Пьер *Карлье* (1799—1858) — префект парижской полиции.

---

* Следующие далее надписи сделаны Герценом на рисунке, который воспроизводится на предыдущей странице. — *Ред.*

** Да будет тебе Кло-Вужо легко! (лат.).

*** прохожий (лат.).

**** тем самым (лат.).

***** Прочь, прочь отсюда (нем.).

81

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 11 avril 1850

Je suis, cher Georges, tout à fait comme une certaine partie de l'océan — «pacifique» et tu n'es pas parvenu par ta lettre ni à m'irriter, ni à me forcer à répondre. *Non bis in idem.* Tes reproches concernant notre séjour de Paris me paraissent dans le genre comme si tu me disais: «Quel caractère volage, tu m'a dit toi-même que tu serais bienportant le 1 février et tu es encore plus malade — le 1 avril. Quel entraînement pour les plaisirs de la maladie, peut-on se confier à ce que tu dis?» Je t'ai écrit un mot concernant Emma — tu es d'un autre avis, moi je ne te tiens pas au mien — *fiat voluntas tua.*

Concernant le testament, j'ai seulement observé que d'après des nouvelles que vous ne connaissiez pas encore, l'affaire ne tardera pas à être résolue — et en cas de l'encaissement, il devient inutile. Je continue à avoir à présent des espérances, au reste, pourquoi pas, on peut faire; n'y a-t-il pas de possibilité (en Russie on le fait) de charger de l'exécution du testament la banque de Stuttgart en offrant une prime. De manière que ce serait la banque qui exigerait la somme d'une manière anonyme.— On attend chez Rotsch⟨ild⟩ la réponse aujourd'hui, et avant de mettre cette lettre à la poste, je passerai chez lui.

La courte haleine et le petit diamètre du cerveau français se font jour. Tu as lu probablement le fatras de bêtises par lesquelles on a éloigné la candid⟨ature⟩ de Girardin et ⟨de⟩ Pr⟨oudhon⟩ lui-même. Et la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩* qui commence à présent une lutte avec Girar⟨din⟩ après avoir été 6 ⟨fois⟩ saisie et ayant 4 procès sur le dos [1]. Avec qui donc restera-t-elle alliée — avec le *National?* La belle chose, c'est que l'autre partie est dix fois plus divisée, personne ne s'est ⟨...⟩ * plus — *politische Walpurgisnacht.*

La grande nouvelle de notre cercle c'est que Tourguen⟨eff⟩ s'est complètement émancipé après le départ de m-me V⟨iardot⟩; il ne parle plus de sa vessie, il va chez une garce du boulevard r⟨ue⟩ Taitbout, il a une foi religieuse dans sa santé... et il boit avec l'ardeur d'un néophyte le bourgogne. Après cela j'attends tout, un concert donné par le roi de Prusse en faveur des réfugiés de Bade, l'empereur Nicolas perdant la Russie au lansquenet à Flocon [2], Carlier devenu rédacteur de la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩* et Proudhon devenant Bocquet.— Il [3] part samedi.

Егору Федоровичу

Перевод:

⟨Париж.⟩ 11 апреля 1850 г.

Дорогой Георг, я совсем как та часть океана, где он именуется «тихим», и тебе не удалось ни разозлить меня твоим письмом, ни принудить к ответу. Non bis in idem**. Твои упреки относительно нашего пребывания в Париже мне кажутся в том же духе, как если бы ты сказал: «Что за ветреный характер, ты сам мне заявил, что 1 января будешь здоров, но уже 1 апреля, а ты еще сильнее заболел. Что за страсть находить удовольствие в болезни, можно ли после этого верить тому, что ты говоришь?» Я написал тебе несколько слов об Эмме,— ты держишься другого мнения, но я готов отказаться от своего — fiat voluntas tua***.

Что касается завещания, могу сказать только, что, судя по сведениям, которые до вас еще не дошли, дело вскоре будет решено — и в случае уплаты денег, оно

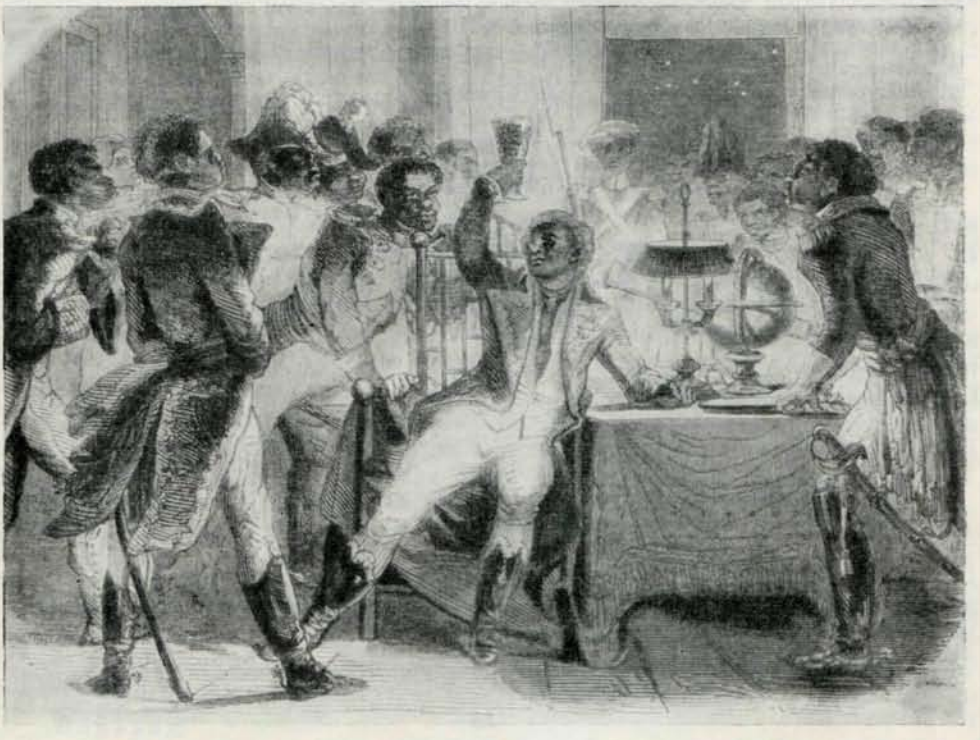
* Письмо повреждено.— *Ред.*

** Дважды одно и то же не повторяют (лат.).

*** да будет воля твоя (лат.).

становится ненужным. Я и теперь продолжаю надеяться; но, впрочем, можно будет его и сделать, почему бы нет? Нельзя ли (в России так делают) назначить душеприказчиком штутгартский банк, предложив ему за это вознаграждение? Таким образом деньги будут истребованы банком без всякого обозначения имени. У Ротш⟨ильда⟩ ждут ответа сегодня, и прежде чем отправить это письмо на почту, я зайду к нему.

Ограниченность и малый диаметр французского мозга дают о себе знать. Ты, вероятно, читал тот ворох глупостей, посредством которых была отклонена кандид⟨атура⟩ Жирардена и даже Пр⟨удона⟩, а какова «V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩»! Она затевает

ФРЕДЕРИК ЛЕМЕТР В РОЛИ ТУССЕНА ЛУВЕРТЮРА, В ОДНОИМЕННОЙ ПЬЕСЕ ЛАМАРТИНА

Театр Порт-Сен-Мартен

«L'Illustration» от 3 апреля 1850 г.

«Ламартин поставил плохую трагедию собственной стряпни — полный провал; единственный след, который от нее останется,—это черные пятна на лице Фредерика Леметра» (Из письма к Георгу Гервегу от 8—10 апреля 1850 г.)

теперь борьбу с Жирар⟨деном⟩, хотя была сама 6 ⟨раз⟩ конфискована и 4 раза отдана под суд[1]. С кем же она теперь останется в союзе, с «National», что ли? Но лучше всего, что противная сторона стала еще в десять раз разобщенней, никто больше ⟨...⟩*— politische Walpurgisnacht**.

В нашем кругу большая новость — Тургенев после отъезда г-жи Виардо совершенно эмансипировался. Он не говорит больше о своем пузыре, ходит к бульварной девке на у⟨лицу⟩ Тэтбу, свято верит в собственное здоровье... и с рвением неофита пьет бургундское. После этого можно всего ожидать: и что король прусский устроит концерт

---

* Письмо повреждено.— *Ред.*

** политическая вальпургиева ночь нем. .

в пользу баденских эмигрантов, и что император Николай проиграет Флокону [2] Россию в ландскнехт, и что Карлье станет редактором «V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩», а Прудон превратится в Боке. Он [3] уезжает в субботу.

Егору Федоровичу *

[1] «Voix du Peuple», вскоре после выдвижения кандидатуры Э. Жирардена, выступила со статьей, в которой утверждалось, что Жирарден ни в коей мере не может представлять на выборах революционную Францию, и выставила от себя кандидатом престарелого Дюпон де Л'Эра (см. «Voix du Peuple», № 189 от 9 апреля 1850 г.). На следующий день Э. Жирарден лицемерно отказался от своей кандидатуры, напечатав в принадлежавшей ему газете «La Presse», что он без всякого сожаления стушевывается «перед кандидатурой восьмидесятитрехлетнего старца». На самом же деле он продолжал вести упорную борьбу за свое избрание.

[2] Фердинан *Флокон* (1800 — 1866) — журналист, министр земледелия и торговли во временном правительстве.

[3] Имеется в виду Тургенев, готовившийся к отъезду в Россию.

82

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 12 апреля 1850 г.⟩

Eh bien, *Georgio furioso*, voilà derechef une pilule pour nous tous — enfin tu penseras que je suis du complot avec la banque.— Au reste, c'est vraiment dégoûtant, cette fluctuation de tous les jours.

Je n'écrirai pas avant une réponse[1].

Le 12 avril.

Madame Louise Haag.

Перевод:

⟨Париж. 12 апреля 1850 г.⟩

Итак, Georgio furioso **, вот новая пилюля для всех нас — ты, в конце концов, подумаешь, что я состою в заговоре с банком. — Впрочем, эти ежедневные колебания действительно несносны.

Я напишу только по получении ответа [1].

12 апреля

Госпоже Луизе Гааг

[1] По поводу ожидавшихся писем из Петербурга о судьбе векселя матери Герцена.

83

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 16 avril ⟨1850⟩. Paris

Je suis maussade et plus irrité que triste, enfin cette histoire avec le billet me fait porter des chaînes et empêche chaque pas libre, anéantit tous mes projets, ne me donne pas cet élément de repos que je cherche.

L'illégalité des procédés russes est criante — c'est la spoliation *in crudo* — et qui diable sait jusqu'où va l'énergie de Rotsch⟨ild⟩; ce que je crains le plus c'est une lettre confidentielle du ministre de la police à Rot⟨schild⟩ qui lui expliquera l'affaire à sa manière, en le priant officieusement de la laisser tomber. Alors il ne restera que Wurtemberg; allez-y, faites tout ce qu'on peut inventer, serait-ce du superflu, il n'y a pas de mal.— Concernant le testam⟨ent⟩, moi je ne peux pas être nommé héritier, si l'argent reste en Russie; j'ai perdu tous les droits là. Donc n'y pensez pas. Si l'argent est envoyé ici — on peut tout faire ou rien *ad libitum*.— Il faut donc un tiers (même celui de la place St. Georges qui n'est qu'un quart), ou les enfants, ou désigner, au moins, un tuteur et un exécuteur testamentaire.— Assez.

* Имя и отчество написаны по-русски. — *Ред.*

** неистовый Георг (итал.).

Partie des projets. J'irai à Nice dès que je pourrai, à Nice ou à Cannes, peut-être par la Suisse, peut-être par Genève ou tout droit. Cela dépend de la santé de Natalie—donc prépare-toi et concerte-toi avec Emma. Je ne veux que du repos, du repos—tout me dégoûte. Pr⟨oudhon⟩—après avoir fait lui-même mille bêtises, le dernier temps écrit à un de ses amis: «Au diable l'espèce humaine, sauvons-nous dans l'ironie, allons jusqu'à la mort, l'ironie sur les lèvres»[1].

Partie littéraire. Le *Lloyd* dans le № 5 *Apr⟨il⟩* a eu l'extrême bonté de couvrir toi et moi d'un tas de bêtises bien drôles, il dit que tu es tombé si bas que tu as écrit *zéro* dans la rubrique de la religion, et qu'un *Jérémias* sur les ruines des barricades a publié un livre d'un intérêt pathologique; on y voit comment la lecture de *Ruge* (!) et de Feuerbach a mis la confusion dans un cerveau russe.— Mais le comble de la plaisanterie est par rapport à la lettre sur la R⟨ussie⟩; il dit que cette lettre a été dédiée à Maz ⟨zini⟩ et ensuite à toi. L'auteur finit en disant à l'Allemagne: «Pauvre pays, blanchi dans la méditation, de pareils parvenus osent te faire des prédications». (Et ajoute: «*Ein angeblicher russischer Baron A. H.*»)[2].

Partie humanitaire (*scilicet bestiale*). Personne n'a su qu'Eugène Sue serait tué par le conclave[3], on ne dira pas à présent que la démocratie est sangsue.—Au reste, je t'assure, ce n'est ni la démocratie, ni la Loui⟨s⟩ocratie, ni l'Orléanocratie ou la 5%-nocratie — ne sont ni vainqueurs ni vaincus — c'est l'Acratie qui se pose sur le trône, et se noircit l'abdomen, parce que le trône a été grillé, place Bastille le 24 février. Depuis qu'on donne ici *Toussaint L'Ouverture* on ne craint plus la couleur noire, et Tourgueneff qui prospère encore dans les rues de Paris et ne part que samedi, cherche avec un zèle digne de tout éloge une négresse pour avoir une idée juste avant de partir pour la Russie blanche de la Toute sainte ouverture — noire.

Addio, *caro mio.*

Hast du gehört, daß bei Rachel eine Feder gesprungen ist indem sie die Phèdre vorstellte?[4]

Il y a déjà plus d'une semaine que les *Confess⟨ions⟩* devaient être expédiées. Je demanderai demain. — *Briefe morgen.*

Перевод:

16 апреля ⟨1850 г.⟩. Париж

Я не в духе и больше зол, нежели опечален — словом, это дело с билетом связало меня по рукам и ногам, мешает каждому моему шагу, разрушает все мои планы, не дает мне того элемента покоя, которого я ищу.

Беззаконие русских порядков просто вопиюще, это грабеж in crudo *, и чёрт его знает, хватит ли у Рот⟨шильда⟩ энергии; чего я больше всего боюсь, это конфиденциального письма министра полиции к Рот⟨шильду⟩, в котором он объяснит ему дело по-своему и полуофициальным образом попросит похоронить его. Тогда останется только Вюртемберг; поезжайте туда, сделайте все, что только можно выдумать; пусть даже что-нибудь лишнее, беды в том не будет. Что до завещ⟨ания⟩, то меня нельзя указывать в качестве наследника,если деньги останутся в России; я потерял там все права. Стало быть, об этом вы и не помышляйте. Если деньги пришлют сюда, можно будет ad libitum ** делать все, что хочешь, или ничего не делать. — Нужно, следовательно, взять какое-то третье лицо (пусть даже то, с площади St. Georges, что составляет только четверть лица), или детей, или хотя бы назначить опекуна и душеприказчика. — Ну, довольно.

О планах. Поеду в Ниццу как только смогу; в Ниццу или в Канны — может, через Швейцарию, может, через Женеву или же прямо. Это зависит от состояния здо-

* откровенный (лат.).

** по желанию (лат.).

ровья Натали; итак, приготовься и договорись с Эммой. Я хочу только покоя, только покоя, мне все опротивело. Пр⟨удон⟩, после того, как сам наделал тысячу глупостей, написал недавно одному из своих друзей: «К чёрту весь род людской, будем искать спасения в иронии, пройдем наш путь до гробовой доски с иронической улыбкой на устах»[1].

О литературе. «*Lloyd*» в номере от 5 апреля, по беспредельной доброте своей, высыпал на нас с тобой целый ворох невероятных нелепостей: он говорит, будто ты так низко пал, что проставил *нуль* в рубрике религии, и что некий *Иеремия* опубликовал на развалинах баррикад книгу, представляющую патологический интерес, ибо она отражает ту путаницу, которую внесло чтение *Руге* (!) и Фейербаха в русские мозги.— Но самое смехотворное относится к письму о Р⟨оссии⟩; он утверждает, будто письмо это было посвящено Мац⟨цини⟩, а затем тебе. Автор заканчивает обращением к Германии: «Бедная страна, поседевшая в размышлениях, и подобные проходимцы смеют предсказывать твою судьбу!» (Он добавляет «Ein angeblicher russischer Baron A. H.»*)[2].

О человеческом (scilicet bestiale)**. Никто не знал, что Эжен Сю будет сражен конклавом [3], и теперь без Эжена Сю уж не будут кричать, что демократия кровопийца***. — Впрочем, уверяю тебя, ни демократия, ни Луикратия, ни Орлеанократия, ни 5%-кратия не являются ни победителями, ни побежденными — это Акратия, которая взобралась на трон и закоптила себе брюхо, так как трон был сожжен 24 февраля на площади Бастилии. С тех пор как здесь дают «Туссэна Лувертюра», никто больше не боится черного цвета, а Тургенев, который все еще благоденствует на улицах Парижа и уезжает только в субботу,— ищет с рвением, достойным всяческой похвалы, негритянку, чтобы до отъезда в белую Россию получить полное представление о черной пресвятой наготе****.

Addio, caro mio.

Слыхал ли ты, что у Рашели лопнула пружинка, когда она играла Федру*****[4].

Уже больше недели, как «Исповедь» должна была быть отослана. Завтра я справлюсь.— Письма завтра.

[1] Герцен не совсем точно цитирует письмо Прудона от 14 апреля 1850 г., адресованное Альфреду Даримону. Прудон писал: «К чёрту род людской! Возьмемся за бич Иронии, направим кровавую иронию на людей и на вещи! ⟨...⟩ Говорите правду при всяком удобном случае; стучите, колотите, для вас нет другой роли» («Correspondance de P.-J. Proudhon», t. III. Paris, 1875, p. 198).

[2] «*Lloyd*» — реакционная венская газета. Анонимная статья, которую излагает здесь Герцен, появилась в № 130. В открытом письме к Ш. Риберолю от 7 февраля 1854 г., Герцен, вспоминая об этих высказываниях «Lloyd'а», писал: «Австрийский „Ллойд", говоря об моей книге „Vom andern Ufer", называет меня русским Иеремием, плачущим на развалинах июньских баррикад, и прибавляет, что книга моя замечательна как *патологический* факт, показывающий, какой беспорядок вносит в русскую голову немецкая философия и французская революция» (изд. АН, т. V, 1955, стр. 223—224).

[3] В ночь с 13 на 14 апреля 1850 г. в Париже собрался комитет социалистов и демократов, назвавший себя конклавом (собором) для избрания кандидата на выборы 28 апреля. Наибольшее число голосов получил на этом «конклаве» автор «Парижских тайн» Эжен Сю (164 голоса). Во время обсуждения кандидатур вокруг имени Сю разгорелась ожесточенная дискуссия, и по его адресу было произнесено немало резких слов. Стенограмма заседания была напечатана в № 195 «Voix du Peuple» от 15 апреля 1850 г. Под ее впечатлением Герцен и пишет Гервегу. Итоги окончательного голосования комиссии оказались благоприятными для Сю — он получил абсолютное большинство голосов и в результате был объявлен кандидатом социально-демократического комитета от департамента Сены.

[4] *Федра*, героиня одноименной трагедии Расина,— одна из центральных ролей Рашели.

---

* Какой-то А. Г., выдающий себя за русского барона (нем.).

** то есть животном (лат.).

*** Каламбур: «Sue» (фамилия писателя) и окончание слова «sangsue» (кровопийца) пишутся и произносятся по-французски одинаково.

**** Каламбур. Перевод приблизительный.

***** Игра слов: «Feder» (по-немецки — «пружина») и «Phèdre» (по-французски — «Федра») звучат почти одинаково.

84

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 19 avril ⟨1850⟩

Ça ne va plus,
Ça ne va plus,
Ça ne va plus comme autrefois!

L'affaire s'entortille, tu peux savoir les détails par la lettre à ma mère et j'ai perdu mon latin; «*haben sie warten gelernt?*»— Le fait est qu'à présent sans perdre de temps faites votre besogne à Stuttgart, n'oubliez pas de dire que l'argent a été envoyé de Mosc⟨ou⟩ à Pétersb⟨ourg⟩, donc qu'il faut s'adresser à la Banque de Péters⟨bourg⟩ et que le billet a été remis par Rotsch⟨ild⟩ à Gasser.— Il faut prendre les Wurtembourgeois par l'amour-propre, mais c'est du pillage, ce Weitling de Nicolas, vieux Cabet, communiste comme il n'y en a pas, Babœuf de la Néva [1].

Finis l'affaire et va-t-en à Nice, je ferai tout mon possible pour pouvoir venir.

Tu vois, dès que tu m'as écrit, la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩* s'est changée; aujourd'hui elle n'est pas rance et les 400 martyrs neptunisés la feront saisir, j'en suis sûr [2]. Je te répéterai ce que j'ai écrit à Bamberger: «Es sind nicht die Russen die kommen, die Narren kommen, von allen Seiten, die Narren kommen — alles wird unverständlich. Die Narren kommen, unsere Narren, die rotfarbigen Narren — Juchei, Zaza, Hop⟨s⟩assa ... — das Chaos, das Chaos» [3] — et ce n'est que l'esprit de vin (non pas divin) qui surnage.

Lamartine part pour l'Orient, Thiers part pour je ne sais quelle contrée,— *Niemand ging aus, keiner ging aus, wer blieb zu Haus?*

Je suis plus irrité que spirituel, quoique je ne comprenne rien, pourquoi veux-tu lire l'Evangile d'Ostromir, traduction slave Cyrilienne, très compréhensible, dans une langue (si je ne me trompe) bulgaro-slave?

On a trouvé à Reims il y a une dizaine d'années un Evangile slave très ancien.

Moi j'ai relu nouvellement l'histoire de l'insurrection de Pugatscheff par Pouchkine, c'est tellement caractéristique qu'on pourrait en faire un petit article (c'est bien dommage que Pouchkine ait été trop aristocrate avec tout son génie pour comprendre, et trop resserré par la censure pour tout dire). Sur chaque page on trouve des douceurs à la Marat dans le genre: «Arrivé dans la petite ville N. P⟨ougatcheff⟩ a ordonné de pendre tous les officiers, tous les nobles, 20 prêtres, en déclarant le bas peuple et les paysans libres pour l'éternité»[4]. «... Et il traversa quatre provinces immenses et il était souverain autocratissime pendant quelques mois. „Moi, je suis un petit corbeau,— disait-il à Panine, déjà garrotté et livré par ses amis,— mais le vautour plane encore dans les airs, il viendra encore!"» [5] Je suis curieux de savoir ce que le vautour fera, si cela n'était qu'un jeu d'enfant.

Adieu.— Pourquoi donc tu n'as pas reçu les *Confess⟨ions⟩*, on les ⟨a⟩ envoyées au moins 10 jours, réclame-les... peste, jure et tonne!

Les lettres ne sont pas encore env⟨oyées⟩, je les enverrai demain. Tourg⟨ueneff⟩ est encore ici, sa santé va de mieux en mieux, il nous avertit tous les jours qu'il part demain. Je crois même qu'il y a quelque rélation mystique entre le f⟨...⟩ billet et lui. *Addio.*

Перевод:

⟨Париж.⟩ 19 апреля ⟨1850 г.⟩

Дело не идет на лад,
Дело не идет на лад.
Дело уж не идет на лад, как прежде!

Дело запутывается. Подробности ты можешь узнать из письма к моей матери, а я уже перестал что-либо понимать, «haben sie warten gelernt?»* Суть в том, что вам

* «научились ли вы ждать?» (нем.).

надобно, не теряя времени, закончить сейчас штутгартские хлопоты; не забудьте сказать, что деньги были пересланы из Моск⟨вы⟩ в Петерб⟨ург⟩, значит нужно обращаться в петер⟨бургский⟩ банк, а также, что билет был передан Гассеру через Ротш⟨ильда⟩.— Надо сыграть на самолюбии вюртембержцев, помилуйте, да ведь это грабеж, Николай — просто Вейтлинг, закоренелый Кабе, коммунист, каких мало, Бабеф с берегов Невы[1].

Кончай дело и отправляйся в Ниццу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы приехать.

Видишь, стоило тебе написать мне, как «V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩» изменилась;— теперь она уже не прогорклая, и я уверен, что 400 нептунизированных мучеников приведут к ее запрещению[2]. Повторяю тебе то, что писал Бамбергеру: «Не русские идут, а дураки идут, отовсюду идут, дураки идут — все становится непонятным. Дураки идут, наши дураки, красной масти дураки — ура! паца, хоп⟨с⟩аса ...— хаос, хаос!»[3]— и один только спиртной (а не святой) дух веет над всем. Ламартин уезжает на Восток, Тьер— не знаю куда, «Niemand ging aus, keiner ging aus, wer blieb zu Haus?»*

Я скорее раздражен, чем остроумен, и пусть я ничего не понимаю, но почему ты хочешь читать Остромирово евангелие на болгаро-славянском языке (если не ошибаюсь), когда есть очень доступный славянский перевод, писанный кириллицей.

В Реймсе, лет десять назад, нашли очень древнее славянское евангелие.

Сам я недавно перечел историю Пугачевского бунта Пушкина. Все это так характерно, что можно было бы об этом сделать статейку (очень жаль, что Пушкин, при всем своем гении, слишком аристократ, чтобы понимать, и слишком стеснен цензурой, чтобы высказаться до конца). На каждой странице находишь такого рода прелести в духе Марата: «Прибыв в городок N., П⟨угачев⟩ велел повесить всех офицеров, всех дворян, 20 священников, объявив весь простой народ и крестьян свободными на вечные времена»[4]. «... И он прошел через четыре обширных губернии и в течение нескольких месяцев был самодержавнейшим властелином. „Я только вороненок,— сказал он Панину, когда уж был связан и выдан своими друзьями,— а ястреб-то еще летает в небе, он еще появится"»[5]. Любопытно бы знать, что же сделает ястреб, если это было только детской игрой.

Прощай.— Почему же ты не получил «Испов⟨едь⟩», ее отправили по меньшей мере 10 дней назад. Требуй ее... ругайся, бранись и грохочи!

«Письма» еще не отправлены, я отправлю их завтра. Тург⟨енев⟩ еще здесь, здоровье его все лучше и лучше. Он нас ежедневно предупреждает, что завтра уедет. Мне даже сдается, что существует какая-то мистическая связь между ним и ⟨...⟩ билетом.

Addio.

[1] Вильгельм *Вейтлинг* (1808—1871), Этьен *Кабе* (1788—1856) и Гракх *Бабеф* (1760—1797) — теоретики утопическо-коммунистических учений.

[2] 16 апреля 1850 г. в г. Анжере произошла катастрофа, жертвой которой пало свыше 400 солдат, проходивших строем через город. Опасаясь оваций, которые население могло устроить батальону, показавшему высокую сознательность в дни дополнительных выборов в Собрание, власти направили его обходным путем — на цепной мост через реку Мэн. При прохождении войска мост внезапно оборвался, и солдаты рухнули с большой высоты в воду; большая часть из них погибла.

Через два дня сообщение об этом появилось в парижских газетах, в том числе и в «Voix du Peuple», а 19 апреля в этой же газете была напечатана передовая статья Прудона, озаглавленная «Выборы 28 апреля. К парижской буржуазии». Прудон восхвалял в ней французскую армию, голосовавшую за социалистических кандидатов и ставшую, по его словам, «социалистической от первого до последнего человека».

«У католической церкви,— писал он,— есть своя легенда о *сорока мучениках*: то были сорок христианских солдат, которых императорская реакция погубила, продержав их целую ночь, совершенно обнаженными, на замерзшем пруду. У социализма также будет своя легенда, но не о *сорока*, а о *четырехстах мучениках*, ибо теперь во всем прогресс. Это четыреста молодых солдат, которых роялистская реакция захотела наказать дисциплинарным походом за их преданность республике и которые низринулись, шагая в ногу, тесной колонной, с непрочного моста через Мэн.

* Никто не ушел, ни один не ушел. Кто же остался дома? (нем.) — детская прибаутка.

«КЭБ ЖИРАРДЕНА». КАРИКАТУРА НА ЭМИЛЯ ЖИРАРДЕНА. ВЫСМЕИВАЕТ ПРОВАЛ ЕГО КАНДИДАТУРЫ ВО ВРЕМЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВЫБОРОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 15 АПРЕЛЯ 1850 г.

Рисунок Кама

Подпись под рисунком: «Не хотите ли прокатиться в моей новой коляске...?» — «Благодарю. Экипаж меня вполне устраивает, а вот кучер — подозрительный»

«Charivari» от 17 апреля 1850 г.

«В Париже готовятся еще к одним выборам, намечают Жирардена»... «Жирарден не внушает особого доверия» (Из писем к Георгу Гервегу от 2 и 5 апреля 1850 г.)

Не достаточно ли крови? Не достаточно ли трупов?...»

Именно эту статью Прудона и имел в виду Герцен, говоря о «400 нептунизированных» (т. е. потонувших) мучениках (Нептун — бог моря в римской мифологии) и предполагая, что она вызовет конфискацию «Voix du Peuple».

Опасения Герцена оправдались. Газета была конфискована — в седьмой раз — автор и редактор были привлечены к ответственности «за возбуждение ненависти и презрения к правительству республики; за возбуждение ненависти и презрения в одних гражданах против других и за обращение к военнослужащим сухопутных войск с целью отвлечь их от выполнения своих военных обязанностей и от повиновения своим начальникам» («Voix du Peuple», № 200 от 20 апреля 1850 г.).

[3] Говоря о том, что «не русские идут, а дураки идут», Герцен намекает на получившее широкую известность выступление немецкого юмористического журнала «Berliner Krakehler», открывшего свой 9-й номер от 22 июня 1848 г. аншлагом «Русские идут», многократно повторенным на одной странице шрифтами разных размеров. Этим выступлением разоблачалась предательская тактика реакционных кругов, пытавшихся использовать в классово-своекорыстных целях нависшую угрозу вмешательства царской России в революционные события 1848 г. на Западе.

[4] Текст, взятый Герценом в кавычки, не является цитатой из Пушкина.

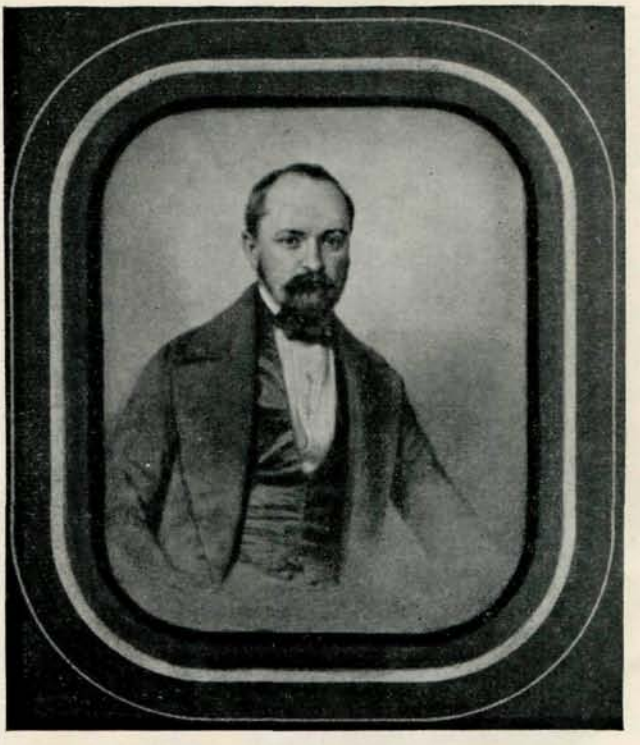
[5] Неточная цитата. У Пушкина: «Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает» («История Пугачева», глава VIII).

85

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 21 April ⟨1850⟩

La manie des portraits, qui a envahi notre maison continue. Tata fait des portraits de Horace, ma femme — de Darimon, ta femme — de ma femme, Tourgueneff — de tout le monde. Sacha fait des portraits dans le

А. И. ГЕРЦЕН
Дагерротип 1847 г.
Исторический музей, Москва

style Byzantin, ta femme dans le genre d'Andrea del Sarto. Moi à force de poser je deviendrai marquis Posa. Figure-toi que cette épidémie de reproduction des traits a tellement absorbé les honorables artistes qu'il y a deux jours qu'Emma ne m'a rien dit concernant son départ, ses projets et n'a pas pesté et juré contre le sort, les dieux et les démons.

Hier on a donné aux Variétés *La petite Fadette*, estropiée d'une manière ridicule; Sylvinet exclu, Landry — polichinellisé, et avec tout cela la pièce est meilleure que tout ce qu'on donne. Le rôle de Fadette est beau et bien joué par une m-lle Thillier[1]. *Nun und was sagen Sie, Ew⟨ig⟩ Hochwohlg⟨eborene⟩ von der Geschichte mit Pr⟨oudhon⟩?*[2]

Voilà, *caro mio*, où en est l'humanité depuis Galilée et le Galiléen.— Tout va à une crise, à laquelle — je n'en sais rien, *töricht auf Besserung der Toren zu harren...* Chaque jour donne l'avis salutaire de fuir les hommes agglomérés en troupeau; déportons-nous nous-mêmes puisque la déportation est à la mode... Et voilà qu'on vous attache des boulets aux pieds (ou, pour être moins métaphorique — des billets). Maudite affaire! Je n'entrevois plus de solution prochaine. Faites l'impossible à Wurtemb⟨erg⟩.

Ta femme pour mettre à une épreuve rude ta vertu, a pris une bonne âgée de 18 ans, de la hauteur de Kapp, fraîche et belle — lorsqu'elle a eu la bonté de me la montrer, j'ai dit d'un air recueilli et pieux: «*Et non inducas in tentationem*».

Dis à ma mère qu'il n'y a rien de nouveau de Pétersb⟨ourg⟩. Jusqu'à présent Rot⟨schild⟩ a tout fait, mais je ne voudrais pas le mettre à l'épreuve (pas même avec la bonne).

Golovine m'écrit une lettre, dans laquelle entre autres il y a cette ligne remarquable: «La femme de Pulsky est enceinte» [3].

Bamberger s'est rasé, s'occupe chez un banquier, et me conseille dans un moment de tristesse de lire l'article que Golovi⟨ne⟩ a écrit concernant mon ouvrage pour la Revue Kolatschek[4].

Je t'embrasse. Tu sais que Constantin[5] a perdu *sa moitié*, $\frac{1}{2}$ Constantin, moi je m'attends aussi à n'apporter qu'un $\frac{1}{2}$ à Nice.

Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Je vous embrasse de tout mon cœur pour votre fête, et voilà tout.

Natalie

Перевод:

⟨Париж.⟩ 21 апреля ⟨1850 г.⟩

Портретная мания, овладевшая нашим домом, не проходит. Тата пишет портреты Гораса, моя жена — Даримона, твоя жена — портрет моей жены, Тургенев — портреты всех, Саша пишет в византийском стиле, твоя жена — в манере Андреа дель Сарто. Я же столько позирую, что скоро превращусь в маркиза Позу. Представь себе, эта изобразительная эпидемия настолько захватила почтенных художников, что вот уже два дня, как Эмма ничего не говорит мне о своем отъезде, о своих планах, не бранится и не проклинает судьбу, богов и злых духов.

Вчера в Варьете давали «Маленькую Фадетту», искалеченную самым дурацким образом; Сильвине изгнан, Ландри ополишинелен, и все же это лучшая пьеса из того, что сейчас дают. Роль Фадетты прекрасна, и мадмуазель Тийе хорошо ее сыграла[1]. Nun und was sagen Sie, Ew⟨ig⟩ Hochwohlg⟨eborene⟩ von der Geschichte mit Pr⟨oudhon⟩? 2*

Вот, caro mio, до чего дошло человечество со времен Галилея и Галилеянина.— Все идет к какому-то кризису, к какому — не знаю, töricht auf Besserung der Toren zu harren**...Каждый день приносит нам спасительный совет бежать от людей, сбившихся в стадо, отправим же сами себя в ссылку, поскольку ссылать сейчас в моде... Но тут

* Ну, а теперь, достопочт⟨еннейший⟩, что вы скажете об истории с Пр⟨удоном⟩? (нем.).

** глупо ожидать, чтоб глупцы образумились (нем.).

нам привязывают к ногам гири (а выражаясь менее метафорично — билеты)*. Проклятое дело! Я уж не жду скорого решения вопроса. Сделайте в Вюртемб⟨ерге⟩ невозможное.

Чтобы подвергнуть суровому испытанию твою добродетель, твоя жена взяла восемнадцатилетнюю служанку, ростом с Каппа, свеженькую и хорошенькую. Когда же она мне любезно ее показала, я с серьезным и благочестивым видом сказал: «Et non inducas in tentationem»**.

Скажи маменьке, что из Петерб⟨урга⟩ ничего нового нет.

До сих пор Рот⟨шильд⟩ делал все, что от него зависело, но я не хотел бы подвергать его испытанию (даже со служанкой).

Головин прислал мне письмо, в котором, между прочим, есть такая замечательная строка: «Жена Пульского беременна» [3].

Бамбергер обрился, служит у какого-то банкира и советует мне в грустную минуту прочесть статью, которую Голов⟨ин⟩ написал о моем сочинении для журнала Колачека [4].

Обнимаю тебя. Ты знаешь, что Константин потерял *половину себя* — $\frac{1}{2}$ Константина[5], а я тоже готовлюсь привезти в Ниццу только $\frac{1}{2}$ себя.

Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

От всего сердца обнимаю вас, ради дня вашего ангела, вот и все.

Н а т а л и

[1] Инсценировка одноименной повести Жорж Санд, сделанная Анисе Буржуа и Шарлем Лафоном. См. рецензию на эту постановку в «Voix du Peuple», № 212 от 2 мая 1850 г. Отметим, что именами героев «Маленькой Фадетты» — близнецов Ландри, Сильвине и молодой девушки Фадетты — называли друг друга Гервег, Герцен и Н. А. Герцен.

[2] 21 апреля 1850 г. на первой странице «Voix du Peuple» появилось следующее сообщение редакции, датированное 20 апреля: «Вчера вечером, через несколько часов после конфискации «Voix du Peuple» на почте и в ее конторах, начальник тюрьмы Консьержери вошел в камеру гражданина Прудона и объявил ему приказ приготовиться к отъезду в Дуллан. И действительно, сегодня в семь часов, то есть до того, как гражданин Прудон мог бы предупредить своих друзей и привести в порядок свои дела, начальство приказало двум полицейским офицерам увезти отважного писателя и отправить под конвоем по Северной железной дороге...».

[3] *Жена Пульского* — Тереза Пульская. См. о ней ниже, в публикации писем к ней Герцена.

[4] Речь идет о журнале «Deutsche Monatsschrift für Wissenschaft, Politik, Kunst und Leben», издававшемся в Штутгарте Колачеком. В нем помещал свои статьи и сам Герцен.— Статья Головина в нем не появилась.

[5] *Константин* Грегорио — повар Герценов, которого разбил паралич — у него отнялась правая половина тела.

86

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 23 avril ⟨1850⟩

Donc c'est ta fête aujourd'hui [1]— j'ai invité en qualité de Vice-George les dames chez les Provençaux[2] — mon toast sera: «A la réunion à Nice». Oui, à Nice, à Nice! Nous y tiendrons à deux un conseil œcum⟨én⟩ique de Nicée. Tata représentera Arius, et Horace — Pélasgius [3].

Quelle lassitude, cher ami, quelle lassitude je sens, tu ne peux t'imaginer. Je m'accuse de faiblesse, d'inconséquence et pourtant on a beau mépriser les hommes, on a des yeux, on a un cœur.

Rien de nouveau, rien de surprenant — mais aussi lorsqu'on frappe quelqu'un par une massue, il n'y a rien ⟨d'⟩étonnant mais—cela fait mal. Je suis abreuvé des infamies que je vois tous les jours et je serais à Charenton

* игра слов: boulets (гири) и billets (билеты) по-французски звучит схоже.

** «И не введи ⟨нас⟩ во искушение» (лат.).

à force de tristesse sans les mauvais calembours, que je fais pour moi plus que pour les autres ... nous sommes près d'un commencement ou de la fin.

Et cette maudite affaire du billet, qui me tient esclave. Rot⟨schild⟩ n'entreprend rien avant d'avoir une réponse cathégorique, il a répété à G⟨asser⟩ de l'exiger. L'autre répond qu'il ne peut rien ajouter à ses demandes. J'attends à présent ce que vous m'écrirez de Wurtemb⟨erg⟩ — seulement surveille bien et conseille tout ce qu'il faut à ma mère.

Tous les enfants ont déjeûné chez Emma et ont reçu une portion «de viande et de vin» — comme on dit dans les journaux russes après l'inspection de l'armée par l'emp⟨ereur⟩ — c'est à dire du Moët[4], plus qu'on ne leur donne. Tu vois donc que rien n'a été omis à la solennité du 23 avril. Je brûle aussi de soif — sais-tu que je bois peu de vin, encore moins d'eau-de-vie, je désire conserver le côté droit de mon corps plus longtemps que le pauvre Constantin. Et j'en ai besoin aujourd'hui — non pas du côté droit, mais de Richebourg pour me monter à la hauteur du festival. Et voilà tout — demain encore. C'est une lettre provisoire.

24 av⟨ril⟩

Tu me forces à me justifier comme devant un procureur. Et pourtant tu connais toutes les circonstances. De quoi es-tu mécontent? Où fallait-il aller? Quand?

Récapitulons si cela te plaît. J'arrive à Paris et j'attends une réponse pour le 1 février, je reçois une réponse qui dit que la banque a différé de 28 jours. Passent 40 jours — point de réponse. Alors j'ai demandé une entrevue avec Rot⟨schild⟩, j ai insisté sur la nécessité d'écrire à Gas⟨ser⟩ d'une manière énergique, et il a écrit le 16 mars — le 6 avril est venue une réponse. Vous, comme moi, nous ⟨nous⟩ étions trompés en attendant (comme l'écrivait Gas⟨ser⟩) une réponse définitive dans une semaine. Au lieu de cette réponse arrive une lettre où il dit qu'il y aurait une réponse en tout cas, mais que la décision peut encore traîner des mois. Cette réponse est arrivée la semaine dernière.

Que devais-je donc faire: retourner à Zurich, aller à Nice... à Cadix... à Genève — mais est-ce que vous avez choisi quelque chose; lorsque moi je conseillais à Emma d'aller s'installer, tu lui écrivais de se tenir tranquillement à Paris.

Vous doutiez des démarches de Rotsch⟨ild⟩ parce que vous ne saviez l'affaire que par mes lettres, moi j'ai pu avoir d'autres certitudes en lisant les réponses. Peut-être cela n'était pas nécessaire — moi je crois le contraire. Je pousserai encore l'affaire en cas de refus.

Ensuite retournons, *tanto poco*, la question: Zurich n'est pas plus loin de Paris que Paris de Zurich, tu pourrais parfaitement passer ici un mois, deux même... pourquoi cette idée si simple ne te venait pas dans la tête, financièrement cela aurait moins coûté que le voyage d'Emma à Zurich. Je crois que tu ne l'as pas fait, parce que tout le monde s'est trompé sur la question du temps que durerait l'affaire. Toute cette sagesse est retrospective, et je propose d'accuser le fatum, l'organisation sociale... et de laisser les incriminations de personnes.

Je ne changerai rien à mes dernières décisions, j'attends ici une réponse — bonne ou mauvaise, je quitte en 10 jours, après l'avoir reçue, Paris et j'irai droit à Nice.— Ou *s'il y a quelque empêchement* — à Cannes, S⟨aint⟩-Tropez — même peut-être en Suisse — comme pis aller.

Рукой Н. А. Герцен:

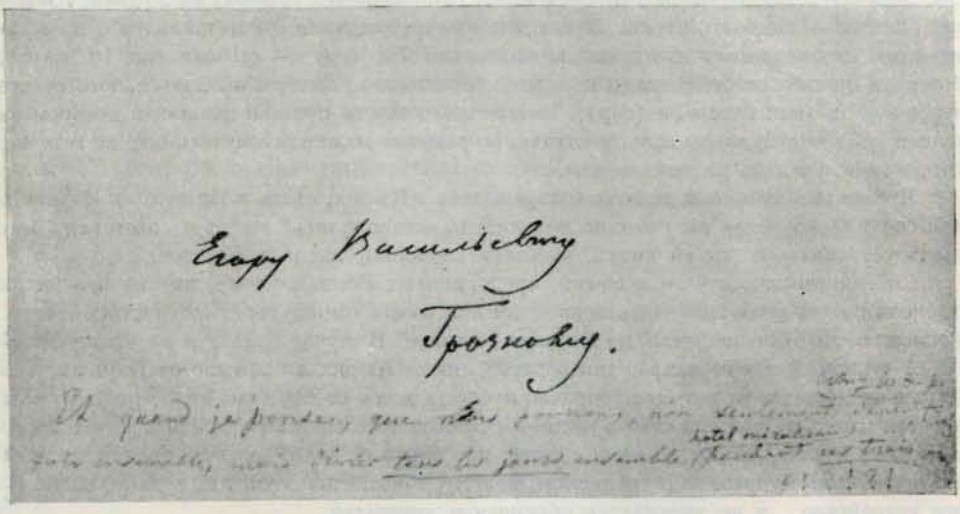
J'ai voulu vous faire la description, comment nous avons passé le jour de votre *fête* — mais je vois qu'elle est *faite* par votre besson, donc à la bessonne il ne reste qu'à ajouter le soir — nous sommes allés par une averse

dîner au restaurant, tout de suite après le dîner on m'a couchée, j'ai dormi jusqu'à $11\frac{1}{2}$, puis on m'a réveillée et nous sommes allés à la maison — n'est-ce pas, c'est intéressant? «Tu l'a voulu, Georges!»[5]. Oui, mon cher Georges, en vérité vous êtes quelquefois comme un enfant, c'est bien, mais ne soyez pas un enfant trop capricieux, cela me fait tant de peine!!— Moi aussi je suis bête et je veux vous ménager aujourd'hui! *A rivederci*!

Horace lit *admirablement* bien le russe et *avec passion*. N.

Et quand je pense que nous pourrions non seulement dîner chez les *F⟨rères⟩ P⟨rovençaux⟩* trois fois ensemble, mais dîner *tous les jours* ensemble hôtel Mirabeau pendant *ces trois mois*?!?!?!

Рукой Герцена:
Егору Васильевичу Грозному.

ШУТОЧНАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА НА ПИСЬМЕ К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 23—24 АПРЕЛЯ 1850 г.
Ниже приписка Н. А. Герцен
Британский музей, Лондон

Перевод:

⟨Париж.⟩ 23 апреля ⟨1850 г.⟩

Итак, сегодня день твоего ангела[1]. В качестве вице-Георга, я пригласил дам к Провансальцам[2]. Я подниму бокал «за встречу в Ницце». Да, в Ницце, в Ницце! Там мы откроем вдвоем Никейский* вселенский собор. Тата будет представлять Ария, а Горас — Пеласгия[3].

Как я устал, дорогой друг, какую усталость я чувствую, ты не можешь себе и представить. Обвиняю себя в слабости, непоследовательности, но сколько ни презирай людей, а есть же у тебя глаза, есть сердце.

Ничего нового, ничего из ряда вон выходящего, но если кого-нибудь ударят дубиной, в этом тоже нет ничего удивительного, однако это больно. Я по горло сыт подлостями, которые изо дня в день вижу, и попал бы от тоски в Шарантон, если бы не мои плохие каламбуры, которые я сочиняю больше для себя, нежели для других. Мы близки к началу, либо к концу.

А тут еще проклятое дело с билетом, превратившее меня в раба. Рот⟨шильд⟩ ничего не предпримет прежде, чем не получит решительный ответ; он вторично предложил Г⟨ассеру⟩ потребовать его. Тот ответил, что ему нечего добавить к своим ходатайствам.

---

* Каламбур: Ницца («Nice») и «Никея» («Nicée») по-французски близки по написанию и звучанию.

Теперь я жду от вас вестей из Вюртемб⟨ерга⟩ — только следи хорошенько за всем и подавай необходимые советы моей матери.

Все дети завтракали у Эммы и получили порцию «мяса и вина» — как пишут в русских газетах после инспектирования армии имп⟨ератором⟩, то есть им налили моэта [4] больше, чем обычно. Как видишь, ничего не было упущено для придания торжественности 23 апреля. Меня тоже мучит жажда — знаешь ли, что я пью очень мало вина, а еще меньше — водки, я желаю сохранить свой правый бок дольше, чем бедняга Константин. Но сегодня мне нужен не правый бок, а рипбургское, чтобы быть на высоте празднества. Вот и все. Завтра напишу еще. А это письмо — предварительное.

24 ап⟨реля⟩

Ты заставляешь меня оправдываться, как перед прокурором. Но ведь тебе известны все обстоятельства. Чем ты недоволен? Куда нужно было ехать? Когда?

Повторим вкратце, если тебе угодно. Я приезжаю в Париж и жду ответа к 1 февраля. Получаю ответ, в котором говорится, что банк отсрочил решение на 28 дней. Проходят 40 дней — никакого ответа. Тогда я попросил свидания с Рот⟨шильдом⟩, я настаивал на необходимости написать внушительно Гас⟨серу⟩ — он написал 16 марта, 6 апреля пришел ответ. И вы, и я, и все мы ошиблись, ожидая окончательного ответа через неделю (как писал Гас⟨сер⟩). Вместо этого ответа пришло письмо, в котором он пишет, что ответ будет во всяком случае, но решение может затянуться еще на месяцы. Этот ответ пришел на той неделе.

Что же я должен был делать: возвращаться в Цюрих, ехать в Ниццу... в Кадикс... в Женеву — но разве вы сами на чем-нибудь остановились? когда я советовал Эмме ехать устраиваться, ты ей писал, чтоб она спокойно сидела в Париже.

Вы сомневались в успехе шагов, предпринятых Ротш⟨ильдом⟩, потому что знали о деле только по моим письмам,сам же я мог и не иметь такой уверенности читая ответы. Возможно, это было напрасно, но я думаю обратное. В случае отказа я не брошу дела.

А теперь поставим вопрос tanto posto* иначе: Цюрих не дальше от Парижа, чем Париж от Цюриха; ты мог бы прекрасно провести здесь месяц, даже два... почему столь простая мысль не пришла тебе в голову? Это обошлось бы дешевле, чем поездка Эммы в Цюрих. Думаю, что ты не сделал этого, ибо никто не знал, долго ли продлится дело Но легко быть мудрым задним числом, поэтому предлагаю осуждать судьбу, социальное устройство... и не заниматься обвинением личностей.

Я ни в чем не изменю своих последних решений. Я дождусь здесь ответа — хорошего или плохого, и через десять дней после его получения покину Париж и поеду прямо в Ниццу. Либо, *если возникнут какие-либо затруднения* — в Канн, С⟨ен⟩-Тропез, а на худой конец — даже в Швейцарию.

Рукой Н. А. Герцен:

Хотела описать вам, как мы провели *день вашего ангела,* но вижу, что это *сделал*** ваш близнец, значит близнецу женского рода остается только добавить о вечере. Под проливным дождем мы пошли обедать в ресторан, сразу же после обеда меня уложили, я спала до половины 12-го, затем меня разбудили, и мы пошли домой,— интересно, не правда ли? «Ты этого хотел, Жорж» [5]. Право же, милый Георг, иногда вы просто как ребенок, пусть так, но не будьте слишком капризным ребенком, меня это очень огорчает.— А я тоже глупа и хочу сегодня пощадить вас. До свидания.

Н.

Горас *превосходно* и с *увлечением* читает по-русски.

Рукой Герцена:

Егору Васильевичу Грозному ***.

Рукой Н. А. Герцен:

Подумать только, ведь мы могли бы не три раза пообедать вместе у «Б⟨ратьев⟩ п⟨ровансальцев⟩», а могли бы обедать вместе *ежедневно* в hôtel Mirabeau в течение *целых трех месяцев*?!?!?!

* несколько (итал.).

** Каламбур: «fête» (день рождения) и «faite» (сделано) звучат по-французски одинаково.

*** Написано по-русски.— *Ред.*

[1] Герцены, по-видимому, в этот день, на русский лад отмечали именины «Егора Федоровича» Гервега, хотя «день святого Георгия» приходился на 23 апреля ст. ст.

[2] «*Провансальцы*» («Провансальские братья», «Три провансальских брата») — дорогой парижский ресторан в Пале-Рояле.

[3] *Арий* и *Пелагий* — ересиархи; первый был участником вселенского собора в Никее (325 г.).

[4] *Моэт* — марка шампанского.

[5] Цитата из комедии Мольера «Georges Dandin, ou le mari confondu». У Мольера: «Tu l'as voulu, Georges Dandin...» («Ты хотел этого, Жорж Данден...»).

87

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Paris.› 28 av‹ril› ‹1850›

Ta dernière lettre a été charmante, mais je ne suis pas disposé à t'égaler aujourd'hui. Oui, tu as raison, si ce n'est pas le mari, c'est la femme... et peut-être tu m'inculperas à présent de la maladie de ma femme, qu'Emma a pris pour une petite indisposition et que je voyais profondément grave.

Et bien, tendez le cou, tendez le cou; les fourches Caudines de la vie! [1] Allez, faites des plans, Océanie, Lisbonne, l'Oc‹éan› pacifique!... Halte-là... et finis-en avec un malheureux catharre. Je ne prévois pas encore de possibilité pas même pour le 15 mai de partir — c'est-à-dire ensemble.

Перевод:

‹Париж.› 28 ап‹реля› ‹1850 г.›

Твое последнее письмо было очаровательно, но я не расположен сегодня соревноваться с тобой. Да, ты прав, если не муж, то жена... и может быть, ты обвинишь меня теперь в болезни моей жены — болезни, которую Эмма приняла за легкое недомогание и которую я считал весьма серьезной.

Что ж, надо гнуть выю; гнуть выю: вот они, Кавдинские ущелья жизни! [1] Подите, стройте планы: Океания, Лиссабон, Тихий ок‹еан›!— ... Стоп... разделайтесь-ка сначала с несчастным катаром. Не предвижу возможности уехать даже 15 мая — то есть вместе.

[1] *Кавдинские ущелья* (фуркулы) — излюбленная метафора Герцена, которой он обозначал неожиданные несчастья, подстерегающие человека.— Так называются два узких горных прохода (близ г. Кавдиума в Италии), где потерпели поражение римляне во вторую самнитскую войну (321 г. до н. э.)

88

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

aris.› 30 April ‹1850›

Tu sais le résultat des élections [1]. «*Was wird — das wird*» — *sagt ein russisches Sprichwort.* Je suis tout à fait sous la pression de la maladie de Nat‹alie›, enfin cela dépasse toutes les bornes — un refroidissement de rien qui se développe, se développe jusqu'à une maladie qui fait diablement souffrir.— Non, la vie est stupide; on se débat, se démène — et ce n'est que la chimie organique qui est le fatum et décide.

Rots‹child› a écrit à Kis‹seleff› [2], mais il ne veut pas qu'on en parle. L'affaire aurait été bien enterrée si je n'étais ‹pas› à Paris.

J'ai reçu aujourd'hui une lettre de Hoffman et Campe [3] pleine de compliments, il m'écrit qu'il m'envoie une critique (que je n'ai pas reçue) ironique qui a été écrite pour tromper les réactionnaires et qu'il trouve charmante. Il me parle d'un Hauenschild [4] qui a aussi écrit quelque chose — qui est ce monsieur avec un nom de famille iroquois? Il parle d'une seconde édition qui doit paraître dans deux mois.— La préface, s'il vous plaît [5].

La critique est *in* ⟨*den*⟩ *Brockhaus Blättern für Liter*⟨*arische*⟩ *Unterhaltung* et une autre de Hauensch⟨ild⟩ — mais je n'ai rien reçu.

Je serai enchanté de faire prendre des leçons à Alexandre chez Vogt, c'est mon idéal de le pousser vers les sciences naturelles [6]. Mais tâche de savoir s'il est suffisant 100 francs par mois (je compte qu'il faut avoir encore un maître de la langue française) et je voudrai savoir si cela lui va. Avant la terminaison de l'histoire du billet je ne peux disposer que de 22 000 par an.

Concernant le microscope c'est difficile à dire; si Og⟨areff⟩ est en exil, il fallait le lui envoyer tout de suite; attends encore quelques jours. J'attends toujours le voyageur russe qui doit nous apporter des lettres [7].

Le gouvernement est tellement abattu qu'il prend Abbatu-chi [8] pour Ministre, et *Per*signy [9] pour fils de Baroche. *O Secolo incapace!* Point d'érection, point d'éjaculation. Et la lettre de Pr⟨oudhon⟩ à Carlier [10].—Non, il n'y a pas de nature entière, nou⟨s⟩ sommes tous, *tutti quanti*, touchés par la corruption. Je le sens au fond de mon âme.

Es lebe der Tod!

Tout le monde est *enrhumé* par le froid et moi par Hoffman et Campe.

Егору Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 30 апреля ⟨1850 г.⟩

Тебе известны результаты выборов [1]. «Was wird— das wird»*— говорит одна русская пословица. Я совершенно подавлен болезнью Нат⟨али⟩, это, наконец, переходит все границы,— пустяковая простуда, все развиваясь и развиваясь, превращается в болезнь, причиняющую ужасные страдания.— Нет, жизнь глупа, мы бьемся, надрываемся, но ведь одна только органическая химия и есть судьба и решает все.

Ротш⟨ильд⟩ написал Кис⟨елеву⟩ [2], но он не хочет, чтобы об этом говорили. Дело давно предали бы забвению, если бы меня не было в Париже.

Сегодня я получил от Гофмана и Кампе [3] письмо, полное комплиментов. Он пишет, что посылает мне критическую статью (которую я не получил), написанную в ироническом тоне, дабы обмануть реакционеров, и что сам он находит ее прелестной. Упоминает о каком-то Хауеншильде [4], который тоже что-то написал,—кто этот господин с ирокезской фамилией? Упоминает о втором издании, которое должно появиться через два месяца.— Дайте же, пожалуйста, предисловие [5]. Критическая статья помещена в Брокгаузовских «Blätter für Liter⟨arische⟩ Unterhaltung», а другая —Хауеншь⟨ильда⟩, но я ничего не получал.

Я был бы очень рад, если б Александр начал брать уроки у Фогта, ведь это моя мечта направить его в сторону естественных наук [6]. Постарайся же узнать, будет ли достаточно 100 франков в месяц (я считаю, что, кроме того, нужен учитель французского языка), мне хотелось бы знать, устраивает ли его это. Пока история с билетом не кончится, я могу располагать только 22 000 в год.

Насчет микроскопа трудно что-либо сказать; если Ог⟨арев⟩ в ссылке, ему нужно было бы переслать его немедленно; повремени еще несколько дней. Я все жду того человека из России, который должен привезти нам письма [7].

Правительство так подавлено, что оно берет Аббатучи** [8] в министры, а *Пер*синьи [9] в сыновья Бароша***. О Secolo incapace!****—ни эрекции, ни извержения! А письмо Пр⟨удона⟩ к Карлье [10].— Нет, цельных натур больше не существует, все мы, tutti quanti*****, тронуты разложением. Я это чувствую в глубине души.

---

* Чему быть, того не миновать (нем.).

** Каламбур: abattu (подавлено) и начало фамилии Аббатучи—«Abbatu» по-французски звучат схоже.

*** Каламбур: первый слог фамилии Персиньи — «per» звучит по-французски как «père» (отец).

**** О неспособный век! (итал.).

***** решительно все (итал.).

Es lebe der Tod!*

Все простужены из-за холода, а я из-за Гофмана и Кампе**.

Егору Федоровичу ***.

[1] Речь идет о дополнительных выборах по Сенскому департаменту, состоявшихся 28 апреля. Победила кандидатура Эжена Сю. Маркс рассматривал эти новые выборы как сведение к нулю результатов предыдущих выборов: «Победа 10 марта потеряла свое решающее значение; окончательное решение было снова отложено, напряжение народа ослабевало, он привыкал к легальным триумфам вместо революционных. Наконец, кандидатура Эжена Сю, сентиментально-мещанского социал-фантазера, совершенно уничтожила революционный смысл 10 марта...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 473).

[2] Николай Дмитриевич *Киселев* (1800—1869) — русский посол в Париже.

[3] Т. е. от издателя Гофмана.

[4] Richard-Georg von *Hauenschild*, писавший под псевдонимом Макс Вальдау.

[5] Второе издание «Vom andern Ufer» было запрещено цензурой. Предисловие к нему хотел написать Гервег, еще в конце января 1850 г. писавший Герцену: «Я умираю со стыда, что книга выходит без моего предисловия, и *настаиваю* и *умоляю*, чтоб оно было во главе 2-го издания. Я придаю значение публичному засвидетельствованию наших глубоких симпатий и редкой дружбы» (XIV, 62). Это предисловие написано, по-видимому, не было.

[6] См. ниже предисловие к публикации писем Герцена к сыну Александру.

[7] По всей вероятности, Герцен имел в виду Н. А. Мельгунова, о котором см. в «Лит. наследстве», т. 62, 1955, стр. 308—387.

[8] Жан-Пьер-Шарль *Аббатучи* (1791—1857) — доверенное лицо Луи-Наполеона, один из создателей реакционного бонапартистского общества 10 декабря.

[9] Жан-Жильбер-Виктор *Персиньи* (1808—1872) — виднейший сторонник Луи-Наполеона, впоследствии министр иностранных дел и посол в Великобритании.

[10] Письмо Прудона из тюрьмы Консьержери от 21 февраля 1850 г., адресованное префекту полиции П. Карлье и опубликованное в № 209 «Voix du Peuple» от 29 апреля того же года. В этом письме Прудон в подобострастном тоне убеждал Карлье снять наложенные на него строгие ограничения и давал обязательство прекратить сочинение политических статей, объявляя тем самым свою журналистскую деятельность законченной. Далее он оправдывался в обвинении, будто злоупотребил доверием властей. Об отношении Герцена к этому письму Прудона см. ниже, в письме № 90

89

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Париж. Апрель 1850 г.>

Je crois qu'il faut prier l'opticien d'attendre une lettre de m-r Ogareff — qui doit nécessairement venir vers le 1 mai. Autrement le microscope peut arriver lorsqu'Ogareff voudra quitter Pétersbourg [1].

Monsieur Herwegh.

Перевод:

<Париж. Апрель 1850 г.>

Нужно, я думаю, попросить оптика подождать письма от г. Огарева, которое непременно должно придти к 1 мая. Иначе микроскоп может быть доставлен тогда, когда Огареву надо будет уезжать из Петербурга [1].

Господину Гервегу.

[1] В недатированном письме к Герцену, написанном, по-видимому, в это время, Огарев сообщил из своего пензенского имения, что дела приковывают его «года на два к сим местам», давая понять, что он лишен права выезда, и выражал желание иметь микроскоп («Русские пропилеи», т. IV, 1917, стр. 113).

---

* Да здравствует смерть! (нем.).

** Каламбур: «enrhumé» — по-французски «простуженный»; «Ruhm» — по-немецки «слава», здесь — прославлен.

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

90
ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 4 mai ⟨1850⟩

Il y a bien longtemps que je n'ai pas écrit, et la cause en est que par coquetterie je ne me montre à mes amis que lorsque je suis aimable, spirituel, intéressant... eh bien, ces trois jours je n'étais ni l'un ni l'autre. La maladie de Natalie m'a attristé. Les horreurs que je vois tous les jours m'irritent d'une manière stérile. Tu sais qu'Edmond est expulsé et qu'il reste ici pour quelque temps à condition de ne rien faire [1]. Tu sais la chasse aux porteurs de journaux qui chaque jour se renouvelle [2] — et se termine par une victoire complète des Carlovingiens [3]... *Corpo di Bacco* lorsqu'on sait qu'il n'y a pas de ville plus civilisée que Paris, pas de peuple meilleur,— lorsqu'on pense que partout ailleurs cela va plus mal encore, on devient stupéfait, crétin, idiot... idiot jusqu'au point d'aller voir Alexis le magnétisé [4].

L'affaire du départ reste comme elle était — si je ne parviens pas à avoir un visa pour Nice, j'irai par Genève.

Il y a de bonnes nouvelles concernant l'affaire, elles consistent dans un mémoire de la banque tout en faveur du remboursement.

J'ai reçu une lettre de Bamberger, c'est un homme de beaucoup d'énergie spirituelle, sa lettre est charmante; entre autres il me cite ce texte: «*Tristitia est animi imperfectio*» — et m'engage de me moquer de tout; je n'avais pas besoin d'une invitation pour cela, et j'ai écrit un petit article *Omnia mea mecum porto* qui te plaira, j'en suis certain [5].— Edmond veut aller en Egypte. Je tâche de sauver *tanto poco* du cautionnement [6].

J'ai un mal de tête féroce.— Adieu, *caro mio*, au revoir, le temps approche où enfin nous reposerons ensemble. Je t'embrasse.

Pr⟨oudhon⟩ est au secret à Doullens, même sa femme ne pouvait le voir qu'un instant sous la surveillance d'un gardien.

5 mai

Hier à cause de la fête [7] les lettres ne partirent point. J'ajoute quelques mots. Tes prédictions s'accomplissent, ma femme va mieux, mais Tata est malade... Commence à crier et à pester — moi je me résigne. L'homme ne peut être calme et tranquille que lorsqu'il est tout seul — chaque complication de la vie par les relations les plus intimes porte des moments de bonheur et des éternités d'amertume, de crainte, de déchirements de cœur — c'est alors que tout chancelle dans l'homme-même, il perd le centre de gravité. Et — voilà notre existence. Tu t'abuses jusqu'à présent en pensant diriger ta vie en souverain. Tu ne feras rien, *caro mio*.

La lettre de Pr⟨oudhon⟩ serait très stupide, mais il y a pourtant des causes atténuantes [8]. Il faut te dire que l'autre [9] le flattait, faisait avec lui des dissertations sur le conservatisme et la révolution, lui faisait diverses petites douceurs.— Mais je ne l'excuse pas. Ma lettre te plairait plus, c'est la simplicité d'une addition.

Je te *tzaluiu i obnimaiu*.

Je crois à la possibilité de viser ici — ce qui est de beaucoup mieux. Pour toi — autre chose, tu es Suisse, mais un Russe visé à Genève, passeport suisse — trop compliqué.

Егору Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 4 мая ⟨1850 г.⟩

Я уже очень давно не писал, а все потому, что из кокетства я показываюсь своим друзьям только тогда, когда я любезен, остроумен, интересен... а эти три дня я не был ни тем, ни другим. Меня огорчала болезнь Натали. Ужасы, которые я вижу ежедневно, вызывают во мне какое-то ненужное раздражение. Ты знаешь, что

БАЛ-МАСКАРАД В ПАРИЖСКОМ ОПЕРНОМ ТЕАТРЕ
Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules Janin «L'Hiver à Paris», 1843

Эдмона высылают и что он остается здесь еще на некоторое время при условии ничем не заниматься [1]. Ты знаешь, что охота на предавцов газет возобновляется изо дня в день[2] — и неизменно заканчивается полной победой карловингов...[3] А как подумаешь, corpo di Bacco*, что нет города, более цивилизованного, чем Париж, нет лучше народа,— представишь себе, что повсюду дело обстоит еще хуже, просто цепенеешь, становишься кретином, идиотом... идиотом до такой степени, что идешь смотреть магнетизированного Алексиса [4].

С отъездом все остается по-прежнему — если не добьюсь визы для Ниццы, поеду через Женеву.

Есть хорошие новости о деле, а именно — докладная записка банка, полностью поддерживающая выплату.

Я получил письмо от Бамбергера. Это человек очень деятельного ума, его письмо прекрасно; между прочим, он мне процитировал слова: «Tristitia est animi imperfectio»**— и предложил ничего не принимать всерьез; об этом меня не надо было просить, и я написал ему небольшую статью «Omnia mea mecum porto»***, которая, я уверен тебе понравится [5].—Эдмон собирается ехать в Египет. Я стараюсь спасти tanto poco**** из залога [6].

У меня ужасная головная боль. Прощай, caro mio, до свидания. Уже близко то время, когда мы, наконец, вместе отдохнем. Обнимаю тебя.

Пр⟨удон⟩ в одиночном заключении в дулланской тюрьме, даже жене удалось только на минуту повидать его и то в присутствии надзирателя.

5 мая

Вчера по случаю праздника [7] письма не были отправлены. Добавляю несколько слов. Твои предсказания сбываются — моей жене лучше, но заболела Тата.— Начинай же кричать и ругаться, а я покоряюсь неизбежности. Человеку можно оставаться спокойным и безмятежным лишь тогда, когда он совсем одинок; даже самые

---

* черт побери (итал.).
** грусть — несовершенство души (лат.).
*** «Все свое ношу с собой» (лат.).
**** кое-что (итал.).

близкие отношения, осложняя жизнь, несут с собой минуты счастья и целую вечность огорчений, опасений, сердечных мук — тогда-то в самом человеке и начинает все колебаться, он теряет равновесие. Так вот мы и существуем. Ты и по сей день пребываешь в заблуждении, думая, что можешь самовластно управлять своей жизнью. Тебе это не удастся, caro mio.

Письмо Пр⟨удона⟩ может показаться весьма глупым, но есть все же смягчающие обстоятельства [8]. Нужно сказать, что тот [9] льстил ему, разглагольствовал с ним о консерватизме и революции, осыпал различными любезностями.— Но я его не извиняю. Мое письмо тебе больше понравится, оно просто, как правило сложения.

Целую и обнимаю тебя*.

Я думаю, что визу можно получить здесь, а это гораздо лучше. Тебе — другое дело, ты швейцарец, а русскому получить визу в Женеве, швейцарский паспорт — слишком сложно.

Егору Федоровичу **.

[1] В № 213 «Voix du Peuple» от 3 мая 1850 г. Шарль-Эдмон Хоецкий напечатал открытое письмо к редакторам, в котором заявлял, что его вынуждают прекратить сотрудничество в «Voix du Peuple» и уехать из Парижа.

[2] В двенадцатом письме «Писем из Франции и Италии», датированном 10 июля 1850 г., Герцен подробно изобразил эту «охоту на продавцов газет», ставшую обыденным явлением в Париже (изд. АН, т. V, стр. 196).

[3] Именем старинной династии *карловингов* (каролингов), царствовавшей во Франции с 751 до 987 г., Герцен называет здесь в шутку полицейских агентов, руководимых префектом полиции Карлье.

[4] *Алексис* — вероятно, один из парижских «ясновидящих». Отметим, что даже на страницах «Voix du Peuple» постоянно печатались объявления всякого рода гадалок, ясновидящих и т. п. шарлатанов.

[5] Эта статья, датированная 3 апреля 1850 г., была напечатана Герценом в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift...», а затем вошла в русское издание «С того берега». О том, что она является откликом на письмо Бамбергера к Герцену, ранее известно не было.

[6] Попытка спасти что-нибудь из залога, внесенного Герценом за «Voix du Peuple», оказалась безуспешной. «Мой залог был схвачен до копейки»,— отмечал впоследствии Герцен в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 195).

[7] 5 мая — годовщина смерти Наполеона I.

[8] О письме Прудона к Карлье см. выше, в примеч. к письму № 88.

[9] Т. е. Карлье.

91

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 7 mai ⟨1850⟩

Et encore une fois: «*Oggi o mai*».— Lorsque je t'écrivais ces mots [1], il y a près de deux mois, j'avais raison, et deux victoires ont décidé pour l'«*oggi*». Mais ce n'est pas tout; je ne sais quel démon de destruction pousse un homme à brouiller les cartes de plus en plus, à toucher à la poudrière avec une allumette. La position est encore plus critique au jour d'aujourd'hui... et je n'ai ni espérance, ni désespoir, ni confiance, ni crainte.— Voilà à quoi on arrive étant spectateur impartial, c'est-à-dire presque impersonnel.

A Nice, à Nice... Si on ne me tracasse plus, je partirai vers le 1 juin, si on me tracasse j'irai seul et par Genève, attendu que l'autre se propose derechef de me suissiser [2], et alors peut-être je quitterai Paris le 18.— Ma femme ne peut se mettre en route, Tata est malade, aussi je les laisserai sous la protection de Horace.[3], l'homme le plus posé des trois membres de ta famille.

* Эти слова написаны по-русски, латинскими буквами.— *Ред.*

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

L'affaire du billet amer — va bien. Il paraît qu'on veut ignorer les dispositions antérieures et plutôt payer que motiver.

Рукой Н. А. Герцен:

Demain part chez vous, cher ami, *Сорока-воровка*, *Крупов*, et quelques *Записки охотника* que vous ne comprendrez pas si facilement que le reste, cela ne fait rien, bientôt nous pourrons lire ensemble et je vous expliquerai. En attendant je soigne d'autres enfants malades, je mouche l'une, je donne de la tisane à l'autre. Tata avait une fièvre très forte cette nuit. Tout le monde tousse, Emma, moi — joli concert; Alexandre est désolé, il se sauve au théâtre et puis la conscience le tourmente, il se reproche *trop* de distractions... Quand donc nous courrons tous comme des enfants dans les champs! Il me semble que nous sommes tous dans l'état de chrysalides et que nous deviendrons tous des papillons!

A vous, papillon *in spe*.

Рукой Герцена:

Егору Васильевичу.

Перевод:

<Париж.> 7 мая <1850 г.>

Еще раз: «Oggi o mai»...*— Около двух месяцев назад, когда я написал тебе в первый раз эти слова [1], я был прав, и две победы решили в пользу «oggi». Но это еще не все; не знаю, какой дух разрушения толкает человека как можно больше спутывать карты, подносить спичку к пороховнице. Сегодня положение стало еще более критическим... а у меня ни надежды, ни отчаяния, ни доверия, ни страха.— Вот до чего можно дойти, оставаясь безучастным, т. е. почти безличным зрителем.

В Ниццу, в Ниццу... Если меня не будут больше беспокоить, я выеду около 1 июня, если же будут, я поеду один и через Женеву, ввиду того, что тот опять намеревается меня ошвейцарить [2]; тогда, возможно, я покину Париж 18-го. — Жене моей нельзя ехать, Тата больна, я их оставлю под защитой Гораса [3], самого положительного человека из трех членов твоего семейства.

Дело с горьким билетом** идет хорошо. По-видимому, предпочитают пренебречь распоряжениями, сделанными ранее и оплатить его, а не обосновывать отказ.

Рукой Н. А. Герцен:

Завтра отправляются к вам, дорогой друг, «Сорока-воровка», «Крупов» и несколько рассказов из «Записок охотника», понять которые вам будет не так легко, как остальное, но это неважно; скоро мы сумеем их читать вместе, и я вам все объясню. А пока я ухаживаю за другими больными детьми — вытираю нос одному, даю лекарство другому. У Таты был этой ночью сильный жар. Все кашляют, Эмма, я—хорош концерт; Александр расстроен, он удирает в театр, а после его мучает совесть, он корит себя за то, что *слишком много* развлекается... Когда же будем мы бегать, как дети, на воле? Мне кажется, что все мы сейчас находимся в стадии куколок и должны превратиться в бабочек!

Ваша бабочка in spe***.

Рукой Герцена:

Егору Васильевичу ****.

[1] См. выше письмо № 64.
[2] См. примеч. к письму № 129.
[3] Шутка: *Горас* — малолетний сын Гервегов.

---

* «Сегодня или никогда» (итал.).
** Игра слов: «billet amer»—буквально «горькая записка», антоним—«billet doux»—сладкая, любовная записка.
*** в будущем (лат.).
**** Имя и отчество написаны по-русски.—*Ред.*

92

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 12 mai ⟨1850⟩

Ne me fais pas de reproche, cher Georges, sur le laconisme de mes lettres, les matériaux ne manquent pas, ni le désir—mais il y a beaucoup de choses qui empêchent. Outre le dégoût que je sens d'écrire dans un pays où le secret des lettres n'est pas respecté, j'ai un dégoût profond de tout ce que je vois. Cette agitation stérile déssèche l'âme.

Je quitterai Paris dans quelques jours... eh bien, quel est le résultat acquis de ces 5 mois? Un mépris encore plus profond pour les uns et pour les autres; il faut travailler à se rendre maître même de ce mépris — j'y parviendrai. Il y a pourtant une chose qui me blesse profondément. La lutte qui se produit à présent est nécessaire, mais la forme dégoûtante, lâche, offensante, crapuleuse appartient aux lutteurs et non à la lutte. C'est là que je vois la mort, la putréfaction. Prendre part est impossible, mais il est encore moins possible d'être là, voir, sentir et ne pas être indigné, outragé.— Un peu de repos, un peu de légalité, et on pourrait bien exister au moins. «Mais c'est un temps de guerre».— Oui, j'ai entendu tout cela cent fois, mais il y a des duels et un pugilat, un duel et un assassinat. Moi je ne peux me battre qu'en duel, c'est le dernier reste d'aristocratisme, je voudrais qu'on ait des égards pour moi en me frappant; j'accepterai un malheur — mais non un soufflet. Eh bien, voilà ce qui manque complètement aux parties opposées, elles ne sont pas *gentlemanlike* — en vérité je regrette quelquefois la vieille noblesse avec ses préjugés stupides, mais avec leur dignité qui craignait tout ce qui est impur; la bourgeoisie a apporté d'autres mœurs basées sur l'addition, eh bien, comme on met de l'eau dans du vin, pour le vendre, c'est ainsi qu'on dénonce, qu'on s'avilit — pour avoir un avantage.— Je t'assure que quelquefois je deviens malade en lisant l'*Assemblée N⟨ationale⟩* et confrères — ce ne sont pas leurs provocations qui me font frémir, non, c'est le cynisme de la bassesse, c'est ce luxe d'ignominie. Eh bien, cela appartient à nos générations; as-tu lu les feuilles d'une histoire de 1814 publiée par la *V⟨oix⟩ du P⟨euple⟩*?[1]— admire là ce luxe dont je parle, admire les maréchaux et C^nie^, Napoléon, le type d'un bourg⟨eois⟩ couronné, il a su donner une éducation à cette génération — que nous admirons jusqu'à présent.

Si tu veux savoir de ce qui se passe ici, je te conseille entre autres de lire les correspondances de *l'Indépendance Belge* [2]. Moi je ne vois absolument personne (et ne veux voir personne), j'arrange mes affaires et me prépare au voyage. Dans *l'Ind⟨épendance⟩* donc on racontait qu'en cas d'émeute on s'en ira à Versailles, et si cela prendrait un caractère sérieux qu'on bombarderait Paris par les forts.[3]— Dieu veuille que Louis-Philippe ait encore cette consolation pour ses vieux jours, de voir l'usage de ces forts — élevés par lui, Thiers, et le *National*. Tu as vu dans la *Presse* le nombre de soldats — mais cela ne viendra pas même jusqu'à une émeute,— au moins sans des provocations directes.

Tu persistes dans ton rôle d'une petite maîtresse qui boude—la constance est bonne, mais c'est dommage que tu l'appliques à moi. Emma m'a demandé ce que j'ai écrit contre Nice à ma mère, et que tu en es fâché — fâché probablement contre Carlier, l'empereur Nicolas, la réaction etc., etc. Mais qui donc te dit que Nice est la ville la plus libre du monde, c'était bien simple d'y aller sans être expulsé d'ici, mais à présent il faut donc sonder le terrain (e que je fais aussi), il faut outre cela s'arranger avec le passeport. Tout se fait, mais aussi tout peut échouer,— peut-être,— mais il ne faut pas en parler — c'est trop nerveux, je parle de tout.

On insinue dans un journal que nous autres nous sommes des agents russes — comme ils sont stupides pourtant, les Français. Le même journal —

Ligue des Peuples par un imbécile de Carpentier — imprime le testament de Pierre le Grand [4], je t'envois le commencement — quelle prévision! — Je crois que l'accusation a été dirigée contre Sazonoff.— Il leur faut peut-être la tête de Bacounine pour comprendre qu'on peut être Russe, homme libre — sans être espion. Canailles! [5]

J'ai lu le discours de Kinkel. Eh bien, trouve-moi ici une voix pareille, et des jurés qui acquittent après cela [6].— Kinkel acquitté et Cernuschi [7] accusé pour la seconde fois — voilà l'Allemagne d'aujourd'hui et la France. Je demande de quelle ville d'Allemagne m'aurait-on expulsé, moi, ne me mêlant en rien à la politique du jour, ne connaissant aucun club. Tu me demandes pourquoi je n'ai pas demandé la cause ou vu le dossier—je ne le voulais pas [8]. Ils ont un droit sauvage, ils en usent — ce que je voulais moi c'est de rester encore pour arranger les affaires. Je ne veux pas leur donner l'occasion de justifier une mesure oppressive.

Addio.— La santé de ma femme va beaucoup mieux, vers le 25 nous nous mettons en voiture, peut-être si on ne le permet pas, autrement le 18. Tata va mieux, Horace tout à fait bien.

Je ne veux pas vendre ma maison de Paris. Le locataire m'a payé pourtant jusqu'au 1 janvier et promet de payer encore avant mon départ un terme. Tu en as ri et pourtant c'est un placement qui n'est pas tout à fait mauvais — lorsqu'on ne pense pas au bombardement — cela donne 5%.

La naturalisation d'Edmond a été cassée par le Conseil d'Etat.

Егору Васильевичу.

Рукой Н. А. Герцен:

Comme s'il y a déjà tellement, tellement longtemps que la bessonnière ne vous a pas écrit? Je n'écris plus *autant* qu'avant, parce que je suis impatiente de *parler* avec vous, et que j'espère de le faire bientôt. — J'ai oublié

ПАРИЖ. ЛУВР. КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Гравюра с рисунка Э. Лами из книги: Jules J a n i n. «L'été à Paris», 1843

que c'est dimanche aujourd'hui et qu'il faut commencer plus tôt si l'on veut écrire davantage. Cela me fit de la peine que ce n'est pas au milieu de nous que vous avez passé le 10.— Demain je vous écrirai, je tâcherai d'écrire plus. J'y étais bien disposée tantôt — mais on m'a distraite, fâchée, et je suis devenue abominable, je ne veux pas me présenter *telle* devant vous, mon cher besson.— Donc adieu, jusqu'à un meilleur moment.

N.

Перевод:

<Париж.> 12 мая <1850 г.>

Не упрекай меня, дорогой Георг, за лаконизм моих писем — ни в материалах, ни в желании нет недостатка, но есть многое, что мешает. Не говоря уж об отвращении, без которого я не могу писать писем, находясь в стране, где не уважается их тайна, я испытываю глубокое отвращение и ко всему, что вижу вокруг. Такое бесплодное возбуждение иссушает душу.

Через несколько дней я покину Париж... Итак, каков же результат этих 5 месяцев? Еще более глубокое презрение и к тем и к другим; надо научиться владеть даже самым этим чувством презрения — и я этого добьюсь. Одно все же глубоко меня задевает: завязавшаяся борьба необходима, но отвратительная, подлая, оскорбительная, грязная форма ее определяется не борьбой, а борющимися. Вот здесь-то я и вижу смерть, гниение. Принимать в этом участие невозможно, но еще менее возможно присутствовать, видеть, чувствовать и не быть возмущенным, оскорбленным.— Немножко бы спокойствия, немножко законности, и можно было бы по крайней мере существовать. «Но время-то сейчас военное».— Все это я слышал, конечно, сотни раз, но есть дуэль и кулачный бой, дуэль и убийство. Сам я могу драться только на дуэли, это единственный остаток аристократизма. Я желал бы, чтоб, нанося мне удары, соблюдали учтивость, я могу примириться с несчастьем, но не с пощечиной. А именно этого-то и не хватает враждующим сторонам. Они ведут себя не gentlemenlike*— по правде говоря, я иной раз жалею о старом дворянстве с его глупыми предрассудками, но и с его достоинством, которое чуждалось всего нечистоплотного; буржуазия принесла новые нравы, опирающиеся на расчет, так вот, подобно тому, как вино разбавляют водой, чтобы его продать, точно так же доносят и унижаются из-за барыша. Уверяю тебя, что иной раз я просто заболеваю, читая «L'Assemblée N<ationale>» и иже с нею — не подстрекательства их приводят меня в содрогание, о нет, но этот цинизм низости, это торжество бесчестия. Так вот, это уж принадлежит нашим поколениям. Читал ли ты страницы из истории 1814 года, опубликованные в «V<oix> du P<euple>»?[1] Там ты можешь полюбоваться на это торжество, о котором я говорю, на маршалов и К°, на Наполеона — этот образец коронованного бурж<уа>, сумевшего воспитать поколение, которым мы любуемся и по сей день.

Если ты хочешь знать, что здесь творится, советую тебе, между прочим, читать корреспонденции «Indépendance Belge»[2]. Сам я решительно никого не вижу (и не хочу никого видеть), улаживаю свои дела и готовлюсь к поездке. Итак, в «Ind<épendance>» говорилось, что в случае мятежа решено перебраться в Версаль и, если дело примет серьезный оборот,— подвергнуть Париж бомбардировке с фортов[3].— Дай бог Луи-Филиппу сподобиться на старости лет еще и этого утешения — увидеть в действии форты, воздвигнутые им, Тьером и «National». Ты видел в «Presse» сообщение о численности солдат, но дело не дойдет даже и до мятежа, по крайней мере, без прямых провокаций.

Ты упорно не хочешь расстаться с ролью надувшейся любовницы, постоянство— дело хорошее, но жаль, что ты проявляешь его в отношении меня. Эмма спрашивала, что я писал моей матери против Ниццы, и говорит, будто ты за это сердит — сердит, вероятно, на Карлье, на императора Николая, на реакцию, и т. д., и т. д. Но с чего ты взял, что Ницца — самый свободный город на свете? Ехать туда очень просто, когда не изгоняют отсюда, но ведь теперь надо зондировать почву (чем я также занимаюсь),

---

* по-джентльменски (англ.).

надо, кроме того, уладить вопрос с паспортом. Все делается, но все может и сорваться — как знать?— но не стоит говорить, это слишком нервирует, я имею в виду все.

Одной газетой распространяется инсинуация, будто все мы — русские агенты. До чего все-таки французы глупы! В той же газете — «Ligue des Peuples» — некий болван Карпантье печатает завещание Петра Великого [4]. Посылаю тебе начало — вот так предвидение! — Я думаю, что обвинение было направлено против Сазонова. Должно быть им нужна голова Бакунина, чтобы понять, как можно быть русским и свободным человеком, не будучи при этом шпионом. Негодяи! [5]

Я прочел речь Кинкеля. Найди-ка здесь подобный голос и присяжных, которые после всего этого выносят оправдательный приговор [6]. Оправданный Кинкель и вторично осужденный Чернуски [7] — вот тебе нынешняя Германия и нынешняя Франция. Спрашивается, из какого немецкого города могли бы меня выслать,— меня, который совершенно не вмешивается в современную политику, не связан ни с каким клубом? Ты спрашиваешь, почему я не потребовал объяснения причины высылки, не посмотрел досье — я не хотел [8]. У них свое дикарское право, и они им пользуются, а я хотел только еще немного задержаться, чтобы устроить свои дела. Я не желаю давать им повод для оправдания репрессивной меры.

Addio.— Здоровье моей жены гораздо лучше, числа около 25-го мы, может быть, тронемся в путь, если разрешат, а не то — 18-го. Тате лучше. Горас совершенно здоров.

Я не хочу продавать свой парижский дом. Наемщик уплатил мне все же по 1 января и обещает до моего отъезда внести еще за квартал. Ты над этим смеялся, а все же это не совсем плохое помещение денег, если не думать о бомбардировке,— оно дает 5%.

Государственный совет отменил решение о натурализации Эдмона.

Егору Васильевичу *.

Рукой Н. А. Герцен:

Разве уже так давно-давно я — ваш близнец — вам не писала? Сейчас я не пишу *столько*, сколько раньше, потому что мне не терпится *поговорить* с вами и я надеюсь, что это вскоре удастся. Совсем забыла, что сегодня воскресенье, и если хочешь написать побольше, то нужно начать пораньше. Меня огорчает, что вы провели 10 число не вместе с нами.— Завтра я вам напишу и постараюсь написать побольше. Я совсем уже настроилась давеча сделать это, но меня отвлекли, рассердили, и я стала противной, я не хочу показываться вам *такой*, мой дорогой близнец. Поэтому прощайте до более благоприятной минуты.

Н.

[1] Герцен имеет в виду статью Кольфаврю «Как предают нацию» («Comment on livre une nation»), помещенную в № 174 «Voix du Peuple» от 25 марта 1850 г. В статье подчеркивалась аналогия между предательской ролью временного правительства в 1814—1815 гг. и правительства 1850 г.

[2] «*Indépendance Belge*» — газета либерального направления, выходившая в Брюсселе.

[3] Эта тактика, как известно, была принята впоследствии против Парижской коммуны контрреволюционным буржуазным правительством Тьера в 1871 г.

[4] Речь идет о фальшивке, опубликованной под видом «завещания» Петра I, в котором он якобы наставлял своих преемников, как достигнуть господства над Европой. В начале этого «завещания» содержится утверждение о том, что «европейские народы достигли в большинстве своем старческого состояния, граничащего с дряхлостью» и что они неизбежно должны быть побеждены юным русским народом, когда он достигнет всей своей силы и роста. Эта подделка и до публикации в «Ligue des Peuples» и после нее многократно печаталась в западноевропейских изданиях с целью восстановления общественного мнения против России. Герцен впоследствии писал об этом документе как о «завещании Петра I, которого никогда не было» (X, 435).

---

* Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

[5] В западноевропейской прессе неоднократно появлялись клеветнические обвинения Бакунина в шпионаже в пользу русского правительства. Герцен неизменно выступал в его защиту. В статье «Михаил Бакунин» Герцен писал: «Не знаю, как это получается, но всякий раз, когда видят русского революционера, его принимают за царского агента; одни не знают, как примирить аристократическое происхождение с убеждениями демократа, другие удивляются тому, что богатые люди могут быть социалистами. Наша привычка сорить деньгами, наш откровенный радикализм шокируют буржуазный мир» (изд. АН, т. VII, стр. 361). В публикуемом письме Герцен саркастически отмечает, что только казнь Бакунина могла бы с очевидностью доказать клеветникам, что он не был агентом царского правительства.

[6] Годфрид *Кинкель* (1815—1882) — немецкий поэт и искусствовед, участник революции 1848 г. В 1849 г. в бою баденско-пфальцских повстанцев против прусских войск был ранен, взят в плен и приговорен к пожизненному заключению. Герцен имеет в виду речь Кинкеля на начавшемся 29 апреля 1850 г. в Кельне процессе участников боннского восстания 1849 г. Кинкель был присяжными оправдан, однако освобожден не был, его перевели в шпандаускую тюрьму, где он должен был отбывать наказание по прежнему приговору баденского суда. Через несколько месяцев Кинкелю удалось бежать из тюрьмы и эмигрировать в Англию.

О взаимоотношениях Герцена и Кинкеля см. в «Былом и думах» (изд. АН, т. XI, стр. 153—155) и в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 281—283.

В отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва), в фонде кн. Барятинского, нами обнаружены два неизданных письма Кинкеля к Герцену 1850-х гг. Эти письма, так же как письма Маццини и Саффи, опубликованные нами в т. 62 «Лит. наследства», попали к Барятинскому, как мы предполагаем, вместе с приобретенной им библиотекой В. И. Касаткина, близкого знакомого Герцена.

[7] Энрико *Чернуски* (1821—1896) — известный итальянский экономист, участник римской революции, арестованный французскими оккупационными войсками во время интервенции в Риме и преданный военному суду. В прибавлениях к «Voix du Peuple», от 22 апреля 1850 г. был перепечатан из газеты «Italia» текст речи Чернуски перед французским военным советом.

[8] Герцен, описывая в «Былом и думах» посещение полицейской префектуры в связи с получением приказа о высылке из Франции, отмечает, что видел в руках помощника Карлье свое досье— «второй том романа», первую часть которого он видел когда-то в руках Дубельта (см. изд. АН, т. X, стр. 146).

93

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 17 mai ⟨1850⟩. Paris

Après une semaine passée sur une palette de torture—un moment lucide. Ma femme t'a déjà écrit qu'enfin nous savons quelque chose sur la célèbre histoire d'Ogareff. Ils sont libres — de Natalie on n'écrit rien. Le gouvernement s'est fait excuser. Selivanoff a été aussi arrêté et mené à Pétersb⟨ourg⟩ dans la forteresse — et aussi mis en liberté [1]. Gran⟨ovsky⟩ qui nous écrit cela dit qu'il ne peut concevoir pourquoi Seliv⟨anoff⟩ a été arrêté — moi je crois que c'est parce qu'il ne se lave jamais, donc on l'a puni au nom des ablutions du corps et de la pureté charnelle.

Beaucoup plus tard

Enfin, mon ami, je succombe aussi, c'est vraiment affreux, la santé de Tata va de mal en pis. Elise est couchée avec une hémorragie. Ta femme doit partir [2]— personne, personne. Et tout le monde à commencer par Reichel et finir par Schomb⟨ourg⟩ me dit: «Partez, partez». Partir, laissant les autres dans cette position!— Ma femme enceinte et malade, Tata, et même sans bonne. Diable, est-ce le commencement de la fin?

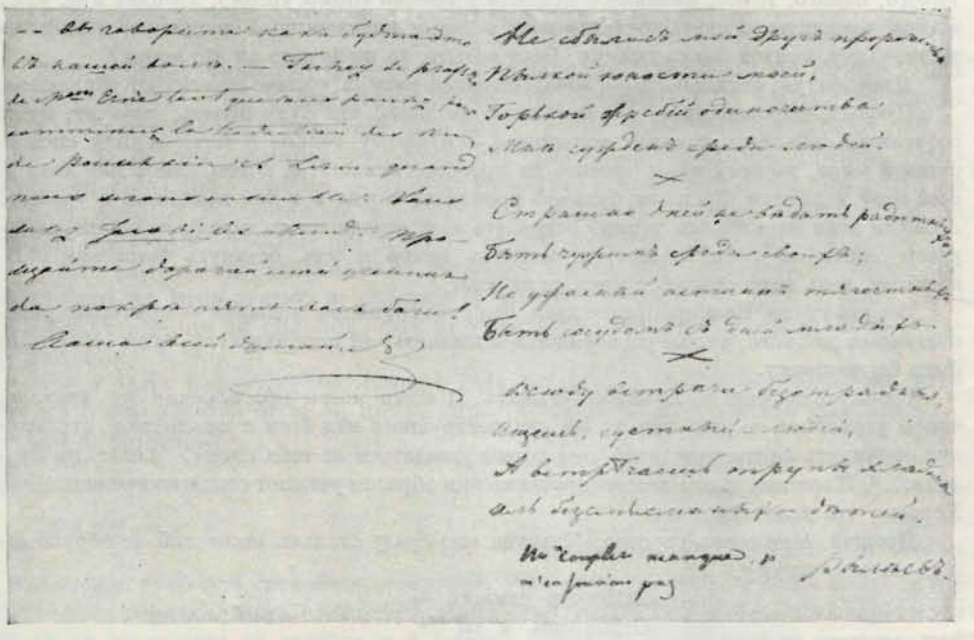
— Eh bien, le fatum, la fatalité — mot qui n'a pas de sens, mais qui tue au besoin.

Adieu, cher ami, je ne sais rien ⟨de⟩ ce que je ferai, on dit qu'on veut proclamer l'état de siège... je ne demande que 4 jours de tranquillité et de paix, je ne peux donc quitter toute ma famille [3]. Et ensuite, sacré nom de dieu, que me fait donc toute la politique de la France? Quand ou en quoi

ai-je pris part? — Eh bien, si ces cannibales veulent exterminer tous les hommes indépendants — quel moyen alors de se faire passer pour un esclave? Oui, je resterai ce que je suis, homme indépendant, indépendant même de partir.

Tout cela est bête. Mais je savais bien que le criterium du désir subjectif est insuffisant pour régler la vie avec cette souveraineté qui plaît à l'homme.

Emma aussi ne voulait pas partir encore. Et toute mon éloquence ne suffisait point à la décider (c'est toujours la pensée souveraine et adolescente de subordonner les faits aux sentiments), elle voulait attendre des lettres de toi, de l'argent de Berlin... [4] Eh bien, elle part à présent bien prosaïquement d'après une injonction. C'est bien que l'affaire soit terminée.

СТИХОТВОРЕНИЕ К. Ф. РЫЛЕЕВА «СТАНСЫ», НАПИСАННОЕ Н. А. ГЕРЦЕН ПОД ДИКТОВКУ ГЕРЦЕНА, В ПИСЬМЕ К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1850 г.
В конце приписка рукой Герцена по-французски: «Одного куплета нехватает, не помню его»
Британский музей, Лондон

Adieu. Je suis profondément triste,— plus de malheurs ensemble ne sévirent jamais sur ma tête.

...Погоди немного —
Отдохнешь и ты [5].

Et qu'en savons-nous, peut-être le temps est venu.
Une seule chose pèse encore — ne pas avoir un seul être.—

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей [6].

Pourquoi n'est-tu pas ici, *caro mio*.
J'expédie *mardi* Emma, et peut-être je partirai avant.
Егору Федоровичу.

Перевод:

17 мая <1850 г.>. Париж

После недели пытки — небольшой просвет. Моя жена уже писала тебе, что мы, наконец, кое-что знаем о знаменитой огаревской истории. Они на свободе — о Натали ничего не пишут. Правительство принесло извинения. Селиванов тоже был арестован и препровожден в Петерб<ург>, в крепость — и тоже освобожден[1]. Гран<овский>, который нам об этом пишет, говорит, что не может взять в толк, почему был арестован Селив<анов> — а я думаю, что это произошло потому, что он никогда не моется*, ну его и наказали во имя омовения тела и чистоты плоти.

Много позднее

Вот когда, мой друг, и я начинаю изнемогать, это поистине ужасно: здоровье Таты все хуже и хуже. Элиза лежит с кровотечением. Твоя жена должна уехать[2] — никого, никого. И все, начиная с Рейхеля и кончая Шомб<ургом>, твердят мне: «Уезжайте, уезжайте». Уехать, оставив всех в таком положении! Беременную и больную жену, Тату, притом без служанки. Чёрт возьми, да не начало ли это конца?

Итак, фатум, фатальность — слово, лишенное смысла, однако при случае убивающее.

Прощай, дорогой друг, я совершенно не знаю, что буду делать, говорят, будто собираются объявить осадное положение, — я прошу только о четырех днях спокойствия и мира, не могу же я бросить на произвол семью[3]. А потом, какое мне дело до всей этой политики Франции, будь она проклята? Когда и в чем принимал я участие? А ежели этим каннибалам угодно истребить всех независимых людей, то каким же образом сойти за раба? — Нет, я останусь каков я есть, останусь человеком независимым, ведь даже отъезд от меня не зависит.

Все это глупо. Но я прекрасно знал, что субъективное желание — критерий недостаточный для того, чтобы распоряжаться жизнью так полновластно, как то угодно было бы человеку.

Эмме также еще не хотелось уезжать. И всего моего красноречия не хватало, чтобы уговорить ее (это все то же главенствующее над всем и юношеское стремление подчинять факты чувствам), она хотела дождаться от тебя писем, денег из Берлина...[4]. И вот теперь она весьма прозаическим образом уезжает согласно предписанию. Хорошо, что дело закончено.

Прощай. Мне очень грустно. Никогда еще сразу столько несчастий не обрушивалось на мою голову.

...Погоди немного —
Отдохнешь и ты **[5].

Как знать, быть может, час уже пробил.
Одно только тяготит — ни живой души рядом,—

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей**[6].

Почему тебя нет здесь, caro mio?

Я отправляю Эмму *во вторник*, а может быть сам уеду раньше.

Егору Федоровичу ***.

[1] Илья Васильевич *Селиванов* (1810—1882) — пензенский знакомый Огарева, литератор. Находясь в 1848 г. в Париже, он принимал непосредственное участие в политической жизни столицы и даже выступал на каком-то революционном банкете (см. V, 248). Селиванов был арестован почти одновременно с Огаревым, обвинен в «вольнодумстве», участии в парижских баррикадных боях и выслан в Вятку, но вскоре освобожден и отдан под надзор полиции. См. VI, 162 и «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 484. В одном из ближайших томов «Лит. наследства» Б. П. Козьми-

* Каламбур: «Seliv<anoff>» (Селив<анов>) и «se lave» (моется) по-французски звучат схоже.

** Стихотворение цитируется по-русски.— *Ред.*

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

ным будет напечатано большое письмо Селиванова о революции 1848 г., конфискованное полицией в 1850 г.

[2] Эмма Гервег, поддерживавшая сношения с радикальными кругами и подвергавшаяся опасности быть арестованной, покинула Париж 21 мая. См. также об этом ниже, в нашем обзоре «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».

[3] Герцен добивался в это время отсрочки высылки его из Парижа.

[4] В Берлине жил отец Эммы Гервег, Зигмунт, крупный торговец шелком, оказывавший ей щедрую материальную помощь, но после революции 1848 г., которая его почти разорила, сильно сокративший свои дотации.

[5] Заключительные строки стихотворения Лермонтова «Из Гёте» (1840).

[6] Строфа из «Стансов» Рылеева (1825). Эти стихи Наталья Александровна 17 апреля 1850 г. послала Гервегу, с припиской Герцена—см. стр. 187 настоящего тома.

94

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 18 ⟨mai 1850⟩. Samedi

Une journée tant soit peu plus tranquille qu'hier. Tata va mieux. Mais Elise très mal, elle a une fièvre typhoïde.— Emma part le 21, les places sont déjà arrêtées. Je voudrais bien partir le 22, mais cela ne dépend pas de moi — et je reste comme sentinelle ou comme chien fidèle gardant (sans aider en rien) ma famille.— Je suis enchanté du départ d'Emma, enfin ça ira, et ensuite la prudence n'appartient pas aux vertus distinctives de m⟨ada⟩me—elle risquait ici d'avoir encore une mer d'offenses à boire.

Cette fatigue assoupissante et profonde qu'on ressent après un orage, en attendant un plus grand, m'enfonce et me rend stupide.— Hier j'étais vraiment noir comme un charbon, aujourd'hui vide comme une bouteille de bourgogne chez nous.

Tu n'écris pas — probablement cela ne sont que des représailles, dans ce cas c'est bête — et si je me trompe, c'est aussi bête, mais *vice versa*.

Je t'embrasse [1].

Егору Васильевичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 18 ⟨мая 1850 г.⟩. Суббота

Сегодня чуть-чуть спокойнее, чем вчера. Тате лучше. Но Элизе очень плохо, у нее тифоидная горячка. Эмма едет 21-го, места уже заказаны. Я хотел бы отправиться 22-го, но это от меня не зависит, и я остаюсь, охраняя, как часовой на посту или как верный пес, свою семью (не оказывая никакой помощи).— Я очень рад, что Эмма едет, наконец-то все наладится; кроме того, осторожность не принадлежит к числу добродетелей, присущих этой даме,— она рисковала здесь вновь испить море оскорблений.

Эта расслабляющая, глубокая усталость, которую ощущаешь после бури, в ожидании другой, еще более ужасной, гнетет меня и отупляет.— Вчера я был черен, прямо как уголь, сегодня — пуст, как бутылка из-под бургундского на нашем столе.

Ты мне не пишешь — очевидно, это только мера воздействия, в таком случае это глупо; а если я ошибаюсь — то это также глупо, но vice versa*.

Обнимаю тебя[1].

Егору Васильевичу **.

[1] Гервег ответил письмом от 21 мая 1850 г. (XIV, 75—77).

95

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 19 mai ⟨1850⟩

Les nuages qui s'amoncelèrent sur notre tête, les maladies et les tracasseries, commencent à se disperser avec le beau temps. Tata va bien, Elise

* наоборот (лат.).

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

pas mal, mais elle ne peut encore se mettre en route. D'un autre côté les affaires commencent à prendre une autre tournure et il n'y a rien à craindre avant la fin de la semaine. Nous partons le 25 — peut-être avant [1]. Ma femme et Tata exigent beaucoup de ménagements, nous irons jusqu'à Châlons et là elles se reposeront 24 heur⟨es⟩, ensuite par bateau à vapeur par la Saône et le Rhône.

Gasser a écrit qu'il aurait la réponse complète positivement et immanquablement *le 13.* 13 + 8 = 21 ou le 22 mai nous saurons s'il y a nécessité pour toi d'aller à Stuttg⟨art⟩ ou non. J'espère que non — et alors *sia il benvenuto* et nous entonnerons notre «*vieni, sposa da Libano*». A toi de prouver que tu as plus de mobilité, vélocité et surtout de décision que nous autres... *Addio.* Mes lettres ne sont que des bulletins.

Notre médecin [2] donne aux malades, dès qu'ils vont mieux après la fièvre,— du champagne —il a permis de donner à Tata la quantité qu'elle voudrait prendre.— C'est en vérité un bien brave vieillard—c'est lui qui a obtenu les papiers d'Emma — mais il parle, il parle, il parle — plus que Jean-Baptiste [3].

Рукой Н. А. Герцен:

Allez, allez, allez à Nice.

C'est tout ce que je peux *écrire*, le reste je veux vous dire, cher besson.—Je suis fatiguée à un tel point que je n'ai pas enfin une seule pensée.

Рукой Герцена: Егор Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 19 мая ⟨1850 г.⟩

С наступлением погожих дней, тучи, сгустившиеся над нашей головой,— болезни и неприятности,— начинают рассеиваться. Тата чувствует себя хорошо, Элиза тоже неплохо, но пуститься в путь она еще не в силах. С другой стороны, дела принимают другой оборот, и до конца недели можно ничего не опасаться. Мы выезжаем 25-го,— быть может, и раньше [1]. Жена и Тата требуют очень бережного отношения. Мы поедем до Шалона, там они отдохнут сутки, а дальше — на пароходе по Соне и Роне.

Гассер написал, что *13-го* — это уже совершенно точно и определенно,— он получит исчерпывающий ответ. 13 + 8 = 21 — 22-го мая мы будем знать, нужно ли тебе ехать в Штутг⟨арт⟩ или нет. Надеюсь, что нет, а тогда sia il benvenuto* и мы затянем наше «Vieni sposa da Libano»**. Докажи теперь, что ты самый легкий на подъем, самый быстрый и, главное, самый решительный из всех нас... Addio. Письма мои просто бюллетени.

Как только больным становится лучше после приступа лихорадки, наш доктор [2] дает им шампанского; Тате он разрешил дать, сколько она захочет.— Он в самом деле очень славный старик;— это он выхлопотал Эмме документы, но он говорит, говорит, говорит,— больше чем Жан-Батист [3].

Рукой Н. А. Герцен:

Поезжайте, поезжайте, поезжайте в Ниццу.

Это все, что я могу *написать*, об остальном я хочу вам рассказать, дорогой близнец. Я так утомлена, что у меня нет в голове ни одной мысли.

Рукой Герцена: Егор Федоровичу***

[1] Отъезд был опять отложен.

[2] *Наш доктор* — доктор Пальмье, санитарный инспектор парижской префектуры. Он бывал у Герцена и пытался оказать ему помощь в получении отсрочки приказа о высылке из Парижа (см. изд. АН, т. X, стр. 147).

[3] Болтливость Жана-Батиста Боке постоянно вызывала ироническое отношение со стороны Герцена.

* добро пожаловать (итал.).

** «Гряди, невеста с Ливана» (итал.).

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

96

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 21 mai ⟨1850⟩

Tu es, George, d'une injustice terrible; tu ne veux donc jamais entrer dans les positions dans lesquelles tes amis peuvent se trouver. Tu me parles de ce que je n'ai presque pas écrit — mais quoique je n'aie pas la prétention d'être ultra-nerveux, pourtant je ne suis non plus une machine. Tracassé comme une bête fauve qu'on chasse par force, de tout côté, empêché dans chaque pas, et par-dessus le marché ne pouvant ni tout écrire, ni rien faire.— Il ne faut non plus oublier les circonstances inouïes dans lesquelles nous sommes, où l'homme le plus clairvoyant ne peut prévoir ce qui arrivera dans une heure. Crainte, agitation, attente convulsive — et prostration, apathie enfin. C'est un des temps les plus noirs que j'aie vu — et tu penses qu'on puisse avoir assez de sérénité, de concentration pour écrire de longues lettres?..

Emma part dans une heure. C'est très bien, c'est le premier pas, nous avons du temps jusqu'au 25 m⟨ai⟩. Aujourd'hui le caractère des débats se dessinera, et nous saurons combien il faut se presser ou non, pour ne pas faire d'imprudence. Schomb ourg⟩ voudrait aussi que nous restions jusqu'au payement du billet, pour régler l'affaire des dépenses, tout cela ne peut retarder le départ que d'un ou de deux jours.

Je reviens à l'instant même après avoir reconduit Emma jusqu'à la diligence. Rien de nouveau, tout est très tranquille, et personne ne comprend rien.

Егору Васильевичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 21 мая ⟨1850 г.⟩

Ты ужасно несправедлив, Георг, ты никогда не хочешь войти в положение, в котором могут оказаться твои друзья. Ты говоришь, что я почти ничего не писал тебе, но пусть я и не притязаю быть чересчур нервным, однако я все же не машина. Я мечусь, как затравленный дикий зверь, на каждом шагу наталкиваясь на препятствия, и в довершение всего не могу обо всем писать и не могу ничего делать.— Не следует также забывать чрезвычайные обстоятельства, в которых мы находимся, когда даже самый прозорливый человек не может предвидеть того, что произойдет через час. Боязнь, беспокойство, судорожное ожидание — и затем прострация, апатия. Это, пожалуй, самое мрачное время, какое мне приходилось наблюдать.— И ты думаешь, что можно еще сохранить достаточно душевного спокойствия и сосредоточенности, чтобы писать длинные письма?..

Эмма уезжает через час. Это очень хорошо, это первый шаг, у нас есть время до 25 м⟨ая⟩. Сегодня характер дебатов выяснится, и мы будем знать, нужно ли нам торопиться или нет, чтобы не допустить неосторожности. Шомб⟨ург⟩ тоже советует нам остаться до оплаты билета, чтобы уладить вопрос о расходах, но все это задержит отъезд не больше, чем на один-два дня.

Только что вернулся, усадив Эмму в дилижанс. Ничего нового, очень спокойно, и никто ничего не понимает.

Егору Васильевичу *.

---

* Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

97

ЭММЕ ГЕРВЕГ

23 mai 1850. Paris

Eh bien, Pénélope n'est plus Pénélope — mais bien Proserpine, enlevée par un Pluton policé, Pluton polisson,— Pluton de la police. Mais savez-vous que vous passerez par toutes les divinités de l'Olympe. Vous ⟨êtes⟩ Pallas à la maison et Bellone — sur le champ. Vous n'avez pas besoin de livre pour apprendre à Horace la mythologie.— Sie sehen in diesem Stil noch einen Hauch, denn der wirkliche H⟨aug⟩ ist erst gestern nach London gegangen. Wenn aber das zu poetisch klingt, so kann ich anfangen ohne Hauch à la Kapp. So:

Laut unserer letzten Verabredung, beiläufig zu Paris Anno 1850 d⟨en⟩ 21 Mai gehalten, verpflichtete ich mich, Hochgeehrte Frau, Ihnen eine Nachricht von den Alten und von den sämtlichen Kindern zu erstatten... Hiermit tue ich auch das obenversprochene.

Sehen Sie, das ist schon viel prosaischer. Aber ich kann auch juristisch anfangen. Die Kammer *de mise en accusation* hat entschieden, daß man die Person für die Billets in's Gericht fordere. Also werden wir das Glück haben, noch in den Zeitungen ein kleines Prozeßchen zu lesen.

Was noch? Schwer zu sagen. Palmier und Reichel gesehen, über Pathologie und Musik gesprochen, etwas gegessen, etwas getrunken, viel geschlafen, Schlüssel verloren, Schlüssel gefunden... edle Indignation gegen alles, was man macht und keine Macht, etwas zu tun.— Et voilà tout.

Nous partons mardi — c'est à-dire le 28. Nous attendons les détails de votre pélégrination ⟨!⟩. Le passeport de J⟨eanne⟩ [1] a été envoyé le même jour.

Que fait Rachel Ada? [2]

Après votre départ il y a chez nous un calme de l'Océan pacifique, et si je ne faisais pas de bruit et de calembours — on pourrait bien penser que tout le monde est parti avec vous...

Mais ne l'est-t-il pas, mais n'avez-vous donc pas emporté nos cœurs — *das Ihnen ein Reiseübergewicht von 7 fr⟨ancs⟩ machen wird.*

Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Cette fois, comme toujours, A⟨lexandre⟩ parle et moi je me tais, quoique je n'en dise pas moins à celui qui veut bien m'entendre,— m'entends-tu toi, Emma!?. Pas de lettre de G⟨eorges⟩.

Les malades vont mieux, Elise très faible. Tata me tourmente toujours impitoyablement et embrasse Horace et toi, et Ada... moi aussi... Adieu, en attendant nos chers, chers amis! Que votre voyage et arrivée soient aussi agréables que je le désire!

A vous, à vous de tout mon cœur

N.

Рукой Саши Герцена:

Chère Emma!

J'ai à te communiquer quelque chose que tu dois savoir: après que tu étais partie on descendit de ton appartement tous les meubles et je trouvais dans un des fauteuils ton crochet pour boutonner les bottines. A présent je ne sais plus ce qui en est devenu.— Nous ne partons que le 28, c'est ennuyeux! Papa a acheté ton minotaure avec le piédestal noir pour en faire cadeau à Palmier.

Vive Nice! Vive la mer! Vive les monts! Vive l'été!
Porte-toi bien et amuse-toi jusqu'à notre arrivée!

S a c h a [3]

«ЛИЛИПУТЫ ПЫТАЮТСЯ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ СНОМ НОВОГО ГУЛЛИВЕРА». КАРИКАТУРА, ОБЛИЧАЮЩАЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА РЕАКЦИИ НА ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ФРАНЦУЗСКИХ ГРАЖДАН

Рисунок О. Домье

На фигуре спящего Гулливера надпись: «Всеобщее избирательное право». Связывают Гулливера члены комиссии Законодательного собрания, разрабатывавшие новый избирательный закон: Моле (слева) и Тьер (справа). Посредине — Монталамбер. Гулливера окружают депутаты Законодательного собрания, среди них (слева) Беррье. На переднем плане Луи-Наполеон

«Charivari» от 21 мая 1850 г.

Перевод:

23 мая 1850 г. Париж

Итак, Пенелопа больше не Пенелопа, а Прозерпина, которую похитил Плутон, Плутон цивилизованный, Плутон повеса, Плутон полицейской службы*. А знаете, вы можете сойти за все божества Олимпа. Дома — вы Паллада, а в поле — Беллона. Вы не нуждаетесь в книгах, чтоб обучать Гораса мифологии. В этом стиле вы уловите и еще некое дуновение**, так как настоящий Г⟨ауг⟩ только вчера отбыл в Лондон. Если же это звучит слишком поэтично, я могу начать без дуновений, по-каповски. Так:

Согласно последним нашим переговорам, имевшим место в Париже 21 сего мая 1850 года, я обязался, достопочтенная сударыня, прислать вам уведомление обо всех старых и малых. Сим и приступаю к исполнению вышеобещанного.

Как видите, это уже куда прозаичнее. Но я могу начать и юридическим языком. Судебная обвинительная палата постановила привлечь оную персону за оный билет к суду. Стало, мы еще будем иметь счастье прочитать в газетах о маленьком процессике.

Что же еще? Трудно сказать. Пальмье и Рейхеля видел, о патологии и музыке толковал, немного ел, немного пил, много спал, ключи потерял, ключи отыскал...

---

* Каламбур: policé (цивилизованный), polisson (повеса), de la police (полицейской службы) по-французски звучат схоже.

** Каламбур: «Hauch» (дуновение) и «Haug» (Гауг) по-немецки звучат схоже.

благородное возмущение против всего, что делается, и никаких сил что-либо делать. Вот и всё.

Мы едем во вторник, т. е. 28-го. Ждем подробностей о вашем странствовании. Паспорт Ж⟨аннеты⟩ [1] был отослан в тот же день.

Что делает Рашель Ада? [2]

После вашего отъезда у нас царит спокойствие Тихого океана, и, если бы я не шумел и не каламбурил, вполне можно было бы подумать, что с вами уехали все — а разве это не так, разве вы не увезли наши сердца, das Ihnen ein Reiseübergewicht von 7 *fr⟨ancs⟩* machen wird*.

Прощайте.

Рукой Н. А. Герцен:

И на этот раз, как всегда, А⟨лександр⟩ говорит, а я молчу, хотя тот, кто захотел бы меня услышать, и без того услышит,— ты, Эмма, слышишь ли меня!? Писем от Г⟨еорга⟩ нет.

Больные наши поправляются. Элиза очень слаба. Тата продолжает меня безжалостно мучить и обнимает Гораса, и тебя, и Аду... я тоже... А пока прощайте, дорогие, дорогие друзья. Пусть ваше путешествие и приезд будут столь приятны, как я вам того желаю.

Ваша, всем сердцем ваша

Н.

Рукой Саши Герцена:

Дорогая Эмма!

Я хочу сообщить тебе кое-что, что тебе нужно знать: после того как ты уехала, из твоей квартиры снесли вниз всю твою мебель, и на одном из кресел я нашел твой крючок для ботинок. Теперь не знаю, куда он делся.— Мы уезжаем только 28-го, так надоело! Папа купил твоего минотавра на черном пьедестале, чтобы подарить его Пальмье.

Да здравствует Ницца! Да здравствует море! Да здравствуют горы! Да здравствует лето!

Будь здорова и проводи весело время до нашего приезда!

Саша. [3]

[1] *Ж.*— Жаннета, горничная Эммы Гервег, «француженка из Прованса, красивая собой и очень благородная», как охарактеризовал ее в «Былом и думах» Герцен (изд. АН, т. X, стр. 266).

[2] Герцен шутливо сравнивает малолетнюю дочь Гервегов Аду с артисткой Рашель.

[3] Далее следует приписка Саши Герцена, адресованная Горасу Гервегу, которую мы опускаем.

98

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 23 mai ⟨1850⟩

Eh bien, George le muet, George le taciturne, George le sans mot... eh bien, voilà deux jours qu'Emma roule et elle fait bigrement bien qu'elle roule [1] et *Rule, Britannia* [2]. A présent je m'en veux te prouver qu'elle le fait bien qu'elle roule. La Chambre de mise en accusation a décidé qu'elle est accusable, pendable et Nouka-Hivable [3]. Elle sera donc pendue en effigie comme Bem [4]... et toi, tu dis dans ta lettre à elle: «On t'a intimidée». *Timeo Baroches et justitia ferentes* [5].— Il n'y a ni preuve, ni évidence assez forte pour prouver l'innocence lorsqu'on veut la culpabilité, Thémis est aveugle, Thémis est sourde,— Thémis doit être envoyée chez Schibe! [6].

* что и даст излишек весу в вашем багаже на 7 фр⟨анков⟩ (нем.).

Le magnanime Bahrmann [7] est venu lui-même le dernier jour chez Emma pour demander si elle a besoin de quelque chose — juste lorsque tout était arrangé.

Nous partons le 27 ou le 28, mais si l'affaire avec Rotsch⟨ild⟩ est terminée le 25 — nous partirons le 26.

Hier nous avons ri à gorge déployée d'une matinée de réception chez moi. Je commence à penser que je suis nommé ministre ou archevêque. Le c⟨om⟩te Branicky [8], qui n'a jamais été chez moi, est venu faire une visite, en la motivant sur ce qu'il avait entendu que je devais quitter Paris, et qui'il voulait etc., etc... Une demi-heure après, entre un homme svelte, d'extérieur distingué, et commence qu'étant Russe et admirateur de cela et autre chose que j'ai écrit, il avait entendu que je partais... *idem*. Je demande avec qui j'ai l'honneur de parler — c'était le prince Lobanoff-Rostovsky [9] (mari de la fille du maréchal Paskewitz). Un homme charmant — quoique officier russe. Tu penses que c'est la fin—non, le soir en rentrant je trouve la carte du c⟨om⟩te Ostrowsky [10].

«Mais, fichtre,— me suis-je dit à moi-même,— a-t-on jamais vu un homme encomté et enprincé de cette manière — mis à la porte par cette polissonne de police. Moi que le *Lloyd* appelle baron russe — je suis aristocrate comme Wellington, comme Ivan Golovine, comme la maison de Reuss-Greuss Hohen-Sigmaringenberg-Zaum (voir *Almanach de Gotha* — que ma mère achète tous les ans depuis 1808).

Les lettres de la Russie ne m'encouragent pas trop. M-lle Ern peut te traduire. Ah, cette bête timide—mon chargé d'affaires! Ah, cette bête brute— mon frère bien-aimé! Si j'avais le malheur de ne pas avoir un frère, et la prudence de ne pas avoir un chargé d'affaires, tout serait sauvé — parce qu'il n'y aurait pas de traître, et le gouvernement aurait attendu, attendu — et toutes les mesures pourraient être prises.

Pense un peu que mon chargé d'affaires a livré tous les papiers et documents à la police après sommation.

Pense qu'il m'a envoyé une forte somme d'argent en me l'adressant à moi — après avoir renoncé à toute correspondance avec moi. L'argent a été arrêté — et ils n'ont pas même réclamé.

Ah, quel malheur d'avoir le bonheur d'un frère existant.

Lis l'*Indépendance Belge*, tu y trouveras beaucoup de choses que tu ne trouveras pas ailleurs.

Adieu.

Егору Федоровичу.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 23 мая ⟨1850 г.⟩

Итак, Георг немой, Георг молчаливый, Георг бессловесный... итак, вот уже два дня, как Эмма катит, и она чертовски хорошо делает, что катит [1], и «Rule, Britannia»* [2]. Теперь я хочу доказать тебе, что она прекрасно сделала, укатив отсюда. Обвинительная палата постановила, что она подлежит обвинению, повешению, водворению на Нука-Иву [3]. Стало быть, она будет повешена заочно, как Бём [4]... а ты, ты пишешь в своем письме к ней: «Тебя запугали». «Timeo Baroches et justitia ferentes»** [5]. Когда хотят засудить, тут не помогут никакие доказательства и самые очевидные факты в пользу невинности,— Фемида слепа, Фемида глуха, Фемиду надобно отправить к Шибелю [6].

Великодушный Барман [7] сам пришел к Эмме накануне ее отъезда, осведомиться, не нуждается ли она в чем-либо,— и как раз тогда, когда все уже было улажено.

---

* Игра слов: «roule» по-французски «катит», «rule, Britannia»—по-английски «правь, Британия».

** «Боюсь Барошей и правосудие приносящих» (лат.).

Мы едем 27-го или 28-го, но если дело с Ротш⟨ильдом⟩ решится 25-го,— мы уедем 26-го.

Вчера мы от души хохотали над состоявшимся у меня утренним приемом. Я начинаю думать, что меня произвели в министры или в архиепископы. Г⟨раф⟩ Браницкий[8], который никогда раньше у меня не бывал, нанес мне визит, мотивируя это тем, что он слышал, будто я должен покинуть Париж, и что он хотел и т. д., и т. д. ... Полчаса спустя входит стройный человек благородной наружности и начинает с того, что, будучи русским и почитателем такого-то и такого-то моего произведения, он, услышав о моем отъезде... idem; я спрашиваю его, с кем имею честь говорить,— оказалось, это князь Лобанов-Ростовский (муж дочери фельдмаршала Паскевича)[9]. Милый человек, хотя и русский офицер. Ты думаешь, что это всё — нет, вечером, вернувшись домой, я нахожу визитную карточку гр⟨афа⟩ Островского[10].

«Но, чёрт возьми,— сказал я сам себе,— видано ли, чтобы человек, столь ографленный и окняженный, был выставлен за дверь озорницей полицией?* Я, кого «Lloyd» называет русским бароном, я тоже аристократ, не хуже Веллингтона, Ивана Головина и дома Рейс-Грейс Гоген-Зигмарингенберг-Цаумского» (см. «Готский альманах», который моя мать покупает ежегодно с 1808 года).

Письма из России не очень меня обнадеживают. Мадемуазель Эрн может их тебе перевести. Ах, что за трусливое животное мой поверенный в делах! Ах, что за неразумное животное мой возлюбленный братец! Если бы я имел несчастье не иметь брата и имел осторожность не иметь поверенного в делах, все было бы спасено, потому что тогда не было бы предателя, и правительство ждало бы и ждало — и можно было бы принять нужные меры.

Подумай только, мой поверенный передал полиции по ее требованию все мои бумаги и документы.

Подумай, ведь он послал крупную сумму денег прямо на мое имя после того, как отказался от всякой со мной переписки. Деньги были задержаны, а они даже не потребовали их возвращения.

Какое несчастье иметь такое счастье, как братец!

Читай «L'Indépendance Belge», там ты найдешь много такого, чего не найдешь в других газетах.

Прощай.

Егору Федоровичу **.

[1] Э. Гервег подвергалась в Париже полицейской слежке и со дня на день могла быть арестована.

[2] «*Rule, Britannia*» — первая строка английской патриотической песни Джемса Томсона (из пьесы «Альфред», 1740), ставшей в Англии национальным гимном.

[3] *Нука-Ива* (Нука-Гива)—место ссылки французских революционеров (на Маркизских островах).

[4] Иосиф *Бем* (1795—1850) — руководитель польского восстания 1830 г. и один из виднейших сподвижников Кошута во время венгерской революции 1848—1849 гг. После ее разгрома бежал в Турцию, на которую правительства России и Австрии, заочно присудившие Бема к смертной казни, оказывали сильное давление, добиваясь его выдачи. Получить это согласие им не удалось.

[5] Перефразировка известного выражения Вергилия «Бойся данайцев и дары приносящих».— Пьер-Жюль *Барош* — реакционный министр внутренних дел.

[6] О *Шибеле* — директоре цюрихского училища для глухонемых, см. упоминания в письмах №№ 62 и 79.

[7] О *Бармане* см. в примеч. 2 к письму 36.

[8] Граф Ксаверий *Браницкий* (1812—1879) — один из руководителей аристократической части польской эмиграции. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 377—378.

[9] Князь Михаил Борисович *Лобанов-Ростовский* (1819—1858)— полковник, в дальнейшем флигель-адъютант.

[10] По-видимому, граф Кристин-Иосиф *Островский* (1810—1882) — польский литератор. Герцен с ним впоследствии находился в переписке.

---

* Каламбур: «polissonne» (озорница) и «police» (полиция) по-французски звучат схоже.

** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

99

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН

⟨Paris. Le 24 (?) mai 1850⟩

Lorsqu'un homme tracassier, criard etc., etc., comme moi, se trouve enfin au bout de son latin, et par-dessus le marché de son allemand, russe, français — c'est quelque chose. J'ai passé des époques plus douloureuses, plus déchirantes—mais plus stupides — jamais. Stupide — *im Allgemeinen*, stupide — *im Besonderen*, stup⟨ide⟩ *im Einzelnen, an sich, für sich, außer sich*[1], *in Paris, in Zürich, in Petersburg.*

Vraiment je me sens plus bête et, chose étrange, je sens que les autres sont toujours les mêmes, donc qu'ils sont aussi plus bêtes.

Une demi-année être à la veille du départ, attendre chaque semaine une réponse, avoir des espérances, des certitudes — et rester sans avancer en rien comme le premier jour.— *Coricare e non dormire, servire e non gradire, più tosto morire.*— Et pas un homme avec lequel dans un moment de désespoir boire une bouteille en pestant contre les dieux et les hommes, les éléments et... et voilà ta lettre — vieux sophiste Georgias par amitié et cher George pour tes amis.— Au revoir, et alors je t'expliquerai pourquoi j'étais et je suis nécessaire à l'affaire.

Pour Kolatchek, s'il désire, je peux lui envoyer le petit article *Omnia mea mecum porto...* [2] — Ou lui écrire quelque chose dans le genre. Ou aussi l'*Epilogue*.— Pourtant l'*Epilogue* a été promis à Hoffmann [3].

Tu écris toujours des affaires, comme si elles allaient à merveille, et me fais jouer un rôle d'un homme qui s'alarme pour rien. Mais, vois-tu ou non que même il y a possibilité de perdre les 80 000 — et alors cela réduit encore. Les Rougemont n'ont aucun avis — et l'avis vient avant une lettre de change.

Et quel animal ce Kl⟨utchareff⟩ — envoyer au nom de ma mère.

Егору Федоровичу.

Приписка к М. К. Эрн (на отдельном листке):

Пришло ваше письмо. Ну, с 80 000, видно, также придется проститься. Ни avis * у Ружемона [4], ничего подобного нет. Да и как же Григор⟨ий⟩ Ив⟨анович⟩ послал на мам⟨енькино⟩ имя? Что это за скоты, что за звери. А вы-то — радости, сюрпризы **.

Перевод:

⟨Париж. 24(?) мая 1850 г.⟩

Когда такой сварливый, крикливый и т. п., и т. п. человек, как я, не находит уже в своем лексиконе ни немецких, ни русских, ни французских слов — это что-нибудь да значит. Мне случалось переживать более тяжелые, более мучительные времена, но более дурацкие — никогда. Дурацкие im Allgemeinen, дурацкие im Besonderen, дурацкие im Einzelnen, an sich, für sich, außer sich[1], in Paris, in Zürich, in Petersburg ***.

Право, мне кажется, что я поглупел и, удивительное дело, мне кажется, что другие остались такими, какими были, значит, они тоже поглупели.

Полгода готовиться к отъезду, каждую неделю ждать ответа, питать надежду, уверенность — и не продвинуться ни на шаг, остаться при том же, что в первый день,— «Coricare e non dormire, servire e non gradire, più tosto morire»****.

---

* извещения (франц.).

** Над некоторыми словами в этой приписке надписан французский и немецкий их перевод рукой М. К. Эрн.— *Ред.*

*** в общем, в частном, в единичном, в себе, для себя, вне себя, в Париже, в Цюрихе, в Петербурге (нем.).

**** «Ложиться спать и не засыпать, служить и не дослужиться—уж лучше сразу умереть» (итал.).

И никого, с кем бы в минуту отчаяния можно было распить бутылку вина, проклиная и бога и людей, стихии и... ну вот и письмо от тебя, старый софист Georgias дружбы ради и дорогой Георг для друзей.— До свидания, при котором я тебе объясню, почему, как прежде, так и теперь, дело требует моего присутствия.

Что до Колачека, то если он хочет, я могу послать ему маленькую статью «Omnia mea mecum porto»[2]. Или написать для него что-либо в этом роде. Или же «Эпилог».— Но «Эпилог» был обещан Гофману [3].

Ты постоянно пишешь о делах так, словно они идут превосходно, и заставляешь меня играть роль человека, который попусту бьет тревогу. Но разве ты не понимаешь, что можно потерять и 80 000, и тогда сумма еще сократится. Ружмоны [4] не получили никакого извещения, а извещение приходит раньше векселя.

И что за скотина этот Кл⟨ючарев⟩ — посылать ⟨деньги⟩ на имя моей матери!

Егору Федоровичу *.

[1] Пародия на философскую терминологию.

[2] Статья «Omnia mea mecum porto», так же как «Эпилог 1849», появилась в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift...». Колачек находился в это время в Цюрихе (см. XIV, 87).

По-видимому, к этому времени относится следующая заметка Герцена, сохранившаяся среди бумаг Гервега:

«De Kolatschek

Le rapport de la Comission d'enquête de 1826 — concernant l'insurrection de Pétersbourg. Allem⟨and⟩ ou Français.

Grenzbote.

100 exemp⟨laires⟩ de la brochure» **.

[3] Герцен предполагал впервые напечатать «Эпилог 1849» во втором издании «Vom anderen Ufer», подготовлявшемся фирмой «Гофман и Кампе».

[4] *Ружмоны* — банкирская контора.

100

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 27 mai ⟨1850⟩. Paris

Préparez-vous, chère Emma, aux malédictions, à prononcer l'anathème, l'excommunication, aiguisez vos flèches, lancez vos foudres — et tout cela contre votre chétif ami, contre le petit barbare slave de l'hôtel Mirabeau [1].

E perchè? (Je pense que vous ne parlez que l'italien.)

1 °. Nous ne partons que samedi le 1 juin.—«*Lo saputo, i disgraziati*».— *No, no, signora, madama, eccelenza, no*... vous n'avez rien su, parce que cela dépend complètement du 2.

2 °. Une lettre de Gasser nous dit que l'affaire de ma mère a roulé derechef dans un abîme, et que c'est le ministère des affaires étrangères qui s'oppose à présent. A ce qu'il paraît, les braves Wurtembourgeois n'ont rien fait. Et voilà *noi, miserabile genta*, pas plus avancé d'un diamètre des grains homéopathiques que le 29 décembre où j'ai eu l'honneur de me prosterner à vos pieds et de vous offrir mes remerciements pour le Cognac et la sauce anglaise.

Et bien, que faire?.. «*Quod faciamus nos*», comme le dit le prêtre dans *Wallenstein's Lager* [2]. Ah voilà la question.

* Имя и отчество и далее записка к М. К. Эрн — по-русски (см. ее выше в основном тексте).

** «От Колачека

Отчет Следственной комиссии 1826 года — о петербургском восстании. На нем⟨ецком⟩ или французском языке.

«Пограничный курьер».

100 экземп⟨ляров⟩ брошюры» (франц.).

Mais je crains de l'aborder, vous êtes encore sous le charme de la première fureur, calmez-vous, regardez un peu Ada, ensuite la mer (cela peut au besoin servir pour un calembour si vous avez une glace devant vous) — eh bien, voilà mon plan. J'irai reconduire Natalie sous votre haute protection, j'engagerai Georges de venir après le voyage au front de Wurtem⟨berg⟩ *idem*, et je vous quitterai à l'instant même pour aller à Stuttgart et remuer terre et ciel.

J'attends avant mon départ la réponse de George, et j'agirai de commun accord. Que voulez-vous, G⟨eorge⟩ a bien raison, en disant ⟨qu⟩'entre la coupe et les lèvres il y a toujours assez de place pour un malheur [3].

Merci pour votre lettre. — *Übergewicht, Übergewicht*... mais au nom de tous les saints et de quelques pecheurs — (de la Mediterranée) pourquoi donc avez-vous pris tout cela avec vous, le roulage n'est pas une nouvelle invention, il existe du temps de César à Paris, lorsqu'il allait faire la guerre en Angleterre.

Avez-vous reçu le passeport de Jeannette et voulez-vous recevoir mes salutations amicales?

Рукой Н. А. Герцен:

Merci, merci pour ta lettre! Si tu savais combien je suis peinée te savoir seule et encore tourmentée, accablée... Nous ne nous amusons pas non plus.— Palmier dit qu'il ne faut pas laisser Ada crier longtemps et qu'il faut lui bander le ventre comme on le fait aux nouveaux-nés; Horace aura ses poids. Ton manteau est charmant et payé.

«ВСЕ ТА ЖЕ СТАРАЯ СИСТЕМА!» КАРИКАТУРА НА РЕАКЦИОННУЮ ПОЛИТИКУ ЛУИ-НАПОЛЕОНА

Рисунок Ж. Понси и Э. Морена

Рядом с Наполеоном, оттачивающим ножницы «закона о печати», — «Journal pour rire», изображенный клоуном. Он предостерегает точильщика: «Берегите пальцы, дорогой принц... режет». Объявление на точиле: «Точу ножи, бритвы, ножницы и прочий политический инвентарь по сходным и умеренным ценам»

«Journal pour rire» от 27 апреля 1850 г.

Chère Emma! Je t'embrasse, toi et les enfants. *Peut-être* j'écrirais plus — mais m-r Palmier est venu nous chasser à la campagne.

A toi N.

Natalie embrasse Horace. Je suis heureuse ⟨de⟩ le savoir bienportant et gai.

Перевод:

27 мая ⟨1850 г.⟩. Париж.

Приготовьтесь, дорогая Эмма, проклинать, предавать анафеме, отлучать от церкви, заострите ваши стрелы, мечите ваши громы и молнии — и все это против вашего жалкого друга, против маленького славянского варвара из отеля Мирабо [1].

E perchè?* (Думаю, что вы говорите теперь только по-итальянски.)

№ 1. Мы едем лишь в субботу 1 июня.— «Lo saputo, i disgraziati». No, no, signora, madama, eccelenza, no**... вы еще ничего не узнали — все целиком зависит от № 2.

№ 2. Из письма Гассера выясняется, что дело моей матери снова провалилось и что на этот раз возражает министерство иностранных дел. Насколько можно судить, бравые вюртембержцы ничего не сделали. И значит noi, miserabile genta***, продвинулись не более, чем на диаметр гомеопатической крупинки, с 29 декабря, когда я имел честь пасть к вашим ногам и принести выражение своей благодарности за коньяк и английский соус.

Что же делать?.. «Quod faciamus nos?» ****, как говорит священник в «Wallenstein's Lager»***** [2]. Ах, в этом и вопрос.

Но я боюсь затрагивать его, вы все еще во власти первого порыва гнева, успокойтесь, поглядите на Аду, потом на море (это на худой конец может сойти за каламбур, если перед вами зеркало******). Итак, вот мой план. Отвезу Натали под ваше высокое покровительство, попрошу Георга, после поездки на вюртем ⟨бергский⟩ фронт, idem ******* приехать и тотчас покину вас, чтобы направиться в Штутгарт и перевернуть небо и землю.

Думаю до отъезда получить от Георга ответ и буду действовать с общего согласия. Что поделаешь, Г⟨еорг⟩ совершенно прав, когда говорит, что между кубком и устами всегда найдется место для несчастья [3].

Спасибо за ваше письмо. Übergewicht, Übergewicht*******... но, во имя всех святых и нескольких грешников********* (Средиземного моря), зачем вы взяли все это с собой, перевозка гужем не является недавним изобретением, она существует в Париже со времен Цезаря, когда он собирался в Англию воевать.

Получили ли вы паспорт Жаннеты и соблаговолите ли принять мой дружеский привет?

Рукой Н. А. Герцен:

Спасибо, спасибо тебе за письмо! Если бы ты только знала, как меня гнетет мысль, что ты одна и притом измучена, удручена... Мы тоже не веселимся—Пальмье говорит, что нельзя позволять Аде долго кричать и что ей надо бинтовать животик, как новорожденным. Гири свои Горас получит. Твоя накидка прелестна и оплачена.

Дорогая Эмма, обнимаю тебя и детей. *Может быть*, написала бы и больше, но принел г-н Пальмье гнать нас за город.

Твоя Н.

Натали обнимает Гораса. Радуюсь, что он здоров и весел.

---

* А почему? (итал.).

** «Я это знала, бедняжки».—Нет, нет, синьора, мадама, эччеленца, нет (итал.).

*** Мы, несчастные люди (итал.).

**** «Что будем делать мы?» (лат.).

***** «Лагере Валленштейна» (нем.).

****** «la mer» — «море» звучит по-французски так же, как «la mère» — «мать».

******* тоже (лат.).

******** Лишний вес, лишний вес... (нем.).

********* Герцен пишет «pecheur» в транскрипции, которая позволяет перевести это слово и как «грешник» (pécheur) и как «рыбак» (pêcheur) и создает забавный каламбур.

[1] В hôtel Mirabeau жил в то время сам Герцен.
[2] «*Wallenstein's Lager*» — драма Ф. Шиллера, первая часть трилогии «Валленштейн».
[3] Гервег привел эту французскую пословицу, часто повторявшуюся и самим Герценом, в письме от 21 мая 1850 г. (см. XIV, 75).

101

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Париж. 27 (?) мая 1850 г.⟩

Eh bien, tu le vois, un malheur a passé derechef entre la coupe et les lèvres. Tu liras dans la lettre de ma mère les particularités de l'affaire. A présent il faut frapper le coup le plus décisif de Stuttgart; comment ose-t-il nier un acte légalisé par le consul russe de Paris; on peut envoyer encore une reconnaissance de la procuration de la part de ma mère par l'ambassade de Pétersb⟨ourg⟩ légalisée au ministère à Stuttgart. Il faut que l'ambassadeur entre tout bonnement en communication avec Gasser. Lui ou le consul.— Mais à te dire franchement, je crois que tout le ministère wurtem⟨bergeois⟩ tremble devant Nesselrode, et voilà pourquoi il ne fait rien jusqu'à présent.— Tirez donc une réponse de Stut⟨tgart⟩ pour savoir au moins ce qu'on a fait.— Dans votre lettre ne vous appuyez pas sur les communic⟨ations⟩ de Rotsch ild⟩, mais dites: «Nous apprenons pourtant» tout bonnement. Lui, il est homme *à oublier* ce qu'il a dit, il m'a donné lui-même le conseil de faire écrire par le minist⟨re⟩ wurt⟨embergeois⟩, en ajoutant que cela reste entre nous, qu'il est très loin de vouloir entreprendre quelque chose de blessant pour le gouv⟨ernement⟩ russe. Mais que c'est dans mon intérêt qu'il me donne *privatim* un conseil.

Que feras-tu?— Je pars pour Nice le 1 juin, grâce à la mansuétude des Carlovingiens[1]. Si l'affaire l'exige je viendrai tout de suite de là vous rejoindre. Mais Emma est capable de me brûler vif, de m'empoisonner pour la prolongation de cette maudite séparation. Alors arrange au plus vite l'affaire de Wurtem⟨berg⟩ et va à Nice — je t'attendrai là et j'irai ensuite finir l'affaire avec ma mère.— Gas⟨ser⟩ lui-même est furieux, il dit formellement qu'il en usera de tous les moyens pour parvenir à l'encaissement. La présence d'un de nous (ou des deux) est absolument nécessaire, à présent plus que jamais. Je vois là que mon séjour ici a été très utile, je te le prouverai.

Le tout ensemble, ensemble avec les affaires générales, avec tout ce que nous voyons tous les jours, est un lourd fardeau, sous lequel l'âme à force d'être comprimée, vieillit*, dessèche.

Tu demandes pourquoi ce départ hâtif d'Emma; mais elle est partie tout bonnement le jour désigné par le pr⟨éfet⟩ — pour ne pas subir le vaudeville correctionnel. *Caro mio*, tu ne connais pas les mœurs et us modernes, pour t'édifier par un pendant de l'histoire du billet — pense bien qu'on a un de ces jours condamné un auteur pour avoir envoyé par la poste sa brochure à quelques connaissances, on l'a condamné sans prév⟨ention⟩ de colportage et distribution des imprimés.

Porte-toi bien.— Je suis *tristissime* et *indignatissime*.— Le prince Lobanoff dont je t'ai parlé est un homme distingué, avec cette largeur et richesse des natures russes lorsqu'elles ne sont pas bêtes f⟨...⟩. Nous en parlerons — c'est-à-dire de lui.

Adieu.

Рукой Н. А. Герцен:

Que vous dirai-je, mon cher, cher besson? Que je vous aime de tout mon cœur, ce n'est pas nouveau — mais ce n'est pas si ennuyeux comme tout le reste.

---

* В подлиннике: vieilte.— *Ред.*

Перевод:

<Париж. 27 (?) мая 1850 г.>

Ну вот, ты сам видишь, опять между устами и кубком проскользнуло несчастье. Подробности о деле ты прочтешь в письме моей матери. Сейчас нужен самый решительный удар из Штутгарта. На каком основании смеет он оспаривать документ, засвидетельствованный русским консулом в Париже? Можно переслать еще доверенность моей матери, засвидетельствованную посольством в Петербурге и заверенную штутгартским министерством. Нужно, чтобы посланник непосредственно связался с Гассером. Посланник или консул.— Но, откровенно говоря, я думаю, что все вюртем<бергское> министерство дрожит перед Нессельроде, поэтому-то оно до сих пор ничего не сделало. — Добейтесь же ответа из Штут<гарта> и выясните, по крайней мере, что было сделано.—В письме вашем не ссылайтесь на сообщенное Ротш<ильдом>, просто скажите: «Нам стало, однако, известно». Он из тех людей, которые склонны *забывать* то, что говорят; он сам посоветовал мне писать через вюрт<ембергское> минист<ерство>, предупредив, что это должно остаться между нами и что он отнюдь не расположен предпринимать что-либо неприятное для русского прав<ительства>. Но, охраняя мои интересы, он дает мне privatim* совет.

Что ты собираешься делать?— Я еду в Ниццу 1 июня, благодаря благодушию Карловингов [1], а оттуда, если это потребуется для дела, тотчас же приеду к вам. Однако Эмма способна сжечь меня заживо, отравить меня за продление этой проклятой разлуки. Поэтому улаживай поскорее вюртембергское дело и отправляйся в Ниццу. Я подожду тебя там, а затем поеду вместе с моей матерью кончать дело.— Гас<сер> и сам взбешен, он категорически заявляет, что употребит все средства, чтобы добиться оплаты билета. Присутствие одного из нас (или нас обоих) совершенно необходимо теперь, больше чем когда-либо. Итак, я вижу, что мое пребывание здесь было очень полезно, я тебе это докажу.

Все вместе — и общее положение дел, и то, что приходится видеть всякий день,— бремя, под тяжестью которого старится, иссыхает душа.

Ты спрашиваешь о причине столь поспешного отъезда Эммы. Да, просто-напросто, она уехала в день, указанный пр<ефектом>, чтобы не подвергаться этой исправительной комедии. Caro mio, ты слишком мало знаком с современными нравами и обычаями; вот тебе в назидание история, схожая с историей с нашим билетом, — подумай только, на днях осудили одного писателя за то, что он переслал знакомым по почте свою брошюру. Без всякого суда и следствия его обвинили в незаконной продаже и распространении печатной литературы!

Будь здоров.— Я tristissime** и indignatissime***. Князь Лобанов, о котором я тебе говорил, человек благородный, со всей широтой и богатством русской натуры, когда она не <...> Мы еще поговорим об этом — то есть о нем.

Прощай.

Рукой Н. А. Герцен:

Что сказать вам, мой дорогой, дорогой близнец? Что я вас всем сердцем люблю — это не ново, зато не так скучно, как все остальное.

[1] См. примеч. 3 к письму № 90.

102

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Paris.> 30 mai <1850>

Le jour de notre départ reste invariablement fixé le 1 juin. Je pars gaiement en pensant qu'enfin là ou là, nous nous retrouverons, gaiement en pensant que je me sauverai enfin de cette existence convulsive, absorbante, irritante et

---

* частным образом (лат.).
** крайне огорчен (итал.).
*** крайне возмущен (итал.).

maladive—que j'ai traînée pendant une demi-année. Il y a pourtant une grande unité logique dans chaque homme, et s'il se dévie sous la pression des circonstances, peu-à-peu il s'arrête comme une pendule à sa ligne verticale. Pour un instant (et tu m'en faisais déjà des reproches) j'ai pensé me réconcilier avec Paris — et je le quitte à présent avec le même sentiment d'indignation que je l'ai quitté en 47 et en 49. Je ne me console pas de la réponse éternelle — que partout ailleurs la vie est encore plus dégoûtante,— et ensuite elle peut être dégoûtante comme elle veut, mais puisqu'elle n'intéresse pas, elle vous laisse libre. A propos, j'ai reçu une longue lettre de Kapp, et une lettre bien intéressante, il est tout à fait ébahi de New-York; ce qu'il cite et raconte dans sa lettre, sans être nouveau, a ce cachet de réalité qu'une chose acquiert répétée par un homme que nous connaissons [1]. Oui, la liberté individuelle n'est pas une plaisanterie là. Eh bien, *caro mio*, tôt ou tard nous nous promènerons à New-York, je te le dis non en prophète, mais en calculateur. Et l'Europe peut se décomposer et pourrir, comme elle l'entend.— Frœbel a lu quelques pages *V⟨om⟩ and⟨ern⟩ Ufer* dans ses leçons du mouvement révolut⟨ionnaire⟩ en Europe, il a raconté mes opinions sur la Russie [2], et tout cela a donné lieu à quelques articles de journaux — *also, ich bin bekannt am andern Ufer* [3].

K app⟩ écrit qu'un journal a dit: «Un Russe ne peut être qu'esclave ou anarchiste». Le lendemain le c⟨om⟩te Guroffsky [4], espion russe, a envoyé demander chez Frœbel qui est l'auteur russe, avec lequel lui (Gur offsky⟩) sympathise complètement. Frœbel n'a pas dit le nom. Mais Guroffsky le rencontrant lui a dit qu'il connaissait que cet ouvrage est de Golovine.— *Transatlantische Cancan's*. Les Russes sont espionnés même là. Je crois qu'il ⟨y⟩ a des espions dans la Polynésie, Bandalésie et Magnésie.

D'un autre côté, je suis de mauvaise humeur, cette affaire russe est un plomb, c'est lourd, c'est dégoûtant (on m'a plombé une dent — passe encore, mais plomber l'esprit) — et je dois partir juste au moment où il faut encore faire quelques démarches. Ta nouvelle concernant Goloch⟨vastoff⟩ est bonne, mais l'argent est-il encore en Russie ou non? S'il y est, on peut toujours le confisquer. Comme on a déjà fait. Mais qu'ils sont bêtes, ces gens-là, la Banque de Commerce donne des billets anonymes, qui peuvent être vendus partout. Harcelle un peu tes Souabes, il n'ont jusqu'à présent rien fait de visible. Rot⟨schild⟩, à ce qu'il paraît est complètement dégoûté de cette affaire — et je dois partir. On attend samedi une lettre de Gass⟨er⟩; je l'attendrai. Adieu.

J'ai aussi écrit une dénonciation mais plus est ⟨!⟩ contre toi, à ma mère, demande-là — scélérat que tu es.

Comme je ne serai pas avant le 5 à Nice tu peux envoyer un petit mot à Marseille poste rest⟨ante⟩; pourvu que cette lettre arrive le 4.

Блажен... je te rappelle le *Beatus ille qui procul negotiis* de Пушкин [5]:

Перед обедом водку пьет,
Имеет чин и в бога верит [6].

Перевод:

⟨Париж.⟩ 30 мая ⟨1850 г.⟩

Срок нашего отъезда, намеченный на 1 июня, остается без изменений. Мне весело уезжать с мыслью о том, что тут ли, там ли, но мы, наконец, встретимся; мне весело думать, что я избавлюсь, наконец, от этого судорожного, засасывающего, беспокойного и болезненного существования, которое я влачил в течение полугода. Но в каждом человеке есть большая логическая цельность, и если под давлением обстоятельств он отклоняется от своего пути, то затем постепенно опять возвращается, как маятник, на свою вертикаль. Была минута (ты уже упрекал меня за это), когда я думал,

что примирился с Парижем, но я покидаю его теперь с тем же чувством негодования, с каким покидал в 1847 и 1849 годах. Я не утешаюсь вечным ответом, что повсюду в другом месте жизнь еще отвратительнее,— пусть она будет как угодно отвратительна, но раз она вас не интересует, она вас и не затрагивает. Кстати, я получил длинное и очень интересное письмо от Каппа. Он совершенно ошеломлен Нью-Йорком. То, что он приводит и рассказывает в своем письме, хоть и не ново, а все же носит ту печать реальности, которую приобретают факты, когда их подтверждает человек, вам знакомый. Да, личная свобода там — не насмешка. Итак, caro mio, рано или поздно мы с тобой погуляем по Нью-Йорку,— говорю это не как пророчество, а все взвесив [1]. Европа же пусть себе разлагается и гниет сколько ей угодно.— Фрёбель прочел несколько страниц из «С того берега» в своих лекциях о революц⟨ионном⟩ движении в Европе; он изложил мои взгляды на Россию [2], и все это вызвало несколько газетных статей — значит, меня знают на том берегу [3].

К⟨апп⟩ пишет, что одна газета заявила: «Русский может быть либо рабом, либо анархистом». На другой день граф Гуровский [4]— русский шпион — послал к Фрёбелю спросить, кто этот русский автор, которому он (Гур⟨овский⟩) всецело симпатизирует. Фрёбель не назвал фамилии. Гуровский же, встретив его, сказал, будто знает, что это сочинение Головина.— Трансатлантические сплетни. За русскими шпионят даже там; шпионы, верно, есть и в Полинезии, и в Бандалезии, и в Магнезии.

С другой стороны, настроение у меня дурное,— это русское дело, как свинцовая пломба, это тяжело, отвратительно (запломбировать зуб—куда ни шло, но пломбировать мозги — и я должен уехать именно теперь, когда нужно было бы предпринять еще кое-какие шаги! Твоя новость о Голох⟨вастовой⟩ приятна, но деньги-то еще в России или нет? Если они там, их всегда могут конфисковать, как это однажды уже было сделано. Но как они глупы, эти люди. Коммерческий банк выдает билеты на предъявителя, которые можно продать, где угодно. Потормоши немножко своих швабов, они до сих пор ничего ощутимого не сделали. Видимо, Рот⟨шильду⟩ это дело окончательно опротивело, а мне надо уезжать. В субботу ожидается письмо от Гасс ⟨ера⟩, я его дождусь. Прощай.

Я тоже написал донос, но более ⟨!⟩ на тебя моей матери, спроси у нее,— злодей ты эдакий!

Так как я раньше 5-го не попаду в Ниццу, ты можешь послать мне несколько слов в Марсель до востр⟨ебования⟩; нужно только, чтобы письмо дошло к 4-му.

Блажен*... напоминаю тебе «Beatus ille qui procul negotiis»** Пушкина [5]:

Перед обедом водку пьет,
Имеет чин и в бога верит!*** [6]

[1] См. примеч. 6 к письму № 72.

[2] Юлиус *Фрёбель* (1805—1893) — немецкий политический деятель и публицист, участник революции 1848—1849 гг. Осенью 1849 г. переехал в Америку и в начале 1850 г. выступил в Нью-Йорке с лекциями об уроках европейских революций, подвергая при этом разбору «Vom andern Ufer» Герцена. О «больше нежели лестном» отзыве Фрёбеля по поводу этой книги Герцен упомянул в введении к первому русскому изданию «С того берега» 1855 г. (см. изд. АН, т. VI, стр. 9).

[3] *На том берегу* — здесь Герцен имеет в виду Америку.

[4] Граф Адам *Гуровский* (1805—1866) — реакционный журналист, сотрудник «New-York Tribune», был связан с русскими придворными кругами. В 1858 г. выступил в американской печати с клеветническими выпадами против Герцена, но получил надлежащий отпор (см. IX, 426—430 и «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 742).

[5] Этот стих из «Эподов» Горация Герцен употребляет как формулу житейской философии Пушкина.

[6] Таких строк в сочинениях Пушкина нет. Современники приписывали Пушкину множество не принадлежавших ему произведений.

---

* Это слово написано по-русски.—*Ред.*

** «Блажен, кто в стороне от дел» (лат.).

*** Стихотворение цитируется по-русски.—*Ред.*

«СКВЕРНАЯ КУХНЯ». КАРИКАТУРА НА РЕАКЦИОННЫЕ ПАРИЖСКИЕ ГАЗЕТЫ, ТОРЖЕСТВУЮЩИЕ ПО ПОВОДУ ОТМЕНЫ ВСЕОБЩЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Рисунок О. Домье

Изображены редакторы газет, бросающие в кастрюлю избирательные бюллетени граждан, лишенных права голоса. Раздувает огонь Тьер

«Charivari» от 6 июня 1850 г.

103

Л. И. ГААГ, ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ и М. К. ЭРН

〈Paris.〉 31 mai 〈1850〉

Hört und bewundert, was das für ein Land ist, das Russische Land.— Noch ein Brief von Gass〈er〉; er schreibt, daß er eine Audienz bei Nesselrode forderte und ihm die Sache, als eine unerhört ungerechte vorstellte. Nessel-r〈ode〉 war ganz derselben Meinung, und sagte dem Gasser, er soll in der Kanzlei die Prokuration legalisieren. Man nahm die Prokuration an — aber ein *chef de bureau* sagte, daß man nicht legalisieren wird. Gas〈ser〉 erwiderte, daß selbst der Kanzler befohlen hat. Der *chef de bureau*, aber erwiderte: «Er weißt also nicht, was er befohlen hat»... Den andern Tag hat man die Legalisation abgeschlagen.— Nun was sagen Sie dazu? Der Kanzler und ein Spion! Und der Spion wie ein Hampden[1] widersetzt sich und macht, was er will.— Wenn das nicht anders geht, so glaube ich, muß man einen Geschäftsmann nach Petersb〈urg〉 schicken, vielleicht müssen Sie auch eine Reise dorthin machen. Schomb〈ourg〉 ist ein vortrefflicher Mensch, ohne ihn wäre die Sache halb vergessen. Er fordert, daß ich hier noch ein paar Wochen bleibe. Heute gehe ich zu Carlier und werde noch im selben Brief schreiben, ob ich morgen reise oder hier bleibe.

Freilich wird man auch die andere Summe unterschlagen [2]. Lassen Sie dieses Geld vom Würtembergischen Gesandten oder Konsul grade in die Stuttgart⟨ische⟩ Bank schicken *; überhaupt nehmen Sie alle Mittel, sonst können Sie ⟨die⟩ größten Schwierigkeiten haben.

Und du, stolzer Brite Georg, als du mir geschrieben hast, der Kaiser Nik⟨olaus⟩ kann wohl Russen plündern, aber doch eine Würtembergerin... Er wird bald Stuttgart nehmen und nach Siberien *aux travaux forcés* schicken mit Häuser und Pedanten, Minister und Philister.

Agissez, agissez, agissez — ich mache alles, was möglich ist, eine neue Prokuration war nicht nötig, sie zweifeln ja nicht, daß die erste gut ist, sie *wollen nicht* legalisieren.

Sollte alle Hoffnung verloren sein, so muß man recht bedenken wie man d⟨as⟩ Billet zurückbekömme. Mit der Post unmöglich — auch durch den Gesandten. Hier hat mir der Graf Branicky ein Mittel vorgeschlagen, durch seinen *chargé d'affaires* in London zu verkaufen d⟨as⟩ Billet, freilich nicht *au pair*...

Hier ist es ruhig, aber schlecht ruhig, keine Luft.

Пишите на Рейхеля, если что есть; никогда не надобно посылать письма вперед. Вот и теперь — что в Марселе лежат?

Впрочем, я припишу, остаюсь я или нет; если нет, то завтра едем.

Прощайте. Скучно.

Рукой Н. А. Герцен:

Нет куражу писать вам, друзья, да и вам не будет, верно, охоты читать, не до того. Трудно жить на свете!

Дети целуют ваши ручки, тебя, Машенька, благодарят за письма. Колюточку целуем!

Ваша Н.

Рукой Герцена (к Л. И. Гааг и М. К. Эрн).

Пост скрып тум.

4 часа пополудни

Карловинги до того удивились моему прошению еще остаться, что говорят: «Да, нечего делать — *две недели можно*». Итак, я буду ждать ответа еще от Гассера до 14 июня — пишите сюда обо всем.

Весь ваш.

Kola, sei nicht böse, daß Papa nicht schreibt, aber küßt.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 31 мая ⟨1850 г.⟩

Слушайте и изумляйтесь, что за земля такая, русская земля.— Еще письмо от Гасс⟨ера⟩; он пишет, что потребовал аудиенцию у Нессельроде и представил ему дело как неслыханно несправедливое. Нессель⟨роде⟩ был полностью того же мнения и сказал Гассеру, чтобы он засвидетельствовал доверенность в канцелярии. Доверенность была принята, но один из столоначальников заявил, что ее не засвидетельствуют. Гассер возразил, что это приказал сам канцлер. Столоначальник возразил: «Значит, он сам не знает, что приказывает...». На другой день в засвидетельствовании было отказано.— Ну что вы на это скажете? Канцлер и шпион! И этот шпион, подобно Гемпдену [1], сопротивляется и делает, что хочет. Если не произойдет изменений, я думаю, нужно будет послать какого-нибудь доверенного человека в Петербург; может быть, и вам придется туда съездить. Шомб⟨ург⟩ превосходный человек, без него дело было бы уже наполовину забыто. Он требует, чтобы я остался здесь еще неделю-другую. Сегодня пойду к Карлье и в этом же письме припишу, уезжаю ли завтра, или остаюсь здесь.

Запрещение будет наложено, конечно, и на другую сумму [2]. Добейтесь, чтобы вюртембергский посол или консул переслал эти деньги непосредственно в штутгарт⟨ский⟩

* *В автографе после* schicken: auf. — *Ред.*

банк; вообще, примите всяческие меры, иначе у вас могут быть очень большие затруднения.

А ты, гордый бритт, Георг, если ты мне пишешь — император Ник⟨олай⟩ волен, конечно, грабить русских, но тут ведь вюртембергская подданная... А он вскорости захватит Штутгарт и пошлет всех с чадами и домочадцами, педантами, министрами и филистерами в Сибирь aux travaux forcés*.

Agissez, agissez, agissez**— я делаю все, что возможно; в новой доверенности не было нужды; они не сомневаются в правильности первой, но *не хотят* засвидетельствовать.

Если надежда окажется окончательно потерянной, нужно будет хорошенько обдумать, как получить билет обратно. По почте невозможно, через посланника — тоже. Здесь граф Браницкий предложил мне способ продать билет через его chargé d'affaires*** в Лондоне. Разумеется, не au pair...****

Здесь спокойно, но не по-хорошему спокойно — душно*****.

Коля, не сердись, что папа не пишет, а целует.

[1] Джон *Гемпден* (1596—1643) — богатый английский землевладелец, получивший известность демонстративным отказом уплатить корабельный налог, который король незаконно наложил на внутренние провинции Англии.

[2] Вероятно, на деньги, высланные Голохвастовой.

104

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, Л. И. ГААГ и М. К. ЭРН

1 июня 1850 г. Париж[1]

Вчера я писал вам, что остаюсь здесь ждать ответа, пожалуй до 15 июня. А потому прошу вас сейчас сообщить все подробности насчет голохвастовского долга и, если что есть, из Штутгарта. Может, вы обо всем этом писали в Марсель — так еще раз облагодетельствуйте. Пишите прямо на наш адрес.— Я могу многое вынести, но ожидать, просто ожидать... и потом «а то лыком — а то шелком», а только это ужасно. Чего стоит ходить к Рот⟨шильду⟩ и, наконец, уж к Карлу Ивановичу [2] — и всё оттого, что не было человека, который бы во-время умел написать строку. Едем сегодня в Сен-Клу.

Рукой Н. А. Герцен:

Ну, еще бог знает, поедем ли,— это была моя мысль, провести эти 15 дней где-нибудь за городом: задохнуться можно в Париже, да и квартира наша пропитана, я думаю, заразой — да нет, кажется. А присутствие необходимо в Париже. Да, такой тяжкой эпохи не было в нашей жизни, была *горчее*, а это все равно, что быть съедену комарами или и клопами; ну, уж потом в море... да так и не выходить оттуда.— Вчера у нас до ниточки все было готово к отъезду, сегодня разбираемся опять; право, от одного этого Эл⟨иза⟩ захворает. А впрочем, *в сущности-то*, все хорошо, Тата выправляется. Вчера мы делали визит Морицу [3], потом дети завтракали в вашем ресторане Champs Elysées, воображали, что у вас в гостях... Я подъезжала к Константину [4], он уж может ходить.

[1] Рукой М. К. Эрн над отдельными словами для Гервега надписан их французский перевод (Гервег усердно изучал в это время русский язык).

---

* на каторжные работы (франц.).

** Действуйте, действуйте, действуйте (франц.).

*** поверенного в делах (франц.).

**** по номинальной цене (франц.).

***** Следующие далее русские приписки, адресованные Л. И. Гааг и М. К. Эрн, см. выше, в основном тексте.— *Ред.*

[2] *Карлом Ивановичем* Герцен шутливо называет здесь префекта полиции Карлье, которого он просил отсрочить свою высылку из Парижа.
[3] *Мориц* — малолетний сын Адольфа Рейхеля.
[4] *Константин* — заболевший повар Герценов.

105

ЭММЕ ГЕРВЕГ

1 juin ⟨1850⟩. Paris

An Ort und Stelle... j'ai encore un délai de 15 jours. Ne me donnez pas de horions, chère Emma; je courbais toujours ma tête aux fourches caudines des nécessités — donc je continue. L'affaire va très mal; à ce qu'il paraît les autorités de Wurtemberg n'ont aucune autorité.— Je ne resterai pas les 15 jours à Paris, dès que Rotschild aura reçu une réponse définitive — je m'embarque. Pour toucher Nice, votre main, votre cœur, et partir pour Zürich si le procès m'y oblige.— Avant mon départ je m'informerai chez Bahrmann concernant vos papiers.

Je suis las et stupide.

J'ai reçu une lettre de Kapp, il est tout enchanté de New-York. Frœbel a consacré une leçon à ma brochure [1], ce qui a donné lieu à une polémique dans les journaux allem ands⟩ de New-York — je m'en vante

et mets ma gloire transatlantique
et transouralienne à vos pieds.

Перевод:

1 июня ⟨1850 г.⟩. Париж

An Ort und Stelle*... мне дали отсрочку еще на две недели. Не награждайте меня тумаками, дорогая Эмма, я всегда склонял голову перед кавдинскими ущельями необходимости. Итак, продолжаю. Дело обстоит очень плохо, вюртембергские власти, повидимому, не имеют никакой власти.— Я не проживу в Париже двух недель. Как только Ротшильд получит окончательный ответ, я отбываю, чтобы тронуться в Ниццу, дотронуться до вашей руки, тронуть ваше сердце и уехать в Цюрих, если этого потребует процесс.— До отъезда справлюсь у Бармана о ваших бумагах.

Я устал и отупел.

Получил от Каппа письмо, он в восхищении от Нью-Йорка. Фрёбель посвятил одну лекцию моей брошюре [1], что вызвало полемику в немецких газетах, выходящих в Нью-Йорке.— Хвалюсь этим

и слагаю свою заокеанскую
и зауральскую славу к вашим ногам[1].

[1] См. примеч. 2 к письму № 102.

106

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 2 juin ⟨1850⟩

A toi, cher George, deux mots. Attends un peu la réponse de Stuttgart, et pars pour Nice, je te conjure. Emma est trop malheureuse là, et moi, je suis déchiré par la pensée que c'est pour mon affaire que tu restes.— Tu ne feras rien et personne ne fera rien.— Sois maudite cette demi-année perdue en ignobles tracasseries. — C'est un parti pris de ruiner les hommes ennemis au gouvernement.

Et, sacré nom de dieu, perdre d'un seul coup... on le fait avec courage, on s'oriente, mais être sucé par goutte, traîné des mois, trompé, trahi peut-être — c'est au-dessus des forces humaines.

Je reste ici seulement pour savoir des nouvelles des 80 000 fr⟨ancs⟩. — L'affaire du billet, je la laisse à la providence et aux prières de St. Ignace.

* На месте (нем.). Здесь в смысле: «Все еще на месте».

L'idée me vient quelquefois — si notre chargé d'affaires à Mos⟨cou⟩ n'est pas un espion[1]. Il a été honnête homme, mais... mais *tempora mutantur*.— Fais un dernier effort, écris à Stuttgart, promets beaucoup d'argent et expose la nouvelle affaire, comment peut-on *confisquer* l'argent envoyé à une Wurtembergeoise qui n'a jamais été ni jugée, ni sous une enquête.

Weiter, muß man fordern, daß man wenigstens die Renten schickt vom Billet, alle Prozente die jetzt eine große Summe machen.

Et cela sera le dernier effort — je ne peux rien faire. Lorsqu'on a des mulets de frère, et des taupes de chargé d'affaires — il faut se résigner. Je crois même que le ministre à Stut⟨tgart⟩ est un énorme Jean f⟨...⟩u et que Nesselrode l'a tout bonnement intimidé.

Il fallait envoyer quelqu'un en Russie — mais qui, mais comment faire?

Егору Федоровичу.

Рукой Н. А. Герцен:

Paris. 2 Juni

Ein herzlicher Gruß und Kuß.

N. H.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 2 июня ⟨1850 г.⟩

Два слова для тебя, дорогой Георг. Подожди еще немного ответа из Штутгарта и поезжай в Ниццу, заклинаю тебя. Эмма слишком несчастна там, и меня терзает мысль, что ты остаешься из-за моего дела.— Ничего ты не сделаешь и никто ничего не сделает. Да будут прокляты эти полгода, потерянные в подлых хлопотах. — Очевидно решено разорять людей, враждебных правительству.

Но, чёрт возьми, когда теряешь все сразу... это переносишь мужественно, как-то приспосабливаешься, но когда из тебя высасывают все по капле, месяцами водят за нос, обманывают, а может быть предают — это выше человеческих сил.

Задерживаюсь здесь только для того, чтоб узнать, что слышно о 80 000 фр⟨анках⟩. — А дело с билетом предоставлю провидению и молитвам св. Игнатия.

Иногда у меня появляется мысль, уж не шпион ли наш московский поверенный в делах[1]. Он был честным человеком, но... но, tempora mutantur*. Сделай последнее усилие, напиши в Штутгарт, пообещай много денег и изложи суть нового дела — как это можно *конфисковать* деньги, посланные вюртембергской гражданке, ни под судом, ни под следствием никогда не состоявшей.

Затем, надо требовать, чтобы, по крайней мере, прислали проценты с билета, все проценты, которые составляют сейчас крупную сумму.

Это будет последним усилием — больше я ничего не могу сделать. Когда у тебя братец — осел, а поверенный слеп, как крот, надобно покориться необходимости. Думаю даже, что штут⟨гартский⟩ посланник — страшный болван и что Нессельроде просто-напросто его запугал.

Надо бы послать кого-нибудь в Россию. Но кого, и как это сделать?

Егору Федоровичу **.

Рукой Н. А. Герцен:

Парик. 2 июня

Сердечный привет и поцелуй.

Н. Г.

[1] Предположение Герцена о том, что Ключарев был агентом III Отделения, вероятно, не соответствовало действительности; передача документов, переписки и денежных документов Герцена III Отделению была вызвана просто трусостью.

---

* времена меняются (лат.).
** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

107

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ Le 5 juin ⟨1850⟩

Il est difficile de te le dire, avec quel pénible sentiment de douleur j'ai lu les $\frac{3}{4}$ de tes deux lettres[1] — je dis $\frac{3}{4}$ parce que je n'avais pas le caractère de boire d'un seul trait ces 8 pages d'offenses et d'incriminations.

Une des choses qui m'a frappé c'est l'inculpation que nous avions laissé partir Emma, et que nous sommes restés à Paris. Et primo, quel mal y a-t-il qu'Emma soit à Nice et qu'elle n'ait pas fait ce voyage avec nous, ou que nous ne soyons pas venus deux jours après? Emma a beaucoup d'amitié pour nous — mais pour son existence il n'y a rien de nécessaire que d'être avec toi; si elle ne nous voit que quinze jours plus tard — ce n'est pas un grand changement.— Je savais très bien cela et je conseillais d'aller à Zurich encore au mois de mars, mais tu n'a pas voulu, tu l'a arrêtée à Paris. Survient cette maudite affaire policière.— Vraiment, c'est une tâche très facile, *post facto*, de faire des observations, comme nous les avons faites critiquant, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩*, toutes les révolutions. Peut-être je n'aurais pas insisté sur le départ si prompt cinq jours après, mais je demande à tout Paris, si le 20 mai on savait que le 1 juin Paris serait la ville la plus tranquille du monde[2]; j'avais la plus ferme intention de partir le 26. Les circonstances changèrent — pas le moindre danger à présent, et très grave alors. Et qui donc pouvait prévoir que tu voulais venir à Paris, un mot dans ta lettre suffisait pour arrêter le projet de voyage. Non, tu ne l'as pas dit, tu as laissé faire — pour nous dire ensuite: «On a été 3 fois chez Car⟨lier⟩ pour vous».— Et cela s'appelle amitié *plenaria*. Non, avare en protestations d'amour, je suis avare et sobre en injures, au moins de ce genre. Tu n'as donc pas compris sur quoi était basé tout mon droit de demander les délais, je suis propriétaire d'un immeuble dans la ville-même, c'est un droit très important.— Et qu'en sais-tu au fond ⟨de⟩ ce que j'ai fait et ⟨de⟩ ce que je n'ai pas fait? As-tu là un Alexis[3] qui te le raconte? Et qui donc t'a dit qu'Emma ne voulait pas partir elle aussi — *ou est-ce qu'elle dit le contraire*?

Et enfin de quoi s'agit-il? Tu vas à Stuttgart, tu me fais ce sacrifice de quelques jours et ensuite tu vas à Nice, comme nous. Emma ne pouvait pas partir dans les circonstances, elle voulait à tout prix attendre l'argent de Berlin, l'argent n'est pas venu, et elle⟨est⟩à Nice.

Que je reste ici encore 10 jours ou 8 et que c'est pour mon plaisir, c'est ridicule, je peux faire des fautes, des bêtises, mais de l'hypocrisie — non. Et enfin, connaissant un peu mon caractère, on a la possibilité de deviner qui donc m'attache à Paris — le gaz, ou Léontine, ou les *Frères Provençaux* — je n'ai personne ici, et je ne vois presque personne.

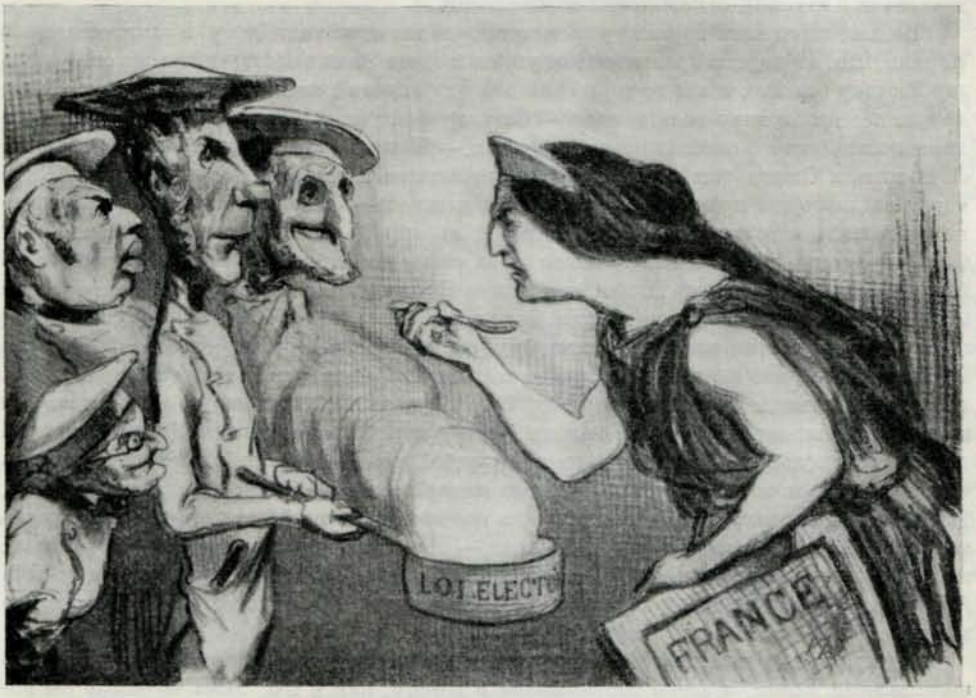
L'affaire. On pourrait ne pas s'⟨en⟩ occuper, c'est prosaïque, c'est ennuyeux. Mais je ne lâcherai pas cette puissance de mes mains — j'en ai besoin, je ne veux pas me désarmer.— Eh bien. Est-ce que Gasser n'avait pas écrit il y a 14 jours que dans 8 *jours* la somme serait remboursée? Une semaine après il rend compte de son entrevue avec Nesselrode. L'affaire paraît être terminée, il ne faut qu'attendre quelques jours — craque. On ne légalise pas la procuration. Et ici commence la lâcheté évidente de R⟨otschild⟩ — il n'ose pas s'offenser.

D'autre côté — pas un mot sur vos démarches à Stut⟨tgart⟩, avez-vous fait quelque chose là ou non?

Dans cette indécision aller — où — à Nice? C'est à dire s'éloigner dans un coin et ne rien faire. Aller à Londres, à Zurich même serait plus facile...

et je le ferai peut-être après avoir installé ma femme à Nice. — Concer⟨nant⟩ Sch⟨om⟩b⟨ourg⟩ tu te trompes, il m'a donné un conseil que je ne t'écrirai pas à présent et que je te dirai un jour; ce conseil sera un dernier coup.

Je regrette que tu perde à présent le temps pour cette affaire — mais probablement votre besogne de Bodensee est terminée. Va-t'en à Nice. Peut-être le beau ciel de l'Italie[4] te guérira de cette injuromanie — c'est

«ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРЯПНЯ». КАРИКАТУРА НА ВВЕДЕНИЕ ЗАКОНА ОТ 31 МАЯ 1850 г., РЕЗКО ОГРАНИЧИВАВШЕГО ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ПРАВА ФРАНЦУЗСКИХ ГРАЖДАН

Рисунок О. Домье

Изображены члены комиссии, разработавшие закон (слева направо): Тьер, Беррье, Фоше и Моле. Подпись под рисунком: «Франция: Гм! Гм! Неважное кушанье»

«Charivari» от 13 июня 1850 г.

de la légèreté, je le fais aussi plus qu'il n'en faut, mais mes inculpations portent un autre caractère, vont plus profondément — ou ne font que sourire. Ta lettre m'a tout bonnement blessé; en cachant le nom on pourrait penser que cette lettre était adressée à Rufenacht ou à Holinsky ou même à Tardif de Mélo[5]. Emma a aussi un peu de cette habitude, — je trouve que c'est une habitude détestable.

P. S. Tu peux pour t'édifier encore sur la nécessité du départ d'Emma lui demander, comme elle craignait l'infâme R.[6] qui avait fait toute l'affaire, et qui l'avait déjà offensée une fois dans la rue. A présent, figures-toi la belle position devant la police correct⟨ionnelle⟩ et ayant un témoin à charge de cette farce d'ignominie. Qu'en dis-tu?

J'écrirai à l'instant même à Emma. Je lui enverrai une lettre de recommandation à Avigdor[7] pour avoir en cas de besoin quelqu'un.

Eh bien, quelle conséquence peut-on tirer de ce que je me sois trompé sur

l'argent de m-me Goloch⟨vastoff⟩?—On a envoyé une somme—elle est perdue, on a envoyé une autre — elle n'est pas perdue. Connais-tu le calcul des probabilités? — c'est donc $\frac{2}{2} = 1$. Même chance.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 5 июня ⟨1850 г.⟩

Трудно передать тебе, с каким тяжелым, мучительным чувством прочел я 3/4 двух твоих писем [1], я говорю 3/4, потому что у меня не хватило характера испить единым духом эти 8 страниц оскорблений и обвинений.

Больше всего меня поразил упрек в том, что мы отпустили Эмму, а сами остались в Париже. Но, во-первых, разве это так уж плохо, что Эмма в Ницце и что она совершила эту поездку без нас, а мы не приехали два дня спустя? Эмма очень привязана к нам, но для нее необходимо только одно — быть с тобою; если она увидит нас двумя неделями позже, ничего особенного не случится.— Я очень хорошо знал это и советовал ей поехать в Цюрих еще в марте, но ты не захотел и задержал ее в Париже. Потом вдруг началась эта проклятая полицейская история.— Право, post facto* весьма легко рассуждать, как это мы делали, критикуя, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, все революции. Может быть, через пять дней я и не настаивал бы на таком поспешном отъезде, но спросим весь Париж: знал ли кто-нибудь 20 мая, что 1 июня Париж станет самым спокойным городом в мире [2]. У меня было самое твердое намерение ехать 26-го. Обстоятельства изменились — теперь нет ни малейшей опасности, а тогда грозила очень серьезная. И кто же мог предвидеть, что ты захочешь приехать в Париж? Стоило тебе написать хоть слово, и мысль об отъезде была бы отложена. Но не тут-то было, ты ничего не написал, ты предоставил всему идти своим чередом, чтобы потом заявить нам: «Для вас трижды ходили к Кар⟨лье⟩».— И это называется дружбой plenaria**. Нет, скупой на уверения в любви, я столь же воздержан и скуп на оскорбления, по крайней мере такого рода. Ты не понял, значит, на чем основывалось все мое право требовать отсрочки: я владею недвижимым имуществом в самом Париже,— это очень важное право.— И много ли ты, в сущности, знаешь о том, что я делал и чего не делал? Уж нет ли у тебя Алексиса [3], который тебе это рассказывает? И кто тебе сказал, что Эмма тоже не хотела ехать — *или она утверждает обратное*?

И, наконец, в чем дело? Ты поедешь в Штутгарт, ты пожертвуешь для меня несколькими днями, а затем отправишься в Ниццу, как и мы. Эмма не могла бы выехать при создавшихся обстоятельствах: она хотела во что бы то ни стало дождаться денег из Берлина, но деньги не пришли, а она в Ницце.

Говорить, что я остаюсь здесь еще на 10 — 8 дней только для собственного удовольствия, смешно. Я могу наделать ошибок, глупостей, но на лицемерие я не способен. И наконец, зная хоть немного мой характер, можно догадаться, что удерживает меня в Париже, —газ, Леонтина или «Провансальские братья»,— никого у меня здесь нет и я почти ни с кем не вижусь.

О деле. Им можно было бы и не заниматься, это прозаично, это скучно. Но я не выпущу из рук этой силы, мне она нужна, я не хочу складывать оружие.— Так вот. И разве Гассер не писал две недели назад, что через *неделю* деньги будут уплачены? Неделю спустя он дал отчет о своей встрече с Нессельроде. Казалось, дело закончено, нужно было подождать только несколько дней — трах! Не заверяют доверенности. И тут обнаруживается явная трусость Р⟨отшильда⟩, он не смеет оскорбиться.

С другой стороны, ни слова о ваших хлопотах в Штут⟨гарте⟩. Сделали ли вы там что-нибудь или нет?

При такой неопределенности ехать — куда — в Ниццу? Иначе говоря, забиться в угол и ничего не делать. Легче было бы поехать в Лондон, даже в Цюрих,— может быть, я так и сделаю, когда устрою жену в Ницце.— Относительно Ш⟨ом⟩б⟨урга⟩ ты ошибаешься. Он дал мне совет, о котором я тебе сейчас ничего не пишу, расскажу как-нибудь, этот совет будет последним ударом.

---

* задним числом (искаж. лат.).

** безграничной (лат.).

Мне жаль, что ты тратишь сейчас время на это дело, но, вероятно, ваши боденэйские труды уже закончены. Ступай же в Ниццу. Быть может, прекрасное небо Италии [4] излечит тебя от твоей мании браниться — это легкомыслие, я тоже грешу этим и больше, чем надобно, но мои обвинения носят иной характер — они либо проникают глубже, либо вызывают только улыбку. А твое письмо меня просто оскорбило. Если скрыть имя, то можно подумать, что письмо адресовано Руфенахту или Голынскому или даже Тардифу де Мело [5]. Да и Эмме не чужда эта привычка, а я нахожу, что это отвратительная привычка.

P. S. Чтобы лучше убедиться в необходимости отъезда Эммы, можешь спросить у нее, как она боялась негодяя Р. [6], который затеял все дело и уже оскорбил ее однажды на улице. Теперь вообрази, в каком красивом положении она бы очутилась перед исправительной полицией, имея в этом позорном фарсе подобного свидетеля со стороны обвинения. Что ты на это скажешь?

Я тотчас же напишу Эмме. Я пошлю ей рекомендательное письмо к Авигдору [7], чтобы в случае нужды у нее было к кому обратиться. Ну, а какой вывод, можно сделать из того, что я ошибся относительно денег госпожи Голох⟨вастовой⟩? Какую-то сумму послали — она пропала, послали другую — она не пропала. Знаком ли ты с теорией вероятностей? — ведь $\frac{2}{2} = 1$. Шансы одинаковы.

[1] Одно из этих писем — очевидно датированное Лемке «маем 1850 г.» (см. XIV, 77—78). Гервег уверял в нем Герцена и Наталью Александровну, что сердце его наполнено желчью против них за новую отсрочку отъезда из Парижа. Он требовал, что бы Герцен скорей кончал «этот фарс с деньгами», уверяя, что успех в тяжбе с русским правительством совершенно немыслим, и высказывал подозрение, что Герцен нарочно выдумывает разные предлоги, чтобы подольше оставаться в Париже.

[2] 31 мая 1850 г. французское правительство, напуганное результатами последних выборов, отменило всеобщее избирательное право. Это нарушение конституции не вызвало революционного протеста Горы и буржуазных республиканцев, призывавших народ к сохранению «величавого спокойствия». «Демократы, которые так революционно волновались и кипели во время конституционной избирательной борьбы,— писал Маркс,— теперь, когда следовало с оружием в руках доказать серьезное значение своей избирательной победы, столь же конституционно проповедовали порядок, величавое спокойствие (calme majestueux), законный образ действий, т. е. слепое подчинение воле контрреволюции, именовавшей себя законом» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, М. 1957, стр. 164). Именно об этом спокойствии, воцарившемся в Париже, говорит здесь Герцен.

[3] Об *Алексисе* см. в письме № 90.

[4] Ницца тогда принадлежала Италии.

[5] О *Руфенахте* и *Голынском* см. в письмах №№ 16 и 52.— *Тардиф де Мело* — приятель Н. И. Сазонова, французский литератор и переводчик с русского, автор книги «Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie», Париж, 1854. Герцен относился к Тардифу де Мело весьма иронически и называл его «полуповрежденным» (см. изд. АН, т. X, стр. 324).

[6] Как выясняется из письма Н. А. Герцен к Э. Гервег от июня 1850 г., речь здесь идет о каком-то негодяе по фамилии Rode.

[7] *Авигдор* — ницкий банкир.

108

ЭММЕ ГЕРВЕГ

Le 5 juin ⟨1850⟩. Paris

Je me proposais de vous écrire une lettre charmante, avec calembours sots, piquée d'anecdotes... et même de quelques observations contre votre lettre d'hier, lorsque j'ai reçu une philippique de Georges qui m'a d'autant plus révolté que je ne l'attendais pas le moins du monde [1]. Comme je vous envoie la lettre, je n'ai pas besoin de faire beaucoup de commentaires — mais je vous dirai que c'est une étrange manière d'aimer ses amis à condition de les souffleter lorsqu'on sent une démangeaison dans la main droite.—C'est *L'amour et la cravache,* vaudev⟨ille⟩ du théâtre Montansier [2].

La fine fleur de la lettre est l'accusation que je vous ai poussée à partir pour Nice — et que je reste encore à Paris. Dieu des dieux, vous savez toutes les circonstances (et lui aussi), j'ai agi comme ami, comme frère — je n'étais

nullement tranquille sur votre compte, avant votre départ,— j'en ai parlé à Haug, à Bernad⟨cky⟩. Cet infâme R⟨ode⟩ après votre scène avec l'Allemand pouvait faire des choses diablement blessantes. Oui, je vous poussais hors de Paris — et j'ai bien fait. Et ensuite, quel mal s'en est suivi? — que vous êtes séparée de nous pour 20 jours. J'estimais toujours votre franchise, eh bien dites-le moi — est-ce que c'est cela qui vous préoccupe? Je suis sûr que vous nous aimez, que vous voudrez nous voir — mais la question pour vous n'est pas là.

George me fait le sacrifice à présent de quelques jours — eh bien, ne me les reprochez pas. Je ferai mon possible pour l'engager à terminer au plus vite.

Vous êtes à présent sans argent,— mais je serais allé chez votre chargé d'affaires, mais vous ne m'avez rien écrit — où le trouver. Pouvez-vous attendre jusqu'à notre arrivée? — Voilà ce que vous ferez *.

Nous partons le 15.— Je ne comprends rien dans le conseil que vous me donnez d'aller à Zurich avec ma femme et ensuite à Nice — en ajoutant que le voyage à Nice *est très long*; mais est-ce qu'il sera plus court si on va par Zurich ou par Berlin... voilà cette logique dont les lois m'échappaient toujours.— Ne vous fâchez pas si je ne suis pas tout à fait convaincu de la nécessité de faire deux voyages immenses pour obvier ⟨à⟩ un seul très long, mais plus court que les deux ensemble.

Donnez votre main et rions-en de nos projets, conseils etc. Il y a un fatum, fatalité ou Ἀνάγκη — qui brouille les cartes, débrouille les cartes. *E sempre bene.*

Je vous envoie 200 francs par Avigdor, c'est encore mieux, envoyer les prendre chez lui; et si vous n'en avez pas besoin, vous me les remettrez.

Alessandro furioso

Je n'envoie pas la lettre de Georges.

Перевод:

5 июня ⟨1850 г.⟩ Париж

Я собирался написать вам очаровательное письмо, начиненное глупыми каламбурами, анекдотами... и даже некоторыми соображениями по поводу вашего вчерашнего письма, как вдруг получил от Георга филиппику, которая меня тем более возмутила, что я меньше всего ее ожидал[1]. Я пересылаю вам это письмо и освобождаю себя от необходимости в подробных комментариях. Должен сказать, однако, что это довольно странная манера любить своих друзей при условии, что будешь давать им пощечины, всякий раз, как у тебя зачешется правая рука.— Это «L'Amour et la cravache»**, водевиль театра Монтансье[2].

Соль письма — обвинение меня в том, что я побудил вас ехать в Ниццу, а сам до сих пор в Париже. Господи боже мой, ведь вы знаете все обстоятельства (да и он тоже), я поступил как друг, как брат. Пока вы оставались здесь, я отнюдь не был за вас спокоен, я говорил об этом Гаугу, Бернац⟨кому⟩. Негодяй Р., после вашей сцены с немцем, был способен черт знает на какие оскорбления. Да, я гнал вас из Парижа, и хорошо делал. И потом, что плохого от этого произошло? — Вы разлучены с нами на 20 дней. Я всегда ценил вашу искренность, так скажите же мне — разве это именно то, что вас заботит? Я уверен, что вы нас любите, что вы хотели бы нас видеть, но вопрос для вас не в этом.

Георг жертвует мне теперь несколько дней, не упрекайте же меня за это. Я сделаю все возможное, чтоб уговорить его поскорее покончить с делом.

---

* *Далее зачеркнуто:* J'ai envoyé une lettre à la maison de banque de *M. Avigdor*, une lettre, où je le prie de vous être agréable etc., je crois qu'il peut même aller jusqu'à vous donner quelques centaines de francs, en général il peut être utile.— *Ред.*

** «Любовь и хлыст» (франц.).

В настоящее время вы без денег — я, конечно, сходил бы к вашему поверенному, но вы не написали, где его найти. Можете ли вы подождать до нашего приезда? А вы вот что сделайте*.

Мы уезжаем 15-го. Не понимаю, почему вы мне советуете ехать с женой в Цюрих, а затем в Ниццу — добавляя, что путь в Ниццу *слишком долог*, но разве он станет короче, если ехать через Цюрих или Берлин?— вот логика, законы которой от меня всегда ускользали. Не сердитесь же за то, что я не совсем уверен в необходимости совершить два бесконечно долгих путешествия, чтобы избежать одного очень продолжительного и все же более короткого, чем два других, вместе взятых.

Вашу руку и посмеемся над нашими планами, советами и т. д. Существует фатум, рок или Ἀνάγκη**, которая путает и распутывает карты. E sempre bene***.

Посылаю вам 200 франков через Авигдора, так еще лучше; пошлите за ними, а если они вам не нужны, вы мне вернете их.

Alessandro furioso****

Письмо Георга не посылаю.

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.

[2] Герцен имеет в виду водевиль «Le jeu de l'amour et de la cravache» («Игра любви и хлыста») Анисе Буржуа, Альфонса Руайе и Нарея, представленный в парижском театре Монтансье при участии известного артиста Левассора. По словам анонимного рецензента журнала «Charivari», авторы водевиля пытались доказать зрителям, что чем более муж колотит свою жену, тем сильней она его любит («Charivari», № 153 от 2 июня 1850 г.).

109

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Paris.⟩ 8 juin ⟨1850⟩

Tout ce que tu as fait, tu ⟨l'as⟩ fait parfaitement bien (à l'exception de la lettre que tu m'as écrite). L'affaire donc n'est pas si facile — comme tu le vois toi-même.

L'identité (o Schelling, toi le *maestro der Identitätslehre*) — se prouve encore par le très illustre titre de *Hofrat*, et parce que je suis inscrit au livre de la noblesse *du gouvernement de Moscou* et propriétaire dans le gouv⟨ernement⟩ *de Kostroma*; le diplôme est resté à Moscou, je le ferai venir.

Weiter,— sollten Sie mir den Rat geben, so werde ich bei Rotschild die Zurückgabe des Billets fordern, aber es ist immer bedenklich solche Sachen durch die Post zu schicken. Geben Sie ihre Meinung. Heute ist der 8, also kann ich eine Antwort den 12 oder d⟨en⟩ 13 bekommen.

Jetzt habe ich nichts in Paris zu machen.

Weder Gasser noch Sch⟨ombourg⟩ sind das, was du meinst, aber der R⟨otschild⟩ nachdem er Kisseleff gesehen hat, ist verflucht abscheulich geworden[1]. Ich habe alle Briefe von Gasser gelesen — er ist wütend über diese Geschichte und beleidigt; weil auch sein Endossement da ist. Der andre[2] ist nicht beleidbar der letzte Makabeer.

Ich möchte dir doch eine gute Phrase schreiben — aber ich bin bis jetzt sehr böse über deinen Brief.

Et vive nos ennemis, les amis![3]

Егору Васильевичу.

---

* *Далее вачеркнуто*: Я отослал в банкирский дом г-на Авигдора письмо, в котором прошу его оказать вам любезность и т. д. Я думаю, что он пойдет даже на то, чтобы дать вам несколько сот франков, вообще он может быть полезен.

** Судьба (греч.).

*** И все к лучшему (итал.).

**** Неистовый Александр (итал.).

Перевод.

<Париж.> 8 июня <1850 г.>

Все, что ты сделал, сделал превосходно (за исключением письма, которое ты мне написал). Дело-то, как ты сам видишь, не такое уже легкое.

Тождество моей личности (о Шеллинг, о maestro der Identitätslehre*) подтверждается и блистательным званием *надворного советника*, равно как и тем, что я внесен в дворянскую книгу *Московской губернии* и являюсь помещиком *Костромской* губернии; диплом остался в Москве, я выпишу его сюда.

Далее, —если вы мне это посоветуете, я буду требовать у Ротшильда возвращения билета, но всегда рискованно посылать такие вещи по почте. Сообщите ваше мнение. Сегодня 8-е, стало быть, я могу получить ответ 12-го или 13-го.

Теперь мне в Париже нечего делать.

Гассер и Ш<омбург> — совсем не то, что ты о них думаешь, а вот Р<отшильд>, после того, как повидался с Киселевым, стал до черта противен[1]. Я читал все письма Гассера — он взбешен этой историей и обижен, так как на билете стоит и его передаточная надпись. Другой же[2] — тот не обидчив — наш последний из Маккавеев.

Мне хотелось бы все же написать тебе несколько добрых слов, но я до сих пор еще очень зол на твое письмо.

Et vive nos ennemis, les amis!**[3]

Егору Васильевичу. ***

[1] В «Былом и думах» Герцен следующим образом передает свой диалог с Ротшильдом, после встречи с ним русского посланника:

«— Кстати,— сказал он мне, останавливая меня,— я вчера говорил о вашем деле с Киселевым. Я вам должен сказать, вы меня извините, он очень невыгодного мнения о вас и вряд ли сделает что-нибудь в вашу пользу.

— Вы с ним часто видаетесь?

— Иногда, на вечерах.

— Сделайте одолжение, скажите ему, что вы сегодня виделись со мной и что я самого дурного мнения о нем, но что с тем вместе никак не думаю, чтоб за это было справедливо обокрасть его мать.

Ротшильд расхохотался; он, кажется, с этих пор стал догадываться, что я не „prince russe“ ****...» (изд. АН, т. X, стр. 137—138).

[2] *Другой* — т. е. Ротшильд.

[3] Несколько измененное выражение Беранже в его песне «L'opinion de ces demoiselles» («Мнение этих девиц», 1815): «Viv' nos amis, nos amis les enn'mis!» («Да здравствуют наши друзья, наши друзья-враги!»).

110

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

<Paris.> Le 11 juin <1850>

Tu es, cher George, tout à fait comme Ney, le brave des braves, tu ne te rends jamais et tu fais bien. Tu as tort — mais il n'y a pas de raison d'en convenir; enfin, moi de guerre lasse, je cèderai — car répéter pour la 500 fois les mêmes arguments c'est acheter une justification à un prix énorme.— Tu écris que tu portes haut la tête et le cœur,— moi aussi; mais quelquefois je les porte très humbles, c'est nommément quand j'ai tort, quand, entraîné par un mouvement passionné, j'offense mes amis; tu veux absolument avoir raison et en manquant tu prends par les sentiments, tu ris et tu pleures — pour ne pas être forcé de convenir que tu avais tort. Ce n'est pas moi le premier qui l'aie remarqué; Emma aussi bien que moi et avant moi. En moi tu trouveras toujours une résistance acharnée.— L'autre jour je

---

* мастер ученья о тождестве (итал. и нем.).

** И да здравствуют наши враги-друзья! (франц.).

*** Имя и отчество написаны по-русски.— *Ред.*

**** русский князь (франц.).

ЯНВАРСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА А. КОЛАЧЕКА «DEUTSCHE MONATSSCHRIFT FÜR POLITIK, WISSENSCHAFT, KUNST UND LEBEN» НА 1851 г. ЗДЕСЬ БЫЛО ВПЕРВЫЕ НАПЕЧАТАНО «О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ»

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Москва

Deutsche Monatsschrift

für

Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben.

Herausgegeben

von

Adolph Kolatschek.

Januar (erstes Heft)

Bremen.

C. Schünemann's Buchhandlung.

1851.

Inhalt.

Die Souveränität des Volkes und die Nationalrepräsentation, von H. Steinthal. — Über die Entwicklung der revolutionären Ideen in Rußland, v. [illegible]. — P. J. Proudhon's Werke, von G. Engländer. — Die Religion und die Revolution. — Die Instrumentalmusik von A. Uhlig. — Kritiken über die Philosophie des Rechts und die Gesellschaft von L. Oppenheim. — Zu den Quellen der Geschichte der Romantik von [illegible].

n'étais pas fâché, j'étais affligé par ta lettre, je sais que tu devais revenir toi-même; mais cela n'est pas assez d'avoir le désir de frapper — pour frapper; tu es trop habitué aux concessions amicales,— moi je ne peux le faire, avec toute mon amitié, c'est contre ma nature.

Pour mettre sur un autre terrain la question, moi je demande où fallait-il aller, quand? — Est-ce que tu as jamais écrit qu'il fallait venir à Zurich, la seule chose possible pour nous réunir, moi je l'ai proposée, mais Zurich te déplaisait comme ville,— votre voyage à Stuttg⟨art⟩ n'était-il pas nécessaire, et il n'y a que 3 jours que vous l'avez terminé. Quand fallait-il donc aller? Si tu n'as pas gardé toutes mes lettres, au moins rappelle-toi les réponses de Gasser, chaque semaine se terminait par une promesse.

L'affaire entière a été traitée de facile au commencement, eh bien, tu vois à présent que le ministre ne peut pas même obtenir de reponse de l'ambassadeur. Et que Rot⟨schild⟩ ne fait rien contre, mais ne fait rien pour. Quelle serait donc la folie de quitter une affaire entamée, sans même connaître l'état dans lequel on la laisse.

Pourquoi me fais-tu répéter tout cela? Je n'avais d'autre manière d'agir. Enfin on me renvoie de Paris,— toute la maison ⟨est⟩ malade, mais vers le 1 juin je pouvais partir, non pas pour te rejoindre, mais pour aller à Nice — eh bien, Rot⟨schild⟩ lui-même était tellement persuadé vers la fin du mois de mai que l'affaire allait se terminer — qu'il a ordonné d'acheter des papiers amér⟨icains⟩ pour ma mère, que la police a eu l'évidence de la nécessité de rester quelques jours encore.

A présent, je dois dire concernant le conseil de S⟨chombourg⟩ dont j'ai fait mention l'autre jour; il m'a dit qu'une démarche énergique de la part de R⟨otschild⟩ finirait en une semaine l'affaire et en même temps qu'il n'y a pas de doute qu'il ne le fera pas. Si on perd le temps à présent, le gouv⟨ernement⟩ russe, voyant que l'affaire n'est pas poussée, s'acharnera encore plus. Donc il faut frapper un coup décisif, le coup décisif serait de demander définitivement ⟨à⟩ R⟨otschild⟩, veut-il continuer ou non l'affaire, et par quels moyens. Sinon — transporter immédiatement l'affaire à Londres. J'attends demain ou même aujourd'hui la réponse de Bamberger, auquel j'ai communiqué tous les détails—après avoir fait le transfert. Gasser n'aura qu'à endosser à Pétersb⟨ourg⟩ le billet au nom désigné par le banquier anglais.— En tout cas, c'est un pas — et qui ne serait pas fait sans moi.

Tu penses qu'il ⟨y⟩ a un dualisme dans ce que je dis que je me soumets aux nécessités extérieures. Non, c'est aussi du réalisme; le vin de Xérès me donne régulièrement des maux de tête — eh bien, je ne le prends pas. Je sais qu'il m'est impossible d'aller à Naples,— j'aime Naples par-dessus tout — et bien, non seulement que je n'irai pas à Naples, mais je ne me bercerai pas même de projets inéxecutables — qui donc est dans la réalité et qui dans les fantaisies? Mais moi, je ne t'en veux pas pour cela.— Je déteste Paris — et je restais là parce que je pensais pouvoir faire quelque chose pour le procès. Tu aimes Paris, tu meurs d'ennui à Zurich et pendant 6 mois l'idée ne t'est pas venue de venir passer ici une semaine ou deux; cela ne prouve non plus une grande décision de caractère... Je crois qu'il suffit.— *Amen.*

Ecris donc à Kolats⟨chek⟩ que je suis très flatté etc et que je lui enverrai quelque chose. Reichel t'apportera l'*Epilogue*, tu peux le faire copier par quelqu'un à Zurich (c'est le seul exemplaire) et envoyer sans traduire à Kol⟨atschek⟩[1] — mais comme cet *Epil⟨ogue⟩* a déjà été promis par Kapp à la 2⁰ édit⟨ion⟩ de la brochure, moi je donnerai à Campe encore un petit article. C'est dommage seulement que l'*Epilogue* à lui seul ne présente rien de *Ganzes*, il fallait aussi l'autre article[2]. Ou s'il veut attendre, je lui écrirai de Nice quelques «*actualia*».

Proposition:

1) M'attendre à Zurich, aller avec moi à Londres, de Londres à Lisbonne, Cadix, Sicile, Malte, Gênes et Nice.

2) Venir à Nice, faire le même voyage *vice versa* et retourner par Zurich.

Qu'en pensez-vous, cela m'occupe fortement. Londres peut devenir indispensable.

Егору Федор⟨овичу⟩.

J'irai à Londres et je viendrai te chercher, si tu ne viens pas à Nice. *Vide* la lettre de ma mère[3].

Перевод:

⟨Париж.⟩ 11 июня ⟨1850 г.⟩

Дорогой Георг, ты совсем как этот храбрец из храбрецов Ней, ты никогда не сдаешься и хорошо делаешь. Ты неправ, но убедить тебя в этом невозможно; словом, после долгого сопротивления я готов уступить, ибо повторять в 500-й раз одни и те же аргументы значит купить оправдание непомерно дорогой ценой. Ты пишешь, что несешь высоко и голову и сердце,— я тоже; но иногда я несу их весьма смиренно, а именно тогда, когда я неправ, когда в порыве страсти оскорбляю своих друзей. Ты хочешь во что бы то ни стало быть правым, и когда это тебе не удается, ты начинаешь играть на чувствах, смеешься, плачешь — лишь бы не быть вынужденным признать свою ошибку. Не я первый это заметил: так же как я и до меня заметила это Эмма. У меня ты всегда встретишь ожесточенное сопротивление. — Но в тот

раз я не рассердился, я был удручен твоим письмом, я знаю, что ты и сам бы одумался. Но чтобы ударить — недостаточно одного желания ударить; ты слишком привык к дружеским уступкам, а я, при всех моих дружеских чувствах, не могу пойти на это: это противно моей натуре.

Но поставим вопрос иначе: я тебя спрашиваю, куда же надобно было ехать и когда? — Разве ты хоть раз написал, что нужно ехать в Цюрих? Эту единственную для нас возможность встретиться я предлагал, но Цюрих не нравился тебе как город. А ваша поездка в Штутг⟨арт⟩ — разве она не была нужна, и только три дня назад вы ее завершили. Когда же надобно было ехать? Если ты не сохранил всех моих писем, то припомни хотя бы ответы Гассера, каждая неделя заканчивалась обещанием.

Вначале дело представлялось легким, ну а теперь — ты видишь, что даже министр не может добиться ответа от посланника. А Рот⟨шильд⟩ ничего не предпринимает ни за, ни против. Ведь было бы безумием оставить начатое дело, не выяснив даже, в каком положении его бросаешь.

Зачем ты заставляешь меня повторять все это? Я был лишен возможности поступать иначе. Наконец, меня высылают из Парижа, все дома больны, но к 1 июня я мог бы уехать, однако не с тем, чтобы присоединиться к тебе, а чтобы отправиться в Ниццу — ведь сам Ротшильд в конце мая был настолько уверен, что дело близится к концу, что даже распорядился купить для моей матери америка⟨нские⟩ акции, и полиции было очевидно, что мне необходимо задержаться здесь еще на несколько дней.

Теперь я должен рассказать о том совете Ш⟨омбурга⟩, о котором упомянул в прошлый раз. Ш⟨омбург⟩ сказал, что энергичные меры со стороны Р⟨отшильда⟩ помогли бы закончить дело в одну неделю, но в то же время можно не сомневаться, что тот их не предпримет. Если упустить теперь время, то русское прав⟨ительство⟩, увидя, что дело не двигается с места, будет еще больше упорствовать. Следовательно, нужно нанести решительный удар. Таким решительным ударом было бы потребовать от Р⟨отшильда⟩ окончательного ответа — хочет ли он продолжать дело или нет, и какими средствами. Если нет, немедленно перевести дело в Лондон. Жду завтра или даже сегодня ответа от Бамбергера, которому я сообщил все подробности. После перевода дела в Лондон, Гассеру останется только сделать в Петерб⟨урге⟩ передаточную надпись на билете на имя лица, указанного английским банкиром. Во всяком случае, это шаг вперед — и без меня он не был бы сделан.

Ты усматриваешь дуализм в моих словах, когда я говорю, что подчиняюсь внешней необходимости. Нет, это тоже реализм, — херес постоянно вызывает у меня головную боль, ну что ж, я не пью его. Я знаю, что мне нельзя ехать в Неаполь, а я люблю Неаполь больше всего на свете, — так вот, я не только не поеду в Неаполь, но не стану даже лелеять этот невыполнимый план. Кто же из нас живет в мире реальном и кто в мире фантазии? Но я не сержусь на тебя за это. Я ненавижу Париж, но я оставался здесь, ибо думал, что могу что-то сделать для процесса; ты любишь Париж — ты умираешь от скуки в Цюрихе, а за полгода тебе не пришла в голову мысль приехать сюда на недельку или на две; это также отнюдь не свидетельствует о большой решительности твоего характера... Думаю, что достаточно. — Аминь.

Напиши же Колач⟨еку⟩, что я весьма польщен и т. д. и что я ему пришлю кое-что. Рейхель привезет тебе «Эпилог», дай его кому-нибудь в Цюрихе переписать (это единственный экземпляр) и отошли, не делая перевода, Кол⟨ачеку⟩[1]. Но так как Капп уже обещал «Эпилог» для 2-го издания брошюры, я дам Кампе еще небольшую статейку[2]. Жаль, только, что «Эпилог» сам по себе не представляет нечто Ganzes*. Надо было бы также и другую статью. Если же он согласен ждать, я напишу ему из Ниццы какие-нибудь «actualia»**.

Предложение:

1) Ждать меня в Цюрихе, ехать со мной в Лондон, из Лондона в Лиссабон, Кадикс, Сицилию, Мальту, Геную и Ниццу.

---

* цельное (нем.).

** статьи на темы дня (лат.).

2) Приехать в Ниццу, проделать то же путешествие vice versa* и вернуться через Цюрих.

Что вы об этом думаете? Меня это очень занимает. Поездка в Лондон может оказаться совершенно необходимой.

Егору Федоровичу **.

☞ Я поеду в Лондон и заеду за тобой, если ты не приедешь в Ниццу. Vide*** письмо моей матери.

[1] «Эпилог 1849» появился в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben», 1850, № 12, S. 463—472. Незадолго до того он был напечатан в «New-Yorker Abendzeitung». По-видимому, Гервег сам снял копию с рукописи Герцена для отправления Колачеку (см. «Der Freiheit eine Gasse. Aus Leben und Werk Georg Herweghs». Herausgegeben von Bruno Kaiser. Berlin, 1948, S. 217—220). Не исключена возможность, что Гервег был переводчиком этой статьи на немецкий язык.

[2] Герцен, вероятно, намерен был послать Кампе для включения во второе издание «Vom anderen Ufer» свою статью «Omnia mea mecum porto».

111

ЭММЕ ГЕРВЕГ

⟨Paris.⟩ Le 11 juin ⟨1850⟩

Hier depuis le matin on a commencé à porter chez moi les lettres que vous avez eu la bonté de m'adresser du 5 juin sous toutes les enveloppes possibles et sur les adresses les plus variées. Je les ai reçues comme vous pouvez penser avec un plaisir qui dépasse toutes les limites, d'autant plus que j'avais une migraine des deux côtés de la tête. Tout ce qui est faisable sera fait.— C'est un peu bête mais ne présente pourtant rien de grave.— Nous partons le 15, samedi. Edmond aussi: je l'ai justifié moi-même, mais que voulez-vous, la faiblesse est aussi; un vice.

George sent, à ce qu'il paraît, qu'il a tort, parce qu'il cherche par tous les moyens de me prouver que c'est moi qui ai eu tort.— Vous savez que chez lui cela veut dire qu'il s'excuse.

Je pense déjà d'aller de Nice à Londres par Cadix!.. Je ne ferai rien de tout cela.

Et bien, à bientôt et vivez en paix, et dieu vous garde des cousins et des moucherons.

Herrn Junker Horaz meine Empfehlung, so wie auch der gnädigen Frau Ada.

Перевод:

⟨Париж.⟩ 11 июня ⟨1850 г.⟩

Вчера с утра стали приходить ваши письма, которые вы, начиная с 5 июня, столь любезно адресовали мне во всевозможных конвертах и по самым разнообразным адресам[1]. Как вы сами понимаете, их получение доставило мне безмерное удовольствие, тем более, что у меня была двухсторонняя мигрень. Все, что можно сделать, будет сделано. — Это немного глупо, но не представляет, однако, никаких трудностей. Мы едем 15-го в субботу. Эдмон тоже; я и сам его оправдал, но как хотите, а слабость — тоже порок.

Георг, как будто, чувствует свою неправоту, ибо всячески старается доказать мне, что именно я был во всем виноват. — Вы ведь знаете, у него это означает извинение.

Я уже подумываю о том, чтобы поехать из Ниццы в Лондон через Кадикс!.. — Ничего этого я не сделаю.

Итак, до скорого свидания, мир вам, и да хранит вас господь от комаров и мошек****.

Почтение благородному господину Горасу, равно как и милостивой государыне Аде.

---

* в обратном направлении (лат.).

** Имя и отчество написаны по-русски.—*Ред.*

*** Смотри (лат.).

**** Каламбур: «cousin» — по-французски «комар» и «кузен»; «moucheron» — «мошка» и «мальчуган». На французском арго слово «mouche» («mouchard») означает также «шпион».

112

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Тоннер. 17 июня 1850 г.⟩

Medice, cura te ipsum!

Dès que j'eus terminé mes affaires, je me suis mis dans un wagon, et nous sommes à Tonnerre. Je ne croyais pas que notre départ fut nécessaire ou utile avant, pas même trop agréable. A présent comme je laisse les affaires, je ne puis rien ajouter — je me hâtais lentement, mais je suis en route.

Ce papier infâme a été acheté par Reichel pour toi, il n'y a pas de dérision plus amère que d'acheter quelque chose d'ignoble comme ce papier, mais il faut l'excuser. Le dernier temps il avait des symptômes d'hydrophobie très prononcés.

Avant mon départ on m'avait invité à un petit dîner, où nous avons passé notre temps jusqu'à 4 heures du matin [1].

Adieu. Je voudrais dire *au revoir* — mais comme je ne sais pas quand tu viendras — j'hésite. Pour le voyage à Londres, il ne pourra s'effectuer que dans 2 mois.

Summa mea pietate

А. Н.

Перевод:

⟨Тоннер. 17 июня 1850 г.⟩

Medice, cura te ipsum*.

Покончив с делами, я тотчас же сел в вагон, и вот мы в Тоннере. До сих пор я не считал, чтобы наш отъезд был необходим, полезен и даже особенно приятен. Теперь, когда я бросил дела, ничего не могу к этому прибавить — я поспешал медленно, но я в пути.

Эта гнусная бумага была куплена Рейхелем для тебя. Нельзя придумать более горькой насмешки, чем купить такую дрянь, как эта бумага, но надобно его извинить. В последнее время у него появились резко выраженные симптомы водобоязни.

Перед моим отъездом меня пригласили на скромный обед, за которым мы засиделись до 4 часов утра [1].

Прощай. Хотел бы сказать *до свидания*, но, не зная, когда ты приедешь,— не решаюсь. Что до поездки в Лондон, то она может осуществиться не раньше, чем через 2 месяца.

Summa mea pietate**

А. Г.

[1] У кого состоялся этот «скромный обед» — не установлено.

113

ЭММЕ ГЕРВЕГ

17 juin ⟨1850⟩. Tonnerre

Dans cinq jours je me précipiterai à vos pieds avec tous mes descendants... etc. Ce n'est que le premier pas qui coûte, vous voyez qu'il est fait.

Cette lettre viendra, je crois, quelques heures plus tard que nous, peut-être je la porterai moi-même pour être plus sûr qu'elle vous parviendra.

Vous comprenez donc qu'il n'y a pas de cause de bavarder plus longtemps; nous ne faisons qu'attendre la diligence pour aller à Châlons; nous nous arrêterons à Arles. Chojecky brûle de désir de voir les vieux monuments et les jeunes filles d'Arles. Massol[1] lui a monté la tête avec les Abyssiniennes, moi je veux les enfoncer par anticipation.

Bernacky[2] a reçu votre épître. J'ai été chez lui avec ma femme et les

* Врачу, исцелися сам (лат.).
** С совершенным почтением (лат.).

enfants et il fait les honneurs de la maison «avec la grâce la plus parfaite» (style du *Monit⟨eur⟩ du soir*[3]).

Le reste.. je le garde, pour avoir quelque chose à raconter lorsque je serai où die *Zitronen blühen*[4].

A. H.

*Рукой Ш.-Э. Хоецкого**:

Nous sommes arrivés par un temps magnifique au milieu de tonnerre, ce qui me prédispose ⟨...⟩ particulièrement de joindre à la présente l'expression de mon amitié pour vous et pour vos enfants. Dans quelques heures nous nous mettons en route pour ne nous arrêter ⟨qu'⟩à Arles, où Herzen veut voir les mines romaines à ce qu'il dit. Dieu donne que cet homme subversif n'ait pas d'autres idées! Heureusement je suis là et tant que j'y serai, la vertu n'aura qu'à s'applaudir de la manière dont nous nous conduirons à son égard.

Votre dévoué Ch. Edmond

Перевод:

17 июня ⟨1850 г.⟩. Тоннер

Через пять дней я брошусь к вашим ногам со всем своим потомством... и т. д. Труден лишь первый шаг, — как видите, он сделан.

Я думаю, что это письмо будет получено на несколько часов позже нашего приезда; может быть, я сам его доставлю, для большей уверенности, что оно до вас дошло.

Итак, вы понимаете, что незачем продолжать мою болтовню; мы ждем только дилижанса, чтобы ехать в Шалон; — мы остановимся в Арле. Хоецкий горит желанием увидеть древние памятники и юных девушек Арля. Массоль [1] вскружил ему голову рассказами об абиссинках, а я уже заранее желаю им провалиться. Бернацкий [2] получил ваше послание.

Я был у него с женой и детьми, он встретил нас радушно и «с изысканной любезностью» (стиль «Moniteur du Soir»[3]).

Об остальном... остальное приберегаю, чтобы иметь что рассказать, когда буду там, где «die Zitronen blühen»** [4].

А. Г.

Рукой Ш.-Э. Хоецкого:

В прекрасную погоду, мы оказались посреди грома***, что меня особенно располагает ⟨...⟩ сопроводить настоящее письмо выражением своих дружеских чувств к вам и к вашим детям. Через несколько часов мы снова отправимся в путь и остановимся уже только в Арле, где Герцен, по его словам, хочет осмотреть римские раскопки. Дай бог, чтоб этому ниспровергателю основ не взбрело еще что-нибудь в голову. К счастью, я тут, а в моем присутствии добродетели не придется жаловаться на наше поведение по отношению к ней.

Преданный вам Ш.-Эдмон

[1] Александр *Массоль* (1805—1875) — философ-сенсимонист, сотрудник «Voix du Peuple». В 1830-х годах много путешествовал по Среднему Востоку.

[2] Об Алоизии *Бернацком* см. в примеч. 8 к письму № 66.

[3] *«Moniteur du Soir»* — парижская вечерняя газета.

[4] Употребляя известное выражение из «Песни Миньоны» Гёте, Герцен имеет в виду Ниццу.

114

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

18 ⟨juin 1850⟩, bateau à vapeur *Hirondelle* — de Châlon à |Lyon

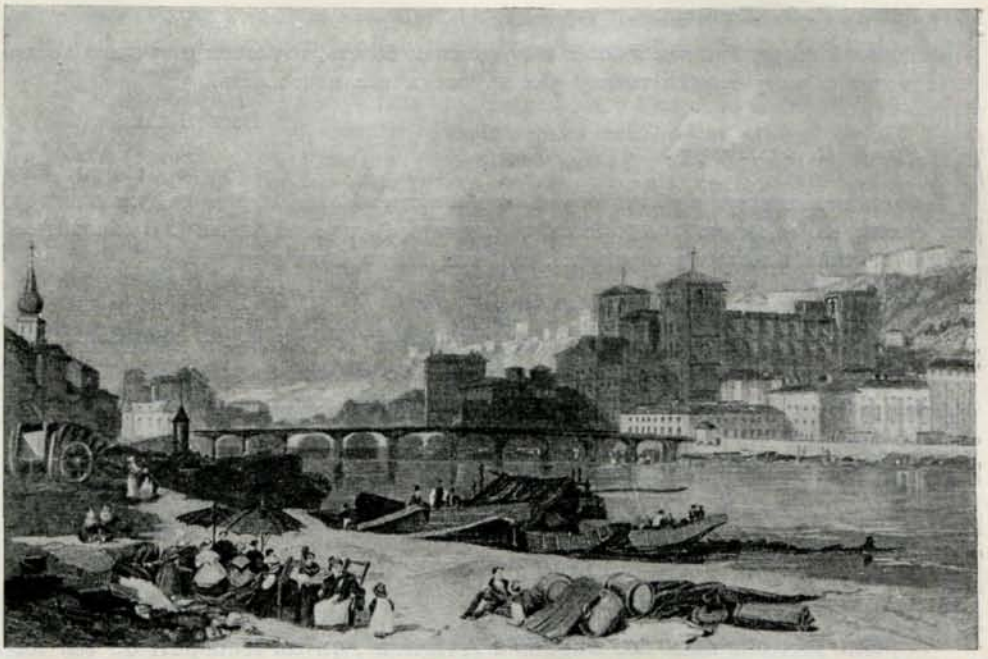
Рукой Н. А. Герцен:

Ce voyage me rappelle si vivement ceux que nous avons faits ensemble, je ne puis pas m'empêcher de ne pas vous dire un mot, serrer la main, cau-

* Приписка Хоецкого печатается по неисправной копии (фотография отсутствует).— *Ред.*

** «цветут лимоны» (нем.).

*** Игра слов: «Tonnerre»— по-французски название города и гром.

ЛИОН
Гравюра, 1840-е гг.
Литературный музей, Москва

ser avec vous — dans la pensée... parce que le mouvement est très désagréable.

Рукой Ш.-Э. Хоецкого:

Lieber Georg. Da ich krank war und es noch bin, so habe ich ganz vergessen deutsch zu schreiben, ich kann nur Sie für tausend mal freundlich zu küssen.

Ihrer 〈!〉 E d m.

Рукой Н. А. Герцен:

19 〈juin 1850〉. Lyon

On monte ici l'observatoire pour voir Mont Blanc. Moi je n'ai besoin ni de montagnes, ni de lunettes pour vous voir (o Emma! o Alexandre!), cher besson. En effet, je pense beaucoup à nos excursions... si vous étiez avec nous!..

Рукой Герцена:

Lyon. Les lions et les tigres, les ogres (c'est moi) sont arrivés à Lyon — et t'embrassent*. Le voyage se fait facilement. Et tout le monde se porte bien. Edmond seul a été malade, mais par malheur il n'est pas mort à Châlon — et il chante «ça ira» sans cédille (cela veut dire Kaïra)[1].

Перевод:

Рукой Н. А. Герцен:

18 〈июня 1850 г.〉, пароход «Ласточка» — из Шалона в Лион

Это путешествие так живо напоминает мне те, что̀ мы совершали вместе с вами, что не могу удержаться, чтобы не сказать вам несколько слов, не пожать вам руку, мысленно не поговорить с вами... ибо качка крайне неприятна.

* В автографе l'embrasse. — *Ред.*

Рукой Ш.-Э. Хоецкого:

Дорогой Георг. Так как я болел и продолжаю болеть, то совсем разучился писать по-немецки и могу только тысячу раз дружески вас поцеловать.

Ваш Э д м.

Рукой Н. А. Герцен:

19 июня <1850 г.>. Лион

Здесь поднимаются в обсерваторию, чтобы видеть Монблан. Мне не нужно ни гор, ни очков, чтобы видеть вас (о Эмма! о Александр!), дорогой близнец. В самом деле, я много думаю о наших прогулках... ах, если бы вы были с нами!..

Рукой Герцена:

Лион. Львы и тигры, людоеды (это я) прибыли в Лион*— и обнимают тебя. Путешествие протекает легко. И все чувствуют себя хорошо. Один Эдмонд был нездоров, но, к несчастью, он не умер в Шалоне и распевает «ça ira» без седиля (то есть «Каира»)**[1]

[1] Ш.-Э. Хоецкий собирался отправиться в Египет.

[115

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 21 juin <1850>. Marseille

A peine sortions nous des wagons d'Avignon[1], qu'un transport de tes lettres a été apporté par un garçon oriental, qui succombait sous le fardeau. Ce qui est bon—est bon. Et non seulement le nombre, mais le contenu calme, serein... pourquoi n'as-tu pas envoyé ces lettres à Paris, et la lettre atrabilaire à Marseille (ce serait encore mieux au Havre).

Eh bien, nous voilà — *presso al fine*; jusqu'ici le voyage a été excellent, d'Avignon par chemin de fer, de Dijon à Châlon — *idem*, de Châlon à Valence — par bateau à vap<eur>. A présent je pense prendre un bateau jusqu'à Cannes, et aller de là (avec ma canne) à pied (de cheval) — pour ne pas faire la quarantaine et pour ne pas rester 28 h<eures> en diligence comme Emma.

Je suis un peu enrhumé (voilà le Sud pour un ours du nord). Cela m'empêche de goûter pour la dernière fois les vins français, sans empêcher de sentir l'atmosphère puante des rues. Cela me rappelle Paris. Il y a dans tes lettres une déclaration d'amour pour Paris. Aime-le. Mais sois bien persuadé que le premier pas vers un avenir meilleur pour l'humanité — c'est de se dégriser de Paris et de la France.— Peut-être cela ne viendra pas; oui, c'est très possible que l'Europe n'aie pas d'avenir humain — mais canin, iroquois. Regarde cette race abâtardie, ces fronts rétrécis, ces yeux qui ne peuvent se concentrer, cette pensée bornée, ce vague des actions et des convictions[2].

G<eorges> H<erwegh>.

Перевод:

21 июня <1850 г.> Марсель

Едва из поезда мы вышли Авиньона, [1], как какой-то восточный малый, сгибаясь под тяжестью своей ноши, притащил целую кипу твоих писем. Что хорошо — то хорошо. И не только количество, но и содержание, спокойное, ясное... Почему ты не послал эти письма в Париж, а желчное свое письмо — в Марсель (еще лучше было бы в Гавр).

Ну вот, мы и presso al fine***. До сих пор мы ехали превосходно: из Авиньона —

---

* По-французски «Lyon» (Лион) и «lion» (лев) произносятся одинаково.

** «ça ira» — это пойдет (франц.). Французское *c* без седиля произносится как *k*.

*** близки к цели (итал.).

по железной дороге, из Дижона в Шалон — idem, из Шалона в Валенс — на пароходе. Теперь я думаю нанять лодку до Канна, а оттуда с тростью в руках, шагом (лошадиным)*, чтобы избежать карантина и не просидеть, как Эмма, 28 часов в дилижансе.

У меня небольшой насморк (вот что значит юг для северного медведя). Это мешает мне в последний раз насладиться французскими винами, не мешая, однако, чувствовать зловоние улиц. Это напоминает мне Париж. В твоих письмах ты признаешься в любви к Парижу. Люби его. Но могу тебя уверить, что первый шаг на пути к лучшему будущему человечества — это трезвый взгляд на Париж и Францию. А быть может, оно и не наступит; ведь вполне возможно, что у Европы нет человеческого будущего, а только собачье, ирокезское. Взгляни на эту выродившуюся расу, на эти узкие лбы, на эти глаза, взгляд которых не может сосредоточиться, на эту ограниченность мысли, на эту неопределенность в действиях и убеждениях [2].

Г⟨еоргу⟩ Г⟨ервегу⟩.

[1] Пародия на первый стих известного монолога Терамена из пятого акта «Федры» Расина: «A peine nous sortions des portes de Trézène...» («Едва мы вышли из Трезенских врат...» — д. V, сц. 6-я).

[2] Аналогичное высказывание о парижских буржуа с их «глупыми ртами, жирными лбами, дерзко вздернутыми и глупо висящими носами» см. в статье «Consolation», вошедшей в книгу «С того берега» (изд. АН, т. VI, стр. 96).

116

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 27 juin ⟨1850⟩. Nice

Eh bien, voilà! De quoi nous occuper, discuter, disputer, nous fâcher... le billet payé, nous — à Nice. On dit lorsque Gibbon [1] a terminé son histoire et lorsqu'il a relu la dernière page il devint triste. C'est presque la même chose qui m'advint lorsque j'ai reçu la lettre de Sch⟨ombourg⟩ [2] — à quoi bon à présent ma haute diplomatie, mes conjectures, mes complications, indications, prévisions — la chose est gagnée... Plaignez-moi!

Basta, dorénavant tes oreilles ne seront plus écorchées par des dissertations financières.

A présent de Nice. Jamais de ma vie je n'ai senti un tel bien-être climatologique comme ici; même la chaleur n'y fait rien. Nous avons des appartements très vastes, nous nous déshabillons, au lieu de nous habiller, nous nous baignons dans l'eau et dans l'air du soir embaumé, doux — et au diable ces beautés féroces de la Suisse, ces monuments du régime de la terreur géologique. Pour aucun prix je ne monte plus au nord, mais je descends volontairement jusqu'au Basilicate [3] si tu veux, — au reste, le Piémont est très habitable; je trouve beaucoup de changement, beaucoup plus de douceur gouvernementale qu'en 47 et plus de ressources. Somme générale, je suis tout à fait content d'avoir quitté Paris — le cancer général de l'Europe — et d'avoir fait ce choix et non un autre.

L'été on peut vivre presque sans argent. Emma payait assez cher avant nous, à présent l'hôte (dont la maison est complètement vide) consent de prendre 10 fr⟨ancs⟩ ou 12 par jour — chambres, nourriture, bonne — et tout compris, et sans augmenter quand tu viendras. Nous pouvons rester un mois ou deux à l'hôtel. Et ensuite louer une maison près de la mer. Il y en a une quantité!

Tu n'écris pas, on dit que tu es fâché — est-ce que tu nous en veux encore pour la lettre que tu as écrite.

Santo padre, justitia!

Георгу Гервегу

* Каламбур: «Cannes» — по-французски город Канн и «canne» — трость; «à pied» — пешком; у Герцена — «à pied (de cheval)» — буквально «ногами (лошади)».

Перевод:

27 июня ⟨1850 г.⟩. Ницца

Ну, вот и дождались! Не из-за чего больше стараться, спорить, препираться, сердиться... билет оплачен, мы в Ницце. Говорят, что когда Гиббон [1] закончил свою историю и перечел последнюю страницу, ему стало грустно. Почти то же произошло и со мной, когда я получил письмо от Ш⟨омбурга⟩ [2]. К чему теперь моя высокая дипломатия, мои догадки, сложные расчеты, мои указания, моя предусмотрительность — дело выиграно! Пожалейте меня!

Баста! Твой слух впредь уже не будут терзать финансовые рассуждения.

Теперь о Ницце. Ни разу в жизни я еще не испытывал такого климатологического блаженства, как здесь, даже жара ему не помеха. Комнаты у нас очень просторные; мы раздеваемся вместо того, чтоб одеваться, мы купаемся в воде и в благовонном, теплом вечернем воздухе — и к чёрту эти дикие красоты Швейцарии, эти памятники режима геологического террора. Ни за что на свете не стану я больше подниматься на север, зато охотно спущусь, если хочешь, до Базиликаты [3]; впрочем, в Пьемонте вполне можно жить, я нахожу здесь большую перемену, гораздо больше послаблений со стороны правительства, чем в ⟨18⟩47 году, и больше возможностей. В общем, я очень доволен, что покинул Париж — этот всеевропейский рак — и сделал именно такой, а не иной выбор.

Лето можно прожить почти без затрат. Эмма до нас платила довольно дорого, теперь же хозяин (дом его совершенно пустует) согласен брать 10—12 фр⟨анков⟩ в день за комнаты, со столом и услугами включительно и ничего не набавлять, когда ты приедешь. Мы можем остаться в гостинице месяц-два. Затем нанять дом у моря. Их здесь множество!

Ты не пишешь — говорят, ты сердит. Уж не обижен ли ты все еще на нас за письмо, которое ты написал?

Santo padre, justitia!*

[1] Эдуард *Гиббон* (1737—1794) — английский историк, автор многотомной «Истории упадка и разрушения Римской империи».

[2] Письмо о благоприятном исходе тяжбы с русским правительством по поводу векселя матери Герцена, на который было наложено запрещение.

[3] *Базиликата* — южно-итальянская провинция.

117

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 29 ou 28 ⟨juin 1850⟩

J'attends de Zurich la description de l'arrivée du billet, l'effet magique, psychique, chique etc. En attendant je te remercie pour les dernières lettres [1]. Mais que diable fais-tu donc à Zurich, ou par hasard est-ce que tu as trouvé là un perce-cœur quelconque, une Léontine helvétique au teint frais et aux dents noires,— il faut enfin motiver ou venir [2].— Si Reich⟨el⟩ n'est pas parti, ne pourrait-on l'utiliser pour le pauvre B.[3], au moins lui faire parvenir de l'argent; si c'est possible — dis à ma mère qu'elle me prête ce que tu jugeras convenable, je pourrais même envoyer d'ici.— Pense à cela et réponds avec *Behutsamkeit*. Emma a des projets fantastiques — par malheur, ces choses ne se réalisent presque jamais [4]. *Pia desideria!*

Dis-moi encore, comment envoyer à Kolatschek un article[5], quelle adresse et pourtant je voudrais te ⟨le⟩lire avant d'envoyer. J'enverrai l'article en français, cela n'est pas une chose difficile de traduire.

J'ai commencé de nouvelles lettres. Ensuite il faut enfin raconter l'histoire de l'invasion des barbares de la rue Jérusalem chez Emma[6]. Qu'en pense votre grâce?

---

* Святой отец, будь справедлив! (итал., лат.).

Je salue tout le monde et m'éclipse[7].

Agis comme on conseille à ce chien...[8]

Перевод:

<Ницца>. 29 или 28 <июня 1850 г.>

Жду из Цюриха описания того магического, психического, феерического и пр. действия, которое произвело прибытие билета. А в ожидании благодарю тебя за последние письма [1]. Но какого чёрта сидишь ты в Цюрихе, уж не завелась ли у тебя там какая-нибудь зазноба, какая-нибудь швейцарская Леонтина со свежим цветом лица и черными зубами — короче говоря, нужно либо объяснить причину, либо приехать [2].— Если Рейх<ель> еще не отбыл, то нельзя ли через него сделать что-нибудь для бедного Б.[3], хотя бы переслать ему денег; если это возможно — попроси мою мать одолжить мне столько, сколько ты сочтешь необходимым, я мог бы даже послать отсюда. Подумай об этом и ответь со всей *Behutsamkeit*!* Эмма строит фантастические планы — к несчастью, подобные вещи почти никогда не удается осуществить[4]. Pia desideria!**

И еще скажи, как переслать Колачеку статью [5], по какому адресу; а все же хотелось бы, прежде чем отослать, прочесть ее тебе. Статью пошлю на французском языке — перевести ее не представляет трудностей.

Я принялся за новые письма. Затем надобно же, наконец, рассказать историю вторжения варваров с Иерусалимской улицы к Эмме[6]. Что думает об этом ваша милость?

Передаю всем привет и исчезаю[7].

Поступай так, как советуют этой собаке...[8]

[1] Одно из этих писем (без даты) — см. XIV, 85—87.

[2] О причинах, удерживавших Гервега в Цюрихе, см. ниже, в нашем обзоре «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».

[3] *Б.*— Бакунин, томившийся в это время в австрийской тюрьме в Праге.

[4] Планы по организации побега Бакунина.

[5] По-видимому, «Omnia mea mecum porto». Французский текст этой статьи неизвестен.

[6] К этому времени относится работа Герцена над двенадцатым письмом из «Писем из Франции и Италии», датированным 10 июля 1850 г. (французский авторский перевод, выполненный позже, имеет дату 30 июня 1850 г.— изд. АН, т. V, стр. 385—393). В этом письме Герцен описывал полицейский произвол, царящий в Париже, разгул реакции и разложение правительственной системы и выражал удовлетворение от пребывания в Ницце, «теплой, благоуханной, тихой и теперь совершенно пустой». Обыск, произведенный у Эммы Гервег полицейским чиновником с Иерусалимской улицы (там помещалась полицейская префектура), описан Герценом не был.

[7] Ответ Гервега на это письмо см. XIV, 87—89.

[8] Смысл последней фразы неясен — быть может, она относилась к какому-нибудь приложенному к письму и несохранившемуся рисунку с назидательной надписью.

118

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

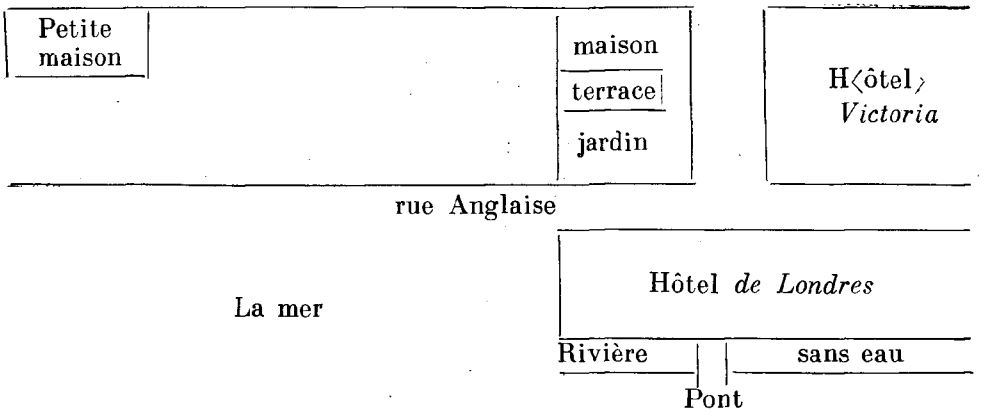
<Nice.> 30 juin <1850>

Cette lettre ne doit partir que demain; je suis en retard.— Rien de nouveau, j'ai un abcès dégoûtant sur la main gauche et j'ai trouvé avec Emma une maison magnifique que je prendrai peut-être. C'est-à-dire non magnifique dans le sens de la richesse, mais de la position. Il y a tout près une autre qui pourrait être occupée par toi, voilà.

---

* осмотрительностью (нем.).

** Благие желания! (лат.).

Il y a un troisième étage, mais un peu sale, dans la maison que j'ai choisie. 200 fr⟨ancs⟩ par mois. Pour l'autre on demande 120. Pourtant je reste encore un mois à l'hôtel et je conseille à Emma de rester aussi, le bon marché est humiliant.

Elle a aussi beaucoup travaillé pour trouver une maison pour nous; je ne sais la remercier dignement qu'en te racontant la manière étrange comme elle s'y est prise. Elle a visité toutes les maisons qui ne peuvent pas être louées par nous, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩* sur des montagnes où il faut avoir 50 domestiques et 25 mulets avec écuries, 40 chambres à coucher, et qui a été occupée par lord Devonshire pour 15 000 par été.

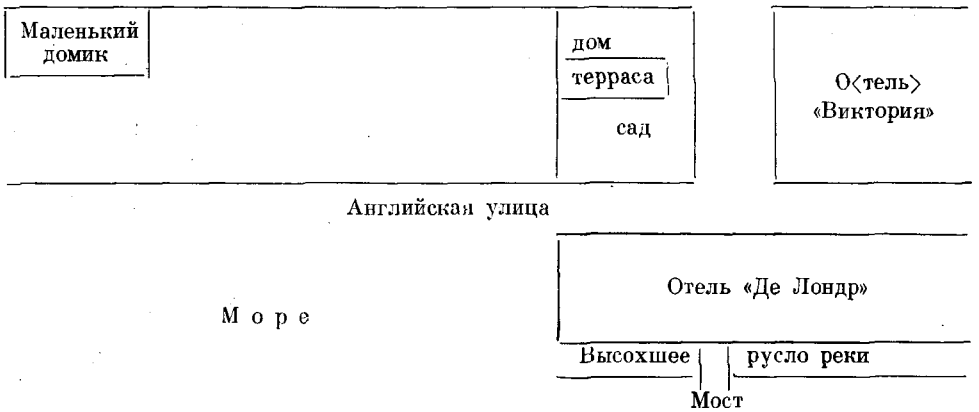
Emma nous a mené dans toutes ces maisons, en disant ensuite: «Vous voyez que cela ne nous convient pas». Comme la ville n'est pas grande, nous savions que les autres maisons étaient de celles entre lesquelles il fallait chercher. La couronne de ces recherches était hier. Emma nous dit qu'elle a trouvé quelque chose de magnifique, nous allons à *S. Hélène*. Arrivés là, et après avoir cherché avec le cocher, un cabaretier et un maçon une demi-heure, Emma nous dit que c'est à *S. Etienne*, nous allons; après quelques heures de voyage par des montagnes nous arrivons — un jardin magnifique. Une vue encore plus magnifique. La maîtresse ⟨de la maison⟩*, avertie dès le matin, nous attend, donne des fleurs aux enfants, propose un petit verre de lait de chèvre à moi... enfin je demande à voir la maison, la maîtresse dit qu'elle n'est pas encore *tout-à-fait* arrangée.— Nous disons que ce n'est rien, et nous allons. Figure-toi ma stupéfaction, lorsque je vois une 20 de maçons travaillant au rez-de-chaussée d'une maison *in spe*.— La maîtresse me dit avec la plus grande sûreté qu'elle pense finir la maison vers le mois d'octobre 1851 — et qu'on travaille déjà 3 mois. Edifié de cet édifice futur, j'ai mis fin aux recherches — on ne peut mieux trouver. Je te dis que c'est magnifique (quoique un peu sale; que veux-tu — l'Italie n'est pas Hollandaise)[1].

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 30 июня ⟨1850 г.⟩

Это письмо уйдет только завтра; я опоздал.— Ничего нового, на левой руке у меня препротивный нарыв, и мы с Эммой нашли великолепный дом, который, может быть, я сниму. То есть великолепный не в смысле роскоши, а в смысле местоположения. Рядом есть другой, который мог бы занять ты, вот план:

* Рукопись повреждена, и взятые в угловые скобки слова читаются предположительно.—*Ред.*

В доме, который я выбрал, есть третий этаж, но грязноватый. 200 фр⟨анков⟩ в месяц. За другой дом спрашивают 120. Однако я остаюсь еще на месяц в гостинице и советую Эмме тоже остаться,— дешево до унизительности.

Эмма тоже немало потрудилась, чтоб отыскать для нас дом; я не могу отблагодарить ее более достойно, чем рассказав тебе, каким странным образом она принялась за это дело. Она обошла все дома, которые мы снять не можем, ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩, расположенные на горе, где нужно держать 50 слуг и 25 мулов; такой дом с конюшнями и 40 спальнями снимал лорд Девоншир, плативший 15 000 за лето.

Эмма водила нас по всем этим домам, заявляя затем: «Вы видите, что это вам не подходит». Так как город невелик, мы поняли, что остальные—именно те, среди которых надобно искать. Но венец всего — это вчерашние поиски. Эмма объявила нам, что нашла нечто великолепное, и мы отправляемся в *Сент-Элен*; прибыв туда, после получасовых поисков с помощью кучера, трактирщика и каменщика, мы узнаем от Эммы, что это не здесь, а в *Сент-Этьене*. Отправляемся туда и после нескольких часов путешествия по горам, прибываем — великолепный сад. Еще более великолепный вид. Хозяйка дома, предупрежденная с утра, ожидает нас, дарит детям цветы, а мне предлагает стаканчик козьего молока. Наконец, я прошу показать дом, хозяйка отвечает, что он еще *не совсем* отделан. — Мы говорим, что это пустяки, и идем. Вообрази мое изумление, когда я увидел десятка два каменщиков, возводивших первый этаж дома in spe*.— Хозяйка с глубочайшей уверенностью заявила мне, что она думает закончить дом к октябрю 1851 года и что работы ведутся уже 3 месяца. Вид этого неоконченного здания убедил меня, что надо положить конец поискам — лучшего не найти. Говорю тебе, это великолепно (хотя и грязновато, но что поделаешь, Италия— не голландка)[1].

[1] В этом доме, принадлежавшем домовладельцу Сю, Герцены вскоре и поселились.

119

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Le 7 juillet ⟨1850⟩. Nice

Donc vous tous, y compris *unseren zarten Mozart-Reichel und Moritz Reichel*, vous n'avez pas eu assez de perspicacité pour vous être aperçus qu'il y avait une lettre perdue[1]. Et pourtant vraiment il ne fallait pas de génie d'invention pour comprendre que la première lettre de Nice *devait* commencer par quelques mots sur l'arrivée.— Mais comme tu aimes à gronder, tu nous grondes pour la poste, tu me grondes pour les enveloppes même et les adresses. Le climat de Zurich agit mal sur tes nerfs.

* будущего дома (лат.).

La correspondance languit par manque de franchise de ta part. On n'écrit pas lorsqu'on attend tous les jours un homme; d'après tes lettres à Paris, j'étais sûr de te rencontrer ici deux, trois jours après mon arrivée. C'est ainsi qu'Emma t'attendait aussi. Je ne puis m'imaginer que la cause qui te retient se soit produite après notre départ de Paris. Donc tu savais bien, en nous poussant de deux mains à Nice, que tu n'y arriverais pas encore de si tôt. Moi j'ai perdu tout intérêt à écrire des lettres. La solitude est un peu exagérée ici, je voudrais de tout mon cœur te voir à Nice, mais je n'insiste pas, et je te jure que ce n'est pas un sentiment d'indifférence, mais ma profonde vénération pour la liberté de mes amis.— Ensuite il m'est impossible de ne pas te faire un reproche: pourquoi laisses-tu donc Emma t'attendre tous les jours? Pour moi je sais que cela me serait mille fois plus amer qu'une séparation de six mois. Ce qu'il y avait de dégoûtant dans ma dernière existence à Paris, c'était l'incertitude, mais une incertitude qui ne dépendait pas de moi; dès que le temps était venu (d'après ma conviction), j'ai su prendre une résolution. Prends en au moins pour dire, à peu près, que tu viendras au mois d'octobre... de mars... je ne sais quand, mais qu'on cesse de t'attendre chaque jour lorsqu'il n'y a pas de lettre.

As-tu écrit concernant Bac⟨ounine⟩; je te prie — écris un seul mot, par rapport aux hommes arrêtés — et cite l'exemple de Salvotti que j'ai cité [2].

J'ai écrit une petite notice sur le développement du libéralisme et de l'opposition dans la littérature russe [3]. Cela doit être très intéressant par les faits. Mais je suis absolument sans livres, apporte-moi l'ouvrage de Melgounoff *Bilder aus der russischen Literatur v⟨on⟩ König — n'oublie pas*[4].

L'article pour Kolatsc⟨hek⟩ est traduit par Emma[5]. Mais je ne sais pas si le nouveau article *Sur la littérat⟨ure⟩* ne serait ⟨pas⟩ plus à sa place dans son journal. Haug m'a écrit de Kiel d'un article de Hauenschild concernant ma brochure — l'as-tu?[6]— J'ai lu le 1 volume de Fallmerayer [7]. C'est un homme de beaucoup d'esprit, d'une érudition immense, il connaît l'histoire russe mieux que nous autres, mais il s'arrête trop sur les descriptions de la nature, des pages entières de Bernardin ⟨de⟩ St. Pierre.

Réclame la lettre perdue, tu peux dire à la poste que tu as un avis sûr que deux lettres ont été expédiées (une à m-me Haag) *le 24 juin de Nice.*

Melg⟨unoff⟩ könnte sagen, wo Ogareff ist und ob er keine Hoffnung hat hierher zu kommen; dann müßte man ihm d⟨as⟩ Mikroskop schicken.

Перевод:

7 июля ⟨1850 г.⟩. Ницца

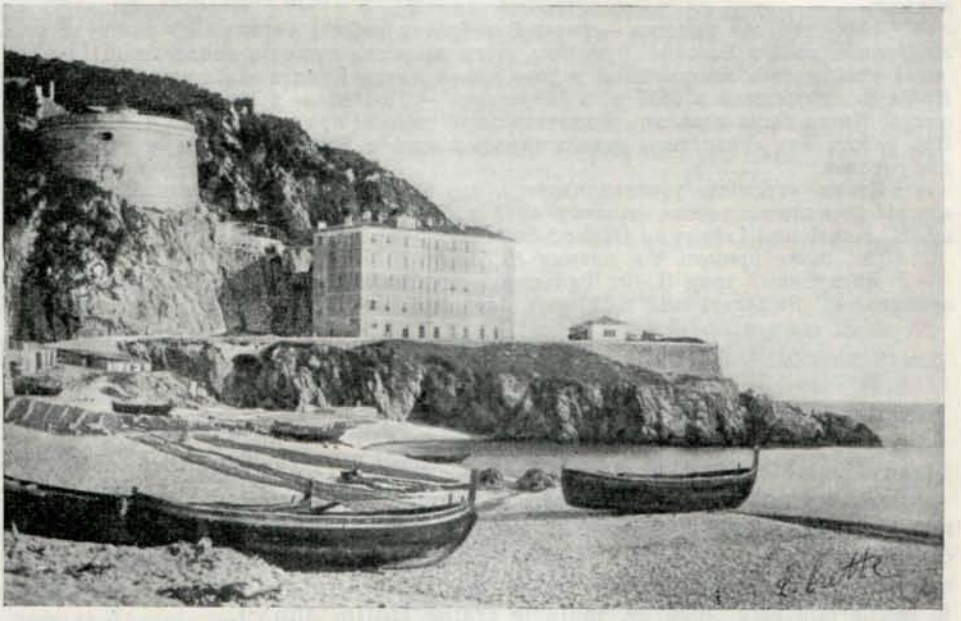
Итак, ни у кого из вас, в том числе и у unseren zarten Mozart-Reichel und Moritz Reichel*, не хватило проницательности, чтобы заметить потерю одного письма[1]. Но, право же, не нужно обладать особым воображением, чтобы понять, что первое письмо из Ниццы *должно было* начинаться несколькими словами по поводу приезда. Но поскольку ты любишь браниться, ты бранишь нас за неаккуратность почты, бранишь меня даже за конверты и адреса. Цюрихский климат вредно действует на твои нервы.

Наша переписка замирает из-за недостатка искренности с твоей стороны. Не стоит писать, когда ждешь человека со дня на день; судя по твоим письмам в Париж, я был уверен, что увижу тебя здесь через два-три дня после моего приезда. Тогда же ждала тебя Эмма. Не могу себе представить, чтобы причина, удерживающая тебя теперь, возникла после нашего отъезда из Парижа. Стало быть, когда ты настойчиво гнал нас в Ниццу, ты отлично знал, что сам не приедешь туда так скоро. Что до меня, то я потерял всякий интерес к писанию писем. Здесь, пожалуй, уж чересчур уединенно, я от всей души желал бы видеть тебя в Ницце, но я не настаиваю и клянусь, что это не

* нашего нежного Моцарта-Рейхеля и Морица Рейхеля (нем.). В подлиннике каламбур: «zart» (нежный) и «Mozart».

из равнодушия, а из глубокого уважения к свободе своих друзей. Наконец, не могу и не высказать тебе упрека: зачем ты заставляешь Эмму ждать тебя всякий день? Я знаю, что для меня это было бы в тысячу раз горше, чем разлука на полгода. В последнее мое пребывание в Париже всего противней была неопределенность, но эта неопределенность не от меня зависела. Как только (на мой взгляд) время пришло, я сумел принять решение. Решай же и ты, и хоть приблизительно скажи, когда приедешь — в октябре, в марте, — не знаю когда, но пусть перестанут ждать тебя каждый день, раз от тебя нет письма.

Написал ли ты о Бак⟨унине⟩? Прошу тебя, напиши же несколько слов о тех, кто арестован, и приведи пример Сальвотти, приведенный мною [2].

НИЦЦА. У ГОРЫ «ШАТО»
Фотография, 1857 г.
Исторический музей, Москва

Я написал небольшую заметку о развитии либерализма и оппозиции в русской литературе [3]. Это должно быть очень интересно благодаря приводимым фактам. Но у меня совершенно нет книг, привези мне работу Мельгунова «Bilder aus der russischer Literatur» v⟨on⟩ König * — *не забудь* [4].

Статья для Колач⟨ека⟩ переведена Эммой [5]. Но не знаю, не подойдет ли больше для его журнала новая статья «О литерат⟨уре⟩». Гауг писал мне из Киля по поводу статьи Хауэншильда о моей брошюре—есть ли она у тебя?[6]—Я прочел первый том Фальмерайера [7], это человек большого ума, огромной эрудиции, он знает русскую историю лучше, чем кое-кто из нас, но он слишком увлекается описаниями природы — целые страницы в духе Бернардена ⟨де⟩ Сен-Пьера.

Потребуй на почте пропавшее письмо, можешь сказать, что имеешь точные сведения о двух отправленных *24 июня из Ниццы* письмах (одно из них — г-же Гааг).

Мельг⟨унов⟩ мог бы сообщить, где находится Огарев и действительно ли нет никакой надежды, что он сюда приедет; тогда нужно было бы послать ему микроскоп.

---

* «Картины из русской литературы» Кёнига (нем.).

[1] Письмо это от 24 июня 1850 г. остается неизвестным.

[2] В статье Герцена о Бакунине, написанной в 1851 г., имеются следующие строки: «„Аугсбургская газета", орган, добровольно поддерживающий венский кабинет, поместила корреспонденции из Праги, в которых говорилось, что множество людей подверглось аресту вследствие важных разоблачений, сделанных Бакуниным. Это мне напоминает историю, которую Андриане рассказывает в своих „Записках государственного преступника".

Сальвотти, имперский инквизитор в Милане, сказал графу Конфалоньери: „Вы упорствуете в молчании, в игре в героизм — прекрасно; но завтра же я прикажу напечатать в газетах, что вы донесли на своих друзей — и вы не найдете никакого средства опровергнуть это". Благородный этот Сальвотти теперь член государственного совета в Вене и занимается итальянскими делами» (изд. АН, т. VII, стр. 360—361). В каком другом сочинении или письме Герцен коснулся этого же эпизода — не установлено.

[3] Вероятно, эта заметка — первый набросок работы Герцена «О развитии революционных идей в России». Рукопись этого наброска остается неизвестной.

[4] Речь идет о нашумевшей в свое время книге Кёнига «Literarische Bilder aus Rußland», вышедшей в 1837 г. в Штутгарте — Тюбингене и переведенной на многие языки. Книга была написана в значительной степени при участии Н. А. Мельгунова. При работе над «Развитием революционных идей в России» Герцен пользовался ею для справок.

[5] Этими строками устанавливается, что переводчиком на немецкий язык статьи «Omnia mea mecum porto», напечатанной в «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben» за 1850 г., была Эмма Гервег.

[6] См. выше примеч. 4 к письму № 88.

[7] Двухтомный труд Я.-Ф. Фальмерайера «Fragmente aus dem Orient» («Отрывки о Востоке»). Stuttgart und Tübingen, 1845.

120

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

10 juillet ⟨1850⟩. Nice

Tu as tellement raison concernant l'inconséquence tragique dans laquelle nous tous *movemur et sumus*, et individuellement tellement raison parlant de moi —que moi-même je ⟨l'⟩ai écrit dans l'*Epilogue* que tu ne connais pas et qui est devenu vieux avant d'être imprimé[1]. (Si Kolatsch⟨ek⟩ le désire, je le lui pourrais envoyer, mais je crains Hoffm⟨ann⟩[2]).

«Et nous, derniers chaînons qui rattachons deux mondes, sans appartenir ni à l'un, ni à l'autre — nous n'avons aucune place aux tables qui sont dressées, nous sommes abandonnés à nos propres forces. Hommes de la négation pour le passé, hommes du doute pour l'avenir, au moins pour l'avenir prochain — nous n'avons ni domaine, ni port, ni travail dans le monde contemporain, nous sommes appelés à donner un témoignage de notre force et de notre complète inutilité.— Que faire donc? — S'en aller, abandonner le monde et commencer une existence nouvelle, donner l'exemple de la liberté individuelle aux autres en s'émancipant des intérêts d'un monde qui va à sa perte? — *Mais sommes-nous prêts à le donner?* Emancipés dans nos convictions, *sommes-nous libres* en réalité? N'appartenons-nous pas, malgré nous, à ce monde que nous détestons et par nos vices, et par nos vertus, par nos passions et par nos habitudes? *Que ferons-nous sur un sol vierge* — nous qui ne pouvons passer une matinée, sans dévorer une dizaine de feuilles publiques. Nous sommes de mauvais Robinsons, il faut l'avouer»[3].— Avec tout cela Bamb⟨erger⟩ avait le droit de dire que «ce n'est pas sérieux», c'est-à-dire que c'est un syllogisme et non une conduite, une pensée et non une résolution. Nous sommes dans la position des pédérastes, ils ont des remords, ils sentent qu'il y a quelque chose de sale dans leur commerce, et trahissent la raison (se dégradent donc à leurs propres yeux) ne pouvant résister à un entraînement habituel,— pour nous cet antre de corruption c'est la politique. Mais, parbleu, nous ne sommes ni morts, ni trop vieux, un grand pas vers *le sérieux* est fait par le changement de l'existence.

J'ai terminé le 1 vol⟨ume⟩ de Fallmerayer[4]. Je comprends que la lettre à Mazzi⟨ni⟩[5] doit lui plaire encore plus que la tienne. C'est son idée à lui aussi, que Byzance sera le centre d'un monde gréco-slave. Mais il y a des fautes énormes chez lui, il juge d'après l'Anatolie et les chrétiens de Byzance le peuple russe. Il parle de la haine contre l'analyse et le scepticisme des chrétiens Orientaux, de leur mutisme complet. Tout cela n'existe pas en Russie. Le Russe est idolâtre, froid, lorsqu'il n'est pas civilisé. Avec la civilisation la première chose qui tombe c'est la religion. La noblesse russe est matérialiste, voltairienne. Moi je suis prêt à lui écrire sur ce thème[6]. Encore une faute, il ne tient pas compte de la révolution de Pierre le Gr⟨and⟩. Le tzarisme était à Moscou effectivement byzantin; la pompe, l'extérieur, l'indolence, l'absolutisme muet, la ferveur religieuse — tout cela était de Constantinople.— Mais Pétersb⟨ourg⟩ a jeté tout cela à tous les diables.— Pierre le Grand qui allait la nuit ivre-mort, entouré de ses ministres, avec un tambour battre le rappel par les rues, Pierre I marié à une garce de Reval — a terminé complètement l'époque byzantine. Il a commencé l'empire athée, militaire, aucune religion — à l'exception de la religion *de l'État*, tout pour l'Etat. Nicolas voudrait bien retourner — mais que faire avec la noblesse qui est entièrement conséquente aux principes de Pierre I?

Fallm⟨erayer⟩ termine par une allocution aux rois d'Europe de se préparer à la grande lutte avec le monde gréco-russe — *e tanto poco tedesco*... la seule allocution qu'on puisse leur faire, c'est de les prier de s'en aller. Point de salut avec ces messieurs.

Dis donc à M. Kolat⟨schek⟩ qu'il m'envoie son journal constamment (Nice, poste restante). Et n'oublie pas l'article de Bamb⟨erger⟩ et celui de Fallmer⟨ayer⟩[7]. Je t'ai dit que j'écris à présent une petite lettre concernant la littérature russe — elle est aux ordres de Kolat⟨schek⟩[8]. Emma a traduit un article que je t'enverrai demain, mais je voudrais l'imprimer ensemble avec l'*Epilogue*, ces deux choses se complètent[9].

A présent de Lœwe[10]. Il faut avoir une permission de Turin pour être officiellement médecin. Mais on n'y regarde pas de trop près si on l'a ou non. On permet d'avoir une pratique chez les étrangers sans permission de Turin. L'été il n'y a pas de pratique. Les Anglais ont deux assassins qui leur fourrent des livres et des kilos de calomel, d'iode, d'arsenic, et d'autres moyens doux dans le genre d'un coup de pistolet tiré à bout portant. Les aborigènes ont deux médecins indigènes qui, effrayés de l'audace des Anglais, ne donnent absolument rien que des bains de mer. Il y a beaucoup d'étrangers chaque hiver — nous ferions des réclames, je réponds pour les Russes radicaux... mais... mais tout cela est chanceux. Tu ne peux pas répondre pour les Allemands — les Allemands sont si scrofuleux qu'ils ne sont jamais ni malades ni bien portants: *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩* Kapp.

Eh bien, jamais James Fazy ne pourra obtenir le prénom anglican de «J'aime sans terre». *Jetzt kann er 2 m⟨al⟩wöchentlich zu den Müttern gehen.— Evviva!* A présent il pourrait bien m'encitoyenner, j'achèterais un mètre de terrain ex-militaire[11].

Adieu. Tu penses qu'Emma ait une volonté de fer... Vous deux vous avez encore des côtés tout à fait enfantins, et l'*immaginativa calda*... j'aime beaucoup Emma, mais je ne me suis pas aperçu d'une volonté de fer. Activité énergique, oui, plus de sens réel que chez toi — cela peut être encore.— Pour aller chez B⟨acounine⟩ il faut encore, outre tout cela, être moins pénétrable, ne pas s'abandonner pour un instant, etc.[12] Au reste on ne parle plus de l'intention de le livrer à Nicolas[13].

Recevez l'expression de mes sentiments.

Перевод:

10 июля <1850 г.>. Ницца

Ты до такой степени прав в отношении трагической непоследовательности, в которой все мы movemur et sumus *, и, в частности, до такой степени прав, говоря обо мне, что я и сам написал это в «Эпилоге», которого ты не знаешь и который, еще не выйдя из печати, успел состариться![1] (Если Колач<ек> хочет, я мог бы его послать ему, но боюсь Гофм<ана>[2].

«А нам, последним звеньям, связующим два мира и не принадлежащим ни к тому, ни к другому, — нам нет места за накрытыми столами, мы предоставлены нашим собственным силам. Люди, отрицающие прошедшее, люди, сомневающиеся в будущем, по крайней мере в ближайшем будущем, — мы не имеем ни угла, ни пристанища, ни дела в современном мире, мы призваны дать свидетельство своей силы и полной своей ненужности.— Что же делать? — Идти прочь, покинуть мир и начать новое существование, явить другим пример индивидуальной свободы, отрешившись от интересов мира, идущего к гибели? — *Но готовы ли мы явить его?* Свободные в своих убеждениях, *свободны ли мы* на деле? Не принадлежим ли мы, вопреки нашей воле, к этому ненавистному нам миру и своими пороками, и своими добродетелями, и своими страстями, и своими привычками? *Что станем мы делать на девственной земле*, мы, которые не можем провести и утра, не проглотив десятка газет. Мы, надо сознаться, плохие Робинзоны» [3].— Все это давало Бамб<ергеру> право сказать, что «это несерьезно», иными словами, что это силлогизм, а не образ действия, мысль, а не решение. Мы попали в положение педерастов — они испытывают угрызения совести, они чувствуют, что в их поведении есть что-то грязное, но поступают вопреки рассудку (роняя себя, следовательно, в собственных глазах), не будучи в силах устоять перед привычным влечением; для нас же вертепом разврата является политика. Но, черт побери, мы еще не мертвы и не слишком стары, большой шаг в сторону *серьезного* сделан переменой жизни.

Я кончил первый том Фальмерайера [4]. Я понимаю, что письмо к Мадд<ини>[5] должно ему нравиться еще больше, чем письмо к тебе. Он тоже разделяет мысль, что Византия станет центром греко-славянского мира. Но он допускает огромные ошибки: он судит о русском народе по Анатолии и христианам Византии. Он говорит об отвращении восточных христиан к анализу, к скептицизму, о полной их безгласности. Ничего этого нет в России. Русский человек остается идолопоклонником, остается равнодушным, пока он не цивилизован. Первое, что рушится с цивилизацией, это религия. Русские дворяне — материалисты, вольтерьянцы. Я готов писать к нему на эту тему [6]. И еще ошибка — он не считается с переворотом, совершенным Петром Вел<иким>. В Москве царизм был действительно византийским; пышность, обличие, апатия, немой абсолютизм, религиозное рвение — все это пришло из Константинополя.— Но Петерб<ург> послал все это ко всем чертям. Петр Великий, отправлявшийся ночью, в окружении своих министров, мертвецки пьяный, бить в барабан, сзывая по улицам сбор, Петр Первый, женатый на ревельской девке,— решительно положил конец византийской эпохе. От него ведет начало атеистическая военная империя — никакой религии, кроме религии *государства*, все для государства. Николаю очень бы хотелось повернуть вспять, но как быть с дворянством, которое всецело придерживается петровских принципов?

Фальм<ерайер> заканчивает, e tanto poco tedesco** кратким призывом к королям Европы готовиться к великой битве с греко-русским миром... но единственный призыв, с которым можно было бы к ним обратиться, это просить их убраться вон. От этих господ нечего ждать спасения.

Скажи же г. Колач<еку>, чтобы он регулярно высылал мне свой журнал (Ницца, до востребования). И не забудь статью Бамб<ергера> и статью Фальмер<айера> [7]. Я говорил тебе, что пишу сейчас небольшое письмо о русской литературе — оно к услугам Колач<ека> [8]. Эмма перевела статью, которую я завтра тебе отправлю, но

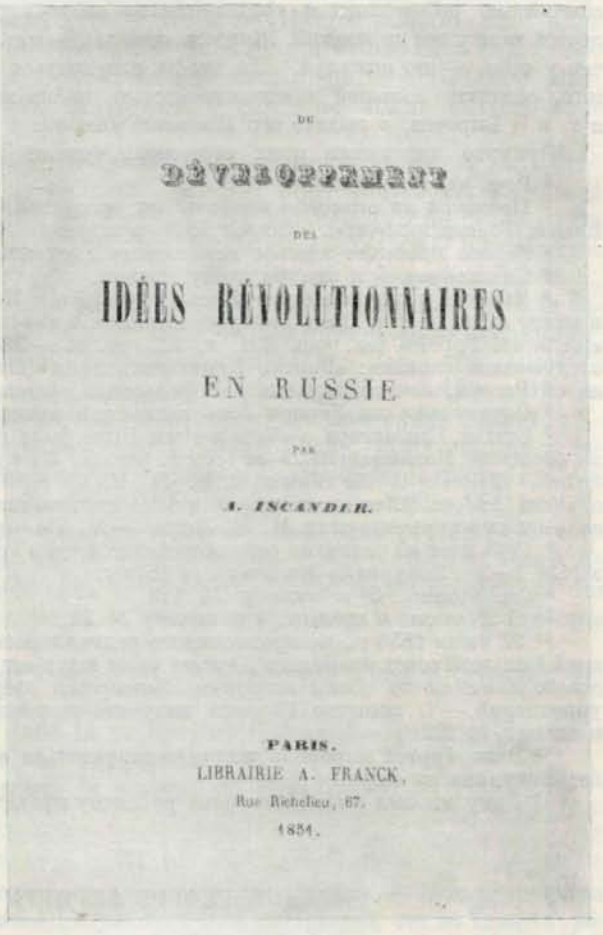
---

* движемся и пребываем (лат.).

** и немножко на немецкий лад (итал.).

ПЕРВОЕ ОТДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ «О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В РОССИИ», ПАРИЖ, 1851.

Книга напечатана в Ницце

DU

DÉVELOPPEMENT

DES

IDÉES RÉVOLUTIONNAIRES

EN RUSSIE

PAR

A. ISCANDER.

PARIS.

LIBRAIRIE A. FRANCK,

Rue Richelieu, 67.

1851.

мне хотелось бы напечатать ее вместе с «Эпилогом» — обе эти вещи дополняют одна другую [9].

А теперь о Лёве[10]. Чтобы официально быть врачом, надо получить разрешение из Турина. Но есть ли оно или нет, — на это смотрят сквозь пальцы. Заниматься практикой среди иностранцев допускается и без туринского разрешения. Летом практики нет. У англичан есть тут двое душегубов, которые пичкают их фунтами и килограммами каломели, иода, мышьяка и прочих нежных средств, действующих вроде пистолетного выстрела в упор. У коренных жителей есть два местных врача; напуганные решительностью англичан, они ничего, кроме морских купаний, не прописывают. Каждую зиму приезжает много иностранцев — мы создали бы рекламу, за русских радикалов я ручаюсь... но... но все же это дело рискованное. За немцев ты не поручишься — немцы такие золотушные, что никогда не бывают ни больны, ни здоровы. Ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩ Капп.

Ну что ж, Джемс Фази никогда не дождется англиканского имени «Джемс безземельный» *. Jetzt kann er 2 m⟨al⟩ wöchentlich zu den Müttern gehen **. Ура! Теперь он вполне мог бы меня огражданить, я купил бы метр земли в бывшей военной зоне [11].

---

* Каламбур: «J'aime sans terre» (люблю без земли) (франц.) фонетически сходно с «James (англ.) sans terre» (франц.— по аналогии с «Jean Sans terre»— Иоанн Безземельный — английский король).

** Теперь он может дважды в неделю посещать матушек (нем.).

Прощай. Ты полагаешь, что у Эммы железная воля. — У вас обоих есть еще много совершенно ребяческого и «immaginativa calda»... * я очень люблю Эмму, но железной воли у нее не заметил. Живость, энергия — не спорю, больше здравого смысла, чем у тебя, — это пожалуй. Но чтобы отправиться к Б⟨акунину⟩, надобно, кроме того, обладать большей непроницаемостью, ни на минуту не терять самообладания и т. п.[12] Впрочем, о выдаче его Николаю уже нет и речи[13].

Примите выражение моих сердечных чувств.

[1] Речь идет об «Эпилоге 1849».

[2] Несмотря на опасение вызвать неудовольствие издательской фирмы Гофман и Кампе, Герцен напечатал «Эпилог 1849» в журнале Колачека, 1851, № 12.

[3] Герцен приводит здесь с некоторыми вариантами отрывок из «Эпилога 1849».

[4] См. примеч. 7 к предыдущему письму.

[5] Имеется в виду открытое «Письмо русского к Маццини», напечатанное Герценом в конце «Vom andern Ufer» и перепечатанное в «Voix du Peuple» и в газете Маццини «Italia del Popolo» (см. изд. АН, т. VI, стр. 224—238). Статья Герцена завершалась следующими словами: «Взятие Константинополя ⟨Николаем I⟩ явилось бы началом новой России, началом славянской федерации, *демократической и социальной*».

[6] Осуществил ли Герцен свое намерение написать Фальмерайеру, неизвестно.

[7] Статья Бамбергера о «Vom andern Ufer» была напечатана анонимно в VII книжке «Deutsche Monatsschrift...» за 1850 г. (см. G. Ziegengeist. Herzen und Kolatschek, «Zeitschrift für Slawistik, B. II, H. 3., S. 371—372). Статья Фальмерайера о «Vom andern Ufer» напечатана в VIII книжке этого журнала за тот же год. См. ее анализ в комментариях М. К. Лемке — V, 534—535.

[8] Речь идет «О развитии революционных идей в России», напечатанном по-немецки в №№ 1—3 и 5 журнала Колачека за 1851 г.

[9] См. примеч. 5 к письму № 119.

[10] О *Лёве* см. в примеч. 4 к письму № 28.

[11] 22 июня 1850 г., по предложению радикального депутата Жака Вейара, женевский Большой совет преподнес Джемсу Фази в дар «от имени народа» 200 туазов земли, освободившейся по обеим сторонам Женевского озера в результате сноса военных укреплений.— О попытке Герцена получить женевское гражданство см. в примеч. 2 к письму № 129.

[12] Эмма Гервег выразила желание отправиться в Прагу, чтоб организовать побег Бакунина из тюрьмы.

[13] Бакунин был выдан Австрией русскому правительству в 1851 г.

121

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

11 juillet ⟨1850⟩. Nice

Avant tout — les faits, ensuite viendra une homélie amicale.— Lorsque j'ai trouvé la maison que nous avons louée[1], j'ai si bien pensé à toi, que j'en étais sûr que vous prendriez le second. Cette maison a déjà été visitée par Emma avant notre arrivée — le second lui déplaisait. Dans toutes les autres il n'y avait aucune possibilité. Devais**-je insister? — Emma cherchait une habitation d'un Nabab des Indes pour 1200 fr⟨ancs⟩ par an. Cela serait la répétition de la rue du Cirque[2]. Elle en est revenue maintenant, voyant que pour ce prix, il est impossible de louer quelque chose de mieux.— L'appartement est vide, à mon avis il est bon, il y a 4 ch⟨ambres⟩ à coucher et un salon. Encore une fois, je n'insistais pas, parce que je voyais d'un côté que l'appart⟨ement⟩ ne plaisait pas à Emma, et de l'autre — pas le moindre désir d'en avoir un dans une même maison. Nous avons cherché tout près ***. Je ne savais pas que traverser une rue ou une ville fût la même chose p⟨our⟩ toi.

Moi, je crois que c'est un pas très grand de fait que j'ai loué cette maison, et que nous l'habiterons avant ton arrivée. D'après ta lettre je prévois que dans le cas contraire, nous aurions la répétition de Veytaud [3].—Moi, je ne me doutais pas le moins **** du monde de cette aversion contre la rue

* пылкое воображение (итал.).

** *В автографе:* devrai.— *Ред.*

*** *В автографе:* prêt.—*Ред.*

**** *В подлиннике:* Moindre.— *Ред.*

Anglaise. Emma a regardé une 50⟨-aine⟩ de maisons, moi de même. Nous n'avons pas même pensé aux maisons près du port avec une puanteur dégoûtante,— de tout ce que nous avons vu les meilleures maisons sont dans le quartier Anglais, avec des jardins et des vues magnifiques. Cela commence à te déplaire — l'appartement, c'est assez probable, ne te plaira non plus, il faut y penser à présent, pour ne pas en parler une année entière tous les jours.

A présent, puisque la chose est terminée pour nous, tu auras au moins le bon goût et l'humanisme de trouver que c'est bon, que ça va. Et quant à toi, l'appartement restera vide jusqu'à ton arrivée.— Emma a voulu 2 secondes après ta lettre courir là-bas, arrêter, contracter, déménager. Cela n'est pas mon avis — tu n'as pas le caractère ni assez accommodant, ni même assez tempérant pour ne pas nous punir ensuite. Et faut-il te le dire, cela m'ennuie; faut-il donc s'arrêter dans la vie devant chaque chambre, rue, plat, sauce, *mit Grübeleien*, faut-il donc attacher des poids énormes à chaque pas, lorsque nous en portons assez sur les épaules.— Il y aura des inconvénients, je te le prédis; ces inconvénients ont une cause palpable — l'état financier, si tu pouvais le changer, autre chose, mais comme c'est assez impossible — *Mut des Lebens*, et *vorwärts*, en secouant la poussière des bottes — sans dépenser ni colère, ni nerfs.— Voilà l'homélie. Si tu pouvais lire au fond de mon âme, avec quel désintéressement profond je voudrais, pour vous (sans même parler relativement à moi) que les roues de l'existence soient plus graissées chez vous, et que le sabot des caprices et des petites misères ne les arretât point. C'est toujours une mouche dans une coupe.

Tu vois que je suis fort sur l'allégorie, j'ai quelque chose d'oriental, depuis qu'Edmond est allé — au Sud.

Aujourd'hui nous allons dans la vallée de St. André — première journée possible — c'est à dire, chaleur supportable.

Compliments et saluts à toute la maison de l'oiseleur[4].

Перевод:

11 июля ⟨1850 г.⟩. Ницца

Сначала — факты, затем последует дружеское наставление. — Когда я нашел дом, который мы сняли [1], я, конечно, подумал о тебе и был уверен, что вы займете третий этаж. Но Эмма осматривала уже этот дом до нашего приезда — третий этаж ей не понравился. В остальных устроиться невозможно. Следовало ли мне настаивать? — Эмма искала за 1200 фр⟨анков⟩ в год дворец индийского набоба. Это было бы повторением улицы Cirque [2]. Теперь она раздумала, увидев, что за подобную цену невозможно нанять что-либо лучшее. — Помещение пустует, по-моему оно хорошее, там есть четыре спальни и гостиная. Повторяю, я не настаивал, ибо, с одной стороны, видел, что кварт⟨ира⟩ не нравится Эмме, а с другой, — что у нее нет никакого желания снимать квартиру в том же доме. Мы искали где-нибудь поблизости. — Я не знал, что для тебя перейти улицу или пройти через весь город — одно и то же.

Я же считаю очень удачным шагом, что снял этот дом и что мы поселимся в нем до твоего приезда. Судя по твоему письму, я предвижу, что в противном случае нам грозило бы повторение Вето [3]. Я же меньше всего подозревал о таком отвращении к rue Anglaise. Эмма осмотрела домов 50, я тоже. Дома близ порта, с его отвратительным зловонием, нам и в голову не приходили. Самые лучшие из всех, что мы видели,— в английском квартале, с садами и великолепными видами. Все это начинает тебе не нравиться — квартира, весьма возможно, тебе тоже не понравится. Нужно сейчас подумать хорошенько, чтобы после не говорить об этом целый год изо дня в день.

Надеюсь, что теперь, когда для нас вопрос решен, у тебя хватит, по крайней мере, вкуса и гуманности согласиться, что это неплохо, что это сойдет. А что касается тебя, то квартира останется не занятой до твоего приезда. Получив от тебя письмо, Эмма

уже через 2 минуты готова была туда бежать, снимать, заключать контракт, переезжать. Я другого мнения — ты не так покладист, даже не так сдержан, чтобы не казнить нас потом. Надо ли говорить, как это мне надоело? Нужно ли в жизни останавливаться mit Grübeleien*, перед каждой комнатой, улицей, блюдом, соусом; нужно ли на каждом шагу подвязывать к ногам тяжелый груз, когда его и на плечах достаточно? — Неудобства будут, говорю тебе наперед, и причина их очевидна — это финансовое положение. Если бы ты мог его изменить, другое дело, но так как это почти невозможно, то вооружись Mut des Lebens** и vorwärts ***, отряхнув прах со своих сапог, не растрачивая ни своего гнева, ни нервов.— Это и есть наставление. Если бы ты мог прочесть в тайнике моей души, с каким глубоким бескорыстием я желаю вам (говоря даже безотносительно к себе самому), чтобы колеса вашей жизни были лучше смазаны, чтобы капризы и безделицы не служили им тормозом и не останавливали их. Ведь это как муха в бокале вина.

Видишь, сколь я силен в аллегориях, во мне появилось что-то восточное с тех пор, как Эдмон отправился на юг.

Сегодня мы едем в долину С⟨ент⟩-Андрэ — первый сносный день, то есть жара терпима.

Приветы и поклоны всему дому птицелова[4].

[1] Дом Сю.

[2] На улице Cirque в Париже помещалась роскошно обставленная квартира Гервегов.

[3] Герцен напоминает о даче, снятой Н. А. Герцен в Вето.

[4] Гервег жил в Цюрихе у домовладельца Фогеля, фамилия которого в переводе с немецкого означает «птица».

122

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 13 juillet ⟨1850⟩

Tu es malade ou tu deviens un peu troglodyte, ce qui n'est pas étonnant à Zurich, on ne peut pas devenir trop... glodyte demeurant face à face avec Schibel — pourquoi donc cette longue histoire, ces récriminations, pour la maison, et pourquoi ce manque de confiance? Moi, à ta place, j'aurais dit: «*Certes il y a une cause* qu'ils n'ont pas pris les appartements dans une même maison, il faut s'arranger de manière à avoir un appart⟨ement⟩ tout près». Toi, tu te penses abandonné et je ne sais quoi, tu veux rester à Zurich, aller à Genève, je ne sais où. Tu ne feras rien de tout cela, j'ai plus de confiance en toi qu'en tes paroles — mais pourquoi faire ces alarmes? Et Emma s'est habituée à cela, et vous vous tourmentez par une surexaltation nerveuse — je commence même à soupçonner que cela vous fait plaisir,— ces désespoirs, ces paroles atroces, ces résolutions qui ne s'exécuteront jamais.— Mais le comble de l'injustice, c'est l'inculpation que tu me fais, à moi.

Moi j'étais le seul qui dès le premier jour — jusqu'au 13 juillet — n'avait qu'une opinion, qu'il fallait prendre une maison ensemble... Sans parler de l'évidence que dans nos relations, étant dans une ville étrangère, il faut être réunis, je prenais pour une folie de tenir deux maisons, lorsqu'on peut tenir une. La première fois lorsque j'étais dans la maison de Sue, j'ai regardé les 2 étages. Le 2 n'a pas plus à Emma — *primo* (et je le comprends de tout mon cœur), elle ne peut se faire encore aux 2000 Tal⟨ers⟩. Je voyais avec grande tristesse que ses recherches n'aboutirent à rien; ce n'était pas à moi de dire: «Vous cherchez des logements trop chers pour vous»— c'était à elle d'y penser. *Secondo.*— Tu es un grand psychologue. Mais cela n'empêche en rien de faire des appréciations irréelles — en quoi, par quoi

* в раздумье (нем.).

** жизненным мужеством (нем.).

*** вперед (нем.).

as-tu vu qu'Emma voulait demeurer dans une même maison? Je ne le crois pas. Elle a un exclusivisme, très compréhensible du reste, et un exclusivisme nourri en elle non seulement par l'amour pour toi, mais aussi par un amour propre un peu napoléonien.— Elle nous aime, j'en suis si sûr, si convaincu, que si un jour elle me disait le contraire, je ne le croirais pas. Mais pour elle, vivre sous un même toit ou sous deux, est une question secondaire. A présent, en véritable orthodoxe docile, elle le désire[1].— Pourquoi n'as-tu pas pensé à tout cela, avant de lancer tes flèches de Vatican d'Oberschönenberg? Je ne t'en veux pas pour tes doutes — je sais tout ce qu'il y a d'amitié même dans le doute. Mais finissons en avec ces scènes de jeunes filles qui se querellent pour se réconcilier. J'adore la sérénité dans la vie. Sous ce rapport je pourrais citer l'harmonie réelle, c'est-à-dire pratique, qui existe entre moi et Natalie — les grandes questions individuelles sont terminées entre nous — il y a un calme de confiance et de confiance qui n'est pas enfin troublé par les petites disputes qu'on peut avoir tous les jours. Nous pourrions passer cette année à Nice d'une manière magnifique — à qui sera la faute si nous ne le faisons pas.— C'est un fardeau immense que d'éduquer tous les côtés de l'âme jusqu'à cette irritabilité qui fait crier «au feu» à la première appréhension — n'avons-nous pas assez de malheurs non inventés?

Pourquoi louer une maison pour 10 mois?—*Solution*. Parce qu'à Nice celui qui voudrait prendre non par saisons, mais par mois payerait le double, et celui qui prend pour l'hiver — paie très peu le reste. Et comme en général la vie provisoire coûte plus cher, j'ai conseillé de louer non seulement pour 10, mais pour 12 mois. Ce qui été fait — plus de papier. Adieu.

Перевод.

<Ницца.> 13 июля <1850 г.>

То ли ты болен, то ли становишься немного троглодитом — в Цюрихе это неудивительно: находясь бок о бок с Шибелем, слишком... глодитом стать невозможно * — к чему же эта длинная история, эти обиды из-за дома, и почему такое недоверие? — На твоем месте я бы сказал: «*Наверное, есть причина*, почему не сняли квартиру в одном и том же доме, надо устроить так, чтобы найти квартиру поблизости». А ты считаешь, что тебя бросили и не знаю что еще, ты хочешь остаться в Цюрихе, поехать в Женеву, не знаю еще куда. Ничего этого ты не сделаешь, я больше доверяю тебе самому, чем твоим словам, но к чему бить тревогу? А Эмма уже привыкла к этому, и вы мучаете себя нервозной сверхэкзальтацией — я даже начинаю подозревать, что все это — и взрывы отчаяния, и жестокие слова, и решения, которые никогда не будут выполнены,— доставляет вам удовольствие. Но верх несправедливости — это обвинение, брошенное мне.

Только я один с первого же дня — по 13-е июля — был того мнения, что надобно снять дом сообща... Не говоря уже о том, что при наших отношениях, находясь в чужом городе, нам, совершенно очевидно, нужно быть вместе,— я считал безумием держать два дома, если можно держать один. Когда я был в доме Сю в первый раз, я осмотрел оба этажа. *Primo*, третий этаж Эмме не понравился (я всем сердцем ее понимаю), она еще не привыкла довольствоваться 2000 талерами. Я с глубоким огорчением предвидел, что ее поиски не приведут ни к чему, но не мне же было говорить: «Вы ищете квартиры, слишком для вас дорогие» — она сама должна была об этом думать. *Secondo*, ты великий психолог, но это нисколько не мешает тебе делать самые невероятные оценки. Где, в чем ты усмотрел, что Эмма хотела поселиться в том же доме? Я этого не думаю. В ней живет дух исключительности, вообще говоря очень понятный, дух исключительности, питаемый не только любовью к тебе, но и самолюбием, чуть-чуть наполеоновским. Она нас любит, я в этом так уверен, так убежден, *что если б она когда-нибудь сказала мне обратное, я б этому не поверил. Но для* нее жить с нами под одной или под разными крышами — вопрос второстепенный.

* Каламбур: первый слог слова «troglodite» и «trop» (много, слишком) по-французски звучат одинаково. Противопоставляется слову «peu» (немного).

Теперь она как истая и послушная правоверная этого уже хочет[1]. Почему ты не подумал об этом прежде чем метать ватиканские стрелы из своего Верхнекрасногорья? Я не сержусь на тебя за твои сомнения, я знаю, сколько дружбы кроется даже в сомнении. Но давай покончим со сценами, приличествующими молоденьким девушкам, которые ссорятся для того, чтобы мириться. В жизни я страстно люблю ясность, в этом отношении я мог бы сослаться на подлинную, иначе говоря, действительную гармонию, существующую между мной и Натали — большие вопросы личного порядка между нами решены, у нас воцарился покой, покой, основанный на доверии, и те мелкие разногласия, которые могут возникать в повседневной жизни, уже не в силах нарушить это доверие. Мы могли бы чудесным образом провести в Ницце нынешний год—кто будет виноват, если мы этого не сделаем? — Довести себя до той степени душевной возбудимости, когда при малейшем испуге начинаешь кричать «пожар», — значит взвалить на себя огромное бремя: разве у нас мало несчастий, чтобы их еще придумывать?

Почему надо снимать дом на 10 месяцев? *Ответ.* Потому что тот, кто пожелает снять в Ницце дом не посезонно, а помесячно, заплатит вдвое, тот же, кто снимает на зиму, платит за оставшиеся месяцы совсем немного. А так как обычно временное пребывание обходится дороже, я посоветовал снять не только на 10 месяцев, но на год, что и было сделано. — Бумага кончилась. Прощай.

[1] Эмма Гервег, охваченная чувством ревности, которое она скрывала от Герцена, старалась предотвратить совместную жизнь ее мужа под одной крышей с Н. А. Герцен. Однако отсутствие достаточных материальных средств для найма подходящего отдельного дома принудило ее все же переехать в дом Сю, снятый Герценом. См. об этом подробнее ниже, в нашем обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегу.

123

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 15 juillet ⟨1850⟩

L'ultima lettera a Zurigo.

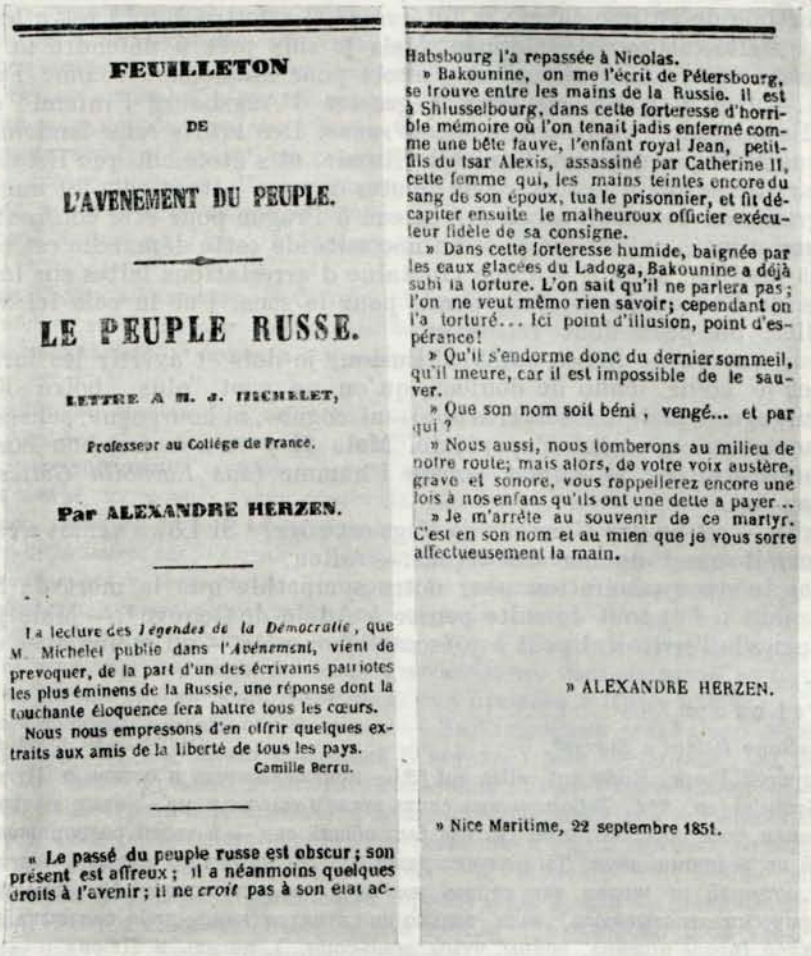
Cher Georges, *Ende gut, alles gut* — viens ici et laisse à Zurich toutes les *Grübelei en*⟩. Tu as voulu un étage dans la même maison — tu l'as, tu as voulu un jardin commun, tu en as un comme deux. Tu as même plus ce que tu as voulu — la rue Anglaise que tu n'as pas voulue; eh bien va prendre une place dans la diligence. Moi je refuse complètement, sans intervention de force majeure (comme incendie, guerre, peste, démo-socie...) d'écrire à Zurich.

Ma femme m'a lu ta dernière lettre — elle devait le faire, cela serait presque une trahison de ne pas me faire part de tes doutes étranges sur mon compte. J'en étais profondément chagriné.— Mais qu'as tu donc, *caro mio*, tu prends mes reparties, mes intolérances, enfin mes impatiences pour une preuve que moi j'ai quelque rancune contre toi. Tu es dans l'erreur la plus profonde. Tout ce que j'avais sur le cœur, je l'ai écrit[1], je l'ai écrit le même jour — mais je n'avais pas de rancune. Et pourquoi — suis-je fou? Quelle dose de dureté ingrate tu devais me supposer — non, non, tu n'y crois non plus.

Vous avez un mauvais laps de chemin à passer, j'ai cru qu'il ne fallait pas augmenter par des maux fantastiques des maux véritables.— Depuis mon arrivée à Paris, je répétais la même chose.— Laissons cela — à quoi bon ce rôle d'ami perroquet, d'ami aumônier — quelque chose restera, tu y penseras quelquefois. Quand je regarde cette agitation, que ta correspondance soutient entre Emma et toi—faut-il de le dire, un sourire me vient sur les lèvres, en pensant qu'au commencement de l'hiver j'en étais aussi agité... En attendant, ni toi, ni elle ne pensent, en verité, à une nécessité très prosaïque de fixer votre manière de vivre, le peu d'argent s'en va dans ce trouble, dans cette agitation stérile. Comment palper à chaque instant, mettre en question à chaque lettre toutes les bases de votre existence?

Je ne m'approche pas trop légèrement des hommes, mais une fois lié avec eux, je tiens cela pour un fait, le jeux de Gretchen — «*liebt mich, liebt mich nicht*» — n'était possible qu'au commencement — chez vous cela continue.

Subjectivement j'étais souvent froissé par ce que j'ai appelé dans une de mes dernières lettres l'intempérance du style[1]. Je trouve qu'il y a quelque

FEUILLETON

DE

L'AVENEMENT DU PEUPLE.

LE PEUPLE RUSSE.

LETTRE A M. J. MICHELET,

Professeur au Collége de France.

Par ALEXANDRE HERZEN.

La lecture des *Légendes de la Démocratie*, que M. Michelet publie dans l'*Avénement*, vient de prevoquer, de la part d'un des écrivains patriotes les plus éminens de la Russie, une réponse dont la touchante éloquence fera battre tous les cœurs.

Nous nous empressons d'en offrir quelques extraits aux amis de la liberté de tous les pays.

Camille Berru.

« Le passé du peuple russe est obscur; son présent est affreux; il a néanmoins quelques droits à l'avenir; il ne *croit* pas à son état accablant de leste de traiter tout de suite son ami en goujat. Comprends-tu que c'est la même chose que de flétrir l'amour d'une femme en lui reprochant l'infidélité—à tort et à travers. On peut dire que c'est de l'amour outré, mais... mais... j'aime avec fanatisme l'indépendance, même dans les affections.

Habsbourg l'a repassée à Nicolas.

» Bakounine, on me l'écrit de Pétersbourg, se trouve entre les mains de la Russie. Il est à Shlusselbourg, dans cette forteresse d'horrible mémoire où l'on tenait jadis enfermé comme une bête fauve, l'enfant royal Jean, petit-fils du tsar Alexis, assassiné par Catherine II, cette femme qui, les mains teintes encore du sang de son époux, tua le prisonnier, et fit décapiter ensuite le malheureux officier exécuteur fidèle de sa consigne.

» Dans cette forteresse humide, baignée par les eaux glacées du Ladoga, Bakounine a déjà subi la torture. L'on sait qu'il ne parlera pas; l'on ne veut même rien savoir; cependant on l'a torturé... Ici point d'illusion, point d'espérance!

» Qu'il s'endorme donc du dernier sommeil, qu'il meure, car il est impossible de le sauver.

» Que son nom soit béni, vengé... et par qui?

» Nous aussi, nous tomberons au milieu de notre route; mais alors, de votre voix austère, grave et sonore, vous rappellerez encore une fois à nos enfans qu'ils ont une dette a payer...

» Je m'arrête au souvenir de ce martyr. C'est en son nom et au mien que je vous serre affectueusement la main.

» ALEXANDRE HERZEN.

» Nice Maritime, 22 septembre 1851.

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СТАТЬИ ГЕРЦЕНА «РУССКИЙ НАРОД И СОЦИАЛИЗМ. ПИСЬМО К Ж. МИШЛЕ». ПОЯВИЛАСЬ ПОД ЗАГЛАВИЕМ «РУССКИЙ НАРОД» В ГАЗЕТЕ «L'AVENEMENT DU PEUPLE» ОТ 19 НОЯБРЯ 1851 г.

«Пражская коллекция»

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Donc. Prends une place dans la diligence.— Aujourd'hui c'est le 15. Le 1 août nous serons installés dans la maison Sue — je te donne cette quinzaine, pas plus.

Ordre du jour donné sous les Alpes Maritimes.

Il 15 luglio

Merci pour les renseignements. Rotsch⟨ild⟩ m'a proposé encore à Paris l'emprunt piémontais, je n'ai pas voulu. Je prendrai, au reste, des notes. Il ne vous donnera jamais les 3%. Mais à quoi bon se presser, à présent cette affaire a perdu tout l'intérêt; l'argent est sauvé, de manière ou d'autre on pourra le placer.— Bamberger qui a pris des renseign⟨ements⟩ à Londres ne conseille que l'Amérique.— Nous verrons.

L'article de Fallmer⟨ayer⟩ m'intéresse[2]. La lettre à toi[3] est attaquable parce qu'elle est peu développée. Mais je suis prêt à défendre la pensée dirigeante avec acharnement et respect pour un homme comme Fall⟨merayer⟩.— J'ai lu *moi-même* dans la gazette d'Augsbourg l'infamie concernant Bacounine et voilà comment. «*Prague*. Des bruits sans fondement disent que B⟨acounine⟩ sera livré à la Russie, et s'étonnent que l'Autriche a pris sur elle le rôle d'exécuteur de hautes œuvres — tout cela est une invention grossière. B⟨acounine⟩ a été amené à Prague pour être confronté avec d'autres accusés politi⟨ques⟩.— La nécessité de cette démarche est complètement justifiée, déjà il y a une vingtaine d'arrestations faites sur les dépositions de B⟨acounine⟩». Je reponds pour le sens, j'ai lu cela ici vers le 1 juillet, on peut donc retrouver.

Pour que tu ne fasses point d'illusion, je dois t'avertir les larmes au yeux et le cœur fendu de douleur, qu'on ne peut plus boire du vin de Bourgogne (quoiqu'il soit très bon)—ni cognac, ni bourgogne, cela échauffe tellement, qu'on craint l'apopléxie. Mais il y en a de tres bon bordeaux, et, chose étrange, le climat pousse l'homme (*das Ebenbild Gottes*) — au bordeau ici.

Enfin — est-ce que l'arrivée de Vogt est sûre?[4] Si Löwe venait avant lui, il pourrait aussi donner des leçons.— Adieu.

J'ai lu avec vénération pour notre sympathie que la mort de Sir R. Peel[5] nous a fait tout de suite penser à Adèle de Genève[6].— Mais je crois que James le Territorial peut à présent la consoler — au moins avec du gravier[7].

Перевод:

*L'ultima lettera a Zurigo**. ⟨Ницца.⟩ 15 июля ⟨1850 г.⟩

Дорогой Георг, Ende gut, alles gut ** — приезжай сюда и оставь в Цюрихе все свои Grubelei⟨en⟩ ***. Тебе хотелось снять этаж в том же доме — этаж в твоем распоряжении, тебе хотелось, чтоб у нас был общий сад — в твоем распоряжении сад, равный по величине двум. Ты получил даже больше того, чего желал,— Английскую улицу, которой не желал, так садись же поскорее в дилижанс. Что до меня, то я категорически отказываюсь, если только не случится какое-либо чрезвычайное происшествие (вроде пожара, войны, чумы, демо-соци...), писать в Цюрих.

Моя жена прочла мне твое последнее письмо — она должна была это сделать: не сообщить мне о твоих странных сомнениях на мой счет было бы почти предательством. Они меня глубоко огорчили. — Но что с тобой, caro mio, ты принимаешь мои возражения, мою нетерпимость, наконец, мое нетерпение за доказательство того, что я затаил какую-то обиду на тебя. Ты глубоко ошибаешься. Обо всем, что у меня на сердце, я написал, написал в тот же день, но никакой обиды я не затаил. Да чего ради, разве я сумасшедший? Сколько же черствой неблагодарности ты должен был предполагать во мне — нет, нет, ты сам этому больше не веришь.

Впереди у вас трудные времена, я полагал, что не надобно прибавлять к действительным неприятностям несуществующие. С самого моего приезда в Париж я повторял одно и то же. Оставим это, к чему играть роль друга-попугая, друга-исповедника,— кое-что в памяти сохранится, и ты нет-нет да и задумаешься над этим. Должен при-

---

* Последнее письмо в Цюрих (итал.).
** все хорошо, что хорошо кончается (нем.).
*** раздумья (нем.).

знаться, что, видя возбужденное состояние, в котором твоя переписка с Эммой держит вас, я не могу не улыбнуться, вспоминая, как в начале зимы она и меня приводила в волнение. А пока ни ты, ни Эмма по-настоящему не думаете о весьма прозаической необходимости ввести в определенные рамки свой образ жизни, и небольшие средства тают среди этих душевных тревог, среди этих бесплодных волнений. Можно ли каждую минуту, в каждом письме затрагивать и поднимать все основные вопросы вашего совместного существования?

Я не очень легко схожусь с людьми, но, однажды сблизившись с человеком, я считаю это за совершившийся факт: играть, как Гретхен, в liebt mich, liebt mich nicht* можно только в начале, у вас же это все еще продолжается.

Меня часто коробило то, что я назвал в одном из последних своих писем невоздержанностью стиля [1]. Я нахожу, что как-то легкомысленно обращаться, не задумываясь, с другом, словно с негодяем. Понимаешь ли, это все равно, что надругаться над любовью женщины, упрекая ее ни за что ни про что в неверности. Можно сказать, что это от чрезмерной любви, но... но... я фанатично люблю независимость, даже в привязанностях.

Итак. Садись в дилижанс. — Сегодня 15-е число. 1 августа мы переедем в дом Сю — предоставляю тебе эти две недели, не больше.

Сей приказ дан у подножья приморских Альп.

Il 15 luglio**

Спасибо за сведения. Ротш⟨ильд⟩ предлагал мне еще в Париже пьемонтский заем, я не захотел. Впрочем, я наведу справки. Он никогда вам не даст 3%. Но зачем же торопиться, теперь это дело потеряло всякий интерес, деньги спасены; так или иначе, их можно будет поместить. Бамбергер, который навел спр⟨авки⟩ в Лондоне, советует только американские ⟨бумаги⟩. — Посмотрим.

Статья Фальмер⟨айера⟩ меня интересует [2]. Уязвимое место моего письма к тебе [3] — недостаточная его развернутость. Но при всем уважении к такому человеку, ⟨как⟩ Фаль⟨мерайер⟩, я готов яростно защищать основную идею. — Я *сам* читал в Аугсбургской газете гнусность о Бакунине, а именно: «*Прага*. По недостоверным слухам Б⟨акунин⟩ будет выдан России, и вызывает удивление, что Австрия взяла на себя роль палача, — все это грубая ложь. Б⟨акунин⟩ был привезен в Прагу для очной ставки с другими политич⟨ескими⟩ обвиненными. — Необходимость такой меры полностью себя оправдала. В результате показаний Б⟨акунина⟩ уже арестовано два десятка человек». За смысл я ручаюсь, я читал это здесь числа 1 июля — значит можно отыскать.

Чтобы ты не строил себе иллюзий, я должен предупредить тебя со слезами на глазах и с разбитым сердцем, что бургундское (хотя оно и очень хорошее) больше пить нельзя — ни коньяк, ни бургундское — они так горячат, что можно опасаться апоплексического удара. Но есть очень хорошее бордо и, как ни удивительно, здесь сам климат толкает человека (Das Ebenbild Gottes***) в бордель. И наконец, точно ли приедет Фогт? [4] Если бы Лёве приехал раньше его, он тоже мог бы давать уроки.

Прощай.

Прочел, проникнувшись уважением к сродству наших чувств, что смерть сэра Р. Пиля [5] заставила нас сразу же подумать о женевской Адели [6]. — Но я полагаю, что Джемс Земельный может теперь ее утешить — по крайней мере песочком [7].

[1] См. выше письмо № 122.
[2] О статье Фальмерайера см. в примеч. 7 к письму № 120.
[3] Имеется в виду открытое письмо к Гервегу, напечатанное в «Vom andern Ufer».
[4] К. Фогт вскоре приехал в Ниццу, где и сблизился с Герценом.
[5] Английский государственный деятель Роберт Пиль умер 2 июля 1850 г.
[6] Кого имел здесь в виду Герцен — неясно.
[7] *Джемс Земельный* — Фази. См. примеч. 11 к письму № 120.

---

* любит, не любит (нем.).
** сего 15 июля (итал.).
*** образ и подобие божие (нем.).

124

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Ницца. 17 июля 1850 г.›

P. S. A ma dernière lettre du 15[1].

Oui, on peut trouver un historien magnifique, je parle de Kavéline ou de Solovieff. Mais je crois que pour les Scythes l'honoraire paraîtra petit — eh bien, on chauffera par la gloire, la propagande[2].—Je t'envoie l'article pour Kolatschek et j'ai un mal de tête beaucoup plus convenable à un chien enragé, qu'à un littérateur polyglotte.

Ягору Васильевичу Ервегу.

Перевод:

‹Ницца. 17 июля 1850 г.›

P. S. к моему последнему письму от 15-го[1].

Конечно, можно найти замечательного историка, я говорю о Кавелине или о Соловьеве. Но я думаю, что гонорар покажется скифам маловат — ну что же, можно подогреть их славой, пропагандой[2]. Посылаю тебе статью для Колачека, а я страдаю от головной боли, приличной скорее бешеной собаке, нежели литератору-полиглоту.

Ягору Васильевичу Ервегу.

[1] В предыдущем письме Герцен объявил Гервегу, что больше писать в Цюрих не будет; поэтому, не желая нарушить данное слово, он в шутку называет это и следующие письма только *приписками* к письму от 15 июля.

[2] По-видимому, речь здесь идет о намерении привлечь в качестве сотрудников в журнал Колачека «Deutsche Monatsschrift...» или в другое издание — К. Д. Кавелина и С. М. Соловьева.

125

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Nice.› 18 juillet ‹1850›

P. S. № 2 à la dernière lettre du 15 juillet[1].

J'ai envoyé hier au nom de ma mère un cahier monstre pour Kolatsc hek›[2], j'attends de toi une lettre fulminante, écrasante—pour une lettre tant soit peu fâchée que j'ai écrite, si je ne me trompe, le 10[3]. Je profite donc du temps que ta réponse se promène par la Corniche pour donner les instructions suivantes.

Tu verras toi-même que l'*Epilogue* et l'autre article se complètent nécessairement – je voudrais les voir imprimés ensemble, mais comme l'*Epilogue* est moins imprimable, s'il se trouvait quelque obstacle, il faut l'envoyer à Hoffmann et C‹ampe›; en toute justice il lui appartient parce que j'ai promis. Mais dans un temps où le roi de Saxe, de Wurtemberg etc., etc. ne tiennent pas la parole jurée, je ne veux pas servir de trouble-fête et tenir la mienne, ce qui pourrait même offenser ces petits polissons[4].

Est-ce que le journal de Kol‹atschek› parait à Zurich? Prie-le de m'envoyer du № suivant tous les №‹№›—Si c'est faisable, je voudrais avoir une dizaine d'exempl‹aires› de mon article.

Concernant les livres, on pourrait les envoyer à l'adresse de Visconti, libraire à Nice, par des libraires, *aber nicht den ganzen Strunt, einen Teil kann man irgendwo lassen.*

Ensuite que ferons-nous des exemplaires de ma brochure? On peut prendre avec quelques exempl‹aires›, mais les autres?

Pourquoi ne pas laisser tout cela chez un libraire pour garder jusqu'à ce que nous demanderions? Ici les voyageurs n'ont aucune difficulté avec les livres, mais lorsqu'on envoie, il y a toujours du fil à retordre.

Перевод:

‹Ницца.› 18 июля ‹1850 г.›

P. S. № 2 к последнему письму от 15 июля[1].

Вчера я отослал на имя моей матери толстейшую тетрадь для Колач‹ека›[2]; жду от тебя грозного, сокрушительного письма за мое немного сердитое послание, которое

я написал тебе, если не ошибаюсь, 10-го [3]. Итак, пользуюсь временем, пока ответ твой еще гуляет по Корниче, чтобы дать нижеследующие указания.

Ты сам увидишь, что «Эпилог» и статья естественно дополняют друг друга, я хотел бы, чтобы их напечатали вместе, но «Эпилог» менее годится для печати, поэтому, если возникнут какие-либо препятствия, надобно переслать его Гофману и К⟨ампе⟩, он по всей справедливости принадлежит им, так как я им его обещал. Но в то время, когда король Саксонский, Вюртембергский и пр. и пр. не держат своего клятвенного обещания, я тоже не хочу нарушать порядок, сдержав свое, что могло бы даже оскорбить этих проказников [4]. Разве журнал Кол⟨ачека⟩ выходит в Цюрихе? Попроси его высылать мне все номера, начиная с ближайшего. — Если можно, я хотел бы получить экземпляров десять моей статьи.

Что касается книг, то их можно послать по адресу книжного магазина Висконти в Ницце, через книготорговцев, aber nicht den ganzen Strunt, einen Teil kann man irgendwo lassen *.

Затем, что нам делать с экземплярами моей брошюры? Несколько экземпл⟨яров⟩ можно захватить с собой, а остальные?

Нельзя ли оставить их у какого-нибудь книготорговца на хранение, пока мы не затребуем. У приезжающих никаких затруднений с книгами здесь не бывает, но с пересылкой их сюда всегда большая канитель.

[1] См. примеч. 1 к предыдущему письму.
[2] По-видимому, «Omnia mea mecum porto».
[3] Речь, вероятно, идет о письме не от 10, а от 11 июля (см. письмо № 120).
[4] Герцен намекает на нарушение конституционных обещаний, взятых на себя королями Саксонии и Вюртемберга под давлением революционных событий 1848 г.

126

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

3 suppl⟨ément⟩ à la dernière lettre [1].

⟨Nice.⟩ 23 juillet ⟨1850⟩

Qu'aurais-tu dit en recevant une lettre qui ne contiendrait que ces peu de paroles, tu m'aurais inculpé de trahison, d'assassinat, d'inceste, d'être péd... pédicure c'est-à-dire. Et que faire contre la fatalité? A peine avais-je écrit ces mots «23 juillet» qu'Elise vint me dire qu'il y a juste 3 minutes pour finir ma lettre, la cacheter et la porter à la poste, or donc il faut 6 minutes pour aller jusqu'à Visconti et la poste est plus loin.— A ce récit de Théramène, j'ai voulu dire ce que Thésée avait oublié: «taisez-vous» — ne voulant pas faire un mauvais calembour le jour même du décès orléanique (*ad instar* du duc d'Orléans) d'Ipo... ⟨Hippolyte?⟩ [2]. Mais Elise était loin — et moi, pâle, malheureux, avec une lettre d'Emma, de ma femme, de Tata, d'Ada, à toi, à ma mère, à la mer Méditerranée — non, tu ne me comprends pas et voilà pourquoi il faut venir ici et ne plus parler par écrit — vois-tu, tu penses qu'il y avait une lettre pour la mer Méditerranée — du tout — j'ai voulu courir et me noyer pour ne pas recevoir le 2 août une lettre fulmicotonnante, accablante de toi et pour ne jamais rencontrer Emma me disant: «Et toi, traître». Ainsi je recommandai à dieu mes enfants et je me proposai de finir comme *Méduse* [3].

Mais la pensée me vint de te féliciter sur la prochaine arrivée à Nice de la belle c⟨om⟩tesse octogénaire, de la Didone trois fois abandonnée, elle viendra baigner ses beaux nus sous les Alpes Maritimes — et grâce à Emma — sous tes fenêtres [4].— Eh bien, j'aurai toujours le temps de me noyer pour l'éternité, je veux voir les beaux nus de la c⟨om⟩tesse. A demain.

24 juillet

Je ne t'inculpais pas l'autre jour des dépenses etc., relis la lettre, et tu verras qu'il s'agissait d'Emma. Vos deux dernières années on

* не весь этот хлам, часть можно где-нибудь оставить (нем.).

fait une grande brèche — et de longtemps elle ne sera comblée. Pour moi, c'était pénible à voir qu'Emma te traitait en enfant et ne te faisait qu'un tableau adouci, c'était pénible pour moi de voir que tu te laissais à ce ménagement — c'etait *ein bewußtes Ignorieren*. Cela ne doit pas être, parce que ça vous ruinera. Oui, on peut vivre en Italie avec votre revenu — mais il faut savoir s'arranger. Je t'assure que je connais tes affaires *mieux* que toi. J'ai vu au mois de janvier quel gouffre il fallait emplir (tu n'écriras pas de cela).

Pense bien, comme nous sommes encore du vieux monde, pourquoi tu t'es fâché de ce que j'aie dit quelques mots sur ce sujet? *Corpo di Bacco*, nous parlons librement de nos sentiments les plus intimes, les plus sacrés — et nous n'osons ouvrir la bouche sur les affaires pécuniaires.

Перевод:

<Ницца.> 23 июля <1850 г.>

3-е приб<авление> к последнему письму [1].

Что бы ты сказал, получив письмо, содержащее лишь эти несколько строчек? Ты обвинил бы меня в предательстве, в убийстве, в кровосмешении, в том, что я пед... педикюрщик, то есть. Но что поделаешь против судьбы? Едва я написал слова «23 июля», как Элиза пришла предупредить, что в моем распоряжении ровно 3 минуты, чтобы закончить, запечатать и отнести письмо на почту; но ведь чтобы дойти до Висконти нужно 6 минут, а почта еще дальше.—При этой Терамеповой речи, я хотел было сказать то, что позабыл сказать Тезей: «молчите»*, — не желая неудачно скаламбурить в самый день орлеанической кончины (ad instar** герцога Орлеанского) Ип<полита?>[2] Но Элиза была далеко, а я сидел бледный, несчастный, держа в руках письма Эммы, моей жены, Таты, Ады, к тебе, к моей матери, к Средиземному морю*** — нет, ты не понимаешь меня, и вот почему тебе нужно приехать сюда, а не объясняться больше письменно — видишь ли, ты полагаешь, что было письмо для Средиземного моря, отнюдь — я хотел бежать и утопиться, чтобы не получить от тебя 2 августа пропироксилиненное, удручающее письмо и чтобы никогда больше не встречаться с Эммой, бросающей мне слова «и ты предатель». И вот я поручил богу своих детей и решил покончить с собой, как «Медуза» [3].

Но тут мне пришла в голову мысль поздравить тебя по случаю предстоящего приезда в Ниццу прекрасной восьмидесятилетней графини, трижды покинутой Дидоны, она приедет омывать свои нагие прелести у подножья Приморских Альп — и благодаря Эмме — под твоими окнами [4].— Ну что ж, у меня всегда будет время кануть в вечность, но прежде мне хочется увидеть нагие прелести графини. До завтра.

24 июля

В прошлый раз я не тебя винил в расходах и т. д., перечитай письмо и ты увидишь, что речь шла об Эмме. За последние два года в вашем состоянии образовалась огромная брешь — и она еще долго не будет заполнена. Мне тяжело было видеть что Эмма обращается с тобой, как с ребенком, рисуя тебе все в светлых тонах, мне тяжело было видеть, что ты позволяешь так оберегать себя — это было ein bewußtes Ignorieren****. Так быть не должно, потому что это разорит вас. Да, на ваши доходы можно прожить в Италии, но надобно уметь устраиваться. Поверь мне, я знаю твои дела *лучше* тебя. Я видел в январе, какую бездонную яму нужно было заполнить (ты не станешь писать об этом).

Подумай только, до чего мы еще принадлежим старому миру. Почему ты рассердился на то, что я сказал несколько слов по этому поводу? Corpo di Bacco*****, мы свободно говорим о наших самых интимных, самых заветных чувствах — и не смеем рта раскрыть, когда дело касается денежных вопросов.

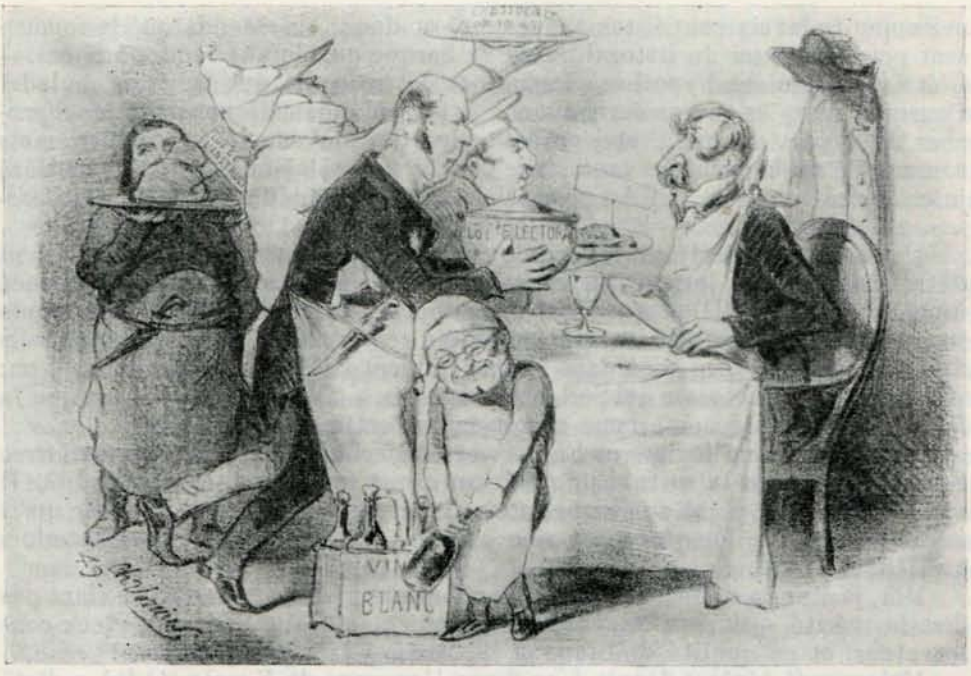
* Каламбур: «Thésée» (Тезей) и «taisez» (молчите) по-французски произносятся одинаково.

** на манер (лат.).

*** Каламбур: по-французски «мать» (mère) и «море» (mer) звучат одинаково.

**** сознательное игнорирование (нем.).

***** Чёрт возьми (итал.).

КАРИКАТУРА НА ЛУИ-НАПОЛЕОНА, ПОДГОТОВЛЯЮЩЕГО СО СВОИМИ СПОДВИЖНИКАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Рисунок Ш. Вернье

На блюдах, которые подносят Наполеону, надписи (слева направо): «Закон о народном образовании», «Президентство на 10 лет», «Избирательный закон». На переднем плане Тьер с бутылкой белого вина. Под рисунком: «Но я никак не смогу все это проглотить
—Кушайте, кушайте, аппетит приходит с едой.

«Charivari» от 20 июня 1850 г.

[1] См. примеч. 1 к письму № 124.

[2] *Терамен*, *Тезей* и *Ипполит* — герои трагедии Расина «Федра».

[3] «*Медуза*» — корабль, затонувший 2 июля 1816 г. в 40 льё от западного берега Африки. Это кораблекрушение, сопровождавшееся большим числом жертв, приобрело широкую и долговременную известность.

[4] По-видимому, Герцен вышучивает здесь графиню д'Агу, в прошлом возлюбленную Гервега и Франца Листа. Она была старше Гервега на двенадцать лет; в это время ей было сорок пять лет. См. о ней выше, в примеч. 14 к письму № 74.

127

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

〈Nice.〉 30 juillet 〈1850〉

Tu m'as fait beaucoup de plaisir en me disant... devine, si tu peux,— en me disant que tu étais malade [1]. Je commençais déjà à m'indigner sérieusement de ces délais éternels, d'autant plus que je savais que tu trouvais qu'il fait encore trop chaud pour le voyage, et je le savais parce que ma mère a écrit: «Je suis d'accord avec G〈eorges〉 qu'il fait, etc.». J'ai pensé que dans ces temps révolutionnaires la chaleur pouvait continuer jusqu'au mois de mai de l'année 1857.

Par un ordre du jour daté de Zurich, tu mis une défense complète à faire des suppositions, hypothèses, probabilités et autres opérations, par lesquelles l'esprit humain cherche à savoir ce qu'il ne sait pas — concernant ton absence. Mais tu sais la faiblesse de l'homme; après avoir longtemps pensé, nous nous sommes arrêtés à cette supposition: «Ma mère a écrit il y a deux

mois que tu avais coupé tes cheveux — or donc tu attends qu'ils repoussent pour repousser du littoral Suisse la barque qui doit te rendre à Nice».— C'était la dernière hypothèse lorsque ta lettre a dit que tu étais malade. Pourquoi ne m'as-tu pas écrit avant? je t'aurais ménagé beaucoup de reproches de la part d'Emma, et j'aurais trouvé les moyens de la consoler, mais comme j'étais moi-même *tanto poco arrabiato* — j'ai aussi pesté, vociféré julesfavrisé [2] tes retards. Au reste — Dieu et Löwe aidant — cela doit passer et tu viendras — et cela sera fini.

Il y a ici à l'hôtel une femme de chambre qui ne parle ni le français, ni l'italien, mais un jargon incompréhensible. Emma a de suite commencé à parler avec elle. Elle est allée d'une supposition magnifique, si on estropie tous les mots français et italiens, elle doit comprendre. *Exempli gratia*, elle dit à la femme: «Porta cana dans l'appartamiento del aguua fredigosca», ou: «Ba la cete parquetoceio nel Salione mangisco».— C'est bien dommage que la femme de chambre comprenne encore moins cette nouvelle langue.

Tout ce que ma femme et Emma ont écrit concernant mes disputes avec Emma, n'est que la suite d'une calomnie qui ferait honneur à Barde [3]. Il n'y a qu'un seul point sur lequel nous disputons: en vérité je suppose qu'il ne faut rien faire lorsqu'on n'a rien à faire — et Emma pense que c'est alors qu'il faut faire.

Moi, je dis non seulement, ⟨qu'⟩il ne faut pas mentir, mais qu'il ne faut pas dire la vérité — lorsqu'on peut s'en passer... etc. Moi, je suis vieux conservateur, et en qualité de Slave et de Russe — un peu plus rusé.

Melgounoff déplore depuis 5 ou 6 ans l'ouvrage de Kœnig, il lui a dicté sous des influences de moscov⟨ites⟩. Par ex⟨emple⟩ il parle de Chomiakoff comme d'un grand poète etc.[4] Il me ⟨le⟩ fallait pour faciliter la mémoire. Au reste, j'ai fait un traité politique, au lieu d'un ⟨traité⟩ littéraire [5].

Je pourrais préparer pour le 1 sempt⟨embre⟩ l'article.

Dis à Kol⟨atschek⟩ de m'envoyer le journal *sous bande, mais affranchi* — autrement cela ne partira pas.

J'ai reçu le *Peuple*, l'article de Proud⟨hon⟩ est froid, le reste..![6]

Et encore un mot. Tu demandes pourquoi je ne réponds pas sur tes dispositions *égalitaires*. Premièrement il n'y avait pas de question, et ensuite je ne répondais pas, parce que je les rejette complètement, absolument, comme offense à notre amitié, comme ironie du mot même de la bessonnerie, comme *Spießbürgerlichkeit*, comme *Philisterei* — et comme impossibilité complète.— A ces conditions (si je les prenais au sérieux) je cèderais mon appart⟨ement⟩ à la c⟨om⟩tesse d'Ag⟨oult⟩ ou au v⟨icom⟩te d'Arlincourt,— voilà ma réponse et je trouverai fort juste, si tu prends les mêmes mesures disciplinaires contre la c⟨om⟩tesse (au moins le jour).

Proposant à Emma de demeurer ensemble, sans parler de choses intimes, je représentais l'immense économie d'avoir *une* salle à manger, *une* cuisine, *un* cuisinier, enfin je pensais moi à une vie commune et non à un *voisinage vertical*. Sans me faire perdre quelque chose — cela aurait diminué vos dépenses de la moitié.— Comment le faire avec l'étiquette espagnole que tu exiges? Comment dresser aujourd'hui la table en bas, demain chez toi, comment enfin savoir quand il faut être sur la terrasse et quand dans le jardin qui est commun, et si une promenade dans le jardin est équivalente à une visite...

Je n'ai pas répondu — et voulais passer à l'ordre du jour pur et simple. Tu ne l'as pas voulu.

Weiter: tu me demandes «où j'ai montré le courage de la vie?».— Nulle part — mais 1° est-ce que c'est une cause pour que tu n'en aies pas, ou que moi ne puisse le comprendre et 2° où est-ce que j'ai montré le contraire? Dans la crainte de perdre la moitié de la fortune, mais je me tiendrais pour fou à lier, pour Struve, pour S⟨aint⟩ Siméon le Stylite, si je n'avais pas

épuisé tous les moyens pour la sauver, et même si cela avait duré 16 mois au lieu de 6.

Mais tout cela n'empêche pas de te dire que tu as parfaitement raison en parlant des Slaves et encore plus des Russes, c'est vrai au point que même Gans[7] à Berlin disait que l'imitation et l'acceptibilité sans assimilation est le caractère distinctif des Slaves.— Il y a de graves considérations pourtant à faire; la manie de se jeter sur tout, de tout entreprendre et étudier est une suite de l'état dans lequel on se trouve. N'oublie jamais l'état abnormal ⟨!⟩ qui est créé pour nous autres par la civilisation forcée. Par malheur le peuple restant de l'autre côté, le gouvernement a pu civiliser et opprimer en même temps. De là l'ironie, de là cette démangeaison d'émotions, pour s'oublier, et pas de racines. La période de Pétersbourg n'est qu'une dure école, n'est qu'une transition — et ce que tu vois n'est que le caractère de la transition.

Je ne sais pas pourquoi tu parles de mon patriotisme, je connaîs plus que vous la race Slave, j'en parle; je vois comme Haxthausen[8] l'immense possibilité du développement et la jeunesse vigoureuse de la race. Je vois, comme Fallmerayer qu'une guerre, une lutte à mort avec la Russie est imminente et que la vieille Europe succombera. Custine en parla, Donoso Cortès en est convaincu. Que la Russie crèvera comme un vampire,— cela peut être, mais elle pourra aussi légèrement passer au communisme le plus illimité, comme elle s'est jetée avec Pierre le Grand dans l'Européisme.

Non seulement la victime n'est pas douteuse, mais elle est faite moralement. La Turquie sans exagération n'est pas aussi dépendante de la Russie comme l'Allemagne. La question de Schles⟨wig-⟩Hol⟨stein⟩ est une dernière épreuve[9].

L'exemple de Sas⟨onoff⟩ — ne prouve pas grand'chose contre le caractère, l'exemple d'Ogareff, donnant la liberté à 1900 paysans — peut en cas de besoin servir d'objection[10].— Et là-dessus je me prosterne à vos pieds.

Dis à Kolats⟨chek⟩ que la première lettre sur la Russie est prête, mais il faut la traduire. Au lieu de parler de la littér⟨ature⟩, je parle du développement des idées politiques jusqu'en 1812[11].

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 30 июля ⟨1850 г.⟩

Ты доставил мне большое удовольствие, написав о том... догадайся, если можешь, о чем,— о том, что ты был болен[1]. Я уже начинал всерьез возмущаться этими вечными отсрочками, тем более, что мне стало известно, будто ты считаешь погоду еще слишком жаркой для путешествия,а мне это стало известно, так как маменька написала:«Я согласна с Г⟨ервегом⟩, что погода и т. д.». Я подумал, что в нынешние революционные времена жара может затянуться до мая 1857 года.

Приказом из Цюриха ты безоговорочно запретил заниматься какими бы то ни было предположениями, гипотезами, теориями вероятности и прочими операциями, при помощи которых человеческий разум стремится узнать то, чего он не знает — касательно твоего отсутствия. Но ты ведь знаешь человеческую слабость; после долгих раздумий мы остановились на следующем предположении: «Два месяца назад маменька написала, что ты остриг волосы — уж не ожидаешь ли ты, пока они отрастут, чтобы оттолкнуть от швейцарских берегов челн, который доставит тебя в Ниццу»*. Такова была последняя гипотеза перед твоим письмом с сообщением, что ты болен. Почему ты не написал мне об этом раньше? Я бы избавил тебя от многих упреков со стороны Эммы и нашел бы способ ее утешить, но я и сам был tanto poco arrabiato**, я тоже бранился, ругался, жюльфавризировал[2] твои проволочки; впрочем — с помощью бога и Лёве — все это пройдет, ты приедешь, и с этим будет покончено.

Здесь в гостинице есть горничная, которая не говорит ни по-французски, ни по-итальянски, а на каком-то непонятном жаргоне. Эмма тотчас стала с ней разговаривать.

* Каламбур: «repoussent» по-французски—«отрастают», и «repousser»—«оттолкнуть».
** немного взбешен (итал.).

Она исходила из такого великолепного предположения: если калечить все французские и итальянские слова, та должна понять. Exempli gratia, она говорит женщине: «Приносите в аппартамиенто холодный вода» — или «Подметайте паркеточчо в обеденный салионе». Очень жаль, что этот новый язык горничная понимает еще меньше.

Все, что моя жена и Эмма написали о моих спорах с Эммой,— только следствие клеветы, которая сделала бы честь Барду [3]. Разногласия у нас лишь в одном пункте: действительно, я думаю, что не нужно ничего делать, когда нечего делать. А Эмма думает, что именно тогда-то и нужно.

Я утверждаю, что не только не нужно лгать, но не нужно говорить и правду, когда можно обойтись без этого, и т. д. Что до меня, то я старый консерватор, а как славянин и русский — чуть похитрее*.

Мельгунов уже 5-й или 6-й год оплакивает работу Кёнига, он ему диктовал ее, находясь под влиянием москов⟨итов⟩. Напр⟨имер⟩, он говорит о Хомякове как о великом поэте и т. д.[4] Она мне была нужна, чтоб освежить кое-что в памяти. Впрочем, я написал политический трактат, вместо литературного [5].

Я мог бы приготовить статью к 1 сент⟨ября⟩.

Скажи Кол⟨ачеку⟩, чтобы он присылал мне журнал *под бандеролью*, но пусть *франкирует*, иначе не уйдет.

Я получил «Peuple», статья Пруд⟨она⟩ холодна, остальное!...![6]

Еще одно слово. Ты спрашиваешь меня, почему я ничего не отвечаю по поводу твоих *уравнительных* требований. Во-первых, об этом не было речи и затем, я не отвечал потому,что решительно и безоговорочно отвергаю их как оскорбление нашей дружбы, как насмешку над самим понятием союза близнецов, как Spießbürgerlichkeit**, как Philisterei*** и, как вещь совершенно невозможную. На таких условиях (если бы я их принял всерьез) я мог бы уступить свою квартиру графине д'Агу или виконту д'Арленкуру— вот мой ответ, и я счел бы вполне справедливым, если бы ты принимал такие же дисциплинарные меры против г⟨раф⟩ини (по крайней мере днем).

Предлагая Эмме поселиться вместе, не касаясь вопросов личного порядка, я указывал на огромную экономию, которая достигается при *общей* столовой, *общей* кухне, *общем* поваре,—словом, я-то думал о совместной жизни, а не о *вертикальном соседстве*. Я ничего не потерял бы при этом, а вы сократили бы наполовину расходы. — Но как все это совместить с тем испанским этикетом, которого ты требуешь? Как это сегодня накрывать стол внизу, завтра у тебя, как, наконец, узнавать, когда надобно находиться на террасе, а когда в саду, который является общим, и надобно ли прогулку по саду считать равноценной визиту...

Я не ответил, я хотел просто перейти к очередным делам. Ты этого не захотел.

Weiter**** ты спрашиваешь, «где я проявил жизненное мужество?»—Нигде, но, 1-е— разве это основание для того, чтобы и у тебя его не было или чтобы я не мог понимать этого? И 2-е—где же это я проявил обратное? Боясь потерять половину состояния? — Но я счел бы себя за буйно помешанного, за Струве, за св. Симеона Столпника, если бы не исчерпал всех возможностей для спасения денег, даже в том случае, если бы на то потребовалось не 6, а 16 месяцев.

Но все это не мешает мне утверждать, что ты совершенно прав в своем суждении о славянах и, еще более, о русских, — это бесспорно, и сам Ганс[7] в Берлине говорил, что подражание и восприимчивость без ассимиляции — отличительная черта славян. Однако необходимо серьезно принять в соображение, что мания набрасываться на все, мания все испробовать и изучить — это следствие существующего положения вещей. Нельзя забывать того ненормального положения, которое создалось для людей, нашего круга, в результате принудительной цивилизации. К несчастью, народ оставался по другую сторону, и вот, правительство получило возможность одновременно и цивилизовать, и угнетать. Отсюда ирония, отсюда жажда эмоций, чтобы забыться, и отсутст-

---

* Игра слов: «russe» — русский и «rusé» — хитрый.
** сверхмещанство (нем.).
*** филистерство (нем.).
**** Далее (нем.).

вие корней. Петербургский период — лишь суровая школа, лишь переходное время, и то, что ты наблюдаешь, всего только особенность этого переходного времени.

Я не понимаю, почему ты говоришь о моем патриотизме; я знаю славянскую расу лучше, чем вы, и я говорю о ней. Как и Гакстгаузен [8], я вижу огромные возможности развития и мощную юность этой расы. Как и Фальмерайер, я вижу, что война, смертельная борьба с Россией неминуема и что старая Европа падет. Кюстин говорил об этом, Донозо Кортес в этом убежден. Быть может, Россия так и издохнет вампиром, но она может и перейти к самому неограниченному коммунизму с той же легкостью, с какою она бросилась с Петром Великим в европеизм.

Неизбежность жертвы не только не вызывает сомнения, но морально она уже принесена. Без всякого преувеличения, Турция в меньшей зависимости от России, нежели Германия. Вопрос о Шлез⟨виг-⟩Гол⟨штинии⟩ — последнее испытание [9].

Пример Саз⟨онова⟩ не является серьезным опровержением характерных черт, пример Огарева, отпустившего на волю 1900 крестьян, может, если понадобится, служить возражением[10]. Засим низко вам кланяюсь.

Скажи Колач⟨еку⟩, что первое письмо о России готово, но его надобно перевести. Вместо того, чтобы говорить о литер⟨атуре⟩, я говорю о развитии политических идей до 1812 года[11].

[1] Гервег мотивировал свою задержку в Цюрихе внезапной болезнью.

[2] *Жюльфавризировал* — т. е. изощрялся в красноречии (от имени Жюль Фавр).

[3] О ком говорит здесь Герцен — не установлено.

[4] Герцен, вероятно, имеет в виду следующее место из главы о Хомякове в упомянутой выше книге Кенига — Мельгунова: «Ум этого замечательного человека способен к необыкновенно высокому и широкому развитию ⟨...⟩ Его мысли оригинальны, плодовиты и часто софистичны. При всем том, он всегда последователен, так что его как искусного диалектика не иначе можно опровергнуть, как восходя к его началам...» (Цитируем по русскому переводу: «Очерки русской литературы. Перевод сочинения Кёнига «Literarische Bilder aus Rußland». СПб., 1862, стр. 139—140).

[5] Имеется в виду «О развитии революционных идей в России».

[6] Статья Прудона в № 2 его новой газеты «Le Peuple de 1850» от июля 1850 г. (в июне и июле 1850 г. эта газета выходила один раз в месяц), озаглавленная: «Гражданам Ледрю-Роллену, Шарлю Делеклюзу, Мартэну Бернару и их товарищам, редакторам „Proscrit" в Лондоне». В этой статье Прудон подверг критике политическую программу деятелей революционной эмиграции, перечисленных в заглавии.

Помимо этой статьи, в № 2 «Le Peuple de 1850» помещены две статьи К.-Ф. Шеве: «Призыв к демократам-социалистам» и «Экономическое положение», статьи А. Д⟨аримона⟩ «Закон о дотациях» и «О легальном сопротивлении», статья А. Кретена «Мнение о г. Монталамбере», международные и внутренние обзоры и хроника.

[7] Эдуард *Ганс* (ок. 1798—1839)— гегельянец, профессор законоведения Берлинского университета. Лекции его охотно посещались русскими студентами.

[8] Барон Франц-Людвиг-Август *Гакстгаузен* (1792—1866), книга которого «Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und im besonderen die ländlichen Einrichtungen Rußlands» (Hannover, 1847—1852) оказала значительное влияние на Герцена при формировании его взглядов на русскую крестьянскую общину.

[9] Населенная немцами и датчанами провинция Шлезвиг-Голштиния с 1773 г. входила в состав Дании. Используя немецкое национально-освободительное движение, возникшее в Шлезвиг-Голштинии в 1848 г., Пруссия начала войну с Данией, намереваясь присоединить Шлезвиг-Голштинию к себе. Вмешательство России и Англии заставило Пруссию отступить, и до 1866 г. Шлезвиг-Голштиния продолжала оставаться в составе Датского государства. См. примеч. 2 к след. письму.

[10] Как устанавливается этими строками, Гервег в своем письме к Герцену указал на Н. И. Сазонова, ведшего беспорядочный и эгоистичный образ жизни,— как на типичный образец русского интеллигента. Герцен же напоминает Гервегу высоко гуманное поведение Огарева, отпустившего на волю в 1840 г. крепостных из доставшегося ему по наследству села Белоомут Рязанской губернии.

[11] Имеется в виду «О развитии революционных идей в России».

128

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 2 août ⟨1850⟩

Addition pénultième à la lettre du 15[1].

Pourquoi restez-vous 4 ou 3 jours à Genève et non 43 ou 34? Dis cela à la compagnie. Et voilà la preuve, si on n'a rien à faire à Genève, on ne peut se

résigner à rester 3 jours, seulement dans l'espérance de voir Golovine et le libraire Kessmann et sa femme m-me Kessfrau... Si on a à faire quelque chose, comment peut-on terminer une affaire sérieuse en 3 jours, il faut 3 semaines, 3 mois etc.

J'ai reçu ta lettre, je suis tout-à-faitissime d'accord avec toi sur tous les points; au reste, je n'ai jamais dit que je prends la seule possibilité du renouvellement du vieux monde par une nouvelle race, je mettais toujours l'autre élément, l'élém⟨ent⟩ volcanique à côté. Mais c'est aussi une race nouvelle, elle qui n'a rien reçu de cette civilisation que le malheur.— Oui, c'est une position exceptionnelle, aristocratique qu'on nous fait, mais que faire? Se taire? Mais il y a quelquefois une démangeaison de leur dire en face qu'on comprend au moins la position.— Regarde ce qui se passe en France, c'est déjà la démence de l'agonie, diese *ziellose Unruhe, das Umsichgreifen des Sterbenden.* Et regarde la bêtise, la stupidité même dans Emi⟨le⟩ Girardin. La presse entière peut être abolie (la presse existante) sans un grand mal.— Et l'épisode de Schleswig! [2] Ce qui couve, ce qui agite l'âme du peuple, n'est pas encore disible, pas même comme mythe. Eh bien — comment donc ne pas rester dans une position d'expectation, de séparation?

J'ai terminé l'ouvrage de Fallmerayer, il y a des choses «*stupendisch*», concernant la puissance de l'élément slave dans la Grèce moderne. Voilà la scène où se produira la tragédie slave; les véritables scènes sont toujours près de la Méditerranée.

Adieu. Demain ou après demain nous déménageons.
Rue Anglaise, maison Sue.
A rivederci.

Перевод:

⟨Ницца.⟩ 2 августа ⟨1850 г.⟩

Предпоследнее прибавление к письму от 15-го [1].

Почему вы остаетесь в Женеве на 4 или на 3 дня, а не на 43 или на 34? Рассказывай кому хочешь. И вот тебе доказательство — если делать в Женеве нечего, никто не согласится остаться еще на 3 дня, ради одной надежды, увидеть Головина и книжного торговца Кессмана с его женой мадам Кесс-фрау*. Если же есть что делать, то можно ли закончить серьезное дело в 3 дня? На это нужно 3 недели, 3 месяца и т. д.

Твое письмо получил, я совер-шен-ниссимо согласен с тобой по всем пунктам; впрочем, я никогда не говорил, что считаю возможным возрождение старого мира лишь через новую расу, я всегда ставил рядом другой элемент —элем⟨ент⟩ вулканический. Но это тоже новая раса,— раса, которая не получила от нынешней цивилизации ничего, кроме горя. — Да, разумеется, мы поставлены в исключительное, аристократическое положение, но что делать? Молчать? Но иногда так хочется хотя бы сказать им прямо в лицо, что мы понимаем, как обстоит дело. Обрати внимание на то, что происходит во Франции, это уже безумие агонии, это ziellose Unruhe, das Umsichgreifen des Sterbenden **. Обрати также внимание, сколько глупости, тупости даже у Эм⟨иля⟩ Жирардена. Вся печать (существующая печать) может быть упразднена без особого ущерба.— А события в Шлезвиге! [2] То, что назревает, то, что волнует душу народа, еще не укладывается в слова, даже в виде мифа. Ну, как не занять выжидательной позиции, как не отмежеваться?

Я закончил сочинение Фальмерайера, там есть вещи «stupendisch»*** относительно господства славянского элемента в современной Греции. Вот театр, на котором разыграется славянская трагедия, подлинная сцена действий всегда близ Средиземного моря.

Прощай. Завтра или послезавтра мы переезжаем.—Rue Anglaise, дом Сю.
A rivederci.

---

* Каламбур: фамилия «Kessmann» означает буквально: «Кесс-мужчина»; отсюда «Kessfrau»—«Кесс-женщина» (нем.).

** бесцельное метание, судорожные движения умирающего (нем.).

*** изумительные (нем.).

ОБЩИЙ ВИД НИЦЦЫ

Гравюра из книги «Italie pittoresque», Paris, 1834

Эта книга упоминается в письмах Н. А. Герцен к мужу, 1839 г.

[1] См. примеч. 1 к письму № 124.

[2] Герцен, вероятно, имеет в виду разгром шлезвиг-голштинских вооруженных сил датскими войсками в битве при Штедте 24—25 июля 1850 г. См. примеч. 9 к предыдущему письму.

129

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Nice.› 3 août ‹1850›

Clôture de la correspondance.

Avec la correspondance il faut en finir avec les explications, mésentendus et les entendus, *caro mio*. Oui, nous nous sommes conduits quelquefois en enfants, d'autres fois en vieillards, toujours sous l'impression de quelque irritation nerveuse. C'est vraiment pitoyable, et pourtant il fallait passer par là, il fallait connaître où les angles saillants ne correspondent plus aux angles rentrants de l'autre. Ce n'est pas comme expérience, comme critique ou observation préméditée que je l'entends. La vie elle-même pousse des petits cailloux sous les pieds, en heurtant on s'aperçoit, etc., etc.— Tu aimes tant soit peu dans ces cas de fermer les yeux, moi non — voilà toute la différence. *Das ewige Raisonnieren* est insupportable, mais je déteste *das ewige Schonen;* votre philosophie pratique (*caro mio*, ne t'en fâche pas) de la vie avec Emma ne vaut pas le diable; la main sur le cœur, je ne vous accuse pas, ni l'un, ni l'autre — mais je trouve qu'on pourrait acquérir plus de poésie mâle à la place de la poésie de jeunes filles, je trouve que vous êtes grandis par le temps, et les manches deviennent courtes, et les couleurs sont un peu trop enfantines. Si tu veux me comprendre tu me comprendras; je ne veux pas dire par cela que notre jeunesse est passée, je ne veux pas t'entraîner dans la prose d'une existence d'indifférence et de bonne santé — mais je crois que votre existence pourrait être plus facile, plus musculeuse, et j'ai parlé tant, à tort et à travers, parce que nommément à présent, vous avez besoin de quelque courage, vos circonstances étant changées.

J'ai disputé, j'ai parlé avec Emma plus ce que nous avons écrit, elle voit avec la plus parfaite clarté que j'ai raison—mais cela n'a pas la moindre influence sur elle; elle aime encore l'excentricité, l'agitation — elle reste une femme Schillérienne avec le développement Gœthique; par malheur, au lieu de richesse cela fait un tohu-bohu.— Mais je n'en parlerai plus, ni par écrit ni en paroles. Tout ce que j'avais à dire sous ce rapport, je l'ai dit,— *repetitio est mater* — de l'ennui.

Et pour te prouver que moi, comme feu l'archevêque Robespierre[1] après la fête de ⟨...⟩* — je suis toujours prêt à combattre pour la justice, même lorsqu'un homme est en voyage, je te dirai que précisément tu n'as pas compris ni la disposi ⟨...⟩ **

Demande à Fazy, si je mets une assez grande somme d'argent dans la banque de Genève — pourra-t-il me faire alors citoyen?[2] — Adieu.

Je ne suis pas, comme tu vois, le Robespierre[3].

Garde les cigares.

Перевод:

Завершение переписки.

⟨Ницца.⟩ 3 августа ⟨1850 г.⟩

Вместе с перепиской надо покончить и со всеми объяснениями, расхождениями и соглашениями, caro mio. Да, мы иногда вели себя как дети, иной раз как старцы, и всегда—под впечатлением какого-нибудь нервического раздражения. Жаль, конечно, и все же через это надо было пройти, надо было узнать, где выступающие углы одного не соответствуют вогнутым углам другого. Но я не рассматриваю это ни как опыт, ни как критику, ни как заранее задуманное наблюдение. Жизнь сама бросает под ноги камешки; споткнувшись о них, замечаешь и т. д., и т. д.— Ты любишь в таких случаях чуть-чуть прикрыть глаза, а я нет — вот и вся разница. Das ewige Raisonnieren*** невыносимо, а я ненавижу das ewige Schonen**** (не сердись, caro mio), но практическая философия вашей с Эммой совместной жизни ни черта не стоит; положа руку на сердце, я не обвиняю вас, ни того, ни другого, но я нахожу, что можно было бы обрести, вместо девической поэзии, более мужественную; я нахожу, что с годами вы выросли, и рукава стали коротки, да и краски, пожалуй, слишком детские. Если хочешь понять меня, то поймешь; я не хочу этим сказать, что наша молодость прошла, я не хочу тащить тебя в прозу безразличного существования в добром здоровье, но я думаю, что ваша жизнь могла бы быть более легкой, более мускулистой, и я столько на все лады говорил об этом потому, что теперь-то, когда обстоятельства ваши изменились, вам и нужно некоторое мужество.

Я спорил, я говорил с Эммой больше, чем мы об этом писали, и для нее совершенно ясно, что я прав, но это не оказывает на нее ни малейшего влияния; ей по-прежнему нравится эксцентричность, возбуждение — она остается шиллеровской женщиной с гетевским развитием, что, к несчастию, не обогащает, а производит один сумбур. — Но я не стану больше говорить об этом, ни письменно, ни устно. Все, что я хотел сказать по этому поводу, я сказал, — repetitio est mater*****—скуки.

И чтобы доказать тебе, что я так же, как покойный архиепископ Робеспьер[1], после праздника ⟨...⟩* всегда готов бороться за справедливость, даже когда человек в пути, и скажу тебе, что ты как раз ничего не понял ни в ⟨...⟩**.

Спроси у Фази, сможет ли он сделать меня гражданином, если я внесу довольно крупную сумму денег в женевский банк? [2] — Прощай.

Как видишь, я не Робеспьер [3].

Сохрани сигары.

---

* Чернильное пятно.— *Ред.*

** Нижняя половина листа отрезана.— *Ред.*

*** Вечное резонерство (нем.).

**** вечное желание щадить (нем.).

***** повторение есть мать (лат.).

[1] Шутка: Робеспьером был введен деистический культ «верховного существа».
[2] Д. Фази неоднократно давал обещание Герцену, начиная с 1849 г., предоставить ему женевское гражданство, но все время оттягивал выполнение этого обещания. Герцен, при содействии К. Фогта, получил, наконец, гражданство в Фрибургском кантоне.
[3] Робеспьер был прозван современниками «Неподкупным».

130

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 6 août ⟨1850⟩

Je dirai comme le vicomte d'Arlincourt: «Dieu le veut»[1]— oui, dieu veut que tu te fatigues avec Emma des choses les plus faciles, et que tu mettes des efforts inouïs pour soulever un brin de paille.— Je crois qu'à la fin tu me détesteras pour mon langage et je n'en ai pas d'autre.— Hier Emma s'adresse à moi pour trouver ensemble un moyen ⟨afin⟩ que tu puisse venir seul ici. Mais si tu avais ce désir, pourquoi es-tu donc resté à Zurich — ensuite, quoi de plus simple que de dire à présent que tu as reçu de telles lettres, que tu te décides à faire une surprise, etc. Et à la fin des fins je comprends que cela serait beaucoup plus agréable de venir tout seul — mais enfin il n'y a pas de quoi désespérer si on vient autrement; rester pour cela quelques jours à Turin — mais c'est une plaisanterie.

Tu m'inculpes de ce que j'ai engagé ma mère de venir ici, et que *mei dolci sospiri* ont ému m-lle E⟨rn⟩[2]. Pour cela ⟨ce⟩ n'est pas vrai, ma femme a lu toutes les lettres. Sais-tu que tu pousses le rigorisme ou la naïveté jusqu'à prendre les choses qu'on écrit au bas d'une lettre — pour des engagements sacrés. Elles m'écrivaient⟨à⟩ chaque lettre de leur désir; qu'elles arrivent le 20 août ou le 10 septembre; cela n'a pas d'importance pour moi, et je te dirai encore plus, je me tiens et je me tenais toujours dans une telle indépendance qu'il leur est difficile de changer en quoi que cela soit notre train de vie. Je suis très avare en matière de protestation d'amour et de sympathie, mais je suis comme toujours très humain avec les personnes étrangères. D'autant plus que, *ex⟨empli⟩ gr⟨atia⟩* mes rapports avec m-lle E⟨rn⟩ ont toujours été parfaitement bienveillants, sans aucune intimité. J'ai écrit à Bernacky: «Quittez donc votre Paris empesté, ayez le courage d'abandonner les journaux et venez vous baigner dans la Méditerranée». Eh bien, si Bernacky (comme il se le proposait) venait demain ici — est-ce à dire que moi j'en serai la cause? Au reste — cela suffit.

Tu m'as déjà expliqué une fois la théorie de la superexcitation nerveuse; je ne l'admets pas, et tu peux te moquer comme tu veux de ce que je prêche le courage de la vie, la mesure. Prêcher n'est pas le mot, je le sens, je le dis à ceux qui me sont chers — pourquoi donc souffrez-vous plus qu'il n'en faut, vous blâmez les enfants qui crient lorsqu'ils tombent — eh bien, criez donc pas, même intérieurement. On s'emporte, on se fâche — on passe outre. Emma s'est tellement habituée à cela, c'est-à-dire au désespoir que cela devient périodique, sans cause, et cela passe sans consolation.— Gronde-moi comme tu veux, mais il m'est impossible de sympathiser avec cela, et je regarde avec tristesse, enfin je regarde comme on regarde une maladie — qui est curable.

J'ai écrit dans le sens voulu, ou plutôt Nat⟨alie⟩ a écrit à ma mère, d'après le désir d'Emma[3].

Au revoir.

Рукой Н. А. Герцен:

Qu'est-ce que c'est encore, mon cher besson, ça n'a pas de nom! Rester à Turin?.. Je n'y crois pas, tout bonnement. Nous vous attendons, attendons,

attendons, le pantalon même vous attend déjà. A. l'a fini.— Selon moi, on ne pouvait pas s'arranger mieux que nous l'avons fait. Jardin, maison, cuisinier — pas *magnifique* mais *parfait*, et si vous donnez encore un coup de maître...

Venez, venez et venez... Je n'ai rien de mieux à dire ni pour vous, ni pour moi!.. Je salue de tout, de tout, de tout mon cœur Genève, Rhône et notre bessonnière ci-devant etc.

Перевод:

<Ницца.> 6 августа <1850 г.>

Я скажу, как виконт д'Арленкур: «На то воля божья»[1] — да, воля божья на то, чтобы вы с Эммой мучились над самыми простыми вещами и ты должен был прилагать неслыханные усилия, чтобы поднять соломинку. — Думаю, что в конце концов ты меня возненавидишь за мой язык, а другого у меня нет. — Вчера Эмма обратилась ко мне с просьбой придумать вместе какой-нибудь способ, чтобы ты мог приехать сюда один. Но если тебе этого хотелось, почему же ты оставался в Цюрихе? — И чего проще, сказать теперь, что ты получил какие-то письма, что желаешь сделать сюрприз и т. п. В конце концов, я понимаю, что гораздо приятнее приехать одному, но не из чего приходить в отчаяние, если приедешь и не один; оставаться из-за этого несколько дней в Турине — ведь это смешно.

Ты ставишь мне в вину то, что я пригласил мою мать приехать сюда и что mei dolci sospiri* взволновали м-ль Э<рн>[2]. Ну, уж это неправда, жена моя читала все письма. Знаешь, ведь ты в своем ригоризме или в своей наивности доходишь до того, что принимаешь за священные обязательства фразы, которые обычно ставятся в конце письма. Они писали мне в каждом письме о своем желании приехать; 20 августа или 10 сентября — это значения не имеет для меня, и скажу даже — больше, я сохраняю и сохранял всегда за собой такую независимость, что им трудно в чем бы то ни было изменить наш образ жизни. Я весьма скуп на уверения в любви и симпатии, но здесь, как всегда, я подхожу очень по-человечески к посторонним людям. Тем более, что мои отношения, ex<empli> g<ratia>, с мадмуазель Э<рн> всегда были самыми доброжелательными, но без какой бы то ни было близости. Я написал Бернацкому: «Покиньте же ваш зачумленный Париж, имейте мужество оставить ваши газеты и приезжайте купаться в Средиземном море». Что же, если бы Бернацкий (как он сам предполагал) приехал назавтра сюда — значит, можно было бы сказать, что я этому причиной? Впрочем — довольно.

Ты мне уже изложил однажды теорию нервной сверхвозбудимости; я с ней не согласен, и ты можешь издеваться, как угодно, над тем, что я проповедую мужество в жизни и соблюдение меры. Проповедовать — я сам это чувствую, не то слово, но я говорю тем, кто мне дорог: зачем же вам страдать больше, чем следует? Вы браните детей, которые поднимают крик, когда падают,— так не кричите же сами, даже внутренно. Бывает, что выходишь из себя, злишься, но не останавливаешься на этом. Эмма настолько привыкла к такому состоянию, то есть к отчаянию, что оно возникает у нее периодически, без всякой причины, и проходит без всякого утешения.— Брани меня, как хочешь, но я не могу сочувствовать ничему подобному, и я с грустью гляжу на это,— словом, гляжу, как на болезнь, которую можно вылечить.

Я написал то, что от меня требовали — вернее, Натали написала моей матери по желанию Эммы [3].

До свидания.

Рукой Н. А. Герцен:

Что опять случилось, мой дорогой близнец, этому нет названия! Остаться в Турине?.. Я просто не верю. Мы вас ждем, ждем, ждем, даже pantalon** уже вас ожидает. А.

---

* мои нежные вздохи (итал.).

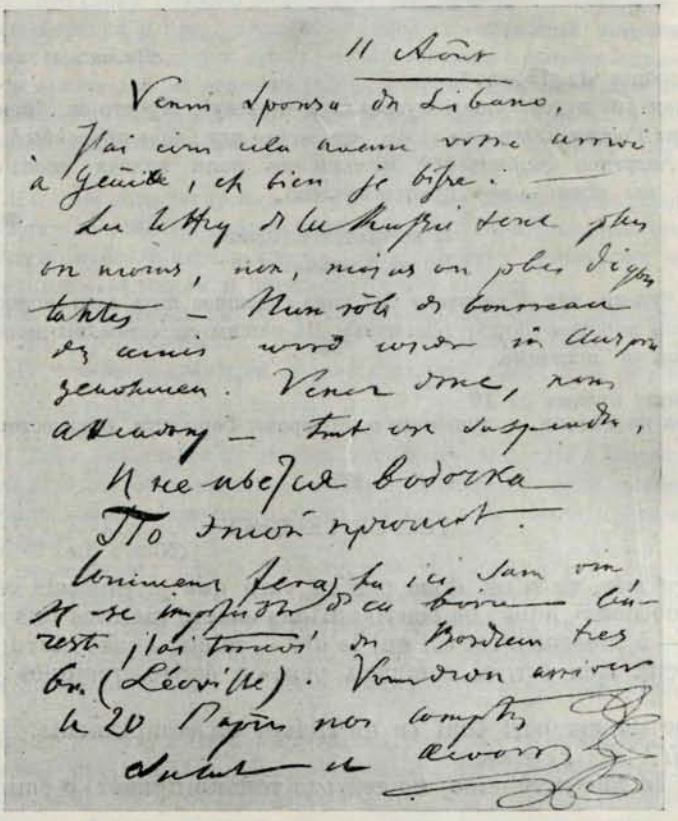
** «Pantalon» или «pantaléon» (франц.) — «панталеон» вид фортепиано.

это устроил. По-моему, мы обосновались как нельзя лучше. Сад, дом, повар — все хотя и не *роскошно*, но *чудесно*. А если вы еще приложите свою руку мастера...

Приезжайте же, приезжайте, приезжайте — ничего лучшего ни для вас, ни для себя не могу сказать. Кланяюсь от всего сердца Женеве, Роне и нашему бывшему гнезду близнецов и т. д.

[1] См. примеч. 2 к письму № 56.

[2] О нежелании Гервега, чтобы в Ниццу приехали Л. И. Гааг и М. К. Эрн,— см. ниже, в обзоре «Письма Н. А. Герцен к Гервегам».

АВТОГРАФ ПИСЬМА ГЕРЦЕНА К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 11 АВГУСТА 1850 г.
Британский музей, Лондон

[3] Приводим следующую недатированную записку или приписку Герцена вероятно относящуюся к этому времени и хранящуюся среди бумаг Гервега: «Je crois que la meilleure manière d'écrire la lettre à m-r de Pragen est de l'écrire au nom de m-me Haag» *. О каком Пражене идет здесь речь — не установлено. Отметим, что среди бумаг Гервега, хранящихся в Британском музее, находятся и шесть писем Герцена к матери (1850 г.), в которых речь идет, главным образом, о финансовых делах.

131

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

⟨Nice.⟩ 11 août ⟨1850⟩

Venni, sponsa da Libano.

J'ai écrit cela avant votre arrivée à Genève, eh bien je bisse[1]...

Les lettres de la Russie sont plus ou moins, non, moins ou plus dégoûtan-

* Я думаю, что лучший способ написать письмо г. Прагену — это написать на имя г-жи Гааг (франц.).

tes[2]. Mon rôle de bourreau des amis *wird wieder in Anspruch genommen*. Venez donc, nous attendons — tout est suspendu,

И не пьется водочка
По этой причине.

Comment feras-tu ici sans vin, il est impossible d'en boire./ Au reste, j'ai trouvé du bordeaux très bon (Léoville). Vous devez arriver le 20 d'après nos comptes.

Salut et devoir.

Перевод:

‹Ницца.› 11 августа ‹1850 г.›

Venni, sponsa da Libano*.

Я написал это перед вашим приездом в Женеву[1]. Ну что ж, бисирую...

Письма из России более или менее, нет, менее или более противны[2]. От меня wird wieder in Anspruch genommen** исполнение роли палача своих друзей. Приезжайте же, мы ждем — все приостановлено,

И не пьется водочка
По этой причине***

Как ты будешь тут обходиться без вина, здешнее пить невозможно. Впрочем, я нашел очень хорошее бордо (Леовиль). По нашим расчетам, вы должны приехать 20-го. Поклон и почтение.

[1] См. выше письмо № 16.
[2] Письма из России, полученные в это время Герценом, неизвестны.

132

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

‹Nice.› Le 15 août ‹1850›[1]

Oui, *caro mio*, ce n'est donc pas en vain que je répétais et redisais à Genève que nous ‹nous› en souviendrions encore maintes fois de ce temps tranquille — à présent c'est toi qui le dis,— mieux ‹vaut› tard que jamais.

Je ne veux rien écrire, comment peut-on écrire quelques jours avant l'arrivée.

Distribue de ma part tout ce qu'il faut en compliments.

Рукой Н. А. Герцен:

J'écrirai la fois prochaine, на сей раз только привет с embrassements.

Перевод:

‹Ницца.› 15 августа ‹1850 г.›[1]

Да, caro mio, значит я не напрасно повторял и снова повторял в Женеве, что мы еще не раз вспомним об этом спокойном времени. Теперь и ты говоришь это — лучше поздно, чем никогда.

Я ничего не буду писать; как можно писать за несколько дней до приезда?

Передай от моего имени все положенные приветы.

Рукой Н. А. Герцен:

Напишу в следующий раз****, на сей раз только привет с объятиями.

[1] Этим письмом естественным образом завершается обширный эпистолярный цикл. Гервег приехал в Ниццу 22 августа 1850 г. О дальнейших взаимоотношениях Герцена и Гервега см. в «Былом и думах», в письме Герцена к Э. Гаугу от марта 1852 г. (VII, 24—41) и в приложенном к настоящей публикации обзоре писем Н. А. Герцен к Гервегам.

* Гряди невеста с Ливана (итал.).
** снова потребовалось (нем.).
*** Куплет песенки цитируется по-русски.— *Ред.*
**** Далее шесть слов по-русски.—*Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМА НАТАЛЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ГЕРЦЕН К ГЕРВЕГАМ

Обзор Л. Р. Ланского

Среди бумаг Георга Гервега, находящихся в Рукописном отделе Британского музея, сохранилось около 300 писем и записок Н. А. Герцен к Гервегу и его жене за 1848—1852 гг. Это серия глубоко волнующих человеческих документов, тесно связанных с судьбой Герцена и представляющих собой своеобразный комментарий к одной из центральных частей «Былого и дум» — повествованию о семейной драме, названному самим автором «рассказом из психической патологии». Они освещают многое недосказанное или намеренно затененное Герценом и выявляют подробности, оставшиеся ему самому неизвестными, подчеркивая глубоко трагический характер перенесенного им несчастья.

Письма Натальи Александровны — это в то же время яркая хроника внутренней жизни одного из главных действующих лиц «Былого и дум», незаурядной русской женщины, запутавшейся в неразрешимых противоречиях, приведших ее к невыразимым нравственным страданиям и преждевременной смерти.

Подробный обзор переписки Н. А. Герцен и публикация отдельных ее писем и отрывков из них, представляющих интерес для биографии Герцена и освещения обстоятельств его семейной драмы, и является задачей настоящей работы.

1

1 ноября 1846 г., незадолго до отъезда за границу, Наталья Александровна Герцен внесла в свой дневник несколько глубоко знаменательных строк, в которых, как бы предвидя начало нового жизненного этапа, подвела итог своим многолетним отношениям с Герценом:

«У меня поколебалась вера в Александра — не в него, а в нераздельность, в слитость наших существований, но это прошло, как болезнь, и не возвратится более. Теперь я не за многое поручусь в будущем, но поручусь за то, что это отношение останется цело, сколько бы ни пришлось ему выдержать толчков. Могут быть увлечения, страсть, но *наша любовь* во всем этом останется невредима» (изд. АН, т. IX, стр. 272).

Вскоре же по приезде в Париж Наталья Александровна оказалась во власти того чувства, которое так недавно предвидела только как возможность. Ее увлечение Гервегом, сыгравшее столь роковую роль в ее судьбе и в судьбе Герцена, было подготовлено многими обстоятельствами. Впоследствии Герцен принимал значительную часть вины за все случившееся на себя, признавая, что «семья, семейная жизнь» всегда были у него на втором плане (XIX, 40). «Мы сложились разрушителями, — писал он Огареву,— наше дело было полоть и ломать, для этого отрицать и иронизировать, ну и теперь, после пятнадцати, двадцати ударов, мы видим, что мы ничего *не совдали*, ничего не воспитали. Последствие — или, по просторечью, — наказание — в окружающих, в отношениях к семье...» («Лит. наследство», т. 61, 1953, стр. 448).

Еще более определенно высказался Герцен о причинах всего случившегося в специальном этюде «Раздумье по поводу затронутых вопросов», предпосланном им рассказу о своей семейной драме, объясняя неизбежность подобного рода коллизий недостатками женского воспитания. Женщины, писал Герцен, «больше обмануты воспитанием, меньше знают жизнь и оттого чаще оступаются и ломают голову и сердце, чем освобождаются, всегда бунтуют и остаются в рабстве, стремятся к перевороту и пуще всего поддерживают существующее» (изд. АН, т. X, стр. 210).

П. В. Анненков, непосредственный свидетель первой фазы сближения Натальи Александровны с Гервегом, отмечая «более головной, чем сердечный», по его мнению, характер ее увлечения, писал: «Она была счастлива в муже, в семье, в друзьях —

и страдала отсутствием поэзии, которая не сопровождала все эти благодатные явления, в той мере, как бы ей хотелось. Она предпочла бы поэтические беды, глубокие несчастья, окруженные симпатией и удивлением посторонних, и минутные упоения — тому простому безмятежному благополучию, которым наслаждалась. Задачей ее жизни сделалось, таким образом, обретение романтизма, в том виде, как он существовал в ее фантазии».

«...поэтическая мечтательница,— продолжает Анненков,— ознакомилась с жизнию по *романтизму*, который, наконец, обрела в Париже через посредство в высшей степени развитой, изящной и вместе холодной и эгоистически-сластолюбивой личности, какою и был вышеупомянутый Гервег 〈...〉 Долго отыскиваемый романтизм являлся теперь перед женой Герцена в великолепном, ослепительном виде! Лоэнгрин со сказочных высот был перед нею налицо, и только подойдя к нему ближе, она вдруг увидала, какой страшный образ скрывается за ангельской маской, им усвоенной, — и в ужасе, последним сверхъестественным движением воли она вырвалась из его рук, измученная и оскорбленная. Может быть, обольститель и действительно чувствовал некоторого рода любовь и привязанность к обреченной им жертве, как это бывает у иных преследователей; но когда жертва ускользнула от него, любовь и привязанность пропали бесследно, а место их заняли бешенство неудачи, жажда мести за помятое тщеславие и за оскорбление, нанесенное его гордости и самолюбию. Он принялся публично бросать грязью в женщину и семью, благополучие которых разрушил, употребляя при этом средства, возмущавшие даже и друзей его...» (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, стр. 524—526).

Приведенная характеристика Натальи Александровны справедлива только отчасти. Признавая огромное значение литературных источников, в частности произведений Жорж Санд и других представителей «запоздалого романтизма» в формировании ее взглядов и в обострении чувства неудовлетворенности окружающим, которое она испытывала, мы должны в то же время принять во внимание, помимо ряда глубоко индивидуальных особенностей, присущих нервной, болезненно-экзальтированной натуре Натальи Александровны,— одно чрезвычайно важное обстоятельство, далеко выходившее за пределы ее личной воли.

Семейная трагедия Герценов разыгралась во время катастрофических мировых событий, наложивших отпечаток на каждого из ее действующих лиц. «Потерянные без дела в этом мире, который рушился со всех сторон,— писал Герцен,— оглушенные безмысленными спорами, ежедневными оскорблениями, — мы предавались горю и отчаянию, нам хотелось одного — сложить где-нибудь усталую голову, не справляясь о том, есть ли сновидение или нет» (изд. АН, т. VI, стр. 117). В этот период Герцен, мучительно переживавший разгром революции и разнузданное торжество реакции, готов был проповедовать отход от общественной деятельности, разрыв с современностью, сосредоточение в самом себе. Эти настроения, отразившиеся в отдельных его «Письмах из Франции и Италии», статьях «С того берега» и в переписке с Гервегом и другими корреспондентами, находили сочувственный отклик в Наталье Александровне, нервы которой были глубоко потрясены крушением надежд на счастливый исход революционного переворота и мучительными впечатлениями кровавого террора, свидетельницей которого она была в Париже. Герцен вскоре же отрезвел от этих мимолетных настроений. Его открытая всем человеческим интересам натура, широкий умственный кругозор, разносторонняя литературная деятельность помешали ему замкнуться в узком круге личных переживаний, и он снова вышел на общественную арену, обогащенный еще более проникновенным пониманием современности. Совсем не таково было положение жены Герцена, не нашедшей выхода ни в общественной деятельности, ни в каком-либо творческом труде, к которому она не чувствовала себя подготовленной, и поневоле сосредоточившей все свои помыслы на личных переживаниях. «Если б ты знала, друг мой, — восклицает она в письме к Н. А. Тучковой, — как темно, как безотрадно за порогом личного, частного! О, если б можно было заключиться в нем и забыться, забыть все, кроме этого тесного круга...» (изд. АН, т. X, стр. 228).

Трагедия Н. А. Герцен не была «простою, личною историею»[1]. Она имела большой общественно-исторический смысл.

«Драма эта,— писал Герцен, — глубоко трагическая и окончившаяся смертью, имеет в себе столько человеческого и великого, что темная сторона ее распуска⟨ется⟩ и бледнеет в общем колорите» (там же, стр. 502).

Нельзя не отметить — и это чрезвычайно характерно,— что вся переписка Натальи Александровны с Гервегом проникнута глубоким и искренним уважением к Герцену, безграничной любовью к нему как человеку.

При ознакомлении с этими письмами в глазах читателя отчетливо вырисовывается мужественная, глубоко гуманная личность Герцена, мучительно страдающего, но с самоотвержением борющегося за спасение близкого человека, подпавшего под влияние «темных сил».

2

Интимный характер, который с самого начала приняла переписка Натальи Александровны с Гервегом, откровенность, с которой она выражала в письмах свои чувства, вскоре стали вызывать у нее беспокойство. Мысль о том, что письма могут попасть в посторонние руки, повергала ее в ужас. «О, сожги, *если ты меня не ненавидишь* — сожги все, что я тебе писала, — умоляла она Гервега в одном из своих писем. — И если даже смерть помешает мне повторить эту просьбу — *все же сделай* это» (л. 445)*. «Это необходимо для всех», — восклицала она по этому же поводу в другом своем письме. Чтоб успокоить ее, Гервег сообщил ей однажды, что исполнил ее желание. Наталья Александровна поверила его словам, увидев в них доказательство того, что она «что-нибудь да значит» для Гервега, и просила его и в дальнейшем сжигать ее письма. Между тем Гервег и не думал их уничтожать. Впоследствии Наталье Александровне пришлось узнать, что он солгал ей и что письма по-прежнему находятся у него. К этому времени она уже по-иному стала смотреть на свои письма, видя в них свое оправдание, и сама предлагала Гервегу знакомить с ними всех, кого он сочтет нужным.

После разрыва с Натальей Александровной Гервег недостойным образом воспользовался ее перепиской, тенденциозно процитировав Герцену отдельные откровенные выражения из писем его жены.

Рассматривая письма Натальи Александровны как действенное оружие против Герцена, Гервег в своем письме в редакцию «Neue Züricher Zeitung», написанном через три месяца после смерти Натальи Александровны, прозрачно намекал на то, что в его распоряжении находятся компрометирующие Герцена документы, имея в виду именно эти письма (VII, 115)[2].

Герцен, настойчиво требуя суда международной демократии над Гервегом, конечно, не сомневался в том, что Гервег пустит в обращение письма Натальи Александровны, пытаясь таким образом оправдать себя в предъявленных ему обвинениях. Однако и это не останавливало Герцена: он не видел преступления в страстном увлечении Натальи Александровны — преступным находил он поведение Гервега, предавшего близкого друга, подвергавшего преследованиям и инсинуациям любившую его женщину и тем ускорившего ее гибель.

После смерти Герцена его дети, при посредничестве Мальвиды Мейзенбуг, также обратились к Гервегу с просьбой возвратить письма Натальи Александровны «взамен соответствующего числа его писем». Гервег ответил на это предложение резким отказом, заявив, что детям Герцена «нет никакого дела до любовных писем их матери», что им нечего опасаться какого бы то ни было злоупотребления с его, Гервега, стороны и добавил при этом следующее: «У меня есть жена и дети, и мой долг по отношению к ним—

---

* Письма Натальи Александровны к Гервегу написаны на французском языке. Они цитируются в русском переводе, выполненном автором настоящего обзора. Отдельные письма на русском языке, время от времени писавшиеся ею к Гервегу, изучавшему русский язык, каждый раз оговариваются особо. Многие из писем Натальи Александровны не датированы, и время их написания устанавливается точно или приблизительно по косвенным признакам. Цифры, указываемые в скобках после каждой цитаты, обозначают листы фотокопий, переданных редакцией «Литературного наследства» на хранение в Отдел рукописей Библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

не лишать их хорошего оружия против возможной будущей подлости» («Лит. наследство», т. 7-8, 1933, стр. 65—66). Из-за этой угрозы, как известно, наследники Герцена в течение пятидесяти лет не решались выпустить в свет ту часть «Былого и дум», в которой содержится описание семейной драмы Герцена, опасаясь в качестве ответной меры появления в печати «компрометирующих» писем.

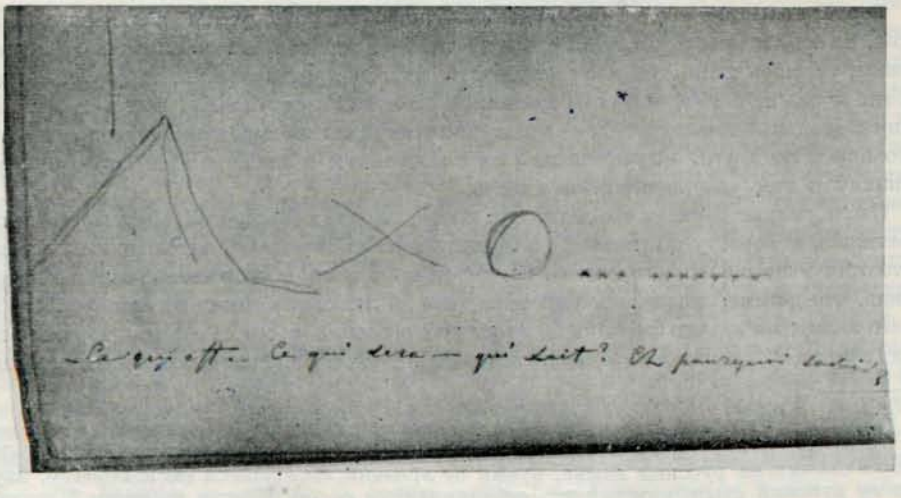
Младший сын Георга и Эммы Гервегов, Марсель, которому достался в наследство архив родителей, в течение нескольких десятилетий отказывался дать согласие на публикацию писем Герцена к Гервегу, ссылаясь на волю своего отца.

Публикуя отдельными книгами и в периодических изданиях другие эпистолярные материалы из своего семейного архива, Марсель Гервег тщательно вытравливал из них все упоминания о Герценах и их отношениях с его родителями.

В 1932 г. Марсель Гервег передал архив своего отца английскому литературоведу Эдварду Карру, писавшему в это время книгу «Романтические изгнанники» («The romantic Exiles», London, 1933; 2-е изд. — London, 1949). Карр использовал в виде цитат и в изложении ряд писем Н. А. Герцен к Гервегу и другие материалы архива, после чего передал его в Британский музей. В 1956 г. музей предоставил фотографии с писем Герцена и его жены в распоряжение редакции «Литературного наследства» в соответствии с желанием родного внука Герцена, Эдуарда Моно-Герцена (см. предисловие к основному тексту публикации). Эти письма и легли в основу настоящего обзора

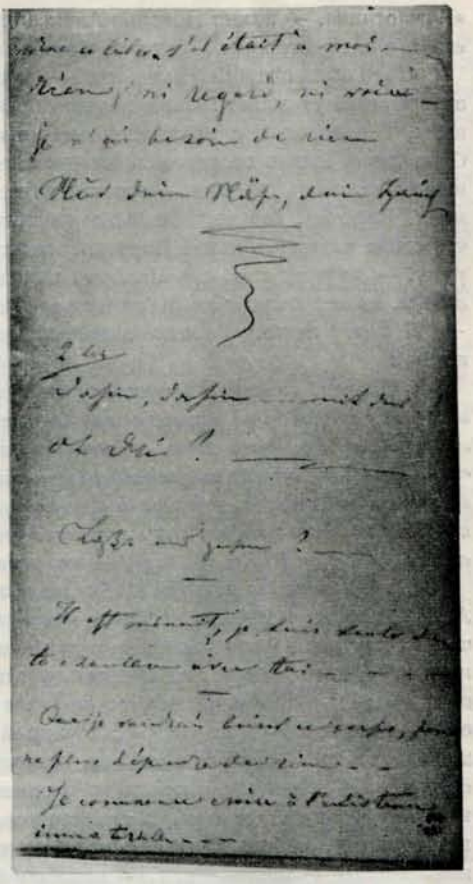
3

Знакомство Н. А. Герцен с Гервегом и его женой состоялось весной 1847 г. С первой же встречи Гервег произвел на Наталью Александровну необычайно сильное впечатление «...Когда я увидела тебя *впервые*,— писала она ему впоследствии,— каким божественно прекрасным, каким привлекательным ты мне казался! Ничего подобного ранее я никогда не испытывала.— *И я отдалялась от тебя потому, что ты слишком сильно меня привлекал*» (лл. 724—725). Симпатичной показалась Наталье Александровне и жена Гервега — Эмма. О частых встречах с Гервегами в первое время их знакомства Наталья Александровна несколько раз упоминает в своих письмах к Н. А. Тучковой. «...Мы видимся довольно часто,—пишет она 17 октября 1848 г. об Эмме Гервег,—и всегда говорим о вас ⟨...⟩ Мало женщин, с которыми мне так хорошо, как с ней, она похожа на свежую ключевую воду, бьет без пены, но энергично». В январе 1849 г. она снова пишет Н. А. Тучковой о Гервегах: «Эмма — от нее у меня нос не залегает,

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГЕОРГА ГЕРВЕГА, ЗАПОЛНЕННАЯ Н. А. ГЕРЦЕН 24 СЕНТЯБРЯ 1849 г.

Британский музей, Лондон

СТРАНИЦА ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГЕОРГА ГЕРВЕГА, ЗАПОЛНЕННАЯ Н. А. ГЕРЦЕН, 2—4 СЕНТЯБРЯ 1849 г.
Британский музей, Лондон

я люблю ее, но в ней много ненужного; ее муж — широкая натура, мне с ним даже хорошо молчать, мысль не задевает за него, не спотыкается». И, наконец, 7 апреля 1849 г., в письме к ней же: «Теперь я больше, чем прежде, люблю Эмму, это благороднейшее существо, симпатизирующее всему хорошему, отдающееся всему хорошему без малейшей arrière-pensée*. Я забываю иногда вовсе немецкие черты ее характера, и мне бывает с ней очень хорошо, а главное — свободно» («Русские пропилеи», т. I, 1915, стр. 250, 258, 267).

Письма и записки Н. А. Герцен, относящиеся к 1848—началу 1849 г., не представляют особого интереса. Это почти исключительно приглашения в гости, в театр или на увеселительные прогулки, сообщения о здоровье детей и т. п. Все они обращены к Эмме Гервег [3].

После разгрома правительственными войсками 13 июня 1849 г. демонстрации, в которой принимал участие и Герцен, в Париже начались массовые аресты. Опасаясь неизбежных преследований со стороны реакционного правительства, особенно нетерпимого к революционной эмиграции, Герцен покинул Париж и 22 июня 1849 г. приехал с чужим паспортом в Женеву[4]. Вскоре туда к нему отправилась и Н. А. Герцен с малолетней дочерью Татой, в сопровождении Георга Гервега. Эмма Гервег, занятая устройством своих расшатанных материальных дел, осталась с сыном и дочерью в Париже.

В первом письме, от 11 июля 1849 г., Наталья Александровна с радостным возбуждением сообщила Эмме, что накануне, около полуночи, они приехали в Женеву. Гервег, по словам Натальи Александровны, был наредкость мил и любезен с ней и с ее дочерью.

---

* задней мысли (франц.).

«Я счастлива, — пишет Наталья Александровна, — что мне представился случай узнать его и с этой стороны, — что за богатая натура!..»

«Тата была очаровательна, я же — жалка,—продолжает Наталья Александровна;— путешествие утомляет меня и делает больной; время от времени выпадали светлые минуты, в которые я с наслаждением упивалась и своим путешествием, и его целью. Одна лишь мысль огорчала меня — вы остались одни, милая моя Эмма. Почему же нельзя вам быть с нами — это так глупо... А каждая глупость возмущает и печалит меня. Впрочем, вас должно было утешить письмо Александра. Как счастлива я тем, что снова нахожусь дома! Дорогая, как хотела б я обнять вас, пожать вам в этот миг руку! — Утверждают, что Монблан находится против моего окна, я еще не убедилась в этом, но островок Жан-Жака купается в озере перед моими глазами» (лл. 348—349).

К этому письму Герцен сделал следующую шутливую приписку (на французском языке):

«*Наконец, скромная гостиная наша превратилась в прядильню для писем — во всех углах сидят более или менее почтенные личности, пишущие вам. Госпожа Гервег, — осмелюсь ли принять хоть невначительное участие в изготовлении и снабжении вас сими бюрократическими запасами — дабы сказать вам... что же?— Что я уважаю вас, но вы это знаете; что моя жена и ваш муж приехали, но вы и это знаете. Тупость, которая на меня напала, как я уже счел своим печальным долгом сообщить вам в письме, адресованном в Вилль д'Аврэ, — все развивается. И я умолкаю*»*.

«Как бы желала я,чтобы вы были здесь с нами,милая Эмма! 〈...〉 — писала Наталья Александровна в другом письме. — И в самом деле, наша жизнь — впрочем, не отвечаю за других, — моя жизнь, хотела я сказать, так прекрасна, что я желала бы заставить всех, кого люблю, наслаждаться ею... Георг по-прежнему весел, он чувствует себя хорошо; в десять часов утра он берет у меня урок русского языка, в час или в два он сам дает мне и Саше урок естественной истории или ботаники; все остальное время дня мы гуляем. С тех пор как Георг сделался нашим чичероне, наши прогулки приняли совсем иной характер, нежели во времена Герцена[5]. Быть может, и необходимо оставаться в больших городах, когда хочется, когда надобно действовать, — но, утратив все иллюзии, любовь к людям, надежду что-нибудь для них сделать, утратив даже цель своего существования, — надобно бежать на лоно природы...».

Наталья Александровна сообщала при этом Эмме о чтении ею Руссо: «Я читаю „Новую Элоизу“ — каково?» (лл. 351 — 353).

10 августа Наталья Александровна снова пишет Эмме Гервег: «Я наслаждаюсь в настоящее время таким полным благополучием, что *испытываю боль от сознания, что вас нет близ меня*, тем более, что знаю, как вы одиноки и как страдаете...».

По поводу присланного ей Эммой письма некоего П.[6] Наталья Александровна в том же письме заявляла: «Высказанные им советы — принять меры предосторожности в отношении Георга — быть может, *справедливы с его точки врения*. Я хочу сказать, что люблю Георга, как сестру или младшего брата; его присутствие делает меня счастливой, и, следовательно, я становлюсь лучше. Я все более и более чувствую себя вознесенной над грязными волнами жизни, я расту, и жизнь вырастает со мною, а все ничтожное делается еще ничтожней, так, что его даже перестаешь замечать»[7] (лл. 354—357).

«Георг чувствует себя хорошо, его настроение очень часто меняется, в зависимости от окружения и обстоятельств, — писала Наталья Александровна Эмме Гервег 20 августа, — следовательно, я не могу сказать определенно, грустен он или весел. Часто я хотела бы видеть его в *ином* окружении, чем здесь, — словом, я хотела бы видеть его в раю или знать, что он там, если только рай существует» (л. 358).

---

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Enfin notre humble salon s'est changé en filature de lettres, dans tous les coins il y a des individus plus ou moins honorables — qui vous écrivent, madame Herwegh, oserai-je prendre une petite part au confectionnement et approvisionnement des matériaux bureaucratiques — pour vous dire — t quoi donc?— que je vous estime — mais vous le savez, que ma femme et votre mari sone arrivés — mais vous le savez aussi. Cette stupidité qui m'a frappé, comme j'ai eu le triste devoir de vous informer dans ma lettre que j'ai adressée à Ville d'Avray — s développe. Et je me tais».

«Окружение» Гервега, как и Герцена, в это время состояло, главным образом, из революционных эмигрантов разных национальностей, бежавших в Швейцарию после разгрома революций на их родине и живших в непрерывном, но тщетном ожидании возобновления открытой борьбы с реакционными правительствами. «Я с радостию покидал Париж, но в Женеве мы очутились в том же обществе, только лица были другие и размеры теснее ⟨...⟩, —писал Герцен в «Былом и думах». — Исключительно политическое направление, особенно в том тяжелом затишье, которое всегда следует за неудачными переворотами, чрезвычайно утомляет бесплодной сухостью и однообразным попреканьем прошедшему» (изд. АН, т. X, стр. 110).

«О, как мне порой хотелось бы вырваться из этой паутины и улететь далеко, далеко с Георгом! — восклицала Наталья Александровна в цитированном выше письме, — не навсегда (не пугайтесь!) — нет, лишь настолько, чтобы позабыть обо всем остальном, — это не потребовало бы, стало быть, много времени. И затем я снова опустилась бы домой, в лоно своей семьи. О, после подобного взлета я была бы в тысячу раз способней к роли настоящей матери и проч. ... Почему говорю я „улететь с Георгом"? — Потому, что и он нуждается в этом, я думаю, больше, нежели кто-либо другой» (л. 359).

Подобные высказывания, явно свидетельствовавшие о страстном увлечении Натальи Александровны Гервегом, сильно встревожили Эмму Гервег и возбудили в ней глухую ревность [8].

3 августа Герцены и Гервег отправились на экскурсию в Монтре и поднялись на Dent de Jaman. «Вчера мы целый день взбирались на одну из гор возле Монтре, —писал Герцен 4 августа Т. Н. Грановскому в Москву. — День был удивительный. Никто даже не чувствовал усталости после *14-часового марша*. Это чудные дни в наше время. Вообще внутри Швейцарии хорошо. Нигде нет газет, никто ничего не знает, горы, горы, дикая природа и чудные озера» («А. И. Герцен. Новые материалы». М., 1927, стр. 70—71)[9].

Эта прогулка оставила глубокий след в памяти Натальи Александровны. Контур горы Dent de Jaman (⩓), находящейся на берегу Женевского озера, стал с того дня эмблемой ее любви к Гервегу и духовного единения с ним [10].

Наталья Александровна не переставала вспоминать об этой поездке, об идиллической хижине в Карлетто и о счастливых днях, проведенных с Гервегом в Женеве. «Все последнее время, — писала она Гервегу в августе 1850 г. — я много думала о нашей жизни в Женеве... Я вызывала в памяти своей все мгновения — *наши* мгновения... Приезд Коли — помнишь ли ты?.. Этот вечер... О, это целая вечность блаженства!.. Как сжимала я твою руку — помнишь ли ты? — не произнося ни слова...И потом, когда мы посмотрели на Рону... и ты сказал мне: „Где я?" — *и я не знала* ничего, ничего, и сила жизни моей, и богатство жизни моей могли помериться силой и богатством с целой вселенной...» [11] (л. 726).

О характере отношений Натальи Александровны к Гервегу красноречиво свидетельствуют записи, сделанные ею 29 августа — 4 сентября 1849 г., в те дни, когда Гервег и Герцен, вдвоем, отправились на высокогорную экскурсию, описанную впоследствии в «Былом и думах» (изд. АН, т. X, стр. 110—115) [12]. Охваченная страстным порывом, Н. А. Герцен набросала на нескольких страницах записной книжки Гервега, подаренной ему Эммой, среди стихотворных и прозаических заметок Гервега, свою экзальтированную исповедь:

«Со вчерашнего вечера все во мне проникнуто грустью ⟨...⟩, — записывает Наталья Александровна в полночь 29 августа.— Отчего же? — Знаешь ли ты меня?

Я кстати осталась одна.

Хватаюсь за эту книжку как за единственное средство спасения... Словно руку твою, прижимаю ее к своей груди...

Можно ли мне прочесть ее?.. Да, да, да, несмотря ни на что — *ты мой!* И нет ничего, кроме тебя.

Я разобрала *почти* все, что ты мне здесь написал...

Кладу эту книжку себе под подушку...».

30 августа Наталья Александровна продолжает свою заочную беседу с Гервегом:

«Ты далеко, и все же я не вижу и не чувствую ничего, не дышу ничем, кроме тебя, тебя, тебя...

Тебя, которого ищу с детства, всегда и... во всем...

Временами жизнь осыпала меня всем, что в ней только есть хорошего,— я останавливалась, я не знала более, куда идти, *я желала* остаться... Но невидимая сила, eine Sehnsucht* отрывала меня прочь и влекла к тебе... Я искала тебя всегда, всегда, rastlos**...

Временами я едва не умирала от усталости, истощения, отчаяния... Ты призывал меня — и мои воскресшие силы уносили меня вновь...

Das Gefühl deiner Nähe*** делало меня все более и более спокойной и счастливой... Последние годы — лучшие годы... Продолжительно было испытание... Но вот и ты! и да будет благословенно все, что было, что есть, что будет, — всё! ⟨...⟩

2 сентября

Dahin, dahin — mit dir!
O! Du!
Laß uns ziehn****.

Полночь, я одна в твоей комнате с тобою...

Как желала бы я разбить это тело, чтобы ни от чего более не зависеть...

Я начинаю верить в нематериальное существование...

Почему я не только не хотела к тебе приблизиться, но избегала тебя всегда?.. И, будучи далека,— была так близка!..

Не надобно ни революций, ни республик: мир будет спасен, *если он нас поймет*.

Впрочем, если он и погибнет, мне это безразлично, ты всегда для меня будешь тем же, чем теперь.

О, приди же, приди и скажи мне одно лишь слово!..

Если бы тебя не было, я жила бы только для других, но не для себя.

Твое письмо! 3 сентября

Ζῶη μού σας ἀγαπῶ*****

4 ⟨сентября⟩

Сегодня я не буду читать больше твоего письма!

Полдень.

День ужасающе длинен!

Остается целых шесть часов!.. Это ужасно!..

И потом... и потом...

О, Ζὼη μού!!!

Только бы услышать твои шаги в соседней комнате!..

Ζῶη μού!»

И другая, недатированная запись в этой книжке:

«Обманем смерть, да не отнимет она у нас жизни! Не оставим ей ничего, что она могла бы у нас отнять.

Выпьем всё — и отдадим ей кубок пустым» (лл. 952 — 968).

Возвращение Герцена и Гервега в Женеву 4 сентября Наталья Александровна отметила следующими строками в письме своем к Эмме:

«Они возвратились со своей экскурсии — обожженные солнцем, веселые и довольные, как дети, оба — милы до крайности.

---

* тоска (нем.).

** неустанно (нем.).

*** Сознание твоей близости (нем.).

**** «Туда, туда с тобой! О! ты! Устремимся туда» (нем.).— Из «Песни Миньоны» Гёте.

***** Жизнь моя, тебя люблю (греч.).

Право же, я иногда думаю, что общество и любовь этих двух людей могут превратить меня в совершенное существо».

В этом же письме Наталья Александровна писала, имея в виду возможность высылки их из Женевы: «Я думаю, что мы вскоре будем *вынуждены* покинуть Женеву; куда и как мы отправимся я хотела б это знать сама, чтобы сообщить тебе.

Александр предоставил Георгу выбор места, куда ехать, тот обещал подумать об этом.

Теперь надобно узнать, подлежим ли мы изгнанию,— и затем принять меры— до этого ничего предпринимать нельзя» (лл. 364—365).

5 октября Наталья Александровна следующим образом описала Эмме предпринятую ими новую экскурсию в горы:

«1 октября мы приветствовали и обнимали тебя с горы Анвер. Вообрази себе ливень, грязь по колена, Александра, взбешенного и несчастного, Георга, ухаживающего за горной козочкой, меня, полумертвую от страха при виде Саши, висящего над пропастью,— и перед тобой будет полная картина нашей увеселительной прогулки.

Ужасная погода, продолжающаяся последние дни, заставила нас выработать несколько новых планов и проектов, между ними Ницца, Корсика, Гиерские острова...— Острова эти — всего привлекательней, но это все еще Франция, — во всяком случае, Женева для нас невозможна.

Георг часто скучает ⟨...⟩

Я забыла сказать тебе, что, когда мы спускались с Шамуни, наша карета опрокинулась, и вот мы все покрыты татуировкой, а у меня на лбу многоцветная шишка»[13] (лл. 370—371).

Ревнивые нотки, зазвучавшие в письмах Эммы Гервег, ее участившиеся жалобы на равнодушие мужа и его безразличное отношение к детям — испугали Наталью Александровну. Она с горячностью принялась уверять ее в своей дружбе и сочувствии, утверждая, что Гервег с интересом относится к своей семье и охотно вскоре съедется с нею.

«Одно лишь утешает меня при виде твоей печали,— пишет она Эмме,— что ты, надеюсь, вскоре увидишь Георга. Как ни огорчительна для меня мысль, что его не будет больше с нами,— сознание, что ты счастлива, всегда будет служить мне утешением. И потом, я надеюсь, что вскоре мы все соберемся вместе. Однако прежде всего надобно убедиться в том, что пребывание Георга в Париже не будет внезапно потревожено... Подвергнуть нас всех новой гиджре[14] было бы неразумно» (лл. 377—378).

К этому письму Герценом сделана следующая приписка:

«*Когда письмо к Г⟨ервегу⟩ будет напечатано, купите 10 экземпл⟨яров⟩ газеты и отправьте сюда почтой*»* (л. 377). Речь идет о публикации статьи Герцена «La Russie» (написанной в форме письма к Гервегу) в парижской газете «Voix du Peuple» (см. об этом выше, на стр. 52 настоящего тома).

В том же письме Наталья Александровна сообщала Эмме, что сняла дачу, на берегу Женевского озера, в Вето (кантон Во), выражая при этом неуверенность насчет переезда туда, несмотря на внесенный задаток и нанятых слуг. В другом письме из Женевы, от конца октября 1849 г., она писала: «1 ноября нас уже не будет в Женеве; у меня грустные предчувствия в отношении Вето, но я не хочу им поддаваться ⟨...⟩ Ты поступаешь весьма благоразумно, что остаешься в Париже,— но не более. У меня предчувствие и весьма глубокое, что и мы вскоре там окажемся. Что же касается наших весенних путешествий... то ты будешь более подвижна, чем я, — моя недостаточная подвижность будет полезна и для русской пропаганды и для Таты, которая постоянно просит меня родить ей маленькую Аду» (л. 279). По-видимому, под влиянием Гервега Наталья Александровна вскоре отказалась от мысли поселиться в Вето, найдя более целесообразным возвращение в Париж. Однако и это намерение сразу осуществить не удалось — вначале из-за затруднений с визированием паспортов, а затем вследствие болезни Натальи Александровны.

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Lorsque la lettre à Her⟨wegh⟩ sera imprimée, achetez 10 exempl⟨aires⟩ du journal et envoyez ici par la poste».

О настроении, которым она была в это время охвачена, можно судить по следующим строкам из ее письма к Эмме: «Я хотела бы жить вечно, как бы невыносима ни была моя жизнь, я перенесла бы всё и любила бы жизнь за возможность любить» (л. 270).

«Ровно пять месяцев, как мы в Женеве,— писала в это время Наталья Александровна Т. А. Астраковой,— я не говорила почти ни с одной женщиной, ни с кем не знакома, ни с кем! Всё и все мне кажутся хуже того, что у меня дома ... Ты, может, посмеешься над этим, а оно так (да ты и не посмеешься!). Александр — что это за юная, свежая натура, светлый взгляд, светлое слово, живая жизнь... с ним держишься на такой вышине... в такой ширине, что все кажутся какими-то тяжелыми жуками, роющими землю. Потом с нами живет здесь Георг — изящнее, поэтичнее я не знаю натуры, и все мы так сжились — я не могу себе представить существование гармоничнее» (цитируется по фотокопии с автографа из архива Колумбийского университета — Нью-Йорк).

В воображении Натальи Александровны рисовалась в самых радужных красках совместная жизнь обеих сблизившихся семей, окончательно поселившихся вместе на юге Европы. Париж мало привлекал Наталью Александровну: она сознавалась Эмме, что боится приезда в этот малосимпатичный ей город и возвращения к прежнему образу жизни: «Ужин, обед, социалисты, Пру⟨дон⟩, госпожа дю Бари или как там ее... Тургенев — о!..» — иронически восклицала она в одном из своих писем к Эмме (л. 394). Впрочем, о некоторых подробностях своей парижской жизни она вспоминала не без удовольствия, чувствуя себя неуютно в огромном женевском отеле. «В мрачный, холодный и дождливый вечер,— писала она Эмме,— дрожа от холода на жестких стульях перед бледным и чахоточным огнем, мы вспоминали с Георгом твою красную комнату, в которой, бывало, с таким упоением катались по полу» (л. 383).

«Паспорт Георга еще не прибыл,— отмечала она в конце ноября 1849 г., во время своей болезни.— Как только Георг его получит, он отправится в Париж [15]. Александр на днях едет в Цюрих, чтобы привести в порядок кое-какие дела. Затем, как только здоровье мне позволит, мы все уедем в Париж» (лл. 385—386).

19 декабря Герцен с женой покинули Женеву и отправились в Цюрих, где жили в это время мать Герцена и его сын Коля, воспитывавшийся в училище для глухонемых. Проводив их, Гервег тотчас же уехал ненадолго в Берн.

21 декабря Наталья Александровна известила Эмму (из Цюриха) о предстоящем приезде в Париж Герцена с матерью:

«Ты сильно удивишься, моя Эмма, увидев в один из ближайших дней Александра и его мать, которые хотят остановиться у тебя. Ты поступишь хорошо, если утаишь от *друзей*[16] приезд Александра, чтоб иметь возможность вволю наговориться о ваших делах. Что до меня — я в этом ничего больше не понимаю, я вооружилась покорностью судьбе; будь что будет — я жила!..

От Александра ты узнаешь все, что касается нас, лучше, чем если б я сама тебе написала. Георг находится в Берне, Александр пробудет у него один день ⟨...⟩

Они ⟨т. е. Герцен с матерью⟩ едут завтра или послезавтра» (л. 395).

В следующем, недатированном письме к Эмме Наталья Александровна заявляла: «Я радуюсь, видя тебя вместе с Александром,— я думаю, что вскоре ни один из нас уже не будет отсутствовать в нашем маленьком кружке» (л. 397).

21 декабря датирована записка Н. А. Герцен к Гервегу (из Цюриха) в ответ на его письмо[17]. Написана она по-русски и по-французски. «Благодарю, благодарю, милый, дорогой, *несравненный* друг!— пишет Наталья Александровна.— Ваше письмо принесло мне невыразимую радость. Я также вас люблю. Жду свиданья, жду, жду!..» (л. 406)[18].

На следующий день, 22 декабря, она пишет Гервегу, обозначив по-русски: «Соседу, ученику, другу»:

«Если б у меня хватило смелости описать вам нашу здешнюю жизнь, которая *никоим* образом в материальном отношении не может вас удовлетворить, я сказала бы вам в конце описания: наберитесь храбрости и приезжайте провести несколько дней с глухими и немыми!

Как грустно быть так рассеянными по свету... Похороним же, по крайней мере, вместе, вдвоем, 1849 год, присутствуя при появлении 1850-го, это принесет пользу но-

врожденному. Бесполезно говорить, как я была бы счастлива, если б это осуществилось, однако я буду мучиться при виде тех лишений, которые вам придется здесь перенести 〈...〉 Не забудьте сообщить мне все новые проекты, которые Александр составит на пути из Цюриха в Берн 〈...〉 Расцелуйте за меня своего двойника» (своим «двойником» Гервег обычно называл Герцена) (лл. 408—409).

23 декабря она снова пишет Гервегу (по-русски и по-французски): «Только что получила ваше письмо и была ему невыразимо рада. Писать много не могу, надо скоро послать письмо на почту. Что-то вы делаете и где ваш *близнец* (besson) и что он еще выдумал? Никогда разлука не вводила меня в такую грусть, как на этот раз, предчувствие ли это?..*Нет!* Наша жизнь еще будет хороша, еще мы все будем вместе, без лягушек[19], гармония, гармония, гармония.

Мне мое сердце говорит, что вы едете сюда, правда ли? И когда? — Да, теперь Вевэ, но одно несомненно, что Цюрих не будет нашей резиденцией,— Александр испытывает к нему отвращение. Впрочем, вам предоставлены все полномочия для выбора места, пора этим заняться...» (лл. 427—428).

Через несколько часов она снова пишет Гервегу (по-русски):

«Едва запечатала мое письмо к вам, опять потребность говорить с вами. Зачем вы кашляете? Верно вы простудились, провожая нас. Нет слов для того, чтоб сказать все, что я чувствовала в ту минуту, когда мне видно было только ваш белый платок на черном fond*... Зачем, зачем мы сюда, а вы туда?.. Зачем?.. Какая жестокая шутка вся жизнь. Но все же есть минуты/\/\/\/\/\/\[20], и за эти-то минуты надо переносить остальное, я за них переношу всё, всё с радостию.

Мы с Александром долго говорили о вас перед его отъездом, в последний вечер, и для меня всегда один результат: оба вы правы! — Он тоже умеет любить, много любить *по-своему*...».

24 декабря Наталья Александровна приписывает к этому письму по-французски:

«От вас письмо — я не постигаю, почему Александра не было вчера в Берне, в минуту, когда вы отправляли это письмо. Изменил ли он снова свои планы?.. Я жду также несколько слов от него. Я становлюсь суеверной, я стану бог весть чем, если вы не приедете. Вчера я обедала и провела вечер со слепыми, сегодня же — все утро — директор, глухие, немые, слепые... Я плакала от этого, как дитя, я заболела нравственно и физически... Я становлюсь недоверчивой... Ваше письмецо привело меня в себя, я лихорадочно схватила его, я сжимала его в руке, когда писала вам... Я буду счастлива сжать вашу руку при свидании.

Приезжайте, если это *возможно*,— хоть день, хоть час пробыть с вами!..» (лл. 410—411).

Встреча Герцена и Гервега состоялась в Берне вероятно 24 декабря 1849 г. Герцен смутно догадывался о любви Натальи Александровны к Гервегу, однако не подозревал, как далеко зашли их отношения. Подчеркнутое, доходящее до эгоцентризма себялюбие Гервега, софизмы, которыми он старался замаскировать безнравственность своего отношения к окружающим, лжеромантические рассуждения о «высших натурах», которым дозволено всё,—тем более сильно возмущали Герцена, что он стал замечать несомненное влияние их на Наталью Александровну.

Наталья Александровна давно уже была подготовлена к восприятию подобных идей. Достаточно вспомнить ее восторженное преклонение перед Лукрецией Флориани и другими героинями «великой Санд», проносящими «*живую душу* сквозь падения и разврат» (запись в дневнике от 13 ноября 1846 г.—изд. АН, т. IX, стр. 274). «Я хотела бы тебе лишь сказать,—писала она Гервегу в одном из своих позднейших писем,— что чувствую себя *всегда* такой чистой, такой святой пред тобой, пред всеми, во всем... Быть может, *это только желание быть такой*, но это так! *Я очищаюсь* в том, что все нашли бы грязным, *я горда* тем, что вызвало бы презрение, я нахожу одну лишь истину в том, что другие считают ложью» (л. 726).

* фоне (франц.).

Принципиальный вопрос о безнравственности эгоизма и пытался поставить Герцен во время бернского свидания. Однако Гервег горячими дружескими излияниями воспрепятствовал его обсуждению. «Слабодушная двойственность» Гервега, понимавшего необходимость откровенного объяснения, но тем не менее избегавшего его, глубоко возмутила Герцена.

«Это чуть ли не была последняя минута, в которую я еще в самом деле любил этого человека... — писал в «Былом и думах» Герцен по поводу бернского свидания.— Думая всю ночь, я тогда только дошел до одного слова, не выходившего из головы: „Несчастие, несчастие!.. Что-то выйдет из этого?“» (изд. АН, т. X, стр. 254).

В написанном тогда же, после встречи с Герценом, письме к Наталье Александровне Гервег в туманных фразах, испугавших его корреспондентку, намекнул на то, что совместная жизнь, о которой Наталья Александровна строила такие радужные планы, в дальнейшем может оказаться невозможной.

«Милый, милый, дорогой! ⟨...⟩ — восклицала Наталья Александровна в письме к Гервегу из Цюриха от 25 декабря.— Почему вы пишете о каком-то будущем, которое должно рассеять нас в разные стороны?.. Кто, что может помешать вам всегда, всегда, всегда быть с нами? Это меня просто бесит, *наше* будущее в наших руках».

«Целую тебя, мой Сильвине...— приписывает она ниже.— Не думайте только, что я воображаю себя Фадеттой [21] — совсем нет! Я только то, что я есть, и не хочу быть ничем иным» (лл. 413—414).

Приехав в Париж, Герцен поселился у Эммы Гервег. Мать его вскоре уехала, и он остался один. «Это одиночество,— писал он впоследствии,— было мне необходимо, мне надобно было одному вдуматься, что делать. Письмо от Natalie, в котором она говорила о своем сочувствии к Г⟨ервегу⟩, дало мне повод, и я решился писать к ней. Письмо мое было печально, но спокойно; я ее просил тихо, внимательно исследовать свое сердце и быть откровенной с собой и со мной; я ей напоминал, что мы слишком связаны всем былым и всею жизнию, чтоб что-нибудь не договаривать».

Герцен приводит далее ответное письмо Натальи Александровны, которая в полной растерянности писала ему: «...Может, я виновата во всем, может, недостойна жить — но я чувствую себя так, как писала как-то тебе вечером, оставшись одна. Чиста перед тобой и перед всем светом, я не слыхала ни одного упрека в душе моей. В любви моей к тебе мне жилось, как в божьем мире, не в ней — так и негде, казалось мне. Выбросить меня из этого мира — куда же? — надобно переродиться. Я с ней, как с природой, нераздельна, из нее и опять в нее. Я ни на одну минуту не чувствовала иначе. Мир широкий, богатый, я не знаю богаче внутреннего мира, может слишком широкий, слишком расширивший мое существо, его потребности,— в этой полноте бывали минуты, и они бывали с самого начала нашей жизни вместе, в которые незаметно, там где-то на дне, в самой глубине души что-то, как волосок тончайший, мутило душу, а потом опять все становилось светло». «Эта неудовлетворенность, что-то оставшееся незанятым, заброшенным,— цитирует далее Герцен другое письмо Натальи Александровны,— искало иной симпатии и нашло ее в дружбе к Г⟨ервегу⟩» (Изд. АН, т. X, стр. 254).

Отвечая ей на это, Герцен писал:

«В твоих письмах есть струна новая, незнакомая мне — не струна грусти, а другая... Теперь всё еще в наших руках... будем иметь мужество идти до конца. Подумай, что после того, как мы привели смущавшую нашу душу тайну к слову, *Г⟨ервег⟩ ввойдет фальшивой нотой в наш аккорд — или я. Я готов ехать с Сашей в Америку, потом увидим*, что и как... Мне будет тяжело, но я постараюсь вынести; *здесь* мне будет еще тяжелее — и я не вынесу».

На это письмо Наталья Александровна «отвечала криком ужаса». Мысль о разлуке с Герценом ей никогда не приходила в голову. «Что ты!.. Что ты!.. Я — и разлучиться с тобой — как будто это возможно. Нет, нет, я хочу к тебе, к тебе сейчас — я буду укладываться, и через несколько дней я с детьми в Париже!».

В день выезда из Цюриха она писала Герцену: «Точно после бурного кораблекрушения я возвращаюсь к тебе, в мою отчизну, с полной верой, с полной любовью. Если б состояние твоей души похоже было на то, в котором я нахожусь! Я счастливее, чем когда-ни-

будь. Люблю я тебя все так же, но твою любовь я узнала больше и все счеты с жизнию сведены,— я не жду ничего, не желаю ничего. Недоразумения! — я благодарна им, они объяснили мне многое, а сами они пройдут и рассеются, как тучи» (там же, стр. 255) [22].

Приглашая Наталью Александровну приехать в Париж для объяснений, Герцен подчеркнул, что желает ее приезда *без детей*. Герцен придавал этому особое значение. Наталья Александровна не приняла, однако, во внимание настойчивой просьбы Герцена и решила привезти с собой старшего сына и обожаемую Герценом Тату, надеясь, вероятно, их присутствием несколько ослабить остроту предстоящих объяснений с мужем.

Узнав об этом, Герцен предложил Гервегу и Наталье Александровне съехаться с ним в Мюльгаузене (Мюлузе), чтоб обсудить создавшееся положение. Однако ни Гервег, ни Наталья Александровна, по-видимому, не решились на открытое обсуждение этого вопроса, и встреча в Мюльгаузене не состоялась.

Приезд Натальи Александровны в Париж и объяснение с нею успокоили Герцена. Наталья Александровна уверила мужа, что ее чувство к Гервегу не перешло и не перейдет границ обыкновенной дружбы.

«...Разлука с тобой, возвращение в Париж, Эмма — мне слишком много надобно было высказать, именно это и делало меня немой, я не могла найти себя самое, не только что слова,— писала она Гервегу из Парижа.— Покинуть тебя, не иметь возможности писать тебе, не знать, увижу ли тебя когда-нибудь... Но там, там... Мне кажется, я различаю слабый луч света, я ни разу еще не вздохнула свободно, как все запутанно, я пишу невразумительно, но ты меня поймешь».

«Как они прекрасны, как они велики — Александр и Эмма,— пишет она в том же письме.— А ты — это ты!!!. Как сильна их любовь... Я не знала до сих пор, как я необходима Александру, малейшее подозрение убило бы его; если б я приехала позже, я уж его не застала бы... Дорогой мой, для нас нет никакой возможности жить в одном месте, несмотря на все, что тебе искренне твердят,— *они ошибаются*, это убило бы нас, *я знаю это*. Перенеси же, перенеси все для нашего спасения!»... — «Даже в письмах твоих есть нечто, приносящее большой вред, —добавляла Наталья Александровна в заключение. — Прощай до первой возможности! Целую тебя» (л. 426).

Вскоре, однако, в Наталье Александровне начинают возрождаться прежние иллюзии о возможности совместной «гармоничной» жизни обеих семей. В каком виде она представляла себе эту гармонию, особенно в тех усложнившихся условиях, когда временное равновесие поддерживалось только полным сокрытием истины от Герцена,— ответа письма Натальи Александровны не дают.

В письмах Герцена за этот период мы также встречаем упоминания о возможной гармонии в отношениях между обеими семьями; но многие подробности еще не были известны Герцену, и его иллюзии в этом отношении гораздо легче объяснимы.

После возвращения Натальи Александровны в Париж переписка ее с Гервегом принимает двойственный характер. Помимо «открытых», «официальных» писем, писавшихся с расчетом на то, что их может прочесть Герцен, и посылавшихся часто в том же конверте, что и его письма, на адрес Гервега почти ежедневно отправлялись письма, не предназначавшиеся для постороннего глаза. Подобные же письма присылались Наталье Александровне Гервегом.

«Как будто мы никогда и не оставляли Парижа,— писала Наталья Александровна Гервегу 29 января 1850 г. вперемежку на русском и французском языках, — недостает только вас, дальний сосед. Опять — то мы у Эммы, то Эмма у нас, а вас нет как нет! Квартира ваша ужасно печальна. Мы валяемся с Эммой в вашем кабинете на ковре, перед камином. Мне все еще странно, все еще я не могу понять той бури, которая пронеслась над нами, тучи не все еще прошли, *а могли бы* пройти... Теперь мне кажется, что это зависит от вас, если б вы исполнили обещание — способствовать полнейшей гармонии — она бы могла быть полная!

Благодарю за письмо ваше и за письма. Я получила пакет у Эммы, открыла его — и не нашла для нее ни строки... Она горько плакала, плакала, и я, глядя на нее, и не рада была вашему письму, друг мой!

Теперь я люблю Эмму более, чем когда ⟨бы то ни было⟩. Она так добра, так великодушна, она любит вас любовью, равной которой я не встречала, и в этом чувстве столько юности, столько страсти и истины... Она так преданна... и видеть ее столь несчастной, видеть, как жестоко она страдает,— для меня невыносимо!

Мне кажется, вы бы хорошо сделали, если б увиделись с ней хоть на несколько часов; какая опасность приехать сюда? ⟨...⟩

Не только между нами, даже между нашими детьми — величайшая гармония; Тата и Горас любят друг друга страстно, Саша любит Аду, которая восхитительна.

Как-то мы обедали у „Провансальских братьев", без вас было грустно. Александр угостил нас таким крепким вином, что мы с Эммой совсем опьянели; не знаю, каким образом вернулась я домой; Эмма, едва лишь добралась к себе, — уснула».

«Да, я хорошо выполняю свою миссию,— заключает Наталья Александровна свое письмо,— но не воображайте, что другие плохо говорят о вас, вы поняты и любимы больше, чем предполагаете, поверьте мне» (под «другими» Наталья Александровна несомненно, подразумевала Герцена).

К этому письму Герцен сделал две приписки. Откликаясь на упрек Гервега, утверждавшего, что с приездом Натальи Александровны в Париж «избиение младенцев будет лучше производиться втроем» (под «троими» он имел в виду Герцена, свою жену и Наталью Александровну, а под «младенцем» — самого себя), Герцен следующим образом возражал ему: «*И, конечно, немножко ненавидят за ненавистные вещи. Вместо избиения младенцев втроем, я вижу лишь избиение младенцами Фараона — то бишь Ирода— и это не вредит ни его здоровью, ни дружбе, которую к нему питают*». Во второй приписке он писал: «*Я получил ваше письмо — мы совершенно согласны с вами в главном.— Поговорим еще об этом попространней*» (лл.433—436)*.

В письме от 1 февраля 1850 г. Наталья Александровна снова возвращается к вопросу об отношении Гервега к его жене — вопросу, который в это время служил одним из главных предметов обсуждения в переписке Герцена с Гервегом.

«Я настолько нахожусь под впечатлением горя Эммы,— пишет Наталья Александровна,— что не могу ни благодарить вас за ваше очаровательное письмо, ни отвечать, как хотелось бы ⟨...⟩ *Сама Эмма* приносит нам ваши письма. Представьте себе, что кто-нибудь, умирающий от жажды, смотрит на другого, держащего в руке стакан, полный воды... Какое впечатление произвела бы на вас эта *картина*?.. Судите же теперь, что должен испытывать *тот*, кто держит стакан... Эта пытка превышает *мои* силы.

Я *вижу вовможность* гармоничной жизни для нас четверых,— продолжает Наталья Александровна,— но *я не верю* в эту гармонию⟨...⟩

Я понимаю, что ваша жизнь в Цюрихе невыносима, вырвитесь оттуда, чтоб испробовать одиночество или кружок друзей, прислушайтесь к вашему сердцу, проверьте, как следует, свои силы и разберитесь в самом себе, чтобы не нарушить воцарившийся мир, гоняясь за гармонией, которая исходить должна от нас же самих.

Не знаю, приедете ли вы в Париж, или не приедете, вот почему я вам ничего не посылаю.

Да, я прочту „Вильгельма Мейстера", как только удастся это сделать.

Я видела Тургенева — это олицетворенное равнодушие[23]. Хоецкий — вежлив, Даримон — ниже всякой критики» (лл. 442—443).

«Встреча наша в Париже,— писал в «Былом и думах» Герцен,— была не радостна, но проникнута чувством искреннего и глубокого сознанья, что буря не вырвала далеко пустившего свои корни дерева, что нас разъединить нелегко. В длинных разговорах того времени одна вещь удивила меня, и я ее исследовал несколько раз и всякий раз убеждался, что я прав. Вместе с оставшейся горячей симпатией к Г⟨ервегу⟩, Natalie словно свободнее вздохнула, вышедши из круга какого-то черного волшебства; она

---

* Приводим эти приписки Герцена в подлиннике: «Et certainement tant soit peu détesté pour les choses détestables. Au lieu du massacre des innocents à 3, je ne vois que le massacre de Pharaon, pardon — Hérode — par les innocents — et cela ne nuit pas à sa santé ni à l'amitié qu'on lui porte».

«J'ai reçu votre lettre — nous sommes tout à fait d'accord sur les choses principales. Nous en reparlerons tout au long».

боялась его, она чувствовала, что в его душе есть темные силы, ее пугал его бесконечный эгоизм, и она искала во мне оплота и защиту» (Изд. АН, т. X, стр. 255).

Прямым последствием разговоров с Герценом явилось письмо Н. А. Герцен к Гервегу, написанное 4 февраля 1850 г. (дата почтового штемпеля):

«... Ты знаешь всю мою жизнь, то есть всю мою любовь к Александру,— во мне не найдется и крупицы, в которой не было бы его... Но нашлось еще место и для тебя. Моя жизнь завершена, я смотрю спокойно на смерть и даже желала бы ее... Да... Я *слишком* счастлива.

Не было и мгновения со времени нашей разлуки, в которое ты не был бы со мною, во мне, и так глубоко... Но „почему, — пишешь ты,— письмо из Парижа оказалось холодней, чем письмо из Цюриха?"— По той же причине,— отвечаю я,— которая мешает мне поверить в гармонию, которая даже заставляет меня бояться в скором времени увидеться с тобой,— чтобы *спасти* остаток гармонии, сохранившийся еще между нами четверыми. Быть может, со временем все изменится, и хорошо, если изменится,— тогда мы сможем и переписываться и жить (быть может) вместе, но *так*, как дело обстоит теперь,— поверь мне, поверь, первое так же *невозможно*, как и второе 〈...〉Один лишь намек на то, что было сделано, сказано и написано, *лишит меня* Александра, тебя же лишит нас обоих — я не хочу жить и минуты после того—моя жизнь перестанет быть нужной даже детям 〈...〉

О, если бы ты знал, в каком состоянии была я, приехав сюда, ты ни разу не упрекнул бы меня. Но я не могу еще ничего сказать — если ты не хочешь моей смерти (поверь, это не пустые слова), *не спрашивай меня ни о чем*, не знаю, долго ли я смогу тебе сопротивляться; если я ослабею, мы все погибли — я первая; по крайней мере, вы сможете жить тогда в полной гармонии — сделай же это, если подобная гармония тебя привлекает!..».

Далее Наталья Александровна горько упрекает Гервега за его упорное нежелание писать своей жене и умоляет уничтожить письма, которые ему посылала. «Силы покидают меня, голова кружится, прощай, обнимаю, обнимаю тебя, дорогой!»,— завершает Наталья Александровна свое письмо, в котором явственно ощущается полная растерянность, душевная тревога и борьба противоположных чувств (лл. 444—445).

«Да, я люблю спускаться,— восклицает Наталья Александровна в письме от 5 февраля 1850 г., написанном на русском и французском языках, откликаясь, по-видимому, на какую-то реплику Гервега.— Но знайте только, что в моем словаре *спускаться* — значит *восходить*; чем ниже я спускаюсь в глубины, тем более я подымаюсь в высь. О! Александр! Что скажет он об этом! 〈...〉

Вы видите, я продолжаю отвечать на ваше письмо от 1 февраля. Да, Александр говорит и о марте, и об апреле, он говорит и о Грассе, и о Джерсее, и об Уайте... и о чем только мы не говорили? Но судьба смеется над всеми нашими планами! И вся моя энергия, вся сила, воля, желание — ничто перед ее смехом. Поэтому я не пошевелю и пальцем для исполнения или разрушения какого бы то ни было плана. Это не апатия и не неподвижность. Быть может, мы будем идти в течение некоторого времени по разным направлениям — что за беда? Если вы не смотрите на брак, как на пожизненный абонемент на ваше тело, душу и т. п., почему хотите вы абонироваться на дружбу? Все это вздор, пустяки! Сошлись, разошлись, опять сошлись, опять разошлись, опять сошлись, и эти *опять* уходят в бесконечность...

Мы еще увидимся! Мы еще обнимемся! Я становлюсь веселой, ваше письмо, крошечное, без даты, наконец ваше благословение!.. Особенно письмо г-жи Г〈ааг〉 [24] меня радует. Это хорошо, пейте, пейте из синей чашки! Я всегда замечала в вас маленькую слабость к синим лентам г-жи Г〈ааг〉... а она — она просто очарована вами и дает мне чувствовать довольно заметно, что только я стою помехой между *вами обоими*.

Сколько раз нужно вам повторять, что Гоголя выписали? С самого своего приезда я занимаюсь поисками русских книг, но ни одной не достала до сих пор! Пока я посылаю вам отрывки из переводов, вот все, что я нашла в „Современнике". Когда вы все это закончите, я пришлю вам что-нибудь оригинальное.

Бернацкий, который еще помолодел, обещал подарить мне том Пушкина, не знаю который; если он вам подойдет, я пришлю его 〈...〉

Действительно, Мюллер-Стрюбинг так понравился Жорж Санд, что она его похитила, и он живет теперь у нее» (лл. 446—447).

На ревнивый упрек Гервега, утверждавшего, что Наталья Александровна подпала под «чье-то» влияние (он, конечно, имел в виду влияние Герцена), она горячо возражала (6 февраля 1850 г.): «Я нахожусь под влиянием? Никогда и ни под чьим! Моя дружба к вам так велика, так реальна, так необходима, что никогда и ничто не может ее разрушить, однако я тем сильнее страдаю, я протестую там, где она наталкивается в вас на нечто столь жесткое, нечто столь глубоко *противоположное* вашей прекрасной натуре! Что же это? Об этом мы достаточно говорили! Даже слишком много! Я избегаю для себя огорчения, боли от повторения. Эмма была отправной точкой для этих разговоров 〈...〉 Затем, я не знаю, как развивалась ваша переписка с Александром. Знаю лишь одно —что вы ему повторяете: „Достаточно любить" и что он вам возражает: „Нет, еще надобно действовать, то есть делать уступки другим". Должен ли он отступить? Должны ли вы продвигаться вперед? По-моему, вам надобно продвигаться вперед. В чем же, как? Примите же сами в соображение свою богатую натуру; после *сказанного* нами ранее, что могу я сказать вам еще? Я чувствовала бы себя на вершине счастья, *если б нам удалось жить в гармонии*, я желаю этого так страстно, как только могу желать, но я боюсь *устраивать* эту гармонию, боюсь торопить ее до того, как мы придем *в согласие*. А вы говорите, что я не хочу, что... и бог знает, чего вы только не говорите! Да простит вам бог!! Но я — я не прощу, например, предательства, измены... Мое пребывание в Париже было вам описано Александром...».

Снова и снова упрекая Гервега за его жестокое отношение к жене, Наталья Александровна пишет в этом же письме: «Любя вас, я вас ненавидела за эту жестокость! И вы спрашивали подробностей обо мне! Я тонула, я утопала в слезах Эммы 〈...〉 Мы прекрасны, мы возвышенны, если хотите, но, тем не менее, кажется,— я чувствую это,— в каждом из нас есть нечто, над чем нам следовало бы поработать; сделаем это чистосердечно, как делают дети, *поклянемся же исправиться*! Поклянемся же сами настроиться для того, чтобы гармония эта стала совершенной — неважно, вместе ли мы будем жить или врозь. Это больше зависит от дипломатов, чем от нас. И обнимемся все, все — не надо рукопожатий, если вы их не хотите — я на них не настаиваю. Ваша, ваша!.. И да здравствует гармония».

«Сожгите письма,— заключает Наталья Александровна,— пока полиция ими не завладела» (лл. 448—449).

Успокоенный заверениями Натальи Александровны в неразрывности их союза, о горячей любви и симпатии, испытываемых к нему, Герцен, в ответ на насмешливо-иронические выпады Гервега, трактовавшего их новое сближение как «смешное супружество», с достоинством утверждал, что брак его с Натальей Александровной основывается на полном взаимном доверии и ничем не нарушаемой гармонии. «Мы искренно готовы признать тебя своим другом, братом,— многозначительно прибавлял при этом Герцен,— но это ровно ничего не изменит в нашем союзе. И было бы несчастьем, если б это могло что-то изменить».

К этому письму (от 9 февраля 1850 г.) Герцен сделал следующее примечание: «Natalie была возмущена твоим письмом и не хочет отвечать» (см. основную публикацию).

Гервег не переставал укорять Наталью Александровну в том, что будто после переезда в Париж она резко изменила свое отношение к нему, и подчеркивал при этом, что инициатива их сближения целиком принадлежала Наталье Александровне.

«В чем же ты упрекаешь меня?— отвечала ему Наталья Александровна 17 февраля 1850 г.—В том,что я *меньше* обещаю, чем привожу в исполнение? Что я не разрушила нашего будущего минутным удовлетворением?.. *Что я спасала то*, что ты постоянно уничтожал? Можешь ли ты сомневаться в том, что каждое мгновение моей жизни вдали от тебя для меня невыносимо? Неужели ты до такой степени плохо меня знаешь?.. Любишь ли ты меня, наконец???!!!.

Я стала тебя судить более строго с тех пор, как нахожусь в Париже, потому что вижу тебя более жестоким, более эгоистичным по отношению к Эмме и *ко мне*, чем я ранее опасалась... Сколько зла причинил ты и ей и мне... Да, и мне также — тебе неиз-

вестно это, и этого я тебе не расскажу, а почему? Вследствие твоего... Но довольно об этом. Много я *перенесла из-за тебя!!!*

Ты говоришь на первой странице своего письма так, словно желаешь *оправдаться* в своей любви ко мне, словно хочешь *обвинить* в ней меня, меня одну. О, благодарю тебя за это! Приписывай, приписывай мне всё, я беру всё на себя, я хочу быть виновницей, я хочу быть единственной причиной моей любви к тебе и твоей ко мне, я хочу, если это преступление,— быть одна преступницей! Всё, всё! Отрицать это — значило бы для меня отрицать собственное существование! Я согласна на всё, на всё для этого — жить, умереть, всё... не могу только строить свое безграничное счастье на несчастье таких людей, как Александр и Эмма; малейшее подозрение явилось бы для них несчастьем, для меня же — смертью, клянусь тебе в этом! Не заставляй же меня повторять; то, что я высказала тебе,— *правда*. Ты внес смятение в наши жизни, от тебя, от тебя одного зависит *теперь* гармония. Ты столько обещаешь! Выполни же обещанное хоть наполовину. Если ты не соглашаешься сжечь портфель ⟨с письмами⟩ — что же другое *можешь ты* сделать для меня? Если полиция захватит его, если... Кто может поручиться за это? Отдай его, по крайней мере, кому-нибудь на хранение в запечатанном виде, ⟨перенумеруй⟩ страницы, вложи в пакет, запечатай его, надпиши адрес так, чтобы портфель ни в коем случае не мог попасть в руки тех, к кому он не должен попасть. Смелость в этом случае была бы просто слабостью, подлостью — кощунством, наконец, Георг! „Зачем же,— говоришь ты,— разбивать одно сердце, чтобы полностью овладеть другим?“ — Это неправда, мой друг!

Лондон? — но о нем говорили даже меньше, чем о Ницце, о Канне и т. п.

Всё теперь обстоит хорошо — от тебя, от тебя одного зависит, чтобы так шло и далее. Не знаю, приедешь ли ты; если нет, вложи письмо (в наше) для Эммы с ее адресом и затем в ее письмо положи записку для меня, но предупреди ее, что она должна передать эту записку мне одной, если случится, что она вскроет письмо перед кем-нибудь, и я тебе напишу так же, если это окажется возможным. А если ты приедешь?..

Дорогой мой, дорогой, дорогой!!! Я увижу тебя! О, нет у меня слов, нет слов, чтобы выразить все, что я чувствую... Увидеть тебя!..

Я искала тебя всю жизнь — и нашла тебя ⟨...⟩

О, никогда и никому я так не принадлежала, как тебе, тебе, жизнь моя, моя вторая жизнь — что стала бы я делать без тебя?.. Жизни моей, как ни была она прекрасна, как ни была она величественна и ни с чем не сравнима, мне было недостаточно! Мне необходим был ты! Я искала тебя на небе, искала среди людей — и повсюду, повсюду, всегда, всегда... И вот я нашла тебя, второе мое рождение!..

Милый, как обнимаю я тебя, когда о тебе думаю... О, только бы коснуться тебя... только бы увидеть... *милый, милый, милый*!..

Какой прекрасной могла бы стать для нас четверых жизнь — не порть же ее! Заклинаю тебя на коленях, Георг, друг мой, жизнь моя, ты знаешь, кто ты для меня... Малейшее подозрение — говорю тебе — убьет нас всех, дорогое дитя! ⟨...⟩ Если я делаю что-нибудь такое, чем ты недоволен, то знай, что я делаю это, чтобы *получить тебя*; не суди меня так легкомысленно, я не хочу всего тебе сообщать, и в этом нет необходимости, поверь мне. О, мы будем убегать далеко, далеко вдвоем время от времени — под небом вечно голубым. Dahin, dahin!!!* Твоя, твоя, твоя!

Сожги немедля мои письма, *прошу тебя*.

Не говори о страхе, о снисхождении. Это оскорбляет меня за тебя, за всех нас. Никто в мире не причинял мне так много зла, как ты,— говорю тебе,— не причиняй же мне его более. Позволь мне быть твоей руководительницей, ты обещаешь мне это — так исполни же обещанное! Прощай! Когда увижу я тебя? Напиши тотчас же! У меня нет ни времени, ни места, чтобы писать тебе. О, ты, о, Ζωή! ** Это должно свершиться!» (лл. 452—456).

17 февраля Гервег получил от Натальи Александровны следующее письмо на русском языке (судя по тону, оно имело «официальный» характер и могло быть прочтено Герценом):

---

* Туда, туда!!! (нем.).
** жизнь! (греч.).

«Давно я не писала вам, друг, оттого что не хотела писать под впечатлением вашего письма от 1-го и 3-го февраля. Я хотела его забыть, хотела вымыться от него. На сердце так наболело... я еще слаба; дайте-ка вашу руку, попробуем выйти на Dent de Jaman... мы были чисты, ясны и беззаботны, как птицы небесные, тогда! Подождите немножко,опять пойдем на какой-нибудь зуб*,опять будет хорошо,и пойдем все вместе, все, даже Ада...

Иногда я так глубоко чувствую возможность, необходимость и труда и отдыха вместе с вами... *Я не притягиваю* будущее, *меня тянет* в будущее... Да и в настоящем ведь хорошо, друг мой, посмотрите вокруг, и чего недостает вам лично?.. Мы страшно, *страшно* богаты. В море, так в море! Я готова с каждою волною подниматься и опускаться — всё: наслажденье и страданье — всего хочу! Не хочу только мелкого, тесного, душного; не хочу чужого в родном, не хочу безобразного в прекрасном. Страданье не есть диссонанс, с ним гармония полней. А то, что по душе скрипит, как нож по тарелке, того не надо! Не надо! А от нас зависит не скрипеть...

У меня светло, тепло и хорошо на душе; не весело, нет, еще веселиться я не могу, а так, жизнь немножко более повернулась ко мне хорошей стороной. Ну, не горюйте же и вы, дорогой мой ученик, переноситесь иногда в нашу среду хоть мысленно, если не хотите иначе, и вам будет лучше, здесь вы найдете столько правды и столько любви! <...>

Может, я вам пришлю критику на «Очерк истории русской поэзии» [25], за неимением книги и это полезно. Да еще если вы хотите взглянуть во внутреннюю жизнь русской аристократии в XVIII веке — переписку одного отца с сыном [26].

Пока прощайте! Сейчас унесли от меня Аду—милая такая. А Горас чудесный мальчик.

Я читаю с Александром „Le cadet de <famille>“ [27] слишком кроваво для меня.

Кто же это сказал вам, что мы едем в Лондон?.. Тот знает о нас больше, чем мы сами.

Тата любит вас, как прежде.

Бедный Александр все болен, все болен... лучше бы мне быть больной.

Кто Адель — не знаю, скажите. Addio, cher!..» (лл. 450—451).

В феврале 1850 г., по совету Герценов, Гервег пригласил к себе в Цюрих на несколько недель Эмму.

«Сегодня получили письмо от Огарева и Natalie; им тоже хочется к нам и тоже кажется пределом земного счастья маленький уголок где-нибудь в глуши, в тесном кругу близких людей,— писала Наталья Александровна 23 февраля 1850 г. Гервегу (на русском и французском языках).— Вот тогда-то мы заживем!! Огарев вот что пишет о вас: „Георг учится по-русски, ах он славный какой...“ Им хорошо друг с другом и нехорошо с лягушками,а жить с ними надо еще долго,— пишет Огарев,—может,еще два года! Это страшно. Огарев просит прислать ему его микроскоп. Мы будем пользоваться вашим, не правда ли? Вы должны написать *обязательно* человеку, который сделал микроскоп для Огарева, чтоб он пополнил все недостающие части, чтобы сразу же отправить ему. Натали ездит верхом на диких лошадях, как мужчина»** [28].

---

* «Dent de Jaman» буквально значит «Жаманский зуб».— *Л. Л.*

** В одном из своих писем к Гервегу от конца февраля 1850 г. Наталья Александровна писала по-русски: «Скоро год тому назад как мы ходили с вами в кабачок, выпили бутылку за Огарева и Natalie; помните ли вы это? Тоже скоро будет год, как в зимний сад ходили. Еще пожили бы мы хорошо и здесь, если бы вы были здесь <...> Да что же это вы не напишете к Тате! Она плачет каждый раз, как приходят письма. Я сержусь».

К этому месту Герцен сделал следующую приписку на французском языке:

«*Да, Тата плакала, потому что вы ей ничего не пишете и еще потому, что я сказал, что Горас и наши дети представляют собой две легко различимые расы, как борзые собаки и бульдоги. Она сильно разгневалась, утверждая, что я назвал Гораса собакой, Твой Горас ведет себя действительно восхитительным образом*».

(«Oui, Tata a pleuré parce que vous ne lui écrivez rien et encore parce que j'ai dit que Horace et nos enfants représentent deux races distinctes comme les lévriers et les chiens bouldogs. Elle se mit en colère extrême en disant que j'ai appelé Horace chien. Ton Horace se conduit vraiment d'une manière admirable»—лл. 478—478а).

25 февраля Наталья Александровна сообщила Гервегу (по-русски): «Вчера я была с Александром в Итальянской опере — „Il matrimonio segreto“ [29] — вечер, хорошо проведенный“ (л. 463).

Через два дня, 27 февраля, Наталья Александровна сообщала обоим Гервегам: «Из России снова пишут: „Ждать“! Это ужасно! Александр взбешен. Приготовим же, приготовим же пока пещеру, в которой можно будет скрыться! Георг, сделайте все, что от вас зависит, для Ниццы или же поедем в Испанию,— это не менее прекрасно! Однако действуйте, действуйте, действуйте!!!

И вы даже хорошо сделаете, если не станете нас дожидаться,— наши дела могут затянуться; *вас мы найдем везде!* Будьте уверены в этом!

НАКАНУНЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ПАРИЖЕ

Выставка политических карикатур «L'Illustration» от 9 декабря 1848 г.

Да и где, по-вашему, теперь найти себе убежище, если не близ своих друзей? Повсюду идет война, физическая и нравственная,— между нами же, в нас воцарится гармония. Я понимаю, я принимаю демонический элемент, грустную и горькую улыбку на высшем взлете энтузиазма; более того, я не представляю себе, как можно теперь жить по-иному ⟨...⟩ Не будьте же так ленивы, станьте деятельнее, наша совместная жизнь теперь больше зависит от вас, чем от нас; Александр пригвожден к Парижу, вы должны просто-напросто отправиться вперед и приготовить нам квартиру в Италии или Испании» (лл. 468—469).

«Я питаю полное доверие к тебе,— писала Н. А. Герцен позднее в интимном письме,— наше будущее *может быть* столь прекрасным!— все зависит от тебя»(л. 503).

Из русского письма от 3 марта 1850 г.:

«Париж сносен для меня только потому, что в нем много удобств для детей. Я смотрю на наше пребывание здесь как на *необходимое* зло и верую *непоколебимо*, что мы соединимся в обетованной земле, по которой у меня Heimweh*, я ищу ее везде — в картине, в звуке, в луче солнца... „*По этой причине*“ иду сейчас (то есть второй ⟨час⟩ пополудни) в концерт — одна! Бедный Александр все хлопочет по делам.

* тоска по родине (нем.).

Хорошо быть в толпе, где никто тебя не знает и ты никого не знаешь, и музыка, музыка... Хоть я и профан во всем, то есть наслаждаюсь инстинктивно,— мне было очень хорошо в концерте, незаметно преобразуешься, растешь... Воротившись домой, читала Байрона...» (лл. 472—473).

7 марта Наталья Александровна писала Гервегу (по-русски):

«Письмо ваше хоть и от субботы, а все так же мило, как и многие другие. Вы всё еще сердитесь на лягушек, а я — мне даже страшно мое равнодушие,— я признаю их лягушество, наконец, естественным и не возмущаюсь им. Много, много я страдала и мучилась за то, что все лягушки — не люди; наконец, не знаю как и почему, перестала страдать. Если человек встретит *одного* человека в жизни, задача его существования и существования всего человечества решена! Более от жизни требовать нельзя.

Лишь бы далее от них — и бог с ними! ⟨...⟩

На днях мы ходили смотреть в театр St. Martin *мучеников революции 93-го года*; сегодня идем смотреть *мучеников маскарада* — voyons, lequel de ces deux martyrs a plus de mérite!..*

Об Огареве и Natalie нечего более сообщить. Огарев радуется, что вы учитесь по-русски. Мне досадно на него, что мало пишет, но, видно, он очень занят своими фабриками. Каково будет тогда, как вся наша семья соберется?..

В иные минуты, особенно когда солнце светит и *греет*, я так счастлива, так *полно* живется... в эти минуты муравейник принимаешь за вселенную, и вселенную за муравейник. Хотелось бы мне только еще *после* жизни (а при жизни уж ничего не хочется!), чтоб меня сожгли, как была сожжена Zéba[30], и то если захочется кому носить с собою мой прах в коробочке.

Сейчас иду смотреть как Тата с Горасом делают гимнастику. Тата в слезах каждый раз как приносят письмо и к ней ничего. — En effet, vous êtes ingrat!** Так прощайте же!».

К этим словам Герценом сделана следующая приписка на французском языке, адресованная Эмме: *«Поскольку вы еще в Цюрихе, я также вам не пишу. Я глуп...»****.

Наталья Александровна здесь же опровергла его слова, подписав по-французски: «Это неверно, дело в том, что он только что окончил завтракать» (лл. 474—475).

В русском письме от 8 марта 1850 г. Н. А. Герцен сообщила Гервегу подробности о встрече ее и Герцена с парижской гризеткой Леонтиной, с такой симпатией описанной впоследствии Герценом в «Былом и думах»:

«Много, много вспоминали мы вас вчера, cher besson!****

Вспоминали вдвоем и втроем, и кто третий? Отгадайте! К кому вы когда-то были неравнодушны и кто к вам был неравнодушен... не догадываетесь?.. Милое, грациозное создание... все еще нет?.. ну подумайте же... Леонтина!!!.

Я писала, что мы собираемся в театр, смотреть *мучеников маскарава* (новая пьеса), а попали в настоящий, большой маскарад; отправились туда в три часа пополуночи — мне *одна* Леонтина понравилась столько же, сколько *весь* бал или вся зала. Как мне жаль было, что вас не было с нами, cher, cher besson! Жаль и Эмму, ей хотелось посмотреть и бал, и Леонтину. В пять часов пошли мы ужинать в Богатый трактир (café Riche), выпили (уже это вдвоем) бутылку Chambertin и полбутылки Моёт, а обедали в этот день тоже не дома, и вот из чего состоял наш обед:

креветки редис устрицы пердро с трюфелями сыр бри	питье: 1/2 зельцер 1 бутылка Рипбур 1/2 Моёт ... !!!	воспоминание и разговоры о вас и Леонтине...

Не правда ли, изящный обед! И как жаль, как досадно, что ни вас, ни Л⟨еонтины⟩ не было с нами!!! Ну да... когда-нибудь, может быть *скоро*, если не в café Riche, так на

---

* Посмотрим, у кого из этих двух мучеников более заслуг! (франц.).

** Поистине, вы неблагодарны! (франц.).

*** Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Comme vous êtes encore a Zurich, je ne vous écris pas non plus. Je suis bête...».

**** дорогой близнец! (франц.).

берегу моря будем есть устерок, будем ловить их своими руками в воде и потом отдыхать под небом вечно голубым в тени олив! Я ужасно люблю зелень оливковых деревьев, хотя она не блестяща.

У Леонтины глазок действительно болит, а что еще более оскорбило меня — это ее кавалер, который не стоит и подошвы ее, не только... ее больного глазочка!

Она была одета: в белой рубашоночке, в белых панталончиках, в белых башмачках с розовыми бантиками, в белой круглой шляпе и в белом парике! Вот вам все подробности. Да! забыла еще: в белом ожерелье. Александр хочет непременно отыскать ее и ходить к ней в гости. Итак, мир с Парижем, не все же в нем лишено charme'a!* Зачем же это я описываю вам?..

В глупейшей детской книге сказано: „Для великого человека (говоря о Петре Первом) ничего не мало".

Я от маскарада не только устала, но еще здоровее стала!» (лл. 476—477).

«Вчера мы ходили смотреть Рашель (Adrienne Lecouvreur),— пишет Наталья Александровна (по-русски) 10 марта 1850 г., в день дополнительных выборов в Национальное собрание,— ничтожную пьесу она подняла до великой трагедии. Толпа, т. е. публика, убивает меня своим безобразием — ни одного лица, ни одной черты, которая не отталкивала бы! Мне становится грустно и страшно, я тороплюсь посмотреть на Александра, чтоб отдохнуть и утешиться...[31] Сегодня Париж покрыт вооруженными солдатами; о люди, люди!.. Больно сердцу, тяжко...невыносимо... Хочу спастись в консерватории; если Александру не будет билета, уйду одна».

«Иду слушать „Пророка" Мейербера>,— приписывает она на следующий день,— что-то он мне скажет? Жизнь моя слишком полна в настоящем, чтобы желать знать будущее» (лл. 479—480).

Незадолго до своего отъезда из Цюриха Эмма с глубоким унынием сообщила Наталье Александровне, что Гервег неузнаваемо мрачен, что ее присутствие не доставляет ему ни малейшего удовольствия. В ответном письме, без даты, Наталья Александровна пыталась успокоить свою корреспондентку, заверяя ее, что радостные дни для нее вскоре наступят — когда обе семьи съедутся вместе. «Я мерзну в Париже, я умру гораздо раньше срока, если меня не увезут в теплые страны», — заключала она свое письмо, к которому Герцен сделал следующую шутливую приписку на французском языке**: *«Поскольку вас нет больше в Цюрихе, я вам не пишу»* ***.

В течение трех недель пребывания Эммы в Цюрихе Гервег воздерживался от объяснений с ней, помня настойчивые требования Натальи Александровны о сохранении полной тайны. Однако в последнюю ночь, накануне отъезда Эммы в Париж, Гервег во всем ей признался, уверяя ее, что привязанность его к ней нисколько не пострадала от чувства, питаемого к Наталье Александровне. Он на коленях умолял Эмму не покидать его, уверяя ее, что если она это сделает, он покончит с собой, так как жить без нее не может[32].

Эти обстоятельства внесли новые осложнения во взаимоотношения Натальи Александровны, Гервега и его жены****.

---

* очарования (франц.).

** Приводим текст приписки в подлиннике: «Comme vous n'êtes plus à Zurich, je ne vous écris pas» (лл. 398—399).

*** У него страшная головная боль.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

**** К этому времени относится записка к Эмме Гервег ее малолетнего сына Гораса, к которой приписано несколько слов Натальей Александровной и Герценом. К словам Натальи Александровны, обращенным к Коле: «Lieber Kola! Schönen Dank für dein Brief. M a m a» («Милый Коля! Большое спасибо за твое письмо. М а м а») — Герцен приписал крупными буквами: «*Und Papa-Vater 1845000 Küß* «И папа-отец 1845000 поцелуев»). Далее следующее обращение Герцена к Гервегу:

«*Егору Федоровичу.*

4 h<eures> tout va très bien. Mais très bien. Partout le calme et des promeneurs von allen Gattungen, Damen, Kanonen, Kinder, Dragonen. Au, revoir, rue de la Paix» («4 ч<аса>. Все в порядке. Да, в полном порядке. Всюду спокойствие и гуляющие разного рода, парочки, дамы, пушки, детки, драгуны. До свидания, улица Мира») (нем. и франц.— лл. 464—466).

«Я глубоко огорчена, *оскорблена*, да, оскорблена, — писала Наталья Александровна Гервегу в марте 1850 г. в «открытом» письме, в ответ на его сомнения о возможности совместной жизни,— ибо слишком верила в искренность и правдивость ваших желаний и обетов, данных вами во имя *нашей гармонии*, и вот *вы* смутились перед тенью, ибо мне известны все обстоятельства, — ничто, ничто не изменилось; мы так же полны нетерпения съехаться с вами, как и вы 〈...〉

Действительно, с тех пор как получены *три* ответа из России, в которых не говорится ничего определенного[33], в мои мечты иногда закрадывается сомнение насчет Ниццы. В случае, если отвеет будет неблагоприятен.... и если у нас не будет *никакой* возможности уехать на большое расстояние от Парижа... не можем ли мы *все* поселиться невдалеке от Парижа, на даче??» (лл. 481—482).

В интимном письме, вероятно относящемся к этому времени, в ответ на упреки Гервега, Наталья Александровна писала:

«Я любила, любила всю мою жизнь, а *тебя* — больше всего на свете...

Все остальные мои привязанности — это корни, листья, стебель, ты же — цвет растения, называющегося Натали, единственный цвет; если отрезать тебя — она не будет цвести вновь, вся ее сила, вся жизнь ее, все, что в ней было самого прекрасного, отдано цветку, даже листья опадут, корень отомрет — но цветок пострадает *и в том случае*, если станут обрывать листья, касаться корня.

Не знаю, почему хочешь ты сделать это, но *я чувствую*, что ты скоро убьешь меня — да свершится воля твоя!!.. 〈...〉

Ты занят другими делами, твоя любовь для этого слишком эгоистична, ты говоришь: „Умри, если любишь меня“.— *Хорошо!* Ты помнишь, как ты не любил, когда я иногда говорила тебе так?.. Сколько любви!..О, это *ты!* Как бы далеко мы ни находились друг от друга — я теснее связана с тобой, чем со всем миром» (лл. 490—492).

Разгул реакции, все более усиливавшийся в это время во Франции, вскоре сделал совершенно невозможным приезд Гервега в Париж.

В своем письме на русском языке, по-видимому написанном 18 марта 1850 г., Наталья Александровна писала Гервегу:

«Эмма говорила было что-то о паспорте для вас, чтоб приехать сюда,— ну, теперь не время *пробовать*, а я думаю, и Эмма думает, и Александр думает, что всего лучше Эмме ехать в Цюрих по окончании ее дел, и ждать вам там окончания наших, потом мы приедем к вам и уже все вместе отправимся в обетованную землю 〈...〉 Верно скоро увидимся, приготовляйте нам жилище; наконец, мне нравится это житье перелетной пташки с ветки на ветку. Кажется, мы оставим Париж скорей, чем думали.

Вчера Эмма была два раза у меня. Вечер, в самом деле, мы приятно провели, и она радуется тому, что Александра выгонят» (лл. 498—499).

Известие, полученное от Огарева, о репрессиях, которым он был подвергнут, болезненно поразило Наталью Александровну.

«С ними случилось большое несчастие,— взволнованно сообщала она Гервегу,— они все уехали, куда — неизвестно; Сатин, должно быть, сослан в солдаты, а их всех чуть ли 〈не〉 послали на покаяние, в монастыри или тюрьму. Писать нам не велят ни к кому... вот и жизнь! Вы знаете, мой дорогой близнец, кто для меня Натали и Огарев — вы можете судить, милый друг, чем явилось для меня это известие...Мне страшно, мне хотелось бы скорее хоть с вами соединиться и держаться крепко, крепко за вас; все распадается, гибнет — грустно... Точно последний день Помпеи 〈...〉 Спасибо за девизы, не один только Александр любит эти вещи, я также. Я могла бы выбрать своим девизом родник и скалу; вы знаете, что с самого детства я была всегда sepolta*. Вот почему меня всегда считали *холодной* 〈...〉

Дорогой друг, подумайте только, Натали и Огарев в монастыре!..

Дорогой, дорогой близнец, оплакивайте же со мной мою Натали...» (подлинник на русском и французском языках, лл. 501—502)[34].

Сообщая о том, что накануне она впервые прочла «Беппо» Байрона, Наталья Александровна пишет Гервегу (на русском и французском языках) 26 марта 1850 г.: «Моя

---

* погружена в себя (итал.).

библиотека не очень-то разнообразна, как вы видите; но, по-видимому, это моя * оставаться невежественной до самой смерти; с детских лет я всегда предпочитала *жизнь — чтению.* Самый простой пейзаж, журчанье самого ничтожного ручья, шелест листьев всегда заставят упасть лучшую поэму из моих рук...».

«Что ж вы думаете о письме Огарева?— добавляет она. — Я думаю, что, валяясь под тенью олив, мы вдруг услышим его голос... и Natalie. — О вы сильно полюбите это славное созданье! Бедный Бакунин! — Однако я никак не могу еще в это поверить!» (лл. 506—507).

В этом письме Наталья Александровна, сообщала, что Эмма с детьми переезжает в тот же отель Мирабо, где живут Герцены.

30 марта Наталья Александровна снова возвращается к вопросу об Огареве: «Уверяю вас, что мы сошли с ума; вообразите, мысль о бегстве Огарева радовала меня в течение двух дней, но затем я снова впала в тоску, глубокую тоску... Я боюсь узнать правду»[35] (лл. 510—511).

«Буду писать по-русски, чтоб сделать интереснее мое письмо,— замечает Наталья Александровна в письме от 1 апреля.— Вчера же в первый раз я была у Эммы, потом ходила гулять с нею же и встретила (тоже в первый раз) артиста en question*[36]; воротясь домой, страшно устала и легла в 8 часов, а Александр и Эмма отправились в Итальянскую оперу, воротились, разбудили меня и ужинали возле моей постели — может ли быть большее доказательство моей уверенности в вашей дружбе, как эти подробности?». «Я уже просила Тургенева об этих книгах»,— добавляет Наталья Александровна ниже. На этом письме рукой Герцена надпись: «*Егору Ва*〉*сильевичу*» (надпись повреждена) (лл. 512—513а).

«Я столько плакала в своей жизни,— писала Наталья Александровна Гервегу 2 апреля 1850 г., получив от него два сильно огорчивших ее письма, — что больше не способна уже плакать — слезы, вместо того, чтоб излиться из глаз, вливаются внутрь, пронизывают все кости — подобно яду; я ощущаю боль во всем теле и слабость; я не в состоянии сдвинуться с места; а как бы хотелось мне иногда поплакать, это б меня несколько облегчило 〈...〉

Видишь ли, мне кажется, что все могло б идти так хорошо, так хорошо — дружба, симпатия, гармония... и наш △ явился бы вершиной этой общей жизни, и ○ (знаешь, это *наш ребенок*) был бы ее звездой, солнцем, распространяющим свет и тепло на все...» (лл. 513—514).

Сообщая о том, что портрет ее не удался и что поэтому она не хочет его посылать Гервегу, Наталья Александровна пишет ему: «Поверь, мой ангел, *никто* не получит моего *хорошего* портрета *раньше* тебя, одновременно же — быть может» (л. 514а). В этих строках — несомненный намек на Герцена: по-видимому, Гервег ревниво упрекал Наталью Александровну в том, что она свой портрет намерена подарить мужу.

В том же письме Наталья Александровна писала Гервегу: «Послушай, еще одно слово — я сказала, что *все* могло бы идти *так* хорошо... Да, если б Эмма *не знала об этом* или если б она *это* понимала... Она несчастна!.. О, Георг, дитя мое, это *непоправимо*... Сделаем же, по крайней мере, все, чтоб облегчить ее горе!..» (л. 515).

В первых числах апреля Наталья Александровна писала Гервегу в своем интимном письме:

«Как бы хотелось мне hingehen...** Я уверена, что в один прекрасный день меня не обнаружат, и я сама не почувствую своего исчезновения, настолько моя жизнь, мои силы уходят. Я хотела бы лишь прежде увидеть тебя, провести с тобой несколько часов, глядеть, глядеть на тебя, долго, долго слушать,—ты сказал бы мне, как ты меня любишь... Потом обнимать тебя, долго, долго... Побыть в твоих объятиях... и потом hingehen...**

Почему говорю я тебе это? Да, я и за это упрекаю себя. И не могу помешать себе это делать, извини меня! Видишь ли, борьба так тяжела, а силы мои уходят... Этого не было бы, быть может, если б я обладала полной верой в будущее, однако, однако... дело в

---

* о котором шла речь (франц.).
** умереть (нем.).

том, что у меня этой веры нет... Почему?.. Почему? Почему? Я спрашиваю себя и не знаю, скажи мне это ты!!! В настоящем я не чувствую той гармонии, которую ты обещал мне, а в будущем... Скажи мне, скажи! Я чувствую, что она не невозможна, что ты мог бы сделать все— если б любил...» (л. 516).

В письме, полученном Гервегом 12 апреля 1850 г., Наталья Александровна писала: «*...Я была больна всячески, ужасно*, я не помню, чтоб когда-нибудь находилась в подобном состоянии — *прости мне это!* 〈...〉

Ты спрашиваешь, чего я от тебя требую, что *можешь* ты сделать для *них*, — много! 〈...〉 Я прошу тебя не причинять *им ни малейшего огорчения, ни малейшей заботы* — я прошу тебя *об этом*, так же, как прошу *любить меня!!!* Иначе... я не могу, не хочу жить! Я не покончу с собой, но это убьет меня,— и если ты не дорожишь моей жизнью — и я перестану дорожить ею — тогда прощай! Насколько это будет в твоих силах, сделай их счастливыми, *сделай все* для этого, постарайся сделать это» (лл. 521—522).

«Сердце мое, жизнь моя!— восклицает Наталья Александровна (письмо от 11 апреля 1850 г.).—Могу ли я отказаться от тебя без того, чтоб не умереть, могу ли не дышать тобой... Но медленной, затяжной смертью окружающих покупать твою близость — этого я также не могу! Называй это как хочешь, но это превышает мои силы 〈...〉

Теперь, если ты не желаешь жить с нами в Швейцарии, если ты предпочитаешь Ниццу, поезжай туда... я напишу тебе до востребования, и я убеждена, что Александр захочет вскоре к тебе присоединиться. Однако думай, продолжай думать, нет ли средства залечить рану, есть тысячи способов облегчить их страдания 〈...〉

Александр также не заслужил твоих упреков, он растерян, он не возражает против того, чтобы съехаться с тобой, уверяю тебя...» (лл. 523—526).

В своем «официальном» письме, написанном на русском и французском языках 14 апреля 1850 г., Наталья Александровна шутливо писала Гервегу:

«Ах, вы воображаете, что мы *роскошней*, чем вы, проводим наше время! Если вы называете гримасы Хоецкого, Тургенева, простертого на полу и храпящего, и страсть рисовать карикатуры,— если вы называете это роскошью,— вы правы! Если б у меня хватило смелости для описания наших дней и вечеров — вы вскоре бросились бы передо мной на колени, умоляя оставить в покое вашу душу.

И природа сама точно мачеха с нами— потешит лучом и опять мрак, холод, дождь... мне хотелось бы так погулять хоть раз в деревне, подышать... нет, и на улицу выйти нельзя! Ничего не делается, не читается, не думается, *банковый билет* налег на все, как черная туча, и давит, давит..., а когда разразится или когда прольется золотым дождем — тогда мы цыганскую собаку и посох в руки... а пока мы точно цыгане в шалаше, дети шумят, Тата и Горас пляшут польку, Эмма поет польку и бьет такт, Александр насвистывает галоп, Саша кричит и кривляется, я—устаю... пыль столбом... вот вам живая картина — довольны? Ну, вперед не жалуйтесь, что пишу мало.

А получили ли вы Лермонтова? Тургенев хочет нас и весь свет удивить исполнением наших комиссий, будет и Пушкин, и все будет! Ах, да! Ну, если правда, что амнистия? Готовы ли вы душой и телом в кибитку и вдоль дорожки столбовой?

Ах ты степь моя,
Степь раздольная...

Поедемте отыскивать Огарева и Natalie».

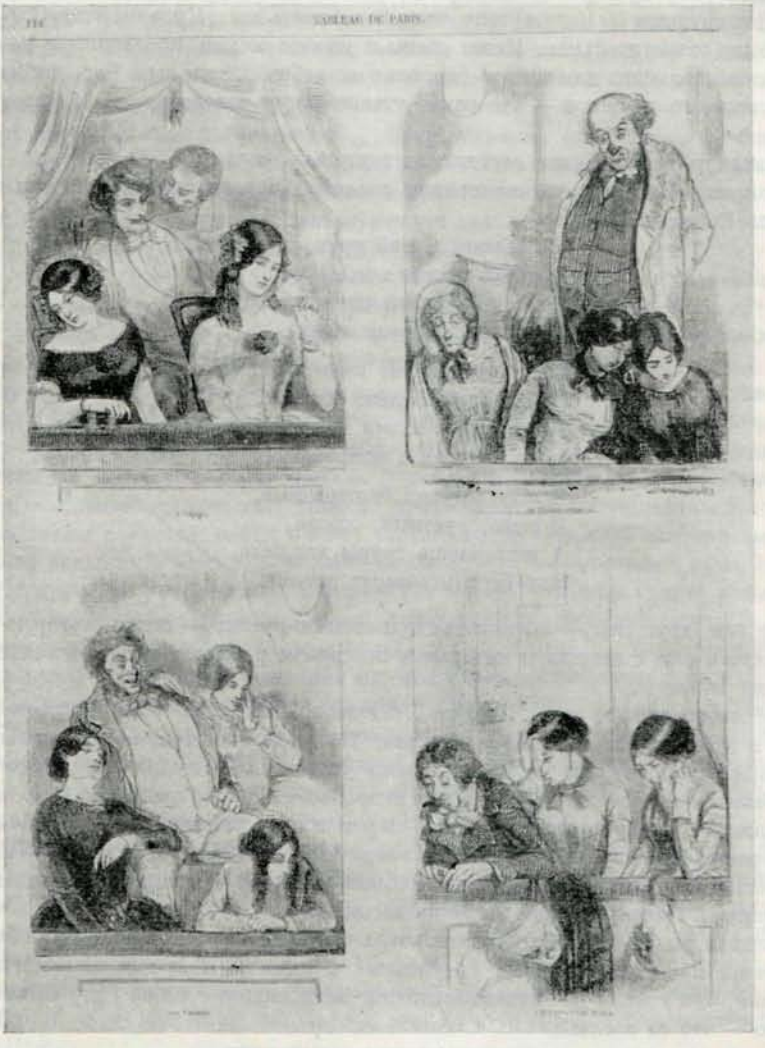
К этому письму Герценом сделана следующая приписка на французском языке: «*Так вот, представь себе, что я уже кончил письмо (которое и не начинал), тогда ты не удивишься, что я обнимаю тебя и на этом кончаю*»* (лл. 531—532).

«Действительно ли вы принимаете молчание за забвение, безразличие?— писала Наталья Александровна на следующий день также в «официальном» письме.— Мне часто кажется, что вы находитесь между нами, ваше отсутствие очень чувствительно,

---

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Eh bien, figure-toi que j'ai déjà terminé la lettre (que je n'ai pas commencée) alors, tu ne t'étonneras pas que je t'embrasse et termine».

сердце мое сжимается при виде того, как ваш близнец[37] грустен, скучен и одинок, так одинок! Не с кем ему разделить бутылку и сердце; он говорит, если хотите, говорит много, но иногда говорят ⟨много⟩ только для того, чтобы сказать поменьше. Мне так хотелось бы оставаться иногда одной дома и знать, что вы обедаете вдвоем у „Провансальских братьев" или сестер ⟨...⟩

В ПАРИЖСКИХ ТЕАТРАХ

Гравюра из книги: E. Texier «Tableau de Paris, 1852

«...каждый день они ⟨парижские театры⟩ битком набиты..... можно изучать потребности публики ...Была я в Национальном театре...» (Из письма Н.А. Герцен к Т. А. Астраковой от 23/11 апреля 1847 г.)

11 часов вечера — если б вы могли только бросить взгляд в нашу комнату — я и Эмма изготовляем тысячи бумажных корабликов, дети вокруг нас пожирают ртом и глазами наши флотилии и нас самих... Молчание, все едва дышат. Каждый боится, что другому достанется больше, чем ему... И, о Сильвине, подумайте только, подумайте— ваш Ландри[38] также трудится над бумагой с ножницами в руке... *Место и время для игры воображения*... и если б вы видели, как поглощен и он этим занятием!..

Попозже — я окружена молодым племенем, Эмма занята тем, что рисует их карикатуры, я также попробовала... А вы, дорогой, дорогой близнец, что вы поделываете? Войдите на минутку, войдите, чтоб облегчить наш мозг, нашу грудь...» (лл. 533—534).

На следующий день Наталья Александровна сообщала Гервегу:

«Вы вскоре получите еще кое-что на русском языке—отрывки из „Записок охотника" Тургенева и „Сороку-воровку" Александра. Это мой подарок ко дню вашего рождения[39].

О! Я сокрушила бы целую стену, лишь бы принять вас. „Куда мы ходим" — Никуда — погода была отвратительная. Наши обеды и ужины весьма прозаичны и не имеют ничего соблазнительного для такого балованного ребенка, как вы. Что же касается нашего маленького зверинца — это самое утепительное заведение в Париже и во всем мире ⟨...⟩

Александр отправляется сегодня на почтовый двор» (лл. 533—534).

17 апреля Наталья Александровна послала Гервегу следующие три строфы из «Стансов» Рылеева:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей,
Горький жребий одиночества
Мне сужден среди людей.

Страшно дней не ведать радостных,
Быть чужим среди своих,
Но ужасней истин тягостных
Быть сосудом с дней младых.

Всюду встречи безотрадные,
Ищешь, суетный, людей,
А встречаешь трупы хладные
Иль бессмысленных детей*.

«Вот вам, друг мой,— писала она при этом по-русски,— стихи, которые мне ужасно нравились еще с детства и которые я повторяла ребенком вместо веселых песенок. Творец их повешен.

Воображаю, каково вам в Цюрихе... Утешаюсь тем, что и нам в Париже не лучше, хотя вы и думаете, что мы здесь, как в раю. После долгого заключения, я вышла вчера в *Тюильри*, деревья распустились, зелень упоительная, гуляющие несносны. Ребятишки были счастливы...». «Старайтесь использовать мадмуазель Эрн,—добавляет Наталья Александровна по-французски, — в чем только сможете, чтобы начать *перевод* стихотворений Пушкина и Лермонтова, когда мы будем вместе» (лл. 543—544).

В письме к Гервегу, отправленном тайно в тот же день и не предназначавшемся для глаз Герцена, Наталья Александровна восклицала:

«В любви ты ужасен. Я получила вчера три твои письма... полные любви, да; однако у меня ничего от них не удержалось в памяти, я ничего не заметила, кроме твоих слов, что у меня „не хватит смелости" встретиться с тобой ⟨...⟩ Объяснение необходимо — что за пытка!..

А между тем все могло быть так ясно и гармонично...

Прежде всего: ты читаешь лишь то, о чем тебе время от времени пишет Эмма; я же вижу, что происходит в ней ежеминутно. Она терпит нашу любовь только потому, что надеется на *твое возвращение*, она хочет испить эту чашу лишь для того, чтоб увидеть, как перельется через край другая; *настоящее* для нее — лишь средство, вот почему *я не могу* говорить с нею о своей любви ⟨...⟩

Александр... Ты знаешь, что с тех пор как я себя помню, у меня, кроме него, ничего не было в жизни; я испытывала еще потребность в тебе — и нашла тебя. Для него же я — всё. Если ты возбудишь в нем хоть малейшее подозрение — ты отнимешь у него всё... детей... всё, всё ⟨...⟩

---

* Рукой Герцена у последней строфы сделано примечание на французском языке: «*Одной строфы нехватает, я ее ⟨не⟩ помню*» («Un couplet manque, je ⟨ne⟩ m'en souviens pas»).

Как посмел ты предположить, что Александр не потерпит *моей* исполненной симпатии *дружбы* к тебе, — ему она известна, но любовь, такую любовь... я не лгу, — говорю тебе, что если б она ему только стала известна, то он, не упрекая меня, уехал бы далеко, в Америку. Подумай, во что превратится тогда его жизнь — без детей, в одиночестве, в одиночестве ⟨...⟩

Во имя тебя, во имя моего здоровья, которое окончательно подорвано, Александр уедет на Средиземное море, когда покончит с делами и получит разрешение врачей. Я всегда желала лишь одного — чтоб обе семьи жили вместе... Я сделала для этого все, что могла сделать,— недоставало только окончательного ответа из Петербурга — и вот мы вместе, вместе! ⟨...⟩

Теперь я тебя совсем не понимаю... Твои упреки, отчаяние... Оставайся же вдали от меня, если не можешь принять меня такою, какая я есть. Скажи хотел ли б ты, чтоб я бросила Александра? Ответь же! Покинуть его—значит убить; желаешь ли ты этого? Превратить его тело в ступеньку, чтобы быть ближе к тебе... Наступи же ты лучше на мой труп ⟨...⟩

Если б ты знал мою силу, мою свободу, мою любовь, если бы ты знал меня... *ты любил бы меня во всем*, даже в моей привязанности к Александру, к *его* детям... Вырасти же, научись понимать меня, ничего от меня не требуй, и ты получишь всё... или же — оставь меня в одиночестве!» (лл. 537—542).

«Знайте же, что мы будем *вечером втроем* пить шампанское за ваше здоровье,— пишет Наталья Александровна Гервегу 20 апреля 1850 г. в «открытом» письме, поздравляя его, по русскому обычаю, с именинами,— потому что дни проходят беспорядочно и все заняты бог знает чем; но вечером — я люблю эти вечера — дети ложатся, пыль также, все успокаивается или хоть немного приходит в себя. С половины восьмого вечера до половины девятого, войдя в нашу гостиную, вы можете быть уверены, что застанете всех, больших и малых, молодых и старых, — с карандашом в руке, вырывающих друг у друга из рук резинку, которую все время забывают класть на середину стола (теперь этого делать уж не придется, я только что купила еще одну!), — превращая на бумаге образ и подобие божие в фантастические образы... Затем начинается беседа, Эмма мучит Александра, заставляя его делать с нас всех *живые* портреты, изображающие нас такими, какие мы теперь и какими будем впоследствии. Александр говорит, что Эмма, состарившись, совсем станет ходить на голове, а Эмма утверждает,что когда состарюсь я, то превращусь в сплошной *нерв*, так что меня не будут ни видеть, ни слышать, а будут только незримо ощущать волнение, беспокойство, и это буду я. Как это вам нравится? Мне кажется это очень верным!».

«Я думаю,— пишет далее Наталья Александровна, — что вы не получите русскую книгу 23-го, она еще у переплетчика, пока же советую не пренебрегать „Бэлой“ и „Мери“, „Фаталист“ — также Лермонтова; потом... быть может, я еще не уверена, быть может, если вы будете хорошо себя вести—вы получите еще и том Пушкина.

Не испугайтесь, если в один прекрасный день вам принесут извещение о прибытии вашей библиотеки — она была отправлена еще до кончины *покойного* проекта о переезде в Цюрих.

Сегодня мы идем в театр — Фадетта».

К этому письму Герцен сделал следующую приписку на французском языке: «*Юлиус-Ве-Курдиус* (*попросту Жюльвекур*) *не разрешает мне написать тебе, что за Эммой ухаживает не Нидергрубер, а Обер-Лаурер. А завтра я сообщу тебе, что она, желая тебя утешить, наняла горничную, ну и горничную...Черт побери...⟨с нее⟩, верно, напишут портрет*»*[40] (лл. 547—548).

Вслед за тем Наталья Александровна приписала: «Сию секунду сообщили новость —Прудон находится в Дуллане».

---

* Приводим эту приписку Герцена в подлиннике: «Julius-Veh-Curdius (Julvecourt *vulganter*) m'empêche de t'écrire que ce n'est pas Niederhruber, mais Ober-Laurer qui fait la cour à Emma. Et demain je t'écrirai qu'elle a pris pour te consoler une bonne ... mais une bonne... Fichtre... probablement on fera un portrait».

Стараясь рассеять в Гервеге уверенность в том, что Эмма с «возвышенно-жертвенной» точки зрения смотрит на их отношения, Наталья Александровна пишет ему: «Эмма только и просит, чтоб ее оставили одну, она повторяет мне это *каждую секунду*; она говорит, что для нее видеть нас вместе — значит умирать ежеминутно; она утверждает, что не уверена в самой себе; наконец, она говорит, что если б ты испытывал к ней *хоть сколько-нибудь* жалости, то не заставлял бы ее присутствовать при ее собственных похоронах... А оставшись одна, она стала бы спокойно ожидать твоего возвращения. Еще одно слово об Александре: *убей меня прежде, нежели коснется его хоть тень!*

Мы уедем в Ниццу едва лишь я только окажусь в состоянии это сделать; если ты возьмешь все на себя, мой дорогой, дорогой Георг, если ты сможешь сохранить чистейшую гармонию *и вселить ее в Эмму*,— то приезжай также в Ниццу,— доверяю *тебе*!

Отчего ты так боишься, *что я скажу*, будто ты полюбил меня первый? Ты так часто повторяешь мне это!» (лл. 551—553).

«Я сказала однажды Эмме: „Нашла ли бы ты естественным, если б я не полюбила Георга?“— сообщает Наталья Александровна в другом письме. — Но что мне говорить *ей*? Она *должна* видеть больше того, что я могу ей сказать» (л. 555).

Исполненные отчаяния письма, которые Гервег посылал в это время Наталье Александровне, не объясняя ей, несмотря на все ее просьбы, причины, вызывавшие такое его состояние, действовали на нее угнетающим образом.

«Чем могу я рассеять твою тоску, твои страдания, Георг, дорогой Георг??? — писала она ему по получении одного из таких писем. — Скажи мне, скажи, скажи!.. Временами я изнемогаю. Ты знаешь меня, ты знаешь любовь мою, я сказала тебе, что делала, делаю и буду делать все, *для меня* возможное, чтобы быть с тобой, близ тебя...

Дитя мое милое, чего хочешь ты *еще*???

Я желала б лишь знать, хочешь ли ты быть со мною вместе вскоре, в этом году...

Я думаю, думаю, мы думаем вместе с Эммой о том, каким образом ты сможешь писать мне,— *будь спокоен* [41], — и потом Александр решился ехать в Ниццу — он это сделает тотчас же, как узнает, что в Париже ему незачем оставаться.

Держись же несколько мужественней, ты и понятия не имеешь, в какое состояние приводит меня твое отчаяние, дай мне хоть чуточку *восстановить* силы!..» (лл. 557—558).

3 мая Наталья Александровна взволнованно известила Гервега о том, что поездка семьи Герценов в Ниццу уже решена. «Счастье Александра, и стало быть, столько же и мое я отдаю в твои руки, —его, детей, всё... тебя самого! *От тебя зависит*, принять это или не принять, вернее, взять ли тебе все это на себя».

С горькой обидой сообщает она в этом же письме Гервегу слова, повторяемые ей Эммой: «Ты должна либо излечиться (от этого чувства), либо отдаться целиком; оставайтесь пока вместе, а потом, когда пресытитесь друг другом, — возвращайтесь обратно». «На это я ей ответила,— пишет Наталья Александровна,— что она не должна рассчитывать ни на то, ни на другое».

«Я только улыбнулась, дитя мое, — пишет далее Наталья Александровна, — когда ты поставил мне в вину мое слабое здоровье, принимая его за отсутствие любви... С тех пор как мы расстались я три четверти всего времени провела в постели — моя ли в том вина? А эти нервные страдания, доводящие меня до безумия! Эмма плачет целые дни напролет, но становится свежей и здоровей после этого,— моя ли в том, опять-таки вина?..»

Знаешь ли, ты часто неверно судил обо мне — и теперь еще иногда неверно судишь, потому что я слишком часто молчу» (лл. 559—563).

«Я предупредила тебя,— писала Наталья Александровна Гервегу в это же время,— обо всем, что может произойти, если мы все будем жить вместе (особенно после разговоров с Эммой я считала это делом еще более невозможным), чтобы избежать мучительных последствий для *тебя* и всех остальных. Эмма постоянно мне повторяла, что для нее это смерть, что она первая невольно скомпрометирует нас, — могла ли я не предупредить тебя об этом?» (л. 573).

«Я люблю Эмму,— пишет Наталья Александровна Гервегу в другом письме без даты,— нет нужды повторять тебе это, но ее манера понимать или, вернее, не понимать наше чувство, нас обоих, делает меня все более и более несчастной, все более и более

sepolta, *я перевожу дух* только когда остаюсь одна... И потом эти болезни... Я иногда падаю от изнурения. Прости, ангел мой, прости меня, если я огорчаю тебя... Поезжай, поезжай, поезжай в Ниццу, заклинаю тебя! 23-го или — в крайнем случае — 25-го мы тоже туда отправимся — поезжай же!» (лл. 564—565)».

День переезда Герценов в Ниццу неотвратимо приближался. Наталью Александровну, между тем, продолжали одолевать прежние сомнения.

«Я боюсь одного в нашей совместной жизни, — пишет она в это время Гервегу,— это того, что ты захочешь возобновления прежних отношений со мною. Они невозможны,— то не проявление рабства с моей стороны, не деспотизм или предрассудок со стороны Александра — это более глубоко, более истинно, более законно... не уважать этого — значит желать чтобы мы рассеялись во все стороны, навсегда потеряли друг друга. Вот чего я боюсь и *в чем* не верю тебе, — быть может, я ошибаюсь — о, если так — ни облачка, ни нестройного звука... Как бы хотела я ошибиться!..» (лл. 576—577).

Подобные письма перемежаются в переписке Натальи Александровны со страстными мольбами, обращенными к Гервегу:

«Почему ты всегда, всегда так грустен?..

Знаешь ли, ангел мой, я иногда не понимаю тебя; говорю тебе, что наша любовь настолько выше всего, настолько независима...

Я еще больна.

Ах, если б я знала, что ты не так грустен!

Неужели то же будет, когда мы окажемся вместе?

Осыпаю тебя поцелуями, милый...

Прощай и не грусти так! Вот я пред тобой на коленях, мой Георг, я обнимаю твои колени.

Не грусти так!

Почему говоришь ты о смерти?.. Разве мало нашей любви для того, чтобы жить???» (письмо от 7 мая, л. 580).

«Жить без тебя?— восклицает она в письме от 10 мая. — Прозябать — *быть может, но жить* — нет.

И все же, дорогой, все же *я не могла бы*, говорю *тебе*, допустить, чтобы тень набежала на жизнь Александра. О! И *временами* — говорю тебе *всё*, не знаю почему, но я не могу иначе,— так вот, мне временами кажется, что в конце концов я останусь в одиночестве... *Не отвечай мне ничего на это, ничего, заклинаю тебя!*

Мы уезжаем в конце этого месяца <...> Я направлюсь прямо в Ниццу; если Александр не сможет поступить так же, он поедет в Женеву или в Цюрих» (лл. 583—584).

Несколько дней в середине мая Наталья Александровна была серьезно больна. Вслед за тем заболели дети.

«Дети — Горас и Тата — больны коклюшем,— сообщала она Гервегу в недатированном письме, написанном вскоре же,— я же еще слишком слаба, чтобы ехать; лучше будет переждать здесь, чем посреди дороги: через две недели мы выедем, это несомненно,— и прямо в Ниццу; не надоедай Александру Женевой — он туда не поедет».

16 мая вечером Наталья Александровна писала Гервегу:

«Небо наше проясняется, наше и ваше: сию секунду мы получили письмо из России, которое извещает, что Огарев, Сатин, Тучков и Селиванов были арестованы, но их освободили с извинениями, заявив, что то было недоразумение; их ожидают в Москве. О Натали там ни слова. Облако именно там, где мне так хотелось бы увидеть луч солнца!.. Тем не менее, целую вас от радости. *Мы уезжаем 20-го*» (л. 593).

«Надеюсь, что вы не заставите себя ждать, дорогой друг,— пишет Наталья Александровна Гервегу около 20 мая, извещая его о новой непродолжительной задержке в отъезде,— и что вы отправитесь даже вперед, чтобы приготовить не только для Эммы, но и для нас квартиру в Ницце? — Вы знаете, что Александр попросил разрешения остаться в Париже еще на некоторое время из-за болезней его домашних, с него взяли честное слово, что он уедет 25-го. Если я не обманываюсь, и если нас не обманывают,

мы покинем Париж через день или два после Эммы. — *Я теперь не более чем сиделка*» (лл. 594—595).

21 мая из Парижа в Ниццу выехала Эмма. В этот же день Наталья Александровна известила Гервега, что «первый том „Гнезда близнецов“ [42] отправился в путь, а „второй том“ отправится 24 или 25-го». «Теперь ваш черед!— восклицает она,— поезжайте, поезжайте!» (л. 597).

«У меня *святой* страх перед будущим»,— восклицает она в письме к Гервегу, написанном на следующий день. Но 24 мая в «официальном» письме она пишет о будущем уже в ином тоне:

«Что за жизнь ждет нас! — Специя... итальянцы говорят, что это несравненный уголок; прогулки, занятия... Быть может, это ребячество, но сердце мое прыгает от радости, когда я думаю о том, что через несколько дней мы будем напоминать собою птиц, вырвавшихся из клетки. Не могу сказать, до какой степени тяжело мне было отпускать Эмму, но это надобно было сделать! Она рисковала здесь очень большими неприятностями — впоследствии вы узнаете об этом более подробно [43] ⟨...⟩

Как только вам станет известно, что дело г-жи Гааг закончено, вам больше не придется оставаться в Цюрихе, вы сможете уехать в тот же день, и мы встретимся, может быть, в Марселе? Что скажете вы на это, мой сосед?» (лл. 603—604).

По ряду причин отъезд Герценов из Парижа продолжал задерживаться.

«Я не решаюсь писать тебе, дорогая Эмма, ибо не могу сказать ничего ни приятного, ни утешительного ⟨...⟩,— писала Наталья Александровна в Ниццу 31 мая 1850 г.— Дело ⟨наше⟩ в России подвигается очень плохо, присутствие Александра в Париже необходимо, ему дали еще одну отсрочку на 15 дней, но он не останется так долго, если ему в этом не представится необходимости. Трудно передать, как он несчастен от всего этого и как мне тяжело видеть, что *жизнь его* проходит в таких мучениях.

Сегодня для тебя большой праздник [44] — обнимаю тебя от всего сердца! ⟨...⟩

Время, оставшееся до нашего отъезда, я думаю провести в деревне, Париж невыносим» (лл. 610—611).

«Ты хочешь знать, в чем заключается моя болезнь,— добавляет она на обороте,— нервы, нервы и только нервы!»(лл. 612—613).

31 мая, в день рождения Гервега, Наталья Александровна писала ему о Герцене: «Если бы вы знали, как несчастен ваш Ландри... И к тому же столь одинок, столь одинок...» (л. 614).

На следующий день Наталья Александровна снова возвращается к вопросу о переезде:

«Александр горит желанием покинуть Париж, *всё* находится в чемоданах; если б мы оставались здесь только ради удовольствия — удовольствие это было бы совершенно испорчено неудобной жизнью — на чемоданах! Мы лишены возможности располагать малейшей тряпочкой — пожалейте нас и не говорите о наказании» (л. 623).

«Вы мне напомнили русский язык, милый мой ученик,— пишет Наталья Александровна в другом письме (по-русски), 3—4 июня 1850 г. — Я *было* его совсем забыла; ну, а когда мы будем в Италии — так уж все будем говорить по-русски! Последнее время я тоже почти забыла читать, а когда будем все вместе, так не нужно будет и писать. Целые дни я или гуляю, или не делаю ничего, мне все хочется прогнать скорее время и очутиться в оливковых лесах⟨...⟩

В самом деле, жизнь на берегу Средиземного моря, я воображаю, будет чудесна — дети и старики — все будут там счастливы, все мы сделаемся лучше и юнее».

«Нет, мой дорогой близнец,— добавляет она по-французски,— Александр не убедил меня; однако, если я иногда бываю не так грустна, как вы, то только потому, что не могу забыть того, что имею, ради того, чего у меня нет» (лл. 618—619).

К этому письму Герценом сделана следующая приписка на итальянском, немецком и французском языках:

«*Сегодня или никогда. „Никогда“ — значит в мае, в начале июня, милый Георг, да. Оставьте всякую надежду.— Мир разлагается, как гнилая рыба*[45]. *Тьфу, пропасть!*»*

---

* Приводим текст этой приписки в подлиннике: «*Oggi o mai. „Mai“* also May Anfang Juni, lieber Georg, ja. *Lasciati ogni speranza.*—Die Welt geht unter wie fauler Fisch...*Fichtre!*»

«Желание оказаться в Ницце,— писала Наталья Александровна Эмме 10 июня 1850 г., — так велико во мне, что мне кажется, будто у меня достанет сил перенести туда всю мою семью на собственной спине».

«Александр взялся отправить это письмо, вот почему оно осталось неотосланным до сегодняшнего дня[46],— приписала Наталья Александровна на следующий день,— пользуюсь этим, чтобы послать вам, мои дорогие друзья, совсем свежий поцелуй» (лл. 401—402).

«Георг пишет нам редко, воображая, что мы уже в Ницце,—с огорчением отмечает Наталья Александровна в недатированном письме к Эмме,— два письма он адресовал в Марсель; он не хочет покидать Цюрих до того, как дело моей свекрови не будет завершено〈...〉

Я надеюсь, что, когда мы отправимся в Америку (а это с нами непременно случится в один прекрасный день),— наш корабль не потерпит крушения! 〈...〉

Представь себе только наше удивление, когда мы прочли в письме Георга, что он глубоко уверен, будто твой отъезд устроен и ускорен *нами!* Как грустно, как больно быть настолько непонятыми самыми близкими людьми! — Быть может, он не знает всех причин, толкнувших тебя на это, не знает твоего страха перед Rode и т. д.» (лл. 403—404).

3

Приближавшееся завершение долговременной тяжбы с русским правительством по поводу запрещения, наложенного на вексель Л. И. Гааг, освободило Герцена от мучительного пребывания в Париже, и в июне 1850 г. он поспешил в Ниццу. Вместе с ним отправилась Наталья Александровна с детьми. Они приехали в Ниццу, принадлежавшую тогда Италии. Эмма Гервег со своими сыном и дочерью уже находилась там. Гервег же пока продолжал оставаться в Цюрихе.

Еще с пути, по-видимому из Марселя, Наталья Александровна писала Гервегу: «Да будет благословен этот уголок земли,— однако уголок крошечный, крошечный,— где после утомительного пути, измученные жарой и пылью, мы насладились восхитительным отдыхом и свежестью... и где вы навестили нас, дорогой близнец, своими ангельски благожелательными письмами; в минуту, когда Александр вскричал: „Ах, как здесь хорошо, мы останемся четыре дня в этой гостинице", — я открыла письмо, в котором вы говорите, что ему здесь очень понравится».— «Завтра в шесть часов пополудни,— добавляет она, — мы отправимся в Антиб водой; итак, 23-го мы будем в Ницце. Как счастлива я буду увидеть хотя бы детей и Эмму» (лл. 655—656).

30 июня Наталья Александровна писала Гервегу из Ниццы:

«Ваш бедный Ландри очень несчастен — вот уже восьмой день его рука на перевязи, на кисти появилось что-то, причиняющее ему сильную боль, это мучит его и вгоняет в тоску. Как часто хотелось бы мне видеть вас вместе!

Позавчера Ницца была освещена сжигаемыми в честь св. Петра лодками и блестящими мушками — не знаю, как их называют,— которые резвятся во мраке, как блуждающие огоньки. Это очаровательно!

А вчера вечером мы провели, думаю, часа два, на берегу моря. Знаете ли вы это место? Справа от гостиницы „Лондон", не очень далеко, против нашего будущего жилища; я бегала по булыжникам, небо было обложено тучами, море ворчало и время от времени пыталось напугать нас, кидая белую пену к самым нашим ногам; вся компания быстро отскакивала, издавая громкий крик, особенно дети, которых это забавляло» (л. 642).

«Ах, милый близнец,— писала Наталья Александровна в другом письме,— не могу удержаться, чтобы не прибавить вам несколько слов о нашем времяпрепровождении. Итак, я *постоянно* представляю собой публику, а Александр и Эмма — двух актеров на сцене; один изображает логику, другая же — ее отсутствие,— я хохочу, как безумная! Что же до них — они кончают тем, что *едва* не награждают друг друга тумаками... И все это с таким дружелюбием и энергией... Я очень хотела бы, чтоб вы собственными глазами посмотрели на эти сцены...

А что же будем делать мы с вами? Отсутствие или присутствие чего будем мы изображать?» (л. 662).

К великому удивлению Герцена, Гервег, так долго и настойчиво его торопивший с переездом в Ниццу, чтобы тотчас же к нему присоединиться и начать там «новую, гармоничную жизнь», продолжал, под разными предлогами, оставаться в Цюрихе.

«...я не могу примириться с тем, что вы не с нами, что ваше место среди нас пусто,— писала, в свою очередь, Н. А. Герцен Гервегу 7 июля 1850 г. (по-русски). — Ничто не ладится без вас: ни прогулки, ни споры...» (л. 672).

Наталья Александровна была в это время беременна дочерью Ольгой. Эмма сообщила об этом своему мужу. Гервег в ответном письме заявил Эмме, что не в состоянии переносить эту «измену» Натальи Александровны и вследствие этого не может заставить себя приехать в Ниццу. Не сообщая вначале этой мотивировки самой Наталье Александровне, Гервег в своих письмах обвинял ее в холодности и утверждал, что если б она только пожелала, он давно б уже находился в Ницце.

Действительно ли это являлось причиной нежелания Гервега приехать в Ниццу, где его ожидали с нетерпением и жена, и Наталья Александровна, и, как видно из публикуемых писем, сам Герцен,—неизвестно. Весьма вероятно, что его удерживала в Цюрихе, — по вполне правдоподобному предположению Эммы,— новая любовная связь (с этим предположением Эмма не без удовольствия поделилась с Натальей Александровной, не принявшей его, вероятно, всерьез и сообщившей о нем самому Гервегу). Между тем Герцен в своих письмах не переставал упрекать Гервега в детской непоследовательности, в то время как Наталья Александровна, «официально» повторяя те же упреки, по-иному упрекала Гервега в своих интимных письмах:

«Это причиняет мне боль, бесконечную боль — я просто не нахожу слов, чтобы выразить тебе, насколько мне мучительно видеть, как твоя любовь щепетильна, как зависит она от мелочей и как непохожа на мою любовь ⟨...⟩

Георг, ты не знаешь меня.

По твоим словам, ты давно уже был бы здесь, если б я только того захотела ⟨...⟩

Желаю ли я и насколько я желаю быть с тобой— это ты должен был бы, наконец, *почувствовать* сам! Бесконечные сомнения, подозрения, мелочные придирки, несправедливости... ах, письмо твое заставляет меня содрогаться, сжиматься от ужаса... Я ни к чему не способна в эту минуту, я совсем оцепенела...

Если ты видишь хоть малейшее препятствие к тому, чтобы приехать сюда и жить близ меня — не приезжай! Это доказывает, что у тебя не хватает сил для борьбы со всем, что может тебе противопоставить совместная жизнь.

Я слишком оскорблена, я слишком страдаю — подожду от тебя, ангел мой, еще письма, которое меня, быть может, вновь приведет в себя» (лл. 665—666).

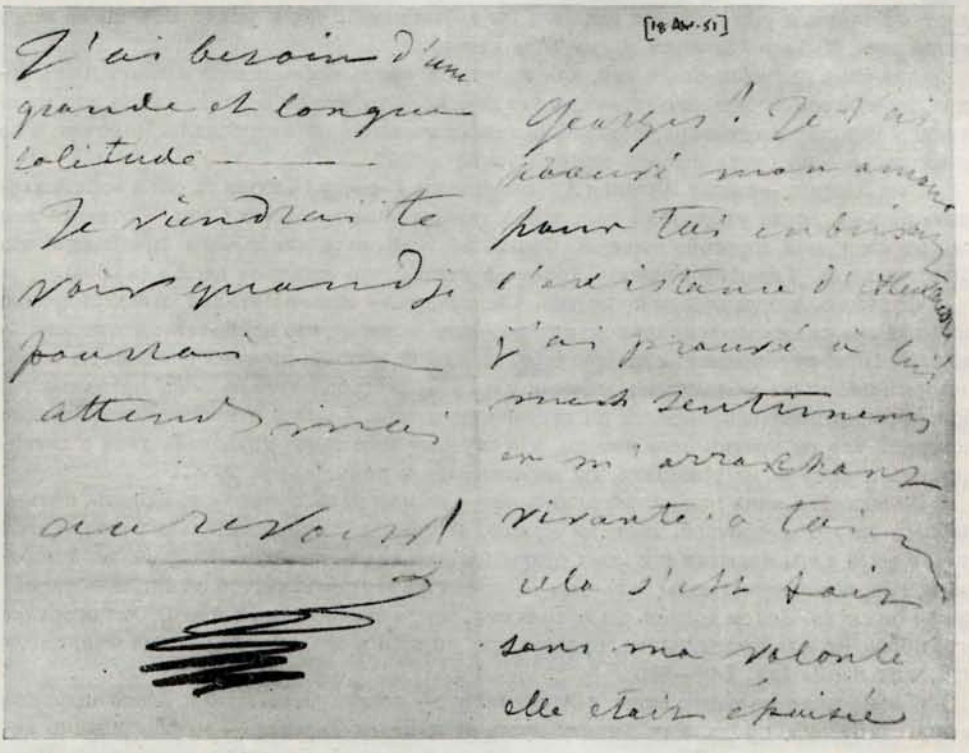
Несколько записок, полученных вслед за тем от Гервега, в которых он объявлял о своем намерении вскоре приехать в Ниццу, привели Наталью Александровну в экстатическое состояние. Она была «уничтожена счастьем, безграничностью счастья» и пыталась рассеять опасения Гервега, что приезд «старух» (так непочтительно называли они мать Герцена и М. К. Эрн, которой, кстати сказать, тогда было только 27 лет) может помешать их счастью [47] (лл. 667—668).

Несмотря на неоднократные заверения Герцена, что он приветствует совместную жизнь с Гервегами в одном доме, Гервег продолжал делиться с Натальей Александровной какими-то бессмысленными подозрениями насчет ее мужа.

«...Ты подозреваешь Александра там, где его искренность, его доверие, откровенность причиняют мне боль — так они велики и так мало оценены они тобою,— пишет Наталья Александровна.— Мне это очень, очень больно. Все, что я говорю тебе, — *правдиво*, как и моя жизнь.— Не думай, что существует хоть малейшее препятствие со стороны Александра — наоборот, он сделал *все, от него зависевшее*, чтоб убедить Эмму, но она уже и не скрывает более *передо мной* всего своего отвращения, ужаса перед совместной жизнью в одном доме ⟨...⟩

Георг! Георг! Мой Георг!! Но *если ты* — мой Георг, если *я* — твоя Натали — если ты не приедешь с целью убить меня,— *не поступай так больше!* Умоляю тебя, также на коленях, не разрушай ту видимость гармонии, которая установилась между нами... Сделай над *своим характером* некоторое усилие...».

«Нет, это не любовь,— восклицает в заключение Наталья Александровна.— Любящий человек не поступал бы так, не действовал бы подобным образом...» (лл. 683—684).

АВТОГРАФ ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ ОТ 18 АПРЕЛЯ 1851 г.

Разворот листов первого и последнего

Британский музей, Лондон

В другом письме к Гервегу Наталья Александровна писала по этому же поводу:

«Иногда твоя любовь бывает слишком узка, она зависит от стольких, стольких условий (...)

Почему ты всегда говоришь о разлуке? Кто же, кто хочет нас разлучить? Все только и мечтают быть вместе (...)

Мой портрет... я не хотела бы давать его Эмме — у нее достаточно подобных вещей от г-жи д'Агу...»[48].

«Я думаю, что вы уже получили *давно* ответы мои на *все* ваши вопросы, которые я получила *вчера только* вечером (обыкновенно письма из Цюриха приносят в $7^1/_2$ вечера)? — писала Наталья Александровна Гервегу беззаботным тоном (по-русски) 10 июля в своем «открытом» письме.— Нового с тех пор прибавилось только мороженое по вечерам и два живописца за обедом. Все большие прогулки мы откладываем до вашего приезда, а пока я знаю красоты Ниццы только до гавани.

Если вы, mon cher besson, будете продолжать так медленно собираться к нам, как до сих пор, то уже застанете нас в нашем новом доме, который отделывают

к 1 августа; этаж над нами тоже отделывается. Если он вам покажется *сносным*, то мы будем владетелями одного сада и одной террасы; но комнаты малы, низки; ни Эмма, ни мы не можем без вас решиться—viene e vidi—je ne sais pas dans quelle langue c'est—mais c'est égal, vous devez comprendre*.

Не забудьте, уезжая из Цюриха, поручить *Калипсе* (так Саша называет свою *бабушку*) микроскоп; я с истинным наслаждением воображаю наши занятия естественными науками; *может быть*, и Огарев и Natalie приедут сюда — целая колония!..

А как бы хорошо тогда было! В нашем саду есть маленький домик**, который отдается внаймы и который для них был бы достаточен... вот и уничтожай после этого семейство! Мы все бы были тогда *одна* семья!..

Ада меня не любит более так, как прежде, а чрезвычайно нежно ласкает Александра, будет и вас любить, очень, вот вы увидите; не за то, что вы ее отец, а за то, что мужчина! Даже старого доктора, который похож на моську, целует и гладит. Впрочем, я не отчаиваюсь, она будет любить меня» (лл. 681—682).

«Ваш Ландри,—пишет Наталья Александровна Гервегу 14 июля также в «официальном» письме, снова уподобляя всех троих героям повести Жорж Санд,— ответил вам сам за меня, мой дорогой, дорогой Сильвине! Позвольте мне *только* прибавить, что Фадетта и все „Гнездо близнецов" только и делают, что ожидают вас...» (л. 694).

«Я думаю, что ты совсем не знаешь Александра,— пишет Наталья Александровна вслед за тем уже в «неофициальном» письме,—мне кажется, что в тебе таятся относительно него какие-то сомнения: *я* говорю тебе, ангел мой, что *нет* другого человека на свете, который любил бы тебя больше, чем он, у кого было бы больше *истинной* преданности, больше искренней искренности по отношению к тебе, больше откровенности, больше доверия. Что ты против него имеешь, что внушает тебе такое неудовольствие и нетерпимость к нему — не понимаю! Ты *несправедлив* к нему, *поверь мне*...

Он не в состоянии полностью понять *нас* — нельзя от него этого и требовать, нельзя на него за это сердиться, *это не нужно*. И совсем непростительно тебе, ангел мой, видеть в его письмах и в моих открытых письмах — намеки. Это рождает только смущение, недоразумения *между вами* — оставь же эту связь чистой и святой — такой, какая она есть. Зачем хочешь ты мстить ему, когда ты недоволен мною? Это огорчает его, приводит в замешательство, бросает тень на тебя в его глазах,— а *для чего*, ангел мой, для чего!» (лл. 649—650).

«Ты не прав по отношению к Александру,— восклицает Наталья Александровна в другом письме, продолжая защиту мужа от нападок Гервега,— ты совершенно неправ, *ты не оценил его*. Да останется *ваша дружба* чистой, простой и нерушимой. И да не переживу я ее!..» (л. 695).

«Если Александр и говорит с тобой о вещах, о которых ты предпочел бы от него не слышать,— пишет она Гервегу,— *в этом не его вина*; ты не жалуешься, но он видит, как все это мучит Эмму; я думаю, что скорей в ее интересах он заговаривает об этом, и к тому же он *слишком* считает себя твоим близнецом, чтобы молчать. Он совершенно успокоится *на этот счет, если увидит, что спокойны вы*. К тому же все это исходит из хорошего источника,— ты не прав, сердясь на это» (л. 698).

В письме, относящемся к этому времени и датированном 17 ⟨июля⟩, Наталья Александровна писала Гервегу (по-русски):

«Егору Васильевичу

Я с восторгом читала ваши выписки из Веневитинова, во-первых, потому, что они сделаны вами, а потом — это напомнило мне так живо мою молодость. Александр подарил мне Веневитинова, это был первый поэт, которого я узнала, полюбила, в котором нашла бездну симпатичного; даже я была влюблена в его портрет, который с него сняли уже с мертвого, и перед отъездом из России простилась с его могилой. И как знакомы те места, которые вы выписали!.. Эта книга долго была моим другом;

---

* Приди и взгляни— не знаю, на каком это языке, но это безразлично, вы должны понять (искаж. лат. и франц.).

** Если б вы были *монах* — он годился бы и вам!.. — *Примеч. Н. А. Герцен.*

с каким наслаждением я перечитаю ее с вами!— Да как же вы достаете русские книги? Я так многим поручила прислать мне русских книг, что, я думаю, осенью мы получим целую библиотеку. *Все* мы ждем с нетерпением от вас письма, в котором вы сознаетесь в своей ошибке и назначите день приезда; Александр* думает, что вы уже *в дороге*. — Итак, до свидания.

Обнимаю вас от души» (лл. 699 — 700).

Дополнением к напечатанным выше многочисленным письмам Герцена к Гервегу о причинах, которыми он руководствовался при снятии дома в Ницце, может служить написанное 6 июля «официальное» письмецо Натальи Александровны, в котором она писала: «Прекрасные дачи, находящиеся *далеко* от моря, нас *всех* совсем не устраивают; только этот дом оказался для нас *приемлемым* и понравился нам благодаря террасе и саду; квартира, которая остается для вас, не слишком хороша, но и в других домах не было лучшей,— вот почему я и Александр были уверены, что вы непременно займете ту, что находится над нашей квартирой; но, чтобы сделать удовольствие Эмме, мы продолжали искать; вчера была сделана последняя попытка; теперь Эмма видит сама, что выбора нет, хотя, предупреждаю вас, друг мой, что я хотела бы для вас гораздо лучшей квартиры, — однако сад, где столько тени, искупает многое; затем терраса... Что до меня, то этой стороной я совершенно довольна, я совсем уже не беспокоюсь *о комнатах* с тех пор как увидела сад. Вы убедитесь, что я обладаю и *практическим смыслом*;во всех остальных садах было бы невыносимо днем, и они недостаточно обширны — не правда ли, я балую вас, вместо того, чтобы наказать за эти вечные вспышки...» (лл. 686—687).

В письме, написанном, вероятно, одновременно и предназначавшемся на этот раз для одного Гервега, Наталья Александровна писала:

«Как я несчастна, ангел мой, дитя мое, от того, что ты *столько* и *так напрасно* терзаешься — повторяю тебе еще раз, я не возражала *против этого дома* потому, что с первого же мгновения видела тебя в этом густо заросшем, большом саду — я тотчас же подумала о том, как мы будем там находиться вместе, о наших уроках русского языка... Я не обратила никакого внимания *на комнаты*, я плохо представляю их себе даже до сих пор, — знаю только, что жить в них можно; к тому же, я сразу же увидела, что вы будете *вынуждены* занять квартиру над нами, потому что в других домах такие квартиры стоят гораздо дороже. Видишь ли, Александр, вместо того, чтобы воспротивиться, советовал Эмме поселиться с нами, но... дитя мое, не огорчай ее — подумай, насколько все это естественно!.. Она так страдает, она так несчастна... Подумай лишь о том, как бы ее утешить! Умоляю тебя об этом на коленях, ангел мой, ангел мой!

Александр *сильно огорчен* твоей несправедливостью к нему.

Все было сделано так, как хотел ты...

Мои объятья открыты — я жду тебя — приди! <...>

Оставь где-нибудь все письма. Я *предпочла бы*, чтоб ты сжег их: *ты получишь меня*» (лл. 690—691).

«Знаю, ожидаю и заслуживаю от вас упреков и брани, cher Sylvinet, за долгое молчание, —писала Наталья Александровна в «открытом» письме Гервегу (по-русски),— ну что же делать, браните, только *не объясняйте фальшиво*. Но вот, видите ли, мой дорогой ученик, разумеется, я пишу к вам с удовольствием, *я люблю* писать к вам, но... любила бы еще больше, если б была большая необходимость в этом, а то как подумаешь, да ведь мы бы могли все это сказать друг другу, отчего же не говорим?.. — и сделается так досадно, и больно, *и писать* покажется так нелепо и ненужно... что перо валится из рук... Сердитесь, браните, но поймите, что это не от *равнодушия* делается. Ваша *неторопливость* оставить Цюрих, ненавидя его, делается решительно необъяснимою!..

Мы *все* ждем, ждем, ждем вас — а вы — ну, „да будет вам судья в том ваше сердце".

---

* У него страшная головная боль. — *Примеч. Н. А. Герцен.*

Прогулки наши ограничиваются до сих пор крестом на левой и домом Авигдора на правой стороне; а все большие откладываются до вашего приезда; впрочем, я разучилась ходить; если б здесь был другой Dent de Jaman, то я не иначе могла бы взойти на него, как *в три дня*, а не в три часа, и руки вам надобно б иметь покрепче.

О! Конечно, я помню нашу первую прогулку в Женеве и наш безумный смех; помните, редкие кошки и собаки, которых нам показывал Александр? И здесь найдется редкостей довольно, лишь приезжайте!..

Зачем же вы не понимаете до сих пор о квартире? Александр боялся, что Эмма наймет, а вам не понравится; впрочем, я вам скажу, что квартира ваша совсем не так дурна, как, может быть, вы ее воображаете; хозяин же обещал Эмме вычистить и отделать ее (то есть квартиру) *так, как она* (то есть Эмма) *заслуживает* этого (!) — после *такого обещания* вы можете быть совершенно спокойны насчет чистоты и красоты вашего будущего жилища. К тому же сад и терраса, хотя она и вовсе не „merveille de ce monde"*, как вы говорите, а *настолько* хороша, что я совершенно ею довольна; она обещает нам много приятных часов по вечерам, la société n'y manquera non plus — il y a une telle quantité de lézards et de souris, ces dernières réjouissent beaucoup Emma**. А не шутя! Обитель наша хороша,— впереди море... по сторонам два маяка, внизу зелень (дом — будто цветок растет из нее), а сзади горы... горы... горы... а сверху звезды... звезды... звезды... а в доме Besson'ы, Besson'ы, Besson'ы***.

На днях мы ходили искать чего-нибудь лучше и *приличнее* для нас всех — ничего не нашли к великому нашему удовольствию, впрочем.

Много благодарю вас за сообщения о Коле, мне так хочется видеть и *слышать* его!.. Пусть забавляет он вас по дороге!

Кажется, вы все приедете вместе? А мадемуазель Эрн также приезжает? Я искренне о ней сожалею»**** (лл. 711—712).

Опасаясь, что в волнении первой встречи Гервег может невольно выдать окружающим характер их отношений, Наталья Александровна предупреждала его в одном из писем:

«*Будь осторожен ради меня.* Не бойся, что ты *покажешься* мне холодным или... Не бойся, я знаю, я понимаю все, *что* ты испытываешь; твоя *суровость* явится для меня наибольшим доказательством твоей *любви*». «Стоит ли слушать всех Тургеневых!..»,— добавляет она при этом и просит Гервега приехать вечером, чтобы тотчас же иметь возможность показать ему сад (*л.* 704).

Между тем Гервег не торопился с приездом в Ниццу, объясняя Герценам свою задержку болезнью и другими обстоятельствами.

«Не надобно болеть, — писала ему Наталья Александровна.— Приезжай! Отчего жизнь твоя подорвана и кем? Чего нехватает тебе? Что теперь тебя удерживает в Цюрихе?.. Не из-за квартиры же ты не едешь, раз тебе *известно* — ведь Эмма писала тебе,— что она *выбрала квартиру, которая, однако, не будет* снята *до получения* от тебя *окончательного* ответа; что квартира еще не готова, что ее отделывают и что до начала августа жить в ней еще нельзя. Разве она не писала тебе об этом? А я?.. Чего ты еще от меня хочешь?.. Александр, помнится, говорил тебе, полушутя, что воспротивится этому» (*л.* 707).

Денежная зависимость от Герцена сильно тяготила Гервега, и он, поддаваясь мнительности, выискивал в письмах Герцена какие-то несуществующие намеки. Наталья Александровна горячо вступалась за мужа, не скрывая от Гервега необоснованность и мелочность его придирок.

«*Мое* дитя, — писала она по этому поводу Гервегу,— я не хотела бы, чтобы ты *был таким* в некоторых вопросах. Знаешь ли, я скорей почувствовала бы себя оскорбленной и за Александра и за тебя, если б он проявлял *эти маленькие* предосторож-

---

* «чудо мира сего» (франц.).

** в обществе также нехватка не будет — там столько ящериц и мышей, эти последние очень радуют Эмму (франц.).

*** близнецы, близнецы близнецы (франц.).

**** Слова: «Пусть ∞ сожалею» — в подлиннике по-французски. —*Л. Л.*

ности и маленькие *щепетильности*, какие водятся между *маленькими*; если он тебе говорит о деньгах,— значит, он считает тебя намного выше этого; то, что он скажет тебе и Огареву, он скажет не всякому. Можно не говорить, однако если умалчивать перед тобой из каких-либо соображений, то где же тогда свобода и уважение к таким отношениям, как ваши?

Я вижу, что ты до сих пор не оценил его детской чистоты, его откровенности, его непринужденности, его веры в близость с тобой — это печалит меня, и если у вас будут часто происходить подобные столкновения при совместной жизни, это может набросить тень, вызвать досаду. С одной стороны — полная непринужденность, с другой — обидчивость. Не надобно этого!» (лл. 709—710).

«Если ты не хотел приехать,— писала в другом письме Наталья Александровна,— зачем постоянно обещать? *Для меня нет ничего невыносимее*, чем жалость; вынесу ли я все или не вынесу — *щадить меня не надобно*. Что бы ни таило для меня будущее — *я люблю свою любовь;* ни один миг из своего мучительного существования я не обменяла бы на все земные радости...» (лл. 716—717).

Объясняя задержку в Цюрихе своей мнимой болезнью[49], Гервег упустил из виду, что мать Герцена, жившая в том же городе, посылала в Ниццу письма, которые нисколько не подтверждали слова Гервега. «Как это случилось, что г-жа Гааг ничего не знает о твоей болезни?» — осведомлялась у Гервега Наталья Александровна[50] (л. 716).

«Если ты недоволен мною... — писала она 27 июля, — или чем-либо другим, *на что я могу иметь влияние, не действуй, не проявляй гнева, прежде чем поговоришь со мною. Прошу тебя* об этом на коленях, дитя мое. Это избавит от многих огорчений и нас, и других ⟨...⟩

Ты рассуждаешь временами совсем как ребенок. Эмма — да, да! Ангел мой, кому твердишь ты о ее доброте, о ее любви?.. И я полностью верю ей *в те минуты, когда она говорит с тобой*, когда она доходит до самозабвения. Но я верю *и собственным своим глазам и ушам*; она, как мне кажется, со мной более откровенна; это в ней мне нравится. Когда она говорит мне: „Вся моя натура, все существо мое *против этого*, а *он хочет заставить меня* верить в обратное", — имеют ли эти слова двойное значение? Порой она не скрывает также, насколько тяготит ее мое присутствие. „Я не знаю, насколько смогу перенести это", — говорит она, и я слышу только вот что: „Конечно, я предпочла бы жить в другом доме, но боюсь, что он согласится занять эту отвратительную квартиру над вами..." „Я попытаюсь, я сделаю все, что смогу" и т. д. Я говорю тебе это не для того, чтобы жаловаться, а чтобы показать, что не питаю иллюзий на ее счет и что ты не можешь заставить меня питать подобные иллюзии [51]⟨...⟩

Теперь о доме: *нельзя выразить своего желания более ясно, чем это сделал Александр*,— чтобы вы жили в том же доме, что и мы, и обедали вместе с нами.

Но он заметил *также*, что Эмма только *притворяется*, будто хочет жить вместе с нами, и оставил разрешение этого вопроса на ее усмотрение. „Я не могу заставлять ее", — сказал он.— Во всех домах, виденных нами,— а видели мы их множество!— не встретилось и *двух одинаковых* квартир, т. е. таких, которые подошли бы и нам и вам— одна всегда намного *хуже* другой, но Александр говорит, и Эмма также, и я, мой ангел, также говорю: ты *приедешь* и *увидишь*. Александр знает, что я хочу от всего сердца, чтобы вы остались вместе с нами, он также хотел бы этого с целью экономии и т. д. Я думаю, что ты действительно не знаешь, насколько он... что ты его совсем не знаешь, — однако я не питаю иллюзий, подобно тебе...

Ах, ангел мой! И мы будем плакать вместе, да?..

Подумай только, — он, *ничего не подозревающий*, получает от тебя такие письма, какие ты писал до нашего отъезда из Парижа... Все твои упреки... Какое смущение это вызывает у него! Какой представляется это бессмыслицей!

Ангел мой, будь внимательней... Но, впрочем! Ты обещал, и *я тебе верю!*

Если б он догадался... К чему б это привело? Он все сильней и сильней привязывается ко мне, *все остальное* все более и более для него стирается...Георг! Георг! Георг!..

У меня нет слов, услышь хоть крик мой ⟨...⟩

Руку *твою*, руку, руку...

Эмма выносит все из любви, *он* — тоже из любви — не вынесет... И я и я не вынесу» (лл. 726—732а).

«Здесь все идет, как надо, милый мой ученик, и солнце греет, и море шумит, и тень олив, и небо голубое... лишь вас одних все нет как нет! ‹...› — писала Гервегу (по-русски) Наталья Александровна 29 июля, подробно описывая жизнь обеих семей. — „Рассказывать вам о нашем житье-бытье?.." Я *стараюсь* все раньше встать, хожу *смотреть* как Эмма, Саша и Горас плавают в море, любуюсь морем столько же, как ими, потом иду с Татой в ванну, потом домой, потом кофе, потом не знаю что... а вот теперь — 10 часов утра — все по местам, все за делом, и я, оставаясь иногда часа два за моим столом, думаю, что и я тоже делаю что-нибудь.— Ну, буду продолжать, не моя вина, если вам скучно! — Приходит полдень, за ним вслед завтрак, а за ним отдых... С пяти часов начинается ожидание писем,— стоит всякого занятия! А впечатление их сменяется уж только сном, а то дома и гуляя разговор идет всегда почти об одном и том же; Александр с Эммой привыкли беспрестанно *дружески* спорить, одна я молчу, оттого, что часто согласна с обоими спорящими, или не согласна с обоими соглашающимися, иль просто *так!* Если это duo превратится в trio и вы все будете кричать и ссориться, я убегу в горы ...

Нашу квартиру от вашей разделяет только дверь, мы занимаем с Эммой весь этаж, т. е. двадцать комнат! А к осени у нас в виду есть квартира удивительная, с садом, с террасой — если вы не захотите поместиться вместе, так недалеко от этого дома есть и для вас; кажется, мы оснуемся здесь надолго.— Если б можно было обеим семьям устроиться *гармонически во всех отношениях* под одной крышей, это было бы /\.

Если вы не захотите читать *вместе с нами* les mémoires de George Sand*, я вам их доставлю туда, где вы будете.

Гораса я учу по-русски вместе с Татой. А послезавтра Саша и Горас начнут вместе учиться рисовать у одного *натуралиста*, который также будет делать с ними *ученые* прогулки пока до Фогта.

Коли вы будете *так* торопиться к нам, то найдете детей натуралистами и русскими, а меня... может, и вовсе не найдете... глупо, да ведь возможно!»

«Ну вот и всему разгадка! — добавляет Наталья Александровна на следующий день. — Давно бы вы, друг мой, сказали, что нездоровы, это избавило бы нас от тысячи мучительных догадок, я советую вам даже сказать Эмме причину, которая вас останавливает; ехать — мы ей помешаем, да и не поедет она, если будет знать, что вам лучше, но, уверяю вас, ей *легче* будет знать о вашей болезни, нежели придумывать бог знает что.

Дом *наш* готов и очень удовлетворителен, на днях мы переселяемся. У меня голова болит от споров и совещаний шумных Александра и Эммы — насчет хозяйства; приезжайте *помолчать* со мной о хозяйстве. А не шутя, Александр принимается с таким усердием и любовью за устройство нашей жизни, что нет сомнения в том, что она устроится хорошо. Выздоравливайте скорее!— Саша схватился за ваш совет с восхищением».

«Если б вы знали, как ждут вас в Ницце!» — прибавляет она по-французски (лл. 733—738).

К этому письму Герценом сделана следующая приписка на французском языке: «*Эпилог можно просто послать Гофману и Кампе, которым он обещан*»** (Речь идет о герценовском «Эпилоге 1849», предназначавшемся для публикации в несостоявшемся втором издании «Von andern Ufer»).

Письма Гервега, между тем, по-прежнему были мрачны и унылы.

«Георг, мой Георг! милый, любимый!.. — восклицала Наталья Александровна.— Отчего же, отчего, дитя мое, ты страдаешь? Отчего продолжаешь ты страдать?.. Скажи *мне*, что могу я *еще* для тебя сделать?.. что *еще?*

Неужели *эта любовь* оставляет в тебе свободное место для какого-то *другого* же

---

* Записки Жорж Санд (франц.).

** Приводим текст этой приписки в подлиннике: «On peut envoyer l'épilogue tout bonnement à Hoffmann und Campe auxquels il est promis».

лания?.. Неужели сохранилось в тебе *незанятое* место? — только это могло бы заставить тебя страдать... мне кажется... Скажи же, скажи, скажи???

Вот я вся, вся твоя... Нужно ли тебе *еще* что-нибудь?.. Возможно, ангел мой, что я тебя не удовлетворяю... Но во мне уже более нет ничего, чего бы я тебе уже не отдала...

Я любила, о! я любила в своей жизни... Но никого как тебя! Мой Георг, я могу сказать, что вся моя жизнь была восхождением к тебе... И... и у меня не хватает слов... Ты знаешь! кончик твоего пальца, твой волосок имеют для меня больше смысла, чем весь мир... Твои пальцы — я настолько помню, как выглядел каждый из них, я столько вглядывалась в них во время наших занятий (не смея все время глядеть на тебя), я так их любила... Ангел мой, ангел мой!.. Я не люблю говорить, выражать те чувства, которые к тебе питаю, такими же излияниями, как другие, однако скажу тебе, дитя мое, что никогда ни одна женщина не любила *такой любовью, какой люблю тебя я — нет, нет, нет!!!*» (лл. 739—740).

«Мы поглощены устройством „Гнезда близнецов", — писала Наталья Александровна в другом письме, — или нашего общего гнезда, каждый ежедневно по очереди занимается этим — поисками слуг, которые должны разделить с нами горести бренного мира сего. Я же, я пытаюсь, насколько могу, объясняться с ними молча, как всегда и во всем, и сознаюсь, не сомневаюсь, что успею в этом лучше, чем другие (между нами говоря!) 〈...〉 Не упрекайте меня, мой друг, прошу вас в том, что я *почти* никогда не принимала участия в ваших объяснениях, они причинили мне слишком много горя — за вас и за Александра, — до сих пор я не слишком хорошо понимаю их цель — но, благодарение богу, я думаю, что они близятся к концу» [52] (лл. 744—745).

«Завтра, в воскресенье, мы переезжаем 〈...〉, — сообщала Наталья Александровна Гервегу 3 августа.— Мы сможем заниматься русским языком с 11 часов утра до половины первого и даже с половины одиннадцатого ежедневно,— потом до пяти часов разойдемся — отдыхать или заниматься другими уроками. С пяти часов прогулка или еще что-нибудь сообща».

«Я не обратила особого внимания на вашу переписку относительно *равенства* и пр.,— писала она в этом же письме, — это мне причинило слишком много страданий, это мелко... Это мне не нравится... Я на это не способна. Свобода и *особенно широта* во всем, во всем...

В Берн мы тебе больше не пишем» (лл. 746—747).

Наталья Александровна подробно описывала Гервегу в одном из своих писем выбранное ею место их будущих свиданий в отдаленном краю огромного сада:

«Никому не показала я этого местечка, ни с кем не говорю я о нем — конечно, его откроют, оно известно, но я не хочу слишком привлекать к нему внимание других; я не хочу его *профанировать* заранее; там есть скамья, я поставлю ее так, чтобы солнце туда совсем не проникало и мы могли там находиться в любое время; там будут проходить русские уроки... ∧×○ Я сделала эти знаки на стене, *как только вашла туда* — и ты словно здесь, я обнимаю, целую тебя...

Теперь я нахожусь как раз в этом месте, здесь мы *дома*, я буду здесь оставаться ежедневно с половины одиннадцатого или одиннадцати (час русского урока) до двенадцати— половины первого... Здесь так уединенно, совсем как дома; здесь *мы* дома — когда приедешь, не проявляй перед другими слишком много внимания к этому месту 〈...〉

Я уже говорила тебе, мне кажется, что сам Александр знает, что после него у меня ты, ты, ты» (лл. 748—750; письмо от 4 августа).

«Ты находишься теперь в Женеве! — восклицает Наталья Александровна в письме к Гервегу, помеченном: « 11 〈августа〉. Утро. $10^1/_2$ часов. Наш уголок». — Благословенна будь земля, где я нашла тебя!!!.

И все же я нашла тебя с первой встречи, ангел мой. Как привлекал ты меня!.. А первая бессонная ночь, которую мы провели вместе? Помнишь ли ты утро у окна, я утонула в тебе, вся, почти без слов, мне казалось, что я нашла всё, всё... Я говорила: „О, это он!" Все существо мое говорило это, и я отошла, боясь, что схвачу твою руку, что закричу: „Это ты!"» (лл. 763—764).

«Александр прочел мое письмо,— писала Наталья Александровна в «открытом» письме, от которого сохранился только обрывок,— и он в полном отчаянии от того, что, благодаря моему описанию, вы ожидаете увидеть и получить дворец, словом нечто великолепное — совсем нет! Милый, милый близнец, посмотрите на наше жилище с моей точки зрения...» (л. 770).

«У Александра нет ни малейшего намерения проведать М.[53], он как раз пишет о том, что получил письмо, что он ждет М. в Ницце. И так как он ничего не подозревает, он действует откровенно и говорит откровенно о всех своих планах и проектах — ты неправ, постоянно его подозревая. То, что *я* с ним не откровенна — убивает и, в конце концов, убьет меня,— это не *ложь*, как называет это Эмма (ведь часто *правда* бывает *неправдивой*),— но я знаю, что он, как и Эмма, не понял бы нашего /\, он не мог бы также понять то, что я одновременно питаю и к нему и к тебе, сказать ему — значило бы убить его... О, дорогой, какая мука!

Не знаю даже, хватит ли у меня сил...

Ты *мог бы* придать их мне...

У него не должно никогда возникать и малейшего подозрения — или же я погибну: это не фраза — на фразы я никогда не была способна...» (лл. 771—772).

Это было последнее письмо, адресованное Гервегу, до его приезда в Ниццу 22 августа 1850 г.

4

С приездом Гервега жизнь в доме Герцена приобрела остро драматический характер. Восторженное отношение Натальи Александровны к Гервегу, их уединенные свидания в саду, многозначительные взгляды ревнивой Эммы—все это не могло скрыться от взгляда посторонних, от наблюдательности слуг и, конечно, от самого Герцена.

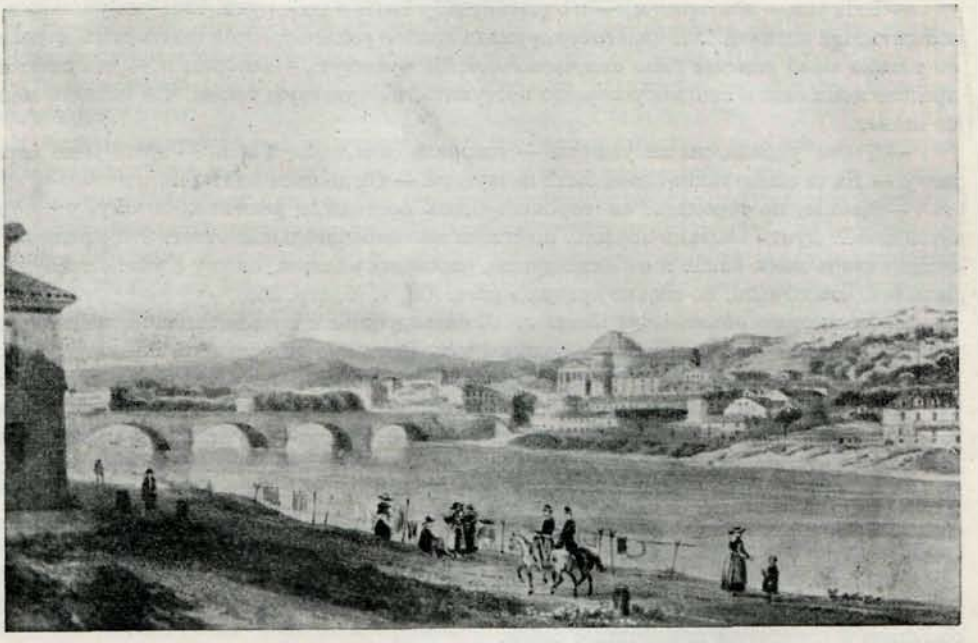
Ложность своего положения вскоре же понял и сам Гервег.

«Недели через две-три после своего приезда,—писал впоследствии Герцен,— Г<ервег> принял вид Вертера в последней степени отчаяния, и до того очевидно, что один русский лекарь, бывший проездом в Ницце, был уверен, что у него начинается помешательство. Жена его являлась с заплаканными глазами,— он с нею обращался возмутительно. Она приходила часы целые плакать в комнату N<atalie>, и обе были уверены, что он не нынче — завтра бросится в море или застрелится. Бледные щеки, взволнованный вид N<atalie> и снова овладевавший ею тревожный недосуг, даже в отношении к детям, показал мне ясно, что делается внутри.

Еще не было сказано ни слова, но уже сквозь наружную тишину просвечивало ближе и ближе что-то зловещее,похожее на беспрерывно пропадающие и опять являющиеся две сверкающие точки на опушке леса и свидетельствующие о близости зверя. Все быстро неслось к развязке. Ее задержало рождение Ольги» (изд. АН, т. X, стр. 257).

Ольга Герцен родилась 20 ноября 1850 г. К первым же дням после этого события относится ряд экстатических записок Натальи Александровны к Гервегу, в которых ее страстное чувство к нему, принимавшее временами патологический характер, выразилось с наибольшей остротой. «Пусть когда-нибудь люди падут ниц, ослепленные нашей любовью, как воскресением Иисуса Христа», — пишет она 29 ноября (л. 810), а несколькими днями ранее, 26 ноября, отрешаясь от всего окружающего, она восклицает: «Ты заставил меня родиться вновь, и ты стал моей вселенной, я живу в тебе — остальное для меня не существует, *совсем* не существует» (л. 799). В последнем из процитированных писем появляется, впрочем, прежний лейтмотив, который и в дальнейшей переписке Натальи Александровны с Гервегом будет играть доминирующую роль: «Подумаем о других, постараемся избавить их от страданий...»[54] (лл. 806а—807).

После выздоровления Натальи Александровны жизненный уклад в доме Герценов начинает принимать прежний тревожно-неустойчивый характер. Напряженность в отношениях Герцена и Гервега особенно обострялась совместной жизнью в одном доме. Гервег не переставал обвинять Наталью Александровну в том, что она, оттягивая объяснение и не желая решительным вмешательством разрубить гордиев

ТУРИН
Литография Ф. Бенуа, 1850-е гг.
Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

узел, остается женой Герцена. Он требовал от нее немедленного разрыва с мужем и ухода из семьи.

«На коленях умоляю тебя быть спокойным,— восклицала она в записке, датированной «5 часов утра», — не оскорбляться, не обижаться ничем, ибо нет *ничего*, что могло бы тебя оскорбить или обидеть. Если ты желаешь *полной* откровенности — то и я этого желаю» (л. 793).

«Послушай, — писала ему Наталья Александровна в другом письме, — я люблю свою семью, со всей любовью, которая только может таиться в сердце. Не знаю, отчего это и кому это нужно. Такова моя натура, я люблю безумно; быть может, эта способность любить так велика во мне потому, что у меня нет других способностей? Я люблю для себя, исключительно из эгоизма, я живу жизнью детей, мне кажется, что я слежу за каждым их движеньем, даже когда я не вижу их, я хотела бы для них быть *хоть чем-нибудь*; украсить чем только возможно их жизнь — для меня невыразимое счастье; я всеми корнями срослась с ними. Я знаю также, чем являюсь для Александра. Но когда я вижу, что ты страдаешь!.. Скажи же, скажи! Это уж не слезы текут из глаз моих! Это кровь течет волнами из моего сердца. Скажи же! Я оторвусь от всего... Не знаю, что сделаю я — но сделаю всё. Вот я у ног твоих» (лл. 829—832).

Намерение Натальи Александровны покинуть семью и последовать за Гервегом было вызвано минутным порывом. В дальнейшем на самые категорические требования Гервега уйти от мужа она отвечала отказом.

Открытый разрыв Герцена с Гервегом, происшедший 1 января 1851 г., подробно описан самим Герценом в «Былом и думах».

«...Случилось то, чего я ожидал: Natalie сама вызвала объяснение 〈...〉 Разговор был тяжел. *Мы оба не стояли на той высоте, на которой были год тому назад...* Она была смущена,боялась моего отъезда, боялась его отъезда, хотела сама ехать на год в Россию и боялась ехать. Я видел колебанье и видел, что он своим эгоизмом сгубит ее — а она не найдет сил. Его я начинал ненавидеть за молчание.

— Еще раз,— повторял я, — я отдаю судьбу свою в твои руки. Еще раз умоляю в взвесить, всё оценить... Я еще готов принять всякое решенье, готов ждать день, неделю, но только *чтоб решенье было окончательное*. Я чувствую,— говорил я,— что стою на пределе моих сил: я еще могу хорошо поступить, но чувствую также, что надолго меня не станет.

— Ты не уедешь, ты не уедешь! — говорила она, заливаясь, — этого я не переживу.— На ее языке такие слова были не шуткой.— Он должен ехать.

— Natalie, не торопись, не торопись брать последнего решенья, потому что оно последнее... думай сколько хочешь, но скажи мне окончательный ответ. Эти приливы и отливы сверх моих сил... я от них глупею, становлюсь мелок, схожу с ума... требуй от меня все, что хочешь, но только сразу...» (изд. АН, т. X, стр. 259).

Многодневные объяснения Натальи Александровны с мужем закончились полным примирением. Герцен все простил больной и нравственно истерзанной женщине, продолжавшей занимать огромное место в его жизни. Наталья Александровна поклялась ему, что не покинет его, если он только «в состоянии забыть прошлое». «Сильно опасаясь дуэли или кровавой встречи,— писал Герцен Э. Гаугу,— Н⟨атали⟩ просила меня, в виде доказательства моего примирения и прощения, не вызывать его. Я дал ей слово, но под тем условием, что он оставит мой дом» (VII, 37).

Между тем, Наталья Александровна все еще продолжала оставаться под влиянием своей «болезненной страсти» (как называл ее чувство к Гервегу Герцен).

4 января, вечером, под впечатлением одного из разговоров с Герценом, Наталья Александровна написала Гервегу, не выходившему из своих комнат, письмо, в котором сообщила о намерении покончить с собой.

«Твоя любовь так сильна, мой Георг, что я даю тебе поручения — вот одно из них: отдай привести в порядок этот пистолет и закажи несколько пуль,— много их не надобно — сделай это завтра утром, до того, как я с тобой увижусь; на этот раз прошу тебя не откладывать исполнение моего поручения. Ты знаешь, как любит тебя твоя Натали, ты знаешь, *что она готова ко всему*, однако у нее, быть может, не хватит сил... Мысль о том, что я разбиваю жизнь Александра, уничтожает меня, и я хочу довершить действие этой мысли. Ты скажешь, что это разобьет твою жизнь — нет, это не так— ибо ты знаешь, *что люблю я — тебя*» [55] (лл. 839—842).

Гервег не выполнил этой просьбы Натальи Александровны. Когда же через несколько дней, уже переехав в Геную, он потребовал, чтоб она, бросив семью, присоединилась к нему или же привела в исполнение свой план самоубийства, Наталья Александровна ответила ему следующим письмом:

«У меня нет желания перечесть свое письмо к тебе, написанное несколько дней тому назад, у меня нет желания перечесть твое. Я хочу сосредоточиться во всей своей внутренней чистоте, чтобы выразить тебе благодарность за ту полноту существования, которую ты подарил мне, полноту, в которой заключалось такое мученье и такое блаженство. Георг! Благодарю тебя за всё! И еще мне хочется исповедаться перед тобой, показаться тебе еще раз такой, какова я на самом деле. Да, послушай, Георг, никогда не могла я составить себе ясного представления о жизни с тобой без Александра, без моих детей, я даже никогда не пыталась этого сделать, это было для меня невозможно; но когда я увидела, что ты становишься все более и более грустным и недовольным, мне захотелось сделать все для тебя, не размышляя; я была готова ко всему, считая каждую свою минуту последней,— ибо для меня оторваться от Александра равносильно тому, что вырвать растение из почвы, где оно провело жизнь, где пустило корни, где развивалось в течение 25 лет; покинуть детей — и об этом я также более не могла и подумать; однако, в конце концов, видя тебя почти в отчаянии, я сказала тебе, что готова на всё, и в то же время просила тебя отдать в починку пистолет,— то была не шутка. Почему же ты не исполнил этого? Я не страдала бы более, ты же был бы удовлетворен.... Я в состоянии была убить себя тогда... Теперь же рука моя не подымается, для себя я ничего не хочу, я смотрю на себя как на собственное надгробие, однако я не в состоянии покинуть Александра в таком положении .. Я не могу! Ты можешь убить меня, сделай это, если у тебя есть хоть малейшее желание, говорю это искренне... И не беспокойся, верь, что до тех пор пока я жива, я с достоинством буду

носить тебя в душе. Будь уверен... Однако к чему уверения, если ты не всегда чувствуешь меня близ себя... О, Георг, Георг, Георг, Георг!

Я хотела спасти всех... своей гибелью, если это необходимо, все спасти и *очистить* — для этого я готова еще умереть и жить...» (лл. 843—844).

Переписка Натальи Александровны с Гервегом велась в эти дни чрезвычайно интенсивно.

«Natalie подумала,— писал впоследствии Герцен Э. Гаугу, — что не следует доводить его ⟨Гервега⟩ до отчаяния, и просила у меня разрешения ему иногда писать. Я сказал, что держусь совершенно противоположного мнения, но пусть она делает, как хочет. Эта переписка, которая проходила через мои руки, привела ко всем последующим ужасным последствиям. N⟨atalie⟩ обещала ему свидание через год под тем условием, что он не будет злоупотреблять правом переписки; это только увеличило его эпистолярную невоздержность» (VII, 38).

Судя по характеру этой переписки, не все письма Наталии Александровны проходили через руки Герцена; система «параллельных» писем, несомненно, продолжалась и теперь.

«Горе Александра разбило меня...— писала Наталья Александровна Гервегу в феврале 1851 г.,— и я возвращусь к жизни лишь с его воскрешением.— Совсем разбита! И немало еще иных причин бросает меня в ад смятения, в хаос ⟨...⟩

Я прочла то, что Александр написал на *твоем* письме, возвращая его *тебе*[56],— там не было ни унижения, ни оскорбления для тебя,— то был крик смертельно раненного, умоляющего не терзать более его рану, вот и всё. Если ты говоришь о его письме к Эмме, то оно явилось лишь ответом на письмо Эммы к нему, которое могу прислать тебе, если хочешь[57]. Он не мог унизить тебя в том стесненном положении, в котором ты теперь находишься, *зная*, что тебе никогда не бывало известно ни сколько Эмма расходует, ни как она добывает средства. Если он напоминает ей о том, что она мало *тебя* щадила, то это потому, что он был возмущен, выведен из себя во время своего пребывания у нее в Париже и в течение всего последующего времени; именно перед ним, самым близким твоим другом, она выставляла напоказ свое величие и твое ничтожество; *он видел, что она делала то же и перед посторонними, притворяясь* перед тобой робкой и покорной рабой, и он не в состоянии был уважать ее более, он выносил ее только из-за тебя. Она сама заставила его вспомнить это, предложив ему следовать своему примеру!..».

«Ты еще мне говоришь об Эмме, мне! ⟨...⟩ — возмущенно восклицала Наталья Александровна.— Вспомни, как я была против того, чтобы доверить Эмме наш секрет, я смотрела на это как на величайшую профанацию; я знала, что она временами бывает способна на благородные порывы, и я видела, как она смешивает с грязью все, что было для меня самого священного,— вот почему я избегала, насколько могла, говорить с ней об этом. Она даже никогда не поймет, каким унижениям меня подвергла, и я нахожу ее злопамятность вполне естественной и на нее не сержусь за это, ты знаешь; однако я не могу видеть в этом великое, прекрасное, истинное — как ты меня уверяешь. Где, когда понимала она нашу любовь? Повторяя мне без конца, что ты всегда был падок на подобные увлечения, что достаточно новой юбки, чтобы вскружить тебе голову?.. советуя мне испробовать совместную жизнь с тобой, чтобы каждому из нас поскорей возвратиться домой?

О, зачем, зачем заставляешь ты меня говорить! „Я у нее отняла всё!" Но, по правде говоря, разве она владела *тобой*? Еще до поездки в Швейцарию она говорила мне, что чувствует себя скорей твоей сестрой, матерью, чем возлюбленной; она мне написала это в первом же своем письме в Женеву, прибавляя, что твои друзья всегда в состоянии оказывать большое влияние на твою любовь к ней... Она просила меня сжечь эти письма, однако я не хочу, чтобы ты был одурачен и одурачивал меня. „Мы ее пригвоздили к кресту..."— если б ты любил ее хоть один день так, как я люблю Александра 25 лет,— ты не обращался бы с нею так дурно, как ты это делал,— и часто совершенно напрасно,— я же была лишь заступницей ее перед тобой. „Она проявила героическое *самостречение*, она *принесла* себя в жертву!" Георг! Георг! Что же ты делаешь? К кому ты обращаешься? Что и кому говоришь ты? Но есть ли на земле хоть один

человек, которому она не рассказала бы, которому не дала бы почувствовать, что *происходит* между нами и какой несчастной женой мужа-эгоиста она была...

Как могла она поверить в великую реальность, когда незадолго до нашей разлуки она рассказала мне, что на ее вопрос — оставил ли бы ты ее близ себя или нет, если б умер Александр, ты ответил ей, что не решил еще для себя этого вопроса! — Я не просила ее благословения, и когда же она *тебя* благословила? *Защищая* ли тебя в последний момент перед Александром, когда она заявила, что ты все время желал сообщить обо всем Александру, но что я препятствовала этому; а ты, ты знаешь, что было совсем обратное, ты хотел, чтобы все видели, но чтоб он один ничего не знал. Или же она благословляла нас, когда писала мне и писала Александру в своих *последних* письмах, что повинен во всем происшедшем только мой эгоизм, что я искусственно вызвала твою любовь*— она ли вводит тебя в обман или в обман вводишь меня ты? Благодарю вас обоих за это последнее обвинение! Вот каким образом вы отдаете мне должное! Да, да, это я искусственно вызвала твою любовь! Это моя любовь искусственно вызвала твою... Но разве я сделала бы все то, что я сделала для чувства, которое не проявило бы инициативы!..

Итак, тебе нет нужды оправдываться ни передо мной, ни перед кем бы то ни было, тебе нет нужды искать себе защитников — *защищу тебя я*.

Еще ты говоришь мне, о Георг, что „следовало бы избежать этого столкновения — даже путем нашей смерти", что я „могла бы спасти дружбу Александра, спасти Эмму", что я „могла бы вступить в борьбу против меня и себя...". О, да, я могла бы сделать и это, если бы ты говорил о том в своих письмах из Цюриха,—но нет, ты говорил, что *не в состоянии* бороться, что ты покинешь жену, и детей, и всё, что ты погибнешь, что... да, что из жалости к Эмме я должна писать тебе, должна позволить тебе приехать — что это единственное средство спасти ее, спасти всё, что ты ничего не будешь просить, что ты будешь доволен всем, и после того — вспомни нашу переписку, твои постоянные упреки, твои постоянные угрозы...

Это не упрек мой тебе, а я хочу показать тебе, что мне ничего не надобно объяснять и что я знаю все и все беру на себя; мне следовало бы всего избегать, а я этого не сделала,— и *в том моя вина!* Что я была слишком великодушна, а ты слишком эгоистичен и тщеславен — это правда, — да, потому что часто ты требовал от меня огромных жертв только для того, чтобы похвастаться перед другими, ты сам это мне много раз говорил, а я делала, делала всё — это *я виновата*, а не ты, нет! Никогда, никогда я не расскажу никому обо всем этом. А ты по-прежнему эгоист, я один лишь раз почувствовала *чистоту* твоей любви — это в минуту, когда ты хотел уехать один, но затем ты подпал под сильное влияние Эммы; в *твоих* письмах я не вижу почти ничего, кроме *ее* самолюбия... Я пишу все это уже не только своей кровью, мои слова — это куски моей живой плоти... О! Но никогда ни одна жалоба не вырывалась из уст моих! Ты знаешь, что все сказанное мною — *правда*, *я знаю*, что *тебе это известно*, и этого для меня довольно.

Никакая прекрасная действительность для меня невозможна, я принимаю лишь страдание или смерть, и к тому же я сохраню свою боль для себя; никогда не бывает у меня потребности показать что-либо другим — это противоположно тому, чем ты восхищаешься в Эмме,— и это всегда было так, и я перестала бы быть собой, если б это могло измениться.

Я не избегаю наших милых знаков и не по причинам, воображаемым тобою,— нет — потому, что они мне дороги. Вскоре ты вырежешь их, быть может, на... Я готова ко всему, не бойся, не щади меня, я жила.

Если ты еще боишься, покажи *все* мои письма кому вздумаешь; я тоже буду говорить только о своей вине».

В ответ на вопрос Гервега, приедет ли она к нему и разделит ли его страдания, Наталья Александровна отвечала: «Я питаюсь только страданьем, я — воплощение

---

* Мне было стыдно, я краснела за тебя перед Александром, я же, я скорее отрезала бы себе язык, чем сказала что-нибудь другим... и *ты* можешь жаловаться, защищать себя подобным образом, допускать, чтобы тебя защищали... О, мне стыдно за тебя! — *Примеч. Н. А. Герцен.*

самого страданья. Когда я смогу стать чем-нибудь иным, делать что-нибудь иное,— я напишу тебе. Я всегда буду подавать тебе признаки жизни. Ты будешь подавать их мне от себя. Ты получишь мой портрет. У меня нет другого ответа ни на что, кроме страданья, кроме воплей, воплей — одни стоны, стоны, стоны!..»— Последние четыре слова Наталья Александровна написала по-русски, прибавив затем крупными буквами по-французски: «Я ЖИЛА» (лл. 848, 853—859 и 871).

Через несколько дней, 18 февраля, по-видимому в ответ на новые требования Гервега убить себя, Наталья Александровна писала ему в письме, которое, вероятно, прочтено было Герценом:

«Я хотела спасти *всё*, и спасти *во всей чистоте*, ты помешал мне, ты мешаешь мне: смерть не поможет; это значит — предать все, смерть теперь — это преступление из преступлений! Я не могу больше жить *своей жизнью*, жить для себя, но я не могу лишить детей матери, я не могу оставить все так, как теперь, я не могу искать смерти до того как вновь обрету себя, до того как обрету тебя, до того как луч надежды —увидеть все в чистейшей гармонии, и показать ее такой — не угаснет навсегда.

Сегодня 18 февраля, полдень — *через год* МЫ УВИДИМСЯ ⟨...⟩

Георг! Я впервые вздохнула свободно! Что это значит? *До свидания через год!* Прощай до тех пор пока не напишу тебе...» (лл. 860—861).

Вскоре после отъезда Гервегов из Ниццы Эмма обратилась с письмом к Наталье Александровне, настоятельно требуя бросить все и немедленно приехать к Гервегу. С ожесточением упрекала она Наталью Александровну за «сентиментальный дилетантизм», за неискренность, за то, что под предлогом жалости к мужу она пожертвовала всеми и привела всех к катастрофе, поставив Гервега на грань самоубийства. «А теперь я еще раз обращаюсь с требованием к тебе. Георгу надобно дать счастье, пусть даже в ущерб моему собственному. Я повторяю тебе снова: только любовью можешь ты заплатить свой жизненный долг, только сделав его счастливым ты можешь заплатить мне долг, гораздо больший, чем денежный. Если ты можешь снова сделать его таким, каким ты его у меня взяла... да, да... Но, увы, это невозможно!» (см. Е. Carr. Цит. изд., стр. 108).

После этого Гервег послал Герцену пространное письмо в свою защиту. Герцен, не распечатав письма, отправил его обратно. Тогда Эмма еще раз написала Герцену, обрушиваясь с резкими нападками на Наталью Александровну, которую обвиняла во всем происшедшем.

Ответил ли Герцен на это письмо, ясно инспирированное Гервегом,— неизвестно.

Между тем, глубоко уязвленное самолюбие Гервега толкало его на новые и новые безумства. Он не переставал засыпать Наталью Александровну письмами, в которых, как писал потом Герцен, содержались «угрозы скандалами, убийствами» и пр.

В одном из своих ответных писем Наталья Александровна возмущенно восклицала:

«Ты рассуждаешь, ты размышляешь, ты взвешиваешь, ты судишь, как третье лицо, как судья! Ты упрекаешь меня моей прошедшей любовью... Ты прав, я любила слишком сильно!

Меня распинают на двух крестах... Я заслужила это, я любила сверх меры!

И теперь еще все мое существо состоит из одного только сердца, разорванного надвое, пригвожденного к двум крестам...— кровоточащего, изливающего потоки крови,— но ни кровь, ни любовь, которые, в сущности, нераздельны, никогда не иссякнут, никогда не прекратят усилий обеих половинок сердца слиться в единое целое; мое существование — не более как этот трепет, лишь благодаря ему я не умерла еще; и только когда мое сердце приобретет единство — я снова приду в себя; только тогда я буду в силах увидеться с тобой; ранее того — я неспособна ни к чему, ни к чему. Александр не препятствует мне — это я сама ничего не могу сделать».

«Если ты так спешишь найти выход или, вернее, конец,— писала Наталья Александровна,— убей меня! И пусть меня похоронят в двух могилах: предупреди меня, я напишу свое завещание. Убив меня, ты только лишишь моих детей верной собаки, остальные же ничего со мною не потеряют: я совершенно разбита.

Зачем же тебе, в таком случае, мой портрет?

Но ты получишь и его — первый же портрет, который окажется не карикатурой» (лл. 853—854).

Глубоко трагическое впечатление производят письма Натальи Александровны, в которых она описывает нравственную пытку, выносившуюся в это время Герценом.

«Все, что было живого, беззаботного, детского в Александре,— писала она,— я все, словно кожу, содрала с него, и вот он передо мной, весь окровавленный, живая рана... Боюсь, чтоб не коснулось его мое дыхание — ибо чувствую, как он страдает... Да не коснется его мое дыхание... и малейшее, что ему может напомнить... О, я словно лью ему яд на раны.

Георг! Я должна искупить эту утрату — ты не знал, а я боялась узнать, что в нем таится такая преданность, такая страстность. О! Твое сердце разорвалось бы, если б ты знал всё. И я сделала это, Георг, я сделала это; ты, быть может, знаешь, я же не знаю — каким образом, знаю только причину.

Если бы я его любила меньше, все было бы менее ужасно, если б у меня не было предчувствия, если б я не угадывала его страданий, этих страданий... о Георг!

Я рассказала бы ему тотчас же...

Но могла ли я тебя не любить?..

Я не умру до того, как покажу во всей чистоте, во всей святости эту любовь.

Я буду писать, если слов не хватит для того, чтобы засвидетельствовать это миру; что же касается Александра — я сделаю, я отдам все за каплю облегчения. О, такая великая любовь могла таиться лишь в безгранично преданном сердце.

Я не могу, я не хочу быть счастливой, я благословляю тот ад, в который ввергнет меня эта любовь и где я смогу черпать облегчение для всего, что люблю.

Ты говоришь мне: „Будь счастлива“ — ты знаешь, что счастлива я никогда не буду; я живу лишь для того, чтобы принести облегчение тем, кого люблю, а если я не смогу ничего более сделать, то буду кричать, что люблю,— и это должно облегчить безымянную жертву, ибо любовь моя безымянна...

Ты будешь получать от меня известия, где б я ни была. Однако я не могу писать часто!..

Ты говоришь, Георг, что мы не хотели причинять зла, о, конечно, мы не хотели этого! Нет! Нет! Но зло мы причинили!» (лл. 827—829).

«Я вижу, что ты *все еще* хочешь убить Александра или отправить его на каторгу, заставив его убить тебя, как ты требуешь.— Почему? Что он сделал тебе, этот друг, которого ты так любил и которого судьба захотела сделать из-за нас столь несчастным? Что же превратило твою любовь к нему в ненависть? Чем заслужил он это от тебя?.. Он высказал свое горе лишь в тех словах, которые надписал на твоем письме,— он их еще и теперь повторяет, *он знает правду* — и не хочет ничего более знать, он просил, он просит также дать ему время, я не обещаю тебе уговорить его прочесть хоть одно твое письмо, признаюсь тебе в этом откровенно. Конечно, *заставить человека* убить другого — легко, но я не понимаю, *зачем это*? Желание ли это умереть от отчаяния, от горя — тогда для чего же отправлять на каторгу *невинного* человека, которого мы так любили два месяца тому назад, которого мы сделали несчастным и который нам ничем не повредил, который не мстит, не хочет мстить, — чтобы показать ему свою любовь—есть тысяча способов помимо этого, я не понимаю этой твоей потребности. Досада, мщение — и больше ничего... И все это из любви ко мне, к детям, которых ты обожаешь... О, Георг, Георг...

И потом эта мелочность — это нас ты называешь „*богачами*“? Мне нечего возразить на это...» (лл. 866—870).

Полное примирение Герцена с женой выводило Гервега из себя. Он не переставал требовать, чтобы Наталья Александровна приехала к нему, бросив семью, или же покончила самоубийством. Он без конца упрекал ее за предпочтение, оказываемое Герцену, жаловался на одиночество, безденежье [58], а затем с яростью повторял сплетни и всякого рода измышления, невольно открывая перед Натальей Александровной главные недостатки своего характера,— болезненное самолюбие и ни с чем не сравнимый эгоизм.

«Где *ты, мой* Георг? Тебя нет более! — взывала она в письме 23 февраля 1851 г.— Тебя, быть может, никогда и не было!.. Не знаю ничего... Ты тень некогда бывшего, сон, если этого никогда не было! 〈...〉 Будь же мне другом хоть на мгновение, моим добрым другом 〈...〉

Я кричала тебе, но и без слов моих ты еще ранее видел, знал (а если ты не знал — не каменный ли ты? Ты не знал меня тогда, ты не любил меня тогда?), что я люблю тебя, люблю, но не в силах покинуть Александра и детей, что я не в силах убить его и начать новую жизнь с тобой на его могиле, — ты знал это, но кричал мне непрестанно: „Убей его! приди жить со мной или умереть со мной". — Жить и умереть — для меня одно и то же, ты знаешь это, но убить Александра, покинуть детей, Георг, *я не могла!* Ты должен был знать это *лучше меня* и не требовать от меня этого! Георг!!!

Наконец сердце мое было разорвано на тысячи и тысячи частей — я потеряла голову, мне надобно было время, спокойствие, одиночество, *молчание* — вот почему я просила тебя не писать мне *до того, как я попрошу тебя об этом* (каждое из твоих писем все более отдаляет меня от тебя, скрывает тебя, похищает тебя у меня). Я не предала тебя, я ничего не отрицала, я осталась *правдивой*, но была взволнована, разбита, слаба, больна, я перестала видеть отчетливо, я потеряла доверие к себе, мне захотелось найти себя вновь, я искала себя... Я хотела узнать и *тебя*, Георг, ибо я совсем не узнавала тебя, совсем, совсем, совсем!..

От тебя мне осталась лишь одна нить — твой эгоизм, все более и более возраставший и наконец оборотившийся каким-то змеем, пытающимся удушить меня, Александра, моих детей... Бред, бред! Безумие! Горячка!

Но я откровенна с тобой, я всегда была откровенна! *Всегда*! 〈...〉

Я была одинока — одинока — одинока — я собиралась уехать в Россию, мне нужно было повидаться с Натали [59], единственным существом, с которым я могла бы поговорить, которое поняло бы — *мне кажется*, что она поняла бы все в истинном виде, во всей чистоте,— мне надобно было *рассказать все*, ибо я не хочу умереть, не *рассказав*, я была уже готова, Александр искренне мне помогал в этом, но материальные препятствия остановили меня, я жду писем от Натали — быть может, она приедет сама... быть может, они приедут... быть может, я и сама еще отправлюсь туда.

Вот, Георг, всё, всё, у меня нет от тебя тайн — к чему эти тайны?.. у меня нет ни малейшего интереса к *собственным* делам — Натали больше не существует... Скажи мне откровенно, действительно ли необходимо для твоей семьи, чтобы мы покинули Ниццу, — и когда?..И ты считаешь, что я „неискренна с тобой?" — У меня есть деньги, которые мне не нужны — не могут ли они пригодиться твоей семье?— Быть может, ты отвергнешь их с презрением — сделай это, если не можешь поступить иначе, и я иначе поступить не могла — так прости же мне эту смелость! Прости во имя прошедшего 〈...〉 Я больна, не знаю, долго ли все это продлится и чем кончится...» (лл. 866 — 867, 870 — 872).

Новые и новые проклятья и угрозы Гервега приводили Наталью Александровну, и без того находившуюся в состоянии непрекращающегося нервного напряжения, в полное смятение. «Нет, нет и тени любви! Признайся! — писала она Гервегу.—Все твое поведение в последнее время было низко, недостойно,чудовищно, это не любовь... О, нет. Ужас! Ужас! У меня в душе оставался только ужас...

Не знаю, что и сказать тебе об этом...

Скажу — убей, убей всех, прикончи, я словно в бреду, ты заставляешь меня собственноручно разрывать на части сердце Александра, ты хочешь, чтоб я отдала своих детей госпоже Гааг и Шпильману... чтоб я умерла, не увидя близ них человеческого существа... О!.. о!.. Лучше мне умереть, *не приходя в сознание*... Исполни же это! *раз я ни в чем не могу тебе противостоять*... Умоляю лишь об одном: дай мне минуту, чтобы разобраться во всем... Мне трудно добиться ее, мне надобно много, долго работать для этого, может быть ты не согласишься предоставить мне более года — через год мы увидимся, — не знаю, для чего... чтобы заставить меня убить Александра или же...

Быть может, это явится казнью для всех троих?.. Из нас не может погибнуть один — он увлечет за собою всех. Однако пусть *я узнаю*, по крайней мере, *отчего мы*

гибнем, да, я обещаю, что мы встретимся через год,— ты приедешь туда, где я буду находиться,— не знаю еще, где я буду, ибо приходится покидать Ниццу, я поищу место, где детям будет лучше (...)

А мой Георг знает ведь, что такое мечта и действительность, он знает также, что бывают мечты, более действительные, чем сама действительность, он знает, что такое близость двух существ, даже если они разъединены — и ему приходилось мечтать и давать столько обещаний?.. Я его ни в чем не упрекаю, я знаю, что воля намного опережает силу; но теперь, когда он знает, что я нахожусь в таком состоянии... когда от него зависит постоянно ли казнить меня (во мне самой), подобно убийце, или же пролить каплю свежей воды на мой воспаленный язык в этом аду... если он любит меня, он подаст мне эту каплю, он мне ее подаст, пока я не приду в себя, пока я не...

Ах, но если я обращаюсь к тому эгоизму, который иногда ужасал меня и сделался колоссальным (я слишком справедливо сужу, чтобы называть эгоизмом желание обладать тем, что мы любим),—но если я обращаюсь к эгоизму, который не видит препятствия к этому обладанию, даже в том случае, если оно будет достигнуто *на пепле* всех *человеческих чувств*, *на пепле материнской любви*, на пепле любви, дружбы, привязанности (пусть называют это, как хотят!) двадцатипятилетней давности, целой жизни — к обладанию пеплом того, что он любит, если не может обладать живым...

Ужас! Ужас! Ужас!..» (лл. 874—876).

В ответ на новые циничные упреки Гервега, Наталья Александровна писала ему в это время:

«О! ты вовлекаешь меня в сферу, в которую я *никогда* не спускалась... Я задыхаюсь... *Ты ли* это? Если ты считаешь себя ответственным за то, что делает и говорит Эмма, ты вправе принимать на свой счет все, что адресовано ей.

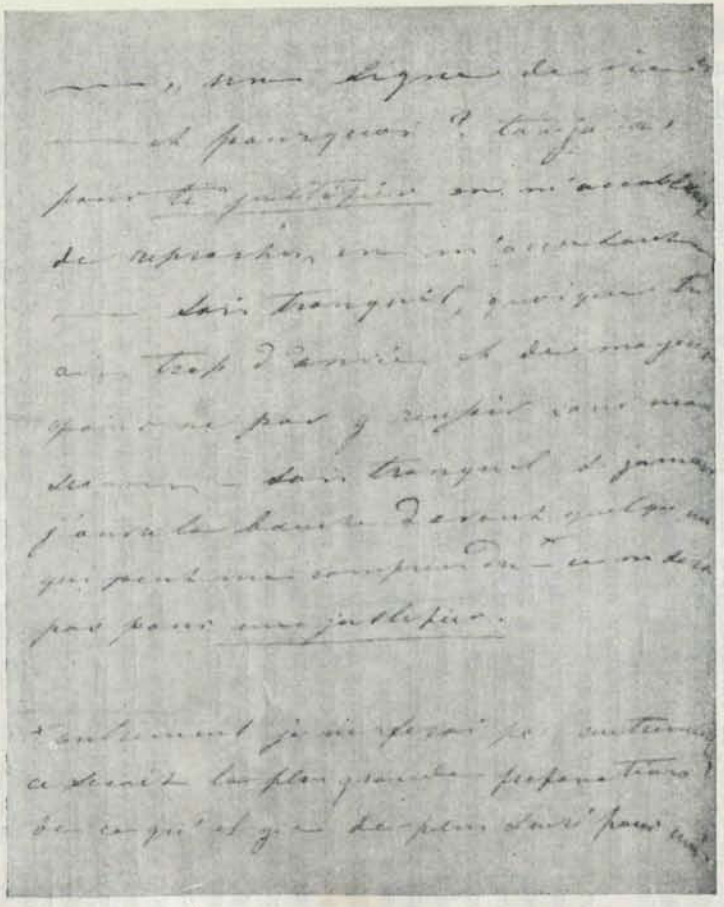
Я беру на себя ответственность за действия Александра, он никогда и никому не вымолвил и слова о *деньгах*; *никогда* не сказал *ничего* такого, что могло бы тебя *запятнать*, *как ты говоришь*, однако я не считаю себя ответственной за все сплетни разных кумушек и за все грязные предположения, высказанные самой Эммой. Однако я кончаю, я кончаю, не заставляй меня говорить, о, на коленях тебя умоляю! Никогда я так не унижалась! Георг! Сжалься! Не заставляй меня говорить!..

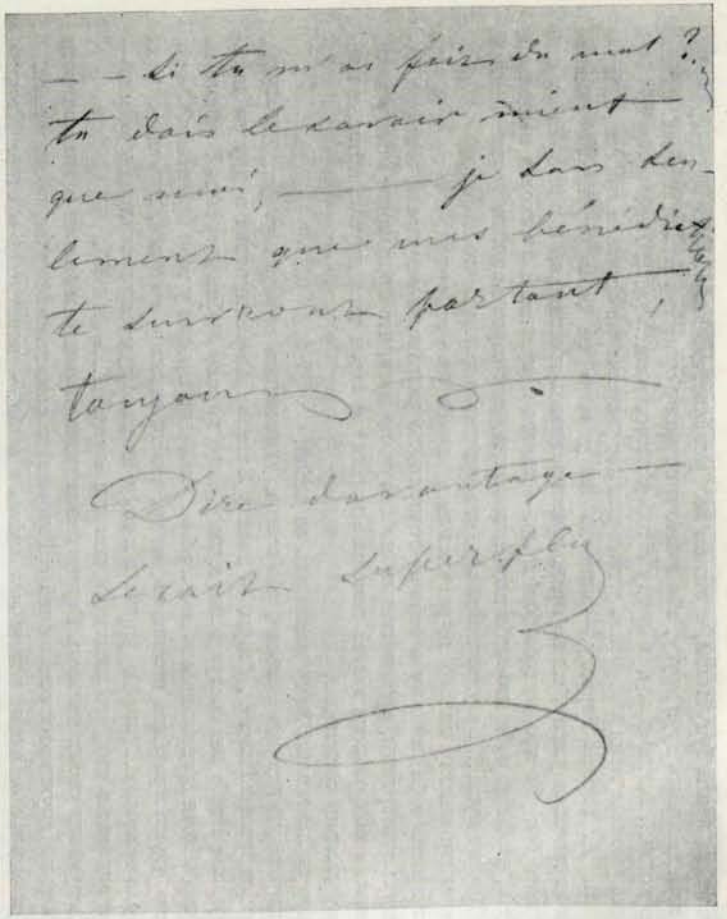
А *ты*? *Ты требуешь*, чтоб я высказала *всю правду* в ответ на все эти сплетни, на все эти грязные предположения, которые только могут быть высказаны. (Никто не посмел *мне* ничего сказать.) *Ты знаешь*, что моя репутация для меня ничего не значит, однако *эта любовь*!!!!!!!

Так это *ты* требуешь, чтобы я привязала Александра к позорному столбу, дабы помешать *повторению* того, что рассказывала сама Эмма, или чтобы помешать думать, что мы расстались по какой-либо другой причине...

И мой Георг требует этого? Так сделай же это» (лл. 872а —873).

«Я отвечу сначала на второе письмо, потом, быть может, на первое...— писала Наталья Александровна Гервегу в ответ на его новые инсинуации.— Да... Отвечать... но кому?.. Если б я писала тому Георгу, в которого верила, которого любила, я сказала бы ему: „*Мой Георг, я люблю тебя*". Но *ты знаешь*, как я люблю Александра, ты знаешь, что я всегда желала скорей умереть, чем причинить ему огорчение,— *я была вынуждена*, не знаю кем или чем, причинить ему боль... Моей слабостью, быть может... Просто сломить его, сломить... и теперь я не могу предупредить его гибель моей смертью — я хочу употребить свою жизнь на его излечение, *я хочу избежать всего, что может его убить,— я не могу поступить иначе*! И затем, вместо того, чтобы идти в монастырь, я спасаюсь в своих детях, я буду их служанкой, их псом, не больше,— ничем иным я не могу быть в этом мире!.. И ты — *остаешься собою*! а я — *твоя Натали*. Как бы далеко ты ни был — ты всегда здесь, со мной, во мне, ты меня никогда не покинешь, пиши мне редко, каждое из твоих писем — новый удар кинжалом в сердце Александра, который почти расщеплен надвое — как мало надобно, чтоб его растерзать совсем; твои письма убивают его... Он находится физически в таком состоянии, что я ежеминутно трепещу, и *ты знаешь*, что после его смерти *твоя* Натали не будет больше твоей, нет, убийца, не знающий пощады, действующий сознательно...

АВТОГРАФ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, 26 АПРЕЛЯ 1852 г.

Британский музей, Лондон

О! Я не знаю, чем я буду тогда, и это не воображение, это *действительность*. Но мы станем иногда писать друг другу, ибо иначе я не смогу существовать, и потом... потом, не знаю когда... когда смогу, я приду с тобой повидаться...» (л. 877б).

«Эмма умоляла меня выпросить у тебя для нее разрешение остаться вблизи тебя,— писала Н. А. Герцен Гервегу,— никогда ни у кого не было и мысли выставлять твоих детей на улицу, ты не прав, прислушиваясь к сплетням и повторяя их мне потом, хотя бы: „Да хранит тебя бог" и пр.— все это неправда. Ты никогда не должен допускать, чтобы до тебя что-либо доходило иначе, как через меня, это единственный путь... Другие пути... Не удивляйся же, что чувство иссякает, что... 〈...〉

Александр никому ничего не рассказывал, я тебе уже говорила, что он и рта не раскрыл против тебя, никому о тебе не говорил, но разговоры ведутся и, конечно, будут вестись; иностранцы, приезжающие из Генуи, не зная, что происходит между нами, рассказывают подробности вашей семейной жизни*, и затем твои друзья, которые приходят со своими советами...

Никто не заставлял Эмму следовать за тобой.

Никого не удивит ваш разъезд, ибо всегда удивлялись обратному» (лл. 877—881).

«Что касается кольца [60], Георг, — писала Наталья Александровна в другом письме,— неужели в тебе нет сострадания к тому, кого ты *так* любил и который ничего не сделал, чтобы хотя бы поколебать *эту любовь*. Чтобы он просил у тебя прощения? За то, что мы так ужасно разбили его жизнь, за то, что ты отнял у него все, вплоть до веры в дружбу, в человека... (это не упрек, и к тому же такой упрек относился бы ко мне)— но он, он виноват в том, что стал несчастным из-за тебя?...» (л. 885).

В следующих своих письмах Гервег неожиданно перешел к мысли о возможности возобновления дружеских отношений с Герценом и совместной жизни обеих семей.

«Я *сама уже не знаю, какова моя любовь к тебе*,— пишет ему в ответ Наталья Александровна,— я ищу в тебе его, того, другого, который... словом, *моего Георга* — и не нахожу его, я вижу всегда вас двоих, тебя и *его — но если бы я его и нашла, то не смогла бы* покинуть Александра в таком состоянии, в каком он находится. Я не смогла бы ни покинуть детей, ни отнять их у Александра; жить вместе при том, как все сложилось, невозможно! И еще с Эммой *я никогда не смогла бы жить вместе*» [61]. «Попробовать жить вместе!... — восклицает она в том же письме.— Александр, истерзанный, снедаемый собственным страданием, собственными подозрениями, которым не хотел верить, которые не хотел проявлять до последних дней. Пытаясь все время бороться с ними, он поминутно возмущался предательским поведением Эммы, с каждым часом терял он уважение и даже жалость к ней,— разве не замечал ты этого?.. Видя все время, как каждый с улыбкой осведомляется о несчастьях Эммы... После всего этого совместная жизнь?.. Предложить Александру сделать эту попытку — словно Эмме? *Он испытал ее также, на свой лад*» (лл. 889—890).

«Александр не убил тебя только из любви ко мне»,— восклицает Наталья Александровна в другом письме (л. 876).

К Эмме Гервег Наталья Александровна испытывает теперь непримиримую вражду.

«*Ты не можешь* любить Эмму так, как я люблю Александра,— пишет она Гервегу в ответ на его очередные восхваления жены,— никогда не признаю *я этого* равенства между тобою и мной! Ты никогда ее так не любил! Георг! Довольно! *Довольно разыгрывать роли*! *Я говорю*, как осужденная на смерть и *уверенная* в том, что буду казнена. Ты же говоришь, что я играю... Хорошо, говори все, что вздумается, *я же — готовлюсь к смерти*.

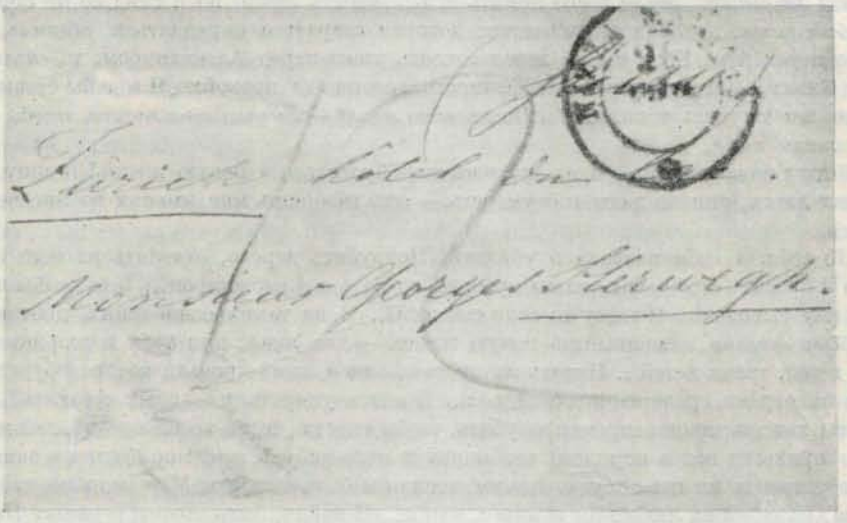
О, что за жизнь!!! Чего ждать еще?... И ты, Александр! О, я недостойна вас... я должна умереть. Я так прониклась этим убеждением, что вновь расцветаю подобно цветку, у меня разрумянились, раскраснелись щеки, глаза мои блестят, у меня больше не осведомляются о здоровье, говорят, что заметно, как я хорошо себя чувствую, что

* Говорят даже о дуэли...??? Мало ли о чем будут говорить еще! Заранее прошу тебя не считать меня ответственной за это. Не только до г-жи Гааг, Головина и *других* друзей, — Эмма дойдет и до слуг, она это делала всегда, а они пересказывают затем наиболее сокровенные *секреты* барыни. Ах, Георг! как я несчастна, что вынуждена говорить подобным образом... Я презираю себя.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

Ницца принесла мне столько пользы... Они правы, внезапно я стала хорошо себя чувствовать, у меня появилось столько сил... что не знаю, куда их употребить,— верхом, галопом... С каким энтузиазмом, с какой живостью ухватилась я за свое решение, ах, дыхание стало таким свободным... Я приведу в движение и тот и этот свет, чтобы исполнить твое желание, чтобы получить свободу и принести тебе в дар мою жизнь...

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

После твоего отъезда, можно было *ежеминутно* опасаться, что Александра хватит удар; отдаленный шум заставлял его вздрагивать, он был в ужасном состоянии. Георг,

КОНВЕРТ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА Н. А. ГЕРЦЕН К ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ, 26 АПРЕЛЯ 1852 г.

На конверте надпись неустановленного лица по-французски: «Последнее письмо Н. к Г. Г.»

Британский музей, Лондон

а я была истощена... я была словно в горячке, я не смела пошевельнуться у его постели...

Приезд Гораса[62]... Милый, милый ребенок, как обняла бы я тебя, как прижала бы к своему сердцу!.. Итак, Георг, его приезд — о милый ангельчик! — явился причиной такого припадка — не знаю, как сказать, я была в совершенно бессознательном состоянии и... вслед за тем еще письмо от Эммы. Ах, если б она тогда не вмешалась!..

Нет, я не одобряю Александра, написавшего о деньгах [63], но ты не можешь этим оскорбляться, Георг. Я же не смею становиться между Эммой и Александром... *Поверь мне*! 〈...〉

Что же, кто же мешает мне приехать к тебе?.. Никто, ничто!.. Разве Александр не предложил уехать первым? Разве не дал б он нам денег, чтобы мы могли жить спокойно?.. В тот же день, Георг, когда я ему сказала: „Мы любим друг друга", он предложил, чтоб я отпустила его, потому что оставаться вместе было невозможно, ты это понимаешь; мне кажется, что он просил тебя через Эмму предоставить ему три месяца, самое большее, чтобы придти в себя, чтоб убедиться, что это не бред, чтобы понять... Он просил тебя оставить все в покое на три месяца, в наших же общих интересах, чтобы всем придти в себя после подобной грозы... Что же могло внушить тебе тень

недоверия к нему и ко мне? Ничто, кроме твоего недоверия к себе самому; я не могла отпустить его в состоянии такого ошеломления... Должен был уехать ты, ты, из одного только уважения к себе, потом из уважения ко мне, да, Георг, ты должен был понимать, что значит для меня так разбить жизнь Александра, и должен был отступить перед этой горестью, столь законной, столь святой и великой; и потом—из уважения к *своему другу*. Почему же он стал тебе врагом с тех пор, как *я раскрыла ему* все его несчастье?.. ты должен был предупредить мою мольбу об отъезде и должен был сделать это даже *против моей воли*; нет, ты предоставил мне умолять тебя действовать *благородно* — не более того! И помнишь ли ты еще вдобавок свое поведение?.. Это не упреки, Георг, дорогой, дорогой, дорогой! Я ищу тебя, я ищу тебя, тебя! Где мой Георг?..

Нет, никогда, никогда я не пойму, как мог ты говорить Александру через Эмму,— говорить и писать ему и мне, что я должна удовлетворить тебя, потому что это я *вывала* твою любовь, это я — обещала прекрасную действительность... Не только Александр никогда не сможет после всего понять неизбежность этого, но я сама ее не понимаю. *Неизбежность*, которая защищается, которая старается оправдаться *обвиняя*... Неважно перед кем! Если ты не хотел сделать этого перед Александром, то *сделал это* перед Эммой.— И к тому же, неизбежность, говорящая первой: „Я мог бы остановиться, но это ты меня толкнула". *После всего этого — мне надобно многое, чтобы в тебе распознать тебя.*

Я едва волочу ноги — а ты просишь меня броситься в новую жизнь! Я ищу опору в своих детях, они не дают мне умереть,— а ты говоришь мне, что они во мне не нуждаются.

Не тебя, а себя назвала я убийцей! Подрубить дерево, отделить от него корни, сучья и бросить его — вот что ты просишь сделать с Александром... Или чтобы я оставила ему сыновей!.. Почему именно сыновей?.. И на таких основаниях, добавив *все, что было сказано*... основывать новую жизнь — для меня, для тебя и для половины моих детей, твоих детей... Питать их кровью, одной лишь кровью, которая будет струиться из сердца, разорванного надвое!.. И потом умереть и так их оставить?.. Нет, если ты хочешь меня непременно убить, чтобы спасти „честь твоей семьи", дай же мне время привести все в порядок, чтобы найти кого-нибудь, кто мог бы меня заменить, чтобы устроить их где-нибудь, где им могло бы быть хорошо. Мне надобно найти человека, который их любил бы немного, как я... Я найду, быть может; я увижу Натали, а если она не сможет — у меня есть другие подруги... ах...!

И отказать мне в этом! Отказать мне в том, чтоб я умерла *с миром*, заставить меня умереть, как преступницу, чудовище эгоизма... Чтобы даже в могиле не нашла я покоя, чтобы даже память моя была проклята моими детьми?..

И это мой Георг требует подобной смерти для *своей Натали*[я] (лл. 892—897).

Решение Гервега прислать в Ниццу Эмму с детьми глубоко возмутило и испугало Наталью Александровну.

«Твое письмо, Георг, Георг, что ты делаешь? — писала она 7 апреля 1851 г.— Дорогой, дорогой! Сжалься же надо мной и еще более — над собой!

Любовь ли, любовь ли это?..

Видишь, как *ты терзаешь меня?* 〈...〉 *Не понимаю, почему* ты внезапно стал гнать меня, ты кричишь: „Иди одна, иди, куда глаза глядят, больна ты или здорова, иди, иди, мне надобно быть там, где находишься ты (хорошо еще, что ты понимаешь или чувствуешь невозможность для наших двух семей оставаться теперь вместе), я ничего не слышу, я не желаю слышать причин, которые могут тебя остановить — иди, умри, но иди 〈...〉 У тебя есть деньги, следовательно ты можешь покинуть детей, если они даже больны, или увезти их с собой, если ты не можешь их покинуть, что тоже глупость!"

И это любовь, любовь!!!!

Брось деньги [64], возврати их мне, Александру, делай все, что хочешь, поскольку ты хочешь только того, чего хочешь *сам. Если я могу* еще просить о чем-либо, то пусть Эмма подождет моего отъезда прежде чем ехать сюда 〈...〉

Полно... Я сделала, Георг, невозможное, я уезжаю к 1 мая [65], город свободен. Ты кричишь теперь: „Оставайся, оставайся!" — Я оторвалась от детей, я отрываюсь от... И ты восклицаешь: „Это глупость! Тем не менее останься!"

Клянусь тебе, что я ничего не понимаю.

Мы покидаем Ниццу. *Не знаю*, куда мы уедем,— мы уедем туда, *куда сможем, чтобы поискать место, подходящее для детей.*

А потом — потом я отдам себя на растерзание псам... Ибо *после всего этого* я не достойна ничего лучшего 〈...〉

Подобно самуму, ты не даешь мне и минуты, чтобы придти в себя,— ты все сокрушаешь в моем мозгу, в моем сердце, в моей жизни, в моей семье...» (лл. 909—914).

Новые упреки Гервега, новые обвинения в том, что Наталья Александровна сама увлекла его, а теперь, сблизившись с мужем, оставила одиноким, беспомощным, под бременем ненависти Герцена, вызывают в Наталье Александровне резкое возмущение. Она открыто заявляет Гервегу, что глубоко обманывалась в нем, что он носил личину. «В моем уединении, начиная с детства и до двадцатилетнего возраста,— писала она Гервегу 12 апреля,— я создала себе *слишком* высокое представление о человеке, я взрастила в себе любовь к идеалу, *быть может* и не существующему. Жизнь дала мне все, что она может дать, но я была к ней неблагодарна; я осталась верна своему представлению, и никакая признательность не заставит меня примириться с чудовищностью, которой нет имени, в которой нет ничего человеческого, *которая ничего во мне не уважала*, которая не уважает и себя!

Я тебя увлекла!..

Ты умом постиг мой идеал больше, нежели кто-либо другой. Ты временами пытался воплотить его... И затем низверг меня так низко, как я никогда, никогда не падала. Никогда... Ты сделал новую попытку — и снова бездна, еще более страшная, чем прежняя...

Я осквернила свою любовь, как только стала сомневаться в твоей.

Если бы в тебе теплился хоть луч преданности или если б все являлось не чем иным, как... Не спешу произнести это слово, пока твои поступки не побудят меня к тому. Продолжай же действовать, совершенно не считаясь со мною».

Далее в этом письме вырезано (по-видимому Гервегом) пять-шесть строк, вероятно особенно резких и оскорбительных, после которых сохранились слова: «... и угрожаемая так часто. И так часто захватываемая врасплох» (лл. 917—918).

На следующее письмо Гервега, полное проклятий и, по-видимому, содержавшее угрозу открыть всем секрет их отношений, Наталья Александровна отвечала (13 апреля):

«Я ничего не в состоянии ответить тебе на эти кощунства...

Следующее письмо будет тебе возвращено 〈...〉

Довольно слов! Они доказывают, что ты — *это не ты.*

Я готова показать себя перед всей вселенной *такой, какая я есть.* Делай, *что хочешь*, я увижу, есть ли в тебе хоть малейшая тень чести» (л. 922).

Переписка, однако, на этом не оборвалась.

«Я жалею тебя, я жалею себя,— писала Наталья Александровна в одном из следующих писем,— и я так больна и несчастна — как нельзя более... Мы, может быть, заслужили это, но *другие?* Которые *так же* страдают? Вина ли в том твоя — или моя — я не знаю... Я знаю только, что больше не в состоянии ни писать тебе, ни читать твои письма.

Ведь было решено — одно письмо каждые две недели как единственное средство спасения для нас всех — ты знаешь, что произошло и куда это нас привело,— я требую этого срока, чтобы спасти себя от горячки и безумия, которые заслужила, я требую его для Александра, который не заслужил этого.— Придти тебе на помощь — я пробовала это тысячу раз, отдаваясь всецело телом и душой, жертвуя честью Александра, желая жить, умереть для тебя... Ты знаешь, что ты из всего этого сделал.

Ты взываешь опять: „Помоги мне", — скажи просто, в чем, как — я искренне тебе отвечу, могу ли это сделать *теперь.*

Не знаю, что заставило вас устроить жизнь подобным образом — если Ницца для вас была необходима, надо было об этом сказать во́время и сказать серьезно, а не в виде смутной фантазии 〈...〉

Каждое из моих слов — это поистине я сама. Советую тебе перечесть хоть частично мои письма — с самого начала нашей переписки» (лл. 925—926).

«Георг! — писала Наталья Александровна 18 апреля 1851 г. — Я доказала тебе свою любовь, разбив жизнь Александра, я доказала ему мое чувство, оторвавшись живой от тебя... Это было сделано без участия моей воли — она истощилась в борьбе..

Что будет со мною — не знаю.

Я останусь с детьми до самой смерти...

Я хочу жить, чтобы спасти Александра.

Я хочу жить, чтобы с тобой когда-нибудь встретиться.

Я хочу жить, чтобы любить, любить любить. любить〈...〉

Я приеду повидаться с тобой, когда смогу...

Жди меня.

До свидания» (лл. 927—932).

В начале июня 1851 г. Герцен, чтобы несколько отвлечься от своих мучительных переживаний, уехал в Париж, а оттуда в Швейцарию*. В Женеве он встретил Н. И. Сазонова, из разговора с которым выяснил, что Сазонову известна в подробностях от самого Гервега его семейная история, ставшая «европейской сплетней». Сазонов сообщил также Герцену, что, по словам Гервега, Наталья Александровна обещала ему, когда Герцен несколько успокоится, оставить его и уйти к Гервегу.

Утверждение Гервега, как доказывается процитированными письмами, было, *в сущности, лживо; Наталья Александровна обещала только встретиться с ним, чтобы* «по-человечески проститься» (обещание было дано с согласия Герцена), но обещания оставить мужа она не давала.

В состоянии, близком к помешательству, Герцен написал Наталье Александровне письмо, несшее «следы бешенства, отчаяния и недоверия».

«Лучше мне умереть, — писала ему в ответ Наталья Александровна,— вера твоя разрушена, каждое слово будет теперь вызывать в тебе все прошедшее. Что мне делать и как доказывать? Я плàчу и плàчу!» (изд. АН, т. X, стр. 270).

Следующими «кротко печальными» письмами Наталья Александровна пыталась уврачевать раны Герцена. Они условились, что съедутся ночью 9 июля в Турине.

Перед отъездом на это свидание, так поэтически воспетое впоследствии Герценом в «Былом и думах», Наталья Александровна 7 июля 1851 г. написала Гервегу следующее письмо, в котором подвела итог всему пережитому и перечувствованному.

«Георг,— писала она,— вот я еще раз появляюсь перед тобою такою именно, какая я есть на самом деле. Я думала, что нашла в тебе воплощение всех моих мечтаний, *я была ослеплена этим, перенесена в сферы, которых человеческое воображение едва* в состоянии бывает достичь... Нам пришлось расстаться. Исполненная благодарности к тебе и к судьбе за огромное счастье, я не хотела больше возвращаться к нему, видя, что оно не может сочетаться со счастьем Александра. Я хотела продолжать свою жизнь, связанную с его жизнью и жизнью детей. Ты угрожал мне, утверждая, что это будет гибелью для всех нас, и ты обещал нам спасение, гармонию, блаженство в совместной жизни; это обещание легло в основу всего: ты просил у меня позволения быть только собакой в моем доме, видеть меня лишь изредка... Ты говорил, что исчезнешь при первом же диссонансе.— Мне хотелось верить в это, я задыхалась от внутреннего голоса, повторяя тебе всегда: лучше умереть, чем доставить хоть одну мрачную минуту Александру.

Из твоих безумных писем я увидела, как ты продолжаешь разрушать покой Александра, не будучи в состоянии удовлетвориться. Я видела также, что ты не способен на малейшую жертву, что ты любишь только для самого себя... Тогда силы покинули меня, тогда я почувствовала себя готовой ко всему, и именно тогда я попросила тебя *поручить привести в порядок пистолет. Зачем оставил ты меня в живых — не понимаю* до сих пор... Твой отъезд, поведение твое после отъезда были более чем бесчеловечны; мой идеал был низвергнут, смешан с грязью. Ты пренебрег всем, всем, что есть для меня священного, попрал ногами; все обещания, мольбы — все было отвергнуто,— ты меня уничтожил. Но любовь Александра в то же время развернулась во всем ее величии, во всей преданности — во всей безграничности. А его страдания...

* Незадолго до своего отъезда он получил предписание Сардинского правительства покинуть Ниццу (см. «Лит. наследство», т, 63, 1956, стр. 407).

Он и дети помешали мне принять смерть, которую ты мне предложил, они удерживают меня еще и теперь, и если смерть не придет сама собой, или если ты, Георг, не пришлешь ее, чтоб оторвать меня от семьи,—я не покину семью, я в ней растворена, вне семьи меня нет больше...

Я страдаю от твоих страданий, я страдаю от них тем сильнее, что являюсь их причиною... Но поделать ничего не могу... Такова уж я от природы...

Отомсти, убей меня, если это может тебя облегчить... Если ты можешь,— я же помочь тебе не могу!..

Что же до сплетен, сообщаемых в письмах, никто не посмел произнести в моем присутствии даже единого слова, и мое святилище также не было осквернено, оно не приоткрылось ни для кого... Прошу тебя, перечти лучше *все* мои письма, чем говорить обо мне.— Да снизойдет мир на меня и на тебя!» (лл. 933—935).

Самолюбие Гервега,— писал Герцен, «было уязвлено, молчание для него было тягостнее всякого скандала, возвратившаяся тишина нашей жизни не давала ему покоя. Мещанин, как Орас Ж. Санда, он болтал в отомщение женщине, которую любил, и человеку, которого называл братом и отцом, и — мещанин-немец, он грозился мелодраматическими фразами, сочиненными на псевдошиллеровский лад» (изд. АН, т. X, стр. 285).

Бешеная кампания сплетен, шантажа, угроз, инсинуаций, поднятая супругами Гервегами против Герцена и Натальи Александровны после их окончательного примирения, подробно описана в «Былом и думах». Там же мы находим следующее письмо Натальи Александровны к Гервегу от 18 февраля 1852 г.:

«Ваши преследования и ваше гнусное поведение заставляют меня еще раз повторить, и притом при свидетеле, то, что я уже несколько раз писала вам. Да, мое увлечение было велико, слепо, но ваш характер, вероломный, низко еврейский, ваш необузданный эгоизм открылись во всей безобразной наготе своей во время вашего отъезда и после, в то самое время как достоинство и преданность А⟨лександра⟩ росли с каждым днем. Несчастное увлечение мое послужило только новым пьедесталом, чтоб возвысить мою любовь к нему. Этот пьедестал вы хотели забросать грязью. Но вам ничего не удастся сделать против нашего союза, неразрывного, непотрясаемого теперь больше, чем когда-нибудь. Ваши доносы, ваши клеветы против женщины вселяют А⟨лександру⟩ одно презрение к вам. Вы обесчестили себя этой низостью. Куда делись вечные протестации в вашем религиозном уважении моей воли, вашей любви к детям? Давно ли вы клялись скорее исчезнуть с лица земли, чем нанести минуту горести Алекс⟨андру⟩? Разве я не всегда говорила вам, что я дня не переживу разлуки с ним, что, если б он меня оставил, даже умер бы,— я останусь одна до конца жизни?.. Что касается до моего обещания увидеться когда-нибудь с вами,— действительно, я его сделала — я вас жалела тогда, я хотела по-человечески проститься с вами,—вы сделали невозможным исполнение этого обещания.

С самого отъезда вашего вы начали пытать меня, требуя то такого обещания, то другого. Вы хотели исчезнуть на годы, уехать в Египет [66], лишь бы взять с собою самую слабую надежду. Когда вы увидели, что это вам не удалось, вы предлагали ряд нелепостей, несбыточных, смешных, и кончили тем, что стали грозить *публичностью*, хотели меня поссорить окончательно с Алекс⟨андром⟩, хотели его заставить убить вас, драться с вами, наконец, грозили наделать страшнейших преступлений! Угрозы эти не действовали больше на меня — вы их слишком часто повторяли.

Повторяю вам то, что я писала в последнем письме моем: „Я остаюсь в моей семье, моя семья — Алекс⟨андр⟩ и мои дети", и, если я не могу в ней остаться, как мать, как жена, я останусь, как нянька, как служанка. „Между мной и вами нет моста". Вы мне сделали отвратительным самое прошедшее.— Н. Г.» (там же, стр. 290—291).

Этот исполненный энергии и достоинства документ, содержавший безоговорочное осуждение Гервега, был впоследствии, по желанию Натальи Александровны, публично прочтен Гервегу друзьями Герцена в ~~Генуе~~ Цюрихе.

26 апреля, получив от Гервега новое письмо, полное упреков и самооправданий, Наталья Александровна, тяжело больная и чувствовавшая скорое приближение смерти, написала ему следующую записку, оставшуюся, вероятно, неизвестной Герцену:

«„Признак жизни“ — а зачем? По-прежнему, чтобы *оправдываться*, осыпая меня упреками, обвиняя меня... Будь спокоен, хотя у тебя слишком много желания и средств, чтобы не иметь в этом удачи без моего участия,— будь спокоен: если я когда-нибудь открою рот перед кем-либо, кто мог бы меня понять*,— это будет сделано не для того, чтобы *оправдываться*.

... Причинил ли ты мне зло?.. Ты должен знать это лучше, чем я... Я знаю только, что мои благословения будут следовать за тобою всюду, всегда...

Добавлять к этому что-либо было бы излишне» (лл. 940—940а).

Это были последние слова, обращенные Натальей Александровной к Гервегу[67].

Она умерла через шесть дней, 2 мая 1852 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. письмо Герцена к Прудону от 6 сентября 1852 г. (VII, 136).

[2] Предпринятая Герценом впоследствии (через Орсини) попытка выменять свои письма (и, возможно, письма Натальи Александровны) на адресованную ему корреспонденцию Гервега закончилась неудачей (см. VII, 96—98).

[3] Имя Герцена упоминается в этих письмах к Эмме Гервег (без дат) несколько раз: «Александру также несколько нездоровится» (л. 321); «Александр и Георг обедают вместе в городе» (л. 345). Два упоминания связаны с посещениями (вместе с Герценом) М. Л. Огаревой: «Тата сильно кашляет, она не пойдет ни обедать, ни вечером к г-же Огаревой — Александр там будет и, вероятно, Николай ⟨Сазонов⟩» (л. 341); «Я сама утомлена и грустна: вчера провели мы вечер у маменьки с г-жой Огаревой — у меня всегда сжимается сердце при виде ее — бедняжка! Я не могла удержаться и проплакала весь вечер; она даже не подозревает, какое впечатление производит ее веселье или, вернее, ее безумие — тем лучше, это принесло бы ей еще одну неприятную минуту. Она очень желала бы как-нибудь прийти со мною к вам; скажите, приятно ли это вам будет?» (л. 238а) О сношениях Герценов с М. Л. Огаревой см. выше, в основной публикации.

[4] Вероятно, вскоре после отъезда Герцена написана записка Натальи Александровны к Эмме Гервег, где встречаются следующие строки: «Я прошу Георга отправить сегодня вместе с его письмом и мое. Я получила еще одно письмо от Александра, он шлет вам привет» (л. 325).

[5] Описание первой своей прогулки по Женеве с Герценом и Гервегом, сделанное Натальей Александровной, см. выше, в основной публикации.

[6] Возможно, что речь идет о том Полонском, упоминание о котором см. ниже, в письме Н. А. Герцен к Т. А. Астраковой.

[7] По поводу этого же П., принимавшего, как теперь устанавливается, участие в горной экскурсии с Герценами и Гервегом, Наталья Александровна писала Эмме в том же письме:

«Я обещала ему (по его просьбе) никогда никому ничего не говорить о том, что происходило во время его пребывания в Женеве, однако оборотная сторона его письма заставляет меня нарушить это обещание — он вообразил, что Александр и Георг презирают его и насмехаются над ним; мысль эта занимала его в течение всей нашей горной экскурсии, он страдал от нее физически и нравственно, я боялась даже, что он заболеет и совсем сойдет с ума. Я вынуждена была наговорить ему множество вещей, даже весьма жестких, по этому поводу, чтобы заставить его придти в себя; между прочим, я сказала ему, что это происходит из-за его ограниченности —так заблуждаться в этих двух людях! Мне, кажется, удалось убедить его в том, что он не заслуживает ни собственного, ни чьего бы то ни было презрения. Что же касается его любви, я никогда не замечала ее — разве только в его письмах к вам, и в последнее время меньше, чем когда бы то ни было» (л. 356).

[8] Ревнивое чувство к Наталье Александровне Эмма Гервег впервые высказала мужу накануне его отъезда с Натальей Александровной в Женеву — после пикника в Сен Клу.— См. E. Carr. Изд. 1-е, стр. 57.

[9] «Наш проект новых экскурсий,— писала Наталья Александровна Эмме 20 августа,— нарушен, во-первых, прибытием Вилль д'Аврэ, обитательница которого ⟨так Наталья Александровна называет здесь мать Герцена, снимавшую дачу в Вилль д'Аврэ под Парижем⟩ заболела на второй же день по приезде, затем заболеванием Александра II ⟨т. е. Саши Герцена⟩» (лл. 358—359).

[10] Помимо этого знака ∧, Наталья Александровна постоянно употребляла условный знак ×, означавший высшую точку их единения.

[11] В этом же письме Наталья Александровна отмечала, что вместе с радостями

---

* Иначе я бы этого не сделала — иначе это было бы величайшим осквернением того, что остается самым святым для меня.— *Примеч. Н. А. Герцен.*

она переживала и мучительную внутреннюю борьбу и страдания. «Я думала, что *источником этого* было *отсутствие доверия к тебе*» (л. 726).

[12] За несколько дней до их отъезда Наталья Александровна писала Эмме: «Наши мужья скоро отправятся на трех- или четырехдневную экскурсию, я остаюсь с детьми, Саша еще не в состоянии ходить» (л. 342).

[13] Описание этой же экскурсии, сделанное Герценом, см. выше, в основной публикации. В недатированном письме к Т. А. Астраковой Н. А. Герцен также писала об этой экскурсии: «1-го октября мы были на Mont Anvers и в ледниках, в Шамуни. Все эти впечатления новы, а все новое, если оно не неприятно,—приятно потому уже, что ново. Но только ты настрадалась бы, моя Таня, видя меня и Сашу на мулах, едущих на краю пропасти, один неловкий шаг — и вдребезги; но, говорят, никогда не случается этих неловких шагов, так часто путешествуют тут, мулы очень привыкли. Мы ездили туда по проливному дождю. Александр, чтоб сократить сход, катался иногда кубарем по камням вниз, теперь еще тело в огромных синих пятнах» (цитируется по фотокопии с автографа, хранящегося в архиве Колумбийского университета—Нью-Йорк).

[14] *Гиджра* — здесь в смысле «бегство».

[15] Документы Гервега и Герцена были отосланы в Берн для получения визы во французском посольстве. Гервегу, как известно, в визе было отказано.

[16] Вероятно, Наталья Александровна имеет в виду некоторых немецких политических эмигрантов, докучавших им в Париже своими посещениями.

[17] Письма Гервега к Наталье Александровне, за исключением одного письма (см. XIV, 36—37), не сохранились. Надо думать, что она сама их уничтожила. Несколько из известных в печати писем Гервега обращено одновременно к ней и к Герцену.

[18] 21 же декабря была написана следующая записка Натальи Александровны к Гервегу (из Цюриха) на русском и французском языках:

«Что желать, мой милый ученик? Пишите мне скорее, много, я жду письма, очень жду. Когда увидимся?.. Пока жму крепко руку. Разлука — скука, тоска!..

Я в восторге от успехов Коли.— Мы можем продолжать здесь заниматься русским языком. Ваша всей душой Н а т а л и. Послезавтра или через два дня вы увидитесь с Александром» (л. 405).

[19] Под «*лягушками*» здесь и ниже Наталья Александровна подразумевает людей с низменными интересами.

[20] Об этом условном значке см. выше, в примеч. 10.

[21] *Сильвине и Фадетта* — герои повести Жорж Санд «Маленькая Фадетта», с которыми отождествляли себя Гервег и Наталья Александровна.

[22] Среди бумаг Гервега сохранилась следующая записка Натальи Александровны, без даты, вероятно написанная накануне ее отъезда в Париж: «Александр *остается* в Париже на два или три месяца; я думаю, я почти уверена, что вы ничего не сможете в этом изменить. Я хотела бы уехать в среду (Александр болен) — повторите еще раз, должна ли я ждать. До свиданья» (л. 125).

[23] В недатированном письме от марта 1850 г. Наталья Александровна писала Гервегу: «Тургеневу, разумеется, я уж дам книжное поручение». О книжных поручениях И. С. Тургеневу, к которому Наталья Александровна относилась с явным недоброжелательством, встречаются упоминания и в дальнейших письмах.

[24] *Л. И. Гааг* — мать Герцена.

[25] Речь идет о какой-то критической статье, посвященной книге А. П. Милюкова «Очерки истории русской поэзии» (СПб., 1847).

[26] Какую книгу имеет в виду Наталья Александровна — не установлено.

[27] «Cadet de famille» («Младший в семье») — роман, о чтении которого несколько раз упоминает Н. А. Герцен.

[28] Во французской приписке к этому письму Н. А. Герцен горячо опровергает слова Гервега, назвавшего себя «разжалованным членом» «Гнезда близнецов» (Bessonnière): «Нет, дорогой Сильвине, вовсе не „разжалованный член" Гнезда близнецов! Оно только и жаждет, чтобы вовлечь вас в свою орбиту * и расцеловать. Ваша Н.».

[29] «*Il matrimonio segreto*» («Тайный брак») — опера Чимарозы.

[30] *Zéba* — героиня романа «Cadet de famille» (см. примеч. 27).

[31] Любопытно отметить аналогичную оценку внешности французских буржуа в «Consolatio» («С того берега»), в реплике русской дамы (прототипом которой, вероятно послужила Наталья Александровна): «Я это знаю и нисколько не удивляюсь глупым ртам, жирным лбам, дерзко вздернутым и глупо висящим носам, они мне просто противны» (изд. АН, т. VI, стр. 96).

[32] См. E. C a r r. Цит. изд., стр. 72.

[33] Н. А. Герцен имеет в виду переписку по поводу запрещения, наложенного на вексель матери Герцена.

[34] К этому времени относятся следующие, не совсем ясные строки в одном из писем Натальи Александровны к Гервегу от 28 марта 1850 г.: «Я занимаюсь тем, что *изобретаю* „прекрасную русскую пьесу", поскольку таковой у нас нет» (л. 508).

* Вместо слова «орбиту» в рукописи значок, изображающий спираль.— *Л. Л.*

[35] См. в основной публикации другое письмо Натальи Александровны по этому же поводу.

[36] Кого имеет здесь в виду Наталья Александровна — неясно.

[37] «*Близнецом*» Гервег называл Герцена.

[38] *Ландри* — персонаж «Маленькой Фадетты» Жорж Санд, именем которого Гервег и Н. А. Герцен называли Герцена. См. выше примеч. 21.

[39] В письме от 6 мая 1850 г. Наталья Александровна также извещала «дорогого близнеца», что он получит через несколько дней «кое-что на русском языке из сочинений Александра и Тургенева» (л. 567).

[40] Упоминаемый в этой шутливой приписке *Нидерерубер* — австрийский эмигрант, впоследствии уличенный в связях с парижской полицией (см. изд. АН, т. XI, стр. 200—204). *Оберлауерер* — личность, вероятно, вымышленная. По-видимому, Герцен произвел ее от немецкого глагола lauern — подстерегать, намекая на то, что Эмма Гервег подвергается полицейской слежке.

[41] Наталья Александровна получала в Париже «неофициальные» письма от Гервега через Адольфа Рейхеля, а также через Эмму, в конвертах, ей адресованных. Она писала в это время Гервегу: «*Часто* относят твое письмо к Эмме раньше, чем я успеваю извлечь свое» (л. 588).

Характерно, что Эмма сама предложила доставлять письма Гервега Наталье Александровне. «Я не постороннее лицо,— писала она Гервегу,— моя роль, быть может, унизительна по отношению к вам. Но, по крайней мере, будет пощажен Александр». При этом Эмма умоляла Гервега «не ставить в зависимость жизнь Герцена и его собственную жизнь от осторожности постороннего лица» (Е. Сагг. Цит. изд., стр. 73).

[42] «*La Bessonnière*» — название хутора в повести Жорж Санд «Маленькая Фадетта», где жили близнецы Сильвине и Ландри.

[43] О причинах отъезда Эммы см. выше, в основной публикации.

[44] День рождения Гервега. Наталья Александровна шутливо поздравила Гервега 28 мая словами: «Я благодарю вас от всей души за то, что вы дали себе труд явиться в сей мир» (л. 608).

[45] Неточная цитата из «Zahme Xenien» («Кротких ксений») Гёте.

[46] В другом письме, от 1 июля, Наталья Александровна шутливо писала: «Александр не служит в тайной полиции, однако он у себя держит письма иногда по два-три дня вместо того, чтобы тотчас же их отправлять» (л. 643).

[47] В другом, более позднем письме к Гервегу Наталья Александровна уверяла его, что приезд «старух» не только не помешает им, но, наоборот, даже удобен (л. 706).

[48] *Г-жа д'Агу* — прежняя возлюбленная Гервега.

[49] Наталья Александровна писала в это время Гервегу: «*Советую тебе* написать Эмме и Александру, что тебя удерживает нездоровье» (л. 713). Подобный же совет встречается и в другом ее письме (л. 714).

[50] В этом же письме, с большой холодностью характеризуя свои отношения со свекровью, утверждая, что отношения эти весьма натянуты, Наталья Александровна пишет: «Они ⟨т. е. мать Герцена и М. К. Эрн⟩ воображают, что я всех от них удаляю, особенно теперь, когда г-жа Гааг принимает тебя за своего душевного друга,— конечно, ни я, ни Александр *никогда* не были и наполовину столь *любезны* с ними, как ты ⟨...⟩ Никто не занимается здесь этими старухами; из приличия было сказано однажды, что пора приезжать,— и это было сделано с мыслью, что ты приедешь с ними. Поэтому *они* отлично знают, что наши приглашения *ничего* не значат. А что я желаю видеть Колю — это естественно» (лл. 715—718).

[51] Еще раньше Наталья Александровна писала Гервегу: «Ты видишь, как бесполезна откровенность с Эммой... Она знает *всё* и *ничего* не знает... Это только профанация, это только пытка для нее и пытка для меня...» (л. 664).

[52] Письма Герцена к Гервегу за это время см. выше, в основной части публикации.

[53] О ком идет речь — неясно. Возможно, что о матери Герцена или же М. К. Эрн.

[54] Отметим следующую записку, посланную в эти дни Натальей Александровной Гервегу: «Позавчера я просила передать тебе при Александре, что тебе не надобно ожидать пока я пришлю за тобой, что в полдень я всегда бываю готова, поэтому приходи, не ожидая. Я думаю, что это будет прекрасный день. Осыпаю тебя поцелуями...» (л. 819).

[55] Отметим, что в «Былом и думах» также излагается история с «вычищенным пистолетом», выставляющая Гервега в чрезвычайно жалком виде. На утверждение Натальи Александровны, что Гервег «*на один шаг от самоубийства*», Герцен иронически осведомляется: «Ты веришь? — Я уверена,— отвечает она.— И он сам это говорил? — Сам и Эмма. Он вычистил пистолет». Герцен расхохотался и спросил: «Не баденский ли? Его надобно почистить: он, верно, валялся в грязи» (изд. АН, т. X, стр. 260—261).

[56] Какую надпись сделал на письме Герцен — остается неизвестным.

[57] Письмо Герцена к Э. Гервег от 21 января 1851 г., в котором он, отказываясь от переписки с нею и, противопоставляя свое поведение ее поведению, писал: «Вы участвовали в заговоре, как сами признались мне в этом; вы каждый день пожимали

руку друга, помогая его гибели и губя ваше собственное достоинство. Вы приняли участие в том, чтобы сделать несчастным человека, после того как содержали на его средства всю свою семью и заплатили свой долг его деньгами ‹...› Из моих уст никогда не вырвалось ни одного слова против Н‹атали›, я не втаптывал ее в грязь, как это вы делали со своим мужем в разговорах со мной.— У меня хорошая память, сударыня, и ни одного слова не вырвется из этих уст, потому что я люблю ее любовью высокой и гордой, потому что знаю, что ее любовь ко мне велика и что она остается. Вы же не были избалованы в этом отношении».

«Примите мои искренние пожелания,— писал он в заключение,— не продолжать переписку, кроме случаев, если у вас будет *действительная* нужда в деньгах,— я доставлю себе удовольствие вам их послать» (VII, 153—155).

Среди бумаг Гервега сохранился следующий счет, написанный рукой Герцена с его припиской, адресованной Эмме Гервег (относится к началу января 1851 г.):

«Payé à Jeannette à Mallard au docteur	380
Les plans p‹our› les enfants	65
Gymnastique et Jenny	45
Pour m-me Reichel d'après l'ordre de madame	50
A Chartreux	600
Pour d'autres comptes	50
	1190

Ma mère ne veut rien pour les leçons de dessin, elle vous les offre et j'ajoute les 300 fr‹ancs› qui resteront chez moi en lettre de change sur m-r Avigdor.

Jeannette a voulu faire des emplettes, mais je n'ai pas eu le courage de les lui permettre.

A. H.».

Перевод:

«Уплачено Жаннете Маллару доктору	380
Таблицы для детей	65
Гимнастика и Дженни	45
Госпоже Рейхель по распоряжению мадам	50
Шартрё	600
По другим счетам	50
	1190

Моя мать ничего не хочет брать за уроки рисования, она их дарит вам, я прибавляю *300* фр‹анков›, которые останутся у меня в векселе на имя г. Авигдора.

Жаннета хотела сделать кое-какие покупки, но у меня не хватило духа разрешить ей их.

А. Г.».

Обстоятельства, при которых был написан публикуемый документ, легко устанавливаются по «Былому и думам». Изгоняя из своего дома супругов Гервегов, Герцен, по просьбе Э. Гервег, предоставил ей, помимо данных взаймы ранее 10 000 франков, еще 1100 франков на дорогу и для расплаты с долгами. После отъезда Гервегов их горничная Жаннета оставалась в Ницце в доме Герценов еще два дня и должна была с их вещами ехать на пароходе в Геную.

«На другой день утром Жаннета тихо отворила дверь и спросила меня,— пишет Герцен,— может ли она взойти и поговорить со мной наедине. Этого никогда не бывало; я думал, что она хочет попросить денег, и готов был дать.

Краснея до ушей и со слезами на глазах, добрая провансалка подала мне разные счеты Эммы, не заплоченные по лавочкам, и прибавила:

— Madame приказывала мне, да я никак не могу этого сделать, не спросившись вас,— она, видите, приказывала, чтоб я забрала в лавках разных разностей и приписала бы их в эти счеты — я не могла этого сделать, не сказавши вам.

— Вы прекрасно поступили. Что же она поручила вам купить?

— Вот записка.

В записке было написано *несколько кусков полотна, несколько дюжин носовых платков и целый запас детского белья*» (изд. АН, т. X, стр. 266).

Об отказе произвести эти покупки и сообщает здесь Герцен.

На обороте письма рукой Э. Гервег надписано по-французски:

«Прибавить

45 франков, уплаченные за меня г-жей Гааг за уроки рисования Гораса в течение $1^1/_2$ месяцев, и 900 франков прибавить к счету господина Герцена за наше содержание в течение 6 месяцев».

[58] Наталья Александровна решилась послать Гервегу 500 франков своих личных денег. Гервег обиделся, но деньги, кажется, не вернул.

[59] *Натали* — Н. А. Тучкова.

[60] Что именно должна была сделать и с каким кольцом Наталья Александровна по требованию Гервега — не ясно. Возможно, что Гервег требовал от Натальи Александровны ее обручальное кольцо. Несколько ранее она писала Гервегу: «Я скрываю до настоящего времени *кусок* кольца, я часто его целую, но стараюсь, чтоб Эмма не видела его, это бы ее слишком рассердило» (л. 703).

[61] «...точно так же, я думаю,— пишет далее Наталья Александровна,— дева Мария не могла бы переносить вид тех, которые оскорбили Иисуса Христа».

[62] В «Былом и думах» Герцен сообщает о бестактном поступке Эммы Гервег, приславшей к Герцену на несколько дней своего сына, вскоре же после своего вынужденного отъезда из дома Герцена (см. изд. АН, т. X, стр. 265—266).

[63] См. примеч. № 57.

[64] Речь идет, по-видимому, о 500 франках, отправленных Натальей Александровной Гервегу (см. примеч. 58).

[65] Несколькими днями ранее Наталья Александровна писала Гервегу: «Я гибну... Георг, бедный мой Георг. Слишком поздно. *Ты довел до того*, что мы вынуждены покинуть Ниццу, во всяком случае в конце этого месяца или еще раньше, если возможно — чтобы поехать... мы еще не знаем куда... *Куда сможем* ⟨...⟩ Я увезу с собой только Тату» (лл. 884—885).

[66] Мысль отправиться в Египет, вероятно, возникла у Гервега потому, что туда незадолго до того уехал Шарль-Эдмон Хоецкий.

[67] На конверте этого письма, адресованного в Цюрих, «Отель дю Ляк», надпись по-французски: «Последнее письмо Н⟨атали⟩ Г⟨еоргу⟩ Г⟨ервегу⟩». Дата этого письма установлена Е. Карром по почтовому штемпелю. На фотографии, имеющейся в нашем распоряжении (см. стр. 309 настоящего тома), месяц и год не поддаются прочтению. Среди бумаг Гервега сохранилась также рукописная копия этого письма на бумаге середины XIX века с кружевным бордюром, озаглавленная: «Последнее письмо Натали Герцен Георгу Гервегу, написанное 26 апреля 1852 года». В конце копии указана дата почтового штемпеля: «Ницца 2 мая 1852 года» и приведен текст следующей записки Эммы Гервег к мужу на немецком языке: «Натали умерла сегодня в 7 часов утра, а мальчик вчера в час. Умоляю тебя, дай о себе знать, черкни хоть слово с обратной почтой. Твоя Эмма. Ницца, 2 мая 52» (л. 943).